

Берлинская операция... И пришла Победа

Иркутск
2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.13
Б 27

Издание осуществлено при поддержке
Министерства по физической культуре, спорту
и молодёжной политике Иркутской области

П.В. Никитин – председатель редакционной коллегии.

В.И. Белобородов – заместитель председателя.

А.Н. Черных – ответственный секретарь.

Редакционная коллегия: Н.А. Алфёров, И.Н. Баканова, Г.В. Дубянский,
Ю.П. Перфильев, Б.А. Преловская, В.Д. Сидоренко, В.П. Ступин, Ю.Б. Тюпышев,
С.В. Трофименко, Г.И. Хвощевский, А.Н. Черных.

Б 27 Берлинская операция ... И пришла Победа: Сборник воспоминаний жителей Иркутской области о трудных годах завершающего периода Великой Отечественной войны. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2013. 408 с. илл.

Книга состоит из девяти разделов, которые охватывают завершающий период Великой Отечественной войны. Берлинская операция была самой сложной и самой грандиозной в течение всей Второй Мировой войны. Используя историко-этнологический подход, составители сборника, на примерах и судьбах конкретных людей, показали мужество и храбрость сибирских воинов, стойкость и самопожертвование тружеников тыла.

Настоящее издание органично продолжает рассказ о военных подвигах генералов и простых солдат – уроженцев Иркутской области, – начатый в сборниках воспоминаний «Они ковали Победу», «Сибиряки у стен Сталинграда» и «Курская битва». Через воспоминания участников фронта и тыла создается последовательное изложение событий всей Великой Отечественной войны.

Книга предназначена в первую очередь для молодежи. В ней с позиций сегодняшних знаний объясняются многие события военных действий, в которых участвовали наши земляки, наши родные и знакомые. Без сохранения памяти о тех далеких годах, сегодня немислимо воспитание гражданина, подлинного патриота и защитника нашего отечества.

ISBN 978-5-90584788-2

© Иркутское региональное отделение
«Российского Союза ветеранов», 2013

Нашей памяти жить вечно

Сохранение памяти народа о Великой Отечественной войне является условием существования и развития нашего современного общества. Как малые реки, речки и ручьи наполняют Сибирское море – Байкал чистой водой, так и воспоминания очевидцев о том тяжелом, но героическом времени должны наполнять сознание сегодняшних жителей Иркутской области. Мы обязаны ответить – зачем мы здесь живем, понять преемственность поколений. Сейчас это долг каждого сибиряка.

Берлинская битва проходила за тысячи километров от Иркутской области, но память и благодарность не знают расстояний. Если мы смогли победить тогда, то победим все трудности и сегодня.

Ни одна книга не может вместить всего, что сделал наш народ в годы Великой войны. В битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской Дуге и в болотах Белоруссии, у морского берега Крыма воины-сибиряки показали свою храбрость, стойкость и умение. Последней точкой в этой героической эпопее было взятие Берлина – столицы «тысячелетнего рейха». Ломая сопротивление врага войска продвигались к центру города – имперской канцелярии и рейхстагу. Берлинская группировка противника находилась в полном окружении. Судьба вражеского гарнизона была предрешена и дальнейшее сопротивление приводило к ненужным жертвам и разрушениям. Вместе с многочисленными воинскими частями в этих боях участвовала и Иркутско-Пинская дивизия. Воины-иркутяне, бывшие в передовых боевых порядках, пробивались к центру города. Танкисты и пехотинцы – все стремились вперед. Добить врага, завершить справедливое возмездие над теми, кто четыре года назад посягнул на их Родину.

И вот пришел этот памятный день! 30 апреля 1945 года воины 3-й ударной армии генерал-полковника В.И. Кузнецова овладели основной частью здания рейхстага и над его куполом подняли Красное знамя Победы.

Истоки мужества иркутян сосредоточены в их отношении к Родине, к своему народу. Современники всегда будут чтить память о погибших, с большой благодарностью и любовью вспоминать о своих защитниках, которые выходили на бой за свободу и независимость Отечества. Сегодня эти чувства скрепляют наш народ и дают ему надежду на будущее.

Первый заместитель Председателя Правительства Иркутской области В.В. Игнатенко

Предисловие

День Победы – самый светлый и радостный праздник российского народа. Он вобрал в себя четыре года яростных боев, тяжелую горечь потерь и счастье побед. Семьдесят лет отмерило время от тех дней. Семьдесят лет – это целая человеческая жизнь! Мы знаем о нашей Победе потому, что существует чудо человеческой памяти, границы которой в сохранении правды об этой Войне беспредельны.

Досталась Победа нам нелегко. И не о ней вначале наш рассказ, а о том, как готовилось каждый день, каждую минуту всеми нашими людьми это общее дело.

Российский народ и другие братские народы бесстрашно вступили в смертельную схватку с врагом под руководством Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования.

Особо стоит сказать о наших земляках. Сибиряки, в том числе и жители Иркутской области, мужественно защищали Родину с самых первых дней войны. Многие пошли на фронт добровольно, оставив дома старых, немощных родителей, жен и маленьких детей. Они знали – так было надо! В боях под Москвой рождалась Сибирская гвардия. Твердо укоренилось мнение, что «...высокие правительственные награды сибиряки получают недаром. Они по природе смелый народ, отличающийся исключительной выносливостью... В их груди бьется пламенное сердце свободолюбивых людей». Мы были признаны народом в составе российского. По численности не большим, неброским, как палец на руке, но на руке правой.

Восхищаясь мужеством стоящих насмерть сибиряков, Василий Гроссман сказал: «Только глаза со стороны могут оценить всю железную силу сибиряков, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжелый жребий людей, занявших смертельную оборону. Что-что, а воля у сибиряков действительно была прочной, кроме всего отличались они и крепким сибирским характером». Хочется добавить и крепким здоровьем, которому нипочем холод и голод на передовой.

Жители Иркутской области дрались за каждый метр родной земли в обороне и в наступлении. После победы под Курском, стратегическая инициатива окончательно перешла в руки нашего командования, но на пути освободителей лежали захваченные Украина и Белоруссия, Прибалтика, Польша, Чехословакия и наконец сама Германия, вобравшая в себя Австрию, Восточную Пруссию и часть Франции. Немецким нацистам помогали Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Финляндия. Из предателей народа были созданы Российская Освободительная Армия. В Западной Украине российских воинов исподтишка убивали националисты, тоже самое было в Эстонии, Латвии и Литве. Но воля наших бойцов, талант и опыт полководцев преодолели все преграды на пути к Победе.

**Боевой путь воинов-сибиряков
после перелома войны**

(Завершающие военные действия 1944–1945 гг.)

*Гвардии Старшины Сержанты
Михайлович Дмитрий Иванович Усачев*

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза товарища Сталина
от 16. апреля 1941 г. № 57

за *освобождение Риль*
всему личному составу нашего соединения, в
том числе и Вам, принимавшему участие в
бою. **ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.**

КОМАНДИР ЧАСТИ *Б. С. Сидоров*

(подпись)

**МЫ В БИТВАХ РЕШАЕМ СУДЬБУ РОДИНЫ.
МЫ К СЛАВЕ ОТЧИНУ СВОЮ ПОВЕДЕМ!**

Многие территории Украины и Белоруссии, в которые пришла Красная Армия, находились под оккупантами более трех лет. Оставленные после первых тяжелых боев населенные пункты теперь брались «сходу», несмотря на глубоко эшелонированную оборону противника.

Везде были видны тяжёлые для нас воспоминания о 1941-ом годе. Воин-иркутянин писал: «Накренившийся БТ-7 – один из тех танков, с которыми мы начинали войну, навывлет пробит снарядом. В нескольких метрах на кирпичной стене рухнувшего здания надпись по-немецки: «Стой! Здесь страна рабочих и крестьян! Не стреляй в братьев пролетариев!» Тогда мы взывали к классовой совести немецкого солдата. А он, самодовольный, упивающийся сознанием своей победы, измывался над нашей временной слабостью.

Мы были наивны. Не понимали, что фашизм мог задушить классовые чувства. Сейчас мы не взываем к сознанию германцев, а действуем совсем иными средствами. Мы бьем врага! Мы крушим гитлеровскую армию и будем ее уничтожать, пока последний солдат не поднимет руки. Вперед, на Запад!»

Дорога вела к Берлину

13 июля 2008 года во втором Иркутске на автобусной остановке меня тепло приветствовал старичок – Николай Федорович Крятченко. Мы крепко пожали друг другу руки, обнялись. На глазах выступила влага, к горлу подкатил ком. Мы с ним однополчане – зимой 1944 года вместе были курсантами Кяхтинской снайперской школы в Бурятии, а затем воевали в составе 8-й гвардейской армии, которой командовал генерал армии В. И. Чуйков на 1-м Белорусском фронте.

Николай Фёдорович призывался в Заларинском районе, я – в Жигаловском. Ни у него, ни у меня однополчан-земляков в живых сейчас уже нет. Нам хотелось ради встречи пропустить по рюмочке спиртного, но увы! Возраст на позволил...

...Николай Федорович родился 13 октября 1926 года в деревне Покровка Заларинского района Иркутской области, в крестьянской семье. У родителей – Федора Никоновича и Феклы Максимовны было семеро детей, Коля – старший. В 1930 году Крятченко вступили в местный колхоз. До пятого класса Коля учился в родной деревне, где тогда была только начальная школа, а пятый класс заканчивал в соседней деревне Тагне, в двадцати километрах от Покровки. Дальнейшую учебу ему пришлось оставить: надо было помогать родителям содержать многодетную семью.

...В первый же день войны, 22 июня 1941 года, Федор Никонович вместе с другими колхозниками был призван в армию, проходил службу в Забайкалье. По словам Николая Федоровича, когда мужчины ушли воевать, Покровка притихла, словно осиротела. В ней остались только женщины, старики и дети. В армию

забрали всех здоровых лошадей, грузовые машины и новый трактор. Жить стало очень трудно. Четырнадцатилетнему Коле Крятченко вместе с женщинами-колхозницами выпала тяжелая и ответственная работа: пахать, боронить, косить. Ни от чего он не отказывался, тогда это не было принято. Рабочий день длился 14-15 часов, со временем не считались, от усталости часто валялись с ног, на ходу засыпали.

На здании колхозной конторы появились лозунги: «Все для фронта, все для победы!», «Каждой копейкой, каждым рублем в тылу Победу куем!»

Несмотря на усталость и общее горе, вечерами в деревне слышались смех и песни: молодость брала своё.

В колхозе дела стали идти все хуже и хуже. Поля без надлежащего ухода начали зарастать сорняками, снижался урожай. Колхозники за трудодни почти ничего не получали. Все, что только можно, отправлялось на фронт.

Как вспоминает Николай Федорович, его семью от голода спасали корова, куры и большой огород, где выращивали не только картофель и овощи, но и немало ржи. В заготовке на зиму сена, дров, ягод и грибов участвовали все дети.

После трудового дня женщины и девушки вязали рукавицы, шили кисеты и отправляли их на фронт.

Дошла очередь и до Николая Крятченко. В середине ноября 1943 года из Заларинского райвоенкомата Иркутской области ему пришла повестка о призыве в армию.

В семье старшими из детей остались Александр, которому исполнилось 15 лет, и четырнадцатилетняя Тоня. Александр и Тоня стали опорой и надеждой Феклы Максимовны.

Повез Крятченко до поселка Залари колхозный конюх, старик Прохор Иванович. Провожала Николая вся деревня. Старики снимали шапки и крестились, женщины, вытирали на глазах слезы.

С тоской, прижавшись к саням, Николай во все глаза смотрел на свою родную деревню. Вот блеснули в последний раз стекла в крайней избе, и Покровка скрылась.

Николай был направлен курсантом в Кяхтинскую снайперскую школу. От Иркутска до железнодорожной станции Наушки, что в Бурятии, он вместе с другими призывниками из Иркутской области добирался железной дорогой, а от нее до Кяхты – пешим ходом. На полпути призывникам пришлось провести ночь в бараке, в котором были устроены нары в три яруса. В щелях копошилось несчетное количество клопов. И хотя усталость валяла с ног, мало кто из новобранцев спал в эту ночь: чесались, ворочались с боку на бок и только перед рассветом забылись коротким сном.

В казармах снайперской школы клопов не было и не могло быть из-за постоянного холода. Голландские печи топились только хворостом, который поочередно приносили из леса на себе курсанты. Хворост быстро сторал и печи плохо нагревали помещения. У дневальных вода в кружках превращалась в лед. Для доставки хорошего топлива в школе не было транспорта.

Питались курсанты плохо, еле-еле волочили ноги. Все мечтали чем-нибудь наполнить голодный желудок. Особенно тяжело переносили скудное питание парни, которые дома вдоволь хлебали щи с мясом. Николаю было проще: у них в семье основной пищей была картошка во всех видах: вареная, жареная, печеная в мундире.

Учеба в снайперской школе была напряженной. Курсанты отрабатывали стрельбу из винтовок с оптическими прицелами, ходьбу строевым шагом, бег по пересеченной местности. Большое внимание уделялось штыковому бою. Ежедневно курсантов заставляли вонзять штыки в чучело, сделанное из прутьев. Надо полагать, командиры в тылу плохо представляли характер идущей войны: шел 1944 год и не только немецкие солдаты, но и бойцы Красной Армии в основном были уже вооружены автоматами.

В конце мая 1944 года курсантам выдали новое обмундирование, и они, одетые с иголки, оживленные, прошли строем, чеканя шаг как на параде, перед начальником школы майором Ткаченко. У него по щекам текли слезы. Майор отлично представлял фронтовую судьбу этих парней. Большинство из них сложат головы на землях Польши и Германии.

...Эшелон с выпускниками Кяхтинской снайперской школы 4 июля прибыл в город Ковель, в 8-ю гвардейскую армию 1-го Белорусского фронта. Крятченко был определен в 120-й стрелковый полк 39-й дивизии.

Вскоре Николай принял участие в форсировании Западного Буга. Эта речка не очень широкая, но с быстрым течением. Переправились бойцы 39-й дивизии на противоположный берег на лодках без потерь. После Буга дивизия через некоторое время с ходу завязала бои в Люблине и за сутки очистила город от немецких воинских частей. Было взято в плен много вражеских солдат. Крятченко за проявленную храбрость в уличных боях Люблина был награжден грамотой Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, а через четверо суток в звании младшего сержанта он участвовал в форсировании Вислы.

Пехота 8-й гвардейской армии на западном берегу Вислы захватила два плацдарма – Магнушевский и Пулавский. Начались ожесточенные бои за расширение плацдармов. Пехотинцы 8-й армии сражались с фашистами первые дни без поддержки танков и артиллерии. Эта техника еще находилась на восточном берегу Вислы. Строительство понтонного моста затягивалось. Немецкие бомбардировщики непрерывно сбрасывали смертоносный груз на саперов, которые строили понтонный мост, расстреливали их из крупнокалиберных пулеметов. Наша авиация в это время была занята на Сандомирском плацдарме – помогала войскам 1-го Украинского фронта закрепиться на западном берегу Вислы. Когда наши самолеты перебросили на помощь войскам 8-й гвардейской армии, на Магнушевском и Пулавском плацдармах в воздухе стала господствовать советская авиация. Были возведены понтонные мосты, по которым потоком двинулись наши танки и тяжелая артиллерия. Но время было упущено: немцы успели создать новые рубежи обороны и задержать дальнейшее продвижение подразде-

лений 8-й армии на запад. Фронт на этих плацдармах стабилизировался. Стали накапливаться силы для нового наступления.

И новое наступление началось 14 января 1945 года. 39-я дивизия 8-й армии, в рядах которой сражался со своим отделением сержант Крятченко, прорвав немецкую оборону и обойдя Варшаву с запада, устремилась к польскому городу Познань на реке Варте. Но с ходу захватить этот хорошо укрепленный город не смогла. Оставив здесь несколько подразделений со своим заместителем, командир дивизии направился к Зееловским высотам (это гряда холмов в пятидесяти километрах от Берлина). Войска 8-ой гвардейской армии на этих высотах вели ожесточенные бои с немецкими частями и несли большие потери. Лишь к исходу 17 апреля 1945 года, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, немецкая оборона на Зееловских высотах была прорвана, и 8-я армия устремилась на Берлин.

В боях на этих высотах был тяжело ранен сержант Крятченко. Несколько пуль впились в его правую ногу. Он, будучи в полном сознании, с помощью одного бойца перетянул бинтом правую ногу около паха и остановил кровь. В ожидании санитаров пришлось пролежать несколько часов. Только вечером на повозке привезли его в санитарный батальон, где ему обработали раны и откуда его на машине увезли в Дрезден, в госпиталь. Вскоре его перевели в освобожденный от фашистов город Познань. Там на больничной койке и встретил Николай долгожданную Победу.

Домой сержант приехал 6 июня 1946 года. По дороге в Тыреть он случайно встретился с Федором Никоновичем. Отец был здесь по колхозным делам. Он демобилизовался годом раньше Николая. Отец и сын бросились друг к другу в объятия, на глазах выступили слезы.

В родном доме была такая же теплая встреча: объятия, поцелуи, слезы. В избе Крятченко собрались почти все односельчане. Они трясли сержанту руку, обнимали, задавали вопросы. Тяжело ему было встречаться с вдовами погибших сельчан. Увидев покалеченного фронтовика, они с порога начинали голосить по своим погибшим мужьям. Утешить их Николай Федорович не мог, только сочувствовал.

...За ратные подвиги Н.Ф. Крятченко был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени; медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Белоруссии» и юбилейными, отмечен также тремя грамотами Верховного главнокомандующего И. Сталина.

Дома Николай Федорович сидел без дела недолго. Руки соскучились по труду, и он в колхозной в кузнице стал работать молотобойцем. В 1971 году переехал в Иркутск-2, где трудился на авиазаводе до ухода на пенсию в 1986 году.

В 1949 году Николай Федорович женился на скромной девушке Галине Кулик. У них один за другим появились на свет трое детей – дочери Зина и Маша, сын Борис. Сейчас дочери работают учителями начальных классов, сын – на Иркутском авиазаводе.

У Николая Федоровича и Галины Климовны пять внуков и семь правнуков.

Расставаясь со своим однополчанином, я спросил:

– Часто ли, Николай Фёдорович, навещаешь свою малую родину – деревню Покровку?

– Нет уже моей Покровки! До конца девяностых годов в деревне доживали только старики. Молодежь разъехалась кто куда. Пустующие избы постепенно разбирались на дрова. А когда все дома исчезли, какое-то промышленное предприятие всю землю под бывшими усадьбами распахало для посадки картофеля. Сохранился только деревенский погост с покосившимися крестами. Исчезла еще одна деревня в России. Печально!

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Позади вся война

Родился он 7 апреля 1913 года на заимке Воробьево недалеко от Тулуна. На заимке было всего шесть домов переселенцев с Поволжья. В семье Соловьёвых было трое братьев Петр, Василий, Григорий и сестра Мария. Отец умер рано, мать, выйдя замуж, уехала, забрав младшую дочь с собой. Братья остались одни и вели хозяйство – сами пахали, сеяли, косили, пилили дрова. Была у них захудалая лошаденка, телка и собака. Спали на соломе. Первым отделился старший брат Петр. Василий Ефимович тоже женился в 1930 году на Аграфене Васильевне, девушке с соседней заимки.

В 1937 году семья Соловьёвых переехала в районный центр – в село Тангуй. Тут Василий Ефимович устроился заведующим базой райпотребсоюза, а потом был назначен заведующим торговым отделом Тангуйского райпотребсоюза. 31 декабря 1938 года он был избран председателем Тангуйского райпотребсоюза. 17 июня 1939 года переведен на должность экспедитора отправки грузов из Тулуна.

Это очень важные детали биографии, так как с начала Великой Отечественной войны у Василия Ефимовича была «бронь». Как директор заготовительной конторы райпотребсоюза, он организовывал через потребительскую кооперацию заготовки продовольствия и фуража для фронта. Сын его, известный киноактер и писатель Юрий Васильевич Соловьёв, в книге «Узелки на память» пишет: «Дома мы его почти не видели, он часто и надолго выезжал в район, а когда возвращался, был замкнут, неразговорчив. С самого начала войны и до февраля 1943 года отец упрямо ходил в райвоенкомат и добивался отправки на фронт». И вот 16 февраля 1943 года Василий Ефимович ушел добровольцем на фронт.

1943 год – это год жестоких боев на Курско-Орловском направлении. Курская битва занимает в Великой Отечественной войне особое место. Она продолжалась 50 дней и ночей, с 5 июля по 23 августа 1943 года. По своему ожесточению и упорству борьбы она не имела себе равных на протяжении всей войны. И вот Василий Ефимович оказался в боях Орловско-Курского сражения.

Через много лет после войны Василий Ефимович много и подробно рассказывал сыну о своих военных годах. Так родилась книга бесед-воспоминаний «Глазами отца». В ней ненависть и злость солдата-освободителя, горечь потерь товарищей-фронтовиков, радость побед, трепетное ожидание мирной жизни. Вот, что пишет его сын Юрий, о воспоминаниях отца: «Отец до сих пор удивляется, как можно было в то тяжкое лето выдержать чудовищный натиск врага, обессилить его и устремиться потом в победное наступление. Тогда отцу из окопа было трудно представить размеры сражения. Но по судорожно дрожащей земле, по раскатистому гулу орудий, доносящемуся с разных сторон, по густо плывущим в расплавленном небе армадам бомбардировщиков, по неистовым воздушным боям, по всему задымленному, зыбкому горизонту было понятно, что лютая схватка идет повсеместно, на огромном пространстве, а не только в том месте, где в это время находился отец, и где, как казалось ему, было во сто крат тяжелее, чем где бы то ни было. Нет, тяжело было везде, на всех направлениях Курско-Орловской битвы. Вздымалась под самое солнце растерзанная земля, траншеи на глазах превращались в безобразное месиво из песка, неподвижных и копошащихся тел. Безветренный воздух содрогался от пушечных залпов и лязга танковых гусениц, некошенная трава подсекалась, и словно от ветра, клонилась под плотным пулеметным огнем. Природе для жизни не было места, сталкивались в ближнем бою не только остервенелые потные люди, но и тяжелые, ревущие танки сшибались в броневой «рукопашной», стреляли в упор, разворачивая друг другу борта. Гулко лопалась горячая сталь, текучее пламя выливалось из трещин в броне, выжигая вокруг благодатную землю. И там, среди полыхающего огня, танкисты в дымящихся комбинезонах выскакивали из горящих машин и попадали под пули, которыми густо было пронизано знойное марево. В этом всеобщем осатанении иногда пробивались охрипшие голоса командиров и стелания раненых и снова тонули в адском гуле сражения».

Отец, оглушенный, с помутненным сознанием, пробирался, карабкаясь через засыпанные тела, к замолкшему пулемету, стрелял из него в набегающие фигуры врагов, едва различая их сквозь летящую пыль. И пахнувший гарью взрывчатки песок забивал нос и горло, хрустел на мучительно сжатых зубах, в губах пузырилась кровавая пена...

Потом он лежал вверх лицом, распластанный, придавленный раздирающей все нутро дикой болью, под ним намокала кровью земля. Бой откатился. Медленно оседала взметенная боем мелкая пыль, осыпала его липкое от крови лицо, гимнастерку, сапоги. И он становился неузнаваемым, неотличимым от неподвижно валявшихся скрюченных тел... Он так и не встретил впоследствии ни одного из своих сослуживцев. Должно быть, вся его рота осталась в тех выжженных, изуродованных полях, откуда его уже ночью в бесчувственном состоянии вынесли на полотне плащ-палатки.

– Умылись там кровушкой и те, и другие, – раздумчиво произносит отец, застенно вздыхая.

На память об этом сражении у него остались рубцы на правом боку, на ноге, на плече и первая его боевая медаль «За отвагу». Самая памятная и дорогая среди его прочих наград...

Работники музея с села Тангуй в Интернете на сайте «Подвиг народа» обнаружили приказ по 1183-му стрелковому полку 356-ой стрелковой дивизии Брянского фронта № 7/н от 20 июля 1943 года, в котором говорится: «От имени Президиума Верховного Совета Союза СССР награждаю медалью «За отвагу» командира разведгруппы 1 стрелкового батальона ефрейтора Соловьёва Василия Ефимовича. 16 июля 1943 года, подобравшись к переднему краю противника, он проделал проход в минных полях и проволочном заграждении противника, ворвался в траншею, уничтожив при этом 2-х солдат противника. 19 июля 1943 года ворвался в дер. Красная Лохань, уничтожив при этом 3-х солдат противника».

– Как можно было выжить в такой мясорубке?

– Как выжить? – отец удивляется нашей наивности. – Ну как же ты выживешь, когда на тебя такая сила направлена?

– Значит, судьба?

– Судьба, не судьба... Вот ты посуди. На фронте в любое время можно погибнуть, в любую минуту, а тут почти непрерывно два с лишком года, считай... А ведь столько раз был в обнимку со смертью, и вот живой.

Последнее, что сберегла его память о той первой атаке, – это жуткий лихой холодок, вдруг овевший занемевшее сердце, когда в предзакатное небо взлетела ракета, и он, не расслышав команды, но угадав ее неизвестным чутьем, разом выбросил свое неожиданно полегчавшее тело за бруствер, куда и взглянуть невозможно без риска для жизни. А что было дальше, как двигались по открытому месту, была ли стрельба, он не помнил, не знал. Все его ощущения отключились, он точно ослеп и оглох, оставшись один на один со свободно гуляющей смертью, где нет ни времени, ни расстояния, ни света, ни звука, ни разума. И словно вскочил не во вражескую траншею, а – в новую жизнь. Сердце буйно колотилось под взмокшей, прилипшей к спине гимнастеркой. Его оглушил близкий треск автоматных очередей, возбужденные голоса, хриплый кашель, сопенье, истерический смех. А сзади неслись вопли раненых.

Он вытер дрожащей ладонью лицо и увидел на пальцах свежую кровь, замешанную на поте и пыли, но боли не чувствовал. Видно, сбило с него пулей пилотку в этой его первой в жизни атаке и лишь слегка оцарапало голову. Потом он почувствовал боль в локте левой руки и в предплечье и догадался, что кто-то из немцев саданул его в рукопашной схватке прикладом. Но он и рукопашной не помнил.

И стал понемногу уже успокаиваться, как вдруг неосознанно, интуитивно крутнулся на каблуках, точно кто-то его подтолкнул. Услышал как будто не свою, а чужую непрерывную очередь, почувствовал дернувшийся в руках теряющий вес автомат и увидел, как прямо над ним переламывается стоящая над траншеей фигура немецкого офицера с направленным на него парабеллумом. Врага не успел

разглядеть – лишь темный силуэт на тускнеющем фоне закатного неба, как щитовая фигура, в которую стрелял на учениях. Но эта «мишень» не осталась стоять продырявленной, а как-то переломилась и тяжело отвалилась за бруствер.

– Вот как сейчас его вижу, врезалось в память, – повторяет отец удивлённо. – Ни лица, ничего, и целится в голову.

А рядом смеялся Матвей Беломестных, земляк, с которым он был в одной роте:

– Эх, как ты его! Вот это срезал! Еще бы чуть-чуть – и мы бы тебя тут оставили.

Чего ж не стрелял, если видел? – сорвавшимся голосом упрекнул он Матвея, чувствуя, как все еще вздрагивают отяжелевшие руки, сжимающие пустой автомат.

– Да я как его увидел, сам до смерти напужался. Вижу, не успею пальнуть, как он тебя тут.

А ноги слабели и уже не держали его. Он медленно сполз по стенке траншеи, хотелось заплакать, как в детстве, но он с усилием удержался от слез. Не оттого ему плакать хотелось, что пожалел вдруг убитого немца, а от чего-то иного, что ощутил он в себе перед тем, как ему оглянуться. И понял теперь, что это была мгновенно пронизывшая, как перед вечной разлукой, отчаянная тоска по жене и детям. Она и толкнула его, известив о смертельной опасности. Тело его охватила такая усталость, как будто он отдал все свои силы в порыве спасения. Не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Сидел, привалившись к древесной обшивке траншеи, обмякнув, боролся с душившими спазмами.

– А хошь поглядеть на него? – услышал он как бы издали голос Матвея. – Он туточки, рядом валяется. Я поглядел. Ничего такого особенного, хоть и фашист. И чего ему надобно было? Пошто не удрал со своими? Контуженный, что ли?

Но не было у отца никакого желания разглядывать немца. Матвей, легкий парень, о чем-то еще возбужденно болтал, сидя рядом на корточках и свертывая цыгарку. Кто-то шумно пробежал по траншее, наступив отцу на ногу. Но все это было неважно. Важно было другое, а именно то, что едва не погиб, и что некто невидимый подтолкнул его вовремя и нацелил оружие на врага...

А взять другой случай, когда после излечения в госпитале его направили в саперную часть, на строительство переправы для танков. Там, как всегда, людей не хватало, потому что много их погибло под бомбами. Ведь это известное дело: где строится переправа, туда непрерывно пикирует авиация.

– Ох, и бомбил же там немец! Ой, как бомбил! – вспоминает отец, взявшись за щеку. Как даст – на мосту не останется ни единого человека, только фуражки плывут по реке. А после налета на переправе – очередная команда саперов.

Он горбился с топором на мосту, уже чувствуя мокрой спиной надвигающуюся с ясного неба гнетущую массу машины, слышал рев ее двигателей, от которого отделился пронзительный вой уже сброшенной бомбы, казалось, нацеленной прямо на него, но скрыться от неё было некуда.

Очнулся уже в медсанбате. Все тело болело, гудело в ушах, как будто в его голове завывали винты самолета, тошнило, но легче не становилось. Как после ему рассказали – с ним приключилось какое-то чудо. Его сорвало с моста ударной волной взорвавшейся бомбы, а еще одна бомба, зарывшись в реке, ответной волной швырнула его на галечный берег. Правда, он сам ничего необычного в этом случае не усматривал, если б, конечно, не то обстоятельство, что почему-то остался живой и, главное дело, без единой царапины! Как будто чем-то надежным прикрыло его от смертельных осколков, вот только сильно контузило, да изрядно набил синяков при падении. Иной бы такого просто не выдержал, но ему суждено было выжить...

А как объяснить еще этот случай, к примеру, когда он, уже будучи старшим сержантом, командовал взводом разведки? Однажды, исполнив ночное задание и возвращаясь из-за линии фронта, разведчики наткнулись на немецкий дозор. Тот бой был короткий, но жуткий. Их силы примерно были равны. Огонь не открывали ни те, ни другие, чтобы не пострелять в общей свалке своих. С придыханием, молча лупили друг друга прикладами, кулаками, пошли в ход ножи. Удары, хрипенье, запах пота и крови. Справились быстро и без потерь, но кто-то из офицеров пустил в небо длинную очередь, призывая на помощь, а захваченный в качестве «языка» подраненный немец успел заорать. Надо было скорей уходить, пока не опомнились в блиндажах.

Но отовсюду уже полетели ракеты, освещая нейтральную полосу, где меж болотными кочками затаилась разведка, а с флангов хлестко ударили два пулемета. К тому же, еще и минометным огнем их настигли. Отец прикрывал своим телом плененного немца, чтобы того, не дай бог, не убило. А тут от прямых попаданий начало гулко взрываться минное поле. И он подумал еще о судьбе тех саперов, которые ожидали их здесь и обеспечивали безопасный проход среди затаившихся мин. Вдобавок и наша батарея ответила немцам, прикрывая разведку. И заварился такой «сабантуй», что надо было уже не отлеживаться в болоте, а как можно скорее выбираться из этого пекла. А за спиной нескончаемо взлетали ракеты, и освещенную ночь прошивали трассирующие пулеметные очереди. Близкий грохот закладывал уши, летел растрепанный дым от разрывов, смешиваясь с туманом, и слоистый туман рвали в клочья, свербящими визгом снарядные осколки...

Но все-таки вышли к своим по глубокой дренажной канаве, открытой когда-то по краю болотистого, размокшего поля. И он в тот предутренний час испытывал радость, что вывел разведку из боя, не потеряв ни одного человека, включая и плененного немца, отделались только пустячными ранами. Он понимал, что, конечно же, им повезло, в такой заварухе не могло быть спасения. Однако, одним лишь везением не объяснить той счастливой судьбы, что вела его через самые сложные, порой безнадежные положения, каждый раз оставляя живым.

В штабе он сдал «языка», доложил, как положено, отчитался о результатах разведки и получил разрешение отдыхать до особого вызова. Разведчики расположились на отдых в пустой артиллерийской ячейке. Время уже было рассветное.

Рядом со штабом дымилась походная кухня. Им выдали по «сто грамм», свежий завтрак, но он решил ещё угостить своих молодцов настоящей сибирской ухой из той рыбы, которую накануне собрал вблизи переправы после бомбежки. Надо было кому-то сходить за водой к протекавшей поблизости речке. Он мог бы отправить любого из своих подчиненных, но все они так намотались в эту трудную ночь, что лежали вповалку и не выказывали никакого желания встать. Пришлось самому взять на кухне ведро и шлепать до речки. Пожалел он ребят, а ведь и сам бы, казалось, упал бы там пластом и уснул.

Уже начинала постреливать дальнобойная артиллерия, то и дело пролетал над верхушками леса снаряд из неприятельской пушки, и через мгновение доносило до слуха отдаленное эхо разрыва. Но когда он забрел по щиколотку в реку и черпал ведром, один из разрывов показался ему подозрительно близким... Разве мог он представить, что этот снаряд лег прицельно в самую середину ячейки, прямо туда, где лежали ребята! Его попадание было, конечно, случайным. Только вместо ячейки он обнаружил глубокую рваную яму, из которой тянуло сгоревшей взрывчаткой. И больше ничего вокруг не было.

Оглушенный внезапной и одновременной гибелью тех, с кем поровну делил все тяготы службы, рисковал своей жизнью и вывел сегодня из боя, он долго, оцепенело стоял у края воронки. И в голове у него никак не укладывалось, что именно там, в расположении немцев, где смерть подстерегала на каждом шагу, и на «нейтралке», под пулеметным кинжальным огнем, ни один человек у него не погиб. А здесь, в надежном тылу у своих, где можно, как говорится, расслабиться и вздохнуть с облегчением, внезапно убило всех, до единого, разом. Кроме него.

Чувство тяжкой вины придавило отца, он бросил ведро, отвернулся от ямы и слепо двинулся в сторону штаба, не зная ещё, как будет докладывать о случившемся.

Вот как это можно понять? Ведь если б он приказал кому-то пойти за водой, то неминуемо был бы погублен там вместе со всеми. И надо же, отошел лишь на малое время, но именно – в самый опасный момент, о котором и подозревать-то не мог. Как будто отвел его кто-то, кому уже было известно, что через минуту в эту ячейку должен упасть смертоносный снаряд...

Множество раз соприкасался он вплотную со смертью, казалось бы, неминуемой, но кто-то невидимый и всемогущий всегда отводил от него неизбежную гибель...

А ведь это она оберегала меня, – заключает отец, натягивая носок, о котором забыл во время рассказа и, не замечая, держал в кулаке.

Серьезность, с которой он это высказал, наводит на мысль, что он глубоко, убежденно, по-настоящему верит во всепобеждающую силу любви его ныне покойной жены, моей матери, во всемогущество ее нежной души. Ее ожидание, верность, тоска, бессонные ночи, необычайная ее прозорливость, желание защитить, заслонить его от смертельной опасности окружали его в боях и в походах. И он это чувствовал, хотя рядом самой ее не было, но все-таки что-то такое было, что уводило его от беды и принимало на себя все осколки и пули, нацеленные в

него и несущие смерть. Ее любящая душа за годы войны была вся изранена, но не погибла, потому что погибель не в силах ее одолеть. И он это знает.

Мне вспоминается, как он однажды воскликнул: «А я их всех знаю!» И я задаю ему внезапный вопрос:

– А вы и вправду видели Жукова в жизни?

Вопрос, несомненно, глупейший: наивно надеяться, что старший сержант мог встретиться с маршалом. Однако, отец, нисколько не удивившись моему любопытству, спокойно рассказывает.

– А как же! Встречался. 1-й Белорусский фронт. Берлинское направление... Меня одно время писарем сделали в штабе. Правда, недолго, до излечения после санбата. Мой почерк кому-то понравился. Ну, документы там переписывать, донесения, распоряжения всякие – рук у них не хватало. Уйма работы... А штаб нашей армии располагался в особняке. Богатый такой особняк, двухэтажный...

И вот, как сейчас помню, открывается дверь, и он входит в комнату. Значит, в приемную. Н-да... За ним, конечно дело, целый отряд – генералы, полковники. Все тут, в приёмной, вскочили, повытянулись. Ну и я, само собой, тоже вскочил, даже стул завалился в углу, но уже не стал его поднимать. Куда там! До стула ли. Все смиренно стоим, по стойке, как полагается, не шевелимся.

Понятно, отец не присутствовал при разговоре Жукова с командармом, И даже не все генералы были приглашены в кабинет. Но то, как маршал властно вошел в помещение, как подтянулись штабные работники, когда проходил он через приемную, произвело на отца неизгладимое впечатление. Поздоровался маршал с офицерами негромко и вежливо, а те, уж, конечно, ответили точно пушечным залпом.

– Аж звон по всем окнам пошел! А сам маршал невысокий такой, но широкий в плечах, походка враскачку... Ну, в общем, на вид обыкновенный мужик. А вот сила в нем какая была! Невиданной властью он обладал, со Сталиным вместе работал! Шутка ли! Н-да. Поглядел он вот так на меня и на стул показал. Ну, я и кинулся его подымать.

Рассказывая, отец заметно волнуется, садится, спустив с кровати на пол голые ноги. И мне представляется, что, возможно, с той памятной встречи с маршалом Жуковым он проникся особенным уважением к старшим по званию и по должности, безоговорочно доверяясь решениям вышестоящих. От них тянулась в то время ниточка к Сталину – и это определяло действия каждого человека, включая, разумеется, и отца самого. Этот человек, мой отец, был в самой гуще войны, рядом с маршалом Жуковым, и они вместе – маршал и старший сержант – ломали ее, каждый в силу своих возможностей, и оба – выше всех своих сил...

– А штурм Берлина? В смысле, как это все началось?..

– И как началось, и как кончилось... Я-то думал, отвоевался уже, и рана моя зажить не успеет, как война-то закончится. Да вот, пришлось напоследок. Тут как получилось? Я после штаба в БАО попал. Батальон аэродромного обслуживания, значит...

– Но там-то спокойнее, чем в окопах?

– Ой, не скажи. Бомбежек, правда, почти уже не было, авиация у немца истошилась, а вот работенки хватало. Щели там рыть, воронки заравнивать, самолеты маскировкой обслуживать, заправлять их горючим, бомбы подвешивать – словом, все что придётся. А морока же с этими бомбами! Иной раз подумаешь, уж лучше бы мерзлую землю долбить – все же как-то сподручнее. Да и рана болят, а чуть что открывается – опять беги к фельдшеру.

Отец умолкает, припоминая, о чем он хотел рассказать.

– Ну, так вот. Наш аэродром у самой передовой расположен. А я как раз отдыхал после вахты – так землянка ходуном заходила. Подумал – налет, да вроде бы непохоже. Выглядываю наружу – ничего не пойму. Все небо полыхает зарницами, гром сплошной и зарево над лесом какое-то голубое. А это прожекторами там всё осветили. И тут как раз ротный бежит: «Подъем! Весь наличный состав к самолетам!» Успевай только бомбы подвешивать. Вылет за вылетом, вылет за вылетом! Руки-ноги дрожат, мат стоит, но все уже понимали – напоследок штурмуем. Скоро конец...

Вот если б тогда еще раз не ранило, то неизвестно, сидел бы я тут с тобой или нет... Ой, что там творилось! Такого я за всю войну не видел. Немецкого фронта, считай, уже не было, в ключья его разорвали. Уже под Берлином шел бой, а в нашем тылу немецкие части к своим прорываются. И тут, в аккурат, на нас двинулись. А мы только успели перебазироваться на новое место. Сразу-то и не поняли, думали, немцы прорвали наш фронт, окружили.

Но думать особенно некогда – команда: «В ружье!» Заняли мы оборону. А он прет на нас танками, да самоходками, бьет смертным боем. Ой, бьет! Ну, тут, конечно дело, в первую очередь самолеты спасать. Где бомбами, где пулеметами – в общем, рассеяли эту немецкую часть по лесам. Там их потом специальные команды выкуривали. Вот в той перепалке меня и звездануло напоследок осколком.

Отец нащупывает шрам на затылке... В этот день его ранило, но не сильно. Успел еще и Берлина хлебнуть. По двое суток не выходили из боя, не спали. Тут уж не только оружием немец косил – камни летели со всех сторон, шаткие стены падали на людей. Сколько же там и наших и немцев легло под развалинами! Вокруг лишь дырявые стены, навалы да россыпи раскрошенных кирпичей. Зачастую орудия, танки по улицам пройти не могли. И снова: «Пехота – вперед!». Случалось, что пушки закатывали на этажи и били оттуда прямой наводкой по зданиям через улицу, потому что почти каждый дом в столице Германии был превращен в огневую позицию. А на этажах везде – немцы. Пока артиллеристы стреляют, пехота ведет бой в коридорах, прикрывает своих пушкарей, а снизу по лестницам, скользким от крови, спешит подкрепление, добивает фашистов.

К речке Шпрее мы вышли правее рейхстага. День хоть и пасмурный, с моросящим дождем, а настроение праздничное. Дым пожара смешивался с пылью и копотью артиллерийских разрывов, и, что там происходило, было трудно понять. Ясно лишь было, что бой шел вокруг и внутри горящего здания. Жарко там приходилось братьям-славянам. Но сердце радовало, что бой этот шел в самом центре фашистской Германии! Наконец-то дошли! И теперь поворота не будет.

Он как-то вовсе не думал тогда, удастся ли ему дожить до Победы (хотя очень, конечно, хотелось дожить). Он испытывал настоящее счастье, какое испытывает человек, добившийся, наконец, исполнения желаний, и был благодарен судьбе за возможность увидеть своими глазами возмездие, которого жаждала его страдавшая душа. Он был горд сознанием мощи и справедливости своего государства, единственного народа, ставшего истинным защитником мира от фашистской неволи. За спиной остались Курск и Смоленск, Минск и Рига, сожженные белорусские деревеньки, Варшава и Познань. Его постоянно преследовали видения виселиц, рвов, заваленных трупами, колючая проволока концлагерей и развалины, развалины, пожарища бесчисленных городов и селений...

А потом он стоял на усыпанных обломками серого камня ступенях рейхстага. Там много в тот ветреный день стояло советских людей – солдат, офицеров. Все попеременно, но точно в едином строю. Стоял и думал, как все они думали, что каждый из них оказался участником самой последней войны на земле, потому что страшнее того, что случилось в середине двадцатого века, быть уже не могло – и человечество после всего пережитого должно, наконец, образумиться.

Над Берлином во всю развевалось красное знамя, и чувствовалось во всем, что война задыхается. Из пустых глазниц окон и жутких пробоин в стенах рейхстага сквозняком выдувало облака еще теплого пепла, бумажные клочья. Ветром их разносило по площади, загроможденной разбитой советской и вражеской техникой, глыбами камня, расщепленными деревьями, на которых уже увядала молодая листва. И отец был тогда очевидцем, как весенним живительным ветром развеивало по поверженной столице фашизма нечеловеческие законы и приказы, которые благословляли уничтожение целых народов. По ним теперь равнодушно ходили те самые люди, против которых эти законы писались.

Он побывал в этот день и в имперской канцелярии. Там видел огромный треснувший глобус, перед которым фашисты мечтали овладеть всей планетой. И там тоже весь пол был усыпан бумагами с гербом «третьей империи». На них тоже безучастно ступали его запыленные сапоги. Вот оно, это самое «логово» – да что в нем особенного?! Обыкновенная канцелярия, правда, слишком просторная, но мрачноватая. Ему-то казалось, что это должно быть какое-то особое место, вызывающее страх и смятение. Нет, этого чувства, вопреки ожиданию, не испытал. И даже был несколько разочарован. Подумалось, как это обыкновенно и просто: такое же здание, как и много других, такие же, казалось бы, люди...

Но тут он становился в тупик. Конечно, он знал о мерзостных планах фашистов, однако не мог их понять своей человеческой сущностью. И как же могло так случиться, что шайка злодеев объединила целую нацию на воплощение их преступных амбиций? А вот теперь они совершили еще одно, последнее свое злодеяние, предав свой народ и оттягивая час неизбежной расплаты ценой массовой гибели жителей города в пекле сражения. Впоследствии стало известно, что Гитлер незадолго до собственной смерти изрек, что если германский народ не способен стать победителем, то он неизбежно должен исчезнуть.

Отцу попадались уцелевшие в штурме берлинцы, с еще обезумевшими от пережитого ужаса пустыми глазами, угодливые, трясущиеся при виде советских солдат. И эти же солдаты кормили их у полевых своих кухонь, делились пайком. И многие из этих подавленных, голодных людей не могли осознать, почему это русские делятся с ними едой, отводят в свой тыл, в безопасное место? Почему же не мстят им за то, что немецкие граждане делали с русскими – не вешают, не расстреливают и не преследуют?

Невдалеке от Бранденбургских ворот отцу встретилась изможденная немецкая женщина с девочкой на вид лет пяти. Женщина, озираясь, опасливо пробиравалась куда-то меж вздыбленных трамвайных рельсов, в стороне от запрудивших улицу танков и самоходок, держа в одной руке сумку, а в другой – ручонку девчушки. Девочка вскинула на отца испуганный взгляд – и у него даже сердце захолонуло: до чего же она напоминала ему его дочку, Зиночку! Или это ему показалось? Видение, что ли, нашло? Он вдруг почувствовал, как эта девочка боится его, вооруженного автоматом. И, сдвинув оружие за спину, он кинулся к ней, подхватил и притиснул к груди. Как безумный целовал ее в щеки, в глаза, ощущая ее хрупкое, невесомое тело, и ничего не видел сквозь неудержимые слезы. Целовал как собственного ребенка, уцелевшего в кошмаре войны. А женщина, оцепенев, стояла, непонимающе глядя на русского, готовая ко всему, даже к самому худшему, но только не к этому порыву отцовской любви...

Девочка закричала, и он, опомнившись, бережно опустил ребенка на мостовую. Женщина, сделав опасливый шаг, схватила девочку за руку и со смешанным чувством страха и недоумения смотрела на то, как русский солдат размазывал по закопченному боем лицу счастливые слезы. Увидев ее ошалелые, непонимающие глаза, отец отошел, но, не выдержав, обернулся и снова увидел растерянный, недоумевающий взгляд – и что-то остро и тягостно заняло в груди. Жалость к зачумленной, одураченной немке вызвала в нем чувство ненависти не к врагу, с которым он сталкивался в ближнем бою, а – к всеобщему злу, исходившему от власти нацистов.

Он только теперь с обнажающей ясностью понял, насколько жестоко одурманены немецкие люди. Они с опаской оглядывались на советских солдат, минутно ожидая подвоха, обмана, коварства, не понимая того, что давно уже обмануты теми, в кого слепо верили и кому поклонялись. Их приучили жить с верой в неисполнимые обещания – и реальность событий, которые их настигли весной сорок пятого года, пугала своей непонятностью, необъяснимостью.

В тот день отец написал на изрытой осколками гранитной колонне рейхстага: «Мы пришли сюда, чтобы похерить войну во веки веков!». Еще кое-что добавил для убедительности и расписался.

...Василий Ефимович, вернувшись с войны, снова стал работать председателем Тангуйского райпотребсоюза. Юрий Васильевич Соловьёв пишет в своей книге: «После дальних просторов, которые прошагал и проехал, больших городов, которые штурмовал отец, родное село показалось ему сиротливым, затерянным. Стояло оно, притулившись к реке, отгороженное сопками от огромного мира, из

которого он возвратился. И жизнь в этом жалком селе протекала изо дня в день незаметно, размеренно, тускло, однообразно. Отца, оглушенного громом войны, угнетала глубокая тишина, нарушаемая лишь лаем собак и мычанием редких коров, назойливым скрипом телеги да стуком движка у Дома культуры по вечерам, когда там крутили трофейные фильмы...

Трудно отец отходил от войны. Тяжко было привыкнуть к ней, но не легче вернуться в послевоенную, мирную жизнь, которой он так желал там, на фронте, и от которой отвык. Война еще цепко сидела в нем долгое время. Иногда он болезненно вглядывался в пламенеющий над гребнями сопот кровавый закат, а ночью вскакивал в липком поту, когда издали доносились грозные раскаты. На фронте мог спать младенческим сном под грохот орудий, но никогда не мог уснуть в тишине, в которой не слышалось ни единого выстрела. А тут...

Мама ласково, как ребенка, успокаивала его в прерывистом свете зарниц, гладила по лысеющей уже голове. Но и под ее убаюкивающими речами ему не спалось, на теле мерещилась кровь, он чувствовал боль, которой тогда уже не было, страх, какого не испытывал даже под бомбами.

Он тосковал по солдатскому братству, возможному лишь на войне, только рядом со смертью. И, если встречал человека в поношенной гимнастерке со следами погон, тянулся душой к нему, делился с ним куревом. И разговорам, воспоминаниям их не было бы конца, если бы не отвлекали дела. А дел было множество и все – неотложные. Там, на войне, были кровь, разорение, пепелища, жизнь по приказу. На то она и война. Но все-таки душу спасали воспоминания о той мирной жизни, когда он сам и его семья были счастливы. Ту жизнь он отстаивал, сражаясь с врагом, зная, что иного пути вернуть свое счастье не было и быть не могло. Однако война жестоко прошла и по этим далеким от фронта местам. И надо было не расслабляться, не отдыхать от войны и не отчаиваться, а сразу же, засучив рукава, начинать восстанавливать разваленное хозяйство.

Его организация была одной из самых важных во всем районе. Он проводил собрания пайщиков. Был участником партийных и профсоюзных собраний, конференций, пленумов, заседаний в райкоме и райисполкоме, куда его всегда приглашали. Он был страстным охотником и рыбаком. Играл на гармошке...»

С началом строительства Братской ГЭС Василия Ефимовича пригласили возглавить Братский райпотребсоюз. В Братск семья уехала 26 января 1955 года...

Умер Василий Ефимович в 2003 году, не дожив совсем немного до своего 90-летия. Похоронен в г. Братске. В селе Тангуй о В.Е. Соловьёве у жителей старшего поколения самые добрые и теплые воспоминания, как об отзывчивом, доброжелательном и внимательном руководителе и человеке.

Екатерина Чуднова

Судьбы, опалённые войной

Из поселка Жигалово, что в Иркутской области, на третьем году Великой Отечественной войны все мужчины призывного возраста, кроме белобилетников, сражались с немецко-фашистскими захватчиками или охраняли дальневосточные рубежи от возможного вторжения воинских частей милитаристской Японии.

После призыва мужчин в армию поселок Жигалово и деревни района притихли, как осиротели. Начали приходить похорожки. То в одном доме, то в другом раздавались раздирающие душу крики по погибшим на фронте кормильцам. Даже собаки выли, как волки, вторя плачу женщин. На фронте одни солдаты гибли, другие получали увечья. На смену им призывались семнадцатилетние парни.

В середине ноября 1943 года Жигаловский райвоенкомат получил распоряжение отправить в Кяхтинскую снайперскую школу Бурятии 30 парней, в числе которых оказался и я, автор данной статьи. Собрались мы на призывном пункте райвоенкомата в сопровождении матерей и других близких родственников. Расставание призывников с родными было тяжелым. Почти у всех провожающих на глазах были слезы. Я со своей мамой и сестрой Анастасией Алексеевной обнялся, поцеловался и сел в сани, которые во дворе призывного пункта уже были приготовлены для нас. Мама перекрестила меня трижды и сказала: «Сыночек, я верю, что ты вернешься с войны живым, возможно, даже покалеченным, но живым». Ее материнское предчувствие сбылось. Я действительно с фронта вернулся живым, хотя и без правой руки.

Очень тягостным было расставание Иллариона Егорова со своей матерью Марией Петровной. Она, прижав его голову к своей груди, кричала: «Ларя, я не переживу, если ты погибнешь!»

– Я не собираюсь погибать! Успокойся, мама! Мне стыдно, что ты так кричишь. Посмотри на остальных матерей. Никто из них так не убивается, как ты...

Одиннадцать подвод выехали со двора призывного пункта. Молча провожали призывников жители поселка. Старики снимали с голов шапки и крестились. Крестились и женщины, крестили нас издалека, вытирая платками слезы на глазах. Когда подводы проезжали мимо школы, ученики и учителя облепили окна, с тревожными лицами смотрели на нас, никто из них нам не улыбнулся и не помахал рукой.

Подводы выехали за ворота поселка. Мы, прижавшись к саням, во все глаза с тоской смотрели в последний раз на знакомые удаляющиеся дома, улицы. Как хотелось соскочить с саней и еще хоть разок пройтись по родным улицам, еще разок посмотреть на каждый дом, попрощаться с каждым жителем. Вот блеснули в последний раз стекла в крайнем доме поселка, и он скрылся за околицей. Какое-то время мы в оцепенении глядели на скрывшийся поселок, а затем соскочили с саней и, чтобы согреться, стали бороться друг с другом. Мы как бы проводили черту между детством и юностью, которые прошли здесь, в родных местах,

и новой жизнью, в которую вступали, и которая была пока нам неизвестна. Что ждало нас впереди, одному богу было только ведомо! А судьба у всех сложилась по-разному...

...После полугодовой учёбы в Кяхтинской снайперской школе в Забайкалье в июне 1944 года мы были отправлены на 1-й Белорусский фронт, которым командовал сначала маршал К.К. Рокоссовский, а затем – маршал Г.К. Жуков. Все мы оказались в 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова, в 79-й дивизии, но в разных полках.

Я сначала был помощником командира разведки второго батальона, а затем в этой же должности – всего 220-го полка. 1-й Белорусский фронт принял участие в операции «Багратион» (кодовое наименование Белорусской операции 1944 г.). Форсировали Буг, Вислу, освобождали от фашистских оккупантов польские города Хелм, Люблин и другие.

Ставка Верховного Главнокомандования страны приказала 1-му Белорусскому фронту в районе города Магнушева (60 км южнее Варшавы) форсировать Вислу и на левом её берегу создать плацдарм. Первыми форсировали эту реку 1 августа 1944 года передовые подразделения 8-й гвардейской армии.

В этих первых подразделениях были Илларион Егоров и я. Дело в том, что за два дня до форсирования реки совершенно случайно на берегу Вислы я встретился нос к носу с Егоровым. Мы оба шли к реке умыться и напиться воды. Всегда бодрый, аккуратный, подтянутый, Илларион на этот раз выглядел неважно, ремень болтался под животом.

Мы обнялись, и я спросил:

- Ларя, почему у тебя такой неприглядный вид?

- Мне сейчас не до вида. В Люблине на моих глазах был убит Витя Корзинников.

Это был лучший друг Егорова. Умывшись в Висле и немного поговорив, мы расстались. Как оказалось, расстались навсегда.

Через день пошел дождь, зарядил почти на неделю. Батальонная разведка, в составе которой был Егоров, без потерь форсировала Вислу и стала продвигаться в глубь плацдарма. Во время дождя разведчики, потеряв бдительность, напоролась на немецкую засаду и погибли. Погиб и Илларион Егоров. Но об этом я узнал много позднее...

На Магнушевском плацдарме 1-й батальон 220-го полка занял польскую деревню Грабовская Воля. Его командир на левом фланге впереди батальона выставил секрет (передовой сторожевой пост). Из секрета за действиями противника вели наблюдение два Николая – Ларионов и мой родственник Жигалов.

Немецкая часть танками стала теснить батальон. Комбат забыл отдать приказ Жигалову и Ларионову покинуть секрет. Ларионов понял это и побежал к отступающему батальону. Немецкий танкист выпустил по нему снаряд. Левую руку Ларионова по локоть срезало словно бритвой...

Исключительно дисциплинированный Николай Жигалов без приказа комбата не оставил свой пост. В окопчик угодил вражеский снаряд и разорвал на куски моего родственника.

Бои за Магнушевский плацдарм носили исключительно ожесточенный характер. К середине сентября 1944 года он был расширен по фронту до 44 километров и до 15 км в глубину. Фронт стабилизировался. Немцы усиленно укрепляли свою оборону, опоясали ее до четырех и более линий траншей.

79-я дивизия в расширении плацдарма понесла большие потери и была в октябре 1944 года переведена во второй эшелон. Наша разведка 220-го полка как-то шла по плацдарму. На пути мы видели много братских могил. На одной из них мой взгляд задержался. Братская могила была в огороде сожжённого дома. Над могилой возвышался шест с прибитой наверху фанеркой, на которой были написаны химическим карандашом шесть фамилий. Вторая фамилия – Илларион Иванович Егоров. «Неужели мой земляк?», – мелькнуло у меня в голове. В штабе 227-го полка подтвердили, что И.И. Егоров, уроженец Жигаловского поселка Иркутской области, действительно погиб.

Об этой братской могиле, в которой покоился Илларион Егоров, я рассказал в письме сестре Анастасии Алексеевне, жившей в Жигалове на одной улице с матерью Егорова. Сестра, конечно, это письмо показала Марии Петровне...

В мае 1945 года я выписался из ереванского госпиталя № 1472 и поехал в город Якутск, в котором в то время жили мой брат Александр Алексеевич, две сестры и мама. По дороге в Якутск заехал в поселок Жигалово. На другой день после моего приезда в дом сестры Анастасии Алексеевны вихрем вбежала Мария Петровна и, увидев меня, издала вопль. О смерти сына она знала не только из моего письма, но и из похоронки. Сестра и я понимали, что облегчить страдания человека утешительными словами невозможно, утешение будет только раздражать. Лучше помолчать. Так мы и поступили, дали Марии Петровне выплакаться вволю...

...Шестеро жигаловских парней: Николай Хохряков, Николай Наумов и другие погибли при штурме Зееловских высот в апреле 1945 года (Зееловские высоты находятся в пятидесяти километрах восточнее Берлина). Незадолго до этого, после освобождения от захватчиков польского города Люблина, эти парни окончили трехмесячные курсы младших офицеров. Я с ними встречался в октябре 1944 года на Магнушевском плацдарме. В новеньких гимнастерках и брюках, в начищенных кирзовых сапогах, они, гордые, оживленные, прибыли в 79-ю дивизию, и стали командовать взводами...

В то же самое время эти же курсы младших офицеров окончил Пётр Машуков. Демобилизовавшись без единой царапины, он после войны работал в Жигалове кузнецом, но рано ушел из жизни...

Из всех моих земляков-жигаловцев крупно повезло рядовому Михаилу Наумову. Имея семь классов образования, он в 220-м полку был в штабе писарем, там смерть не караулила каждую минуту.

В конце октября 1944 года на восточном берегу Вислы был создан дом отдыха 220-го полка. В десяти уцелевших небольших домиках польской деревни были сделаны топчаны (деревянные койки на козлах), на них матрасовки и наволочки, набитые соломой. После окопов это казалось раем! Попал и я в этот фронтальной дом отдыха. Во время моего нахождения там был произведен набор в полку на шестимесячные курсы младших офицеров. Хотели на курсы отправить меня, но я был в доме отдыха. Вместо меня на курсы направили писаря Наумова.

После окончания курсов он служил в Германии, а затем – на Курильских островах, где год службы приравнялся к трем годам. Рано вышел в отставку в звании полковника, работал в Подмосковье комиссаром в райвоенкомате. Попади я тогда на эти курсы, возможно, подобная судьба ожидала бы и меня...

Насколько мне стало известно позже, на польской и немецкой землях остались навечно лежать 12 жигаловских выпускников Кяхтинской снайперской школы. Двое вернулись домой покалеченными. Остальные парни вернулись домой без серьезных ранений и контузий. Из числа вернувшихся домой 10 человек ушли из жизни по разным заболеваниям уже после войны.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Кто его хранил?

– И чего о нем писать? Он на фронте только осколки фашистских снарядов собирал, – шутливо начала разговор о своем муже Илларионе Михайловиче его супруга. – Да на нем живого места нет, – уже серьезно продолжала разговор Марфа Алексеевна, – перенести шесть ранений, контузию и выжить. Уму непостижимо. Да и сейчас – пуля уже 65 лет у сердца, два осколка в теле ноют до сих пор. В последние годы цистит замучил. Он сидеть не может, только стоять или лежать...

1919 год. В морозный день церковного праздника Крещения Христова в семье крестьянина Михаила Александрова жена Саша родила десятого ребенка. Часто на лице младенца появлялась улыбка. При крещении его нарекли Илларионом (в переводе с греческого – веселый). Но веселого в той жизни было мало. Пришлось вдосталь хлебнуть горя. Многодетная семья жила под Иркутском в селе Жилкино на Барабе. Околоток в царское время слыл разбойничьим. Под стать дурной славе местные мальчишки росли бедовыми, отчаянными, устраивали потасовки. С ранних лет Ларик помогал по хозяйству. В свободное время с ребятами гонял голубей, лазил по крышам, дрался. Особенно любил лошадей, которые имелись у брата отца и старшего зятя. Мальчик чистил их, несказанно радовался оседлав коней. Он частенько был предоставлен самому себе, решал возникшие вопросы самостоятельно. В таких условиях формировался его характер. Отец работал десятником на строительстве завода тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева. После окончания пяти классов подросток решил зарабатывать сам и пошел на стройку завода. Работал учеником столяра, матросом-мотористом на катере. Возили на стройку песок, щебенку, бутовый камень.

Рядом со стройкой находился гидроаэродром, где с зеркальной глади Ангары взлетали гидросамолеты на Якутск. Подросток загорелся желанием стать летчиком. В то время эта профессия считалась героической.

Напротив Знаменской церкви со стороны Жилкино на Ангаре находилось звено гидросамолетов Ленской авиагруппы Главсевморпути. Возглавлял авиагруппу известный иркутский летчик Виктор Львович Гольшев. Тот самый Гольшев, который 22 июля 1926 года открыл авиалинию Верхнеудинск (Улан-Удэ) – Урга (Улан-Батор), положив начало регулярным полетам гражданской авиации в Восточной Сибири.

Паренек с Барабы увлекся работой в авиации – мечта сбылась. Вначале «устранял зазоры между плоскостью и тряпкой». Опытный наставник, бортмеханик самолета ПС-7 (АНТ-7) Иван Иванович Жуков научил его трудолюбию, аккуратности в работе. Дотошный моторист сдал экстерном зачеты и стал трудиться авиатехником-практиком, постигал тайны технического обслуживания самолетов. По совету наставника он продолжил обучение в вечерней школе. Находил время для обучения прыжкам с парашютом, которым научил его штурман Михаил Петрович Протасов. Выполнил 18 прыжков с самолета ПС-2.

Экипажи Ленской авиагруппы выполняли регулярные полеты по воздушной линии Иркутск – Якутск – Тикси, вылетали на особые задания Управления полярной авиации. В авиагруппе работали многие иркутяне. Среди них был Сергей Александрович Асямов, ставший в годы войны героем Советского Союза.

Однажды при полете из Тикси в Якутск самолет, в котором находился авиатехник Илларион Александров, попал в сильнейший снегопад. Экипаж решил возвращаться в Жиганск. При развороте самолет резко бросило вниз на землю. Многометровый слой снега амортизировал падение самолета, все пассажиры и экипаж остались целы. Так Илларион принял второе крещение – воздушное. Работа на северных авиалиниях его закалила.

После передачи Ленской авиагруппы Главсевморпути в гражданскую авиацию он перевелся техником на Оёкский аэродром под Иркутском. Но мечта быть летчиком не покидала его. Началась самая кровопролитная в истории человечества Великая Отечественная война. Александрова направили в летную школу, но на медкомиссии врачи обнаружили шумы в сердце. По этому поводу, в беседе со мной он с грустью заметил: «Правильно написал Максим Горький: «рожденный ползать, летать не может»».

В ноябре 1941 года я был призван в армию, направлен под Читу в Антипиху, где формировалась воинская часть. Думал, что возьмут авиатехником в авиацию или в десант, однако попал в минометчики.

– 11 января 1942 года мы приняли воинскую присягу, нас в вагонах-теплушках паровоз повез на запад. Где-то под Козельском наша часть пополнила поредевшие войска Центрального фронта. Шли упорные бои. Наши войска были измотаны. Мы – то наступали, то отступали. Я был наводчиком 82-миллиметрового орудия.

Козельск – стратегический узел железной дороги на Москву, Тулу, Тамбов. Этот городок прославился еще в XIII веке. В 1238 году жители оказали героическое сопротивление войскам хана Батые. Героическая слава города придавала бойцам новые силы. Они воевали упорно.

8 мая в ожесточенном бою была бешеная канонада, появились немецкие бомбардировщики «Юнкерсы». Бомбы с первых двух самолетов не попали на позиции батареи Александрова, но осколком с третьего ему повредило позвоночник. Красноармеец из Барабы получил боевое крещение. Оптимист, он безгранично верил в нашу победу. В госпитале соседям по палате говорил: «Немцы зря беснуются, все равно мы победим. Я заговоренный. Родился в церковный праздник, жизнь крестила в полете. Фашистская пуля меня не убьет, только поцарапает».

29 июля Иллариона Александрова наградили высшей солдатской медалью «За отвагу» за № 287 900. В августе младший сержант вновь в боевом строю на Центральном фронте. Отважный боец снова ранен осколком, который задел голову. Перевязку, что и в первый раз, делал командир минометной роты Марков. Через 25 дней смелый солдат опять на передовой.

– Ох, как было тяжело под Заячьей горой, – вспоминает ветеран войны. – Это уже за Мосальском, на западной границе Калужской области. Шли затяжные бои. Немцы яростно защищались, контратаковали. Случалось нам схватываться с ними в рукопашную. Снарядов катастрофически не хватало. Заводы, эвакуированные на восток, еще не заработали полностью, и доставлять вооружение, продовольствие было крайне трудно. В воздухе постоянно барражировали немецкие самолеты, бомбили и расстреливали конные повозки, обозы. В день положено было сделать всего 5 выстрелов, стреляли по команде. Выстрелим, и в траншею. Недели две голодали. На день приходилось 100 гр. хлеба. На двоих банка тушенки на 2 дня. Счастливы были, когда находили убитую лошадь.

– Мы оборонялись. В особо памятный день 13 ноября 1942 года фашисты обрушили на нас шквал артиллерийского огня. Я был ранен, потерял сознание. Пришел в себя в медсанбате дня через три. То и дело бредил. Началась гангрена, находился на грани смерти. Многие говорили, что не выживу.

Его ранило в грудь под сердце. Пулеметная пуля метила в сердце, но спасло ребро. На излете пуля-злодейка задела его, изменила траекторию полета и застряла в сердечной рубашке по соседству с человеческим мотором. Рана оказалась тяжелой. Пуля обожгла кроме того правое плечо. Более месяца младший сержант находился в полковом лазарете, врачи боялись транспортировать тяжелораненого. Он, преодолевая жуткие боли, побывал в нескольких госпиталях.

– Через три месяца начали готовить к комиссованию, – продолжает рассказ Илларион, – но уж сильно хотелось бить фашистов. Пришлось взять грех на душу. Попросил младшего сержанта Иванова из Красноярска пройти медкомиссию за меня. Подмены не заметили. В суматохе кто разберет, Иванов это или Александров.

В середине февраля 1943 г. бесстрашный защитник Родины снова на фронте. Вскоре он был контужен, боевые крещения продолжались. Московские врачи предлагали демобилизацию, сильно сдавало сердце.

– Но я просился на фронт, – продолжает вспоминать ветеран, – не мог в тяжкую годину оставить друзей. Не бахвалюсь, патриотизм в те годы был массовый. Подавляющая часть населения нашей страны стремилась сражаться, не щадя живота своего. Весь народ приближал Победу. Чего греха таить, были немногие, которые увиливали с передовой. Зато сейчас они живы и здоровы, при случае говорят: «Мы тоже пахали». Да Бог им судья! Меня направили в запасной полк, обучили стрелять из модернизированной 45-миллиметровой пушки и направили на Брянский фронт. На орловско-брянском направлении немцы хорошо укрепили свои позиции. Началась Курская битва – грандиозное сражение Второй мировой войны. Мы вначале оборонялись, потом наступали. В августе был затяжной бой за одну деревню в районе железнодорожной станции Карачев. Стояла летняя жара, солнце палило нещадно. Гимнастерки были мокрыми от пота. Немцы вели ураганный артиллерийский огонь по нашим позициям. Голубые небеса разрезали снаряды, кругом грохотало, свистело, гремело, летели куски железа, земли. Брянская земля стонала. В нашем батальоне полегло более 50 человек. Друзья моего расчета погибли. Из девяти пушек осталась одна – моя. Батальон оказался разрезан на две части. Я с командиром батареи временно оказался в окружении. Защищались, как могли. Меня ранило в правое бедро. Осколок повредил мягкую ткань ноги. Через 18 часов нам помогли воины соседнего батальона. Ранагноилась долго, побывал в двух госпиталях. За этот бой был награжден второй медалью «За отвагу» номер 596 204.

Затем, волею военной судьбы, Александров попал под Ленинград. Сражался в упорных боях за г. Пушкин, когда войска окончательно сняли блокаду города-героя. В жестоком бою был еще раз ранен в правое плечо. – Наверное, пуля метила в голову, – говорит с улыбкой Илларион, – но не попала. – Через месяц в составе гвардейского полка он держал боевой путь в Латвию. Где-то под Ригой снова ранен – осколок повредил левую ногу. Лечили почти полгода.

После госпиталя направили в Челябинскую танковую школу. Окончил курсы командиров самоходной артиллерийской установки (САУ-152) и догонял войска, ушедшие вперед. На пограничной станции Бзео в Румынии мы узнали о Победе. Радости не было предела. Минут тридцать раздавались автоматные очереди. Румыны радушно угощали нас вином. Думал, что скоро буду дома, но война для меня не закончилась. Пришлось на самоходке еще год поддерживать порядок на временно оккупированной территории Австрии.

– Страшно было в боях? – Конечно, страшно, – признался ветеран, – особенно при артиллерийских обстрелах. – Старались поглубже залезть в траншею. Но, наводя орудие на вражеские позиции, забывали о страхе и думали только о поражении цели.

За храбрость, стойкость, мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Илларион Михайлович Александров награжден

орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу» дважды, «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», всеми юбилейными и многими памятными.

Вернулся в любимый Иркутск солдат Победы в 1946 году. Неприятные известия ждали гвардии старшину дома. Не дождавшись сына, умерла мать, сильно стал прибалывать отец. Жена, узнав из писем о ранениях Иллариона, уехала на свою родину. Пришлось создавать новую семью. Познакомился он с Марфой, у которой было двое детей. Женился. Она была моложе его всего на год. Марфа Никонова в 1938 году окончила курсы шоферов. Возила на автомашине ЗИС-5 грузы для северян на пристани Качуга, Жигалово. Началась война, мужа взяли на фронт. Марфа, как многие женщины военной поры, заменила мужчин. Пришлось испытывать голод, холод. Не доедала, кусочки хлеба выменивала на четвертинку молока детям. Растила детей одна. Заедет, бывало, на минутку домой, наскоро покормит ребятшек и вперед по рытвинам грунтовых дорог. Всю войну вплоть до 1945 года водила легендарный ЗИС-5.

Любящий небо Александров устроился авиатехником в аэропорт Оека. Известный летчик Борис Людвигович Шмаков, награжденный в годы войны многими орденами, предложил перевестись в Амакинскую аэроэкспедицию, ведущую поиски алмазов в Якутии. Затем Илларион трудился в иркутском авиаотряде местных воздушных линий. С большим усердием он готовил к вылету самолет-трудягу ПО-2. Пилоты совместно с геофизиками Сосновской экспедиции искали урановые месторождения.

– Я обижен на проверяющего из Министерства гражданской авиации, – рассказывает приросший к авиации ветеран. – Московский чиновник дал указание не принимать инвалидов на техобслуживание воздушных судов и меня комиссовали.

Он не мог так быстро расстаться с авиацией и еще 14 лет обеспечивал спецодеждой летно-технический состав одного подразделения Иркутского аэропорта. Пока позволяло здоровье, стучал молотком, изготавливая изделия из жести в коммунально-хозяйственных службах города. Слыл первоклассным жестянщиком, стремился заработать побольше для семьи. Стаж работы составил 63 года! В любое время года азартный болельщик, он в кругу аэрофлотовцев на трибунах стадионов поддерживал областные футбольные и хоккейные команды.

Марфа Алексеевна и Илларион Михайлович в любви и согласии жили более шестидесяти лет, вырастили троих сыновей, имели внуков и правнуков. Пережили смерть старшего сына Михаила, умершего после командировки в Чернобыль. Старикам удобно, что сейчас младший сын Александр проживает с ними. Иногда нужна помощь, старость не радость, болезни одолели обоих.

В теле Александрова два осколка дают о себе знать. От проклятой пули чашечка покалывает в области сердца, затвердела ткань вокруг свинца, порой воздуха ему не хватает.

– Врачи пытались удалить от сердца пулю? – спрашиваю упрямого инвалида.

В госпитале побоялись убрать, здоровье было слабое. В 1968 году знаменитый иркутский врач Борис Николаевич Бойцов решил вынуть ее из тела. Но после консилиума сказал: «Слабовато сердце, может не выдержать. Прожил с пулей четверть века, сроднился, живи и дальше». Вот и живу, не сдаюсь.

В жизни Илларион был крещен не раз: после рождения в купели, в полете при падении самолета на землю, на фронте вражеским огнем. Не раз был на волоске от смерти, но выдержал все превратности судьбы иркутянин.

– Меня судьба хранила, – заканчивает разговор Илларион Михайлович Александров, – наверное, потому что родился в праздник Крещения Господня.

Анатлий Фатин, заслуженный работник транспорта РСФСР

В боях за город русской славы ...

20 января 1944 года был освобожден от немецко-фашистских захватчиков один из древнейших центров русской культуры – город Новгород Великий.

За многовековую историю новгородская земля неоднократно подвергалась нашествию иноземных завоевателей, пытавшихся поработить русский народ. Но особенно тяжелый, ни с чем не сравнимый по своим материальным и людским потерям урон новгородская земля понесла в годы Великой Отечественной войны, автору этих строк удалось быть участником памятных боев на берегах Волхова, у Ильмень-озера, у стен Новгородского Кремля...

Я хорошо помню свой первый бой под Новгородом. Помню и другие – в Австрии, при штурме Будапешта, на чехословацкой земле... Но самый «близкий» в памяти все-таки новгородский. Он запомнился не столько ожесточенным сопротивлением фашистов, сколько душевным потрясением от потери близких мне людей – однополчан 1009-го артиллерийского полка 225-й стрелковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова.

15 августа 1941 года противник перешел в общее наступление на новгородском направлении. В ночь на 20 августа после кровопролитных боев Новгород был оставлен советскими войсками. Тогда наша дивизия потеряла до половины личного состава. Это было горькое и трудное время...

В 1942–1943 годах под Новгородом долго шли тяжелые бои местного значения. Гитлеровцы создали здесь мощный оборонительный рубеж, превратив захваченный город и его окрестности в крупный опорный пункт. Через Новгород проходили четыре железных дороги – на Ленинград, Волхов, Старую Руссу и Лугу. Используя их, немцы маневрировали своими войсками и перебрасывали по этим дорогам вооружение и боеприпасы. Вот почему вражеские дивизии с особым ожесточением обороняли Новгород.

– Скажу о стойкости бойцов, штурмовавших древний Новгород. Город этот в то время был небольшой, но его стратегическое значение было важным. Здесь наша дивизия держала тяжелейшую оборону, отражая непрерывные атаки врага. Линия фронта проходила по реке Волхов, по мелколесью и болотам. Зимой

– морозы и оттепель, летом – частые и обильные дожди. Вот в этих условиях, требующих большой выдержки, бойцы сдерживали превосходящие силы и даже в самые тяжелые и критические моменты не теряли веры, что настанет время, когда они погонят фашистов прочь с советской земли.

Жестокое сражение длилось долго – более двух лет.

Я хорошо помню неистовые бомбежки, когда небо от взрывов соединялось с землей, и стада танков в снежной степи, ползли на наши батареи. Я помню раскаленные стволы орудий, непрерывный гром выстрелов, скрежет, лязг гусениц, распаханутые телогрейки солдат, мелькающие со снарядами руки заряжающих, черный от копоти пот на лицах наводчиков, черно-белые смерчи разрывов... Если горе имеет свой запах, то оно пахнет огнем, пеплом и смертью...

Первые попытки освободить древний русский город были предприняты советским командованием еще летом 1942 года. Особенно ожесточенные бои разгорелись в июне. И хотя мы освободили ряд населенных пунктов, прорвать глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев не удалось. Фашисты яростно сопротивлялись.

В одной из атак, у деревни Никиткино (которая находилась недалеко от бывших аракчеевских казарм Муравьи), когда мы поддерживали пехоту, ведя из орудия огонь прямой наводкой, я был тяжело ранен. Это было 1-го июля 1942 года. Самой деревни не было, ни одного уцелевшего дома не осталось, а просто валялся кирпич и рос бурьян.

В медсанбате разрезали гимнастерку и из левого кармана вытащили залитый кровью комсомольский билет. Таким я носил его всю войну (после войны билет вместе с фронтовыми реликвиями сдал на хранение в Иркутский краеведческий музей). Хочется сказать – сколько же таких комсомольских билетов, как мой, было омыто кровью в годину тяжелых испытаний!

После излечения в госпитале, я 2-го марта 1943 года вернулся в родной полк, принял взвод управления в первом дивизионе. Тогда одна из наших батарей занимала огневую позицию южнее деревни Теремец – последнего опорного пункта обороны врага на левом берегу Волхова. Пришел наконец час нашего наступления.

В ночь на 20 марта 1943 года части дивизии форсировали реки Малый Волховец и Левощня. В этой операции особенно отличился личный состав 299-го стрелкового полка. Именно этот полк был богат боевыми традициями. В нем служили три героя-богатыря: сержант И.С. Герасименко и рядовые Л.А. Черемнов и А.С. Красилов, совершившие бессмертный подвиг. 29 января 1942 года, они закрыли своими телами амбразуры фашистских дзотов. Это помогло подразделению захватить вражеский узел сопротивления, после чего наша 225-я стрелковая дивизия форсировала реку, смогла зацепиться за плацдарм. Неподалеку от того места сейчас установлен обелиск в память о подвиге сержанта Ивана Герасименко, рядовых Александра Красилова и Леонтия Черемнова. Подвигу трех воинов поэт Николай Тихинов в те дни посвятил следующие строки:

*Разведчики бывалые, поход для них не нов...
Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подьмет Ленинград...
Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дотов узкие закрыты грудью их!*
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов

Особенно скрытно готовилось форсирование озера Ильмень. Соответствующие соединения (225-я и 372-я стрелковые дивизии и 58-я стрелковая бригада) тренировались на большом удалении от озера, а к его берегу прибыли лишь за сутки до исходного часа.

Много внимания уделялось вспомогательному направлению, в обход Новгорода с юга. Сюда перебросили аэросанные батальоны, лыжников и особые средства усиления – легкие самоходки и бронемшины. Но всех нас беспокоило, что на всем пространстве Ильменя толщина льда не превышала 30 сантиметров. Выдержит ли он людей и технику? К январю 1944 года мы добились здесь превосходства в артиллерии над противником в пять раз. Если у него на один километр фронта приходилось 18 орудий и минометов, то у нас – 100; соотношение в танках – 1:4 в нашу пользу. Наконец, господство в воздухе принадлежало тоже советской авиации.

Удар наших войск был стремительным и внезапным, завязались ожесточенные бои. Необычно тихим для фронта было утро 14 января 1944 года. Для нас это являлось непривычным, шел снег, кстати, снега было в ту зиму на территории древней земли очень много. И мы говорили между собой, что такое затишье бывает перед бурей. Так оно и случилось.

Содрогнулась земля, полтора часа длилась артиллерийская подготовка. Затем наши танки и пехота двинулись с рубежа Любцы-Слутка на фашистские позиции. Гитлеровцы были ошеломлены обрушившимся на них огненным ударом.

– Артподготовка русских, – рассказывал после один пленный офицер 561-го отдельного штрафного батальона, – была ужасающей и страшной. Вся наша оборона была поднята на воздух. Русская пехота очень быстро ворвалась в наши укрепления. В 3-ей роте из 110 солдат и офицеров, после артиллерийского огня и атаки русских, было убито 40, ранено 29 и взято в плен 10 наших солдат и офицеров.

Правда, плохая погода не давала нашей артиллерии вести прицельный огонь, а из-за низкой облачности авиация вообще не сумела в первый день принять участие в подготовке наступления и вступила в действие только на второй день.

Часть танков застряла в болоте: внезапная оттепель, необычная для января, превратила поросшие кустами кочковатые ледяные поля в грязное месиво. Мы тогда все волновались.

И несмотря на эти трудности, отдельные полки нашего 14 стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Рождественский, вышли на рубеж атаки за несколько минут до окончания артподготовки, и когда артиллерия перенесла огонь в глубину, полки эти ворвались в оборону противника. Удар оказался

столь мощным, внезапным и стремительным, что первая позиция гитлеровской обороны сразу же перешла в наши руки, а 15 января была перерезана железная дорога Новгород – Чудово.

К исходу дня 16 января 1-й стрелковый батальон 299-го стрелкового полка под командованием майора Б.П. Демянюка перерезал шоссейную и железную дороги Новгород – Шимск севернее Воробейки.

Противник потерял важнейшую дорогу, которая обеспечивала боевые действия полуокруженной Новгородской группировки противника. В этом бою отличились многие мои сослуживцы. Мужество и героизм проявил воспитанник полка Ваня Николаев.

Будучи связистом, он под яростным огнем врага не раз восстанавливал телефонные линии. Четырнадцатилетний паренек был удостоен медали «За отвагу».

Враг цеплялся за каждый выгодный рубеж. Бои не утихали ни днем, ни ночью. Они превращались в ожесточенные схватки не только за многочисленные водные рубежи и узлы обороны, но и за небольшие населенные пункты и отдельные высоты.

В наступлении наши войска испытывали исключительные трудности. Лесисто-болотистая местность, бездорожье, наступившая сильная оттепель резко снижали продвижение войск, особенно артиллерии и танков.

Не хватало автотранспорта, но бойцы шли по не замерзшим болотам, утопая по колено в холодной грязи. На своих плечах они несли боеприпасы, вытаскивали застрявшие автомашины, орудия и даже танки и самоходные установки. Все стремились помочь друг другу, чем только могли.

Когда наметился успех на плацдарме озера Ильмень, южнее Новгорода, туда были переброшены через озеро 1347-й полк и наш 1009-й артиллерийский полк. Нас беспокоило, что на всем пространстве Ильменя толщина льда не превышала 30 сантиметров. Выдержит ли он лошадей и технику? Переправить их было нелегко. Даже лошади проваливались под лед. Их вытаскивали веревками, которые заранее привязывали к постромкам. Технику переправлять было еще труднее, но мы своего добились.

Нашему полку была поставлена задача форсировать озеро Ильмень. Едва мы спустились на лед, как налетела гитлеровская авиация, но, умело маневрируя, мы избежали больших потерь. В этой операции особенно отличились командир батареи капитан В. Комаров и командир орудия младший сержант П. Каширин. В критический момент боя, отбивая ожесточенную контратаку вражеских танков, они выкатили орудие на прямую наводку и подбили две гитлеровские машины. Остальные были вынуждены ретироваться. Тогда наша батарея потеряла одно орудие, которое ушло под лед, а телефонистка Зина Кольцова была ранена.

Бои за Новгород шли днем и ночью, не ослабевая ни на один час. Враг упорно сопротивлялся, рассчитывая на неуязвимость своей обороны. Но хорошо разработанная и искусно проведенная боевая операция разрушила все планы гитлеровцев.

Все ту же и ту же стягивалось кольцо советских войск вокруг города. Одна за другой перерезались вражеские коммуникации. В момент, когда наши войска вступили на восточную окраину, немцы взорвали мост через Волхов. По остаткам пролетов и ферм, по льдинам и обломкам советские воины устремились в центральную часть города.

Вот и стены древнего Новгорода. Здесь проявили себя наши сослуживцы, младший лейтенант П. Шатский и сержант М. Толмачев.

Обезвреживая с группой саперов минные поля, они, используя благоприятный момент, ворвались в опорный пункт гитлеровцев на окраине города и удерживали его до подхода основных сил дивизии.

Опасаясь окружения, противник начал отходить из района Новгорода на запад. Но избежать разгрома ему не удалось. 19 января войска 59-й Армии перехватили все дороги, идущие из города на запад.

20 января начался общий штурм Новгорода. Ожесточенные уличные бои завязались ночью. В город наши части ворвались одновременно с нескольких сторон, а к утру мы завершили ликвидацию не успевших отойти частей новгородской группировки. Подразделения 58-й стрелковой бригады, 1347-го стрелкового полка и нашего 1009-го артиллерийского полка 225-й дивизии, штурмовавшие с юга, встретились у стен древнего кремля с батальоном майора А. Веретенникова из 1238-го полка 378-й стрелковой дивизии, ворвавшимся в город с северо-запада. Это его воины – сержант Иван Калачев, сержант Михаил Карпухин и рядовой Григорий Скуратов первыми достигли постаментов памятника В.И. Ленина. С севера ворвался в город 1349-й полк 225-й дивизии с частями 191-й дивизии, наступавшей из района Кречевиц.

В 11 часов 25 минут 20 января 1944 года войска нашей 59-й армии полностью овладели Новгородом, и в тот же день полковники Николаев и Швагилов водрузили красный стяг над новгородским Кремлем. Нашему ликование не было предела. Ведь мы освободили от фашистских захватчиков один из древнейших русских городов, колыбель нашей национальной культуры. Сколько раз, готовясь к боям, мы говорили о Новгороде. Широко раскинувшись на берегу многоводного Волхова, он как магнит притягивал к себе наши сердца. Ведь каждый из нас знал, что Новгород рано стал крупным торговым и ремесленным центром России. Озеро Ильмень являлось изначальной точкой великого водного пути «из варяг в греки». Отсюда по рекам Мсте и Тверце новгородцы легко добирались до Волги, а по Шелони – до Пскова, чтобы затем оказаться на берегах Балтийского моря.

И вот теперь древний Новгород снова свободен. С его высоких холмов, тянувшихся по берегу Волхова, мы с восхищением смотрели на пятиглавые купола Софии, на Кремль, называвшийся когда-то Детинцем. Нам не терпелось взглянуть на памятник «Тысячелетие России», который, как говорили наши сослуживцы, раньше бывавшие в Новгороде, стоял в самом центре городского Кремля. Но...

Отступая, фашистские варвары до основания разрушили в городе многие памятники старины, гордость нашей культуры.

Бойцы и офицеры замедляют шаг на площади в Кремле. Перед их глазами – следы варварства гитлеровцев: ценнейший памятник культуры, созданный в ознаменование тысячелетия России, разобран на части, которые валялись на снегу. Скульптурные изображения разбиты. Довести подлое преступление до конца – отправить памятник как металлический лом на переплавку – фашистам не удалось. Советские воины выбили их из Новгорода.

Мы прошли через весь Новгород. Тысячи домов, фабрики, заводы, древние соборы лежали в руинах (из 2346 домов было разрушено 2306). В нем не осталось ни одного сколько-нибудь целого здания. Фашистские негодяи разрушили больницы, школы, предприятия, церкви, и даже телефонный кабель был вырыт из земли. В восточной части города осталось только одно здание учительского института, вернее – стены от него. Сердце обливалось кровью, когда приходилось смотреть на эти злодейские преступления гитлеровцев.

Город пуст. Фашисты угнали в Германию 166 тысяч новгородцев на принудительные работы, многие из них не вернулись, не дожили до Дня Победы. Десятки тысяч людей были истреблены в лагерях на оккупированной территории. Наши бойцы отбили в районе Новгорода большую группу населения, угоняемого в рабство. Конвой, состоявший из 200 гитлеровцев, был истреблен. В день освобождения в городе не было и семи десятков жителей.

В боях за Новгород войска 59-й армии разгромили пять пехотных дивизий, кавалерийский полк «Норд», другие части и подразделения противника. Были уничтожены более 17 тысяч, пленены 3 тысячи вражеских солдат и офицеров. Захвачены 182 орудия, 120 минометов, много стрелкового оружия, 263 автомашины и немало другого имущества. Значительное количество вражеской техники было уничтожено на поле боя.

Да, это была убедительная победа! В день освобождения Новгорода по радио передали приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, в котором говорилось: «Войска Волховского фронта перешли в наступление на Новгородском направлении, форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень и, прорвав сильно укрепленную долговременную оборону немцев, сегодня, 20 января, в результате умелого обходного маневра штурмом овладели важным хозяйственно-политическим центром страны – городом Новгородом – крупным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев».

Всем войскам, участвовавшим в прорыве вражеской обороны и освобождении Новгорода, Верховный Главнокомандующий 20 января объявил благодарность, 50 частей и соединений получили почетные наименования «Новгородские» (в их числе и наша 225-я стрелковая дивизия), некоторые из них были награждены орденами.

А в 20.00 20 января Москва торжественно салютовала доблестным войскам двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Большая группа бойцов и командиров, отличившихся в боях за Новгород, удостоилась высоких правительственных наград.

На запад через освобожденный город двигались наши войска. Чувство законной гордости, наполнявшее сердца советских воинов, смешивалось со скорбью и гневом при виде разрушений. Фронтовики шли мимо руин Великого Новгорода и своими глазами видели следы фашистского варварства. Советские бойцы и командиры давали клятву уничтожить врага, освободив от него всю нашу родную землю.

За дни фашистской оккупации на долю города выпало невзгод не менее, чем за предыдущие одиннадцать веков. Почти каждый ребенок стал сиротой, каждая женщина – вдовой, старик – погорельцем.

Несмотря на огромные разрушения, причиненные Новгороду, он начал быстро оживать. С запада еще доносились артиллерийские залпы, а в освобожденный город уже шел народ, его жители. Приступили к работе советские учреждения.

После двухлетнего перерыва на улицах города вновь зазвучала русская речь.

Жители этого края свято чтят память тех, кто отважно дрался и погиб в боях за Новгород в начале войны, и тех, кто сложил свою голову в январских боях 1944 года, освобождая новгородскую землю. Многие улицы Новгорода носят имена воинов, отдавших свои жизни за его освобождение.

Никогда не изгладятся в памяти народной героические подвиги отважных солдат из Бурятии, Забайкалья, Иркутской области, Красноярского края. Многие отдали здесь свои жизни. Вечными часовыми новгородской земли стоят памятники этим отважным бойцам.

В.И. Дорошенко, подполковник в отставке, инвалид войны

Фронтвой врач

Валентина Яковлевна Головачёва родилась 3 октября 1921 года в посёлке железнодорожников на станции Карачи Новосибирской области. Отец, Яков Дмитриевич Головачёв, работал начальником станции, мать, Марфа Степановна, занималась домашним хозяйством. В 1937 году отец по доносу был арестован и осуждён по 58 статье, мать с дочкой Валеё, тогда ученицей 8 класса, выселили из квартиры, принадлежавшей железнодорожному ведомству. Приютили их сердобольные люди.

Марфа Степановна уговаривала дочь-отличницу идти продавцом в продовольственный магазин, а Валин брат Пётр, студент Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта, настаивал, чтобы Валя продолжала учёбу в школе, советовал отцовскую одежду и инструменты выменивать на продукты, обещал после окончания института матери и сестре пересылать деньги на жизнь. Он так и поступил, и после окончания института в 1939 году Петр Яковлевич материально помог сестре окончить не только школу, но и Омский медицинский институт.

На второй день после выпускного вечера, весной 1943 года Валя со своими однокурсниками явилась в райвоенкомат с заявлением об отправке в действующую армию. Выпускникам мединститута выдали солдатское обмундирование и в товарных вагонах отправили в Московский военный округ.

Штаб округа направил их на краткосрочные курсы по хирургии и рентгенологии в город Вологду, а после окончания курсов в сентябре 1943 года послал в распоряжение санитарного управления 2-го Украинского фронта, располагавшегося в городе Харькове.

Молодым медикам на всю жизнь запомнилась долгая дорога по опалённым войной местам: товарный поезд пересекал Орловскую, Курскую, Белгородскую и Харьковскую области, по которым недавно прокатились ожесточённые бои. По сторонам железной дороги чернели пепелища сожжённых деревянных домов, в кирпичных зданиях зияли чёрные дыры от снарядов, громоздились кучи раскрошенного кирпича, торчали обнажённые балки перекрытий разрушенных вокзальных зданий, виднелись воронки от бомб и снарядов, вывороченная земля, разбитые ящики из-под снарядов, искорёженные танки, артиллерийские орудия, машины, повозки, мотки колючей проволоки, ежи (сваренные крест-накрест железные брусья, предназначенные для того, чтобы об них ломались гусеницы танков), обвалившиеся окопы и траншеи, наполовину залитые водой...

Когда молодые врачи с большими трудностями добрались до только что отбитого у врага Харькова, они были потрясены видом города. Везде громоздились руины каменных домов – груды кирпича и обвалившихся стен, угрюмо нависали над улицами устоявшие под бомбёжкой высокие здания с развороченными перекрытиями и скрученными железными балками.

Санитарное управление в Харькове прибывшие врачи не застали – дивизии 2-го Украинского фронта прорвали фашистскую оборону и очищали от захватчиков украинскую землю. Медики добирались до нового места расположения санитарного управления на попутных грузовых автомашинах.

Валя Головачёва получила назначение во фронтовой эвакуопункт (ФЭП-30). Задачу эвакуационного пункта входила сортировка раненых, непрерывно поступающих из медсанбатов и прямо с поля боя, оказание им экстренной медицинской помощи и эвакуация тяжелораненых в глубь страны в стационарные госпитали.

Эвакуация тяжелораненых бойцов с железнодорожной станции была очень трудной, так как фашистские бомбардировщики обрушивали на вокзал тонны смертоносного металла, несмотря на то что на вагонах санитарных поездов были нарисованы красные кресты. Во время налётов фашистских бомбардировщиков земля содрогалась от мощных взрывов.

Как вспоминает сейчас Валентина Яковлевна, перевязывать и лечить искалеченных и израненных бойцов приходилось в непригодных помещениях, иногда под открытым небом на соломе или на траве, в редких случаях – в палатках, сараях, под навесами при свете керосиновых ламп или коптилок, изготовленных из гильз снарядов, при свете фар, подключённых к работающему движку (госпитали имели собственные портативные полевые электростанции для осве-

щения операционных). Работа по оказанию помощи раненым не прерывалась ни на минуту, так как эвакуацию тяжелораненых необходимо было проводить в кратчайшие сроки. Медики валялись с ног от недосыпания и усталости. Только в короткие промежутки между подвозами раненых появлялась возможность врачам и санитарам немного передохнуть.

Великая Отечественная война закалила фронтовых медицинских работников. Они выполняли священный медицинский долг, трудились безотказно.

Много километров Валя Головачёва со своим госпиталем проехала по дорогам Венгрии, Чехословакии, Румынии. В Центральной Европе она увидела много красивых мест и курортных городков. Её госпиталю посчастливилось остановиться в одном из них. В венгерском Хефис-Фюрде она познакомилась с будущим мужем – Иваном Фёдоровичем Жовтым. Он был по образованию биолог, работал заведующим лабораторией. Поженились они в 1944 году. Свадьбу сыграли скромно, без особых торжеств. За обедом начальник госпиталя объявил Валю Головачёву и Ивана Фёдоровича мужем и женой. А официально они оформили свой брак уже после войны, в 1946 году, когда у них родился сын Женя. На фронте Валентина Яковлевна и Иван Фёдорович то оказывались вместе, то судьба разбрасывала их по разным участкам фронта.

Когда госпиталь находился в венгерском городке Хефис-Фюрде, медиков разместили в частных домах.

На первом этаже домика, как правило, жил сам хозяин со своей семьёй, а второй этаж хозяин в мирное время сдавал отдыхающим. В таком доме и поселились на время Валентина Яковлевна и Иван Фёдорович. Рядом с Хефис-Фюрде раскинулось солёное озеро с горячими источниками и лечебными грязями. Лечение на этих источниках проходило очень быстро и эффективно, раны почти моментально заживали.

Венгр, у которого жила Валентина Яковлевна с мужем, имел большие виноградники и всё время угощал им врачей-сибиряков: каждый раз, когда Валентина Яковлевна и Иван Фёдорович возвращались из госпиталя, их на столе дожидалась ваза с яблоками и виноградом.

Однажды Валентина Яковлевна разговорилась с хозяином и узнала, что он в гражданскую войну в России воевал в составе армии Колчака, побывал даже в Новониколаевске (теперь Новосибирск). Когда венгр узнал, что Валентина Головачёва из Сибири, да ещё из Новосибирска, он невероятно обрадовался.

Сразу начались общие воспоминания. Хозяин всё время спрашивал: «Как же Вы там, в холоде, живёте?»

И ещё удивился – как русские мужики пьют керосин? Оказывается, однажды он был свидетелем того, как русские солдаты сцеживали жидкость из керосиновой лампы и пили её. Пришлось объяснить ему, что на самом деле это был вовсе не керосин, а спирт, который иногда применяли для освещения.

После Венгрии Валя Головачёва со своим госпиталем переехала в Австрию. Госпиталь расквартировался в небольшом городке Ладендорфе, в сорока километрах от Вены. Австрия и Вена у Валентины Яковлевны всегда ассоциировались

с композитором Штраусом и фильмом «Большой вальс», вышедшим на экраны перед самой войной. Съёмки этой картины проходили в роскошном королевском дворце, рядом с которым и встретила Валентина Яковлевна день День Победы.

Утром 9 мая она услышала беспорядочную стрельбу. Сначала подумала, что госпиталь оказался во вражеском окружении. Но услышала радостный крик «Победа!!!», и сердце захлестнула радость. Стреляли все у кого было оружие, сигнальные ракеты и прочая пиротехника. Раненые офицеры падали из табельных пистолетов и автоматов... Радость была невообразимая! Воздух долго сотрясал грохот выстрелов, но это были уже не боевые, а победные выстрелы.

Как вспоминает Валентина Яковлевна, передвижной госпиталь сразу почти опустел. Раненые самовольно отправились в свои части праздновать окончание войны. Из 350 человек в госпитале осталось только 50.

Оставшиеся раненые быстро поправлялись, и медицинские работники, воспользовавшись удобным моментом, рискнули отправиться на экскурсию в Вену. Ну как можно было не проехаться по местам, где бывал Штраус, где снимался фильм «Большой вальс»? Во дворце императора Франца Иосифа Валентина Яковлевна со своими врачами-коллегамы сфотографировалась на память.

Медработники побывали и во дворце, и в великолепном парке, посетили кладбище, где похоронены Иоганн Штраус, Иоганнес Брамс и другие композиторы, которыми прославилась Австрия. Сам город был местами разрушен, пострадал знаменитый Венский оперный театр. Впечатления от необыкновенного путешествия по Вене остались у Валентины Яковлевны на всю жизнь.

За героизм на фронте В. Я. Головачёва награждена орденом Отечественной войны 2 степени, медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многими юбилейными.

Демобилизовалась Валентина Яковлевна в 1946 году в звании майора медицинской службы, потом защитила диссертацию и, получив диплом кандидата медицинских наук, 33 года проработала в Иркутском противочумном институте. В этом же институте заместителем директора института по научной работе трудился и её муж, Иван Фёдорович Жовтый, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки.

Валентина Яковлевна и Иван Фёдорович вырастили и воспитали троих детей – сына Евгения, дочерей Татьяну и Аллу. У них 7 внуков и 9 правнуков. В девяностых годах их дружную семью постигло два несчастья – в 1991 году ушёл из жизни Иван Фёдорович, через пять лет скончался сын – Евгений Иванович, доктор технических наук.

Головачёва тяжело перенесла смерть дорогих для неё людей. Чтобы отвлечься от горьких переживаний, она активно занималась общественной деятельностью. Загрузила себя важной работой в Правобережном округе, являясь заместителем руководителя клуба «Фронтовые друзья».

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

На Ленинградском фронте

На Ленинградский фронт старший пионервожатый средней школы, 18-летний комсомолец, а ныне гвардии подполковник Евгений Леонидович Голосницкий прибыл еще до блокады – 19 августа 1941 года. Его призвали 18-летним пареньком, из обыкновенной средней школы, что в Мордовии. Новобранца 9-го разведывательного артиллерийского полка назначили заместителем полнотрука пулеметной роты.

В ноябре нормы довольствия были снижены. На передовой красноармеец стал получать 125 граммов мясных консервов и 500 граммов хлеба в сутки. Незаменимые рабочие – 250, гражданское население и иждивенцы – только 125. Всего лишь 125 граммов в сутки черного, как асфальт, наполовину со жмыхом или солодом, малопитательного, плохо пропеченного из-за нехватки топлива, хлеба. Смерть на улицах стала массовой и выглядела слишком буднично. Блокадник просто шел куда-то по своим делам, вдруг падал и мгновенно умирал. Специальные похоронные службы ежедневно подбирали на улицах сотни трупов.

После нового 1942 года в январе температура воздуха снизилась до –33 градусов. Замерзли все внутридомовые водопроводы. Горожане стали брать под прицельным огнем тяжелой артиллерии воду из прорубей, устроенных на реках и каналах блокадного города. После того, как были съедены все голуби, собаки, кошки и крысы, люди стали есть клей, одежду и обувь из кожи.

По воспоминаниям выживших в этом аду, желудок у человека начинало подводить к спине, холод становился внутренним. Его ледяные щупальца пронизывали тело насквозь, руки и ноги не сгибались, пальцы отказывались служить, кожа вокруг рта становилась темной. Потом лица людей становились похожи на черепа мертвецов с оскаленными передними зубами. Ноги подкашивались, и голодному замерзающему человеку становилось тепло. Разум покидал умирающего в последнюю очередь, мозг его еще жил три-четыре минуты...

В середине февраля начались сильные ветра. Март 1942 года стал самым холодным за всю историю метеонаблюдений, начиная с 1743 года и по сегодняшний день. А когда морозы отступили, вспыхнули эпидемии холеры, брюшного и сыпного тифа, и только самоотверженностью медицинских войск удалось избежать значительной гибели населения. Хлорная известь, аммиак, марганцовка применялись тогда тоннами. На фронте единственным укрытием были землянки. Бойцы не мылись неделями, не меняли белье.

В редкие минуты фронтового затишья сон моментально валил с ног оголодавших, мерзнувших на стылом ветру защитников Ленинграда. Тактику осадного боя противник избрал такую. Сначала начинался обстрел наших позиций из тяжелой артиллерии и минометов, затем вперед шли танковые колонны захватчиков, а за ними – мотопехота.

17 марта 1942 года:

– Только я начал проваливаться в темноту, только заснул, – вспоминает младший политрук Голосницкий Евгений Леонидович, – как слышу, кто-то дёргает меня за шинель и кричит: «Товарищ младший политрук, немцы провалились! Нас окружают!» Я мигом на бруствер. Огляделся. Вижу, а немецкий танк уже перед нашим окопом. Соседняя стрелковая ячейка раздавлена гусеницами другого танка. Даю команду взводу сменить позицию на правый фланг. В открытом поле нас бы танки быстро подавили гусеницами и мы стали пробираться окопами. В моем взводе только и оставалось, что немного патронов к карабинам, а гранаты кончились еще в прошлом бою. Пробираемся дальше и наталкиваемся на нашу раздавленную стрелковую ячейку. Ефрейтор Павел Волков – наш связной – нашел там одну единственную противотанковую гранату.

В это время разрыв танкового снаряда откинул бойцов на дно окопа. На плече младшего политрука появилась рваная дырка от осколка. Его плечо стало заливать кровью:

– Хорошо слегка по касательной задело, царапиной отделался, но тогда я даже не почувствовал это, а танк шел прямо на нас...

Через несколько мгновений немецкий танк выстрелил почти в упор. Красноармейцы Исаев и Павлов погибли на месте взрыва снаряда. Танк заполз на бруствер, расстрелял весь боезапас и стал утюжить позиции красноармейцев гусеницами. В это время раздался взрыв, и «Пантера-Панцир» загорелась. Немецкий танк стал пятиться задним ходом, оставляя за собой шлейф черного дыма. Без поддержки бронетехники немецкая пехота идти в открытый бой на позиции наших красноармейцев побоялась. Очередная атака захватчиков захлебнулась.

На следующий день во взвод младшего политрука прибыло пополнение из сибиряков, и фронтовые будни дальше полетели бесконечной чередой. За этот бой он был удостоен медали «За боевые заслуги», и сегодня она напоминает гвардии подполковнику Евгению Леонидовичу Голосницкому тот далекий бой за Ленинград.

Он переживет оборону города и вместе с наступающей Красной Армией, погонит врага на Запад, освобождая нашу Родину от захватчиков. В одном из боев Евгений Леонидович получит тяжелую контузию и встретит Великую Победу в Прибалтике. Его демобилизуют по инвалидности...

Со временем на его погонах засверкают звездочки лейтенанта, затем капитана, а потом после высших курсов для политруков и подполковника. К боевым наградам Евгения Леонидовича присоединится орден «Великой Отечественной войны» и медаль «За победу над Германией».

Уже более 30 лет гвардии подполковник Евгений Леонидович Голосницкий возглавляет комитет ветеранов войны и военной службы города Шелехова.

Эдуард Мельников

Снайпер Михаил Хамаза

Михаил Кириллович Хамаза родился в сентябре 1926 года в селе Хлистуновка Корсунь-Шевченковского района Киевской области, в крестьянской семье. Его отец, Кирилл Кузьмич, и мать, Анастасия Ефимовна, с 1930 года работали в колхозе, поднимали на ноги пятерых детей. Миша в семье был младшим ребенком. В родном селе в 1939 году он окончил пять классов и в этом же году семья переселилась на новое место жительства – в деревню Знаменка Жигаловского района Иркутской области. В Знаменке Миша продолжил учёбу, в 1942 году окончил седьмой класс и стал работать в местном колхозе.

В ноябре 1943 года семнадцатилетний Михаил Хамаза был призван в Советскую Армию. Молодого бойца направили в Кяхтинскую снайперскую школу, которая располагалась в Бурятии.

Курсанты учились стрелять из винтовки с оптическим прицелом, бросать гранаты, бегать по склонам сопок в полном походном снаряжении: с противогазом на боку, винтовкой, двумя гранатами. Серьёзное внимание уделялось маршировке. Выстраиваясь то по взводам, то по отделениям, рота часами печатала шаг по мёрзлой дороге.

Кормили курсантов три раза в день, в строго установленное время. В столовую шли строем под командованием старшины. Он запомнился Михаилу тем, что всегда ходил в наглаженной форме и начищенных хромовых сапогах. Водил старшина курсантов и в баню. Бывало, выстроит их нагишом в холодном предбаннике и минут пять-шесть читает наставления, а затем выдаст им кусок мыла размером с ноготь и командует: «Марш в баню!». Сверхмахонького мыльца не хватало даже для мытья одной головы...

Курсанты на старшину не жаловались: в первые же дни их пребывания в снайперской школе сержанты предупредили, что жаловаться на командиров в армии не положено. И курсанты на крохоборство, грубость сержантов и старшины никому не жаловались – терпели.

Командиром 2-го взвода, в котором служил Хамаза, был лейтенант Мещеряков. Ему было около сорока лет. Сухощавый, жилистый, сутулый, он к курсантам относился подчеркнуто строго, даже безжалостно. Говорил тихо, но жестковато. Хамаза ни разу не видел на его лице улыбки. Он жил с семьёй в Кяхте и находился во взводе два-три часа перед обедом. Фактически взводом командовал помощник командира взвода старший сержант Макеев, который во всём подражал лейтенанту. Курсанты боялись и не любили обоих.

Полной противоположностью этим командирам был младший сержант Феофанов – командир третьего отделения. Добрый, он сочувствовал курсантам, заступался за своих подчинённых. Михаил Хамаза считает, что ему крупно повезло: он был в составе третьего отделения.

...В середине июня 1944 года курсантам выдали новые гимнастёрки, брюки, ботинки с обмотками и шинели. Старые гимнастёрки и брюки за шесть месяцев пребывания в снайперской школе ни разу на стирались и лоснились от грязи.

В новеньком обмундировании выпускники школы, построенные по четыре в ряд, оживлённые, радостные, что едут на фронт, прошли строем мимо трибуны, на которой стояли их наставники-офицеры, сочувствующими взглядами провожавшие своих питомцев.

...На фронт снайперы ехали в товарных вагонах, спали на голых нарах. Шинель заменяла и матрац, и подушку, и одеяло. В течение дня им выдавали три раза одно и то же – ломоть хлеба и кусочек сала без чая. Ели всухомятку. На железнодорожных станциях, во время остановок, солдаты стремглав бежали к колонке (приспособление в виде цилиндра с ручкой и краном для отпуска воды) и поочередно пили холодную воду. На станциях же возле вагонов отправляли свои естественные нужды.

Через месяц состав добрался до железнодорожной станции Сарны на Украине, строения которой были сильно повреждены во время налёта немецкой авиации. Поезд не задержался на станции и остановился от неё в пяти километрах к западу. Это было очень правильное решение: как только наступили сумерки, над Сарной появились немецкие бомбардировщики, которые, осветив большими фонарями на парашютах местность, стали сбрасывать на станцию бомбы. Земля сотрясалась от взрывов. Снайперы выскочили из вагонов и недалеко от насыпи прижались к земле, с испугом и любопытством наблюдали за бомбёжкой. Ещё бы: они впервые прикоснулись к войне!

А на рассвете, даже не накормив их завтраком, офицеры повели молодых солдат к месту дислокации полков 79-й дивизии 8-й гвардейской армии, которой командовал известный всем по Сталинградской битве генерал В. И. Чуйков. Хамаза был определен в 227-й полк.

В составе этого полка он участвовал в операции «Багратион», форсировал реку Буг, сражался на улицах польского города Люблин, преодолевал широкую Вислу. Как вспоминал Михаил Кириллович, 1 августа 1944 года он в составе своей роты перебрёл через две протоки Вислы, окопался на острове на 25 сантиметров, а глубже нельзя было – внизу плескалась вода.

С острова роту перевезли на западный берег на американских лодках-амфибиях. Над переправой постоянно кружили немецкие самолёты, которые сбрасывали бомбы, расстреливая десантников из пулемётов. К счастью, ни одна пуля, ни одна бомба не угодила в амфибию, в которой находился Хамаза. Советские истребители во время форсирования Вислы не появлялись: они были заняты на Сандомирском плацдарме.

На западном берегу реки рота Хамазы, перебежками, преодолев расстояние в два километра, окопалась. Затем ещё продвинулась на пять километров. Бойцы вырыли одиночные окопы в полный рост. Вскоре появились немецкие танки. Над окопчиками они разворачивались и гусеницами заживо затаптывали солдат. Следом шли немецкие автоматчики, добивая оставшихся в живых. Хорошо, что немецких автоматчиков было не слишком много. Их отсекали огнём из пулемётов и винтовок.

А наша артиллерия пехотинцам не могла помочь: она находилась ещё на восточном берегу Вислы. В этом единоборстве фашистских танков с советскими пехотинцами погибло много советских солдат. Из роты Хамазы за три дня боёв в живых осталось только 10 человек, из четырёх офицеров – один.

В начале ноября 1944 года Михаила осколком мины ранило в ногу. Лечился он в городе Магнушев, что в 60 км южнее Варшавы, в полевом госпитале. После выздоровления, в декабре 1944 года, его направили в роту охраны штаба 8-й армии.

Вспоминая об этом времени, Михаил говорил: «Мне показалось, что я из ада попал в рай! И понял, что война далеко не для всех солдат одинакова. Одни идут в бой в первых рядах, голодные и холодные, над ними свистят пули и осколки, а рота охраны передвигается сзади них, её солдаты сытые и отдохнувшие. Хотя, конечно, мы понимали, что рота охраны тоже необходима...».

Михаил Хамаза прослужил в роте охраны до 1950 года. После демобилизации приехал в деревню Знаменка, окончил курсы трактористов, поработал на тракторе, потом его назначили заведующим молочно-товарной фермой. Позже он возглавил Знаменский сельский совет, занимался общественной деятельностью: 12 лет был в родном колхозе председателем народного контроля, много лет руководил первичной комсомольской организацией, состоял в школьном родительском комитете.

В марте 1951 года Михаил Кириллович женился на красивой девушке Клавде Черкашиной. У счастливой супружеской четы один за другим появляются на свет шесть сыновей: Александр, Николай, Кирилл, Алексей, Михаил, Анатолий и единственная дочь – красавица Елена.

Первенец Александр Михайлович сейчас живёт и работает в Иркутске. Остальные – в Жигаловском районе.

За ратные подвиги на фронте Михаил Кириллович был награждён орденом Отечественной войны второй степени и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Берлина» и многими юбилейными.

27 мая 2007 года Михаил Кириллович ушёл из жизни, но образ боевого снайпера, трудолюбивого и порядочного человека продолжает жить в памяти детей, внуков и товарищей.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Горная быль и сибирский характер

Владимир Алексеевич Киселев родился 11 декабря 1924 года в Иркутске в семье военнослужащего. Его отец, майор Красной Армии Алексей Никифорович, часто по службе переезжал с одного места на другое. Его жена, Евгения Васильевна, в связи с постоянными переездами вынуждена была заниматься только домашними делами и воспитанием детей. Сын Володя не по своей воле менял

школы и десятый класс закончил в городе Эссентуки, Ставропольского края, где служил его отец.

Грянула Великая Отечественная. Немецко-фашистские войска, разгромив в пограничных сражениях разрозненные части Красной Армии, по магистральным дорогам быстро стали продвигаться вглубь нашей страны. Партийные и советские органы на пути движения вражеских войск в спешном порядке стали строить оборонительные сооружения. В этой работе участвовал и выпускник Эссентукской школы Владимир Киселев.

После быстрых сборов и прощаний с родными он в октябре 1941 года в воинском эшелоне ехал на запад – к Ростову-на-Дону, чтобы там, вместе с местным населением строить под городом оборонительные сооружения. Как вспоминал Владимир Алексеевич, во время работ, которые не прекращались даже ночью, до строителей стал доноситься слабый, а затем и громкий гул артиллерийской канонады. Фронт неумолимо приближался к городу. Все чаще немецкие бомбардировщики стали сбрасывать бомбы и расстреливать работающих там людей. Строителей нередко привлекали к ликвидации мелких диверсионных групп, сбрасываемых на парашютах на железнодорожные узлы, мосты и другие важные стратегические объекты. В этих операциях участвовал красноармеец Владимир Киселев. В одном из таких боев он получил легкое пулевое ранение. Лечился в санитарной роте.

Оборонительные сооружения, созданные к западу от Ростова-на-Дону, протяженностью 100 километров, не задержали продвижение немецких войск. После упорных уличных боев советские войска 21 ноября 1941 года оставили Ростов-на-Дону, отошли на восток за реку Дон.

Овладев городом, часть немецко-фашистских войск устремилась на Кавказ. Замысел врага по овладению Кавказом состоял в том, чтобы захватить там источники нефти, парализовать базы Черноморского флота и установить непосредственную связь с турецкой армией.

Начались ожесточенные бои за перевалы Кавказского хребта. Как вспоминал Владимир Алексеевич, бойцы частей Красной Армии не только отбивали атаки фашистов, но и сами переходили в контратаки и удерживали свои позиции. Особенно яростными и ожесточенными были атаки немцев вдоль Военно-Осетинской дороги по Баксанскому ущелью. Однажды 2-му полку 151-й стрелковой дивизии, в рядах которого воевал Киселев, было приказано выбить фашистов с высоты, господствующей над местностью. После артподготовки бойцы полка трижды бросались в атаку, но каждый раз отходили, теряя своих товарищей. Фашисты отчаянно защищались. Полк снова возобновил атаку на высоту и на этот раз вышиб немецких егерей.

Для дальнейшего продвижения вперед необходимо было с помощью артиллерии подавить вражеские огневые точки. А для этого надо было выявить их с помощью разведки боем. Командир 151-й дивизии приказал взводу разведчиков и роте автоматчиков незаметно для немцев на рассвете подползти к их позиции и атаковать. Когда фашисты из пушек, минометов и пулеметов откроют огонь,

они себя обнаружат, после чего наши артиллеристы должны хорошо поработать – подавить обнаруженные огневые точки.

Среди автоматчиков был Владимир Киселев. Как он рассказывал, разведчики, вдавливаясь в складки местности, бесшумно ползли до исходной позиции. Все шло как по маслу – без сучка, без задоринки. Когда до вражеских окопов расстояние сократилось до броска ручной гранаты, командир роты вскочил на ноги и крикнул: «Вперед, на врага!» Бойцы, словно их шилом кольнуло, с пронзительным «ура» сорвались с места и понеслись на вражеские окопы. Рев сотни глоток, свист, отборный мат и трескотня автоматов ошеломили немцев. К тому же, они наших разведчиков и автоматчиков приняли за штрафников, дерзость которых им была известна не понаслышке. И фашисты бросились наутек.

В этой атаке много полегло наших бойцов, много было раненых. Ранение получил и Владимир Киселев. Крупный осколок мины попал ему в левую руку, чуть ниже плечевого сустава, разорвав мягкие ткани и раздробив кость. Санитары вынесли автоматчика с поля боя, и начались его долгие странствования по госпиталям. Едва поправившись в одном городе, он уже переводился в другой, чтобы вскоре тоже покинуть его.

Долечивался Владимир Киселев в иркутском госпитале, размещенном в здании средней школы. К слову сказать, в том госпитале заместителем начальника по политической работе был майор Алексей Никифорович Киселев – отец Владимира Киселева. В общей сложности Владимир Алексеевич лечился в госпиталях без одного месяца год. Не раз хирурги хотели ему ампутировать раненую левую руку. Вопрос стоял так: или смерть от гангрены или остаться с одной рукой. Об этом периоде Владимир Алексеевич рассказывал: «В свои неполные 18 лет я не хотел быть инвалидом... Лучше умереть и не быть обузой в такие молодые годы для себя и для своих родных. Я очень мучился от сильных болей, но стойко и определенно решил: пусть останется моя рука. Мое отчаяние от переживаний поняла врач-хирург, наблюдавшая за мной. Она и спасла мне руку. Через два-три часа она подходила ко мне и долго сидела рядом. Осматривала рану, интересовалась температурой, боясь допустить развитие гангрены. Наконец объявила радостно всему медперсоналу: «Не ампутировать руку этому молодому человеку, а лечить надо!» По молодости лет я не запомнил ее имя. А так жаль! До сего времени я очень благодарен этой милой женщине.

Еще долгие месяцы лечили меня в других госпиталях. Перенес еще несколько операций: очищали раны, извлекая острые крошки раздробленной кости. Но остался с рукой. Только в конце ноября 1943 года, уже в Иркутске, выписался из госпиталя с заключением – не годен к строевой службе, а потом был направлен на курсы санитарных инструкторов».

После окончания курсов Владимир Киселев санинструктором проходил службу в 1913-м истребительном противотанковом полку в Забайкалье. Условия службы в полку были далеко не из легких: питание плохое, постоянные холода пронизывали тело. Жил Киселев, как и все солдаты, в землянках. Ко всему этому были частые боевые тревоги, в любую погоду марш-броски по 25–30 киломе-

тров. Все это изматывало солдат. Командиры говорили им: «Тяжело в учении – легко будет в бою!»

Воинские части, в том числе и санинструкторы, готовились к предстоящей войне с Японией. И она началась 9 августа 1945 года. 1913-й истребительный противотанковый полк в числе передовых подразделений двинулся вглубь Маньчжурии, уничтожая японские военные объекты. Санинструктор Владимир Киселев со своим полком под палящим солнцем (температура воздуха поднималась до плюс 40-50 градусов) прошел по степи и сопкам Маньчжурии, по горным дорогам и тропам Большого Хингана, освобождая от японских оккупантов китайские города и деревни.

Демобилизовавшись в январе 1947 года, Владимир Алексеевич вернулся в родной Иркутск. В городе еще сохранялась карточная система на хлеб. Прилавки в магазинах были пусты. На улицах встречались на костылях, колясках участники минувшей войны.

Перед Владимиром Алексеевичем встала дилемма: работать или продолжить учебу. И он решил учиться в Иркутском мединституте. Это решение поддержали родители и выразили готовность поддерживать его материально.

Окончив в 1951 году с отличием стоматологический факультет мединститута, Владимир Алексеевич в течение трех лет обучался в ординатуре на кафедре терапевтической стоматологии под руководством профессора С.И. Вайса и одновременно читал студентам лекции по своей специальности.

С 1965 года он – ассистент кафедры терапевтической стоматологии в родном институте. С 1977 года В.А. Киселев организовал и возглавил самостоятельный курс детской стоматологии в институте, а с 1980 года в течение восьми лет заведовал кафедрой стоматологии детского возраста. Его бывшие ученики в институте стали крупными специалистами, написали и защитили кандидатские и докторские диссертации. Это профессора Л.М. Яновский, В.Г. Васильев, В.Д. Молоков, А.Т. Карнаухов, доценты Г.И. Саблина, П.А. Кафтанов и другие.

За героизм в годы лихолетья В. А. Киселев награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и юбилейными.

В 1947 году Владимир Алексеевич Киселев женился на студентке своего факультета Наталье Борисовне Лебединской. Владимир Алексеевич и Наталья Борисовна вырастили и воспитали двоих детей – Елену и Александра.

...12 июля 2010 года сердце Владимира Алексеевича Киселева перестало биться.

Н.А. Алферов, член Союза журналистов России

Черемховский парень

Семнадцатилетний выпускник 1940 года Черемховской средней школы № 1 Дмитрий Ващенко в конце 1941 года стал курсантом Томского артиллерийского училища. После полугодовой учебы в звании младшего лейтенанта он был направлен на Волховский фронт командиром огневого взвода 76-ти миллиметровых полковых пушек. Его прибытие на фронт совпало с Синявинской наступательной операцией войск Ленинградского и Волховского фронтов в период 27 августа – 6 октября 1942 года. Цель операции – деблокада Ленинграда с суши и срыв готовившегося противником нового штурма города.

Предусматривалось встречными ударами двух фронтов разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и тем самым восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. В ходе этой операции удалось только овладеть плацдармом в районе Невской Дубровки, где развернулись упорные, кровопролитные бои. Однако расширить захваченный плацдарм, а также прорвать оборону противника на всю глубину и соединиться с Волховским фронтом ленинградцы не смогли. Правда, новый штурм фашистами города был сорван.

Подразделение, в котором находился взвод Ващенко, оказалось в окружении. Местность – лесисто-болотистая. Фашисты в дневное время на окруженцев сбрасывали с самолетов бомбы, обстреливали их из орудий и минометов. Но бомбы, снаряды и мины, поднимая фонтаны болотной грязи, вязли в ней и теряли убойную силу – большого вреда обороняющимся в окружении не приносили.

подавлять вражеские огневые точки было нечем: кончились снаряды, мины, патроны. Иссякли сухари. Бойцы вынуждены были питаться кониной. Вырезали куски мяса с разлагающихся трупов животных, прополаскивали их в болотной воде, смывая многочисленных белых червей, и варили мясо в солдатских котелках. Над падалью роились зеленые мухи. Трупный запах животных вызывал тошноту и отвращение. Некоторые солдаты не могли есть это вонючее с червями мясо. Они предпочитали есть горькую кашу, сваренную из мелко нарезанной березовой коры. Утоляли голод все по-разному...

Преодолев невероятные трудности, спрятав в болоте ценные детали пушек, голодные, оборванные, изможденные бойцы Ващенко вырвались из окружения в полном составе. Каждый из них испытывал такую радость, словно заново появился на свет. Окруженцев встретили крепкими рукопожатиями, хлоपываниями по спинам, угостили табачком и, конечно, солдатской кашей. После еды бойцы Ващенко блаженно затягивались сладковатым махорочным дымом...

Во второй половине февраля 1943 года Дмитрий Ващенко со своей батареей принял участие в Демянской наступательной операции Северо-Западного фронта. Фронту предстояло ликвидировать немецкий Демянский плацдарм, на котором находились 15 вражеских дивизий. С этого плацдарма, в центре которого находился небольшой город Демянск, немцы готовили новое наступление

на Москву. Северо-Западному фронту нужно было окружить все 15 немецких дивизий и уничтожить их. Некоторые армии фронта с опозданием начали наступление. Этим воспользовались фашисты – без больших потерь вывели свои части с плацдарма, избежав окружения. Хотя «котел» для немцев не получился, но ликвидация этого плацдарма практически сняла угрозу наступления противника на Москву.

Артиллерийскому подразделению Ващенко нужно было пробиться через минные поля к Ремушевскому коридору – западной границе Демянского плацдарма. Проход для полковых пушек на минном участке поручили сделать лейтенанту Ващенко. Руководству артдивизиона было известно, что лейтенант неплохо знал несложную технику минирования. Ващенко взял с собой двоих артиллеристов. Когда долговязому бойцу он задал несколько вопросов по обезвреживанию мин, то тот обидчиво сказал: «Проверяешь, лейтенант? Да? Я в этом деле не одну собаку съел». И боец это подтвердил на деле. Знал толк в разминировании и другой боец – парень лет двадцати, веснушчатый, рыжеватый, с добрым лицом. Путь все трое обшаривали миноискателями, время от времени попадая под огонь фашистских минометов. Опытные, они знали, что под минометным огнем ползти ничуть не опаснее, чем оставаться лежать на месте. Ващенко со своими бойцами успешно проделали проход в минном поле. По этому пути потянулись на конной тяге полковые орудия. За успешное выполнение этого ответственного задания лейтенант со своими бойцами был награжден медалью «За отвагу».

Осень 1943 года. Северо-Западный фронт. Оборона на реке Ловать, недалеко от города Холм. Утро безветренное, теплое. Чистое, безоблачное небо. После крепкого сна в землянке на свежей соломе и сытного завтрака на душе у командира батареи старшего лейтенанта Ващенко было светло и радостно. Молоденький краснощекий ординарец Ванюша, размахивая письмом-треугольником, весело крикнул своему командиру: «Пляшите, товарищ старший лейтенант, – Вам из дома весточка!»

Ващенко торопливо развернул треугольник и побледнел, лицо его как-то сразу осунулось, на лбу появились холодные капельки пота. В письме тринадцатилетняя сестренка Таня сообщила страшную весть – убит на фронте их отец – артиллерист-наводчик Семен Ефимович Ващенко, в июле 1943 года ему был только 41 год.

Артиллеристы обступили своего любимого командира и стали утешать каждый по-своему. Старшина Юрьев советовал для уточнения срочно отправить письмо в артиллерийскую часть, в которой служил Ващенко-старший. Сержант Захаров, зная, что Ващенко-младший не переносит табачный дым, всё же предложил ему закурить и успокоиться. Рядовой Черкашин из фляжки налил полную кружку трофейного шнапса. Старший лейтенант раз за разом выпил две кружки шнапса и даже ничего не почувствовал. Все бойцы батареи единодушно решили дать возможность командиру выспаться и не беспокоили его вопросами...

Старший лейтенант хотел и сам забыться сном, но сна не было ни в одном глазу, хотя кругом было спокойно, по-ночному тихо, только около землянки лаяла со сна батарейная собачонка Шарик. Дмитрий зажег жестяную коптилку и при колеблющемся желтом свете в десятый раз перечитал письмо. Он любил своего отца, гордился им. Не мог припомнить ни одного случая, чтобы отец бранился, хватался за ремень. С матерью, Полиной Кузьминичной, отец жил в любви и согласии, никогда не ссорился...

Рано утром в землянку заглянул лейтенант Попов, возглавлявший в подразделении разведку. Всегда чисто выбритый, подтянутый, с белым подворотничком, сейчас старший лейтенант имел другой вид – обросший, со спутанными волосами, лезшими ему на лоб, в расстегнутой гимнастерке, с отвисшей нижней губой и темными кругами около глаз. По серым щекам тянулись две борозды от слез. На столе разбросаны окурки, пустая фляжка из-под водки.

Лейтенант Попов тихо сказал:

– Дима, у тебя горе. Но надо взять себя в руки. Получен приказ – перебраться на другую позицию.

– Это я выполняю...

Гибель отца не озлобила сердце Ващенко-младшего, а только придала его манерам, голосу, всему его облику отпечаток грусти. И с этого дня за гибель отца Дмитрий Ващенко с ожесточением мстил фашистам.

В 1944 году он был дважды ранен (в январе и декабре). Победу встретил в госпитале в звании капитана. Выбыл из армии по ранению. За ратные подвиги на фронте награжден орденом Отечественной войны 1 степени и медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Отечественную войну 1941–1945 гг.».

После войны Дмитрий Семенович в Черемхово работал нормировщиком на шахте «Малый Артем», затем – начальником планового отдела в тресте «Черемховпромстрой». Окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт в Москве. В течение 18 лет возглавлял планово-экономическое управление Главвостоксибстроя, 12 лет был членом областной плановой комиссии. Общий трудовой стаж у Дмитрия Семеновича-подполковника запаса полувекковой. Он награжден в мирные дни медалью «За трудовое отличие». Ему присвоено звание «Заслуженный экономист РСФСР».

Успешной работе Дмитрия Семеновича, получению им высшего образования и поддержанию здоровья во многом способствовала его спутница жизни Раиса Ивановна – ветеран Великой Отечественной войны и труда, с которой он разделяет радости и печали около шестидесяти лет.

Раиса Ивановна и Дмитрий Семенович вырастили и воспитали двух дочерей, дав им высшее образование. У них два внука и два правнука.

Н.А. Алферов, член Союза журналистов России

Его судьба – разведка

(О полном кавалере ордена Славы Николае Семёновиче Мурашёве)

С земляками любо-дорого вспоминать дела минувших дней. Будто заново вижу большое сибирское село Уян. На десятки километров в округе колосятся тучные поля пшеницы, овса, ячменя, пасутся стада коров, ближе к горам отары овец, а внизу – светлые воды Оки.

С Николаем Семёновичем мы перебираем в памяти знавших толк в хлеборобском деле уянских старожилов: Кашкарёвы, Мурашёвы, Сизых и Тирских. До сих пор в людском обиходе живы названия прежних заимок.

Мурашёвская заимка хорошо запомнилась мне со школьной довоенной поры. Этот живописнейший уголок был в семи километрах от села Уян. По дороге на заимку с левой стороны от села тянулся плотный ельник, остроконечные в темно-зеленом окрасе ели стояли словно изгородь; с правой стороны поднимались горы, покрытые кустарником и лесом, а две-три их вершины были совсем голые. Внизу до самой реки, почти километр, тянулся утопающий в цветах луг, который спускался к реке, образуя там природный пляж с золотистым песком и пологим дном. В этом райском уголке перед войной размещался пионерский лагерь облпотребсоюза. Стояли четыре больших дома, отдыхало более трёхсот детей.

В этом-то живописном уголке и родился 20 апреля 1925 года в семье Семёна Михайловича и Фёклы Александровны Мурашёвых сын Николка. Его раннему детству была дарована вся эта прелесть родной природы.

Раскулаченных родителей сначала отправили на север, но потом семья Мурашёвых снова вернулась в Приангарье и стала проживать в Тулуно. Не что иное, как то самое, еще с детства зародившееся чувство любви к природе, легло в основу дружбы подрастающего Коли с мужем его сестры Екатерины. Зять – Иннокентий Барахтенко стал будущему разведчику и учителем, и наставником, и старшим другом. С 12 лет он брал мальчишку с собой в тайгу на охоту. Научил его тихо ходить, эта манера нашего героя сохранилась и по сей день. И не просто ходить по тайге, а подкрадываться к добыче с подветренной стороны. «Главное, – вспоминает Николай Семёнович наставника, – он доверил мне свое ружьё, и я за это доверие старался метко стрелять. Научил меня быстро и бесшумно забираться на любое дерево и оттуда наблюдать за зверем или птицей».

Николай усвоил не только сноровку, но и нечто более важное – образ жизни охотника. Манеру говорить, шутить и здраво судить о жизни.

Соседи по дому и даче сейчас называют Николая Семёновича просто и с уважением – «дядя Коля». Послушать дядю Колю особенно любят подростки – о том, как он воевал в разведке. Всю зиму у него на балконе возле сделанных им кормушек живут синички, а в квартире с ним его четыре члена семьи – две кошки и две собаки. Забот с ними полон день! Нередко подшучивая над собой говорит: «Лежу, как царь Гвидон!» – это по поводу его больных ног. На Волховском фронте 28 октября 1943 года он был тяжело ранен в ногу, много осколков вы-

тащили за три месяца в госпитале, а вот три из них до сих пор остаются в ноге, принося немало хлопот.

Дядя Коля добр и отзывчив ко всем. Кто бы что ни попросил, он поможет и делом, и советом. На даче одному соседу помог отремонтировать насос, второму – пилу наточил, третьему – смастерил задвижку оригинальную на калитку. «Чутьточку, да помог человеку, – втолковывает он мне, – а по-другому нас не учили».

После госпиталя он участвовал в боях уже в 82-й орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, куда входила 64-я отдельная морская Краснознаменная стрелковая бригада. Именно в ее составе разведчик Мурашёв прошел дорогами войны до Дня Победы. Домой он приехал в звании сержанта при всех регалиях только в 1948 году. Шел домой с вокзала с думой о предстоящей встрече с отцом и матерью, но не смог миновать дома своей учительницы Любви Минеевны, с которой переписывался с фронта.

– Ох, Коленька, – взмахнула руками она и обняла, как родного.

Узнав, что у неё погиб сын, он тут же, сойдя с обветшалого крыльца, на котором они стояли, взялся за работу, и, пока не сделал новое крыльцо, не ушел со двора. «Как памятник другу воздвиг» – пошутил Николай Семёнович.

Вот такой он человек. Дома окунулся в работу. Заготовил лес, привез пиломатериалы и поставил новый дом отцу и матери. Как радовались своему 23-летнему сыну родители!

На доброту ведь люди отзывчивы. На его даче есть аккуратная табличка, на красном фоне которой обозначено: «Здесь живет герой войны Мурашёв Николай Семёнович». Сделал ее сосед по даче – художник, в знак уважения сам её и укрепил. Шофёры, проезжая мимо «салютуют» – сигналият, и ни один не проходит мимо, чтобы не поприветствовать уважаемого человека.

– Вот так я и живу, у всех на виду.

Это точно. Насколько же благороден мой земляк, думаю о Николае Семеновиче, а он продолжает неторопливые свои размышления:

– А кто я такой? Да, воевал в разведке. Но таких было много. Я обыкновенный, как все солдаты, кто, не раздумывая, за Россию мог жизнь положить. И многие отдали свои жизни.

– Наверное, то, что я с детства был вёрткий, хваткий, всё успевал, хорошо владел оружием, умел плотно прижиматься к земле-матушке, помогло остаться живым и нести трудную службу разведчика.

Я внимательно слушаю своего земляка и думаю: насколько же удивительна его скромность. Он воевал как все, не бахвалится своими подвигами, рассказывает, не прибавляя и не убавляя.

– Однажды командованию срочно потребовался свежий «язык», и нас, группу разведчиков, направили с этой целью, как всегда ночью, через передний край к немцам. Случилось непредвиденное. Мы почти столкнулись с группой немецких разведчиков,двигающейся к нашим позициям, но они обнаружили себя, и наши открыли огонь по ним, а немцы – по нам. Что делать? Поиск не удался. Когда мы

возвратились ни с чем, нас отправили на гауптвахту. Заработали! Дисциплина есть дисциплина, воинская тем более! – тяжело вздохнул бывалый разведчик.

– Но в другой раз мы порадовали всех! А ведь случай помог нам. С опушки небольшого леска, где остановилась наша часть, мы пошли на задание по пологому спуску, за которым, сколько мог видеть глаз, тянулось безлесье, и повсюду трава была выше головы. В самой низине уже сгущался белесый туман. Мы шли вдвоём – я и Николай Лазаренко. Отрадно было то, что я шел с опытным разведчиком, сибиряком. На КП развернули карту и ввели нас в курс дела. Начало темнеть, и немцы стали постреливать, запускали осветительные ракеты, словно предчувствуя нашу вылазку в этом районе. На точке исхода мы ожидали сигнала с КП. В низине туман сгущался всё больше и больше. Такой травы, какая была здесь, я и раньше и после никогда не видел: высокие, толстые да еще колючие стебли! Ставлю одну ногу вперед и раздвигаю руками стебли, пригибая их в стороны. И так шаг за шагом шли мы с Николаем довольно долго. Вдруг носок моего сапога упирается во что-то твёрдое. Я развернул стебли и руки мои ощутили железо. Неужели танк? Ещё ниже склоняюсь – так и есть, вот гусеница. Я даже дыхание приглушил и тихо подался назад. Ожидавший меня Николай шепнул, что в буреломе он обнаружил два танка. Надо было быстро уходить, пока нас не заметили немецкие часовые. Немцы запустили очередную ракету на парашюте, и мы присели в траву. Теперь, на обратном пути, каждый метр давался с еще большим трудом, но нас подбадривала удача находки, и мы упорно двигались к своим. Ночь была на исходе, уже рассеивался туман, нам оставалось преодолеть метров пятьдесят...

Первыми нас встретили связисты, и вместе мы двинулись на КП.

– Ну, ребята, какие вы молодцы! Вы сами не знаете, что вы сделали! – воскликнул майор Лошкарёв, начальник оперативного отдела. Выслушав нашу информацию, командир полка и начальник артиллерии обняли нас. – Эта танковая часть немцев была обнаружена нашей авиасъёмкой, но потом исчезла, мы потеряли её. Надежно её немцы спрятали! Ещё раз – молодцы вы!

А война продолжалась, и уже недалеко был ее конец...

«В жестоком бою за овладение сильно укрепленным опорным пунктом обороны немцев, на подступах к реке Одер, деревней Альт-Рюднитц 16 февраля 1945 года красноармеец-разведчик Мурашёв вместе с другими шестью разведчиками проявил героизм и мужество.

Получив задачу – до подхода наших основных сил удержать одну очень важную высоту на подступах к деревне, они бились как львы.

Немцы, не желая оставить этот выгодный рубеж, бросили против смельчаков до ста своих солдат. Завязался жестокий поединок наших шести героев с сотней. Ни на шаг не отступили храбрецы и в этом бою уложили до 60 гитлеровцев. Свою задачу они выполнили с честью ...», – это слова из наградного листа по 601-му стрелковому полку 82-й Яцевской краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии. И вердикт: «Товарищ Мурашёв достоин правительственной награды – ордена Славы 3-й степени». Подпись: командир полка полковник Пазухин.

Бои продолжались без перерыва. Снова подвиг и опять награждение орденом Славы от 16.03.1945 года. Только в суматохе наступления повторно орденом Славы 3-й степени. Некогда было разбираться, требовалось идти вперед. И дивизия шла с боями на Запад.

Был уже апрель 1945-го года. В боях за полное окружение Берлина сержант Мурашёв проявил себя смелым и отважным разведчиком. «21 апреля 1945 года он со своим отделением зашел в тыл противнику, наделал панику и уничтожил со своим отделением до 30-ти гитлеровцев. Этим он дал возможность нашим стрелкам выйти на окраины Берлина и завершить полное окружение, совместно с другими частями. Достоин правительственной награды». Командир полка полковник Пазухин. 2 мая 45 г.

Приказом войскам 47-й армии № 0162 от 24.05. 1945 г. Николай Семенович был награжден орденом Славы 2-й степени.

Так и ходил он сорок один год на все парады и торжества с двумя орденами Славы 3-й степени. Но на войне и не такое случалось. Главное, был жив, а что до нарушения статута ордена Славы, по которому награждение производилось за личное мужество от 3-й степени до 1-й включая вторую, так об этом должно начальство думать.

И все-таки это случилось. 12-го мая 1986 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении сержанта Мурашёва высшим солдатским орденом – орденом Славы 1-й степени в порядке перенаграждения. Он стал полным кавалером этого ордена.

То, о чём я сейчас расскажу, поможет вам лучше понять характер Николая Семёновича. Он много лет переписывался с боевыми друзьями, с кем вместе воевал и участвовал последующие годы во встречах с однополчанами. Ему дорога честь советского солдата и солдатская дружба. Он искренне переживал, что их взводный не смог быть ни на одной встрече. Писал письма, делал запросы в архивы, но безрезультатно. И только однажды по указу о награждении того орденом Николаю Семёновичу удалось в Москве получить его адрес. Сразу же вылетел к нему в Нижний Тагил. Встреча была незабываемой. Борис не верил своим глазам, что его разведчик Николай Мурашёв стоит перед ним. Несколько раз обнимал и всё разглядывал, приговаривая: «Ну, хорош, сибиряк, какой герой! Ведь нашёл!»

Три дня пробыл у своего комвзвода Бориса Ведерникова, заметил, что нездоров его командир, его друг, его учитель. Его доконали неоднократные ранения и, как выяснилось, три послевоенных инфаркта.

– После этой встречи я ему часто писал, но получил только два письма. Ушел мой командир из жизни. Я по нему и теперь сверяю свою жизнь. Когда бывает неважно, спрашиваю себя: а что бы сейчас сделал твой командир?

Со своим лучшим боевым другом разведчиком В. Т. Полынько они вместе были на Эльбе. И с тех пор тридцать шесть лет не виделись. Но Николай разыскал его, и вот в 1981-м встретились в Алма-Ате, В. Полынько тогда работал замминистра юстиции Казахстана. Редко, но все же встречались боевые друзья-разведчики.

Так сложилась судьба Николая Семеновича, что и после войны он продолжал нести службу разведчика, но теперь это была служба разведки земных богатств. Сначала Виллюйская геологическая партия. В 1953 году уехал начальником аварийного комплекса в Мирный, рыли шурфы, открывали алмазы. С 1971 по 1979 год водил вездеходы экспедиции института «Гидромет», затем работал в Азейской экспедиции и на так называемой Белой Зиме. Так и сложилась его судьба – разведчик на фронте и после войны.

Какой была эта служба, судите сами. Вот лишь два эпизода якутской зимы.

– В ноябре надлежало нам перебазироваться на новое место или по новой дороге, или через реку Ботуобия, в 18 километрах от Мирного. Мне пришлось вести наблюдение за ледоставом. Утром подошли оленеводы с большим стадом. Посмотрел, как переправа их идёт, доложил начальству экспедиции: давайте попробуем пройти порожняком. Получилось. И так мы перевезли все припасы на новую базу. А вот потом, когда перевозили людей и грузы на базу в Заполярье, мороз поджимал до 60 градусов. Просёлочная дорога была узкой, приходилось рубить лес по обочинам. Немного прорубим – подтянем два трактора, а потом и машины. Лес звенел и крошился, как лёд. Все замёрзло, а мы держались и пробивались вперёд шаг за шагом до самой базы. Радости не было конца! В новых домиках тепло. И Лиза вскоре приехала. Для меня был праздник вдвойне.

По словам Николая, они и поженились потому, что были оба равнодушны к природе. В выходные укладывали свои рюкзаки, палатки и отправлялись на лоно природы – так было в годы молодые и позже. Жили дружно, душа в душу. Сорок семь лет они прожили счастливо. Лиза двадцать лет отработала рентгенологом, с ответственностью относилась к своему труду, была и сыну их Константину, и мужу настоящим другом. Четыре года её нет в живых. Трудно Николаю без Лизы. Её портрет в комнате на видном месте. Белокурая, с теплой улыбкой и умными глазами она будто с ними. Поверьте, так бывает у тех, кто любит!

Антонина Чуешова

Небо Ивана Выгорко

Участник Великой Отечественной войны Иван Алексеевич Выгорко перед праздником Победы заранее тщательно готовит свой костюм. Прикалывает на нем ордена и медали, которые напоминают ему тяжелейшие годы прошедшей войны. А вспомнить есть что. Войну встретил уже достаточно опытным пилотом. До войны почти три года выполнял полеты в Нерчинской авиабригаде № 29 и начал воевать командиром бомбардировщика Ил-4 (ДБ-3м) авиации дальнего действия, выполняя полеты по уничтожению скоплений войск противника, танковых колонн, мостов и других объектов. Первый боевой орден Красной Звезды ему был вручен в январе 1942 года за боевые заслуги в кровопролитных боях в небе Кубани на Южном фронте. За храбрость, мужество, организаторские способности он был назначен командиром авиазвена. Звено наносило боевые удары по стратегически

важным объектам нефтедобывающей и перерабатывающей румынской промышленности в районе г. Плоешти и морского порта Констанцы.

В первой декаде апреля 1942 года командир звена Иван Выгорко и старший штурман отдельной авиаэскадрильи особого назначения Белоконь И. В. были вызваны в штаб. Им сообщили, что командованию Приморской армии нужны точнейшие сведения о дислокации вражеских войск, маскировавшихся в камышах Приазовья. Причем нужны не только фотодокументы, но и данные визуального наблюдения. Командир авиаэскадрильи подчеркнул, что задание рискованное, они могут и не вернуться. Но экипаж твердо заявил, что готов выполнить боевое задание. Посоветовавшись меж собой, решили вылететь на самолете работяге У-2 на предельно малой высоте (порядка пятидесяти метров), используя фактор внезапности. За выполнение важного задания, которое ускорило разгром немецкой группировки, пилот и штурман были удостоены орденов Красного Знамени. Затем Иван Алексеевич доблестно воевал в составе 4-й воздушной армии Северо-Кавказского и 2-го Белорусского фронтов, был заместителем командира эскадрильи. В мае 1943 года он подает заявление в парторганизацию авиаполка, в котором пишет: «Прошу принять меня в кандидаты ВКП(б). Считаю своим долгом в трудное для страны время быть в рядах партии и готов отдать все свои силы на борьбу с ненавистным врагом». Отважного летчика, комсорга авиаэскадрильи Выгорко рекомендовали ее командир, парторг и начальник штаба. И с удвоенной энергией он продолжал бить фашистов, выполняя полеты на самолете-разведчике Пе-3 (за время войны совершил 274 боевых вылета). В жесточайших боях он остался жив. Что помогло выстоять в этих сражениях? Во-первых, накопленный опыт полетов в довоенное время. Во-вторых, смекалка, мужество и разумная храбрость. В-третьих, безграничная вера в коммунистическую партию, наше правительство, в победу советского народа. Закончил Выгорко войну в 200 километрах от Берлина.

За боевые заслуги, мужество и отвагу Иван Алексеевич, кроме первых двух орденов награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степени, медалями: «За взятие Кенигсберга», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...». После войны фронтовик, пока позволяло здоровье, в течение трех лет выполнял полеты рядовым пилотом, командиром авиаэскадрильи на самолете «Каталина» в Заполярье Северного управления ГА. Затем работал начальником отдела движения Восточно-Сибирского управления Гражданской авиации, заместителем начальника аэропорта Иркутск по управлению воздушным движением, старшим диспетчером приписных аэропортов Иркутского Объединенного авиаотряда. За сорокалетний добросовестный труд в мирное время награжден медалями: «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», знаком «Отличник «Аэрофлота».

Анатолий Фатин, заслуженный работник транспорта РСФСР

Путь солдата

Родился я 20 декабря 1923 г. в с. Звериноголовское, этого же района ныне Курганской области. В момент моего рождения, район входил в состав Челябинской области.

Название село получило от найденной вблизи села при копке колодца звериной головы необычайной величины, которая была перевезена в Петербург и помещена в краеведческом музее.

Наша семья была многодетной. У моих родителей было десять детей, из которых двое умерли в младенческом возрасте. В нашей семье трое – я, брат и сестра были участниками Великой Отечественной войны. Все с фронта вернулись живыми.

По социальному положению, согласно справки сельсовета, наша семья считалась беднячкой. Родители имели 1,5-2,0 гектара земли, лошадь и корову.

Насколько себя помню, с детских лет приходилось трудиться, помогать родителям. Весной пахали землю и сеяли хлеб, сажали картофель, а осенью убирали урожай. Все работы выполнялись вручную, так как кроме плуга и бороны никакой техники не было. Хлеб срезали серпом. Вязали в снопы и вручную молотили.

Этот участок земли, а также лошадь и корова позволяли нам хотя и крайне бедно, но выживать.

В 1929 г. организовали коммуну под названием «Красный пахарь». Всех трудоспособных селян, в том числе моих родителей, заставили вступить в эту коммуну. Причем землю, лошадь и корову у нас отобрали. Предполагалось, что продукты питания членам коммуны будут выделяться из фондов коммуны. Отец и мать с утра и до вечера работали в этой коммуне, но ничего не получали. Выживали за счет огорода.

В 1931 г. на базе коммуны организовали несколько колхозов, в один из которых под названием «Пламя» и вступили мои родители.

За работу в колхозе начислялись так называемые трудовые, именуемые в простонародье «колами». За трудовые в конце года предполагалось выделять продукты: зерно, мясо и т. д. (но практически ничего не выделяли).

Из-за нищенского существования в дни школьных каникул мне вместе с отцом приходилось трудиться на колхозных полях. На полевых станах работников кормили. Я прошел все стадии заготовки сена: кошение, подбор, копнение и скирдование.

После заготовки сена наступала пора уборки хлебов. Косили хлеба такими механизмами как «лобогрейка», «самосвал», в которые запрягали двух быков или одну лошадь. Вот и приходилось работать погонщиком быков и лошади. Удобрений не было, и поэтому урожай были крайне низкими. Приходилось после уборки хлебов собирать оставшиеся колоски. На эту работу привлекались все школьники. Так прошло мое детство.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Весть о нападении немецко-фашистских захватчиков меня застала, когда мы с группой школьников в честь окончания учебного года совершали лодочный поход по реке Тобол по маршруту: Зверинка – Каменка. Я тогда окончил 9 классов. Сразу же после возвращения, я вместе с другими комсомольцами обратился в военкомат с просьбой направить меня на фронт. В военкомате ответили, что придет время и нас призовут.

В августе 1941 г. меня призвали в армию и направили в Челябинский облвоенкомат. В облвоенкомате я узнал, что меня хотели направить в военное училище, но я опоздал, и эшелон с призывниками уже ушел. Меня вернули домой до следующего призыва.

4 апреля меня снова призвали и направили в 13-й запасной стрелковый полк в г. Чебаркуль Челябинской области. Здесь я проходил строевую и боевую подготовку. После непродолжительной подготовки всех отправили на фронт для пополнения пехотных частей.

Кормили в полку исключительно плохо, выдавали 250 гр. хлеба, а заниматься приходилось с утра до вечера. На пути в тир и на стрельбище заставляли петь песни, но для этого не было ни сил, ни желания. При отказе командовали «ложись!» и приходилось ложиться в грязную землю. На дворе шел месяц апрель.

К счастью в полк приехал представитель 106-й танковой бригады, формировавшейся в то время в г. Свердловске. Он отобрал 5 солдат, имеющих 9-10 классов образования, в том числе меня.

Бригада размещалась в добротном здании школы на ул. Щорса. Здесь хорошо кормили и вместо обмоток нам выдали кирзовые сапоги. В бригаде была совершенно другая обстановка. Здесь меня зачислили в роту управления. В состав роты входили взводы: разведывательный, саперный, связи и материального обеспечения. Обучения я проходил в составе разведвзвода.

Как имеющего образование, меня начали привлекать для проведения полиинформаций и вскоре мне присвоили звание «замполитрук». Замполитруки носили на петлицах 4 треугольника и на рукаве звезду.

В конце лета 1942 г. бригаду отправили в Подмосковье. Нас разместили в д. Костерево. Здесь бригада была оснащена танками Т-34 и другой техникой. В состав бригады входили: два танковых батальона, два мотострелковых батальона, бойцы которых во время боевых действий садились на танки сверху и в любое время могли вступить в бой. Также в состав бригады входили рота управления, медсанчасть и другие вспомогательные подразделения.

В августе 1942 г. бригаду погрузили в железнодорожный состав и отправили в резерв Западного фронта, которым в то время командовал Г.К. Жуков.

В пути следования на станции Бутурлиновка на наш эшелон напала немецкая авиация, которая в то время господствовала в воздухе. В результате бомбежки часть танков и личного состава были выведены из строя. Во время бомбежки я остался живым только потому, что успел спрятаться в воронке от взрыва авиабомбы. После этого около двух недель лечился в медсанчасти бригады.

После очередного доформирования осенью 1942 г. бригада прибыла на Воронежский фронт, которым командовал генерал Н.Ф. Ватутин.

Наша 106-я танковая бригада в составе 3-ей танковой армии участвовала в боевых операциях по освобождению от немецко-фашистских захватчиков территории Воронежской, Орловской областей и Украины.

Самым крупным сражением, в котором пришлось мне участвовать, был бой за освобождение г. Россошь Воронежской области. Город был освобожден ценой больших потерь. В бою погиб командир бригады полковник Алексеев, получил ранение командир роты. За освобождение г. Россошь полковнику Алексееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Насколько мне известно, благодарные жители Россоши в городском парке поставили ему памятник. В результате этого сражения большинство танков бригады были подбиты или сожжены, многие солдаты погибли или были ранены. Потери немцев в технике и личном составе были еще больше, много было взято в плен.

В составе роты управления мне неоднократно приходилось с катушкой телефонного провода и автоматом на спине устанавливать связь, строить переправы для прохода танков и принимать непосредственное участие в боевых операциях.

После этих боевых операций бригада получила пополнение за счет новобранцев, в основном жителей Харьковской области. Их вооружили автоматами ПППШ с боеприпасами, а переодеть в военную форму не успели. Оставшимся в живых офицерам и сержантскому составу дали по 50-100 новобранцев. Мне в звании сержанта поручили командовать ротой. Ожесточенные бои продолжались. Наша бригада участвовала в освобождении Мерёфы – пригорода г. Харькова. Новобранцы особого желания идти в атаку не проявляли, некоторые при удобном случае прятались и дезертировали. Поэтому в бой иногда приходилось их гнать под дулом автомата.

Весной 1943 г. большая группа советских войск, в том числе наша часть, попали в немецкое окружение под г. Харьковом. Были разгромлены штаб и политотдел. Машина политотдела была подожжена и все документы: партбилеты, наградные листы, в том числе и на меня, были уничтожены.

Я уцелел в том бою притворившись мертвым и пролежал среди погибших до вечера. Когда стемнело, начали подниматься оставшиеся в живых. Нас собралось 5-6 человек, в том числе один в звании капитана и один раненый лейтенант. Из подручных материалов соорудили носилки и положили раненого лейтенанта. Он умолял, чтобы его пристрелили, но мы все-таки его вынесли. Под руководством капитана, у которого была топографическая карта местности, мы стали выбираться из «котла».

Пробирались из окружения ночами, а днем прятались в лесу. Продуктов не было, и от голода мы съели все имеющиеся ремни. Через четверо суток дошли до своих. Все мы обморозились, а в одной из перестрелок с немцами я получил ранение в левую ногу. К счастью рана оказалась легкой. Лечился я в эвакогоспи-

талях, сначала во фронтовом, а затем, начиная с марта и до конца июня 1943 г., в Тамбовском.

После излечения меня направили в Учебный танковый полк 1-го Украинского фронта, где я занимался подготовкой для фронта стрелков-радиостов танка Т-34. Полк находился во втором эшелоне фронта. Были несколько случаев нападения на полк украинских националистов-бендеровцев. Все их атаки были отбиты.

После очередного госпиталя во Львове, я был направлен во внутренние войска.

Службу закончил в 1955 г. в звании старшего лейтенанта.

За участие в боевых операциях я награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией», многими юбилейными медалями.

После войны, продолжая служить и работать, заочно окончил юридическую школу, Всесоюзный Юридический заочный институт (ВЮЗИ) и Иркутский финансово-экономический институт, а также аспирантуру. В апреле 1968 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук.

Работал старшим инженером в Иркутском совнархозе, а затем начальником планово-производственного отдела ГПИ «Иркутский Промстройпроект».

В 1966 г. перешел на работу в Восточно-Сибирский филиал НИИ труда Госкомтруда СССР сначала начальником отдела, а с апреля 1968 г. по октябрь 1989 г. работал директором этого научного учреждения.

Институт занимался актуальными проблемами экономики труда, а именно: производительностью труда, организацией и нормированием труда, заработной платой и материальным стимулированием, условиями труда рабочих на производстве. По результатам научных исследований выдавались рекомендации предприятиям и представлялись материалы в директивные органы для принятия соответствующих решений.

Награжден медалью «За доблестный труд» в связи со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина.

В период строительства БАМа институт провел ряд исследований по проблемам экономики труда для строительных организаций, работающих на строительстве дороги. В числе других научных сотрудников я награжден медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

Весь период работы в НИИ я также занимался педагогической деятельностью. Преподавал в высших учебных заведениях г. Иркутска экономику труда и политическую экономию. В 1970 г. мне было присвоено ученое звание доцента.

В 1983 г. награжден нагрудным знаком «За активную работу в системе Госкомтруда СССР».

В центральных и местных изданиях мною опубликовано 70 научных трудов.

В октябре 1989 г. мне была установлена персональная пенсия республиканского значения, которая в начале перестройки была отменена.

После ухода на пенсию продолжал трудиться по специальностям экономиста и юриста. Работал главным специалистом, финансовым директором и руководителем юридической службы в коммерческих структурах. В настоящее время на общественных началах работаю в Совете ветеранов, выступаю с беседами перед школьниками и преподавателями в школах г. Иркутска.

*Галиаскаров Набиулла Галиуллинович, к.э.н., доцент,
заслуженный экономист России, инвалид войны.*

Отчёт сыну

Осенью 1942 года семья Белобородовых получила похоронное извещение: «Ваш сын Белобородов Игнатий Иванович погиб смертью храбрых в боях под Ленинградом». С этого дня жизнь родителей, сестёр и его жены с двумя детьми начала новый отсчёт.

Игнатий Иванович Белобородов был призван в Красную Армию в самом начале войны и своё первое боевое крещение получил в составе стрелкового полка недалеко от Риги. Как позднее рассказал в письме к его родителям фронтовой товарищ: в одном из первых боёв миномётным огнём Белобородов уничтожил несколько пулемётных точек противника, а когда прозвучала команда «Коммунисты, вперёд!», одним из первых бросился в штыковую атаку. После боя политрук взвода поинтересовался у него, почему он не в партии. Игнат ответил: «Считаю себя пока недостойным. Ведь коммунисты всегда впереди, и в труде, и в бою». «Теперь по праву считай себя коммунистом», – как будто отдал приказ политрук. За проявленное мужество в этом бою Белобородов был представлен к ордену Красной Звезды.

С начала 1942-го он воевал под Ленинградом. Домой писал, что жив, здоров, воюет помаленьку. Как бы между прочим сообщил об ордене и о медали «За отвагу». О боевых делах писал редко и скупно – на берегах Невы шли тяжёлые оборонительные бои. В одном из них Игнатий был смертельно ранен и умер на поле боя, не приходя в сознание.

Похоронка, на то время уже не первая в деревне Белобородова Нижнеилимского района, пришла, когда все от мала до велика были на уборке урожая. Слезы лить было некогда. Иван Егорович и Прасковья Антиповна Белобородовы, чтобы не оставаться один на один со своим горем, не уходили с полевого стана. Ночами отец молча сидел у костра. А мать всё представляла, как её раненый сын лежит на чёрной земле и зовёт её. Тогда-то она и начала разговаривать с Игнатом, рассказывать ему обо всём, что происходило в деревне, в колхозе, у соседей, знакомых.

– Сестру твою Зою мы выписали из Якутска. Нам с отцом одним трудно вести хозяйство. Теперь она работает почтовым агентом в узле связи под началом Ивана Вологжина, брата твоего друга Кости. А батя твой дома. Навоевался в первую мировую, какой теперь из него вояка. Подымешься, Игнаша, повоюй за

него. Мужиков-то в деревне не осталось, так он теперь полеводческую бригаду возглавляет, а то вместо конюха или сторожа на зернотоку. Всю трудную работу берёт на себя за баб да за детей...

Так мать в разговорах с сыном проводила день за днём. Уже после войны Праксovia Антиповна достала из сундука фотографию Игнатия и попросила сделать с неё большой портрет. Теперь после каждого трудового дня она вела отчёт о своих делах, глядя на фотографию, где сын был молодым, сильным. Казалось, у него всё тогда было ещё впереди.

Она вспоминала о каждом его прожитом дне. Как всё хорошо тогда начиналось! Белобородовы первыми вступили в колхоз. И Игнаша одним из первых среди пацанов их деревни стал пионером. Подошёл срок – без колебаний вступил в комсомол. Мечтал учиться после службы в армии. И на службе не ленился – демобилизовался командиром миномётного расчёта. А потом – свадьба, один за другим внучата... Вспоминая то время, мать смотрела вдаль, будто старалась разглядеть будущее сына и внуков. Потом надолго замолкала... Потом была война.

– В войну много лиха было, сынок. Сами голодали, а что выращивали, всё отправляли на фронт. Да кто работал-то? Мужики на войне бьют фашиста – только из нашей деревни на фронт ушли шестнадцать Белобородовых. Бабы одни и работали. Сутками на фермах, на сенокосе, на уборке, на заготовке дров. Дети мамок своих месяцами не видели. Помнишь нашу соседку Наталью Пушмину? Как получила известие о том, что её племянник Николай Черных стал Героем Советского Союза, так ещё шибче стала работать. Мол, а я чем хуже? Наградили её медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». У нас с отцом тоже такие медали есть.

Полегчало, когда мужики стали возвращаться с фронта. Первым пришёл по ранению Иннокентий Белобородов. Стал порядок наводить в деревне по выплате трудодней, по учёту молока и зерна. Скоро его выбрали первым секретарём райкома комсомола, а потом и председателем райисполкома. Мы гордились им – хороший он был мужик, справедливый. А твой друг Костя Вологжин через несколько лет после войны стал председателем колхоза, его брат Павел – заместителем. И колхоз теперь называется «Путь к коммунизму». В хозяйстве появились новые машины – трактора, комбайны, веялки, сеялки разные. Работать-то стало легче, не в пример военным годкам. И на трудодни не только зерно и овощи, но и деньги стали давать. Так ведь наш колхоз теперь «миллионер» по прибылям-то.

А деревню нашу Белобородову ты теперь и не нашёл бы. Осталась она на дне Усть-Илимского моря, как и деревни Макарова, Романова, Зырянова, Грекова. Их жителей поселили в благоустроенном посёлке Березняки. И уже не колхоз, а совхоз стал называться «Березняковский». И теперь молодые специалисты хорошо справляются с хозяйством, а мы, старики, глядим и радуемся...

Вот так, день за днём, до самых последних минут своей жизни разговаривала мать с сыном о жите-бытье и представляла, какой могла быть и его так рано оборвавшаяся жизнь.

К рассказам матери нужно добавить, что деревня Белобородова, самая обычная, рядовая сибирская деревня, дала нашей области многих известных людей. Вот ветераны труда – кавалер ордена Ленина и золотых и серебряных медалей ВДНХ Анна Павловна Пушмина, Мария Иннокентьевна Моисеева, Тамара Васильевна Коновалова и Раиса Егоровна Куклина, награждённые орденами Трудового Красного Знамени, Екатерина Николаевна Перетолчина – орденом Трудовой Славы III степени. Хорошо известны в сфере образования учительские династии Коноваловых, Белобородовых, Пушминых, Куклиных. Из тех, кто выбрал себе профессией защиту Родины, – председатель областного комитета ветеранов войны и военной службы Владимир Иннокентьевич Белобородов.

В посёлке Березняки, где проживают потомки славной деревни Белобородовой, бережно хранят память о своих земляках, не вернувшихся с войны, и продолжают дела отцов и матерей. Местная школа, учителя которой недавно стали лауреатами национального проекта «Образование», носит имя академика, конструктора ракетно-космических систем, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Михаила Кузьмича Янгеля. В Березняки из деревни Зырянова перевезли дом, где родился Михаил Кузьмич. Теперь в нём музей, в котором хранятся многие уникальные экспонаты и документы не только академика, но и его брата, участника войны, генерал-майора Александра Кузьмича, и их родителей. Их передала музею жена конструктора И.В. Стражева. Березняковское сельское поселение неоднократно занимало призовые места в районном смотре-конкурсе по благоустройству и озеленению, участвовало в областном конкурсе «Вот моя деревня». Это только дела последних лет.

Нет, не зря отдал свою жизнь Игнатий Белобородов, как и те 1189 илимчан, что не вернулись с полей сражений, чьи имена нанесены на памятные мемориалы по всей Нижнеилимской земле. Спите спокойно, земляки! Память о ваших подвигах живёт в делах ваших потомков.

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского Совета ветеранов

Память о девушке Зое

Наш посёлок Ния был в далёком тылу в годы войны, но биографии моих родных и моих земляков прочно, самым неразрывным образом связаны с военной историей нашей Родины. Их жизни, жизни других людей, собственно, и составляют историю нашего Отечества. Убери их, и от неё ничего не останется. И есть события, которые навечно вписаны в память народную. Одно из них – наша победа в Великой Отечественной войне. Тогда стоял вопрос: жить нам или не жить, быть ли нашей стране государством или не быть? И вот – мы живём! Россия есть! И всё потому, что в годину суровых испытаний поднялся на борьбу её народ, от мала до велика. И выстоял её Солдат.

Каждый раз, когда приближается новая годовщина Победы, мне вспоминается рассказ моей тёти Таисии Комаровой об одном трагическом эпизоде военных лет, не попавшем в сводки Информбюро.

В годы войны тётя Тася была медсестрой полевого медсанбата. В санитарном взводе вместе с ней служила девушка Зоя. Тётя называла её фамилию, но я теперь уже и не вспомню. А описывала Зою тётя Тася так: «Невысокого роста, со вздёрнутым носиком, с короткой мальчишеской причёской, с румянцем на щеках, плотно сбитая и весёлая. Язычок у Зои был острый, и братцам-солдатам при случае она спуска не давала. В полку её знали все. Да это и понятно: скольких раненых она вынесла с поля боя! Сколько перевязала ран, разрывая свою рубашку, когда в санитарной сумке не оставалось бинтов! А скольким солдатикам закрыла глаза на веки вечные! И всегда она оказывалась в нужном месте, никогда не унывала, не жаловалась ни на усталость, ни на судьбу».

Прежде чем рассказывать дальше, тётя Тася украдкой, чтобы мы, ребятня, не видели, смахивала слёзы.

– Зимой 44-го, после снятия блокады Ленинграда, – продолжала свой рассказ тётя Тася, – наш медсанбат однажды окружил немецкий десант. Все, кто мог, стали отстреливаться, а мы, медсёстры, стаскивать раненых в воронку. Когда я уползла за очередным раненым, Зоя оставалась около воронки, перевязывая солдата. Тогда я и видела её живой последний раз. Начался сильный обстрел, и все, кто смог, укрылись в лесочке. Когда утихло, я бросилась к воронке. Там уже были наши солдаты, а в воронке я увидела Зою. Она лежала на спине, раскинув руки и прикрыв собой семерых солдат. Фашисты били из автоматов по Зое и раненым в упор, посылали очередь за очередью. На её теле не осталось живого места, оно превратилось в кровавое месиво. Каким-то чудом один из солдат, прикрытых Зоей, остался жив. Звали его Николай. Уже после выздоровления ему рассказали, как его спасла наша санитарка Зоя...

В мирное время тётя Тася каждый год ездила на встречи с ветеранами, с однополчанами. И Николай, спасённый Зоей, всегда находил тётю. Они вспоминали тот бой и поминали всех погибших однополчан военными 100 граммами.

Нашей тёти Таеи теперь уже тоже нет в живых. Но я показываю её фотографии своим внукам и пересказываю им то, что она рассказывала мне. Они, я считаю, должны знать историю войны без всяких прикрас, чтобы гордиться делами дедов и прадедов. Если не мы, их наследники, теперь расскажем им, молодым, о войне, то кто привьёт им чувство гордости за их предков, что прошли через ад, но остались верны своему народу, своей Родине? Они завещали нам мир на земле. Наш долг – сохранить его.

*П.И. Калаганская,
член совета ветеранов п. Ния Усть-Кутского района*

**Участие сибиряков
в освобождении советских республик
и стран Европы**

Документы истории

Рейхсфюрер СС

Полевой командный пункт 7.9.43

Секретный документ

государственной важности!

Высшему руководителю СС

7 экземпляров

и полиции

7-й экземпляр

Украины

Киев

Дорогой Прютцманн!

Генерал от инфантерии Штапф имеет специальные приказы относительно Донецкой области, незамедлительно установите с ним контакт. Я поручаю Вам содействовать ему всеми силами. Следует достичь того, чтобы при оставлении части территории на Украине там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного железнодорожного рельса, чтобы не оставался стоять ни один дом, не было бы шахты, не разрушенной на многие годы, не было бы ни одного не отравленного колодца. Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Обсудите немедленно эти дела со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах.

Хайль Гитлер!

Ваши Г. Гиммлер

Мы, жители Иркутской области, – малая часть большого народа, – оставляем своим потомкам эту книгу, написанную коллективно участниками войны. Будьте достойны своих предков, остановивших и разгромивших военную машину, легко перепахавшую всю Европу. Мы будем всегда склонять голову перед оставшимися в живых участниками, чтить память о погибших, воздавать должное Героям и скромным рядовым. Им в это тяжелое время противостояли на советско-германском фронте 198 немецких дивизий, 38 дивизий и 12 отдельных бригад военных союзников фашистов. Всего более 13 млн военнослужащих. Требовалось освободить Белоруссию, Молдавию, прибалтийские республики, Карелию, захваченные гитлеровцами Польшу, Норвегию, Чехословакию, народы которых взывали о помощи. Нельзя было дать противнику укрепиться, нужно было гнать его, собрав последние силы. Эти силы дала родная сибирская земля.

Живая легенда Тунки

Петр Степанович родился в с. Ахалик, где тогда была только начальная школа. Жажда знаний привела его в п. Кырен, среднюю школу которого он закончил с медалью. Он стал первым медалистом Тункинского района. Жажду знаний наш земляк сохранил на всю жизнь, стремился всегда учиться. Были после школы планы получить профессиональное образование, но война разрушила все мечты. Уже в октябре 1941 года, как все его одноклассники, он был призван в действующую армию. После шести месяцев учебы в Барнаульском военно-пехотном училище был направлен в 242-ю стрелковую дивизию 38-й армии – на передовую!

Горечь поражений познал Петр Степанович, когда под натиском превосходящих сил фашистов пришлось отступить до Дона. Затем наступила пора радостных побед. Он был участником боев на Курской дуге, освобождал Белгород, Донбасс, форсировал Днепр, освобождал Украину, участвовал в проведении знаменитой Корсунь-Шевченской операции по окружению крупной группировки фашистских войск. В ожесточенных боях этой операции лейтенант, командир роты истребителей танков. Петр Демин получил тяжелое ранение. Снаряд оторвал ему руку, несколько осколков попало в голову. Пять из них врачи побоялись извлекать. До сих пор Петр Степанович носит эту «память» о войне.

После полугодового лечения в госпитале Петр Демин вернулся домой. До победы оставался еще один год. Грамотный боевой офицер окунулся с головой в сложную гражданскую жизнь. Он был направлен на работу в аппарат Тункинского РК ВЛКСМ. Райком организует работу по оказанию помощи фронту: «Всё для фронта. Всё для победы». Вскоре его избрали первым секретарем райкома.

После окончания войны Петр Степанович окончил приморскую партшколу, его избирают первым секретарем Мухоршибирского РК ВЛКСМ. О самоотверженности, трудолюбии и успехах говорит его награждение орденом «Знак Почета» в связи с 30-летием ВЛКСМ. В то время просто так награды не раздавали.

За 8 лет Советский Союз возродился из пепла и дыма военных пожарищ. Были восстановлены заводы и фабрики, были построены тысячи новых производств. Появилось атомное оружие. Началось строительство космической отрасли. В космос отправился Юрий Гагарин.

Страна вышла на второе место в мире по экономическим показателям, а в Европе – на первое. Наша Родина на глазах у изумленного мира из разрушенных городов и деревень выростала в могучую, прекрасную державу, равной которой не было и, пожалуй, не будет нигде... Думаю, что читатель согласится, что для свершения этих грандиозных достижений нужны были условия. Два главных условия, на мой взгляд, предопределили успех. Первое – во главе страны был настоящий вождь – И.В. Сталин. Второе – в стране был народ, который был способен решать любые задачи. И ярким представителем этого народа был Петр Степанович Дёмин.

Родители – Степан Иннокентьевич и Ирина Павловна – с малых лет приучили его к труду. Все что он делал, делал от души. Так воспитали родители всех пятерых детей, все они получили образование.

В 1950 году его направили на работу в райком партии, где Петр Степанович работал до декабря 1988 года, до ухода на пенсию. Петр Степанович был непрекращаемым авторитетом среди руководителей предприятий, организаций и хозяйств района.

Исключительная скромность, порядочность, принципиальность и требовательность, в первую очередь к себе, а потом к другим – эти черты характера отличали Петра Степановича. Хочу подчеркнуть еще одну его особенность – умение руководствоваться интересами дела, которому служишь. Тункинцам повезло, что в течение почти полувека такой человек, как Дёмин Петр Степанович, оказывал и до сих пор оказывает влияние на социально-экономическое развитие района. Говоря о Петре Степановиче, нельзя не вспомнить его жену Антонину Ниловну, я хорошо ее знал, не раз гостил в их доме. Она была надежным тылом Петра Степановича, заботливой матерью, хорошей хозяйкой.

Конечно, обидно, что многое, за что боролся Петр Степанович, разрушено. Однако верю, что ветер истории унесет этот мусор забвения народного подвига.

«Русский праведник» – под таким заголовком вышла не так давно статья в газете «Советская Россия», посвященная жизни и работе Петра Степановича Дёмина. «На долю папы выпали дороги войны, восстановление разрушенных хозяйств, освоение целины...», – пишут дети, внуки, правнуки Петра Степановича – Дёмины, Трайдаковы, Плотниковы, Кардоновы, Ларионовы.

И далее нас, пятерых детей, с детства приучил не бояться никакой работы, учил всему – как лучше расколоть чурку, держать пилу, забивать гвозди, косить

траву... Поэтому ни один из нас не боится тяжелой работы. Все мы, его дети, получили образование и добросовестно трудимся.

Папа – из старой гвардии коммунистов, тех, кто самоотверженно, не щадя своего здоровья, делает все зависящее, чтобы помочь людям. О своем благополучии он никогда не думал. Главное для него – делать добро, приносить пользу Родине.

Всей душой мы чувствуем, как ему больно, когда в СМИ охаивают коммунистов. Он, рядовой партии, остался преданным ей, своим идеалам юности. Он жил и живет по самой высокой мерке.

Отец из числа праведников, коими испокон веков держится земля русская. Спасибо судьбе, что у нас такой Отец!

Мы все, родные, сердечно поздравляем его с 90-летием! Долгих лет жизни тебе, самый родной на этой земле Человек!

А.П. Цымбалюк

Водитель кузовной мастерской

Украина. Конец января – первая половина февраля 1944 года. Солнце обложили тучи. Землю щедро кропили ранние дожди. Распутица. Грязь по проселочным дорогам от таяния снега и дождей стала непролазной. Колеса грузовиков и гусеницы танков оставляли на дорогах черные глубокие рваные колеи. В этой грязи буксовали даже наиболее проходимые американские студебеккеры, поставляемые в Советскую Армию по ленд-лизу. Эти мощные грузовики, толкая своими буферами друг друга, все же вылезали из грязи, но и то не всегда. Наши отечественные грузовики ГАЗ-АА и ЗИС-5 в этих условиях нуждались в посторонней помощи. Местами по таким дорогам боеприпасы к передовой доставлялись на танках.

В период этой распутицы войска 1-го и 2-го украинских фронтов (командующие Н.Ф. Ватутин и И.С. Конев) в ходе битвы за Правобережную Украину в Корсунь-Шевченском районе окружили свыше десяти дивизий противника, из состава группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Манштейн).

Немцы настойчиво пытались вырваться из котла. Помешать этому в распутицу могли в основном танковые части. Каждый танк в этих условиях был дороже золота. Подбитые танки, не требовавшие большого ремонта, восстанавливались в боевых условиях – на месте. В танковых частях существовали кузовные мастерские, в которых трудились бригады из пяти слесарей во главе со старшиной.

Водителем такой кузовной мастерской 46-го танкового полка в Корсунь-Шевченковском сражении был иркутянин Василий Шестаков. В его мастерской на базе грузовика ЗИС-5 для ремонта танков был набор необходимых инструментов и аппаратуры – токарный станок, газосварочный агрегат, походная кузница, сверлильный станок, подзарядный агрегат и небольшой движок.

Спрашиваю Василия Егоровича Шестакова: «Как вашей бригаде удавалось ремонтировать танки прямо на поле боя?»

– Конечно, был большой риск. Но солдатам везде приходилось рисковать. В начале февраля 1944 года было приказано на одном направлении осмотреть подбитые Т-34, отремонтировать те, которые не очень были повреждены. Наш ЗИС-5 с мастерской в кузове еле-еле пробирался к этим танкам. Грузовик часто буксовал. Порой погружался в грязь до самой рамы. Нас со старшиной было пять человек. Вылазили и лопатами отбрасывали из-под колес грязь. Оставался до танков один километр. Грузовик буксует, месит грязь на одном месте. Я выключил мотор. Пригибаясь к земле, мы перебежками добрались к танкам. Прихватили инструменты и некоторые запасные детали. Танкисты с двух подбитых танков в полку сообщили нам предполагаемые неисправности. Два танка в течение светового дня отремонтировали. Работали, не разгибая спины. Не раз над головами пролетали вражеские снаряды, и каждый раз с облегчением про себя думали: слава богу – пронесло! К вечеру подоспели танкисты, завели свои машины и к своим – на передовую. Три других подбитых танка текущему ремонту не подлежали. Башня одного валялась рядом, у другого был погнут ствол, у третьего был разрыв топливного бака.

Переночевав у штаба полка в своей мастерской, на следующий день, на рассвете, на ЗИС-5 добирались на другой участок фронта ремонтировать очередные танки. И так каждый день.

Устройство советских танков, их узлов и отдельных частей Шестаков знал хорошо. В 1939-1940 годах работал на заводе 104 города Иркутска (это при въезде в Иркутск-2) слесарем по ремонту танков. Во время Отечественной войны рядовой Василий Шестаков побывал на многих фронтах. Либо на грузовике ЗИС-5 доставлял к передовой боеприпасы, либо со слесарями ремонтировал на поле боя танки, водил кузовную мастерскую.

А в начале 1942 года рядовым пехотинцем участвовал в разгроме немецких войск под Москвой. В мае этого же года получил осколочные ранения в ноги. После госпиталя был в боях под Сталинградом. В 9-ом механизированном корпусе на грузовике ЗИС-5 подвозил боеприпасы к фронтовой полосе.

– Василий Егорович, были ли вы в сражениях в самом Сталинграде?

– Не довелось. Подвозил снаряды только на подступах к этому городу. Но после пленения остатков 6-й армии Паулюса проезжал на грузовике по Сталинграду. Много городов повидал после их освобождения от фрицев, но такие разрушения – впервые. Одни остовы зданий, груды битого кирпича, сгоревшие танки, искореженные деревья, орудия, автомобили. Такая картина разрушений и во сне не может присниться.

Василий Шестаков участвовал в освобождении многих столиц Европы: Будапешта, Вены, Праги. В Праге встретил День Победы. Жители Праги, как он вспоминает, восторженно встречали танкистов-освободителей. Дарили им цветы, папиросы, обнимали...

В Праге отоспались как следует, досыта. Спали не как до этого – где примоститься, а по-человечески: на простынях, подушках, раздевшись, сняв на ночь пропитанные потом солдатские ботинки и обмотки. Всем выдали чистое белье, а заношенное, завшивленное было сожжено. Всю войну питались в основном всухомятку, от случая к случаю получали жидкую горячую пищу. И вот питание 3 раза в день, в одно и то же время. Блаженство!

– Долго наслаждаться, – говорит Василий Егорович, – мирной жизнью не пришлось. Механический корпус без танков по железной дороге был направлен на Дальний Восток, точнее – в Монголию. Были отправлены только кузовные мастерские. Везли их на платформах. В них мы, слесаря, спали и питались. Нам объяснили эту дислокацию корпуса как продолжение службы в Монголии. Но было понятно – придется дело иметь не иначе, как с японцами...

Выгрузились в небольшом монгольском городе Чойбалсан (до 1941 года – Баянтумен) на реке Керулен. Этот город был связан с Транссибирской железной дорогой. В Чойбалсане танкисты получили новые Т-34 и на них (мы, слесаря, на своих грузовиках ЗИС-5) двинулись к Большому Хингану (горная система на Северо-Востоке Китая, протяженностью с юга на север около 1200 км, высота почти до 2000 м). Местами дорога была между отвесными скалами и пропастью. Дорога, если так называть эту тропу, настолько была на отдельных участках узкой, что левая гусеница танка на 5-7 см повисала над пропастью. И танкисты, и мы, водители грузовиков, должны были с ювелирной точностью преодолевать эти места. И преодолели. Ни одна машина не сорвалась в пропасть. Этот переход через Хинганские хребты солдаты называли переходом Суворова швейцарских Альп в конце XVIII века.

Демобилизовался Василий Шестаков в 1946 году. Вернулся в родной Иркутск. На гимнастерке медали: «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией». Орден Отечественной войны первой степени. Позднее к этим медалям присоединятся многие юбилейные.

В первые годы после демобилизации Василий Шестаков возил на легковой машине командующих Восточно-Сибирского военного округа (штаб округа находился на ул. Дзержинского). Классный водитель, он продолжительное время работал в автомотошколе областного ДОСААФ инструктором по вождению, а с 1970 года до ухода на заслуженный отдых в 1980 году – шофером в вагонном депо Иркутск-пассажирский.

В 1946 году Василий Шестаков женился на Ольге Мироновой – девушке рабочей профессии. Умная, добрая, хозяйственная, Оля с первых дней замужества стала желанным членом семьи Шестаковых. Ведь с Василием Егоровичем жили его родители – отец Егор Кузьмич Шестаков и мать Евдокия Федоровна. Оля называла свекра «папой», свекровь – «мамой». При решении житейских проблем считалась с мнениями стариков. Жила с ними в полном согласии, под одной крышей около 30 лет, до их смерти в преклонном возрасте. Хотелось бы, чтобы

жизнь этой удивительной женщины – Ольги Фроловны Шестаковой – была примером для многих женщин, как надо уметь строить отношения с родителями мужа, создавать «погоду в доме».

Василий Егорович и Ольга Фроловна вырастили 2 дочерей – Людмилу и Татьяну, сына Виктора (рано умер). У них две внучки и внук.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Хождение за три моря

Освободительное движение европейского сопротивления стало одной из героических страниц Второй Мировой войны. В партизанских отрядах зарубежных стран вели активную антифашистскую борьбу более 40 тысяч советских патриотов, оказавшихся во вражеском плену. В составе подпольной организации французской обороны «Святого Рафаэля» сражался с фашистами и наш земляк, ветеран Владимир Моисеевич Медведев, проработавший в кузнечном цехе тридцать пять лет.

Молодой паренек Володя Медведев, уроженец белорусской деревеньки Тереховки, Могилевской области, был заброшен войной на один из островов в проливе Ла-Манш, испытывал там муки ада в фашистском концлагере. Он совершил побег и примкнул к патриотическому движению французского Сопротивления.

Сегодня Владимир Моисеевич рассказывает о своей партизанской юности, о жестоких испытаниях, которые выпали на его долю.

Скитания

В 1941 году я окончил семь классов в родной Тереховке и готовился к службе в армии. Трех человек из нашей деревни направляли в Ленинградскую военноморскую школу. 23 июня нужно было явиться в военкомат, а 22-го, чтобы справиться проводины, мы с ребятами пошли на рыбалку, наловили кое-какой рыбы, мать сварила уху, и все сели за стол. Вдруг открывается дверь, вбегает моя троюродная сестра и кричит с порога: «Война!..»

Когда на следующий день мы прибыли в военкомат, нас построили в ряд, отобрали, кто покрепче (кто послабее, отправили домой), научили разбирать и чистить винтовку, выдали к ней пять патронов: четыре для врага, а пятый – для себя, чтобы не сдаваться в плен, и отправили к железнодорожной станции. Пройдя всего 45 километров, мы вступили в бой. Силы были неравными, и началось отступление. Только начнем рыть окопы, – снова приказ об отступлении. Так дошли до Днепра и оказались в окружении. Наш командир, видя, что мы еще совсем молодые и приходится нам очень тяжело (нужно было непрерывно копать землю, таскать на себе орудия), сказал нам: «Ребята, идите домой». Вдвоем с Михаилом, моим товарищем, мы вернулись в свою деревню. Она уже была оккупирована немцами, которые подвергали гонениям комсомольцев: расстреливали, вешали их.

Куда нам деться, ведь мы комсомольцы?! Прятались в лесу. Потом в наших лесах объявились партизаны, и мы присоединились к ним. Оружия хватало. Леса были им буквально завалены. Пробыв немного времени в отряде, мы поняли, куда попали. Крепкие, здоровые мужики из разных деревень занимались мародерством. Знали, у кого что можно взять из одежды или продуктов, приходили и забирали чуть ли не последнее. Кое-где убивали особенно свирепствующих полицаев и старост. Многие сбежали от таких «партизан», а с ними и мы.

В деревне нас ожидало новое известие: молодежь угоняли в Германию. Нас с Михаилом вначале заставили работать в немецком обозе, откуда мы тоже сбежали. Моя лошадь сама привезла меня домой, а Михаила поймали в Славгороде полицаи и так избили проводами, – вся камера была в крови. Удирал я дважды, когда мне грозила отправка в Германию. Однако поймали, закрыли в деревенской бане, наутро должны были расстрелять. Помогли деревенские парни и девчата: напоили полицаю и сделали подкоп, через который я выбрался. Поймали снова, привели в дом к матери (там был дедушка и 10-летний братишка) и говорят: «Если не уедет в Германию, расстреляем всю семью». Родные мне: «Поезжай, Вова...» Но прошло лето, а я оставался дома.

Отправка в Германию

Шел 1942 год. 12 августа я пошел косить сено. Иду босой, обнаженный по пояс, с литовкой через плечо. Смотрю, впереди телега, запряженная двумя лошадьми, а в ней два полица с автоматами. «Бросай, – кричат, – литовку и быстро в телегу!» – «Ребята, вы что сдурели?» – возмущаюсь я. Это были парни из нашей деревни: Иван, годом меня помладше и Николай, он в Тереховке примаком был. Маты-пере-маты, посадили меня, повезли. По дороге подсадили трех девчонок, третью еле нашли: пряталась по огородам, и еще одного мужика, его Михаилом звали. Привезли в Славгород. Нас с Михаилом посадили в бетонный подвал. Сутки просидели там. Я сильно замерз, ведь был полуголым. Только на следующий день мать с братишкой принесли мне одежду и обувь. Еще через двое суток нас вместе с другими погрузили в машину, привезли в город Кричев, откуда в эшелоне, шедшем с Украины, отправили в Германию.

В концлагере на острове Джерси

В немецком городке, в распред-пункте народу собралось очень много. Вывели всех на плац, и прибывшие немцы-хозяева стали разбирать работников. С ходу брали мужа с женой, брата с сестрой. Михаил мне и говорит: «Давай жениться». – «Зачем мне это нужно в 18 лет? Будь что будет», – отвечаю ему.

Разобрали почти всех, осталось всего человек двадцать. Среди них и мы. Повезли нас во Францию, в город Сен-Мало. Там загнали в конюшню, подержали немного, и снова на площадь. Провокаторы-полицаи предлагают: «Кто хочет служить в немецкой армии? Выходите вперед». Вышло несколько человек. Тех, кто остался на корабле, отправили на Нормандские острова Ла-Манша. Высадили на острове Джерси, на котором было три концлагеря. В один из них согнали

всю молодежь. Попали туда и мы с Михаилом. Собрался там целый интернационал: испанцы, поляки, голландцы и мы – русские. Распределили нас на работу. Мы бетонировали берег, делали дамбы. По 50 килограммов цемента приходилось таскать на спине вверх и вниз по сходням. А как кормили?! Утром давали буханку хлеба на четверых (не хлеб, а опилки) и несладкий чай, в обед – суп из пастернака. Истощали мы совсем.

Чтобы удрать с острова, Михаил как-то предлагает мне: «Давай себе ноги отрубим, и нас отвезут во Францию». Подставляет мне ногу: «Руби», – говорит. «Нет, – отвечаю, – не буду рубить». – «Тогда я сам это сделаю!» – разозлился Михаил...

Назавтра нас пригоняют в столовую. Смотрю, он падает на пол и притворяется эпилептиком. Подскакивает к нему немец и начинает его избивать. Бил так, что уволокли друга без сознания. Потом куда-то увезли, и я его больше так и не видел.

Очень тяжело было в лагере. Особенно жестоко обращались с заключенными русский «орденоносец» Пятов (он носил на груди орден Ленина) и финн Урхо. Они полицаями были. Раздевали людей, клали на скамейку и били палками: от 25 до 50 палок...

Мы продолжали работать до изнеможения. Однажды я нес цемент и упал: у меня сломалась деревянная колодка и подвернулась нога. Тут же подскочил ко мне немец и стал бить палкой, все плечи отбил. А после, меня и еще трех человек, тоже совсем слабых, – украинцев Михаила, Гришу и таджика Раджаба, подтащили ближе к воде и оставили на берегу. В 12 часов начинался прилив и нас должно было смыть океанской волной. Лежим, ждем прилива. В 10-30 подъезжает немец на машине и просит дать ему рабочих. Наш начальник показывает на нас: забирай, мол, этих!

Поначалу немец обращался с нами очень грубо. Ну, думаем, «влипли». А он неплохим оказался. Привез нас в лагерь, набрал целый бидон супу, отвез нас подальше от глаз и говорит: «Ешьте!» В первый день даже работать не заставил. Наутро приехал, подобрал нам ботинки и повез на работу. Немец был экспедитором, обеспечивал три лагеря. Мы возили цемент, арматуру, почту, посылки. Посылки раздавались всем, кроме русских. Наш благодетель накормит нас в одном лагере, потом во втором, а позднее сделал так: едет самым последним в немецкую столовую, нам приказывает ложиться и не разговаривать, а возвращается с объедками с немецкого стола. Приносил и хлеб, и макаронны, и даже мясные блюда. Мы быстро окрепли и стали приносить еду ребятам в лагерь.

Так прошло два года. За это время много наших полегло. В конце барака стояло пять гробов. Люди умирали почти ежедневно. Немцы укладывали их в гробы, возили и сбрасывали тела в океан, а гробы привозили назад.

В партизанском отряде

Когда наши погнали немцев под Сталинградом и союзники готовились к открытию второго фронта, к острову все чаще стали наведываться подводные

лодки англичан. Началась эвакуация заключенных с острова через Ла-Манш во Францию. Как только мы попали на французскую землю, вчетвером (я, Гриша, Михаил и Раджаб) – сбежали от немцев. Подошел к нам какой-то мужик, спросил, откуда мы. И когда узнал, что с острова, отвел в столовую, накормил и сказал, что отправит в подпольную организацию. Так мы попали в партизанский отряд, в котором были французы, испанцы, итальянцы... Но воевали они плохо. Даже немец, который был в отряде, лучше их действовал! На самые ответственные задания посылали в основном молодежь и особенно русских. Язык мы не понимали, поэтому с нами ходил переводчик. Не проходило и дня, чтобы мы не получали задания: подорвать мост или мясокомбинат, чтобы он бездействовал, немецкую военную технику... Я работал в основном на мостах и на дорогах: закладывал мины, взрывчатку и даже снаряды. Берешь снаряд, отворачиваешь головку, вставляешь детонатор – и готово самодельное взрывное устройство. Если шла машина с боеприпасами или немцами, нужно было обязательно пустить под откос.

В Сан-Рафаэле – пригороде Парижа – наш партизанский отряд воевал особенно активно. Рядом с нами действовал отряд имени Сталина. 16 человек русских партизан из этого отряда погибло во время выполнения задания. Видимо, было предательство. Ребята пошли взрывать склад боеприпасов, сбились с маршрута и наткнулись на немцев. Пришлось прятаться в сарае. А немцы подогнали цистерну, облили сарай бензином и подожгли.

Когда пришло сообщение о высадке десанта, нас отправили готовить плацдарм. (6 июня 1944 года англо-американские экспедиционные силы высадились на территории Северо-Западной Франции. Начавшаяся десантная операция, самая крупная морская операция Второй мировой войны, означала открытие Второго фронта). Десант высадился на очищенное нами место. Подошли корабли, и с кораблей танки двинулись прямо в воду, а потом на берег. В высшем командовании наступающей армии были американцы, а сама армия состояла из французов; они освобождали свою территорию. В эту армию нас сразу и забрали. Посадили на танки – и вперед. Дошли мы до Парижа. Немцы ограбили его, спешили вывезти из страны все богатства. Перед нами стояла задача – не допустить вывоза награбленного. Самыми страшными нашими противниками были власовцы и фашисты «пятой колонны» (во время Второй мировой войны так называли гитлеровскую агентуру). Мы с ними часто вступали в бой.

После взятия Парижа нас отправили на другой фронт. К этому времени американцы бросили в бой свои силы. В американской армии были в основном негры, которые воевали на танках, – храбрые, бесстрашные. По сравнению с ними, французы, англичане – это не вояки. Потом по приказу прибывшего на фронт генерал-майора Драгуна мы охраняли Версальский дворец и наше посольство в Париже. Так и держались вчетвером. В 1945-м нас должны были отправить на японский фронт. В одном из германских городков на Эльбе мы прошли переподготовку, медкомиссию. Здесь я расстался со своими товарищами, которых распределили по другим частям. Меня вместе с другими поставили на охрану

сахарного завода, а потом нас перевезли в Польшу. Там помыли в бане, сняли с нас амуницию, переодели в обмундирование советских войск и отправили на Дальневосточный фронт. Доехали мы до Омска, и наш состав остановился: было получено известие, что война с Японией закончилась. Меня демобилизовали.

Возвращение домой

22 ноября 1945 года я вернулся домой. От нашей деревни ничего не осталось. Дотла сожгли немцы. Смотрю, выкопана землянка. Заглянул в окошко: спиной ко мне сидит наш сосед. 75 километров пешком прошагал за один день – и куда пришел?! Постучал и вдруг слышу голос матери: «Володя! – нутром почувствовала, что это я. В землянке она была вместе с соседом и моим братом Филиппом. Четыре с половиной года родные не знали обо мне ничего. Брат вернулся с войны с серьезным ранением. Семья у нас большая была: шесть братьев – четверо из них воевали. Две сестры и два брата умерло... Филипп достал на стол два яблока – вот и все угощение!

Началась колхозная жизнь. Хозяйство восстанавливалось трудно. Мужиков было мало. В поле работали женщины. Втроем борону таскали, а вшестером – плуг. За семенами для посевов женщины ходили за 15 километров. Нагрузят на себя 32 килограмма, и с этим грузом – обратно. Но шли с охотой, потому что по дороге могли утолить голод, жуя пшеничные зерна.

В 1947 году я женился на девушке из нашей деревни, а в 56-м уехал с семьей в Иркутск. Там жили мои братья и сестра.

Дальнейшая жизнь бывшего партизана складывалась нелегко. На Иркутский авиазавод устроиться не смог, хотя здесь и работал начальником 22-го отдела муж его сестры. Пришлось ехать в Заларинский район, где жили два его брата и вторая сестра. Там устроился на шахту, работал начальником погрузки, был активным общественником: избирался председателем шахтового комитета, членом обкома профсоюза, депутатом райсовета. Но в 1962 году шахта была закрыта как нерентабельная, и перед Владимиром Моисеевичем опять встала проблема, связанная с трудоустройством. А в семье уже было трое детей: два сына, Михаил и Аркадий, и дочь Ольга. Поехал на Урал строить завод, но вскоре пришлось ему вернуться. Скалистая местность не позволяла развести подсобное хозяйство, а они с женой были привычны к труду на земле, да и подспорье большой семье тоже требовалось. Чуть не осел в Бурниском леспромхозе на станции Кимельтей: встретил там знакомого шахтера, и тот пригласил на погрузку леса. Директор леспромхоза, узнав, что Медведев член партии, перевел его из рабочих в руководители. Но не успел еще Владимир Моисеевич подписать акт о приемке своего участка, как получил срочное известие от брата Виктора, который жил в Иркутске. Тот сообщал, что построил себе квартиру (тогда была народная стройка), а освободившуюся площадь предлагал ему и его семье. Но когда Медведевы приехали в Иркутск, их ожидало разочарование. Квартиры распределялись по

цепочке работникам тех подразделений, в которых трудились хозяева квартир. Пришлось поселиться у брата Филиппа в флигеле: тот жил в частном доме. В июле 1962 года Владимир Моисеевич устроился на завод в цех 50. Стал работать кузнецом. Семья продолжала жить в невыносимых жилищных условиях. Решилась проблема с жильем не просто. Отработав три года в цехе, Владимир Моисеевич пошел к своему начальнику Владимиру Сергеевичу Барейше. Сказал, что будет увольняться, если тот ему не поможет. Барейша повел его к помощнику директора по социально-бытовым вопросам, и после долгих споров бытовой вопрос кузнеца Медведева наконец-то был разрешен. В доме на Украинской дали ему две комнаты с подселением. Со временем семья заняла всю 4-комнатную квартиру.

В.М. Медведев проработал в цехе 50 лет до 1997 года. Трудился безотказно, был уважаемым в коллективе человеком, по профсоюзной линии нес общественные нагрузки. Но, видимо, на роду ему было написано: несчастья шли рядом с радостью и удачами.

Поручили бригаде, в которой работал Владимир Моисеевич, сварные детали. Когда стали их штамповать, полетели осколки, и один из них попал в Медведева. 24 дня пролежал он в больнице, а когда поправился, пришлось перейти на легкий труд.

Сейчас Владимир Моисеевич на заслуженном отдыхе. Живет с дочерью Ольгой. В 92-м похоронил жену Анну Григорьевну, а в 99-м внезапно умер сын Аркадий. Он тоже работал в кузнечном цехе. Утрата невосполнимая. Но согревают душу дедушки пять внуков и пять правнуков. Да и в родном цехе не забывают ветерана. Каждый год в День Великой Победы летят в его дом поздравительные весточки. Получает партизан Великой Отечественной войны благодарственные письма из российской столицы, от самого Президента. Помнят и чтут в нашей стране заслуги ее защитников.

Тамара Хебнева

Наравне с мужчинами

Советские женщины, как равноправные члены социалистического государства, были в годы Великой Отечественной войны равноправными его защитниками. Женщины и девушки служили в рядах Красной Армии, участвовали в партизанском движении, принимали самое непосредственное и деятельное участие в изгнании оккупантов с советской земли и в полном их разгроме.

О боевых и трудовых подвигах советских женщин написано много книг, очерков, документальных повестей, журнальных и газетных статей. Женщинам-воинам и труженицам тыла поэты и писатели посвятили множество своих произведений. Уже в годы Отечественной войны были написаны первые страницы истории о вкладе советских женщин в защиту Отчизны.

Великая Отечественная война продемонстрировала небывалое стремление советских женщин непосредственно с оружием в руках защищать социалистические завоевания. В первые дни войны, на проходивших по всей стране собраниях и митингах, они заявляли о своей готовности отдать защите Родины все свои силы, а если потребуется, и жизнь. И это были не просто слова, а осознанная необходимость, долг преданных дочерей перед Матерью-Родиной. Вместе с отцами, братьями и мужьями женщины и девушки шли в военные комиссариаты, в партийные и комсомольские организации и там настойчиво добивались отправки на фронт.

В течение всех лет войны советские патриотки настойчиво требовали зачисления в ряды Красной Армии, чтобы вместе с воинами-мужчинами с оружием в руках защищать свободу и независимость своей страны.

Говорят, что у войны неженское лицо. И это совершенно правильно. Но только время было такое, что многие женщины стали рядом с мужчинами для того, чтобы отстоять честь, свободу и независимость.

Среди Героев Советского Союза – 91 женщина. Этого высокого звания были удостоены 29 военных летчиц, танкисты, артиллеристы, медицинские сестры... Вот некоторые из героинь: пулеметчица М.Ж. Малитова, снайпер А.Н. Молдегулова, комсорг стрелкового полка А.А. Никандрова, водитель танка Т-34 М. В. Октябрьская, медсестра Г.К. Петрова.

Санитарка М.Н. Цуканова в 1945 году проявила исключительный героизм в боях на Востоке под Чхончжином. Она действовала в составе 335-го гвардейского отдельного батальона морской пехоты. В течение нескольких дней под огнем врага Мария оказывала помощь раненым матросам. Будучи сама тяжело ранена, комсомолка Цуканова оказалась в плену. Когда бойцы морской пехоты ворвались на сопку, где находился штаб противника, ее уже не было в живых. Японские изверги замучили советскую девушку. Мужественной патриотке Марии Цукановой присвоено звание Героя Советского Союза.

– Активное участие в защите Родины принимали женщины и нашего района, – отмечал И. Ковригин, работник Нижнеилимского райвоенкомата. – На воинском учете состояло свыше 400 женщин, большая часть из них воевала на фронтах Великой Отечественной войны. Это младший сержант 874 батальона аэродромного обслуживания Клавдия Михайловна Ступина, ефрейтор Клавдия Васильевна Панова из деревни Макаровой. Обе в составе 874 батальона принимали участие в войне с Японией. Находчивыми бойцами показали себя рядовая 23-й подвижной мастерской Ирина Семеновна Романова из д. Романовой, Зоя Федоровна Сизых, Капитолина Алексеевна Погодаева (д. Коробейникова), Валентина Семеновна Анисимова (д. Корсакова). Рядовые 153-отдельного автотранспортного батальона Мария Ефимовна Скрыбикова из села Нижнеилимск, Татьяна Андреевна Ракилова из Илимска принимали участие в боях против японских войск в Маньчжурии.

Участвовала в освобождении родной земли от фашистских захватчиков и партизанка Александра Михайловна Фомичева, которая проживала в пос. Речушка.

Ефрейтор Надежда Петровна Сысоева принимала активное участие в обороне советского Заполярья. Громили врага вместе с бойцами-мужчинами и рядовые Антонина Григорьевна Быкова, Нина Алексеевна Кудряшова и многие, многие другие. За ратные подвиги большинство из них награждено правительственными наградами.

9 апреля 1944 года в небе над Керчью погибла летчица 46-го легкомобдаровочного Таманского полка младший сержант Прокопьева Пана Михайловна (с. Нижнеилимск). А 5 августа 1944 года погибла рядовая 118-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона Ступина Зоя Сергеевна (д. Ступина). Книга «Память» повествует, что Березовская Валентина Демидовна (д. Березова) погибла на фронте и что в ознаменование ее подвига во дворе Иркутской слюдяной фабрики установлен ее бюст. К сожалению, «Память» не сообщает воинское звание, должность, место гибели, а также не сообщает никаких подробностей о совершенном ею подвиге.

Конечно, это только небольшая часть имен женщин, которые воевали на фронтах Великой Отечественной войны. В настоящее время в районе проживают фронтовички Евдокия Георгиевна Мыслина и Фаина Ивановна Чурбанова. Евдокия Георгиевна была призвана в армию в 1943 году. Ее отправили учиться в группу военных поваров. После окончания курсов она попала служить к связистам, которым готовила и доставляла пищу на передовую линию. Когда при очередном обстреле убили лошадь, то пришлось термосы и провиант таскать на себе, а потом в окопах, землянках раздавать пищу. При виде девушек воины радовались, приводили себя в порядок. Сейчас Евдокия Георгиевна Мыслина проживает в Железногорске, она награждена многими медалями.

Фаина Ивановна, закончив 7 классов, поступила в медицинское училище в г. Ленинск-Кузнецкий. Училище окончила в 1941 году. Уже в первые месяцы войны в городе создаются военные госпитали, и Фаина Ивановна идет работать медицинской сестрой. А в феврале 1943 года отправляется на фронт. В госпитале Фаина Ивановна работала хирургической сестрой. Работали в невероятно трудных условиях. Войну Фаина Ивановна закончила в маленьком Германском городке Арисвальд. Домой Фаина Ивановна вернулась только в сентябре 1945 года. В мирное время работала медицинской сестрой, вела большую общественную работу. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», значком «Отличник медицинской службы», орденом «Отечественной войны», юбилейными медалями. Фаина Ивановна сейчас проживает в поселке Коршуновский.

Чсть Вам и хвала, женщины-фронтовички. Мы желаем Вам здоровья, счастья, благополучия, мирного неба над головой, любви и заботы родных и близких!

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского совета ветеранов

Пути-дороги фронтовые

С Николаем Прокопьевичем Ходыкиным, участником Великой Отечественной, мы познакомились незадолго до праздника Дня Победы. В нашей неспешной беседе речь шла о жизненном пути ветерана, его мирной жизни до и после окончания войны, о том, как в 1952 году он попал на Иркутский авиационный завод. Работать ему довелось в железнодорожном цехе 30 – сначала машинистом паровоза, затем механиком и диспетчером. Затронули мы в нашем разговоре и тему семейной жизни. По словам Николая Прокопьевича, со своей супругой Ольгой Алексеевной, ушедшей в Красную Армию по комсомольскому призыву со второго курса госуниверситета, он прожил в любви и согласии 56 лет. На японском фронте она служила картографом.

Ольги Алексеевны пять лет как не стало, без нее осиротела квартира. Но Николай Прокопьевич не одинок, его как отца, деда и прадеда радует то, что дети рядом, внуки и правнуки живы и здоровы, благополучно устроены, он чувствует их заботу и внимание. О чем еще можно было говорить с человеком в преддверии праздника Победы, на себе испытывавшем все тяготы военного лихолетья... Конечно, о его фронтовых путях-дорогах... Вот что поведал о себе 84-летний ветеран Второй мировой:

– Когда началась война, мне было 17 лет. Наша семья жила в Глазково, куда переехала из Кировской области в начале 30-х годов. Учился я в 80-й школе и одновременно около года ездил в Оёк на подготовительные курсы, так как планировал в будущем поступить в военно-воздушное училище. В то же время окончил двухмесячные курсы водителей, эта специальность и пригодилась мне в годы войны.

В армию был призван в 42-ом. Отправили нас, новобранцев, сначала на Восток, на станцию Песчанка, где я попал в 7-й учебный танковый полк, ну а после, спустя время, специальным поездом – на Запад. Прибыли в населенный пункт Пушкино, что под Москвой, где уже стояли новые американские бронетранспортеры. Там шло формирование частей. Служил водителем-механиком в звании сержанта. Наш экипаж бронетранспортера состоял из пяти человек – командира, двух заряжающих, стрелка-наводчика и водителя.

Вместе мы воевали около двух лет, а может и того меньше. А там, кого ранило, кого убило. Первый раз по-настоящему понюхать порошу мне довелось на 2-ом Украинском фронте. Шел 44-й год, мы с боями продвигались на Запад.

Война есть война. В разные приходилось попадать переделки. Однажды, дело было уже на территории Польши, наша рота, входившая в состав 16-й механизированной Львовской Краснознаменной ордена Суворова гвардейской бригады, двигалась с колонной танков. Тут у нашего бронетранспортера забарахлило сцепление. Пришлось отъехать в сторону и остановиться. Вдруг наводчик кричит: «Нам навстречу движется какая-то автоколонна!» Коман-

дир за бинокль, оказалось – фашисты. «Подпусти ближе и бей, – говорит он ему, – сначала по передней, затем по задней машине». Наводчик так и сделал. Машины горят, немцы – кто убит, кто – в лес... Но нам удалось все же взять в плен несколько человек во главе с офицером. Исправив неполадки, мы догнали своих. А пленных сдали в штаб части.

За время войны я дважды был ранен. Первый раз в ногу. Случилось это в одном из боев под Бранденбургом, в 60 км от Берлина. Ранение было нетяжелым, лечился в медсанчасти, в течение месяца ходил на перевязки.

Когда чехи подняли против фашистов восстание, нашу часть, чтобы помочь им, повернули на Прагу. По дороге завязался бой, и наша машина была подбита. Наводчика ранило, а двух молоденьких пареньков, наших заряжающих, убило. Мы с командиром, выскочив из горящего бронетранспортера, пересели в другой. По направлению к Праге в ночном бою нас снова обстреляли. Тут я получил ранение в руку, которое считалось тяжелым. Так что долгожданный День Победы мне пришлось встретить в госпитале, где пробыл почти до конца 46-го года. В палатах нас находилось по 10-12 человек. Было душно от запаха пота и табачного дыма, к которым примешивался острый душок гнойных ран. Моя рана трудно поддавалась лечению, и однажды хирург сказал прямо: «Придется, Ходыкин, ампутировать твою руку». Но старослужащие, по сравнению с которыми я был мальчишка, мне твердили одно: «Ты, Колька, не давай руку отрезать, заживет твоя рана». И действительно, постепенно дело пошло на поправку, стали шевелиться пальцы, правда, зимой рука до сих пор мерзнет.

Домой я вернулся в марте 1947 года, когда расформировали госпиталь. Благодаря женщине-врачу в звании капитана, которая оказалась родом из Иркутска, мне дали отпуск, по истечении которого я должен был явиться в военкомат. Служба моя закончилась там, где и началась – в Иркутске, спустя почти два года после Победы.

Да, тяжело было всем – и тем, кто в тылу, а уж на фронте – тем более. Немцы первое время после нападения шли с песнями, за сутки преодолевали расстояние в 70 км. Хорошо еще, что Япония не вступила с нами в войну, кто знает, выстояли бы мы, если бы довелось воевать на два фронта. Много наших солдат погибло. Был приказ: «Ни шагу назад». Вот и стояли насмерть. Дисциплина была железная. Командиров уважали. Воевали полным интернационалом, и не было между советскими воинами, призванными на службу из разных республик, никакой вражды. Я считаю, правильно говорят, что Победу в немалой степени удалось одержать за счет сибирских дивизий, которые были хорошо обучены и оснащены...

Сегодня у наших ветеранов не так много поводов, чтобы почувствовать к себе внимание. Наши заводчане, участники войны, собираются, по традиции, у мемориала. Будут фронтовые сто грамм и походная каша. Будут приветствия и рукопожатия, правда, уже не такие крепкие, как в молодости.

Среди гостей праздника будет и Николай Прокопьевич Ходыкин, награжденный орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией». Ему и всем-всем ветеранам Великой Отечественной хочется пожелать мирного неба, заботы, внимания и любви окружающих.

Низкий вам поклон, дорогие наши ветераны.

Нина Балк

«Ожиданием своим ты спасла меня...»

Они поженились 7 октября 1940 года. Мысленно представьте себе события в нашей истории за долгие семьдесят лет, через которые пришлось пройти семье Лопаткиных из Тайшета. Павел Самсонович и Валентина Васильевна уже отметили благодатную свадьбу. 70 лет рука об руку. Эту свадьбу еще называют «благодарной». И, наверное, для них это более точная оценка всего совместного жизненного пути: за плечами Финская, Великая Отечественная, Афганская войны, рядом – сын, внуки и правнуки. А в душе – благодарность случайной встрече в молодости, благодарность судьбе, благословившей их на такую долгую и такую яркую жизнь. И если бы все начать сначала, ни один из них не отказался бы пройти ее снова.

Когда они впервые встретились в 1939 году, Павлу было 22, а Валентине – 20 лет. Лейтенант Красной Армии был завидным кавалером. После окончания Тамбовского пехотного военного училища около двух лет он отслужил в стрелковой дивизии Харьковского военного округа, добровольцем пошел на финский фронт. Там отличился при взятии городов Выборг, Питсама, Сартавала. Валентина Васильевна и сейчас весело вспоминает, как подружки с завистью поглядывали на ее, жениха, у которого на груди блестела редкая в те времена медаль «За отвагу».

Свадьбу заменил скромный ужин с родственниками и через несколько дней молодой муж уехал на место службы в Литву, в 5-ю танковую дивизию имени Сталина. Она дислоцировалась недалеко от города Алитус, от которого до немецкой границы было всего 46 километров. Очень скоро туда же перебралась и молодая жена. Так началась их счастливая гарнизонная жизнь. Сколько было потом, в их совместных скитаниях за годы военной службы Павла Самсоновича, гарнизонных квартир, общежитий и просто жилых углов, они теперь уже и не припомнят. О том, что немало пришлось им вместе поколесить по стране, говорит тот факт, что их старший сын Олег сменил одиннадцать школ. Но это было уже в мирной жизни. А тогда, в счастливом 40-ом году, разве можно было предполагать, что от их свадьбы до начала войны с фашистами оставалось всего восемь месяцев.

22 июня 1941 года помощник начальника штаба мотострелкового полка, старший лейтенант Лопаткин был дежурным по полку. В 4 часа утра немцы начали бомбить город, аэродром и наши части. На уцелевших самолетах удалось переправить в тыл штаб и знамя полка. Офицеры собирали вокруг себя оставшихся в живых бойцов, организовывали оборону, отправляли на железнодорожную станцию

Вараны семьи военнослужащих. В семь часов немцы начали переправляться через Неман и занимать городские кварталы.

Так началось долгое, с тяжелыми боями и большими потерями, отступление в сторону Москвы. По пути к полку присоединялись батальоны и роты из других воинских подразделений. Через 64 дня в районе города Белый, Смоленской области объединенный отряд, наконец, соединился с частями Красной Армии. Павел Самсонович с гордостью вспоминает о первых победных боях под Москвой. Основное направление по дороге Калинин – Москва защищала дивизия Панфилова, в которую был влит после выхода из окружения 171-й полк. В нем разведывательным батальоном командовал старший лейтенант П.С. Лопаткин. Позднее, после окончания обороны Москвы он был направлен для дальнейшего прохождения службы в 1-ю Пролетарскую Московскую дивизию, в составе которой и прошел всю войну от Москвы до Кенигсберга.

Павел Самсонович считает, его хранила счастливая судьба и многолетний военный опыт, полученный на финской войне. А главное – любовь дорогой Валюши и первого сына. Как там, в стихах у Константина Симонова: «Ожиданием своим ты спасла меня...». Два легких ранения не в счет. К концу войны гвардии подполковник Лопаткин был уже награжден тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, медалями «За оборону Москвы» и «За боевые заслуги». Только тяжелое осколочное ранение в конце апреля 1945 года, на самом пороге Победы, выбило его из рядов родной дивизии. Это был его последний бой. На следующий день в полку вышла листовка с призывом: «Равняйтесь на гвардейцев офицера Лопаткина!». Ему же предстояло долгое лечение в госпиталях и возвращение командиром полка в свою родную 11-ю армию под Кенигсбергом, уже после войны.

А у Валентины Васильевны все эти годы была своя военная служба. После эвакуации из Прибалтики она изготавливала парашютные стропы на военном шнуроплетильном предприятии в Чкалове (ныне Оренбург). В 1942 году, узнав о том, что военкомат начинает набирать на фронт девушек и бездетных женщин, не раздумывая, подала заявление. Приехав на побывку к мужу под Калугу, где в это время на переформировании находилась его 11-я армия, была принята на работу в штаб. И только в 1944 году вернулась к родственникам в Саратов к маленькому Олежке. После войны в Кенигсберге снова продолжилась ее многотрудная и очень ответственная «служба» офицерской жены. Валентина Васильевна вспоминает самые крупные географические точки, где они побывали – Заполярье, потом недолго Москва, Чечено-Ингушетия, где пробыли они тридцать пять лет. И снова – Саратов, где они потеряли младшего сына. Ему было 56 лет.

Закончилась «одиссея» в Тайшете. Их сюда перевез старший сын Вячеслав. Он после школы выбрал профессию отца. Окончив высшее общевоинское командное училище во Владикавказе, он служил в полку, которым после войны командовал Павел Самсонович. Как и отец во время финской войны, добровольцем пошел воевать в Афганистан. Два с половиной года на краю у смерти, под пулями душманов – суровая школа мужества и героизма. Он назначен командиром ба-

тальяна, получил звание майора и орден Красной Звезды. Как и отец, до самого выздоровления не сообщал родителям о тяжелом ранении. Потом, после недолгой службы в Кяхте, на границе с Монголией, полковник запаса В.П. Лопаткин, кавалер ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», был переведен на нестроевую службу, и возглавил отдел военного комиссариата Иркутской области по г. Тайшету и Тайшетскому району. Тогда ему, наконец, удалось перевезти в Сибирь и родителей.

Вот так и воссоединилась вся семья Лопаткиных. Сбылась их общая мечта – жить всем вместе большой семьей. Валентина Васильевна и Павел Самсонович бережно относятся друг к другу, стараются все домашние дела делить пополам. Иногда подолгу перелистывают семейные альбомы, вспоминая счастливые и трагические годы такой долгой и такой яркой жизни. На них смотрят с фотографий молодые, знакомые лица. Теплой волной накатывают воспоминания, и кажется, что многое в их жизни было совсем недавно.

Валентина Кайнова

Германский пленник

Так случилось, что в плен Петр Михайлович Чижов попал в первые же дни войны. Несколько раз бежал, но безуспешно. И только в апреле 1945 года последняя попытка выбраться из неволи увенчалась успехом. Он с двумя товарищами сбежал из немецкого лагеря и через пять дней встретил передовые части советских войск...

Но все по порядку. П.М. Чижов родился 22 июня 1921 года в деревне Колче Читинской области. Его отец Михаил Николаевич Чижов и мать Евстолия Ильинична занимались крестьянским хозяйством. У родителей было четверо детей, Петя – первый ребенок. В 1924 году семья переехала в небольшую деревню Куть на берегу реки Аргунь, где родители продолжали заниматься сельским хозяйством. Жила семья сносно. В 1928 году в деревне была создана коммуна, которая вскоре распалась. Затем был организован колхоз, в котором Михаил Николаевич стал работать бригадиром.

В 1933 году всех жителей из деревень, находящихся на берегу реки Аргунь, переселили в Северный Казахстан, в посёлок № 27, который через некоторое время был назван Раздольный. Была переселена в Казахстан и семья Чижовых. Причину переселения жителей с Приаргуны в Северный Казахстан Петр Михайлович не знает, но предполагает, что для лучшей охраны границы власть решила убрать оттуда гражданское население.

Переселенцев поместили в длинные недостроенные бараки с земляным полом. В бараках не было перегородок, не было комнат. Переселенцы первые дни жили всем скопом – коммуной. Как известно, голь на выдумки хитра: семьи стали отгораживаться одеялами, простынями, создавать некое подобие комнат. А затем каждая семья свой закуток начала отгораживать досками.

Баракы обогривались примитивно: в железной бочке вырезались отверстия для дверцы и трубы. Трубы выставлялись в окна. На всех жителей в каждом бараке для приготовления горячей пищи была одна большая прямоугольная печь, покрытая сверху чугуновой пластиной.

Переселенцы, как и на своей родине, стали заниматься земледелием и животноводством.

Первые урожаи были плохими и через некоторое время начался голод, а с ним пришел тиф. Умерло много людей. В семье Чиловых скончался от тифа брат Петра – Павлик.

Переселенцы пережили и голод, и тиф. Жизнь продолжалась. Люди начали строить для себя избы из самана (саман – кирпич-сырец, изготовляемый из глины с примесью навоза и соломы), создали колхоз, в котором глава Михаил Николаевич стал бригадиром полеводческой бригады, а его жена устроилась грузчиком на зерновом складе.

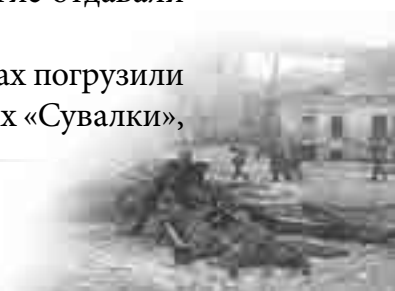
В 1934 году удался хороший урожай зерновых культур – пшеницы, овса, ячменя, а также подсолнуха. Переселенцам полегчало...

В 1939 году Петя Чижов поступил в Щучинский горно-металлургический техникум. Осенью 1940 года со второго курса его призвали в армию и отправили служить в Западную Белоруссию, в район железнодорожной станции Шепетово, где размещался 284-й полк 86-ой стрелковой дивизии. Чижов был определен в минометный взвод.

22 июня 1941 года немецко-фашистские войска вторглись на территорию нашей страны, 284-й полк был выдвинут к границе и занял оборону. В первые же дни бойцы полка отбили несколько атак вражеской пехоты. Появились первые раненые и убитые. Чижов получил ранение в левый локоть и был доставлен в госпиталь, находившийся в Белостоке. Вскоре туда ворвалась немецкая воинская часть.

Как вспоминает Петр Михайлович, раненых советских командиров, политработников и евреев гитлеровцы выволокли из госпиталя во двор и расстреляли. Остальных раненых вместе с медицинскими работниками водворили в подвальное помещение. С разрешения старшего немецкого офицера медики перетащили в подвал несколько матрацев, одеял и подушек. О лечении не могло быть и речи. Медработники могли только делать перевязки старыми бинтами. Форточек в больших окнах подвала не было, от этого воздух был спертый. От одуряющей вони гниющих ран, грязных бинтов, не проветриваемого подвала перехватывало дыхание. Одежда на раненых кишела насекомыми. Пленным один раз в день давали баланду. Это было какое-то отвратительное пойло, да и того каждому узнику доставалось по небольшому черпаку. К пойлу давали приблизительно по триста граммов эрзац-хлеба. Утром пленные получали кипяток, но без хлеба. От такой кормежки обитатели подвала с трудом волочили ноги. Многие отдавали Богу душу. Трупы увозили за город и закапывали в общих могилах.

Осенью 1941 года всех выживших и кое-как державшихся на ногах погрузили в товарные вагоны и привезли в польский лагерь для военнопленных «Сувалки»,

в котором, кроме русских, находилось много польских военнопленных. Раненых поместили в длинные металлические бараки, которые когда-то были складскими помещениями. Остальные пленные ютились под открытым небом. Кормили пленных, как и в Белостоке, баландой. Физически здоровых людей ежедневно утром под конвоем выводили из лагеря на земляные работы.

После концентрационного лагеря «Сувалки» Петр Чижов побывал ещё в нескольких лагерях на территории Германии. В феврале 1945 года он оказался в небольшом концлагере «Шромбинен» под Кёнигсбергом.

Пленники жили в металлических бараках, спали на двухэтажных полках. Работали в складе на разгрузке и погрузке строительных материалов. Работать заставляли даже безруких, в числе которых был и Петр Чижов. Там он подружился с летчиком Дмитрием Всклич, самолёт которого был сбит над Украиной в 1942 году.

У Дмитрия не было кисти правой руки. Он предложил Чижову бежать из лагеря, Петр охотно согласился.

Перед окончанием рабочего дня Дмитрий и Петр удачно проползли под колючей проволокой и оказались на свободе. Всклич хорошо ориентировался на местности. Беглецы шли ночью, а днем отсиживались в лесу. Питались ягодами и зерном.

Однажды ночью они вошли в густой кустарник и за спиной услышали команду «Хальт!». Обернувшись, они увидели двух немецких солдат с автоматами. Солдаты давно заметили беглецов и шли следом за ними.

Петра и Дмитрия снова водворили в лагерь, из которого они совершили побег. Перед строем заключенных их избили резиновыми дубинками и посадили в карцер. Через некоторое время части Советской армии подошли к Одеру. Всех пленных погнали в глубь Германии. Тех, кто не мог двигаться, расстреляли. В районе города Анклам, расположенного вблизи Балтийского моря, Петр Чижов, Тимофей Калинин и Петр Гудков, выждав, когда колонны пленных скрылись в темноте, юркнули в сарай, стоявший недалеко от дороги. Через щели сарая увидели, что к их укрытию идет поляк. Шагнув в темноту сарая и увидев осунувшиеся лица троих мужчин, этот поляк сразу понял, что это за люди. Чижов попросил поляка принести еды. Поляк сказал: «Почикай!» (Подожди!) и вышел из сарая.

Но вместо еды поляк привёл полицейских. Полицейские доставили беглецов в небольшой лагерь вблизи города Анклам. Пленные очищали поля от камней. Через десять дней Чижов, Гудков и Калинин совершили новый побег. Спрятавшись за туалетом, они сделали лаз в ограждении из колючей проволоки, через который ночью выбрались из заточения. Передвигались по ночам. У них был небольшой запас продуктов, так что необходимости рисковать жизнью в поисках еды не было. Через пять суток они встретили передовые части 2-го Белорусского фронта.

Их накормили и направили к коменданту города Арисвальд. Комендант выдал необходимые документы, по которым бывшие узники немецких лагерей отправлялись в фильтрационный пункт, который находился в городе Бресте. Через

три дня Петр прошёл проверку. Ему выдали соответствующие документы, продуктовую карточку и билет на железнодорожный транспорт до казахстанского города Акмолинск. Это было 27 мая 1945 года.

Добрался он до Акмолинска в последних числах июня. На постоялом дворе города случайно встретил двоюродного брата Ивана, с которым не виделся лет десять. Иван Петра сперва даже не узнал, к тому же все считали его погибшим.

День подходил к концу, и Иван предложил Петру ехать к родителям утром следующего дня. От города до родного поселка Раздольного было 30 километров. Но Петр настоял на том, чтобы ехать немедленно. Машины в посёлок ходили редко, и братья пошли пешком. Прошли километра четыре, когда их догнал на телеге мужик, который ехал в сторону Раздольного. До дома братья добрались только к ночи.

Приезд Петра вызвал в доме переполох: родители давно считали сына погибшим. Евстолия Ильинична, увидев сына, упала в обморок, ее с трудом привели в чувство. Михаил Николаевич хотел что-то сказать, но только шевелил губами. Судорожно обнял сына и заплакал навзрыд. Не сдержал слез и Петр.

Несмотря на поздний час в доме Чижовых собрались соседи. Отец побежал в магазин за водкой, чтобы отметить возвращение сына. Пришлось даже разбудить продавщицу. В эту ночь в доме Чижовых никто не спал. «Воскресшего» Петра засыпали вопросами.

Петр полгода приходил в себя, лечился, питался домашней пищей. Вскоре женился на той самой продавщице Марии Шевриной, которую в первую ночь после возвращения Петра подняли с постели. Он окреп, и 1 октября 1945 года сыграли свадьбу. Через год у них с Марией родилась дочь Людмила. В то время Петр уже работал в колхозе заведующим складом.

Демобилизовались из армии некоторые его друзья – Павел Аникеев, Афанасий Вачин, Василий Миронов и другие. Но большая часть товарищей, с которыми он учился в школе, погибла на полях сражений.

Осенью 1946 года Пётр Чижов поступил на второй курс Щучинского горно-геологического техникума, после окончания которого в 1949 году стал работать геологом в верховьях реки Витим. В геологии Петр Михайлович работал до ухода на заслуженный отдых в марте 1978 года.

Петр Михайлович Чижов награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и «Знак Почета», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Жукова, «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и юбилейными. Имеет знак «Фронтвик».

Сегодня Петр Михайлович Чижов живёт в г. Иркутске в микрорайоне Университетский.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Скрипка и автомат – главные инструменты в судьбе иркутянина Владимира Бесеневи́ча

Владимир Александрович Бесеневи́ч стал профессиональным скрипачом в двенадцать лет, через два года – он военный музыкант и сын полка, еще через два – солдат Великой Отечественной. Потери близких, обретение друзей, смертельный риск и радость победы. Жизнь трудная, порой горькая и все-таки очень счастливая: такая, как у миллионов граждан нашей страны.

Сын «врага народа» стал сыном полка.

– Мой отец – известный в свое время скрипач-виртуоз Александр Петрович Бесеневи́ч. В Иркутск мы приехали в 1937-м году. Здесь он получил должность главного дирижера оперы. В Иркутске тогда была своя опера: оркестр от радиокомитета. Артисты и певцы состояли в штате местного драмтеатра. Вот это и была Иркутскопера – прекрасные певцы и музыканты, настоящие звезды.

Но в 1938 году, 18 апреля, отца арестовали – как и многих в то время...

– Удивительно! Каким образом мог провиниться перед Советским государством оперный дирижер и скрипач: вредительски играть мимо нот? Я тогда был пионером, учился, кажется, в 15-й школе. И вот, в одно прекрасное утро состоялась общешкольная линейка и с меня при всех сняли пионерский галстук – как с сына врага народа. В этом статусе я прожил почти тридцать лет, лишь в 1965 году маму вызвали и сообщили, что отец реабилитирован посмертно и нам выдали свидетельство о смерти, где сообщалось, что в 1945 году он умер в местах заключения от воспаления легких. Но уже в наше время мы узнали, что на самом деле, уже через полгода после ареста, отца расстреляли по постановлению «тройки» НКВД.

Проблемы начались и у мамы: она работала преподавателем в Авиационном техникуме, хорошая престижная работа, но после ареста отца ее «перевели» в гардеробщицы, а потом и в уборщицы.

В 1939 году я закончил музыкальную школу на Степана Разина и в этом же году, в возрасте двенадцати лет, поступил на работу в театр юного зрителя скрипачом, где и проработал до 1942 года. Уже шла война и наш театр поехал на гастроли на Дальний Восток. Нашему оркестру не хватало нескольких музыкантов, дирижер привлек на время гастролей исполнителей из военного оркестра местной воинской части. Их выправка, красивая военная форма мне сразу очень понравились. Так уж вышло, что их военному оркестру тоже был нужен толковый скрипач. Меня сразу принялись обхаживать: вот такой нам и нужен, очень хорошо, что ты подросток, тебе выдадут военную форму, паек – в общем, заживешь. Я с радостью согласился. Дальше военные действовали быстро: ночью подогнали машину, я собрал вещи... Да что там было собирать: скрипку да чемоданчик. Так в свои четырнадцать лет я поступил в армию. Официально я был оформлен как «сын полка»: тогда это было модно, почти при каждой части были свои «сыны полка».

Следующий год прошел весь в побегах на фронт. Нас, малолетних воспитанников, было человек пять или шесть, мы тайком садились на эшелон, нас неизменно

ловили и возвращали в часть. Командир даст пинка под зад – на том все и заканчивалось. До поры до времени.

Боец 5-й армии

Но в шестнадцать лет, можно сказать, моё детство кончилось. Нашу часть перебросили на Запад, так что бегать никуда больше не пришлось. И попали мы на 3-й Белорусский фронт...

– Помню ли я свой первый день на войне? Еще бы! Наш эшелон, еще не дойдя до места назначения, угодил под сильнейшую, просто страшную бомбежку. Эшелон сгорел за 10-15 минут. Нас было шестеро друзей – «сыновей полка», а после этого налета осталось только трое... Это случилось недалеко от Витебска. Командование собрало уцелевших и мы приняли воинскую присягу. Так в шестнадцать лет я стал бойцом 5-й Краснознаменной армии под командованием генерала-полковника Н.И. Крылова, который в 60-е годы стал командующим Ракетных Войск стратегического назначения.

Наша армия в составе войск 3-го Белорусского фронта приняла участие в знаменитой операции «Багратион», состоявшейся летом 1944 года. Что говорить... Бои были просто страшные. Достаточно сказать, что в них погиб командующий нашим фронтом, генерал Черняховский – что уж говорить о рядовых бойцах и офицерах...

Однажды наш полк остановился на ночлег прямо в поле, было начало зимы, уже темно. Мы разожгли костры, поели, кто-то выпил. Нам, воспитанникам, кстати, курево не выдавали, а выдавали конфеты. В общем, нормально, почти с комфортом переночевали. А проснулись утром, оказалось, что на ночлег мы расположились прямо на месте сильнейшего боя: кругом валялось множество трупов, которые мы в зимних сумерках не разглядели...

– У меня орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали: «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Плюс три ранения – таков мой итог войны... Расскажу, как я был представлен к ордену Славы третьей степени. Я уже служил в разведроте и нас послали за «языком». Дело уже было в Восточной Пруссии – ныне Калининградская область.

Нас хорошо прикрывали: артиллерия провела огневой налет, саперы проделали проходы в колючей проволоке и мы подобралась к немецким позициям. Выбрали подходящий момент и захватили двух немцев. Это был пулеметный расчет, расположившийся чуть в сторонке от основных немецких позиций. Все прошло идеально гладко, без единого выстрела. На мою долю выпало тащить одного «языка» на себе. Ну, не очень такой крупный немец, все бы ничего, но проблемы начались, когда пришлось переправляться через речку – не широкую, но довольно глубокую. А плавать-то я не умел! Чудом меня этот немец не утопил при переправе – наверное, просто надоела ему вся эта бойня – сам старался подгрести.

Так вот, показания пленные дали видимо хорошие и однажды ко мне подошел писарь нашего полка – кстати, наш бурят из Иркутска, помню, почерк у него был очень красивый, – подошел и говорит: «Ну, с тебя бутылка!» «Хорошо, а за что?» –

спрашиваю. «Вашу разведгруппу, и тебя в том числе, представили к Славе третьей степени!» Что ж, бутылка, так бутылка – выпили, конечно, и не одну. В разведроту, знаете, всегда все есть. К нам даже из соседних частей заходили старшины в надежде чем-нибудь разжиться.

Сам орден, правда, я так и не получил, хотя представление в старой моей солдатской книжке зафиксировано.

Конец войны наша 5-я армия встретила в Кенигсберге. Пробыли там около месяца. Однажды нас подняли по тревоге, плотно накормили и погрузили в подогнанные вагоны. После чего всю армию переправили на Дальний Восток. Там, после небольшой паузы посадили десантом на танки и мы перевалили через Большой Хинган. Дальше были города Мукден, Муданьдянь. Побывал я и в Северной Корее...

Японцы мало чем отличались от фашистов. Враг – везде враг. Не ты его, так он тебя. Помню, наткнулись на какие-то пакгаузы, забитые разным добром: консервы, другие припасы – полно всего. Я уже был старшим сержантом, прошел по лестнице наверх первым, сзади – еще один наш разведчик. А замыкающим – с большим отставанием – наш Миша Саньков, невысокий такой парень, но отличный спортсмен. И вот я слышу – сзади автоматная очередь. Оборачиваюсь: позади меня два убитых японца. Если бы Миша не прикрыл нам спины, так это мы двое лежали бы вместо тех японцев...

С местным населением отношения складывались нормально. Никаких эксцессов не помню... Вот в Прибалтике, это да, местные просто волками смотрели – то есть делают, конечно, что им скажешь: накормят там, устроят на ночь, но чувствовалось, что это лишь потому, что у тебя автомат в руках... Поэтому, когда в конце восьмидесятых там образовались все эти народные фронты, я нисколько не удивился...

В армии я в общем итоге прослужил без двух месяцев девять лет. Начал в 1942-м, ушел в запас в 1951-м. Когда бои наконец закончились, командование учло, что я – профессиональный музыкант, поэтому, еще находясь в составе армии, я пять лет проработал в музыкальном театре в Харбине. После – работа музыкантом в парках, в частности, в иркутском ЦПКиО, работа в школе музвоспитанников, учеба в Иркутском училище искусств, валторнистом в иркутской филармонии и, наконец, инспектором симфонического оркестра иркутской филармонии.

На этом посту я тринадцать лет отвечал за то, чтобы в оркестре все было по порядку: чтобы играл полный состав, безукоризненный внешний вид – днем черные бабочки, вечером – только белые. Представляете, некоторые музыканты норовили выйти на сцену черт знает в чем, в красных носках, например! Я это дело пресекал на корню. Я ведь из армии старшиной уволился, не кем-нибудь.

Игорь Морозов

Боевой путь связистки

Телефонисты наших дней не могут себе даже представить, что значит быть телефонистом на фронте. Это постоянное недосыпание, строго обязательное обеспечение непрерывной связи между боевыми частями. За плечами связиста – катушка с проводом, а то и две, на плече – автомат и подсумок с патронами, на груди – телефонный аппарат. В любое время суток, в дождь, жару и мороз, под артобстрелом или бомбежкой тянули телефонную линию связисты 79-го отдельного Пражского Краснознаменного ордена Александра Невского и ордена Красной Звезды полка связи. Они прошли тысячекилометровый боевой путь через города Темрюк, Россошь, Белгород и Курск, Сумы и Киев, Сарны и Брест, Варшаву и Берлин.

Именно такой боевой путь прошла Ольга Евгеньевна Стевина, старший сержант, телефонистка 79-го полка связи. С марта 1942 года она обучалась в 22-м отдельном Линейном полку связи в городе Георгиевске Ставропольского края и отсюда, с Кавказа, ушла на фронт. Невозможно сосчитать, сколько километров линий связи она протянула, сколько зашифровала и расшифровала телефонограмм, а ведь от точного выполнения этой работы зависело сохранение жизней многих наших солдат. Ольга Евгеньевна выполняла боевые задания, не жалея себя. А была она в то время совсем девчонкой: в год, когда началась война, ей исполнилось 20 лет. Ордена Красной Звезды, Великой Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» свидетельствуют о том, как Ольга Евгеньевна выполняла свой солдатский долг. Не каждый фронтовик-мужчина имеет столько наград.

Демобилизовалась из армии О.Е. Стевина в июле 1945 года. С 1957 года работала в 42-й средней школе Ленинского района учителем начальных классов. И за свой нелегкий труд, как когда-то за боевые заслуги, была награждена знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

А в эти дни, вместе со всеми ветеранами, вспоминает Ольга Евгеньевна суровые годы Великой Отечественной, верных подруг – таких же девчонок-телефонисток, прошагавших тысячи километров тяжелых фронтовых дорог, ведущих к Победе.

Михаил Замятин, участник Великой Отечественной

Пражский полк не освобождал Прагу...

С 1940-го года, с марта месяца, я работала учительницей в селах Рязанской обл. В марте месяце 1942 года получила срочную повестку. В апреле месяце 1942 года с группой товарищей прибыла на Кавказ и была зачислена в 22-й отдельный запасной линейный полк связи, который находился в г. Георгиевске, Ставропольского края, где проходила подготовку для службы в армии по связи. Враг быстро продвигался в глубь нашей Родины. Был получен приказ – расформировать нас по действующим частям и подразделениям. Провожая, полковник сказал: «Работать на связи будет не легче, чем ходить в атаку. Желаю успеха». С группой товарищей

в июне 1942 г. прибыла в 79-й отдельный полк связи 47-й армии, в г. Темрюк Краснодарского края. Этот полк связи с большими потерями вышел из Крыма, где шли ожесточенные бои за каждый метр нашей земли. Я была телефонисткой, писарем-экспедитором, прокладывала связь, делала маскировку, устраняла порывы на линиях под огнем, доставляла срочные донесения, кодировала. Связь работала день и ночь. Каждая доставленная депеша сохраняла жизнь нашим бойцам. 79-й отд. полк связи 47-й армии, участвовал в битве за Кавказ и, отстояв город-герой Новороссийск, не пропустил немецко-фашистские армии в Закавказье. День и ночь нас обстреливали и бомбили. Много погибло связистов. Полк располагался в городах Кабардинке, Майкопе и др. Там я заболела малярией и получила небольшое ранение в ногу.

В апреле через Ростов-на-Дону нас перебросили на Украину. Громили немцев на Орлово-Курской дуге. Ранним утром залп артиллерии молниями рассек хмурое утро. Пошли тяжелые и средние танки и началось самое крупное, страшное танковое сражение, которого не знало человечество. В этом бою сражалась 3-я ударная танковая армия, которая была нашим соседом и связь держала через наш полк. Сражение шло недалеко от Прохоровки. Страшно было, нервы не выдерживали, хотелось плакать, заткнуть уши и бежать. Но связь держать надо. Победа осталась за нами. Мы первыми форсировали р. Днепр и обеспечили создание крупного плацдарма для дальнейшего наступления и освобождения г. Киева.

Освобождая Белоруссию, 79-й отд. полк связи 47-й армии участвовал в операции «Багратион», разгромив центральную немецко-фашистскую группировку. В 1944 году, в сентябре месяце, мы подошли к границам Польши, и с боями прошли по населенным пунктам Пехувка, Колишки др. и освободили Варшаву. Варшава была сильно разрушена и заминирована. Благодаря нашим разведчикам и минам, Варшава была спасена от взрыва. Полк понес большие потери, было разбито 2 радиостанции, погибло много связистов. За упорные ожесточенные бои, полк назван «Пражским» (от названия ближайшего пригорода Варшавы).

Заключительной операцией Второй Мировой войны была Берлинская. Главная наша цель на этом этапе войны была полная ликвидация фашизма. Крепко было укреплено фашистское логово. От Одера до Берлина была сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по несколько линий окопов. Жилые кварталы превратили в крепости, население готовили к ожесточенным уличным боям. Борьба шла и на земле, и под землей. 79-й отд. полк связи в составе 47-й армии располагался на северо-западе от Берлина. Операция была величайшей по своему размаху и напряжению. Было задействовано множество самоходных орудий, минометов, реактивных установок, артиллерии, авиации. Потери были огромные. Когда «брали» Берлин – это было что-то ужасное, кругом гудело, взрывалось, земля сотрясалась, все горело, было в дыму, нельзя было разобрать день это или ночь. Наши бойцы водрузили «Знамя Победы!»

Тяжелый, трудный путь пришлось пройти солдату в 1941–1945 гг. Нас убивали и не могли убить!

Я демобилизовалась старшим сержантом в июле 1945 года из Берлина. 79-й отд. полк связи за свой боевой путь стал трижды орденосным, Краснознаменным, орденов Александра Невского и Красной Звезды. Ереван, Иран, Крым, Новороссийск, Днепр, Висла, Варшава, Одер, Берлин, Эльба – таков путь полка.

Мои награды за боевой путь от Кавказа до Берлина: орден «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» 2 степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За оборону Кавказа». Имеются юбилейные медали за победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 30, 40, 50 лет Победы, а также в честь образования Вооруженных Сил СССР – 60 и 70 лет.

Стевина О.Е., участник Великой Отечественной

Герой живет рядом с нами

Среди военных наград у фронтовиков особым уважением пользуются ордена Славы. Ну, а если на груди – ордена Славы всех трех степеней, владельцу их особый почет и уважение, так как по значимости своей они приравниваются к Золотой Звезде Героя Советского Союза. Как записано в статуте ордена, ими награждались лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия». Учрежден орден был Указом Президиума Верховного Совета 8 ноября 1943 года.

28 наших земляков, полных кавалеров ордена Славы, прославили Иркутскую землю. До 64-й годовщины Победы дожил только один из них – Семен Иосифович Петрусенко. Недавно и он был с почестями похоронен в родном селе. О своем земляке рассказывает ответственный секретарь Тайшетского районного совета ветеранов Нина Васильевна Лесковец.

Жил наш герой в далеком районном поселке Новобирюсинск, что у границы с Красноярским краем. Улицу Молодежную и дом, где он жил с семьей дочери, знают все в поселке. Что уж говорить о школьниках. Пока здоровье и слух были покрепче, Семен Иосифович был частым гостем в школе, в трудовых коллективах, на всех мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию, которые проводила местная первичная ветеранская организация. И в предпраздничные дни не закрывалась калитка у его дома – шли поздравлять фронтовика и взрослые, и дети. Хозяин с тросточкой выходил на крыльцо встречать гостей.

В музее средней школы поселка, на фасаде которой прикреплена мемориальная доска в честь героя, – одна экскурсия за другой. На стенде, посвященном нашему знаменитому земляку, – его большой портрет, копии всех наградных документов, биографическая книга красноярского издательства – летопись его подвигов. Помнится, Семен Иосифович всегда смущался, когда заходил в школьный музей.

Да разве думал простой крестьянский парень, уходя в 1940 году служить в армию, что впереди у него такая сложная военная биография и слава Героя! Он ро-

дился в селе Черчет нашего района в семье крестьянина 20 июня 1919 года. Окончил всего пять классов и уже с 13 лет сел за рычаги колхозного трактора. И так бы мирно, по-деревенски размеренно текла его жизнь, если бы не война. В действующую армию он попал в январе 1942 года, после недолгой службы на Дальнем Востоке. Воевать начал наводчиком противотанкового ружья в 317-й стрелковой дивизии 18-й армии 1-го Украинского фронта. Бывал в отступлении, терял друзей, не раз попадал, казалось бы, в безвыходные ситуации. Когда ветеран вспоминал о тех трагических месяцах войны, желваки ходили по его щекам.

С малолетства привыкший делать все споро и надежно, он так и воевал – деловито, с мужицкой сноровкой. О своих подвигах обычно рассказывал скупно. А в наградных листах его героические поступки зафиксированы с военной точностью и вошли в летопись Великой Отечественной. Пересказывать придется вкратце. Вот май 1944 года. 3-го мая «он выдвинулся впереди боевых порядков стрелковых подразделений и метким огнем ПТР подавил вражеский пулемет, который угрожал наступающему подразделению, уничтожил несколько солдат противника». Наши войска пошли в наступление! Уже в июне сержант Петрусенко был награжден орденом Славы 3-й степени.

В конце июля этого же года его дивизия с боями освобождала Ивано-Франковскую область. В районе села Лючки, «используя внезапность нападения, старший сержант Петрусенко со своим отделением вышел на шоссе, подавил огневую точку, захватил пулемет и взял в плен пять вражеских солдат». Скоро на груди сибиряка появилась еще одна награда – орден Славы 2-й степени.

«В канун нового 1945 года командовавший ротой, старший сержант Петрусенко на подступах к столице Венгрии Будапешту одним из первых в цепи наступления ворвался в расположение врага, подавил огневую точку, уничтожил более десяти немецких солдат, захватил три пулемета, 15 автоматов...» А потом он со своими однополчанами по Европе шел к победному 9 мая 1945 года. Его путь можно проследить по наградам и благодарностям Верховного Главнокомандующего. Среди них – орден Отечественной войны 1-й степени, медали за взятие Будапешта и Вены, за победу над Германией. Да всех медалей и не перечислить – юбилейные к Дням Победы, годовщина Вооруженных Сил, любимая солдатами войны медаль имени маршала Г.К. Жукова.

Вернувшись с фронта домой в свою родную сибирскую деревеньку бывший фронтовик Петрусенко и не знал, что награжден еще одним орденом – орденом Славы 1-й степени. Получил он его через год после окончания войны в районном военкомате, уже заступив на военную службу мирного времени – в органы внутренних дел.

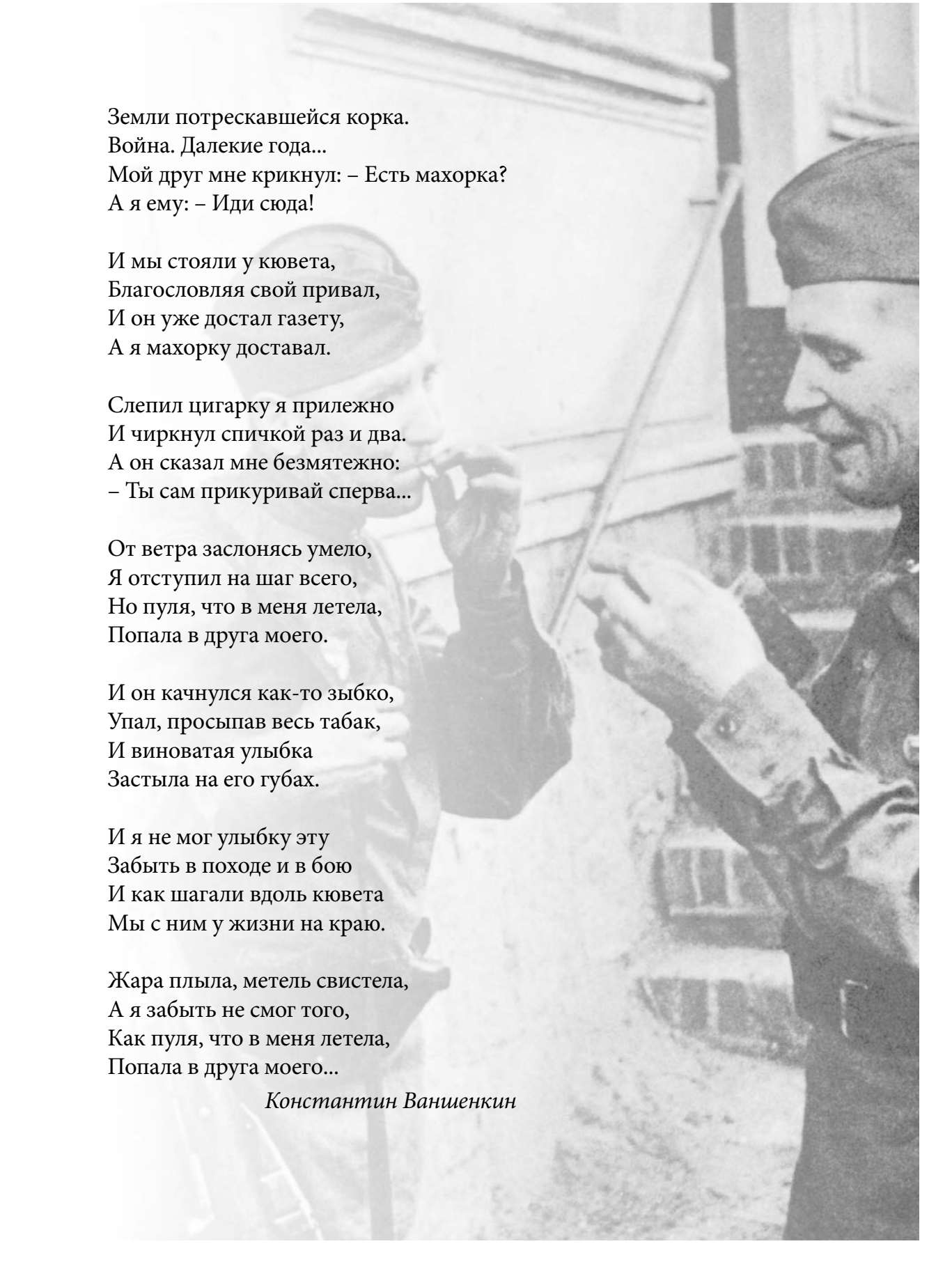
В новый День Победы, Семен Иосифович вместе с жителями Новобирюсинска возлагает цветы к памятнику погибшим на войне, поклонится памяти тех, кто сложил голову на полях сражений, кто своей жизнью защитил нашу землю.

Н.В. Лесковец

**Мы брали Вену,
Кёнигсберг, Будапешт**

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года...
Мой друг мне крикнул: – Есть махорка?
А я ему: – Иди сюда!

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
– Ты сам прикуривай сперва...

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

Константин Ваншенкин

Через три года тяжелейших боев наши войска вышли на государственную границу. Это произошло 25 марта 1944 года по реке Прут. 2-й Украинский фронт перенес боевые действия на территорию союзника нацистов – Румынию. Захватив в начале войны Молдавию, Южную Украину и город Одессу, румыны вместе с германскими войсками прошли Донбасс и стояли под Сталинградом. Но получив тяжелейшие удары от советских войск, Румынские солдаты не хотели умирать и массово сдавались в плен. В Бухаресте произошла революция и Румыния выбыла из войны.

20-го марта на территорию Австрии вступили войска Красной Армии. Австрия семь лет находилась в составе Германской Империи. По заявлению Адольфа Гитлера 99 % австрийцев одобрили включение Австрии в рейх, а венские социал-демократы заявляли, что австрийцы не «самостоятельная нация, а часть германской». Сам Гитлер был австрийцем по происхождению. 13-го апреля, после семидневных боев, советскими бойцами была освобождена Вена. 27-го апреля Временное правительство Австрии утвердило «Декларацию о независимости Австрии» и восстановило демократическую республику. Было объявлено требование ко всем военнослужащим австрийцам прекратить боевые действия. 29-го апреля в городской ратуше Вены глава правительства канцлер Г. Реннер заявил: «Австрийский народ никогда не забудет, что только благодаря помощи Красной Армии и ее победоносному походу Австрии удалось восстановить свою независимость».

Как на территории Германии, так и Австрии к концу войны находилось около 14 млн военнопленных и насильственно угнанных мирных граждан в основном из Советского Союза. Освобождение народов Европы потребовало от Красной Армии огромных усилий и больших жертв. При тяжелейшем положении внутри страны, Советское правительство, с согласия народа, выделяло на существование мирного населения и военнопленных – продовольствие, горючее, стройматериалы. Жертвам концлагерей представлялась медицинская помощь и перемещение их на родину. Но сначала нужно было разбить войска противника. Как правило, крупные немецкие гарнизоны стояли во всех столицах подчиненных рейху стран. И штурм этих столиц носил окончательное значение в вооруженной и идеологической борьбе. Медали за взятие Вены, Будапешта, Кёнигсберга, за освобождение Варшавы, Праги, Белграда получили более 5 млн человек, проливших свою кровь и отдавших свои силы. Это было общее решение народа, с которым жители Иркутской области проявили полную солидарность.

На западных рубежах нашей страны находилась Восточная Пруссия – территория в XIII веке захваченная у славян и прибалтийских народов воинственными тевтонскими рыцарями и князьями. Многократно изливалась беда из Кёнигсберга на русское государство. Попытки захватить и поработить русский народ делались постоянно. Пришло время положить этому конец.

Завиров из поселка Завирово освобождал Восточную Пруссию и Померанию

На фронт я попал в первых числах октября 1943 года с пополнением в 1-ю комсомольскую штурмовую инженерно-саперную бригаду под г. Смоленск, где шли ожесточенные бои с применением танков и большого количества авиации. Мне было приказано временно принять третий взвод второй роты первого батальона. Прошли с боями до Орши, а потом до Витебска, освободить который не смогли. Под Оршей был легко ранен осколком в правую руку, а под Витебском был контужен. В конце апреля 1944 года на передовой нас сменили, и мы пешком вернулись в Смоленск. В Смоленске мы погрузили на автомашины большое количество понтонов, затем разместились сами по 10 человек на автомашину и доехали до Гомеля, который был уже освобожден.

В начале июня 1944 года мы из-под Гомеля пешком пошли под Бобруйск, где меня перевели в разведку. Нам выдали нагрудники (они весят 10-12 кг), посадили на танки по 2 человека, танков было много – какая-то гвардейская танковая дивизия. Под Бобруйском прорвали оборону немцев и окружили 40 тысяч человек. Потом направили под Минск, было жарко и очень, очень пыльно. Под Минском окружили 105 тысяч человек! После ликвидации этой группировки немцев мы пошли на Варшаву. Форсировали реку Нарев, южнее Рожана. Под Напюрками я снял на минном поле 53 противотанковые мины и обеспечил танковое наступление. Меня наградили медалью «За отвагу», послали в колхоз благодарственное письмо и дали тридцатидневный отпуск.

На реке Буг мы привели «языка». Нас троих – группу захвата – Павлика Суворова, Колю Валько и меня, наградили орденами «Красной Звезды» и опять дали месячный отпуск (домой ездить не удавалось, слишком далеко).

В конце ноября 1944 года объявили, что нашим 1-м Белорусским фронтом стал командовать маршал Г.К. Жуков, а К.К. Рокоссовский – 2-м Белорусским фронтом. К.К. Рокоссовский 65-ю армию Батова П.И., гвардейскую танковую дивизию и нашу штурмовую бригаду забрал себе. После освобождения Варшавы 17 января 1945 года мы пошли в Померанию и с другими частями отрезали Пруссию от Германии. 4 марта 1945 года наша бригада с боями вышла в районе Соппота к Балтийскому морю, но я не дошел, так как 18 февраля вечером был тяжело ранен в колено правой ноги.

В дальнейшем в моей жизни начались операции, госпитали. Полтора месяца лежал в г. Бромберг, а День Победы встретил в г. Сызрань на Волге. В госпитале пролежал немного больше семи месяцев, а в конце сентября 1945 года на костылях поехал домой в пос. Завирово.

Алексей Степанович Завиров, 1925 г.р. Д/п 263-28. Ветеран МВД, рядовой

Ранение накануне Победы

В северо-восточной части фашистской Германии, между Данцигом (современное польское название города Гданьск) и Кёнигсбергом (Калининград) прямая, как стрела, шоссейная магистраль, проходила через редколесье, небольшие болота, мимо садов с плодовыми деревьями. Магистраль была широкая, покрытая асфальтом, на один-полтора метра возвышаясь над местностью. Она имела очень важное стратегическое значение. По ней непрерывным потоком к осажденному советскими войсками Кёнигсбергу из центра Германии поступал военный груз. Доставлять его морем было рискованно: советские торпедные катера и подводные лодки отправляли на дно Балтики фашистский морской транспорт.

11-я гвардейская армия генерала Галицкого 3-го Белорусского фронта в марте 1945 года получила задание перерезать эту сухопутную артерию в районе города Вардинен. В 11-й армии, в должности командира стрелковой роты, сражался старший лейтенант Рашат Мухамедзянов. Тринадцатое марта – день его рождения. Вечером собирались его отметить в кругу своих боевых товарищей. Число тринадцать Рашат не любил. Приятелям говорил, что в эту дату у него всегда случается что-то неприятное. Одним словом, невезение.

В этот день дождя еще не было, но туман держался и низкие облака заволокли все небо. К обеду стало моросить. Подул холодный ветер. Гвардейский пехотный полк, в составе которого была 2-я рота Мухамедзянова, накануне отеснил неприятеля к шоссе. До магистрали оставалось полкилометра, а местами – двести-триста метров. С ходу оседлать магистраль не удалось. Минометы противника, пехота за насыпью дороги были почти неуязвимы. Вдобавок к этому, дальнейшему наступлению полка помешали сумерки. 13 марта полку предстояло оседлать эту дорогу, во что бы то ни стало.

Ночь перед штурмом магистрали прошла в подтягивании пушек, в подвозе боеприпасов. В полевых кухнях на медленном огне варилась каша с американской тушенкой. Солдаты для ночного коротенького сна занимали воронки от снарядов, колеи от колес машин, складки поля. Но таких укрытий было немного. Многие солдаты лежали, распластавшись на земле, как рыба на песке. И не было времени отрыть окопы в мерзлой земле. Бойцы от тяжести валились с ног, от усталости у них язык не шевелился.

На рассвете на вражеские позиции был пятиминутный огневой налет из орудий всех видов, затем 20-ти минутная артиллерийская подготовка, потом вступила в бой артиллерия прямой наводки, вела огонь в течение 10 минут. Штурмовики, эти «летающие танки», как звали их в пехоте, из-за плохой погоды не участвовали в подавлении огневых точек врага. И без штурмовиков, почти все огневые точки были уничтожены.

Старший лейтенант Мухамедзянов рванул из-за пазухи ракетницу и выстрелил в небо. Красная ракета высоко взвилась над ним. Это был сигнал к броску на шоссе. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня солдаты его роты

перебежками стали приближаться к насыпи дороги. На груди у многих сверкали медаль «За отвагу» и гвардейский значок.

Шквальный огонь из орудий, минометов, пулеметов и автоматов не давал фрицам поднять головы. Они стали отползать в овраг, который был за насыпью, а затем и его оставили. Немцы отступали к побережью Балтийского моря, точнее – к его южным заливам.

Мухамедзянов с пехотинцами перемахнул через шоссе, вскочил в овраг. Бойцы его роты стали преследовать гитлеровцев. И в этот момент Рашат почувствовал боль в левой ноге. Боль была от осколка немецкой мины.

Его предчувствие беды в день своего дня рождения сбылось. Ранение он получил в овраге, как и ранение в плечо в яме под Ленинградом, во время прорыва блокады в январе 1943 года. Тогда все обошлось благополучно: после четырехмесячного лечения в госпиталях он вернулся в строй, продолжал воевать с гитлеровцами... Рана и в этот раз не была смертельной. Но нависла угроза лишения ноги. Шесть раз ногу оперировали. Хирурги делали все, чтобы ее спасти. Но не смогли. В Казани ногу ампутировали.

В мае 1946 года Рашат Мухамедзянов на костылях вернулся в родной Иркутск. Здесь прошло его детство, школьные годы, окончание средней школы № 9 по улице Кузнецкой (ныне – улица Уткина). Здесь за два дня до начала войны он получил аттестат зрелости. Ему было семнадцать лет. Мальчишки вскоре надели солдатские шинели, девочки взвалили на свои плечи тяготы тыла.

Спрашиваю Рашата Фазыловича про судьбу выпускников школы сорок первого.

– Судьба разная. Из тех, кто из нас выжил, кто выстоял, никто не посрамил честь школы № 9.

Рашат Мухамедзянов в июне 1941 года поступил в авиационный техникум. Еще школьником мечтал быть авиатором. В феврале 1942 года по комсомольской путевке был призван в ряды Красной Армии, направлен в военно-пехотное училище, в город Сретенск Читинской области. После его окончания в октябре этого же года в звании лейтенанта прибывает во 2-ю ударную армию (командующий генерал В.З. Романовский) Волховского фронта (командующий генерал К.А. Мерецков), назначается командиром минометного взвода. Участвует в январе 1943 года в прорыве блокады Ленинграда. Получает ранение в плечо. После госпиталя и окончания в Москве спецшколы забрасывается немецкий тыл Ленинградской области, где в составе отряда майора Шаповалова совершает диверсии на железных дорогах – взрывы мостов, рельс. И как уже сказано, воюет в составе 3-го Белорусского фронта...

После приезда из госпиталя в 1946 году жил у отца Фазыла Мухамедовича Мухамедзянова. Отец работал сторожем госпиталя (сейчас в этом здании туберкулезная больница по улице Байкальская). Отец жил очень бедно. Кроме 600 граммов хлеба, других продуктов не получал, жил впроголодь... С декабря 46 года Рашат Фазылович работает в государственном архиве Иркутской области, вплоть до 1987 года – сорок один год. Работает архивариусом, старшим архивариусом,

начальником отдела, начальником госархива. За ратные подвиги на войне Рашат Фазылович Мухамедзянов награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многими юбилейными. В 1946 женился на Эмме Владимировне (умерла в 1972 году). Вырастил сына Владимира и дочь Ольгу. Сын и дочь имеют рабочие профессии. У ветерана Мухамедзянова две внучки и внук.

– Чего вы ждете от жизни? – Спрашивают у Рашата Фазыловича.

– Ничего особенного не жду. Хочется меньше болеть и помочь вырастить внуков.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Штурмовал Вену и освобождал Югославию

Я, Ноярчук Николай Михайлович родился 23 августа 1923 г. в семье крестьянина на Украине в Николаевской области. С 1932 года семья жила в Казахской ССР, так как на Украине был голод. Закончил 9 классов в Акбулакской средней школе № 37. В июне 1941, когда началась война, все школьники работали в колхозе на уборке урожая. 18 ноября по комсомольской путевке был призван в армию и направлен на курсы заместителей политруков рот, после окончания направлен в формирующуюся 164 стрелковую дивизию, 742 стрелковый полк на станцию Уфимка. С 4 августа 1942 года участвовал в прорыве сильно укрепленного района противника линии Штрауса Сычевско-Ржевской группировки. Немцы укрепляли линию обороны шесть месяцев и считали ее неприступной. Три линии окопов, дотов, дзотов, железобетонных колпаков, сплошные траншеи полного профиля и проволочные заграждения тоже в 3 ряда. На глубину 10 км были установлены противотанковые мины, вырыты рвы, поставлены надолбы. Блиндажи в 4-е наката бревен. В населенных пунктах все строения были превращены в двух и трехбразурные огневые точки. Крутой берег реки Держа был заминирован и опутан в 3 ряда колючей проволокой. По железной дороге Зубцов-Погорелое городище курсировал бронепоезд. 4 августа начался прорыв линии обороны, тем самым мы отвлекли 12 немецких дивизий, которые немцы хотели отправить на Сталинград. Руководил прорывом Жуков Г.К. 742 стрелковый полк 164 стрелковой дивизии был острием ударной группы прорыва. Артиллерийская и авиаподготовка началась в 6 часов 15 минут. Уничтожая узлы связи, наблюдательные, артиллерийские и минометные батареи, 45 минут по переднему краю били «Катюши», «Андрюши» и вся артиллерия. После их залпов в небо полетели красные ракеты, и поле боя огласилось могучим «ура». Бойцы форсировали реку Держа и через образовавшиеся проходы с орудиями сопровождения и танками бросились в атаку, уничтожая немцев, оставшихся в окопах и блиндажах. Несмотря на вражеский артиллерийский и минометный обстрел, к 18 часам первого дня наступления пехота и танки прорвали две линии главной

полосы обороны и заняли несколько населенных пунктов. А 5 августа прорвали всю главную полосу обороны и вышли на подступы рек Вазуза и Гжать и закрепились. К концу этого дня я был ранен. Лечился в прифронтовом медсанбате. Не дожидаясь полного выздоровления, вернулся в свой полк, который находился в это время на отдыхе, и был назначен командиром 82-х мм минометного расчета.

После отдыха и пополнения 164 стрелковая дивизия заняла оборону под Юхновым на реке Угра (Западный фронт). Оттуда меня направили на учебу во 2-е Гвардейское минометное артиллерийское училище в г. Омск. После окончания училища в звании гвардии младшего лейтенанта был направлен на 3-й Украинский фронт в 25-й гвардейский, Никопольский Краснознаменный, ордена А. Невского минометный артиллерийский полк в качестве командира взвода БМ-13 («Катюш»). Участвовал в боях по освобождению Югославии, Венгрии, Австрии.

После освобождения Вены и окончания войны полк стоял в г. Грац, а затем в г. Браила в Румынии. Был командиром взвода тяги полка. Награжден двумя орденами «Отечественной войны» 2-й степени, медалями «За Победу над Германией», «За взятие Вены» и всеми юбилейными медалями. После демобилизации в апреле 1947 года работал ремонтным рабочим на железной дороге. В августе 1947 поступил в Краснокутское летное училище пилотом-инструктором. Без отрыва от работы окончил 10-й класс вечерней средней школы. За 7 лет работы подготовил 84 молодых летчика для Аэрофлота.

В 1956 году переучился на самолет Ил-12 и был направлен на работу в г. Иркутск в качестве командира корабля. Затем освоил самолет Ан-10 и Ан-12 и пролетал командиром «Аннушки» 9 лет. Облетел все уголки Советского Союза (Восточная и Западная Сибирь, Север, Дальний Восток, Запад, Юг), работал в Монголии по оказанию помощи сельскому хозяйству после стихийных бедствий. Экипажу было присвоено почетное в то время звание «Экипаж коммунистического труда». Затем переучился на самолет «Ту-104» и летал по основным трассам Советского Союза командиром корабля. Был поощрен многими грамотами, благодарностями, денежными премиями, ценными подарками, медалями «Отличник аэрофлота», «Ветеран труда Аэрофлота». Два срока избирался депутатом городского Совета г. Иркутска. С 1979 года 12 лет работал техником-оператором штурманского тренажера. В 1990 году ушел на пенсию по состоянию здоровья. Жена Нояренчук Анастасия Кирилловна 1925 г. р., бывшая учительница, ветеран труда. С ней живем в дружбе, любви и согласии с 1950 года. Вырастили и воспитали двух замечательных дочерей, двух внуков и внучку, есть правнучка. Все (кроме маленькой правнучки) имеют высшее образование, работают. Все друг друга любим и уважаем, помогаем, поддерживаем, заботимся друг о друге.

Николай Михайлович Нояренчук, командир огневого взвода

Второй орден Отечественной войны и вторая контузия

Курская битва, 70-летие которой отмечали в 2013 году, оказала огромное влияние на ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны в целом. После оборонительных боев 12 июля 1943 года под Прохоровкой был нанесен мощный контрудар по противнику, рвавшемуся к г. Курску: контрудар в дальнейшем перерос в контрнаступление, величайшее танковое сражение, разбившее тщательно подготовленную немецко-фашистскими захватчиками операцию «Цитадель».

Ветеран войны, участник Курской битвы Валерий Александрович Толстиков долго шел к победе тяжелыми фронтовыми дорогами и сполна хлебнул военного лиха.

22 июня 1941 года Валерий находился в пионерском лагере «Сокол» под г. Кемерово, где был старшим пионервожатым. Весть о вероломном нападении фашистов вызвала возмущение и гнев; он рвался на фронт бить врага, не мог дождаться призывного возраста в свои 16 лет.

Еще в 9 классе на уроках военного дела он получил основы боя, необходимые на войне; имел значки БГТО, за отличную стрельбу из трехлинейной винтовки получил знак «Ворошиловский стрелок». Как и все его одноклассники, осаждал райком комсомола, рвался на фронт, но ответ был один: «Подождите, ваше время придет».

И оно пришло...

После встречи с работниками райвоенкомата весь 9 класс, 15 подростков (7 юношей и 8 девчат) подали заявления об отправке добровольцами на фронт. Их желание удовлетворили. 25 декабря 1942 года всем вручили повестки прибыть на сборный пункт.

В неполных 17 лет Валерий прибыл в Гороховицкий военный лагерь Горьковской области, откуда его направили на Орловско-Курскую дугу. Воевал он на Центральном фронте (командующий генерал Рокоссовский) в составе 11-й армии, 31-й гвардейской стрелковой дивизии, 167-го гвардейского полка в звании старшего сержанта командиром минометного расчета, который из 120-миллиметровых минометов умелыми действиями точно посылал мины в скопления живой силы противника. Боевое крещение получил 15-го июля 1943 года под палящим солнцем у деревни Прохоровка. Ночью небо как будто раскололось, раздавался страшный грохот, стоял гул от разрывов авиабомб, раздавался свист реактивных снарядов, небо расчертили огненные линии гвардейских минометов-«катюш». Это обрабатывали позиции врага.

В этих боях В. Толстиков получил тяжелое осколочное ранение в ногу и контузию, был подобран санитарями и более пяти месяцев находился на лечении в военном госпитале в г. Иваново. Там он узнал, что за проявленное мужество и отвагу в боях на Орловско-Курской дуге награжден первой боевой наградой – медалью «За боевые заслуги».

После излечения в госпитале воевал на 3-м Белорусском фронте, участвовал в боях по освобождению Литвы, при форсировании реки Неман был вторично ранен. Служил разведчиком. За взятие «языка», давшего ценную информацию, награжден орденом «Отечественной войны».

За участие в штурме Кёнигсберга награжден вторым орденом «Отечественной войны». В этих боях он был вторично контужен, попал в военной госпиталь в г. Горький, где и встретил День Победы.

Из всего 9-го класса, добровольно ушедшего на фронт, вернулись живыми только двое.

После выздоровления продолжил службу старшим сержантом при артиллерийской академии им. Дзержинского в г. Москве. Демобилизовался только в марте 1948 г.

Кроме трех орденов Отечественной войны также награжден шестью медалями.

В мирное время Валерий Александрович работал прорабом на строительстве Братской ГЭС, а также на подготовке строительной площадки Усть-Илимской ГЭС.

Затем более 15 лет трудился на железнодорожном транспорте на станциях Слюдянка, Мегет и Утулик ВСЖД.

С 1995 года В.А. Толстиков проживал в Ново-Ленинском доме-интернате для престарелых и инвалидов, по мере сил и здоровья участвовал в общественной жизни интерната, являлся членом совета ветеранов войны и труда.

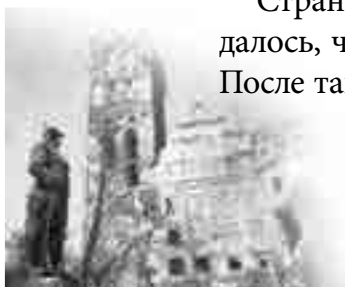
Павел Волокитин

Свадьба была по дороге на Кёнигсберг

Вениамин Степанович Храмов родился в 1916 году в городе Кузнецке Пензенской области в рабочей семье, в которой было десять детей. После окончания 9 класса Вениамин в течение пяти лет трудился на разных рабочих должностях, а в 1937 году был призван в Красную армию и определен в школу младшего командного состава, после окончания которой в звании сержанта был направлен в Севастопольское училище зенитной артиллерии. В начале 1940 года был произведен досрочный выпуск курсантов училища. Храмову было присвоено звание лейтенанта. Он был назначен командиром зенитной батареи и стал проходить армейскую службу на Украине, вблизи западной границы недалеко от города Черновцы.

Наступил роковой 1941 год. На границе стало тревожно. Некоторые командиры открыто говорили о возможной войне. Но из Москвы поступали указания: «Сохранять спокойствие, усилить наблюдение!»

Странным было сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором утверждалось, что слухи о стремлении Германии напасть на СССР лишены основания. После такого сообщения ТАСС многие командиры стали брать увольнительные.

Хотелось и Храмову навестить родителей, которые жили в городе Кузнецке Пензенской области. Но его отговорил командир части.

Командир части правильно поступил: 22 июня 1941 года фашистская Германия начала войну против СССР.

В этой войне Храмов участвовал с первого дня и до последнего. Он испытал горечь отступления, окружения и радость победы. Участвовал в оборонительных боях от города Черновцы до Харькова, прикрывая отступление советских подразделений.

Как рассказывал Василий Степанович, 18-я армия, командовал которой генерал-лейтенант А.К. Смирнов, в рядах которой находился Храмов, стала отступать на восток. Немецкие части армию начали окружать. Вырваться из окружения большими группами было не возможно. Стали выходить из вражеского кольца в одиночку.

Выходил Храмов из окружения глухими местами, избегая магистралей, по которым сновали немецкие машины и мотоциклы. Двигалась по магистралям на восток вражеская тяжелая техника и транспорт с различным грузом.

Через двое суток лейтенант Храмов вышел на проселочную дорогу. Остановил нашу порожнюю полуторку и поехал в ней. Шофёр гнал свою машину нещадно, обгоняя толпы беженцев. Замотанные от пыли в платки шли по дороге с детьми молчаливые, уставшие женщины с испуганными лицами. Шел скот тесным потоком, мыча от голода...

Временами над дорогой низко пролетали немецкие самолеты. Беженцы в страхе разбегались в разные стороны. Воздух наполнялся людским криком и ревом скота.

Ехать по дороге было опасно. Храмов попросил шофера высадить его и пошел в стороне от дороги, утолял голод остатками залежавшихся в вещевом мешке твердых сухарей и крошками от них.

В одной роще вблизи небольшой речки он заметил на песке между корнями деревьев лежанки, покрытые помятой травой. Торчали рогатины, на которых, вероятно, висели котелки. Было ясно, что здесь ночевали либо красноармейцы при отступлении на восток, либо беженцы. Его сердце невольно екнуло – появилась надежда встретить своих советских людей. Однако не встретил, зато через некоторое время набрел на деревеньку, находящуюся в стороне от шоссейных дорог. Направился к крайней избе, постучал в окно. За дверью послышалось осторожное шушуканье, а потом показался высокий, худощавый безрукий старик в выцветшей сатиновой рубахе, пустой левый рукав которой был засунут за брючный ремень. За спиной старика маячила фигура его жены. Старик, вынув изо рта потухшую трубку, кивнул головой в сторону открытой двери и доброжелательным тоном сказал:

- Прошу, товарищ военный!
- Спасибо, дед! Напой водицею: от жары горло пересохло!
- Это можно.

Старик, зачерпнув ковшом из бочки прохладную воду, поднес Храмову со словами:

– Пей на здоровье, товарищ лейтенант, и рассказывай, куда путь держишь?

– Из окружения выбираюсь!

– Догадываюсь, что из окружения выходишь. Ты, лейтенант, не первый и, наверное, не последний убегаешь от немцев. У меня уже были красноармейцы, которые чуть-чуть не угодили в плен. Не пойму, лейтенант, что происходит с Красной Армией? Отступает. Я – солдат царской армии. Мне оторвало руку на германском фронте в 1915 году. Не помню, чтобы русские солдаты одновременно отступали на всех участках фронта. Воевали не хуже германцев!

– Дед, мне пока самому не всё понятно, что произошло. Стыдно смотреть в глаза таким старым воякам, как ты, дедуля. Думаю, что нашему отступлению наступит конец. И не будем больше травить друг другу души. Наверху разберутся, что и как произошло. А пока накорми меня: с утра во рту не было даже крошек от сухарей.

Висевшие на стене часы прохрипели что-то неопределённое: то ли час, то ли два.

Солдат Первой мировой войны приказал жене приготовить обед. Старуха постелила на стол чистую серую холщовую скатерть, поставила на неё чугунок с дымящейся картошкой и миску с солеными огурцами. Принесла полковриги ржаного хлеба...

Сытехоньким выйдя из-за стола, Храмов низко поклонился старикам.

– Спасибо Вам за хлеб-соль и приют! Буду пробираться к своим. Храни вас Бог!

– Тебя, лейтенант, тоже пусть хранит Бог. Воюй храбро, как мы в мировую войну, – наказал старый солдат лейтенанту...

Храмов из окружения выходил больше месяца, офицерами советской военной контрразведки был подвергнут тщательной проверке, после чего его отправили воевать на Брянский фронт, а затем – на Сталинградский. В Сталинграде старший лейтенант В.С. Храмов (это звание ему присвоили на Брянском фронте) сражался с фашистами в должности начальника штаба зенитного полка, прикрывал с воздуха 4-й корпус 51-й армии, которой командовал генерал-полковник Ф.И. Кузнецов.

Как-то в Сталинграде Храмов во время очередного налета немецких бомбардировщиков со своими бойцами-зенитчиками забрался в блиндаж. Здесь когда-то лежали канализационные трубы, уходившие под землю. Саперы расширили отверстие и сделали убежище.

Было без четверти одиннадцать. Началась артиллерийская дуэль. Тысячи снарядов с нашей стороны и фашистской проносились с пронзительным воем. Дым, пыль и смрад заволокли небо. Перекрытие в блиндаже было слабое – в два ряда бревен. Блиндаж трясло как в лихорадке. Тяжелый снаряд в углу блиндажа пробил перекрытие и воткнулся в землю. Все побледнели, на лбах выступил холодный пот, удары сердца отдавались в ушах, неподвижные глаза впились в это страшное чудовище.

Тягостно проходили секунды. Первым очнулся от оцепенения лейтенант Храмов. Он крикнул: «Всем из блиндажа!» Отбежав на пятнадцать шагов, все прижались к земле, стали ждать взрыва. Пролежали полчаса – снаряд не взрывался. Бог спас зенитчиков или немецкие антифашисты, сделавшие бракованный снаряд. Таких моментов у Храмова было немало.

Под Ростовом-на-Дону судьба свела Храмова с девушкой Ниной Пакалиной, настоящим ангелом.

Нина Федоровна Пакалина родилась в 1923 году в городе Астрахани, в рабочей семье. Окончила среднюю школу и добровольцем пошла служить в Красную Армию. Воевала зенитчицей на Сталинградском фронте. Зенитная батарея, в которой находилась Пакалина, вела огонь не только по фашистским самолетам, но и прямой наводкой по вражеским танкам. Однажды осколок вражеского снаряда разбил прицельный прибор. Нина Пакалина была контужена. После лечения была направлена в зенитный полк, начальником штаба которого был старший лейтенант Храмов. Полк был полностью укомплектован зенитчиками. В новом пополнении не нуждался. Начальник штаба полка отказался от прибывших девушек-зенитчиц, кроме Пакалиной. Но она соглашалась служить в полку только со своей закадычной подружкой. Не желая терять красавицу Нину Пакалину, старший лейтенант Храмов определил их в штаб полка машинистками.

Вскоре машинистке Пакалиной Вениамин Храмов предложил руку и сердце и получил согласие. Боевой офицер и ей понравился: стройная фигура, симпатичное лицо, смелость и решительность в боевой обстановке, твердый характер и коммуникабельность.

Нина Федоровна и Вениамин Степанович в мае 1943 года сыграли весьма скромную фронтовую свадьбу. Нина Федоровна вскоре забеременела.

Очень скромная, застенчивая, она стеснялась беременности и так искусно ее маскировала, что фронтовые друзья не замечали вплоть до появления на свет девочки, названной Танечкой.

Брачный союз Нины Федоровны и Вениамина Степановича был счастливым и прочным, без малейших сбоев и трещин. Они прожили как два голубка более шестидесяти лет.

... В.С. Храмов после Сталинградской битвы освобождал Донбасс, Крым и Прибалтику. Фронтовые дороги привели его в Пруссию. Он участвовал в штурме Кёнигсберга.

После взятия Кёнигсберга закончились боевые походы В.С. Храмова. К этому времени он был в звании майора, служба в армии продолжалась. В послевоенный период он занимал различные должности: был заместителем командира полка и командиром зенитно-артиллерийского ракетного полка класса «Земля-Воздух», обеспечивающего противовоздушную оборону Иркутска и Братска. Он также участвовал в перевооружении Иркутского и Братского полков из ствольных в ракетные. Вениамин Степанович дважды проходил обучение на высших офицерских курсах.

В 1961 году он в звании полковника вышел в запас по выслуге лет и по состоянию здоровья. После демобилизации проработал 24 года преподавателем и старшим преподавателем гражданской обороны в Иркутском политехническом институте.

В течение всей сознательной жизни В.С. Храмов занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи. Общий трудовой стаж у него шестьдесят лет.

Вениамин Степанович за героизм в годы Великой Отечественной войны и многолетнюю службу в Вооруженных силах страны награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, 18-ю боевыми и юбилейными медалями.

Нина Федоровна также не обделена поощрениями. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и юбилейными.

Нина Федоровна и Вениамин Степанович Храмовы прожили жизнь в любви. В доме у них никогда не было злословия, сплетен, зависти, дышалось легко и свободно.

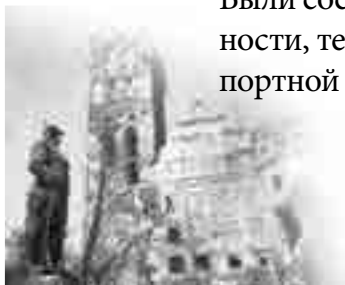
...Прошли годы. Нина Федоровна Храмова 16 декабря 2005 года после болезни, ушла из жизни. Вениамин Степанович тяжело переживал смерть любимой жены, от тоски не находил себе места. И вот 20 февраля 2006 года, в конце дня, когда уже смеркалось, замелькали в окнах домов огни, он вышел прогуляться и не вернулся домой, словно сквозь землю провалился. Одни догадки... Его так и не нашли...

Н.А. Алферов член Союза журналистов России

Железнодорожный хлеб

Великая Отечественная война. 1944 год. Во второй половине января и первой половине февраля одновременно с разгромом Корсунь-Шевченковской вражеской группировки 1-й Украинский фронт осуществил Ровно-Луцкую операцию. Она велась в условиях труднодоступной лесисто-болотистой местности, на ряде участков непроходимой для войск. В результате Ровно-Луцкой операции были отбиты у врага крупные узлы железных дорог – Ровно, Здолбунов, Шепетовка. Особенно ожесточенные бои были за небольшой город Шепетовку. Здесь находился очень важный узел железных дорог. Этот город защищали немецкая танковая дивизия и пехотные части.

На железнодорожной станции Шепетовка находились десятки эшелонов с боеприпасами, цистерны с бензином, платформы с танками, тяжелой артиллерией, грузовиками, а также санитарные составы с ранеными немецкими солдатами. Были составы с вывозимым в Германию зерном и скотом. В этой болотистой местности, тем более в распутицу и половодье, почти единственной фронтовой транспортной артерией была железная дорога.

В начале февраля, на рассвете, после окончания бушевавшей неделю метели, для немцев как гром среди ясного неба появились два наших пикирующих бомбардировщика в сопровождении истребителей. Они сбросили на Шепетовскую железнодорожную станцию смертоносный груз. Взрывы бомб сотрясли землю. Все вокруг рвалось, разлеталось, горело. Вагонные колеса, детали паровозов, вагонов, пушек, танков разлетались на сотни метров. Всё живое сгорело и обуглилось. На каждом железнодорожном пути образовались огромные воронки...

Этот удачный налет наших бомбардировщиков помог воинским частям 1-го Украинского фронта 11 февраля овладеть Шепетовкой. Дивизии фронта после захвата железнодорожного узла в Шепетовке вырвались из болотистой местности и ринулись к Бугу. Доставлять военный груз нашим дивизиям в тот период можно было только железной дорогой. Нужно было срочно восстановить путь через разрушенную станцию. Такая боевая задача стояла перед батальонами железнодорожных войск.

Спрашиваю Александра Ермолаевича Медведева, бывшего солдата 60-го железнодорожного батальона 7-й бригады, как им, железнодорожникам, удалось быстро восстановить Шепетовскую станцию.

– Восстанавливать станцию начали сразу, как только город был очищен от фашистов. Сначала правый путь – одну ветвь, по которой надо было как можно скорее пустить воинские составы к наступающим дивизиям. Где было возможно, с помощью прибывшего паровоза отволакивали в сторону остовы сгоревших паровозов и вагонов. Где паровоз не мог приблизиться к этим остовам, оттаскивали трактором. Из завалов несло сладковатым смрадом – там, в пыли, гари, среди исковерканных вагонов, паровозов, разного хлама, разлагались полусгоревшие останки людей и животных.

Очистив правый путь, стали заменять погнувшиеся рельсы, полусгоревшие шпалы левого пути. Новых рельс не было. В старых вручную вырубали пригодные куски и соединяли их. Основными инструментами были тяжелые молотки, кувалды, зубила, ручные дрели. Работали, не разгибая спины от рассвета до заката солнца – весь световой день, прихватывали и ночи. Почти на ходу ели, курили. Спали не более пяти часов. Немецкие бомбардировщики по нескольку раз в день сбрасывали бомбы на станцию, пытаясь сорвать восстановительные работы. Но не сорвали. Вскоре правый путь был восстановлен, и по нему понеслись к фронту воинские эшелоны. А наш батальон в таком же темпе днем и ночью стал приводить в порядок и другие пути на станции.

Восстанавливал 60-й батальон железнодорожные пути на разных участках наступающих армий на запад. Отходя, гитлеровцы в первую очередь разрушали железнодорожные дороги, станции, мосты. У них был излюбленный приём выводить из строя железнодорожные пути – рвать пополам шпалы. Делали это так: два сцепленных паровоза волокли за собой мощный железный крюк, который рвал шпалы. Железнодорожным батальонам по сути приходилось заново строить колею. На это уходило время, материальные затраты. Восстанавливали зачастую под вражеской бомбежкой. Прятались в воронках и в заранее вырытых щелях. Однажды

Медведев во время налета немецких пикирующих бомбардировщиков спрыгнул в воронку, прикрыв себя мокрой шинелью. Шинель топорщилась, лежала коробом. Этим спасла солдата от мелких осколков – они в ней застряли.

Родился Александр Ермолаевич Медведев в 1921 году в Мурашинском районе Кировской области. Семья была многодетной – четыре девочки и три мальчика. Жили в нужде, бедности. Отец ушел из семьи. Поднимала детей одна неграмотная мать. В 1933 году она заболела брюшным тифом и умерла. Дети остались круглыми сиротами. Кормились мирским подаванием. На всех была одна на десять рядов латанная одежонка – заплатка на заплате. В летнее время ходили босиком, зимой – в старых изношенных валенках, ботинках или сапожных опорках с дырами, из которых выглядывали пальцы. Эти обноски давали из жалости люди, сами едва сводившие концы с концами. С горечью вспоминает Александр Ермолаевич:

– Детства не было. Одни мытарства. Помыслы у всех нас сводились к одному – поесть, какой бы еда ни была. Корка хлеба в то далекое время казалась всего дороже на свете. Даже теперь, когда голодным не бываю, рука не поднимается бросить кусочек хлеба в помойное ведро...

В 1940 году девятнадцатилетний Александр Медведев – в рядах Красной Армии. В городе Хабаровске он определен рядовым в 60-й батальон 7-й железнодорожной бригады. Вместе с батальоном строил туннель под Амуром – со всеми подъездными путями около 16-ти километров. Туннель имел очень важное стратегическое значение в военное время – на случай уничтожения вражеской авиацией мостов через Амур. Командующий Дальневосточным округом генерал армии Апанасенко каждый день приезжал на стройку – торопил строителей-железнодорожников завершить работу в установленный срок – до конца 41-го года.

Строители работали по 18–20 часов в сутки, настолько уставали, что во время ужина дремали над тарелками. Питание было сносное. Жили в больших палатках, в которых зимой у дневальных в кружках замерзала вода. Осенью в дождливую погоду одежду, ботинки с обмотками негде было сушить. При всех этих трудностях к намеченному сроку туннель был построен.

В начале 1942 года 7-ю железнодорожную бригаду перебросили к Байкалу – строить туннели в районе Култука. Строилась объездная железная дорога Иркутск – Слюдянка. Как и на Амуре, работали по восемнадцать и более часов. Питание плохое – буханка хлеба на отделение, жиденький мясной суп с мороженой картошкой и перловкой. Утром и вечером – перловая каша. Каждый день одно и то же. Солдатские ботинки, выданные в Хабаровске, просились на мусорную свалку. Новые не выдавали. Одни солдаты были вынуждены шить себе самодельные ботинки с деревянной подошвой, другие – плести лапти из бересты или веревок.

Все рвались на фронт. Рвались не только из патриотических чувств. Знали, что там с питанием и обмундированием было лучше. И это желание осуществилось в начале 1943 года – 7-й железнодорожной бригаде было приказано отбыть на фронт. Ехали в товарных вагонах, обогреваемых «буржуйками» – небольшими железными печками-временками.

В марте 1943 года прибыли на Воронежский фронт. Высадились перед Валуйками – для восстановления железнодорожного узла. Произошла первая встреча с врагом. Впереди к узлу двигался 61-й железнодорожный батальон. При налете немецкой авиации он почти полностью полег. Бойцы батальона навечно остались лежать вдоль насыпи. Немногие оставшиеся в живых влились в 60-й батальон. Такая же страшная участь постигла бы и этот батальон, если бы его комбат своевременно не приказал своим солдатам рассредоточиться и отрыть для себя узкие щели. А сигналом для такого приказа послужило появление в небе немецкого самолета-корректировщика – «рамы». Появилась «рама» – жди артиллерийского обстрела или появления вражеских самолетов. А они тут как тут – около тридцати стервятников. Пикировщики зависли над батальоном каруселью: первый «юнкерс», сбросив бомбы, отворачивал в сторону. Тут же на его месте возникал другой, резко, с рёвом заваливался на крыло и пикировал на это же место. За ним – третий, потом – четвертый, пятый... тридцатый. Всё вокруг горело, трещало, рвалось. Солдат Медведев при взрыве первой же бомбы скатился в глубокую воронку, прикрывшись телогрейкой. На него свалились еще двое солдат. И всех троих присыпало землей...

Когда стервятники улетели и стало тихо, из воронок и щелей выбирались солдаты, с потемневшими лицами, стяхивая с себя землю. Некоторые дрожали от пережитого страха, от сильного душевного потрясения. Еще бы: под такую бомбежку и бывалые фронтовики редко попадали...

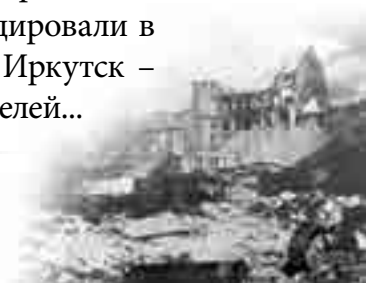
60-й батальон не понес больших потерь. Спасло то, что бойцы успели отбежать от насыпи на десятки шагов, не допустив скученности на малой площадке.

Александр Медведев со своим 60-м батальоном в составе 7-й железнодорожной бригады после боевого крещения перед городом Валуйки участвовал в восстановлении разрушенных железных дорог, мостов через большие и малые реки, в расширении зарубежных железнодорожных путей, в которых колея уже на 10 сантиметров и шпалы в отличие от наших – железобетонные или дубовые...

Условия службы в железнодорожных войсках были суровыми: трудиться приходилось днем и ночью, почти без сна, под артобстрелом, бомбежкой, есть раз в сутки, работать в стужу, дождь, снегопад. Работа была всегда срочная, всегда важная, которая не терпит отлагательств. Солдаты в железнодорожных войсках старались быть исключительно выносливыми, способными выполнять задания в экстремальных условиях.

Как и всем бойцам железнодорожных войск, Медведеву было тяжело. Но трудности не были ему в диковинку. С детства они всегда были рядом с ним. Его жизнь, можно сказать, протекала и до войны в экстремальных условиях...

Солдаты и офицеры всех родов войск хотели эту жестокую войну завершить в фашистском логове – Берлине. Но по воле большого начальства из немецкого города Оппельна на Одере, северо-западнее Кракова, совсем близко от вражеской столицы, 7-ю железнодорожную бригаду в апреле 1945 года откомандировали в Иркутскую область – продолжить строительство объездной дороги Иркутск – Слюдянка. 60-му батальону предстояло завершить строительство туннелей...

Работа на строительстве туннелей, как и в начале войны, была нелегкой. Ноги заплетались, когда после работы солдаты возвращались в свои бараки. Правда, на ногах были уже не лапти, а кирзовые сапоги. И работали не по 18-20 часов в сутки, а значительно меньше. Все солдаты прихватили с фронта трофейные часы, зажигалки и кое-что из одежды...

Демобилизовался Александр Медведев в 1948 году. Стал трудиться в Иркутске в военизированной охране Восточно-Сибирской железной дороги – в пожарном подразделении. Работал бойцом, командиром отделения, начальником пожарной команды, начальником пожарного поезда, инструктором по пожарно-технической части. Работа в пожарном деле схожа со службой в железнодорожных войсках – также все срочно, работа до седьмого пота. Разница – над головой не свистят пули, не слышно зловещего воя мин, не летают немецкие стервятники.

С 1981 года Александр Ермолаевич на заслуженном отдыхе. Но и до перестройки не сидел сложа руки – десять лет работал начальником штаба по охране общественного порядка в Ленинском районе...

В 1948 году Александр Ермолаевич женился. Жена Тамара Валентиновна, как и он, круглая сирота, не знала в детстве материнскую ласку. В 1998 году они отметили золотую свадьбу, в 2003 году у них была изумрудная свадьба, а в 2008 – бриллиантовая.

Тамара Валентиновна последние годы тяжело болела и в начале этого года ушла из жизни. Александру Ермолаевичу нынче, 2 апреля, исполнилось 90 лет. Живет он в семье дочери Людмилы, с внучкой Машей и правнучкой Сашенькой.

Н.А. Алферов член Союза журналистов России

История войны в нашей семье

В семье Поздняковых в Великой Отечественной войне участвовал наш брат – Поздняков Илья Георгиевич, 1921 года рождения.

В 1940 году он был призван в Красную Армию на Дальний Восток. Когда началась война, Илья Георгиевич был курсантом полковой школы сержантского состава. В сентябре 1941 года он был направлен в действующую армию в г. Подольск, станция Гривна в 112-ю танковую дивизию. Был командиром танка.

В ноябре 1941 года Сибирские дивизии были направлены на оборону Москвы. В этих боях Илья Георгиевич был ранен. Месяц пролежал в госпитале в Кунцево, затем вернулся в свою часть на Западный фронт. За освобождение Калуги награжден медалью «За отвагу» и медалью «За оборону Москвы».

В феврале 1943 года за бои на Орловско-Курской дуге был награжден орденом Славы. В 1945 году был ранен в позвоночник под Кёнигсбергом. Позднее, в 1945 году был награжден медалью «За взятие Кёнигсберга».

После 20 апреля 1945 года был с дивизией переброшен в Приморский край, готовилось наступление на Маньчжурию. Окончил войну в городе Муданьзян. Награжден медалью «За победу над Японией».

В сентябре 1946 года был демобилизован в звании старшего сержанта. В 1947 году начали вскрываться раны, лежал в госпитале, который находился в городе Иркутске на ул. Тимирязева. Удалили осколки, был признан инвалидом I группы на 1,5 года, потом дали II группу. В 1953 году сняли инвалидность.

В мирное время работал водителем, возил грузы на Север. Затем работал заведующим гаражом облисполкома в Иркутске, оттуда и ушел на пенсию. Умер в 1996 году, похоронен на кладбище в пр. Радищево.

Илья Георгиевич прошел всю войну, вырастил троих сыновей. Он был веселым человеком, очень любил жизнь, был всегда подтянут, аккуратно одет, заботился о близких, но войну вспоминать не любил...

*Стрельникова Тамара Георгиевна, Тарбаева Зинаида Георгиевна,
Поздняков Павел Георгиевич – сестры и брат Ильи Георгиевича.*

Две войны капитана Воротникова

В январе 1940 года в Иркутске из лучших красноармейцев-лыжников разных воинских частей был сформирован лыжный батальон особого назначения под номером 61. В составе батальона находился Иван Воротников – выпускник 1939 года 42-й железнодорожной средней школы г. Иркутска. Он был отличным лыжником. По общему мнению, ему крупно повезло: в школе физическое воспитание преподавал Константин Шапров – спортсмен, имевший разряды по хоккею и лыжам. Шапров любил спорт и эту любовь прививал ученикам. Воротников в школьных спортивных соревнованиях, особенно по лыжам, как правило, занимал призовые места.

970 красноармейцев-лыжников батальона были прекрасно экипированы и в утепленных товарных вагонах отправлены на фронт.

... До Москвы лыжники ехали семь суток. К столице подъезжали с волнением – еще бы, в первый раз, но в Москве состав не задержался – последовал к городу Калинину, где на речном вокзале сибиряки провели несколько дней. От Калинина до Кингисеппа (западнее Ленинграда) батальон добирался по железной дороге, а от этого города до Финского залива – на лыжах. На берегу залива сибиряки несколько часов поспали, накрывшись белыми плащ-накидками и прижавшись друг к другу. Это был единственный способ согреться, не замерзнуть. Костры нельзя было разводиться. Перед сумерками плотно поужинали. Тушенку разогревали на карбиде, в который «для запуска» приходилось брызгать мочой. Сухари и тушенку заедали снегом...

Финский залив красноармейцы всю ночь преодолевали на лыжах, на ходу засыпая от усталости. Кто начинал клевать носом, того будил кулаком по спине лыжник, идущий следом. То и дело от бойца к бойцу полушепотом передавалась команда: «Шире шаг!»

Это было в конце февраля 1940 года. 61-й лыжный батальон в полном составе добрался до Выборгского залива, обойдя с запада «линию Маннергейма». Перед ними была поставлена задача: овладеть островом Курви-Саярве, находящимся в руках финнов, и выяснить систему организации огня, то есть произвести разведку боем.

До острова было около двух километров. На лыжах идти к острову было невозможно: лед был торосистый. Бойцы штурмовали остров налегке – лыжи, вещмешки оставили на берегу. Штурмовали под шквалом минометно-пулеметного огня. Досаждали финские снайперы. Они отстреливали красноармейцев, как на стрельбище, без суеты, хладнокровно. Одиночные полеты пуль переросли в сплошное жужжанье. Сраженные вражескими пулями и осколками, один за другим падали лыжники. А живые бойцы впивались глазами в остров. Его быстрый захват – единственное спасение атакующих.

... Ценой больших потерь остров Курви-Саярве был захвачен сибиряками-лыжниками и удерживался до прибытия стрелковых дивизий. При штурме острова из девятисот семидесяти лыжников сложили головы **восемьсот тридцать три сибиряка**.

...Воротников не добежал до острова – был ранен. Его словно пешней кто-то ударил по левой ноге. Это пуля угодила в большую берцовую кость, был поврежден и коленный сустав. Иван с перебитой ногой, оставляя за собой кровавый шлейф, пополз назад, мороз крепчал и щипал уши, лицо и руки. зуб на зуб не попадал от холода и страха смерти. Он не раз кричал: «Помогите! Помогите!» Но умоляющий зов оставался безответным. Только неясно слышались слабые стоны умирающих. Иван понимал, что малейшая остановка – это смерть, и полз, а когда не мог ползти – просто шевелился, чтобы брюки, мокрые от крови, не примерзали ко льду. Его заметили двое красноармейцев, возвращавшихся с острова. Один был ранен в руку, другой – в плечо. Они и привели санитаров к Воротникову...

Много мук вытерпел Иван, пока его перемещали из одного медицинского пункта в другой. С облегчением вздохнул, когда наконец-то оказался в санитарном госпитале. После двухмесячного лечения в госпитале в конце апреля 1940 года он приехал в Иркутск, остановился у Константиновых, дом которых находился на улице Касьянова, недалеко от железнодорожного вокзала. У Константиновых на квартире он жил много лет – и во время учебы в железнодорожной школе № 42, а потом в горно-металлургическом институте. От Константиновых сообщил родителям в Олху о своем приезде в Иркутск.

Отец Ивана, не мешкая, запряг телегу и во весь дух помчался в Глазково. Возле дома Константиновых, наскоро привязав вожжами к забору коня, Поликарп Александрович влетел в дом и заключил сына в крепкие объятия. Попрощавшись с гостеприимными хозяевами, Воротниковы поехали домой в Олху. А там на столе, на белой, тщательно отглаженной скатерти, для фронтовика Екатерина Афанасьевна, мама Ивана, приготовила угощение – медвежье мясо, вяленую сохатину, малосольного хариуса, пирожки с различной начинкой, огурцы, тёплый хлеб и другие яства.

... Иван отдыхал дома три месяца. Этот отдых был вынужденным: на месте ран на ноге еще были свищи. Один раз в неделю он ездил в город на перевязку, а в остальное время любил сидеть с удочкой на речке. В Олхе водилось много разной рыбы – хариус, налим, ленок, елец.

... К августу 1940 года раны у Воротникова затянулись, и он продолжил службу в Красной армии – в поселке Мальта, где дислоцировалась 46-я стрелковая дивизия. В Мальте он успешно окончил полковую школу младшего состава. Ему было присвоено звание сержанта.

... Грянула Великая Отечественная война.

– Мы все стремились в действующую армию, – говорит Иван Поликарпович, – даже в голову не приходила мысль, чтобы как-то отсидеться в тылу.

46-я стрелковая дивизия, в которой служил в должности командира минометного расчета сержант Воротников, была направлена на Западный фронт (командующий – маршал Советского Союза С. К. Тимошенко), под Смоленск. С началом войны Смоленск оказался на пути главного удара немецко-фашистских войск на Москву. С 24 июня 1941 года немецкая авиация систематически совершала налеты на этот город.

Подразделения 46-й дивизии вошли в Смоленск ночью. Не задерживаясь в городе, они заняли позиции на южном берегу Днепра. Накануне горожане здесь рыли окопы, траншеи, противотанковые рвы – создавали линию обороны. Но закончить не успели.

Минометный расчет Воротникова занял позицию на голом месте – не было ни окопов, ни траншей. За ночь минометчики наскоро окопались, позицию пришлось оборудовать с нуля.

Когда исчезла предрассветная белесая туманность, бойцы дивизии уже лежали в отрытых и замаскированных окопах с пулеметами в центре и на флангах. Минометы и орудия были приготовлены к бою. А впереди, в картофельном поле, на расстоянии пятисот-восьмисот метров в бинокль было видно, как фрицы падая, прижимались к земле, взмахивая из-под локтя саперными лопатками, торопливо окапывались. Распологались немцы на взгорье, за которым был низинный участок. Оттуда все явственнее стали доноситься лязг танковых гусениц, трескотня мотоциклов и шум моторов.

Из вражеских окопов неслись крики: «Эй, рус, сдавайся!»

В полках дивизии к концу дня осталось от половины до двух третей полного состава. Остальные либо полегли на южном берегу Днепра, либо получили ранения. Раненых всю ночь переправляли на правый берег реки по уцелевшим мостам и на лодках, а затем везли в тыл на машинах или телегах. Сильный голод так и щемил у всех под ложечкой, и чем далее, тем мучительнее делались его приступы. Небритые, в грязных ботинках, бойцы для успокоения блаженно курили, делая жадные затяжки.

...На следующий день, как только коснулись земли ласковые лучи солнца, в небе над обороной дивизии появились фашистские самолеты. Стали падать и рваться

бомбы. Окопы окутались завесой дыма и пыли. Немцы возобновили наступление. Впереди двигались танки и бронетранспортеры с автоматчиками.

Атака противника на левом фланге и в центре была с трудом отбита, но на правом фланге, к западу от Смоленска, немецкие танки пробили брешь в обороне и, двигаясь в ее глубину, косили из пулеметов отступающих красноармейцев. Обстановка сложилась аховая. Боеприпасы и продукты на исходе. Командование приняло решение: отступить на правый берег Днепра, не попав в окружение. И вот по цепи, от бойца к бойцу, от взвода во взвод, из роты к роте, от батальона к батальону пробежала команда:

– Организованно отступать на правый берег! Каждой роте выставить заслон! Не оставлять раненых!

Отход прикрывался обстрелом немецких позиций из всех стволов орудий, в том числе дальнобойных с противоположного берега.

...Бои в Смоленске носили исключительно ожесточённый характер. Центр города одиннадцать раз переходил из рук в руки. Громоздились руины каменных домов – груды кирпича и обвалившихся стен. Горело все, что могло гореть.

...Гибельные пули и осколки сперва миновали Воротникова, но 18 июля 1941 года осколком мины он был ранен в спину, а через одиннадцать дней Смоленск был оставлен частями Красной Армии.

Лечился Иван Воротников в Воронеже более месяца. В госпитале ему не раз снился горящий Смоленск. И он вспомнил, как в далеком детстве загорелась на окраине деревни старая, почерневшая от старости изба. Взрослые стояли цепью от горящей избы до реки Олхи, чужие и родные, непрерывно по рукам у них ходили ведра с водой. Через час пожар был потушен. Не будь войны, жители Смоленска поступили бы точно так же.

...Боевой путь Воротников продолжил в составе 322-й Житомирской, Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии. Не случайно после выздоровления обстрелянному офицеру доверили роту: он в составе 322-й дивизии участвовал в боях под Курском, Житомиром, при взятии городов – Чернобыля, Львова, Кракова и других.

...В Польше, на небольшой высоте, в хорошо укрепленной помещицкой усадьбе, засели фашисты. Они корректировали стрельбу своих батарей. Старший лейтенант Иван Воротников отобрал двадцать добровольцев для захвата этого фашистского гнезда и ночью при свете луны без единого выстрела захватил усадьбу, уничтожив всех корректировщиков. Три дня храбрецы удерживали высоту, выдержав несколько вражеских атак. Когда подошла подмога, из двадцати бойцов в живых осталось только четверо. Все они были отмечены высокими правительственными наградами. Командир роты Воротников был награждён орденом Красного Знамени, остальные трое – орденом Отечественной войны 1-й степени.

В последнем бою сибиряк Воротников участвовал в конце мая 1945 года под Прагой.

Спрашиваю Ивана Поликарповича:

– Кто из комсостава или рядовых за годы войны особенно запомнился?

– Время выветрило из памяти немало имен. Но особенно запомнились два человека – комиссар дивизиона Кордин и командир этого же дивизиона Поляков Иван Трофимович.

Комиссар так себе, не очень дельный военный. Шуму, крику много, а толку мало. Краснобай, дошлый-предошлый, даром что на селедку походил. Фамилии солдат не знал и не хотел знать. Говорил: «Эй, рядовой!»

И совершенно противоположен ему Иван Трифонович Поляков – боевой командир. Этот майор был смел, бесстрашен, всем нравился. Нравился тем, что внимательно выслушивал подчиненных, на лету ловя фразы. Много раз был ранен. Все его тело было в рубцах и ожогах.

К слову сказать, за годы войны Иван Поликарпович тоже был ранен неоднократно – семь раз и два раза контужен. Кроме ордена Красного Знамени был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и орденом Красной Звезды.

Демобилизовался в конце 1945 года в звании капитана. Сначала трудился на хозяйственном поприще, затем – четырнадцать лет в Иркутско-сельском РК КПСС и девятнадцать лет – заместителем заведующего финансово-хозяйственным отделом ОК КПСС. С женой Галиной Павловной вырастили дочь Елену. Елена Ивановна имеет высшее образование, работает в Сбербанке. 24 февраля 2004 года сердце этого боевого офицера перестало биться.

Н.А. Алферов член Союза журналистов России

Мой отец – Герой Советского Союза

Каждый год весь мир празднует День Победы. А наша семья отмечает этот замечательный праздник без дорогого нам человека – отца и бабушки Семена Ильича Хейфеца.

Этот праздник всегда был в нашей семье самым главным. Помнится, когда мы были ещё подростками – это я, старшая сестра Неля и брат Володя, мы с нетерпением ждали эти дни. Отец одевал свой парадный костюм со Звездой Героя Советского Союза, орденами Ленина, Красной Звезды и Отечественной войны и всеми боевыми медалями. Мы шли рядом с ним по городу и с удовольствием ловили любопытные и уважительные взгляды встречных прохожих: «Звезда Героя!». А звон его орденов звучал для нас громче любых салютов.

«Мой отец – Герой!». До сих пор во мне живет это непередаваемое чувство восторга и гордости. И оно рождается снова каждый раз, когда я слышу, как уже давно повзрослевшие внуки вспоминают: «А деда советовал...», «А деда говорил...», «Деда рассказывал о войне...». Вот и мой зять Алексей Евгеньевич Смирнов, доцент института МВД, собирал материалы об отце, чтобы рассказать о нем своим коллегам. Я бесконечно благодарна ему за эту память.

Папа пошел на фронт в 1943 году. Это была не первая его война. В 39-ом он воевал на Халхин-Голе, и, как потом говорил, этот первый боевой опыт ему очень помог на Западном фронте. А родился он в многодетной семье жестянщика-кустара в

Иркутске в 1909 году. Свою трудовую биографию начал в мастерской отца в 14 лет, а завершил ее в 82 года. И мы, его дети и внуки, до сих пор почитаем его, как неутомимого труженика, заядлого книгочея и «вечного студента», потому что учился он постоянно – в техникуме, в университете, на курсах, у своих коллег. Да и сама его жизнь, и работа были для него постоянными университетами.

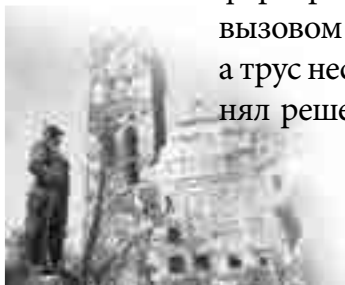
В первые дни войны он пытался получить в военкомате направление на фронт как бывший военный. Но ему отказали, так как нужно было срочно строить новые цеха на хлебокомбинате, где он работал. И только в феврале 1943 года отец был откомандирован в офицерское училище в Забайкалье. В апреле 1944 года в звании младшего лейтенанта он был зачислен в 932-й полк 252-й стрелковой дивизии 2-го Украинского фронта. Как рассказывал отец, седьмой стрелковой ротой командовал сибиряк лейтенант Пестерев Алексей Иванович, родом из Бурятии, а начальником штаба батальона тоже был сибиряк из Новосибирска старший лейтенант Петр Михайлович Савельев. Всем им оставалось тогда воевать чуть более года, и фронтovou дружбу они пронесли через всю оставшуюся жизнь.

Сейчас я уверена, что эта крепкая мужская дружба стала хорошим примером для всей нашей семьи. Ее, как нечто непреложное, бесценное во взаимоотношениях добрых людей, принимали как эстафету и новые члены нашей семьи – зятья, невестки. Это ощущение уверенности в дружеском плече, уважение к тому, с кем по жизни идёшь, цементировало наше всё более разрастающееся с годами семейство.

Однополчане подружились, когда на подступах к Румынии готовилась знаменитая Яско-Кишинёвская операция. После ее завершения отец получил свою первую награду – медаль «За отвагу». После освобождения Венгрии – орден Красной Звезды. В январе 1945 года за участие в ликвидации танкового прорыва у разъезда Чор недалеко от озера Балатон – орден Отечественной войны 2-й степени. Но главным событием в его военной биографии, о котором отец всегда рассказывал с гордостью и с горечью от понесенных тогда их батальоном многочисленных потерь, было форсирование Дуная.

Об этом подробнее можно узнать из его воспоминаний, опубликованных в книге Восточно-Сибирского книжного издательства «В годы Великой Отечественной войны», вышедшей в 1975 году под редакцией доктора исторических наук И.И. Кузнецова. Она бережно хранится у нас дома с дарственной надписью: «В день 30-летия Победы над фашистской Германией от участника этой победы – вашего отца и дедушки».

Одним эпизодом отец особенно гордился. Это было 28 марта 1945 года. «Из рассказа офицеров, присутствовавших на совещании в штабе, я узнал, что инициативу проявил сам Пестерев. Командир полка спросил: «Кто будет форсировать первым?» На мгновение воцарилась тишина. И пока другие командиры решали для себя этот нелёгкий вопрос, встал наш комбат и твердо заявил: «Я готов со своим батальоном форсировать первым!» – «Хочешь стать героем?» – одобрительно, но с некоторым вызовом спросил командир полка. Пестерев ответил, что герой умирает один раз, а трус несколько, но в его батальоне нет трусов... Позднее командир батальона принял решение – первой начнет форсировать реку моя рота. Каждый из нас пони-

мал, какая огромная ответственность ложится на наши плечи. Ведь нам предстояло проложить путь батальону, полку, всей нашей дивизии. После получения задания мы с Пестеревым и Савельевым крепко обнялись и расцеловались».

Свое задание батальон выполнил. Потери были большие, но немцы не смогли остановить наступление наших войск. Отец был ранен и уже в госпитале узнал, что он и его друзья были представлены к званию Героя Советского Союза. Потом они освобождали Братиславу, Вену и в 60-ти километрах от Праги встретили День Победы.

После демобилизации папа вернулся в родной Иркутск, на свой родной хлебокомбинат, а потом многие годы строил хлебозаводы по всей области.

Часто ли я вспоминаю своего отца? Мне кажется, что он со мной всегда, что он не ушел от нас в 1992 году. Я помню, как интересно было гулять с отцом по старому Иркутску. Он знал о нем больше любого историка. Ему была знакома жизнь каждого старинного иркутского дома или улицы.

Папа был очень красивым, смелым, сильным и благородным человеком. Всю свою жизнь работал, не любил отдыхать, обладал необыкновенным чувством юмора, писал стихи. Много читал, любил, чтобы дома было много книг. Любил, чтобы вся семья в праздничные дни и в дни рождения, в Новый год и в День Победы собиралась вместе. И чтобы его любимая жена Анастасия Макаровна, а они с мамой прожили вместе более 50 лет, пекла большой пирог и принимала гостей. Всегда в эти дни в доме было по-доброму весело, шумно и сердечно.

Сейчас в Иркутске живут трое его детей – две дочери и сын, племянники и племянницы, четыре внучки, два правнука, правнучка и праправнучка Сонечка. Среди нас есть врачи, металлурги, военные, инженеры, студенты. Своей жизнью и сегодняшним благополучием мы обязаны главе нашего семейства – Семену Ильичу Хейфецу. И каждый год в день Победы мы приходим к Вечному огню, как и многие годы прежде – повсюду цветы, праздничные фейерверки, поздравления. И, как и прежде, – незабываемый на всю оставшуюся жизнь звон орденов моего отца, Героя Советского Союза.

Валерия Семеновна Попова, дочь Героя Советского Союза С.И. Хейфеца

Ушёл на фронт добровольно...

(Воспоминания инвалида Отечественной войны)

Я родился 17 ноября 1925 года гор. Иркутск. В 1942 году добровольно ушел на фронт. Тогда мне было 17 лет и я учился в 9 классе. Был ранен. После выздоровления в январе м-це 1943 года был направлен в Сретенское артиллерийское училище Забайкальского фронта. По приказу командования Ленинградского фронта требовалось подготовить командиров минометных взводов 120 и 82 мм минометов.

Я попал в эту группу. В ней были курсанты разных возрастов и образования, которые могли бы подготовить расчеты для ведения огня из всех видов артиллерии.

Блокада Ленинграда снималась. После окончания операции мне было присвоено звание младшего лейтенанта. В 1944 году я был направлен на 2-й Прибалтийский фронт в 1-ю ударную армию, в 53-ю гвардейскую дивизию, 161-й полк на должность командира взвода 82-миллиметровых минометов. В полку был направлен корректировать стрельбу батареи. Нужно было выйти на передний край нашего подразделения. Связной ночью привел к месту, откуда велась корректировка огня. Оказалось, что капитан отвечавший за наведение огня, был убит снайпером. По советам моих учителей, я знал, что надо сменить место управления огнем. Я со связным перебрался к нейтральной полосе. По радиации связался со своей батареей. Используя предыдущие данные и внося свои, я быстро вошел в работу. Мой голос был похож на голос погибшего капитана. На вопрос, почему молчал Петр, я не ответил. И остался для них Петром. Через несколько дней нашу часть перевели во второй эшелон. Вытащили Петра и похоронили. Меня приняли в части хорошо – вручили гвардейский значок и заполнили наградной документ. После отдыха и пополнения, часть выдвинулась на передний край. Пошли в наступление. Фронт с ожесточенными боями двигался на запад. Освободили города Ригу, Таллин, Тарту и другие населенные пункты. При освобождении этих городов я был ранен. Лечился в полевом госпитале. После выздоровления вернулся в свою часть. Отступая, противник занимал оборону на господствующей высоте и периодически переходил в контратаки. Он прорвал оборону и окружил нашу батарею. Я командовал тогда 120 мм минометами. Мы заняли круговую оборону и отстояли плацдарм, сумели с небольшими потерями сохранить личный состав и технику.

Я был ранен (сквозное пулевое). Попал в госпиталь. После выздоровления вернулся в свою часть.

Командир дивизии, зная меня как самого молодого офицера, который немного владел немецким и латышским языками, предложил должность офицера связи полковой разведки (поддерживать связь с соседними подразделениями).

В одной из операций я был тяжело ранен и контужен. Подобрали меня похоронные части среди убитых, увидев признаки жизни. В части поторопились, и мои родные получили похоронку. Это было под Кёнигсбергом.

На лечение был отправлен во Владимирскую область, г. Вязники. По выздоровлению был направлен в запасный офицерский полк Рязани, а затем уволен в запас.

Ранения, полученные при защите и освобождении республик СССР, дали мне инвалидность 2-й группы.

Награжден двумя орденами Красной Звезды и Отечественной войны, юбилейными медалями, медалью «За отвагу», медалью «За победу в Великой Отечественной войне».

Э.А. Шиманский

Труд в глубоком тылу.

Иркутская область в годы войны

Хлебные карточки

Отдельно — для малых детей,
Для служащих и для рабочих,
Суровый, без всяких затей,
По дням разграфленный листочек.

Движения ножниц слышны —
Талон отрезают вначале, —
В рабочих поселках страны
Хлеб на день вперед получали.

Далекий, нам снившийся тыл,
Он жил, ничего не жалея.

Я б карточки те поместил
В безмолвные залы музея.

Средь снимков гвардейских колонн
И рядом с партийным билетом,
Что кровью святой окроплен
Над Волгою памятным летом.

Я их положил бы на свет...
Но только тут случай особый:
Их нет, этих карточек, нет, —
Найди в своем доме, попробуй!

... Иное легко сохранить,
Чтоб знали о прошлом потомки:
Рассказа старинного нить,
Прапрадедов нищих котомки,

Оружие наших отцов,
И наше оружие тоже,
И деньги любых образцов,
И мысли, что денег дороже.

Но здесь — эшелоны в пыли
Блокадные бледные дети...
Ну как сохраниться б могли
Военные карточки эти?

Константин Ваншенкин

Учитель через много лет
Прочтет вопрос на детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?
Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была –
Все там же,
За хребтом Урала?
И давней битвы рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет: в дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою.

Василий Федоров

В годы Великой Отечественной войны Иркутская область была глубоким тыловым центром, но иркутяне внесли заметный вклад в приближение Победы.

В ночь на 23 июня 1941 г. на всех предприятиях города, где работа была круглосуточной, прошли митинги. Уже 23 июня в райвоенкоматы города поступило 712 заявлений от иркутян, желающих отправиться добровольцами на фронт. Только за первые 10 дней войны таких заявлений было подано около 2000.

Обстановка военного времени требовала перестройки всей жизни горожан, работы на военный лад. На производство военной продукции была переключена вся крупная промышленность Иркутска. Так, завод тяжелого машиностроения им. Куйбышева стал изготавливать снаряды, авиабомбы, ротные минометы, ремонтировать артиллерийские системы. Более 50 наименований изделий для фронта стали выпускать предприятия местной и кооперативной промышленности, в том числе мины и гранаты, патроны, деревянные части самолетов, лыжи, ящики для боеприпасов.

В годы войны Сибирь стала одним из основных районов размещения эвакуированных предприятий, в том числе крупнейших оборонных заводов. С июня по ноябрь 1941 г. сюда прибыли 322 промышленных предприятия, в том числе 244 – в Западную и 78 – в Восточную Сибирь. На восток были эвакуированы все предприятия танковой, авиационной и моторостроительной промышленности, а также производства боеприпасов, вооружения, – 94 металлургических, 150 машиностроительных заводов, 40 заводов электротехнической промышленности.

В Иркутскую область первые эшелоны с грузами стали прибывать уже в августе 1941 г., к январю 1942 г. прибыла основная часть грузов, оборудование 15 заводов и фабрик и 10 тысяч рабочих и членов их семей.

Завод им. Куйбышева разместил в своих цехах оборудование Старо-Краматорского и частично Ново-Краматорского заводов. В иркутские предприятия влились Тульская и Одеская швейные фабрики, Воронежская трикотажная, Одесская макаронная, Днепропетровская обувная фабрики и другие предприятия.

В начале войны в промышленности повсеместно остро встала проблема кадров. В августе 1941 г. были призваны в армию граждане рождения 1922-23 годов. Многие иркутяне подавали заявления о добровольном вступлении в армию. Лишь за первые три месяца войны с завода им. Куйбышева ушли на фронт 520 человек. Все пригодные для службы в рядах Вооруженных Сил проходили военную подготовку. Ушедших на фронт мужчин у станков заменяли женщины, дети, подростки. Основными источниками пополнения производственных кадров были выпускники ремесленных училищ и фабрично-заводского обучения, рабочие, приходившие по вольному найму, а также прибывшие вместе с эвакуированными предприятиями. На производство возвращались пенсионеры.

Райсоветами и райвоенкоматами производилась мобилизация населения на заводы и фабрики. Только что окончившие школы ФЗО и ремесленные училища юноши и девушки направлялись на основное производство, остальные подростки первоначально распределялись на работу, не требующую квалификации, затем из них отбирали наиболее способных для дальнейшего обучения.

Уже осенью 1941 г. на предприятиях Иркутска появляются первые «двухсотники» – стахановцы военного времени. Движение «двухсотников» развернулось во всей стране по почину молодежи города Горького. Лозунг: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт» подхватили в разных уголках страны. Множились ряды «двухсотников», «трехсотников» и даже «пятисотников». В 1942 г. на предприятиях города работало 28 640 молодых рабочих, из них 7241 стахановцев и 3759 ударников. В иркутских газетах неоднократно появлялись статьи о трудовых подвигах работников тыла, о тех, кто стоял у станков, работал в госпиталях, убирал хлеб.

Наряду с «двухсотниками» широкое распространение получили фронтовые молодежные бригады, которые создавались практически на каждом предприятии. Бригады существовали до конца войны, и между ними постоянно велось соревнование за первенство.

На 1 января 1944 г. в Иркутске насчитывалось 27 комсомольско-молодежных бригад, из них 9 фронтовых. Через 5 месяцев было создано еще 19 комсомольско-молодежных бригад, количество фронтовых увеличилось до 20. По итогам соревнования звание «лучших» было присвоено бригадам Сенкевич и Трусовой, работавшим на заводе тяжелого машиностроения им. Куйбышева.

Люди работали по 12-14 часов в день, иногда сутками не выходили из цехов, лишь бы успеть выполнить по 2-3 нормы. К постоянной усталости и голоду зимой добавлялся еще и холод, предприятия едва отапливались. В частности, на заводе Куйбышева отопление подавалось в цеха по часам: час отапливался один цех, затем час – следующий, и так по всему заводу.

Подростки работали наравне со взрослыми. Семнадцатилетние мальчишки за смену должны были выточить 25 донышек к авиабомбам, если успевали сделать 27 штук, то получали талон на дополнительное питание – 200 гр масла или 0,5 кг рыбы.

Из воспоминаний Е. Татаринцевой – бывшей работницы Иркутской обувной фабрики № 1: «Никогда не забыть то время, когда мы – полуголодные, плохо одетые, уставшие – стояли у станков. Кружилась голова, подташнивало, иногда хотелось упасть и спать, а план в смену – 1000 пар ботинок для солдат – нужно было ежедневно давать. У станков наравне со взрослыми стояли и дети – подростки по 13-14 лет. Работали без выходных дней, оставляя малышей под присмотром старых женщин – соседей. Свой паек хлеба делили так, что крошка с ладони не упадет».

Иркутяне активно участвовали в создании фонда обороны СССР, фонда строительства и вооружения для армии, в отправке подарков и теплых вещей фронтовикам. Денежно-вещевые лотереи и подписка на военные займы получили особенно широкое распространение.

14 802 623 руб. сдали трудящиеся Иркутска в фонд обороны деньгами, золотом, серебром, драгоценными камнями. На фронт были отправлены две танковые колонны «Иркутский комсомолец», «Иркутский колхозник», «Иркутский железнодорожник», авиаэскадрильи – «Байкальский рыбак», «Учитель», «Бурят-Монгол».

Воинам-фронтовикам было послано более 800 тыс. теплых вещей, 160 вагонов подарков, в которых было мясо, масло, сибирские пельмени, спирт, лыжи, мостовые брусья и многое другое.

С первого дня войны все большие школьные и вузовские здания были превращены в госпитали. Уже с конца 30-х годов в Иркутске, как и в других городах страны, учебные заведения строились по особому типовому проекту – «Школа-госпиталь». В случае войны классы в самый короткий срок могли стать палатами, а учительские – операционными.

Госпиталя разместились в зданиях школ: № 3, 15, 26, 8, 13, 72, 11, 9, 17; в Доме Кузнеца, в здании Экономической Академии, Педагогическом институте, что на ул. Сухэ-Батора, в туберкулезной больнице (бывшей школе № 21), Школе военных техников по 5-й Советской, в Факультетских клиниках Иркутского медицинского института, Сельскохозяйственном институте, Глазной клинике, на курорте «Ангара».

Первые месяцы с начала войны раненые в Иркутск не поступали. Но с января 1942 г. в город стали прибывать санитарные поезда с сотнями раненых. Часто эшелоны приходили глубокой ночью, на разгрузку их мобилизовывались, в первую очередь, врачи, медперсонал госпиталей. Хирурги не выходили из операционных сутками. Кафедру хирургии мединститута возглавляла профессор А.И Соркина, которая была назначена руководить всей хирургической службой города. Врачи творили чудеса, спасая людей, которых, казалось, уже вернуть к жизни было невозможно. За день хирург проводил до 15 операций.

Большинство выздоравливающих солдат остро нуждались в советах психолога. Упадок сил, личные переживания, волнения о родных, мысли о будущем – все это прибавлялось к физическим страданиям. Здесь требовалась огромная психотерапевтическая работа врачей. Руководителем психоневрологического центра становится профессор Х.Г. Ходос. Изданная в 1943 г. книга Х.Г. Ходоса «Травматические повреждения и огнестрельные ранения нервной системы» была признана серьезным вкладом в фонд обороны страны.

Через иркутские госпитали прошли более 100 тысяч раненых бойцов, из них в строй было возвращено около 30 %, признаны негодными к строевой службе, но годными к труду 67 % и только 3 % раненых было переведено на инвалидность.

Заметным явлением в жизни Иркутска в годы войны стал выпуск «Агит-окон», сигнальные номера которых каждую субботу появлялись на углу улиц Литвинова и Карла Маркса. На них проводилась подписка товариществом «Художник». «Агит-окна» выходили десятками экземпляров, направлялись на предприятия, в клубы, расклеивались в фойе театров, кинотеатров, на вокзале.

В годы войны, несмотря на многочисленные трудности, культурная жизнь города не замирала ни на минуту. В театрах ставились спектакли «Парень из нашего города», «Последняя жертва», «В степях Украины», «Плутни Скапена». Работал цирк. В кинотеатрах шли фильмы, поднимавшие в людях чувство патриотизма: «Если завтра война», «Салават Юлаев», «Героическая оборона Одессы». Демонстрировались комедии, исторические фильмы. И обязательно перед каждым фильмом демонстрировался киножурнал о последних известиях с фронта.

В годы войны из Иркутской области на фронт ушло более 200 тыс. человек. В первые дни за счет призванных иркутян были доведены до штатов военного времени прославленные сибирские дивизии – 65, 114, 82-я мотострелковая, 93-я Восточно-Сибирская, сформированы новые соединения: 321-я, 106-я Забайкальская и др. В их составе иркутяне участвовали во всех крупных операциях и сражениях Великой Отечественной войны, начиная с тяжелых оборонительных боев лета 1941 г.

В обороне Москвы и последующем контрнаступлении приняло участие 15 сибирских дивизий, в том числе и 78-я стрелковая, прибывшая с Дальнего Востока в составе 16-й армии, которой командовал иркутянин, полковник Афанасий Павлантьевич Белобородов. Командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский назвал ее «дивизией железной хватки».

Много иркутян сражалось в войсках Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов. В районе Новороссийска сражалась знаменитая 55-я гвардейская Иркутская дивизия (ранее называвшаяся 30-й Иркутской), которая была сформирована еще в 1918 г. Дивизия освобождала Таманский полуостров, Крым, Белоруссию, штурмовала Берлин.

Герой своего времени

(Заводской электросварщик А.И. Утюжников)

Александр Иванович Утюжников родился 11 сентября 1926 года в селе Урейское Акшинского района Читинской области, в большой крестьянской семье. С 1933 года по 1937 год из большой зажиточной крестьянской семьи в селе осталось всего три человека. Из семи братьев отца Александра Ивановича – Утюжникова Ивана Михайловича, малограмотного крестьянина – шесть было арестовано и расстреляно по 58 политической статье. Такая же участь постигла и самого Ивана Михайловича и его восьмидесятилетнего отца, Утюжникова Михаила Максимовича. Все эти расстрелянные люди позднее были реабилитированы.

Мать Александра Ивановича, Утюжникова Устинья Дмитриевна, вынуждена была осуществить формальный развод с пострадавшим безвинно мужем и поднимать на ноги своих детей – Галину и Александра – с помощью своих родственников. Детство Галины и Александра прошло без отца.

В 1937 году Устинья Дмитриевна с детьми стала жить у своего брата Утюжникова Федора Дмитриевича в Борзинском районе Читинской области, южнее железнодорожной станции Борзя, в деревне Верхний Каблукан.

В деревне Верхний Каблукан находился небольшой совхоз. Утюжников Федор Дмитриевич был директором совхоза. Из Монголии пригоняли табуны скота, в совхозе скот откармливали и на бойне разделывали. Мясо отправлялось в центральные районы страны.

В заготовке сена для монгольского скота участвовал подросток Александр Утюжников. По словам Александра Ивановича, работники совхоза и их семьи ели мясо вдоволь.

Устинья Дмитриевна в совхозе работала поваром. Ей не нравилось жить в этом захолустье. В деревне было всего десять изб и вокруг них голая степь. Летом жара, а зимой лютый холод и постоянный ветер. Поэтому Устинья Дмитриевна с детьми перебирается на железнодорожную станцию Оловянная, к своей родной сестре. Алексей Александрович Путинцев, муж сестры, в военном городке на станции работал начальником военторга. На станции Оловянная Устинья Дмитриевна с сыном Александром жила до 1940 года. Ее дочь Галина Ивановна училась в Иркутске в фельдшерской школе, и была замужем за Н.А. Сапроновым, работавшим в Иркутске в Востоквзрывпроме (в Великой Отечественной войне он в 1944 году погиб в Белоруссии). В конце 1940 года Галина Ивановна Утюжникова вызвала к себе мать и брата Александра.

В Иркутске Александр Утюжников стал учиться в ремесленном училище № 1 (Маратовское предместье). Учился в течение года. После окончания училища в октябре 1942 года он был направлен трудиться на Иркутский завод тяжелого машиностроения им. В. Куйбышева, в пятый механико-сборочный цех слесарем.

– Александр Иванович, расскажите про свою работу на заводе им. В. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны.

– В ноябре 1941 года на завод прибыло оборудование Старокраматорского завода тяжелого машиностроения, эвакуированного из Донбасса.

На заводе для фронта стали изготавливать минометы и запасные части для тракторов. На заводе работало 12 тысяч человек. Много было подростков и женщин. Мастера, бригадиры, инженеры и рабочие высокой квалификации призывного возраста имели бронь, то есть освобождались от службы в армии.

Люди работали по 12 и более часов, работали без выходных и отпусков. Подросткам и женщинам низкого роста у станков делали специальные деревянные подставки.

Люди не высыпались. Для того чтобы выкроить для сна лишний час-другой, оставались ночевать в цехе. В военное время возвращаться домой после ночной смены было небезопасно. Такого хулиганства ночью, как в наше время, не было. Сложность была в другом. Ни автобусов, ни трамваев, ни тем более такси не было. Добираться домой надо было только пешком. А рабочие завода жили в разных концах города.

Рабочие получали в день по 800 граммов хлеба. Хлеб был тяжелый, содержал много добавок, в основном вареный картофель. Существовала столовая, в которой можно было получить тарелку щей из крапивы. Щи хорошо прополаскивали желудок, но не насыщали его.

Из заработной платы удерживались подоходный, военный налоги, а также холостяцкий с бездетных людей (на подростков он не распространялся). Все работающие люди ежегодно подписывались на государственные займы в размере месячного оклада. Ежемесячно за подписанный заем надо было отчислять. Полученную зарплату после всех удержаний можно было потратить только на покупку у спекулянтов продуктов по непомерным ценам. Прилавки в магазинах пустовали.

Гауптвахты на заводе не было, как на Центральном телеграфе. Но наказания практиковались. Провинившихся подростков, бывало, мастер заведет в свою будку (конторку) и втихомолку поколотит.

Как вспоминает Александр Иванович, от хронического недоедания, тяжелой работы на молодежь наваливалась тоска. Тоску умел разгонять бригадир Гришачкин. Он организовывал выходы ребят в театр, кино, сбор денег на изготовление танка «Иркутский комсомолец». Он вывел бригаду в число передовых, за что был удостоен аттестата Народного комиссариата тяжелого машиностроения и награжден орденом «Знак Почета». Бригада была награждена переходящим Красным знаменем Иркутского горкома ВЛКСМ и занесена в Книгу почета.

А. И. Утюжников тоже не был обойден поощрениями. Он был награжден медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «Ветеран труда», значками «Победитель социалистического соревнования» за 1975, 1976 и 1978 годы. В его трудовой книжке в разделе «Поощрения» 13 записей. Это благодарности, Почетные грамоты, денежные премии.

А. И. Утюжников трудился на одном предприятии. Своей работой был доволен. Его уважали, ценили. Но чего-то не хватало. А не хватало женской ласки. И

в 1946 году его мечта сбывается. Александр влюбляется в медсестричку Тамару, влюбляется с первого взгляда и на всю жизнь. Медсестре заводской электросварщик тоже понравился. В 1946 году Александр и Тамара соединят свои судьбы – поженятся. В любви они прожили 51 год, до ухода из жизни в 1997 году Тамары Михайловны (в девичестве Шевченко). Они вырастили и воспитали двух дочерей.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

В шахте и в разрезе **(Военные будни Черемхово)**

Фронты растягивались и война растекалась на юг и на север. Жизнь в тылу продолжалась. Но многое менялось – обычаи, образы мыслей и стиль поведения, лозунги и призывы, поступки людей.

Рядом со штабелем угля чернеют стены шахтовой конторы. Спотыкаясь и обходя штабель, я смотрю на окна. В кабинете начальника шахты горит свет, узенькие полоски пробиваются в щели ставень, с конного двора доносится звон раскальваемого льда, это конюх сбивает лед с водовозной бочки, слышится фырканье лошадей.

Водопой! Конюх готовит лошадей к ночной смене.

Шагнув за порог конторы я останавливаюсь, в нос ударяет крепкий запах самосада.

– Ну и накурили! – вскрикиваю я. – Хоть топор вешай!

– Десятник, иди сюда, подписывайся на танковую колонну, гони трехдневный заработок, а то потеряешь больше! – шутит кто-то.

Посередине *нарядной* в окружении рабочих стоит новый парторг шахты, забойщик Прокопьев, в руках у него подписной лист.

– На сколько подпишешься? Говори. – Прокопьев вопросительно смотрит мне в глаза.

– Сколько люди, столько и я, пиши – трехдневный заработок!

– Десятник, к начальнику! – тянет меня за рукав уборщица Федосеиха.

– Сейчас распишусь, погоди!

В кабинете начальника техническое совещание. Сидят Жуков, Лобачев, Матвеев, Асанов и маркшейдер треста Кулигин.

Приоткрыв дверь кабинета, я прошу разрешения войти. Лобачев молча кивает головой, показывает мне рукой на стул и продолжает говорить:

– На чем я остановился? Да, на железнодорожных вагонах. Вагоны нам дадут, будем грузить в Усолье и в Иркутск. Погрузку угля продумайте, завтра Горсовет пришлет нам женщин мобилизованных, домохозяек. Пять женщин уже работают. Так, Павел Корнеевич?

Жуков кивает головой.

– Да, Павел Корнеевич, как дела с подготовкой лавы?

– Плотники делают короба? – спрашивает Лобачев.
– Успеем короба, плотники бремсберг обшивают, – отвечает Жуков, – путь в лаву тянуть некому.

Лобачев на минуту задумывается и неожиданно обращается к Асанову.

– Исах, чуешь? Ты – ремонтник, придется тебя на пару дней снять с забоя.

Асанов хочет что-то сказать, но в эту минуту маркшейдер треста, поднявшись и комкая в руках шапку, виновато и нараспев говорит:

– Василий Абрамович, я сегодня с утра не ел, разрешите сходить в столовую.

Вытянув тонкую, цыплячью шею, Кулигин так смешно смотрит на Лобачева, что все невольно улыбаются:

– Вот, чудило, что же молчишь, иди-иди, Гавриил Николаевич, покушай!

Кулигин снимает с ног резиновые сапоги, обувается в большие неуклюжие веленки и, поклонившись, уходит из кабинета.

Лобачев в хорошем расположении духа, черные красивые глаза горят задорным блеском, он шутит, приятно улыбается и рассказывает анекдот о маркшейдере треста.

– Хороший маркшейдер, да тронутый, в тресте над ними смеются!

Вдруг лицо Лобачева становится серьезным. Он смотрит на меня и говорит:

– Слушай, что это у тебя Зудов и Карнаухов лодырничают, вчера на девяносто пять процентов вытянули, в чем дело? Предупреди, не то я им второй фронт открою!

– Забой плохой у них, Василий Абрамович, перелом, да к тому же Зудов заболел!

Лобачев молча прохаживается по кабинету и о чем-то думает.

Жуков сосредоточенно смотрит на развернутый план горных работ, он чувствует, что я лгу, забой у Зудова и Карнаухова не хуже, чем у других забойщиков.

Матвеев, воспользовавшись минутной заминкой, говорит:

– Василий Абрамович, разрешите в шахту идти на обход, забойщики ушли.

– Да, да. Идите. – Начальник кивает головой.

По пути в шахту рассказываю Матвееву о забойщиках.

Ослаб Зудов, чувствую, что ослаб. Карнаухову с ним тяжело работать, а что делать!

Зудов сам седьмой, семья большая, голод, с виду вон какой верзила против Карнаухова, а на деле хуже нет, да разве об этом можно сказать Лобачеву.

– Есть у меня такие, – на ходу говорит Матвеев. Он так быстро шагает по штреку, что я едва успеваю за ним. Каракулевая шапочка на голове Матвеева лихо заломлена назад, в низких штреках он ловко ныряет под крепление и, появляясь в забое, весело здоровается с забойщиками. Обход забоев закончен, сейчас Вася уйдет отдыхать, а мне предстоит длинная ночь напряженной беготни по забоям, подъем забурившихся вагонеток, и тревога за людей, как бы чего не случилось.

– Слушай, Вася, долго такой график будет?

Матвеев исчезает в темноте штрека, а я, оставшись один, торопливо шагаю по направлению к бремсбергу.

Что же делать с Зудовым? Вот уже неделю я помогаю Зудову в работе, грузу уголь, креплю забой, вчера не помог – и сразу же срыв в работе, от начальника замечание получил.

Большой, грузный Зудов! Много ему хлеба надо, семья – мал мала меньше. Живет Зудов недалеко от шахты. Когда мы работаем днем, ребяташки прибегают в шахтерскую столовую, выстроившись с котелками в руках у дверей, они ждут отца. Баланда в столовой как всегда, жидкая, невкусная, иногда бывает суп с клецками. Из одной порции Зудов делает десять, разливает ее по котелкам и отправляет свою ораву домой. Жалко Зудова, но сколько времени можно жалеть человека, помогая ему в работе? Я оставляю шахту на несколько часов без надзора и ставлю себя под удар. Лобачев не любит панибратства. Однажды, увидев меня в забое забивающим стойку, он сделал мне замечание:

– Твое дело руководить сменой, – строго сказал он, – ты меньше сам работай, а больше руководи.

Я ничего не ответил, а про себя подумал: у каждого свой стиль руководства, буду все равно помогать рабочим, мне нельзя нос задирать, мастер я липовый. Завтра снимет меня Лобачев с должности горного мастера, и пойду я опять «ишачить» в забой, нет уж, буду по-своему работать, помогать буду!

Воронка под верхним пластом еще не оборудована, уголь забойщики спускают сверху вниз вручную по листу железа. Под воронкой стоит вагонетка, к крючку вагонетки прицеплена кобыла Чалуха. На завалке сидят коногон Иванов, забойщик Сухих и бирочница Зина. У Зины в руках металлическое кольцо, на кольце висят «бирки». По биркам учитывается уголь, выходящий на-гора, за каждую вагонетку угля забойщик получает бирку. Обнимая хохочущую Зину, Сухих незаметно протягивает руку к биркам и старается снять с кольца бирку. Увидев меня, он поднимается и уходит прочь – не удалось.

– Зина, идите сюда! – Зина спешит мне навстречу.

– Зина, вы зубы скалите, а Сухих у вас бирки ворует!

Улыбка исчезает с лица Зины, она смотрит на меня виновато и начинает считать бирки.

– Ну, гад, погоди, получишь ты у меня!

– Помните, Зина, бирки – это деньги. И почему вы здесь, в шахте, ваше место у подъема угля?

– Я погреться пришла, ноги замерзли.

– Эй, берегись! – щелкнув бичом, от воронки с шумом и свистом промчался коногон, из-под ног лошади полетела грязь. Мы с Зиной едва успели спрятаться за стойки. Зина пошла к подъему, а я по лесенке у воронки вскарабкался на верхний горизонт шахты. Мешкать некогда, нужно посмотреть, что сделано на бремсберге, приступил ли Агапов к прокладке пути в новую лаву, а затем пойду к Зудову, как-то нужно заставить беднягу выполнять норму, иначе прощай семья. Лобачев откроет Зудову второй фронт, как выразился он в кабинете. На верхнем

пласту угля кроме подготавливаемой лавы есть нарезные забои. В первом работает забойщик Василий Сухих на пару с сыном, между прочим, сын, отпетый хулиган, недавно украл у милиционера наган, спрятал наган в огороде, теперь отца частенько вызывают в милицию. Во втором забое трудится старейший забойщик шахты Гавриил Токарев и его напарник – молчаливый, скромный Зязин. Токарев – балагур, шутник, живет на заимке у опушки соснового леса недалеко от совхоза «Красный забойщик». Несмотря на то, что ходить на работу ему приходится далеко, он на шахту приходит первым, прихрамывая, с лопатой на плече. Зязин и Токарев – опытные шахтеры, за них я не беспокоюсь и иду дальше. По свежим доскам бремсберга, пахнущим сосновой смолой, я опускаюсь на нижний горизонт шахты и направляюсь в левое крыло к Зудову и Карнаухову. Забойщики грузят уголь. На стенах забоя пляшут две тени. Карнаухов маленький, щупленький, только голову видно из-за короба вагонетки, а Зудов здоровенный, неповоротливый. Карнаухов грузит уголь быстро, напористо, Зудов медленно, тяжело, лицо покрыто потом, шапка отброшена в сторону.

– Здравствуйте! Здравствуйте еще раз!

Карнаухов на секунду подняв голову над вагонеткой, сверкнув улыбкой, продолжает работать, а Зудов смотрит на меня жалким взглядом, просящим помощи. Вырвав из рук Зудова лопату, я вскрикиваю:

– Отдохни, Зудов! – в голосе моем слышны нотки раздражения, но Зудов не замечает этого, он покорно отходит от вагонетки, садится на груды угля и рукавом рубахи стирает с лица пот.

Нагруженную вагонетку выкатывают Зудов и Карнаухов, а я, оставшись один в забое, беру в руки кайло и сильными ударами вырубая в угле под кровлей забоя «проуху» для огнива. Закончив с проухой, начинаю копать «прямок» под стойку. Прямок готов, можно передохнуть. Медленно ползут минуты, по углам забоя притаилась тишина. Забой красив, как сказочный грот, мельчайшие прослойки слюды на стенах переливаются разноцветными огоньками. Вот где-то в штреке с шумом упала порода, и снова тишина. Вот едва уловимый стук: забойщики катят порожнюю вагонетку, на стыках рельс вагонетка гремит, у поворота в штрек забойщики натужно кряхтят и, наконец, вкатывают вагонетку в забой. Ух, тяжело!

Карнаухов увидел проуху в угле, радостно благодарит меня.

– Вот, десятник, молодец, уже проуху сделал, быстро!

Морозная февральская ночь. Город, погруженный в темноту, спит тревожным чутким сном. В последнее время Горсовет усилил работу групп ПВХО, на ночные тревоги люди собираются в противогазах, быстро занимая посты на объектах. Группы самозащиты организованы на всех шахтах бассейна, начальник групп района, председатель горисполкома К. Черников, я – звеновой командир группы. Дома у меня, кроме противогаза, много литературы по ПВХО. Изучение гранат, пулемета, зажигательных бомб у нас на шахте проводится регулярно.

Широкий сбор средств на танки в Черемхово развернулся по инициативе комсомольцев Машиностроительного завода г. Иркутска. Сейчас каждая организа-

ция города, собирая средства, старается будущей танковой колонне дать свое название. Педагоги и школьники собирают на колонну «Учитель», пожарники, горноспасатели и работники МВД – на колонну «Чекист», шахтеры на колонну «Черемховский шахтер». Улыбаясь, я вспоминаю собрание шахтеров и дружную подписку на танковую колонну. Вот я на штабеле угля. От угля поднимается пар, вдали красное зарево, это горит порода терриконника шахты 5-Бис. Тишину ночи нарушает грохот падающего из вагонеток угля, уголь с шумом катится под откос. Будка лебедчицы покрыта куржаком, в ней холодно, печь на штабеле поставить не разрешается. Маруся-лебедчица замерзла. Подняв пару вагонеток, она подходит к доске учета и передвигает палочку. Волосы и ресницы заиндевели, тулуп в снегу. Вскидывая руки к доске, она напоминает собой Деда Мороза – не хватает только елочки на плече.

– Замерзла, Маруся?

Лебедчица еле слышно шевелит губами и показывает рукой на горло: – Простудилась, горло перехватило!

Я наклоняюсь к ней и кричу:

– Потерпи, скоро будем днем работать!

Лебедчица кивает головой. Мои ноги в резиновых чунях мерзнут невыносимо, натирая рукой нос, сбегая с горы в контору.

В нарядной топится печь, уборщица Федосеиха лежит на скамье возле открытой плиты. При моем появлении она вскакивает на ноги.

– Задремала! Сколько времени? – виновато говорит она.

– А у меня нет часов! – отвечаю я.

– В бухгалтерии часы, посмотрите!

Я открываю дверь в бухгалтерию и включаю свет, на часах четвертый час утра.

В нарядной тепло, уютно, с каким бы удовольствием растянулся на скамеечке рядом с Федосеихой. Сонным голосом Федосеиха ворчит:

– Надоели черти, до часу ночи бегали, и когда это Пэ-Хэ-О кончится...

– Бегали, говоришь! – восклицаю я, – тревога была?

– А то как же, пустила бы я их в контору опять пол марасть!

Сбросив с ног чуни, я растягиваю по кромке плиты мокрые портянки и, усевшись на скамью возле печки, начинаю протирать стекло шахтерской лампочки. Как приятно сидеть у печки, тепло согревает ноги, мысли путаются, сонливость властно валит на скамью. Нет! Нет!

Тряхнув головой, быстро обуваюсь и иду на шахту, остаток ночи провожу в забое у Зудова.

Суточное задание самой отстающей парой забойщиков выполнено на сто процентов, в семь утра придет Вася Матвеев, я пойду домой и забуду шахту до вечера. Забуду ли? Нет, едва я погружусь в тревожный сон, меня начнет преследовать шахтовая обстановка, в голову ползут штреки, обвалы и уголь, уголь без конца. Во сне я буду вздрагивать и часто просыпаться. Это я знаю и к этому привык.

В восемь часов утра, после обхода шахты, я направляюсь в бухгалтерию и прошу у бухгалтера бланк наряда.

– Экономьте бланки, говорит женщина-бухгалтер. Откинувшись на спинку стула и затянувшись табачным дымом, она предлагает мне закурить.

– Спасибо, не курю!

В помещение конторы то и дело входят жители города выписать уголь. В конторе тесно, душно и грязно.

Примостившись на край стола, я заполняю бланк наряда. Над ухом звенит телефон. Подняв трубку телефона, нормировщица шахты произносит мою фамилию.

– Это к вам, – глядя на меня, говорит она, – из редакции.

– Кто звонит? – поднявшись, я снимаю трубку телефона и слышу знакомый голос Николая Широкова.

– Сергей, зайди на пару минут в редакцию!

– Коля, я устал, сейчас сменился с дежурства!

– На минуту, я не задержу тебя.

– Хорошо, зайду.

Составив наряд на работу, я направляюсь в редакцию. По углам большой редакционной комнаты сидят газетчики, направо в углу, где было место Волошина, сидит незнакомый молодой человек.

– Где Широков?

Молодой человек молча показывает на дверь кабинета редактора.

В ожидании Широкова листаю сшивку газеты «Восточно-Сибирская правда». На страницах пестрят военные фотоснимки, заметки о разгроме фашистских войск под Москвой и стихи Анатолия Ольхона. Сатирические стихи иркутского поэта появились с первых дней войны. Новогодняя страница посвящена Новому году в Германии. Новый год в виде амура летит в Берлин. Гебельс с лицом обезьяны качается в клетке как попугай и кричит: «Мы еще раз победили!» Амур летит в Румынию. «Антонеску чистит сапоги Гитлеру». На одной из страниц изображен Гитлер и генерал Браухич. Гитлер снимает мундир с Браухича. Это карикатура на отставку Браухича. Дальше «нацистская баллада» о приглашении немцами шведских журналистов в Москву.

Читая стихи А. Ольхона, примечаю, что они не совсем гладки, но зато злободневны, остроумны и, главное, нужные. Веселый, неунывающий голос сатирика в дни войны необходим. Ольхон этими стихами завоевал популярность в народе.

Дверь кабинета редактора открылась. Опираясь на костыли, из кабинета вышел Николай. Одной ноги у моего друга нет: потерял в детстве.

Николай улыбается и предлагает сесть.

– Извини, задержал редактор! Дело вот в чем, мне поручено дать отзыв о работе Иркутского театра, нужны статьи шахтеров, служащих, инженеров. Напиши статью о театре.

– Что ты, Коля, я ни разу нынче в театре не был, да и разбираюсь в сценическом искусстве, как свинья в апельсинах!

Широков на минуту задумывается и затем говорит:

– Я напишу статью от твоего имени, не возражаешь?

– Коли уж так нужно, пиши!

Через пару дней, развернув газету, я под одной из статей о театре увидел свою фамилию.

Театр оставил лучшие впечатления

На постановках Иркутского областного драматического театра я был четыре раза, видел «Фландрию», «Марию Стюарт», «Кремлевские куранты», «Маскарад». Не берусь судить о работе артистов, как знаток сценического искусства, хочу лишь высказаться о впечатлениях, полученных от игры артистов. Первая постановка, виденная мной, «Фландрия» оставила сильное впечатление. С первого акта было видно, что театр находится в руках опытного и знающего дело руководителя. Работа над декорацией (насколько позволяет небольшая сцена), над постановкой говорит о желании донести до зрителя эпоху, показать правдивость обстановки. О «Фландрии» мне приходилось раньше читать, не смотря на это, уходя из театра, я вынес цельное впечатление о мужественной борьбе Фландрии, о замечательных людях, предпочитающих смерть, чем неволю. Запомнился образ звонаря (артист Прокофьев), простого человека из народа, пожертвовавшего собой ради спасения Родины. Одной из лучших постановок театра стали «Кремлевские куранты». Образ Ленина в исполнении артиста Ситко радуется своей простотой, доходчивостью, искренностью. Товарищ Ситко покоряет своей игрой, смотришь и невольно думаешь: «Да, вот таким был Ильич!»

В «Маскараде» понравилась искренняя игра Боровкова в роли Арбенина. Образ, созданный гением Лермонтова, артист донес до зрителя. Драматический театр в Черемхово провел большую культурную работу, о которой с большим теплом отзывались шахтеры.

Подпись: горный мастер шахты Горсовета (моя фамилия).

Ниже статьи сообщалось, что артисты Иркутского драматического театра вносят четыре тысячи рублей на постройку эскадрильи «Советский артист», а еще ниже был напечатан приказ начальника местной противовоздушной обороны о проведении тренировочного учения...

Прочитав статью, я невольно усмехнулся; знатоком сценического искусства сделал меня Николай, теперь поневоле нужно посмотреть постановки. Впоследствии я посмотрел «Маскарад», «Кремлевские куранты», а «Фландрию» и «Марию Стюарт» так и не видел. Газетный отзыв о работе театра под моей подписью я объяснил просто: война, спешка, газетчики не успевают освещать жизнь города, участвуя в выпуске стенгазеты, я сам частенько оказываюсь в положении Н. Широкова, уговариваю рабочих написать заметку в газету. В чем дело? Авторитет газеты упал или охладели рабочие к участию в газете? Видимо, произошло то и другое, нечего греха таить – нет у рабочих той тяги к газете, которая была в двадцатых годах, при жизни В. Ленина.

Пролетел февраль, март, и новая весна вошла в свои права, четвертая весна моей жизни в Черемхово. Опять, как четыре года назад, по улицам побежали

мутные потоки, в лужицах заблестели лучи солнца, весело зачирикали воробьи на крышах, а за кладбищем у барака Горсовета заалели кустики багульника. Шагая на работу, я жадно глотаю весенний воздух и отыскиваю на косогоре новые приметы весны. А если б вместо шахты можно было пойти в лес, под кроны сосен, в Саянскую тайгу? Сердце тянулось на лоно природы, но окидывая глазами горизонт, я шагал в черный провал шахты.

Весенние фронтовые сообщения радовали шахтеров, враг отступил от Москвы, но война продолжается, фашисты сосредотачивают свои силы на дальних подступах к Москве, стараясь зажать столицу в клещи, а тут еще япошки на границе учиняют провокации. Первого мая японцы торпедировали советский пароход «Ангарстрой». Почему американцы тянут дело с открытием второго фронта? – волновались шахтеры, – самое бы время сейчас открыть второй фронт.

В марте месяце в шахтерской газете сообщалось о том, что канадский Красный Крест в целях оказания медицинской помощи Советскому Союзу собрал 775 тысяч долларов, и еще обещал собрать 500 тысяч долларов.

– Дай Бог! – в один голос воскликнули старики-шахтеры, Овчариков и Токарев. Измученные двенадцатичасовой работой, шахтеры настойчиво просили изменить график.

– Время-то какое, землю надо в огородах копать. Бабы с ума сходят, по 12 часов в шахте ишачим.

– Мы за восемь часов не меньше сделаем!

Наконец начальство вняло просьбам шахтеров и вновь ввело восьмичасовой рабочий день. На шахту прибыло большое подкрепление. Горсовет мобилизовал женщин-домохозяек, их поставили на откатку угля, на чистку путей в шахте и на другие вспомогательные работы.

– Теперь гляди в оба, как бы что не случилось с новичками, – беспокоился я, показывая женщинам, как нужно поднимать забурившуюся вагонетку. Впрочем, опасения были мои напрасны, женщины быстро освоились, и некоторые продолжали работать сверх срока мобилизации, а мобилизованы они были на два, на три месяца. Работа шла в три смены, после перетасовки рабочей силы Зудов не попал в мою смену и вскоре был направлен в военкомат, исчез с шахты и Вася Матвеев. Куда подался горный мастер, не помню.

На место Матвеева горным мастером был назначен Михаил Игнатьевич Белобородов, один из первых забойщиков шахты. Сильный, широкоплечий шахтер Белобородов хорошо знал горное дело. Диплом горного мастера Белобородов не имел, так же как я, мы оба были мастера-практики.

Заметив в шахтере недюжинную энергию, начальник шахты не ошибся, назначив Белобородова руководителем смены. Белобородов воодушевлял забойщиков своей энергией, и любо было смотреть, как, сбросив телогрейку, Белобородов брал в руки кайло и показывал образцы работы. Авторитет Белобородова среди рабочих был велик.

– Это наш парень! Шахтер! Свой!

Маленькая шахта Горсовета творила чудеса: не имея достаточно взрывчатки, леса и других материалов, шахта значительно перевыполняла план.

Грязная окраина, повсюду развалившиеся лачуги с позеленевшими крышами, в лачугах ребятишки да старики, и среди этой вековой сибирской глухомани – наша шахтенка. По улицам бродят свиньи, телята. Глядя на окраину, я думал о том, как много еще дикости и суеверия в этих лачугах. Недавно в старой штольне, которую мы закладывали три года назад, было обнаружено логово местных воров, в штольне воры прятали награбленные вещи и делили добычу. Однажды около шахты я заметил странного вида старика, невысокого роста, с палкой в руке, с длинными волосами, спутанными как пакля. Старик стоял у болотистого русла Черемшанки и смотрел на шахту, за спиной старика висела котомка, к поясу был привязан закопченный котелок. Увидев меня, старик пошагал прочь. Не прошло и двух дней, как шахтеры принесли на шахту карикатуру и пачку записок, найденных вблизи шахты. Карикатура изображала Гитлера и Сталина. Гитлер, растянув меха, играл на гармонике, а Сталин – босой, в рваных штанах – отплясывал трепака. Записка гласила: «Во имя отца и сына и святого духа, человек, нашедший эту молитву, прочитай и перепиши молитву девять раз и передай друзьям своим и за это ты получишь от господа Бога что хочешь! Господь!

– Старик – сектант! – мелькнула мысль в моей голове.

Дело было утром перед спуском в шахту.

– Товарищи! – крикнул я. – Будьте бдительны, около шахты появился шпион.

Решив задержать старика, я стал наблюдать за прохожими, но странного вида старик с колтунами в волосах больше не показывался.

Лето красное пролетало в напряженном труде, и видел я только тучи пыли над городом, изможденные лица шахтеров, черный провал штольни, да чахлый кустарник над штольней. Незавидна была жизнь шахтера во время войны, но без шахты жить шахтеру было бы еще хуже. В работе люди забывали свою личную жизнь, неприятности, недоедание и т. д. Иногда, расстроенный ссорой с Симой, я шел на шахту в самом скверном состоянии духа, но проходил час, другой, и настроение изменялось. Стараясь устранять на ходу недостатки, ломая голову над увеличением угледобычи, я забывал все на свете и только выходя на-гора, вновь попадал в мир реальной действительности. Дело шло у меня неплохо, план угледобычи моя смена выполняла ежемесячно, несчастных случаев не было, случай с коногоном Рачинским уже забылся, и вот на десятом месяце работы горным мастером произошел случай, который я не забуду до конца жизни.

Был жаркий июльский день. Люди и животные стремились укрыться в тени. Под обрывом у самой штольни, в тени, лежали козы, из штольни шел приятный холодок, окна и двери конторы были раскрыты, конторские работники собирались домой, рабочий день подходил к концу. Моя смена тоже кончала работу, лебедчица поднимала на-гора последние вагонетки. Стараясь сдать смену в порядке, я, как обычно, направился в шахту проверить крепление в забоях.

Забой нижнего горизонта были в порядке, я поднялся на верхний горизонт и направился в забой Пажинцева и Козловского. Молодые, расторопные ребята работали хорошо, а сегодня что-то замешкались.

Чистая кровля забоя сверкала, как зеркало, и на площади двенадцати метров не было ни одной трещины, приготовленное огниво лежало у борта забоя.

– Ребята, огниво нужно подвесить! – строго сказал я.

– Сейчас, сейчас! – в один голос воскликнули забойщики. – Вот оно, видишь лежит, сейчас догрузим уголь и начнем крепить!

– Смотрите, кровля обманчива, не успеешь оглянуться! – крикнул я, направляясь в следующий забой.

Поднявшись на-гора, я сел писать наряд на работу, в конторе никого не было, уборщица подметала пол, окна занавесок шевелил ветерок. Вдруг в контору вбежал запыхавшийся рабочий-откатчик.

– Десятник! Обвал в шахте! Пажинцева задавило!

О, с какой силой бьют по сердцу такие слова. Обомлев от испуга, я растерялся, затем в два прыжка выскочил из конторы и бросился в шахту, забыв свою лампу. Бежал я стремглав, наклонив голову, рискуя убиться, если бы на пути стояла вагонетка. К счастью, таковой не оказалось. Сердце мое онемело от ужаса.

– О, Боже мой! – стонал я, мне мерещился мертвый Пажинцев.

О, Боже мой, и света нет! Уходя из шахты, забойщики повыкрутили лампочки, – каждая смена сама себя обеспечивает светом, электроламп не хватает, так было с начала войны. Блеснул свет, это светила лампочка под воронкой, она изолирована металлической сеткой. Теперь близко, сейчас поворот и забой Пажинцева. О, проклятье! Забой в темноте, обвалом сорвало электрошнур и завалило лампочку. В темноте кто-то шевелился.

– Кто это? – воскликнул я.

– Десятник, ты? Я – монтер, лампу переносную принес, шнур не могу найти.

– Скорее, скорее. Пажинцев! Пажинцев, – закричал я в темноту.

– Десятник! Мы здесь! – задыхаясь, я вскарабкался по грудам породы вверх.

– Свет скорее! – воскликнул Жуков, неожиданно появившийся позади меня.

Вспыхнул свет. Забойщик Козловский, бледный как полотно, стоял у борта забоя совершенно невредимый, в момент обрушения кровли он успел отпрыгнуть в сторону.

– Там, там копайте, Ивана завалило!

Глухой стон Пажинцева показывал место завала. Но там, где лежал шахтер, с кровли нависла большая глыба, грозящая ежеминутно рухнуть.

С лихорадочной поспешностью, отбрасывая крупные куски породы и отгребая мелочь, я и Жуков быстро докопались до головы Пажинцева. Волосы! Пажинцев зашевелился.

– Иван, Пажинцев! – закричал я. – Ты цел?

– Ноги, – простонал забойщик.

Освобождая забойщика из-под обвала, мы косились на ощерившуюся кровлю. Глыба, нависшая над нашими головами, согнула конец «подрамка», вот-вот подрамочек не выдержит и лопнет.

Наконец Пажинцева откопали, отнесли в штрек и с облегчением вздохнули. Козловский сам перелез через обвал и вышел в штрек. К великой нашей радости, Пажинцев недолго пролежал в штреке. Медленно поднявшись, он сделал несколько шагов, держась за стойки, ноги были целы.

– Почему вовремя не закрепили забой? – закричал я на Козловского.

Козловский виновато поморгал глазами, ни слова не сказал и полез с лампой собирать инструмент в полузаваленном забое.

Шагая по штреку, я вспомнил аналогичный несчастный случай на шахте 5-Бис. Десятник приказал забойщикам закрепить забой, а сам ушел. Обрушением кровли насмерть задавило одного из забойщиков. Десятник попал под суд. На суде было установлено, что десятник давал распоряжение закрепить забой, но рабочие не выполнили распоряжение. Обсудив обстоятельства дела, судьи решили: «Мало дать распоряжение, нужно проверить выполнение распоряжения». Приговором суда десятник был осужден на три года исправительно-трудовых работ.

Размышляя о случившемся, я давал себе слово быть очень строгим горным мастером, но в глубине души сознавал, что ни один самый умный, осторожный и дальновидный горный мастер не в состоянии застраховать рабочих от несчастного случая, а также и самого себя. Невозможно предвидеть, где и с кем произойдет несчастный случай.

Утром 22 января 1943 года, открыв дверь конторы, я прежде всего увидел на стене лист бумаги и читающих приказ шахтеров.

– Что такое? – спросил я.

– Постановление Иркутского Облисполкома, новая шахта открывается, – ответил кто-то.

– И выдумали, где открывать шахту, у черта на куличках, на Храмцовке, кто туда поедет?

Ниже постановления Облисполкома был приклеен приказ Лобачева, назначенного начальником строительства Иркутской шахты. В приказе были указаны фамилии забойщиков, зачисленных в штат новой шахты, и фамилия горного мастера – моя фамилия. Прочитав приказ, я удивился. Здорово, а я-то думал: Лобачев постарается от меня отделаться, ошибся я, на новостройку меня берет, ну-ну! А кто такой Шахматов? Откуда он? – терялся я в догадках. – Назначается главным инженером новостройки. Шахтеры, зачисленные в штат новой шахты, не очень радовались приказу.

– Храмцовский разрез! Голое место! Загнемся там, братцы! – заныл один из шахтеров, – двенадцать километров от города!

– Не двенадцать, а девять! – оборвал паникера другой шахтер, – в Макарьево ежедневно поезд ходит, будем на поезде ездить.

Глядя в окно на знакомый косогор шахты Горсовета, я приуныл:

– Прощай, шахта Горсовета, сколько сил я отдал тебе, сколько лесу спустил в твои штреки, и вот настало время покидать тебя! Кто такой Шахматов, откуда он?

Так в суровые годы войны начинала свое существование Иркутская шахта. Пока бригада шахтеров, ежась от ветра, очищала борт разреза, начальство новой шахты приступило к ремонту заброшенных землянок. В одной из землянок Лобачев предполагал оборудовать контору и столовую, в другой общежитие и Красный уголок, в третьей – кладовую. Землянки были длинные, глубоко сидящие в земле, с небольшими окнами под самой крышей.

Лобачев показывался на разрезе редко, подъезжая к разрезу в щегольских санках, он оставлял санки с кучером наверху, а сам спускался в разрез.

Встречал я начальника почти одной и той же фразой:

– Лесу нет, Василий Абрамович, крепить нечем!

Шахматов стремился поскорее наладить работу на шахте в три смены, но для этого нужны были люди, а где их взять. По мобилизации Горсовета с Храмцовского поселка пришли четыре женщины – и все, шестнадцать человек рабочих, я семнадцатый.

Однажды Шахматов в сопровождении экспедитора Храмцовского разреза Васи Желтобрюхова привел на шахту тридцать человек узбеков.

– Привет! Давай лапу! – проговорил Желтобрюхов, лукаво улыбаясь. – Рабочую силу принимай!

– Работали узбеки на шахте? – спросил я.

– Не работали – так будут. Ты научи их!

Узбеки ютились в землянках на Храмцовке уже не первый год, часть из них была завербована Храмцовским разрезом, а часть была выселена в Сибирь из Узбекистана. В длинных халатах, подпоясанные кушаками, с повязками на головах, узбеки бродили группами по поселку, торговали на базаре лепешками, табаком и кусочками хлеба. В землянках они день и ночь толкли зерна пшеницы, гороха и еще что-то.

Попытка создать шахтерскую узбекскую бригаду не увенчалась успехом. Когда я объяснял узбекам, что большие куски породы нужно разбивать кувалдами, узбеки смотрели друг на друга, непонимающе качали головами и говорили о «толмаче». Некоторые упрямо не брались за тачку и носили куски породы на животе, завернув мерзлую глыбу в полы халата. Были и такие, которые совсем не отходили от костра.

– Нужно работать, работать нужно! – наступал я на них, показывая на глыбы породы. Спокойно глядя на меня и поджаривая на костре куски хлеба, узбеки поколачивали себя руками по животу и говорили:

– Курсак пропал! Курсак пропал!

– Басмачи! – негодовал я, не зная, что предпринять.

– Напрасная трата времени и средств, – заявил я Шахматову, – считаю, что нужно отказаться от узбеков, сами видите, какие это шахтеры.

Шахматов согласился, скрепя сердце, неудачи и неполадки выводили его из терпения, он злился, ругал и придирался ко мне по пустякам. Иногда, задетый за живое придираками, я огрызался. Успокоившись, мы снова вместе решали вопросы производства. Приближалась весна. Нам нужно было сделать уклонку и подвести штольню к участку вскрытых работ. В пять часов вечера, закончив трудовой день, я шел с рабочими на разъезд. Здесь, приплясывая от холода, мы ждали поезда, а поезд иногда приходил в восемь, девять часов вечера.

Городские новости узнавал я по утрам на вокзале от рабочих. Новости были веселые и грустные, радостные и страшные.

Однажды к нашей эстакаде подошел человек невысокого роста в ватной телогрейке. Это было в феврале месяце, снег, спрессованный ветрами, затвердел. Незнакомец ногой стал пробивать снег, что-то нащупывая.

– Кто-то из начальства разреза! – сообразил я и, приблизившись к человеку, спросил:

– Вы что ищите?

– Здесь рельсы должны быть, осенью оставлены, – ответил незнакомец.

– Рельсы? – смутился я, – были... Я взял несколько рельс. А вы кто такой?

– Я – Пахомов, с разреза!

Пахомов! Начальник разреза. Так вот он какой Пахомов, невзрачный, серенький.

В эту минуту я вспомнил все слышанное о Пахомове: прекрасный организатор, энергичный человек, коммунист, а в прошлом, говорят, отпетый тип был, сорви-головушка.

Наша шахта – лиллипут, как называл ее Шахматов, приносила Пахомову немало неприятностей, не имея строительных материалов. Я с благословения Лобачева подбирал на разрезе доски, столбы и зарился на топографическую вышку, в которой было не менее вагона лесу.

Наша шахта должна была существовать на правах шахт местной топливной промышленности, как можно меньше средств брать у государства и как можно больше давать угля.

Незаметно пролетел февраль, март, подошел апрель. Весна! Ласковые лучи солнца, растопив снег на увалах, стали так сильно пригревать, что в полдень рабочие, сбрасывая с себя комбинезоны, работали в рубашках. Лица рабочих покрывались загаром, а окрестные увалы молодой травкой. Вблизи заимки Гришево, несмотря на военное время, подготавливался гигантский взрыв, который должен был дать начало Ново-Гришевскому разрезу. В конце Храмцовского разреза, недалеко от нашего участка, на стенах стройки днем и ночью сверкали огни электросварки.

На эту новостройку в полдень я ходил обедать, там была столовая. Кассирша столовой вырезала из «жировой» карточки купон и выписывала на клочке бумажки обед: щи с капустой. Наскоро пообедав, догоняя бригаду, на ходу любуюсь новостройкой, я спешил в свою штольню, – и так день за днем.

Считаясь в бассейне одним из лучших руководителей шахт, Пахомов славился патриотизмом. В январе месяце он совместно с женой пожертвовал на танковую колонну двенадцать тысяч рублей. Ого-го, четырехмесячную свою зарплату, вот каков Пахомов. Конечно, зачинитель сбора средств на танки был не шахтер, а Саратовский колхозник Ферапонт Головатый, но на Черемховских шахтах призыв колхозника первыми поддержали такие люди, как Пахомов, художник Требуховский, пенсионер Сарапов.

Пролетели первомайские праздники. Ожидая из Иркутска военную бригаду, которая должна была приехать в мае, я и Шахматов изнывали. – Время-то какое уходит! – вздыхали мы, – самый сезон грунтовых работ, а вояки не едут!

Подгоняя рабочих я, то уговаривал отстающих работать быстрее, то раздраженно бранился и, хватая лопату, грузил уголь до изнеможения.

Новые десятники за дело взялись, как говорится, засучив рукава. Котлован стал принимать форму маленького разреза, к нему со стороны линии железной дороги проходчики пробили штольню, уголь через эту штольню теперь транспортировался прямо в бункер, ручная погрузка угля сама собою отпала. Тачки на вскрышной работе постепенно заменялись вагонетками «Коппель». Эти старинные вагонетки с широкими коробами где-то приобретал Лобачев, он почти не появлялся на разрезе, зато Шахматова можно было видеть с утра до вечера. Худощавая фигура инженера выростала неожиданно: то на эстакаде, то над бортом разреза. Заметив небольшой навес грунта над головами работающих, он приказывал навес немедленно обрушить ломом. Однажды он попытался выгрести из разреза грунт при помощи железного ковша и электролебедки, но попытка не увенчалась успехом, ковш скользил по плотной поверхности почвы и не врезался в грунт. Нужно было взрыхлять грунт лопатами. Люди и только люди решали выполнение плана угледобычи, причем люди постоянные. Основав разрез, военная часть уехала в Иркутск и на смену ей приехали из Иркутска женщины. Помню, пришли они со станции большой группой, спустились в разрез. Женщины с любопытством смотрели на откосы, на тяжелые неуклюжие вагонетки. В глазах я заметил тревогу. Их было шестьдесят, с разных предприятий Иркутска, некоторые выглядели девочками-подростками.

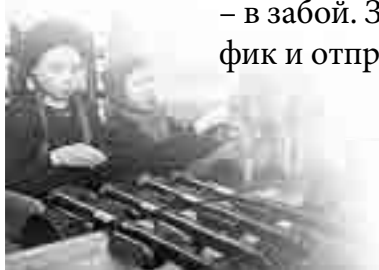
– С какого завода вы? – спросил я, приблизившись к женщинам.

– С трикотажной фабрики! – бойко ответила одна.

– Я с комбикормового завода! – проговорила другая, – а подруга моя с макаронной фабрики.

– Словом, с Волги и с Камы, – улыбнулся я.

Под наблюдением Шахматова женщин разбили по сменам, переписали фамилии и определили на работу по внешнему виду. Щупленьких решили поставить на подкатку порожняка к забоям, на прицепку вагонеток и на разгрузку угля на эстакаде. Фигуристых, плотных в плечах, определили на самую тяжелую работу – в забой. Закончив распределение, Шахматов объявил женщинам сменный график и отправил отдыхать в землянки.

– Хватим с ними горя! – проговорил десятник Измайлов, – временные работники, только обучим, других пришлют!

– Ничего, ответил Шахматов, – наша обязанность такова, не давайте им поблажки, держите в руках, иначе сядут на шею, учтите, план угледобычи должен выполняться безоговорочно.

Последнюю фразу Шахматов произнес подчеркнуто строго, стеклышки очков инженера сверкали устрашающе.

– Эх, как хорошо было с вояками работать, – вздохнул Измайлов, – хуже нет с бабами работать, слез не оберешься.

Измайлов был прав, но не совсем. Среди иркутянок быстро выделились ловкие и способные к работе женщины. В каждой смене появились женщины-передовики, они потянули за собой остальных. В моей смене передовиками стали Лида Генералова и Лида Кирпичникова, у Измайлова – Нина Маркелова, у Колесникова – «крепдешинное платье». Эту работницу прозвали так за страстие к ярким платьям. Стараясь покрасоваться, она сразу же после работы надевала бордовое платье, но любоваться ею было некому, забойщики уезжали в город, а узбеки на бордовое платье не обращали внимания.

Неприглядно выглядел земляной поселок, землянки обрастали до самых труб крапивой и бурьяном, на пустыре кое-где зеленела картофельная ботва, а между землянками и хлебозаводом простиралась городская свалка нечистот. Дорога в город шла через эту свалку, над городом висела завеса дыма, дым шел от труб ЦЭС, от разреза, от паровозов. В центре города тоже было не красно. Болотистая равнина, разделяющая старый и новый город, по-прежнему придавала городу вид деревни. Покрытое тиной, заросшее осокой, болото пестрело табунами домашних уток и гусей. Горсовету во время войны было не до красоты.

1944 год. Третья тяжелая, незабываемая военная зима! Черное дно Иркутского разреза похоже на котлован. Выйдешь на борт котлована, посмотришь: над головой неизменная топографическая вышка, налево, в белесом тумане ухающий взрывами Храмцовский разрез, направо поселок Храмцовка, а вдаль на увале, у соснового леса, приютилась деревушка Гришево. Жить ей осталось недолго. Около деревушки началась прокладка шурфов для большого массового взрыва.

Обучая женщин шахтерскому ремеслу, подбадривая их шуточками и прибаутками, я сам учился стойкости у женщин, отгоняя от себя тоску по семье. Порой на шахту приезжали женщины в неприглядном виде, в деревянных ботинках – «бахилах», в рваных телогрейках, без рукавиц, надеясь, что шахта оденет, а шахта сама кланчила спецодежду в Иркутске.

Жметя иной раз иркутяночка у костра, толкает ноги в костер, лицо посинело, руки не сгибаются и на глазах слезы. Подойдешь к ней, обнимешь играючи, пошutiшь ласково и глядишь, заулыбалась деваха.

В течение зимы некоторые иркутянки приезжали по два раза на шахту, у Измайлова Маркитанова приехала в третий раз, совсем осталась, навсегда. Измайлов влюбился в работницу, сделал ей предложение и женился на ней. Женитьбу

скромно отметили бутылкой самогона. Молодожены поселились в нашей землянке и зажили счастливо.

Молодой, энергичный Измайлов был из рода мужчин не допускающих и не любящих волокитство. Встретив полюбившуюся ему девушку, он остался ей верен до гроба. После войны он стал отцом большого семейства. Сурова была жизнь в дни войны, но жизнь есть жизнь, страстное, неукротимое и прекрасное явление природы.

Шахта Иркутская, несмотря на трудности в работе, план угледобычи выполняла ежемесячно. «Спасибо воякам, – думал я, если бы они не подготовили лезвием целики, ни черта бы мы не сделали». За шесть месяцев прошлого года мы отгрузили восемнадцать тысяч тонн в Иркутск, правда, это капля в общем плане бассейна, но все же... Благодарность и почетные грамоты от Иркутского Облисполкома не зря получены.

Из Иркутска то и дело на шахту приезжали представители от различных организаций. «Угля! Угля! Угля! – просили они. – Вы не можете себе представить, как плохо с углем. Мы вынуждены закрывать школы и дет-ясли, но госпитали, госпитали мы не имеем права закрывать! Давайте, мужики, угля.

Слушая речи иркутских представителей, я отвечал: – Мужички! А вы присылайте мужичков на шахту, а не женщин!

– А где их взять... Все мобилизованы, остались калеки да мастера необходимые!

Приезжающие на шахту женщины жаловались: – Посылают на шахту, а жировые и хлебные карточки не меняют, четыреста грамм хлеба в сутки. Как жить?

По выходным дням женщины разбегались по Храмцовке в поисках картофеля и на другой день рассказывали:

– У вас на Гришево живет кулачье! Последнюю рубашку готовы содрать. Пришли к одному старику в хату, а у него полный угол вещей – и сапоги «джимми», и костюмы, это все он наменял на картошку, заелся, не надо мне, говорит, тряпок, давайте водки. А где ее взять, триста рублей бутылка на базаре!

– Да, – соглашался я, – во время войны на картошке некоторые жители разбогатели, хапугам особенно везет, а я, стыдно сказать, в прошлом году после отъезда семьи, один куль накопал.

– А где у вас жена, – интересовались некоторые женщины.

– Далеко, сто километров от Черемхова.

В мае на сезон вскрышных работ из Иркутска снова приехала военная бригада.

Землянки огласились звуками гармошек и топотом танцующих красноармейцев.

В то же время в некоторых землянках поселились смуглолицые люди, похожие на кавказцев.

– Власовцы! – сказал кто-то, но это были не власовцы, а что-то в этом роде.

Землянки, в которых жили женщины, сделались местом шумных сборищ красноармейцев и жителей Кавказа, в землянках стали происходить драки.

Однажды, в четыре часа дня, собирая свою смену на работу, я вошел в землянку к женщинам как раз в момент столкновения двух сторон. В коридоре землянки толпились красноармейцы и кавказцы.

Окруженный красноармейцами краснолицый здоровый парень, лет тридцати, в пестрой тельняшке испуганно вскрикивал.

– Братцы! Братцы! Вы разберитесь! Я ленинградский матрос, балтиец. Я попал в окружение к немцам. У-у-у-уы... – зарыдал он и рванул тельняшку на груди.

В руках у некоторых круглолицых людей были кайлы, на помощь им в коридоре протискивались товарищи, вот-вот вспыхнет драка.

– Товарищи, что такое, ребята, вы что делаете? – воскликнул я, глядя на красноармейцев.

Мой оклик отрезвил враждующих, соперники разошлись по землянкам. Испуганные женщины одна за другой прошмыгнули из своих комнат на улицу.

Где-то далеко на западе пылало зарево войны, уничтожались посевы, разрушались города, а здесь под сибирским небом вырастали новые заводы, шахты, безмятежно полыхали вечерние закаты, в полях наливалась пшеница. Но в человеческих сердцах не было покоя. Люди ждали, теперь уже скоро. Вот-вот война кончится, армия-победительница шла все дальше и дальше на запад, решив добить фашистского зверя в самом логове, в Берлине.

Лето. Август. За городом на картофельных полях пестреют фигуры людей. Картофельные кусты, драгоценный продукт военного времени, тщательно огребаются и очищаются от сорняков.

Порой прямо из шахты шахтер с тяпкой на плече, усталый, грязный шагает в поля и там с ожесточением вырывает из земли колючий осот.

В свободное время я тоже бегаю к сосновому бору, что стоит у заимки Гришево, там у меня посажено пять соток картофеля. Участок в три гектара выделен нашей шахте Горсоветом. Поднимаясь на косогор, я жадно вдыхаю запах полевых трав, срываю цветочки и вспоминаю прошлый год, как тяжело тогда было жить без картофеля. – Авось семья вернется ко мне, – картошка выручит.

Надежды мои оправдались, впервые за шесть лет жизни в Черемхово я с участка в пять соток накопил двенадцать мешков картофеля. В сентябре я поднял пол в землянке, выкопал подполье и ссыпал картофель в подполье.

– Хорошо, только поздновато, такой бы урожай год назад, когда семья подыхала с голоду, может быть и не уехала бы моя семья тогда от меня!

Осенью на шахте появились молодые якуты. Мобилизованные на фронт, они почему-то оказались на нашей шахте, направил их на Иркутскую шахту военкомат. Их было человек тридцать. Маленькие, юркие, плохо говорящие по-русски, спустившись впервые в разрез, они долго не могли привыкнуть к работе и держались кучкой. Якутов разбили на три группы по сменам, по десять человек в смену, и каждый десятник стал стараться поскорее обучить якутов работе. В ноябре ожидалась обещанная премия. – Ну, Интернационал! – шутил я, – узбеки, русские, якуты. Кого еще нам пришлют?

Фамилии у якутов были русские: Сидоров, Кузьмин, Лягушкин. По-русски лучше всех говорил Лягушкин. Коренастый, среднего роста, он считал себя политически грамотным, произносил книжные слова, часто бегал в контору узнавать о процентах выработки и встречаясь перед сменой с забойщиками, спрашивал:

– Что номомо (что нового)? Как Информбюро? Где части наши?

Не получив ясного ответа, он возмущался, почему это? Так не должно! Агитации нет, почему культурной проработки нет?

Если ему удавалось выпросить в конторе газету, он зачитывал ее до дыр и о прочитанном рассказывал товарищам. Якуты слушали Лягушкина внимательно, считали своим вожаком, все недоразумения, возникающие в бригаде якутов разрешал Лягушкин, но он работал в смене Измайлова. Отработав, он уходил домой и десятник следующей смены оставался без переводчика-активиста, каким был Лягушкин. Днем по эстакаде прогуливался начальник, бывал и главный инженер, а ночью никого не было. Ненастные ночи казались невыносимо длинными, в проводах завывал ветер, лампочки на столбах качались, поминутно угасали, замыкали провода. Разрез, полуосвещенный кострами, казался чужим, незнакомым, а вагонетки на уклоне при каждом стуке заставляли вздрагивать: не дай Бог, вагонетка сорвется и полетит с эстакады в разрез, тогда беды не оберешься. Но вот кончилась ночь, рассеялся сумрак и ночных страхов как не бывало.

В одну из таких ночей сентября я неожиданно разодрался с одним якутом. Дело было во время обеденного перерыва. В этот раз якуты незаметно от меня повадились уходить в картофельное поле за картошкой, картошку пекли в золе костра. Я делал вид, что не замечаю хищения картошки. Ладно, пусть едят, решил я, лишь бы домой не таскали!

Однажды ночью якуты, наскоро закусив картофелем, принялись за работу, а якут Максимов, наиболее ленивый, продолжал сидеть у костра.

Несколько раз я окликнул Максимова, но он не обращал на оклики внимания. Тогда я подошел к костру и ногой выбросил картофель из костра. Максимов вскочил на ноги и ударил меня по лицу. Схватившись драться, я повалил якута, придавил к земле, замахнулся... И опомнился.

Вскочив на ноги, я приказал якуту идти в забой.

– Вот россомаха! – негодовал я стирая с лица кровь, – разбил мне губу!

Увидев кровь на моем лице, Максимов испугался, не оглядываясь он пошагал к уступу угля, где в темноте грузили уголь остальные рабочие. Этот случай драки десятника с рабочим на другой день узнали все рабочие. Лобачев вызвал меня в контору на объяснение.

– Расскажи, как произошла драка?

Я рассказал.

– Да, неприятность! Максимов сволочь, картошку ворует и еще дерется, нужно его проучить!

– Не стоит, Василий Абрамович, – сказал я, – надо Лягушкина попросить поговорить с якутами насчет картошки и драки. Максимов – тайга-матушка, дикарь, самый темный у меня в смене! Начальник подумав, согласился. Мы реши-

ли случай с Максимовым предать забвению. Хорошо или плохо мы сделали, не знаю, но хищение картофеля прекратилось, а Максимов, вероятно, напуганный возможностью суда над ним, стал работать не хуже других якутов.

И вот внезапно, стихийно, я, Зина и Лягушкин задумали отметить день восьмого марта гулянкой. Поводом послужило получение ордеров на вино из Черемховского ОРСа. По ордеру в магазине бутылка водки стоила семьдесят рублей, а на рынке триста рублей, разница большая, решили собрать по двадцать рублей с носа и выпить. Так и сделали. Стол накрыли в якутской землянке, закуска, конечно, была немудрящая – соленые огурцы, селедка, ливерная колбаса и все. Пили из консервных банок и жестяных кружек, пили «Горный дубняк», другого вина в ОРСе не оказалось. Сколько нас всех, – проговорил я, пересчитывая собравшихся, – тридцать мужчин и одна женщина. Конечно, первый тост за женщин! Выпили, закусили, затем еще и еще... «Дубняк» ударил в голову как-то сразу, все заулыбались, заговорили. Неожиданно поймав на себе косой взгляд Максимова, я, глядя прямо в глаза якута провозгласил тост: «За дружбу!» Выпили за дружбу, землянка наполнилась безудержным весельем. Якуты запели свою песню, а я и Зина запели свою «Славное море, священный Байкал!» Затем Зина запела задорную песенку, заглушая якутов:

*Серый камень, серый камень,
Серый камень сто пудов,
До чего же тяжела ты,
Распроклятая любовь.*

Я аккомпанировал ей на гитаре как умел. Гитара была моей единственной вещью, которую я принес из города после отъезда семьи в Ингу. Зина тянула танцевать то меня, то якутов. Якуты упирались, вырывались, и я, единственный партнер, кружился с Зиной до упаду.

Гулянку закончили поздно ночью. Провожая Зину домой, я пел не переставая самые лирические песенки, какие знал и порывался пройти к Зине в землянку. В дверях землянки я обнял ее.

– Я вас как товарища люблю, – вырываясь из моих рук, прошептала Зина, – я любовницей вашей не буду! Я рассержусь на вас!

На другой день мы встретились вновь как друзья, она пришла сама ко мне и напомнила мне о том, что мы хотели сделать подготовку забоев совместно: Вы все забыли?

И март и начало апреля пролетело у меня незаметно, после работы я шел к Зине и гулял с ней вблизи разреза. Мы рассказывали друг другу о своей жизни, обсуждали разные проблемы, и я все сильнее и сильнее увлекался девушкой.

В апреле Зину внезапно вызвали в Черемховский рудком угольщиков. Возвратившись из города, Зина сообщила мне неожиданную новость. Рудком командует ее срочно в Якутию на шахту Кангаласс.

– Почему именно в Якутию и почему именно вас? – уставился я на Зину.

– Сама не знаю почему! – ответила девушка.

– Прощай, Зина, оборвалась моя шахтерская сказка, – с тоской подумал я, скрывая от Зины свое огорчение. – А может это к лучшему! – мелькнула другая мысль.

Перед отъездом Зина пришла проститься со мной: – Я обязательно напишу вам письмо с нового места жительства! – сказала она, пожав мне руку.

Великий, незабываемый день победы над Германией подошел неожиданно. День начался как обычно, забойщики принялись за работу, на эстакаде загудел мотор и в бункер с грохотом посыпался уголь. Вдруг в десять часов утра пришел запыхавшийся, взволнованный Шахматов.

– Бросайте работу. Война кончилась! – воскликнул он.

– Война кончилась? – изумленно глядя на инженера, проговорил я, – но почему кончать работу?

– Кончай, кончай, приказ, будет праздник сегодня.

Не слушая больше инженера, я повернулся и побежал вниз, в разрез, чувствуя как грудь начинает наполняться радостью.

– Бросай, ребята-а работу, война кончилась!

Забойщики, онемев на секунду, посмотрели на меня ошарашенно. Затем, выпустив из рук лопаты и кайлы, окружили меня.

– Кто сказал, что теперь делать будем?

Оправившись от волнения, я объяснил рабочим, что на шахту приходил инженер и дал приказ закончить работу, будет праздник, – пояснил я. Через десять минут рабочих на разрезе уже не было. Радостные, возбужденные они бросились в город, а я и работницы-иркутянки пошагали к землянкам. Над конторской землянкой уже взвился красный флаг.

Контора опустела, работники разошлись по домам. Около конторы возбужденно разговаривали повариха Романовна, кладовщик и Шахматов. Инженер дал распоряжение кладовщику ехать в ОРС за вином. Из города было получено сообщение, что имеющееся на базах вино будет продано шахтам и предприятиям города в честь праздника.

Глядя на Шахматова, я удивлялся: из сурового неприступного он превратился в веселого, закадычного товарища. Он пожимал работницам руки, поздравлял с днем Победы и организовал у себя в кабинете общий сабантуй, конечно в складчину. Стол накрыли быстро. Лидия Осиповна, Сима, жена Измайлова принесли в контору закуски, какие имели в доме. В компанию вошли Бутаков с Романовной, кладовщик, Людмила Сарапулова, словом, кабинет наполнился гостями до отказа. Водка сделала свое дело, звучали песни, затопали ноги танцующих и пляшущих. Шахматов оказался хорошим гитаристом. Из кабинета гулянка перекинулась на лужайку, на которой повели хороводы охмелевшие иркутянки. Кладовщик привез боченок водки – гуляй, не хочу!

Шахматов безудержно играл на гитаре, пел, танцевал и выдумывал все новые и новые игры. Глядя на Шахматова, я думал: война заставила его быть грубым, а в общем, он хороший человек.

Сергей Кобысов

В Иркутских госпиталях

С первых дней войны в Иркутске стала проводиться большая работа по развертыванию госпиталей. С сентября 1941 года всю эту работу возглавил отдел эвакуогоспиталей, руководимый бывшим заведующим Иркутским горздравотделом В.И. Прокушевым.

Для госпиталей были выделены советскими и партийными органами лучшие здания школ, высших учебных заведений и учреждений. Для приспособления их под госпитали потребовалась большая работа: устройство хирургических и пищевых блоков, санитарных пропускников, санитарных узлов и других подсобных помещений. Эти работы, а в дальнейшем и ремонт зданий эвакуогоспиталей, возглавлял начальник отдела капитального строительства облздравотдела В.П. Шергин.

В оснащении госпиталей твердым и мягким инвентарем большую помощь оказали шефствующие организации, которые выделили необходимое количество материальных ценностей.

К концу 1941 года эвакуогоспитали были готовы к приему раненых, поступление которых началось 13 января 1942 года.

Государственным Комитетом Оборона перед госпиталями и гражданскими лечебными учреждениями были поставлены две важнейшие задачи: быстро долечивать раненых и больных воинов и возвращать в строй годных к военной службе и добиваться возможно более полного восстановления трудоспособности и возврата к труду тех раненых и больных, которые оказывались неспособными к несению военной службы.

Для улучшения медицинской помощи раненым стали создаваться специализированные госпитали. Из общего числа коек в иркутских госпиталях было общехирургических – 42 %, протезных – 26 %, челюстно-лицевых – 9,7 %, нейрохирургических – 6,8 %, для лечения ранений органов грудной клетки и брюшной полости – 2,7 %, урологических – 0,7 %, терапевтических – 2 %, туберкулезных – 0,7 %, курортных – 5 %, глазных – 2,7 %, остальные – сортировочные.

Сосредоточение однородных больных в специализированных госпиталях создавало лучшие условия для их лечения и обслуживания.

Медицинские работники Иркутска провели огромную работу как по организации госпиталей, так и по непрерывному совершенствованию методов лечения раненых и больных, восстанавливая их боеспособность и трудоспособность.

Начальниками госпиталей работали в основном иркутские врачи: А.А. Попов, К.С. Вотинцев, Э.А. Монжиевский, М.Я. Явербаум, А.Е. Миловзоров, В.Н. Бобровников, Н.В. Косицин, А.Ф. Васильев, Я.М. Батаен, А.П. Бухаров, В.Н. Капустин, А.Н. Волынец и другие. В госпиталях системы НКО работали В.А. Филеиус, Г.И. Феоктистов, С.С. Позднов, Б.И. Карнаков и другие.

Все вновь сформированные госпитали были полностью укомплектованы врачами и средними медицинскими работниками, но квалификация многих из них не соответствовала предъявляемым требованиям: хирургическая подготовка была недостаточной, очень мало было рентгенологов, диетологов, врачей по ле-

чебной физкультуре, операционных сестер, рентгенотехников. Потребовалось повышение квалификации этих кадров.

Начальник отдела эвакуогоспиталей В.И. Прокушев был переведен Министерством здравоохранения на должность наркома здравоохранения Татарской АССР, его сменил А.А. Попов. После его смерти начальником отдела эвакуогоспиталей работала врач М.А. Ясинецкая.

Главным хирургом эвакуогоспиталей с начала войны до их расформирования работала профессор Ася Ильинична Соркина. Доктор медицинских наук, опытный хирург и прекрасный организатор Ася Ильинична не только выполняла обязанности главного хирурга эвакуогоспиталей, но и возглавляла кафедру общей хирургии медицинского института. В течение всего периода Великой Отечественной войны работала очень напряженно, обслуживая оба эти участка. Большое внимание профессор Соркина уделяла повышению квалификации хирургов, в результате в госпиталях был создан большой штат квалифицированных, подготовленных теоретически и практически, хирургов.

Главным терапевтом отдела эвакуогоспиталей был профессор Николай Захарович Мочалин.

Созданный в госпиталях институт ведущих хирургов и терапевтов способствовал значительному улучшению лечебного дела. Ведущие хирурги были прямыми помощниками главного хирурга, который через них осуществлял методическое руководство лечебной работой и повышением квалификации работников госпиталей. Лучшими начальниками эвакуогоспиталей были М.Я. Явербаум, Э.А. Монжиевский, Н.В. Косицин, А.П. Бухаров и другие.

Хорошо и много трудились в эвакуогоспиталях И.А. Миловзорова, З.С. Кобелевская, М.А. Гриценко, Е.Г. Куранцева, А.И. Винар, А.И. Дубовик и многие другие.

Большую роль в подготовке кадров и в организации лечения раненых сыграли специализированные госпитали. Они стали методическими центрами углубленных исследований и широкого обмена опытом.

В протезных госпиталях большая часть раненых нуждалась в повторной ампутации (реампутации), так как часто первая ампутация производилась на передовых этапах в тяжелых фронтовых условиях и только с одной целью – спасти жизнь раненых. При повторной операции применялись пластические методы, чтобы сделать культю пригодной к протезированию. Больших успехов достиг в этом ведущий хирург госпиталя Г.П. Редкобородый.

Хорошо была поставлена работа в специализированных челюстно-лицевых госпиталях. Индивидуальный, осторожный подход к таким раненым со стороны всего персонала этих госпиталей, усовершенствование оперативной техники ведущим хирургом В.И. Высоцкой с каждым годом улучшали постановку лечебного дела.

В специализированных отделениях для раненных в грудь производились операции торакопластики, закрытие бронхиальных свищей, удаление пуль и осколков из ткани легкого. Больших успехов в операциях на органах грудной полости достигла ведущий хирург О.Н. Захвалинская.

Создание урологического отделения увеличило возврат в строй раненых. Применение современных методов в лечении ранения мочевого пузыря и мочевых путей дало хороший эффект. Хирургической работой в урологическом отделении руководил ведущий хирург И.Л. Меерович.

Хорошо обеспечил работу в нейрохирургическом госпитале ведущий хирург И.А. Промтов. Производились операции на головном мозге и периферических нервах. Тесное содружество нейрохирургов с невропатологами дало ценные результаты. Раненные в глаз лечились в специализированном глазном госпитале, развернутом на базе глазной клиники. Хирургической работой руководил директор клиники профессор З.Г. Франк-Каменецкий. В общехирургических госпиталях, в основном, лечились раненые с повреждением костей и суставов.

Роль отдельных ведущих хирургов в этих госпиталях была исключительно велика. Среди них следует отметить И.Л. Глезера, который возглавил хирургическую работу в одном из самых крупных госпиталей и одновременно был штатным инспектором при отделе эвакуогоспиталей. Под его непосредственным руководством молодые хирурги много работали над собой и заметно выросли.

Из других ведущих хирургов этих госпиталей следует отметить М.М. Лязера, И.В. Лепетнова и И.Д. Кузьмина.

Совершенно исключительный размах получила в эвакуогоспиталях Иркутской области служба переливания крови. В каждом госпитале был организован свой пункт. Переливалась свежесцитратная кровь, полученная у своих же доноров. Неоднократно отдавали свою кровь доноры Киреева, Вагина, Козорбаева и сотни других.

Много внимания уделялось физиотерапии в до- и послеоперационном периоде. Широко использовалось не только электро- и светолечение, но и парафино- и грязелечение. Должное место заняла в комплексном лечении физкультура. По инициативе госпитальных работников было изготовлено много аппаратов для разработки крупных и мелких суставов. Много сделал для внедрения метода лечебной физкультуры и подготовки кадров врач Ю. Д. Брегман.

Хорошо была поставлена диагностическая работа во всех эвакуогоспиталях. В лабораториях производились клинические исследования крови и мочи, желудочного сока, а также биохимические исследования. По заданию врачей, в специальной лаборатории, определялись белковые фракции крови, сахар, азот, билирубин, хлориды и кальций. Лаборантами высокой квалификации были Т.А. Мочалина, В.П. Китаева.

В момент организации эвакуогоспиталей только в трех госпиталях, развернутых на базе лечебных учреждений, имелись рентгеновские кабинеты. В течение первых месяцев 1942 года были отремонтированы имеющиеся в городе неисправные аппараты и ко второй половине 1942 года были развернуты рентгеновские кабинеты во всех госпиталях города и области. На организованных двухмесячных курсах было подготовлено 13 врачей-рентгенологов и 11 рентгентехников. Высокую культуру в рентгенологическую службу внесли квалифицированные рентгенологи В.Х. Коган, И.Е. Кочнова.

Сотни медицинских сестер и санитарок самоотверженно трудились в эвакуогоспиталях и в тесном сотрудничестве с врачами обеспечили успех лечебного дела. Хорошо была известна прекрасная работа медицинских сестер Павловой, Бажановой, Сергейко, санитарок Татарниковой, Казначеевой и многих других.

В стремлении всемерно использовать достижения передовой медицинской науки для лечения раненых и больны, врачам эвакуогоспиталей помогали профессора, доценты и ассистенты Иркутского медицинского и стоматологического институтов. Среди них следует отметить профессоров Х.Б. Ходоса, З.Т. Сенчилло-Явербаум, М.С. Каплуна, доцентов П.Д. Колченогова, С.Н. Синакевича, Е.И. Мельникову, М.А. Волкову, С.Н. Левенсон, С.И. Соркину; ассистентов – кандидатов наук С.С. Тикачинскую, З.И. Кириллову и других. Велика заслуга профессоров-консультантов, которые в послевоенные годы ушли из жизни, среди них Н.З. Мочалин, К.П. Сапожков, В.Г. Шипачев, Н.А. Синакевич, З.Г. Франк-Каменецкий, М.М. Орлов, И.М. Круковер, М. П. Михайлов, И.С. Сумбаев.

Широкое развертывание научной работы в эвакуогоспиталях имело большое практическое значение. На внутригоспитальных и межгоспитальных научных конференциях активному обсуждению подвергались актуальные доклады с демонстрациями больных. Опыт, накопленный в эвакуогоспиталях, выносился далеко за пределы нашей области. Работники эвакуогоспиталей выступали на конференциях Забайкальского и Сибирского военных округов, на межгоспитальной конференции Урала и Сибири в городе Челябинске, на пленумах госпитального совета в Москве.

Работы, выполненные врачами и консультантами, были опубликованы в периодической печати и в специальных сборниках. Всего было выполнено 73 научных работы: по хирургии 47, неврологии 11, глазной травме 7, челюстно-лицевой травме 5, лор-травме 2, терапии 1, кожным болезням 1.

Под редакцией главного хирурга эвакуогоспиталей были изданы 2 сборника научных трудов, библиографии огнестрельных повреждений костей и суставов, составленная зав. библиотекой Иркутского медицинского института М.А. Космаковой и брошюра по методике лечения военно-травматических повреждений в курортного эвакуогоспитале «Усолье», составленная врачами М.В. Кохановичем и Е.Ф. Ескевич.

По материалам иркутских эвакуогоспиталей защитил в Москве докторскую диссертацию доцент В. Х. Коган. В ученом совете Иркутского медицинского института защитили кандидатские диссертации О.Н. Захвалинская, М.В. Коханович, Р.Д. Гинзбург, В.И. Высоцкая, Е.К. Старцева.

Богатый опыт, накопленный врачами, способствовал тому, что 97 % раненых, выписавшихся из эвакуогоспиталей Иркутской области, оказались пригодными для боевого и трудового фронта. Это дает право бывшим работникам эвакуогоспиталей с гордостью сказать, что в величайшем торжестве спасения человечества от фашистского рабства есть доля и их труда.

Во всех госпиталях проведено более 41 тысячи операций, десятки тысяч рентгеновских исследований, лабораторных анализов, переливаний крови (влито крови около 3 тысяч литров).

Результаты лечения в иркутских госпиталях были весьма положительными, они достигнуты благодаря применению комплексных методов лечения: оперативного, физиотерапевтического, диетического; широко применялась лечебная гимнастика, грязевые, парафиновые и водные процедуры, трудовая терапия.

Вернулось в строй непосредственно из госпиталей около 30 % раненых и больных, на инвалидность переведено всего 3 % лечившихся, следовательно, 97 % были годны или к военной службе, или к трудовой деятельности.

За хорошие показатели многие работники госпиталей получили правительственные награды и различные поощрения. Орденом Красной Звезды награждены главный хирург эвакогоспиталей профессор Ася Ильинична Соркина и ведущий хирург Иннокентий Александрович Промтов, орденом «Знак Почета» – профессор Н.З. Мочалин и начальник госпиталя врач Э.А. Монжиевский, медалью «За трудовую доблесть» – врач М.А. Ясинецкая.

Звание Заслуженного врача республики присвоено начальникам госпиталей К.С. Вотинцеву, Я.К. Лободовскому, Н.В. Косицину и ведущему хирургу госпиталя И.В. Лепетнову.

Значком «Отличник здравоохранения» награждены М.А. Ясинецкая, А.И. Соркина, Г.П. Редкобородый, Г.К. Бирзин, Ю.Д. Бергман, М.П. Клячин.

Почетными грамотами награждено более 30 врачей и средних медицинских работников. Свыше 200 медицинских работников получили грамоты облисполкома и занесены в Книгу почета. Благодарности Наркомздрава получили 14 работников госпиталей.

В госпиталях проводилась большая воспитательная, культурно-массовая и учебная работа, организацией которой ведала военно-шефская комиссия при отделе искусств облисполкома. С целью трудового обучения инвалидов войны и их трудоустройства при госпиталях организовывались курсы и мастерские, в которых большое число раненых получало ту или иную специальность: колхозных счетоводов, киномехаников, плановиков, мотористов, пчеловодов, сапожников, юристов, машинистов и другие.

Общество Красного Креста за время войны подготовило для госпиталей и фронта значительное количество среднего медицинского персонала, создало актив доноров, обеспечивающих кровью госпитали и больницы. Многие доноры получили правительственные награды и звание «Почетный донор СССР».

Снабжением госпиталей всем необходимым – оборудованием, продуктами питания, обмундированием и другим, а также комиссованием раненых и больных, ведал местный эвакуационный пункт, начальником которого был полковник Н.П. Тарасов, заместителем С.И. Гойзнер. Инспектора МЭП контролировали работу госпиталей Наркомздрава и Народного Комиссариата Обороны.

В организации и деятельности госпиталей встречались и трудности, но медицинские работники с помощью общественности сделали все от них зависящее по долечиванию раненых и больных защитников Родины.

Как пишет доктор исторических наук, профессор И.И. Кузнецов в главе «Иркутск в годы Великой Отечественной войны» коллективного издания «Иркутск

в панораме веков» (2002), в Иркутске в годы Великой Отечественной войны располагались следующие госпитали:

- № 934 в физиотерапевтическом институте,
- № 3912 в областной больнице,
- № 1215 в Доме кузнеца,
- № 1216 на курсовой базе обкома партии,
- № 1221 в центральной гостинице,
- № 3906 в факультетской клинике (хирургическая),
- № 3909 в глазной клинике,
- № 936 в геологоуправлении,
- № 2672 в школе военных техников,
- № 3907 в школе глухонемых,
- № 3911 в клубе завода им. Куйбышева,
- № 1476 в финансово-экономическом институте,
- № 3908 в сельхозинституте,
- № 3910 во Дворце труда,
- № 1217 в школе № 26,
- № 1218 в школе № 8,
- № 1219 в школе № 13,
- № 1220 в школе № 1,
- № 1834 в школе № 11,
- № 1835 в школе № 9,
- № 1836 в школе № 12,
- № 1837 в школе № 17,
- № 1838 в школе № 22,
- № 933 в школе № 10,
- № 935 в школе № 15.

Всего – 25 госпиталей.

Неизвестно почему в перечень эвакуогоспиталей Иркутска не включены госпитали, располагавшиеся в анатомическом корпусе медицинского института и в педагогическом институте.

По сведениям известного в Иркутске ветерана Великой Отечественной войны, врача-краеоведа Г.В. Васильева, обладателя восьмитысячной фотоколлекции об Иркутске, в полную нагрузку всю войну в Иркутске работало 28 госпиталей, причем все они имели свою специфику, свой профиль: общехирургический, челюстно-лицевой, урологический, глазной, нейрохирургический, инфекционный и другие. Кстати, кроме расположенных непосредственно в Иркутске, эвакуогоспитали были развернуты также в городах Усолье-Сибирском (1), Тулуне (2), Нижнеудинске (3), Слюдянке (2).

*Анастасия Ивановна Малозёмова,
преподаватель Иркутского медиститута, участник лечения раненых*

В войну выросли рано

Так будет всегда. Самые трогательные, самые острые ощущения случаются в детстве. Ощущения лета, тепла, ощущения счастья. В сознании ребенка белый пароход, проплывающий мимо под музыку, кажется живым, – «плывет к нам по реке и поет».

Потом – война, она разделила жизнь нескольких поколений на две части: до войны, и всё, что было после неё. Даже много лет спустя, родившиеся за год до военных событий дети рассказывали друг другу легенды о том, как все прекрасно было «до войны». Образ военного времени, в котором прошло их детство, всегда присутствовал в жизни страны, и тем не менее, это не привело к поэтизации военных действий. Ни в ком из этих поколений я не увидел воинственности, или наоборот уныния подавленности. Война осветила их жизни не выстрелами и ужасами зрелища смерти, а особым всеобщим душевным состоянием. Причем оно не появилось в результате войны, оно ею лишь «проявилось».

– Я родилась в 1932 году в селе Развозжаево, Усть-Удинского района в большой крестьянской семье. Нас было семь человек детей. Четверо родных братьев и сестер и трое сводных. Когда началась война (я очень хорошо помню тот жаркий день), мы с мамой были в поле на прополке. Я уже во всю работала, умела прясть и вязать. Во время войны, я наравне со взрослыми работала летом в поле, а зимой сушила овощи для фронта. Вечерами вязали варежки, носки или шили кисеты для табака, который сами и крошили. Вскоре мне пришлось оставить школу, так как не в чем было ходить, да и требовалось помогать маме, потому что старшие ушли добровольцами на фронт, а младших осталось кроме меня еще двое. Родного отца я потеряла, когда мне было четыре года. Мама чтобы нас поднять вышла замуж и приняла еще трех детей. Неродного отца забрали на фронт и он вскоре погиб, а мы остались одни безо всего. Ни скота, ни птицы, – голодали страшно. Ждали – весной появится крапива и лебеда. Когда закончилась война, мне шел четырнадцатый год. Я была взрослой и не по годам, а по стараниям. – Это воспоминания Озерковой Татьяны Ильиничны.

Подобных воспоминаний и рассказов подавляющее большинство. Мы приводим их, чтобы вместе с нашими героинями еще раз вспомнить это трудное, великое время.

А вот воспоминания жительницы Иркутска Мамаевой Зои Петровны:

– Проживали мы по улице Карла Либкнехта дом 69 квартира 7. В 1942 году я закончила пятый класс и пошла на работу. Мне исполнилось тринадцать лет, и я была старшей. Мама болела и существовать нам было не на что. Отец погиб на войне, и еще нас три раза подряд обокрали. Вынесли все. У меня была подружка, которая посоветовала мне устроиться на обувную фабрику. Пришла я туда сама (дома никому, ничего не сказала), а когда устроилась, то объявила об этом дома. Нужно было кормить мать и сестру. Трудовую книжку мне выписали только с 1 января 1944 года, а до этого работала без оформления. Сначала нас с подружкой поставили мотать шпильки к машинам. Женщины, которые шили обувь, чтобы

не терять время на намотку, их быстро меняли и работали дальше. Я была ростом маленькая, меня из-за станка еле видно было. И все-таки меня заметил директор ФЗУ пригласил к себе учиться. Не помню сколько я у него училась, но как только к работе пригляделась – меня выпустили. Села я за большую машину 45-го класса. Потом мне присвоили 6-й разряд и доверили строчку наружного ремня. Была я и бригадиром своей бригады и секретарем комсомольской организации. В разных местах народного хозяйства, обеспечивавшего фронт, требовались рабочие руки. Взрослых не хватало, и ставили детей.

«Работать я начала с 1943 года. Первая моя работа – рассыльный. В то время телефонов в деревне Хор-Тагне Заларинского района не было», – рассказала ветеран Иванова Степанида Николаевна. «А потом, как у всех моих сверстников 1929 года – летом сплав бревен, зимой заготовка кирпича. Орудия мои, пока работали в Заларинском леспромхозе, были – топор, пила. Это все долгие три года».

Кто-то попадал на завод, кто-то на шахты, а Овчинникова Клавдия Григорьевна оказалась на всем нам знакомой Восточно-Сибирской железной дороге.

– Родилась я 14 марта 1928 года в городе Зима, в семье железнодорожника. Нас в семье было четверо детей. Отца в 1937 году арестовали как врага народа. Мать билась с четырьмя малолетками, но в 1939 чудом отца освободили. Разоблачили Ежова – предателя. Я училась в четвертом классе, а вскоре началась война. Отца забрали в первые дни. Как старшая, все тяжелые домашние работы я должна была делать одна. Помогала во всем маме. Если она оставалась с детьми, я шла за нее на разные работы. С февраля 1944 года я уже работала на дистанции связи. Железная дорога была как 2-й фронт, особенно для меня, комсомолки. Тогда за опоздание на 10 минут судили. И лозунги и дела говорили – все для фронта, все для Победы. Дома я бывала редко, неделями мы работали на путях. Кайлили зимой замерзшие нечистоты. Рядом стоят эшелоны. Солдаты, лошади, пушки. Прямо из вагона выливают нечистоты, и мы долбили это зимой. Еще часто посылали разгружать вагоны с углем или дровами. Мы были молодежь и это была наша обязанность. Руки постоянно в кровавых мозолях, я думала они никогда не пройдут.

Летом замена шпал. Вместе со взрослыми женщинами таскаем шпалы, укладываем их на рельсы и тяжелыми кирками подбиваем под них гальку. Осенью посылали на помощь колхозам. Жала серпом хлеб. За пять-шесть километров уходили пешком на молотьбу. Утром, грязные, усталые, не выспавшиеся пре-мся обратно. Придем, умоемся и снова на свое производство. У железной дороги было свое подсобное хозяйство. Месяц мне пришлось убирать овощи и дошло до того, что ни хлеба, ни соли, ни крупы – ничего не было. И мы от одной старой картошки стали пухнуть от голода. Спас нас парторг. Отправил в диспансер. Так мы и работали без выходных. Зарплата была небольшая и вся уходила на займы. Зимой, вечерами готовили нас медсестрами на фронт. Практику проходили в госпитале и железнодорожной больнице.

Пришлось поносить брезентовые ботинки на резиновой подошве, а по праздникам надевали резиновые тапочки, намазанные синькой.

«Через город маршировали колонны солдат с оркестром. Казалось, что у России бесконечные запасы мужчин. Да и девушек-санитарок в строю шло много. Иные совсем маленькие – школьницы еще, очень красивые в своих гимнастерках. Все эти людские запасы Сибири сторели почти полностью. В моем классе было сорок мальчиков и только у четырех были живы отцы», – вспоминает ученый и писатель Сергей Кара-Мурза.

Они жили находясь во всенародном поле сострадания, всегда надеясь на помощь людей и спокойно ее принимая, вовсе не предполагая оплатить. До последних лет они были уверены, что получили гораздо больше, чем отдали. Сибирский народ жил очень трудно, вплоть до 60-х годов достатка не было почти ни у кого. А были такие периоды, что без сострадания людей посторонних (ни родных и близких), с иными взглядами, из иной среды выжить было бы – нельзя. Давайте помнить об этом.

Вспоминает Тамара Алексеевна Балаян: «В военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны я не участвовала, но обстановку в тылу хорошо помню. Мы были школьниками и с мая по ноябрь работали в различных колхозах. В 1942 году работали на шахте. Шахтеры добывали уголь, а транспорт не успевал его вывозить. Горы угля начали гореть и мы должны были перемещать его в другое место. Работа была нелегкая, но мы добросовестно трудились. С первых дней войны ушли на фронт – папа, дядя и брат. Все они воевали на Ленинградском фронте, были ранены, но после окончания войны, слава Богу, возвратились домой. Папа писал такие хорошие письма, что учителя в школе читали их всем ученикам. Наши фронтовики били врага на передовой, а мы в тылу работали для Победы. В свободное время мы пешком за 30–40 км ходили по деревням, меняя вещи на продукты. В 10-м классе в военкомате начали готовить девушек к призыву в армию. Организовали курсы радистов-операторов, которые мы посещали. Там изучали азбуку Морзе, работали на аппаратах и радовались, когда хорошо сдавали экзамены. После окончания школы, я поступила в Томский государственный университет. Снова были работы в колхозе, отправка на фронт варежек, носков и других посылок, дежурство в госпиталях. Окончание войны мы встретили восторженно. Рано утром на центральной улице г. Томска мы организовали танцы вокруг милиционера, который нам дирижировал полосатым жезлом.

Если не касаться войны как политического столкновения, то можно сказать, что в наших соотечественниках быт военного времени сформировал особое мышление о защите Отечества. Сейчас молодежь думает по-другому. Взрослеет поздно. Прекрасно, пусть живет так, как ей нравится. Но издеваться над тем, что бедная страна ввязалась не по своей воле в гонку вооружений с богатыми Соединенными Штатами и проиграла – не стоит!

Все наши героини прожили трудную, но прекрасную жизнь. Они выучились, вышли замуж. Родили детей и воспитали внуков. Все они похоронили своих мужей и, работая в советах ветеранов, достойно сохраняют память о них – фронтовиках и о своей далекой молодости.

А.Н. Черных

Железные дороги Мурата Баграева

Люди, хорошо знающие Мурата Георгиевича Баграева, считают его бескорыстным человеком. Он много лет отработал на Восточно-Сибирской магистрали не особо беспокоясь о личном достатке, жил и живет очень скромно. В его квартире старая мебель, приобретенная, наверное, ещё в шестидесятых годах прошлого века. А из «роскоши» только старенький «ГАЗ-69». Такой автомобиль в наше время редко можно встретить на дорогах Иркутска.

Какую бы должность ни занимал Баграев, он был одержим работой, и за свой долгий трудовой путь усвоил одну истину: если руководитель будет требовательным и справедливым – работники его поймут, поддержат, выполнят любое задание, каким бы сложным оно ни было. Будет высокомерным и грубым с подчиненными – они от него отвернутся, и работать будут кое-как.

Мурат Баграев родился 20 ноября 1919 года в селе Христиановская (ныне город Дигора) в Северной Осетии в семье крестьянина. Его отец в 1929 году вступил в только что созданный колхоз и проработал там на разных должностях до глубокой старости. Мать умерла в 1933 году, оставив после себя четверых детей. Отец много работал, и дети были предоставлены сами себе. Когда в доме появилась мачеха, у Мурата с нею отношения не сложились, и эта взаимная неприязнь, углублявшаяся с каждым днем, заставила в конце концов Мурата покинуть отцовский дом...

В школе Мурат учился хорошо, запоем читал книги, был компанейским, общительным. Учителя ему рекомендовали после десятого класса идти в педагогический институт, преподавать в школе, считая, что эта профессия ему по плечу. Но Мурат решил как можно раньше получить какую-нибудь специальность, поступить работать и помогать отцу поднимать на ноги маленького братика и сестренку.

После окончания седьмого класса, в 1935 году он поступает в Орджоникидзевский техникум путей сообщения, на факультет «Вагонное хозяйство». С новым дипломом его распределяют на Восточно-Сибирскую магистраль, хотя и мечтал Мурат работать в каком-нибудь южном районе страны, поближе к Кавказу, к родным местам.

Когда добирался до Иркутска, Баграев не переставал удивляться сибирским просторам. «Земли-то сколько, не то, что в Осетии, где корове растянуться негде!» – думал он про себя.

1 августа 1939 года в вагонном депо железнодорожной станции Иркутск-сортировочный, появился новый бригадир сборочного цеха – Мурат Баграев. Через тринадцать дней его назначили мастером, а вскоре перевели диспетчером. В этой должности он проработал всего три месяца. В обязанности диспетчера входил в основном сбор разных данных. А энергичного, темпераментного Баграева такая деятельность тяготила – ему хотелось творческой, живой, «серьезной» работы. И его переводят в Черемхово, назначают колесным мастером в вагоноремонтный пункт. Колесный цех в то далекое время был самым ответственным

участком. Мастер цеха после ремонта колесной пары наносил на торец оси клеймо с указанием пункта, где был произведен ремонт, и за качество этой работы нес персональную ответственность.

Баграев не боялся замарать руки и, если возникала необходимость, надевал верхонки и показывал рабочим, как лучше выполнять ту или иную операцию. За это рабочие мастера уважали, считали своим человеком.

Когда началась война многие мужчины ушли на фронт. Их заменили женщины и подростки, которых надо было срочно обучить ремонтным работам. Поток грузовых и воинских перевозок резко возрос. Увеличилась потребность в колесных парах. Цех перешел на двухсменную работу.

Вскоре к основной работе в цехе прибавился военный заказ: поручили изготавливать отдельные детали к минометам. Тут требовалась большая точность в работе и когда Баграев привез в Иркутск первую партию продукции, военный представитель забраковал половину привезенных деталей. Начальник колесного цеха Баграев от стыда рад был сквозь землю провалиться!

По приезду в Черемхово он с рабочими разработал более грамотный метод изготовления деталей к минометам. Рабочая смекалка помогла быстро устранить причины брака и начать выпуск военной продукции хорошего качества.

В войну ремонтниками в основном были подростки 15-17 лет, прибывшие по оргнабору. Все они, несмотря на плохое питание, тяжелый труд, работали самоотверженно, равнялись на «старичков», имеющих бронь на руках.

Мурат Георгиевич вспомнил такой случай: как-то приехал в Черемхово заместитель начальника политотдела ВСЖД по комсомолу (была такая должность). При осмотре деповского хозяйства он с тревогой уставился на вагон, из-под которого выкатилась тележка, а возле нее ни одной живой души. Когда комсомольский руководитель подошел ближе к тележке, то увидел, что ее толкали шесть низкорослых подростков, которых за колесами не было видно...

В начале 1944 года Баграева направили на фронт заместителем начальника железнодорожной бригады по восстановлению железных дорог, разрушенных немцами. Разрушались железнодорожные пути по-разному. Но излюбленный метод у фашистов был такой: два паровоза тащили за собой массивный железный крюк, который рвал деревянные шпалы и деформировал рельсы.

По воспоминаниям Мурата Георгиевича, несмотря на холод и дождь железнодорожники работали днем и ночью почти без сна, питались один раз в сутки. Работа была всегда срочная, всегда важная, и не терпела отлагательства.

По его словам, он на фронте очень уставал, не столько от постоянного чувства опасности, сколько от ответственности, которая легла на его плечи.

Как вспоминает Мурат Георгиевич, их два восстановительных железнодорожных состава находились недалеко от Риги, у железнодорожной станции Резекне, на которой скопилось несколько поездов. В центре стоял санитарный, по правую сторону от него – состав цистерн с бензином, по другую – платформы с танками. Однажды над станцией появились вражеские бомбардировщики. Бомбы воспламенили бензин в цистернах. Горючее из пробоин хлынуло на землю и расте-

клось. Загорелись санитарные вагоны с ранеными бойцами. Воздух наполнился криками и запахом горевших человеческих тел. Одна медсестра успела выскочить из вагона и, отбежав несколько метров, столкнулась с солдатом и крепко прижалась к нему как к спасителю. Осколок бомбы насквозь прошел их тела. Их похоронили в одной могиле... Таких ужасных картин немало повидал Баграев на фронтовых дорогах.

После падения Берлина восстановительные составы, в которых работал Мурат Баграев, были направлены в Забайкалье. Там железнодорожники вели текущий ремонт магистрали и помогали продвижению военных грузов и воинских частей к театру военных действий против Японии.

...Восстановительные составы были расформированы в сентябре 1945 года. Баграев был направлен в распоряжение руководства ВСЖД. Его назначили заместителем начальника вагонного участка станции Иркутск-сортировочный. Через год с небольшим он был переведен начальником вагонного депо железнодорожной станции Иркутск-пассажирский.

Станция произвела на фронтовика удручающее впечатление: железнодорожные пути были забиты искалеченными пассажирскими вагонами, территория завалена шлаком и мусором, а цеха не отапливались. Поезда в Иркутске часто задерживались, расписание движения нарушалось.

В организации пассажирских перевозок участвовали четыре самостоятельных коллектива: вагонное депо ремонтировало вагоны, вагонный участок руководил электромонтерами и поездными мастерами, резерв проводников – проводниками вагонов, контора обслуживания обеспечивала пассажиров постельными принадлежностями. Никто работу этих подразделений не координировал.

Работы было невпроворот. Баграев дотошно разобрался в деятельности каждого цеха, каждой бригады, внимательно выслушал рабочих и совместно с командным составом и общественными организациями депо обсудил первоочередные задачи, вынес их на обсуждение общего собрания коллектива депо. А позже, совместно с вагонной службой дороги и главным инженером, разработал организационно-технические мероприятия депо на пятилетку вперед.

Сломанные вагоны с путей были убраны, шлак и мусор вывезен. Поезда стали ходить строго по расписанию. Под руководством Мурата Георгиевича была произведена реконструкция депо, внедрена передовая технология ремонта вагонов, построены новые цеха по ремонту радиоаппаратуры и холодильных установок, построен контейнерный цех, поточная линия по ремонту контейнеров, произведена реконструкция электроцеха, пущен в эксплуатацию цех по ремонту колесных пар с роликовыми подшипниками, построено общежитие на 420 человек.

Мурат Георгиевич был активным рационализатором, на его счету большое количество внедренных рационализаторских предложений и новшеств.

Много личного труда и заботы он вложил в организацию первого в Сибири фирменного поезда «Байкал», который с 1964 года считался одним из лучших фирменных поездов на железных дорогах России.

Коллектив вагонного депо внес значительный вклад в развитие городского хозяйства и в становлении новых крупных предприятий города: завода радиоприемников, трамвайного депо, принял активное участие в строительстве Иркутской ГЭС и телецентра.

Вагонное депо за большие успехи в работе было награждено дипломом 3 степени главного комитета ВДНХ СССР, почётными грамотами МПС и ЦК профсоюза железнодорожного транспорта, а также многими дипломами и почетными грамотами областных, городских и районных организаций.

М.Г. Баграев проработал на Восточно-Сибирской магистрали около 60 лет, из них 51 год в пассажирском вагонном депо, в том числе 38 лет в должности начальника. Ему не раз предлагали более престижные должности, но он к родному деповскому коллективу прикипел душой, гордился им и не соглашался его покинуть.

Наряду с хозяйственной деятельностью в вагонном депо, Мурат Георгиевич принимал активное участие в общественной жизни города Иркутска: многократно избирался депутатом городского и Свердловского районного Советов депутатов трудящихся.

Его долгий боевой и трудовой путь отмечен орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда» и юбилейными. Награжден именными часами МПС, знаками «Отличник вагонного хозяйства», «Почетный железнодорожник». В 1998 году указом Президента России ему присвоено звание «Заслуженный работник транспорта Российской Федерации». Но самая большая награда, считает Мурат Георгиевич, – это исключительно уважительное отношение к нему людей, с которыми он проработал не один десяток лет.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Нижеилимский район в 1944–1945 годах

Уже виден конец

В конце лета и осени 1944 года из Сибири в освобожденные города и села поехали семьи эвакуированных. Двинулись на запад и эвакуированные из илимских, ангарских и ленских сел и деревень, в которых они проживали в течение военных лет.

Вспоминает уроженец деревни Игнатъевой Евгений Черных: «В середине октября 1944 года Нижеилимский РВК направил 40 безусых юнцов 1927 года рождения во владивостокское военно-морское училище. Сопровождать этих 16-17-летних мальчишек было поручено Погодаеву Иннокентию Михайловичу. Иннокентий, благополучно доставил своих подопечных до Илимска. От Илимска до Заярска вся эта группа должна была добираться на единственном авто-

буса, который курсировал между Усть-Кутом и Заярском, а также на попутных грузовых машинах. Но Иннокентию Михайловичу так и не удалось посадить своих подопечных ни в автобус, ни в попутные грузовые машины, так как автобус в Усть-Куте «под завязку» заполнялся другими будущими курсантами Владивостокского военно-морского училища, которые прибыли в Усть-Кут последними осенними рейсами на пароходах из Якутии, из Бодайбо, из Киренска и Олёкмы. Кабины грузовых автомашин были заняты эвакуированными женщинами и детьми, которые спешили выехать к себе на родину, пока не прекратилась навигация на Лене и на Ангаре. Так что все 40 илимских несостоявшихся курсантов военно-морского училища, и я в их числе, сделали в Илимске вынужденную остановку. А на Ангаре, между тем, из-за осенней шуги и оледенения лопастей на колесах у пароходов, летняя навигация заканчивалась. Иннокентий Михайлович созвонился с Нижнеилимским РВК и получил оттуда указания: всех несостоявшихся курсантов «до востребования» отпустить по домам. Прибыв домой, я приступил к составлению навигационной карты Илима, так как в августе и в начале сентября, вместе с Владимировым Николаем, Черемных Евгением, Куклиной Зинаидой и Куклиным Генной, я и остальные члены экспедиции изучения малых рек провели работы по изучению форватера Илима с указанием ширины и глубины реки, а также видимых с реки ориентиров на всем протяжении от д. Аталановки до устья Илима. Навигационная карта Илима требовалась Управлению малых рек, так как ожидалось прибытие на Илим речных катеров с осадкой 40–45 сантиметров. В начале ноября 1944 года в кабинете начальника УМР – Иннокентия Ивановича Черных висела составленная мной навигационная карта Илима».

А с фронта в илимские деревни и села, как и в предыдущие два с лишним года, продолжали идти и идти «похоронки». «Память» свидетельствует, что в 1944 году на советско-германском фронте погибло 92 воина-илимчанина, в том числе шестеро воинов в возрасте до 20 лет. Вот их фамилии: Прокофьев Владимир Иванович (д. Зыряново); рядовой Перфильев Николай Александрович (д. Макарова); рядовой Бубнов Александр Харитонович (д. Игнатьева); рядовой Таланкин Роберт Александрович (с. Нижнеилимск); сержант Анисимов Василий Демьянович (д. Коробейникова); рядовой Жмуров Николай Степанович (д. Туба).

Председатель колхоза «Заря» Анкудинов в газете «Илимский партизан» от 31 марта 1944 года пишет: «От Нижнеилимска мы живем далеко. Но у нас есть радио, слушаем вести с фронта. Знаем, что наши бойцы вышвырнут гадов прочь с нашей земли. Сами помогаем фронту. Готовимся к севу. Проводим снегозадержание. Коней поставили на отдых. Дрова и сено возим на коровах, обучаем их полевым работам. Нынче не прозеваем с началом весенне-полевых работ».

И. Рыбин в газете от 21 апреля 1944 года сообщает: «Труженики тыла в колхозе «Советы» добиваются в предмайском соревновании новых успехов.

– Мы будем добывать рыбу для армии, – заявили старушки Василиса Куклина и Дарья Черных.

Звено Галины Бубновой дружно вышло на расчистку водоотливной канавы.

– Пусть наш скромный труд тоже служит делу победы, – сказала звеньевая. Это мероприятие даст прибавку к урожаю, так как вода пойдет на поля».

Однажды зимой – в начале 1944 года – в деревне Игнатьевой на общеколхозном собрании обсуждался вопрос о сборе средств в фонд обороны и о подписке на новый Государственный заем. Все колхозники дружно поддержали почин саратовского колхозника Феропонта Головатого и внесли наличными кто сколько смог. Дружно прошла подписка на Госзаем, многие колхозники подписались на тысячу и более рублей, только одна колхозница – тетка Авдотья Слободчикова, заявила, что не может подписаться даже на сто рублей, потому что у нее муж Яков и сын Александр служат в армии, а дома остались одни девки – Зинаида, Валентина, Зоя и малолетний Толя, да еще совсем малолетние девочки. Тогда Авдотья сосед Куклин Иван Михайлович внес предложение: «Выдать Авдотье бесплатную ссуду из колхозной казны в размере пяти сотен рублей, чтобы Авдотья подписалась хотя бы на пятисотрублевую облигацию. И таким образом все 100 процентов колхозников будут охвачены подпиской на очередной военный заем. Собрание единогласно одобрило предложение Ивана Михайловича, колхозники знали, что у Авдотьи недавно подохла корова и что дети Авдотьи только тогда пьют чай с молоком, когда кто-то из сердобольных соседок занесет в Авдотьян дом крынку молока. А вскоре случилось чудо: Авдотья на пятисотрублевую облигацию выиграла десять тысяч рублей и на эти деньги купила молодую нетель. Не зря говорят в народе, что мир не без добрых людей.

Последний год войны

Начался последний год Великой Отечественной войны. К январю 1945 года в илимских деревнях и селах произошли заметные изменения. Поубавилось мужских рабочих рук в колхозах и на предприятиях. В школах классы стали малочисленными. В Нижнеилимской средней школе перед войной было по два восьмых, девярых и десятых класса, а в 1943-44 учебном году был только один десятый класс, в котором насчитывалось 12 девушек и 4 юноши. Уроки в школах вели женщины-учительницы, мужчин учителей почти не было. Только из Нижнеилимской школы были призваны в ряды Красной Армии около пятнадцати учителей. Шесть учителей: Агапов И. А., Владимиров В.И., Воробьев, Погодаев А.С., Прокопьев М.Н. и Прокопьев И.Н. погибли в боях за Родину. Уменьшилось и количество работающих. Если до войны в колхозе «Советы» (д. Игнатьева) трудилось 150 человек (85 мужчин и 65 женщин), то к весне 1945 года в этом колхозе работало всего 93 человека (32 мужчины и 61 женщина). Да и мужчины 1945 года в большинстве своем были физически слабее тех, которые работали до войны. Из 32-х представителей сильного пола только 6 чело-

век могли самостоятельно, без посторонней помощи, поднять и забросить на плечо мешок с зерном или с картофелем. Остальные «мужчины» были малолетними или уволенными из Вооруженных Сил по ранению и болезням фронтовиками, а также отработавшими свое старичками.

В д. Игнатъевой родился и вырос будущий Герой Советского Союза Николай Иннокентьевич Черных, отсюда он ушел служить в ряды Красной Армии. Эта деревня, как никакая другая, отвечает названию «среднестатистическая колхозная деревня». В ней в 1941 году насчитывалось 78 крестьянских дворов, в которых проживало 450 человек, ру[ками] колхозников обрабатывалось около 400 га земли.

Январь 1945 года стал началом одновременного решающего наступления наших войск по всему фронту, от Баренцева моря до Карпат. Советский народ стал с большим оптимизмом смотреть в завтрашний день. Голос диктора Юрия Левитана во всех радиопередачах стал звучать еще бодрее и торжественнее. Более веселыми стали исторические и патриотические стихи Анатолия Ольхона. Перед началом демонстрации художественных фильмов прокручивались киножурналы, в которых показывались эпизоды из боевых и трудовых будней наших воинов и тружеников тыла. Все чаще по радио зачитывались Приказы Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, в которых сообщалось об освобождении от гитлеровских войск того и другого города и о проведении артиллерийского салюта в честь войск, принимавших участие в освобождении этого города. Приказы заканчивались словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь, свободу, независимость нашей Родины!»

Погадаевский и Большедеревенский колхозы вывозили хлеб. Ямщиками на подвозке везде были, в основном, безусые юнцы и подростки. Правда, вторая бригада колхоза «Советы» (д. Игнатъева) кроме юнцов и подростков снарядила в дорогу видавшего виды, но более-менее крепкого старика – Вологжина Иннокентия Ивановича. Дядя Иннокентий взял с собой в дорогу своего четырнадцатилетнего сына – Игоря. Помощник-то из Игоря никакой, но ему, как остальным ямщикам, колхоз выделил по килограмму муки на каждый день пути, а это уже кое-что.

Кроме Иннокентия Ивановича и Игоря в дорогу шли – Николай Алексеевич Куклин. Им было по семнадцать.

– Шел в дорогу также мой двоюродный брат – Черных Павел Иванович (шестнадцати лет от роду) и Жданов Николай Егорович, которому шел пятнадцатый год, вспоминал брат Героя Советского Союза Николая Иннокентьевича Евгений, – все мы уже не первый раз собирались в дорогу, но до этого дорожные рейсы были короткими – от Нижнеилимска до Илимска и обратно, или от Нижнеилимска до Симахиной и обратно. А тут предстояло пройти путь от Нижнеилимска до Невона и обратно. В Невоне у Игоря поднялась температура и Иннокентий с Игорем задержались там, на пару дней. Ну а мы четверо загрузили подводы и вместе с ямщиками других деревень двинулись в обратный путь. Ничто не предвещало никаких дорожных осложнений. Заночевали

на острове. Но стоило нам отъехать от острова на десять километров, как небо стало темнеть, поднялся ветер, пошел снег, замело дорогу. Передняя тройка лошадей быстро выбилась из сил. Ее пришлось отвести с дороги в сторону, чтобы пропустить вперед следующую тройку лошадей. И так по очереди заменяя тройки, мы продвигались к д. Карапчанка. Здесь, в Карапчанке, у нижеилимских, погодаевских и большедеревенских ямщиков был «станок», здесь у них хранилось сено для своих обозных лошадей. Ну а нам, четверым игнатьевским ямщикам, нужно было добираться до своего «станка», который находился в д. Зятъя. До наступления темноты оставалось совсем немного времени и мы, не задерживаясь, поехали вперед. С горем пополам наши лошадки выехали на Симахинский взвоз.

Посоветовавшись с ямщиками, ребята решили заночевать в Симахиной. На корм лошадям пришлось достать сено из-под мешков. Для того мешки убрали с саней, потом забрали с них сено, а мешки опять уложили на сани. Умаялись капитально. Ночью спали, как убитые. Назавтра еле-еле добрались до д. Зятъя. Получился непредвиденный сдвиг во времени, а так как все продукты у нас были на счету, то решили их экономить.

– В д. Корсуновой сделали последний перед финишем «станок», – продолжает Евгений. – Я ходил в д. Тубу к своей родной тетке – Жмуровой Екатерине Никифоровне за картошкой. Принес целое ведро. Ее испекли на печке для ужина и для завтрака. На завтрак у нас еще оставался целый калач хлеба на всех четверых. Но к утру этот калач испарился. Оказывается: Коля Жданов проснулся ночью и ему так захотелось есть, что он решил, не дожидаясь утра, позавтракать; отломил свою четвертинку, съел ее. Потом, пытаясь уснуть, съел остатки. На груди у Коли куртка была покрыта панцирем из замерзших слезинок. Мы, молча, разгрузили все подводы, взвесили хлеб, ссыпали его в сусеки, получили квитанции у кладовщицы за сданное зерно и с каким-то горьким осадком на душе поехали домой.

Эх, война, что ж ты, тварь ненасытная, делаешь? Разве тебе мало тех слез, которыми матери, жены и невесты оплакивают погибших на фронте, скончавшихся в госпиталях, лазаретах или пропавших без вести – сыновей, своих мужей и женихов. Разве тебе мало тех слез, которые льются проголодавшимися малышами? Тебе, война, еще и Колькины слезы подавай?! О Колькином и нашем общем последнем дорожном калаче мы все трое: мой друг Николай, мой двоюродный братишка Павлик и я решили забыть и не рассказывать. Да вот этот случай с калачом и эти Колькины слезы, застывшие у него на телогрейке, почему-то никак не забываются.

В результате успешных действий наших войск на фронте уже летом 1944 года – [...] видно, что Советский Союз один, без помощи извне способен разгромить немецко-фашистские полчища. Это заставило наших союзников поторопиться с открытием второго фронта в Европе. 6 июня 1944 года американско-английские войска высадились на территории Северной Франции. Был открыт 2-ой фронт. Немцы нанесли ощутимый удар по вой[...], союзников под Арденами. Англи-

чане вынуждены были просить наше правительство об ускорении сроков наступления наших войск, чтобы спасти положение союзников [...] Арденами. В ходе стремительного наступления между Вислой и Одером за 23 дня боев [...] войска продвинулись на 500-600 километров и подошли к Берлину на расстояние до [...] километров.

16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов развернули наступление и 24 апреля соединились на юго-западной окраине Берлина. А 9-го мая в пригороде Берлина Карле-Хорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского Совета ветеранов

Иркутский завод тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева

Коллектив завода узнал о начале войны с Германией из правительственного обращения к народу Советского Союза. В тот же день во всех цехах завода состоялись митинги, выступавшие брали обязательства самоотверженно трудиться во имя победы над врагом. Десятки рабочих завода в первые дни войны подали заявления о добровольном вступлении в ряды Красной Армии, так ушли на фронт 520 сотрудников завода за первые три месяца войны.

С 25 октября 1941 г. завод был передан в ведение Наркомата тяжелого машиностроения СССР и стал называться «Иркутский завод тяжелого машиностроения имени В.В.Куйбышева», или ИЗТМ.

Промышленные предприятия, которые попадали под возможный захват противником, срочно эвакуировались на восток страны. Так в г. Иркутск с Украины был эвакуирован Старо-Краматорский завод имени Серго Орджоникидзе. Коллектив и оборудование этого завода вошли в состав ИЗТМ. Перед заводом была поставлена задача перестроить производство на выпуск военной продукции.

В короткие строки был завершён монтаж эвакуированного оборудования, проведена реконструкция старых цехов и начато строительство новых; за эти сроки коллектив завода увеличился вдвое.

В условиях расширения завода внутренних трудовых резервов на выполнение поставленных задач оказалось недостаточно, поэтому с 4 июля 1941 г. механический и инструментальные цеха были переведены на 11 часовой рабочий день. В ноябре 1941 г. на завод прибыли 730 эвакуированных из Краматорска специалистов.

Комплектование завода рабочими кадрами осуществлялось за счет общей мобилизации:

1. Мобилизовано райсоветаами – 895 человек.
2. Мобилизовано военкоматами области – 734 чел.

3. Завербовано наркомтяжмашем (в Баку и Краснодарске) – 1706 чел.

4. Из школ ФЗО и ремесленного училища – 1533 чел.

Всего прибыло 4868 человек. На основное производство были отправлены только выпускники школ ФЗО и ремесленного училища, а остальные были направлены на работы, не требующие особой квалификации, позднее из них отбирали способных для учебы и освоения специальных профессий. Подготовка квалифицированных кадров осуществлялась путем бригадного и индивидуального обучения.

В новом пополнении рабочей силы были в основном женщины и подростки. Рабочих в возрасте до 20 лет на 1 сентября 1942 г. насчитывалось 1878 человек, а подростков до 16 лет – 376 человек.

Молодежь старалась быстрее осваивать навыки и опыт работы кадровых рабочих. Например, в чугунно-литейном цехе мастер Малых говорил: «Моим ученикам по 15-16 лет. Это еще подростки, которые в труде не уступают кадровым рабочим. Особенно старательные – Рыбаков, Чирков и Абрамов».

Повышение квалификации проводилось путем обучения в стахановских школах. В 1942 на заводе было 243 школы, в которых обучалось 1174 человека. В школах преподавали теоретическую подготовку, а практические занятия проходили на заводе у станка.

Несмотря на регулярный приток рабочей силы, завод постоянно испытывал недостаток квалифицированных кадров: в 1941 г. на заводе работало 2514 человек, в 1942 – 4817 человек, таким образом, рост численности составил 191,6 %, но профессионально это только 74,8 % необходимого качества, в 1943 г., при потребности 5935 человек имелось только 5362 человека, недоставало 572 человека – 9,1 %, в 1944 г. работало 5583 человека, а нужно было 6712 человек – не хватало 1129 рабочих, что составляет 15,33 %.

Несмотря на то, что на заводе систематически велась подготовка кадров, постоянно ощущался дефицит рабочих, относительно плана. Все трудности преодолевались благодаря упорной организационной работе руководителей завода и цехов.

Помимо трудовых успехов коллектива завода, направленных на выполнение поставленных задач, необходимо отметить и материальную помощь фронту. Самым массовым по своему размаху было движение по сбору средств в фонд обороны.

3 июля 1941 г. в механосборочном цехе завода был проведен воскресник – заработанные деньги были перечислены в фонд обороны и в этот же день был первый индивидуальный взнос в Госбанк – 100 рублей и обручальное кольцо от супругов Щеголевых, проводивших на фронт сына и дочь-врача.

Сбор средств проводился и по целевому назначению. Инициаторами сбора средств на строительство танковой колонны являлись комсомольцы завода. Они 16 ноября 1941 г. организовали воскресник и заработанные 3000 рублей передали на строительство танковой колонны «Иркутский комсомолец». Всего

было собрано наличными 207 337 руб. и перечислением компенсаций за неиспользованные отпуска 514 151 руб.

Пленум Иркутского обкома ВЛКСМ одобрил инициативу заводчан и открыл в Госбанке специальный счет на строительство танковой колонны. Почин получил широкую поддержку иркутян и жителей области. За короткий срок было собрано 2 842 855 руб. Заказ на изготовление танков отдали Иркутскому авиационному заводу, где инициативу поддержали комсомольцы и молодые рабочие и занялись его выполнением, уже в апреле 1942 г. 12 танков были готовы к отправке на фронт.

Коллектив завода ИЗТМ поддержал почин железнодорожников станции Иркутск-2 и колхозников артели «Гигант» Аларского района собрать для фронтовиков теплую одежду. В сентябре 1941 г. от работников завода поступило: 75 полушубков, 85 шапок ушанок, 100 пар белья и т. п. всего за ту осень было собрано 7215 теплых вещей и 57 635 руб. на покупку новых.

Кроме того, коллектив завода выступил с обращением собрать новогодние подарки воинам Красной Армии. «Сейчас по цехам завода, – писала газета «Металлист» 23 сентября 1941 г. – проходит организованная подготовка подарков. Девушки и женщины вышивают носовые платки, клеят конверты, шьют воротнички, юноши и мужчины готовят папиросы, табак, бритвенные приборы и прочее. Комсомольцы фабрики-кухни изготавливали печенье собственного приготовления. Работники подсобного хозяйства взяли на себя обязательство собрать 5000 индивидуальных подарков, откормить 25 свиней, поймать 2 тонны рыбы, собрать тонну ягод и тонну орехов.

24 декабря 1941 г. с вокзала Иркутска отошел поезд для воинов Красной Армии с подарками от иркутян, в частности, от завода было отправлено 17 049 индивидуальных подарков, 1304 кг брусники и 502 кг пельменей.

В фонд обороны, кроме сбора наличных материальных средств, большой размах получила подписка на второй и третий государственные займы обороны и займ Победы.

Вся подписка на займы составила 7829 тыс. руб., и на денежно-вещевую лотерею 1107 тыс. руб.

В июне 1944 г. на совместном совещании парткома, профкома и комитета ВЛКСМ завода было принято решение пересмотреть условия социалистического соревнования между трудящимися для более широкого охвата всего коллектива под призывом: «Всё для фронта – всё для разгрома врага». Девятого июля 1944 г. по заводу приказом № 118 были приняты условия социалистического соревнования среди всех подразделений завода с подведением итогов работы по окончании каждого месяца. Девятого сентября 1944 г. приказом № 195 по заводу были подведены первые итоги социалистического соревнования по основным и вспомогательным цехам, по техническим отделам, вспомогательным службам, а также между инженерно-техническими работниками и рабочими всех подразделений завода, не входивших в бригады. Победители были

отмечены денежными премиями, занесением на заводскую Доску Почета, объявлением благодарностей с занесением в личное дело.

Социалистическое соревнование выявило желание молодежи объединяться в бригады и бороться за звание фронтовых комсомольско-молодежных бригад. Количество бригад стало возрастать по всем подразделениям завода.

Комсомольско-молодежная фронтовая бригада, руководимая З.А. Гришачкиным, начиная с 1942 г. и до конца войны систематически перевыполняла производственные задачи. Кроме комсомольско-молодежных фронтовых бригад на заводе было организовано и стахановское движение – для увеличения рядов стахановцев на заводе было создано 66 стахановских школ, которые возглавляли опытные стахановцы: Осипенко, А. Рачковский, Г.М. Соболев, В. Волленцов и многие другие, особенную роль в организации школ принимала замначальника отдела кадров Грибов.

Основной формой социалистического соревнования бригад на заводе было движение по выполнению планового задания до 200 %, отдельные рабочие перевыполняли сменные задания. Например: А.С. Ильвутченко – до 800 %, фрезеровщик И.В. Поляков – до 250–300 %, в прокатном цехе бригада Юдина – на 300 %, слесарь-ремонтник А. Рачковский – на 350 %.

В январе 1942 г. на заводе провели слет стахановцев, на котором приняли обращение к рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, взять на себя следующие обязательства:

1. Сделать завод передовым в г. Иркутске.
2. Выполнять заказы в срок.
3. Использовать каждый станок в течение 22 часов, не допуская простоев.
4. Выполнять производственные задания не ниже 150 %.
5. Поднять производственную и трудовую дисциплину на уровень требований военного времени.
6. Каждый стахановец подготовит не менее трех квалифицированных рабочих.
7. Каждому стахановцу овладеть не менее, чем одной военной специальностью.

Бригадиры кузнечного цеха М.И. Гизатулина, Похленко, Зуева, Болотникова, Г.И. Мурашова, И.С. Давыдова выполняющие постоянно свои сменные задания на 200 %, приняли обязательство добиться, чтобы остальные бригады цеха были так же двухсотыми.

Рабочие чугунолитейного цеха взяли обязательство ежемесячно выполнять производственные задания на 110 % и снизить себестоимость продукции на 10 %.

В сталелитейном цехе смена мастера К. Антонова постоянно выполняла производственный план на 200-205 %.

Мастер-стахановец Г.М. Соболев говорил: «За высокие показатели в работе мне присвоено звание знатного мастера завода. Это обязывает меня повысить в своей смене производительность труда еще больше».

Формовщик Горелов формовку деталей вместо 20 часов по норме выполнял за 8 часов, его выработка составляла 368 %.

Особо выделялись: модельщики Г. Зиновьев, слесарь механосборочного цеха К.К. Киселев, зуборезчик П. Копченко, работающий на четырех станках, а такие рабочие были в каждой бригаде, смене, цехе.

Фронтальные комсомольско-молодежные бригады существовали до конца войны, по окончании Великой Отечественной войны были подведены итоги их соревнования.

Приказом по заводу от 15 июня 1945 г. были отмечены лучшие бригады:

1. Фронтальной комсомольско-молодежной бригаде т. Гришачкина, сохранившей первое место и переходящее Красное Знамя комитета ВЛКСМ, выдать премию – бригадире 400 руб. и премировать членов бригады – 1200 руб. (цех 5).

2. Фронтальной комсомольско-молодежной бригаде т. Чеботарева, занявшей второе место, выдать премию, бригадире – 300 руб., бригаде – 900 руб. (электро-механический цех).

3. Фронтальной комсомольско-молодежной бригаде т. Гинзбург, занявшей третье место, выдать премию, бригадире – 200 руб., и на премирование членов бригады – 500 руб. (цех 5).

4. Фронтальной комсомольско-молодежной бригаде т. Казанской, занявшей четвертое место, выдать премию, бригадире – 200 руб., бригаде – 400 руб. (цех 3).

Кроме этого, приказом были отмечены за хорошую работу 19 фронтальных комсомольско-молодежных бригад из цехов № 1, 2, 4, 11, 12, 20.

Меры поощрения передовиков производства были разнообразны: благодарности, присвоение звания «Лучший рабочий», «Лучший мастер», вручение почетных грамот, занесение на Доску Почета, денежные премии, представление к правительственным наградам и другие. За 9 месяцев 1944 г. звания «Лучший рабочий» были удостоены 907 человек, занесены на Доску Почета 289 человек, получили почетные грамоты 63, вписаны в Книгу Почета 4 человека. За успехи в декабре 1944 г. на заводскую Доску Почета были занесены 45 человек, в том числе мастера К.М. Брюханенко, А.В. Сергеев, С.С. Харламов, И.П. Вениаминов, М.Н. Мамаева, П.И. Лазарев, А.Н. Ситников. Стахановцы В.П. Малых (слесарь), В.А. Крон (сверловщик), И.И. Богдан (токарь), В.А. Дмитриева (строгальщица), И.П. Шанченко, В.И. Ковригина и другие.

На заводе основным направлением соревнования трудовых коллективов было выполнение и перевыполнение производственного плана, а также развернулось соревнование за экономию топлива и электроэнергии, за бережное и рациональное использование инструментов, за экономию средств, за сокращение брака.

Так, бригада электриков цеха в составе Н. Коновалова, И. Клыпина, Л. Пологонкина и Н. Стамбовского добилась экономии электроэнергии 40 469 киловатт-часов. В цехе 10 электрик Пжелуцкий обеспечил экономию 7348 киловатт-час,

а электрики цеха 9 Подгорный и Лукашевич – 19 334 киловатт-часов, также в цехе 9 было сэкономлено жидкого топлива 15 тонн 73 кг и 13 тонн угля.

Широко на заводе развевталась рационализаторская работа. За первые несколько месяцев войны экономия составила 1 161 400 руб. В 1944 г. было внедрено 577 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 1 808 552 руб. за первый квартал 1945 г. внедрено 67 с экономическим эффектом 726 524 руб. Лучшими рационализаторами были признаны: Ланин, Медвецкий, С.М. Морозов, Ровенко, Будалов, Реук, Василенко, Гарбуз, Нефедов, Шкуратов и многие другие.

Наряду с перестройкой производства завода на военную продукцию, возникает продовольственная проблема. В стране была введена карточная система.

Для обеспечения работников завода в дополнение к государственным продовольственным фондам завод имел подсобные хозяйства – совхозы «Качугский», «Искра», «Куйбышевский».

Зимой теплица совхоза «Искра» давала заводской столовой сверх плана одну тонну зеленого лука, 470 кг молодой свеклы и много других овощей.

На заводе была создана система питания для рабочих и служащих, а также для членов их семей. К началу 1942 г. было установлено, что 75 % работающих снабжение получили через фабрику-кухню, 25 % работающих – через торговую сеть, кроме того, через торговую сеть по карточкам снабжались иждивенцы: взрослых – 2783, детей – 3697.

Двухразовое и дополнительное питание получали:

1. Учащиеся школ трудовых резервов – 360 чел.
2. Инвалиды Отечественной войны – 86 чел.
3. Старшие мастера – 234 чел.
4. Работники охраны – 109 чел.
5. Больные, направленные амбулаторно – 69 чел.
6. Рабочие на казарменном положении – 900 чел.
7. Рабочие горячих цехов – 878 чел.
8. Рабочие, перевыполняющие норму – 1921 чел.

Увеличение состава работающих на заводе в основном шло за счет женщин, поэтому остро встал вопрос с детскими садами. В феврале 1942 г. завод имел два детских садика, которые посещало 267 детей, а к январю 1943 г. было 4 детсада и численность детей составила 957 детей. При детских садах № 2, 3, 4 были открыты интернаты. Детям фронтовиков и эвакуированных через детские сады оказывалась материальная помощь.

Забота о семьях военнослужащих не прекращалась до конца войны. В феврале 1945 г. был проведен месячник сбора средств для них. Председатель заводской комиссии по сбору средств Г. Студенкова сообщила, что собрано 138 000 руб., материальную помощь оказывали семьям Янус, Максимовой, Матвеевой, Ивановой, Проказовой и многим другим.

Руководство завода, организуя работу по наращиванию выпуска продукции, заботясь о питании рабочих и служащих, о семьях фронтовиков и эвакуи-

ированных, об их детях, проявляло заботу о полноценном отдыхе трудящихся. Большой размах получила культурно-массовая работа. Проводились вечера художественной самодеятельности в заводском доме культуры. Бригады ее участников выезжали в подсобные хозяйства и в районы области.

Подводя итоги работы коллектива завода за военные годы с 1941 по 1945, делаем выводы:

Руководство завода постоянно стремилось к наращиванию производственных мощностей:

1. В механических цехах оборудование увеличилось – 2 раза.
2. Чугунолитейном – 1,7 раза.
3. Кузнечном – 1,5 раза.
4. Металлоконструкций – 1,3 раза.

Героический труд работающих на заводе и постоянное увеличение производственных мощностей позволили коллективу завода организовать бесперебойные поставки для фронта боеприпасов: мин и авиабомб, а также минометов во всевозрастающем количестве.

Одновременно на заводе изготавливались комплектующие для снарядов (фаспрудки) и авиабомб (обечайки), которые отправлялись на спецзаводы для окончательной сборки. Производство вооружения и комплектующих для военных заказов составляло 65 % от общего объема заводской продукции.

Наряду с выпуском военной продукции от завода требовали быстрого и резкого увеличения продукции для оборонных предприятий. Одним из первых заказов было изготовление 3700 тонн оборудования для 10 домен, в числе которых была крупнейшая в Европе шестая комсомольская домна Магнитогорского металлургического комбината. В 1943 г. завод изготовил двухленточную разливочную машину для Челябинского металлургического завода, перекидные устройства к мартеновским печам, оборудование для комплектования прокатных станов. С 1944 г. завод выпускает шахтные подъемники, стружкодробилки, принимает участие в восстановлении Сталинградского тракторного завода «Красный пролетарий», Енакиевского и Мариупольского коксохимических заводов. Изготавливает оборудование для крупнейших домен Урала, мартенов Узбекистана и Казахстана, завод активно помогает сельскому хозяйству, изготавливая детали для тракторов.

За годы войны валовая продукция увеличилась в 3,5 раза, заводом были укомплектованы 9 доменных и 52 мартеновских печи, 15 прокатных станов, 31 коксовая батарея, изготовлено 1000 тонн другого оборудования для десятка промышленных предприятий.

В 1944–1945 гг. завод поставлял оборудование для освобожденных районов Украины и на шахты Донбасса.

К концу войны на заводе впервые освоили выпуск легированных сталей и горячий прокат меди.

Успехи завода были отмечены – 12 августа 1942 г. из Москвы была получена телеграмма: «Иркутск, завод Куйбышева, Моисееву, Линцову. Поздравляю

коллектив завода – победителя в социалистическом соревновании с присуждением переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Оборона. Перед коллективом стоят большие задачи по безусловному выполнению и перевыполнению заказов черной и цветной металлургии. Уверен, что самоотверженным трудом коллектив обеспечит перевыполнение этих важнейших заказов, закрепит за собой почетное знамя Государственного Комитета Оборона. Желаю успехов в работе. Народный комиссар тяжелого машиностроения Казаков».

Коллектив завода на протяжении четырех месяцев удерживал переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона. Годовой план по валовой продукции за 1942 г. ИЗТМ выполнил на 108,3 %, по товарной продукции на 102 %.

В апреле 1942 г. руководители завода и передовики производства были отмечены правительственными наградами:

1. Орденом Красной Звезды – бывший директор Н.М. Жариков, директор М.П. Моисеев, начальник цеха № 2 П.С. Коробкин.

2. Орденом Трудового Красного Знамени – начальник деревообрабатывающего цеха К.И. Насакин.

3. Орденом «Знак Почета» – шлифовальщик цеха № 12 К.Ф. Генералов, главный инженер завода К.И. Брехов.

4. Медалью «За трудовую доблесть» – 5 человек.

5. Медалью «За трудовое отличие» – 3 человека.

В ноябре 1942 г. были награждены 11 человек, в том числе вторично:

1. Орденом Красной Звезды – директор М.П. Моисеев, начальник цеха № 2 П.С. Коробкин.

2. Орденом «Знак Почета» – главный инженер завода К.И. Брехов.

Родина высоко оценила трудовой героизм коллектива: Указом президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1945 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Решением Государственного Комитета Оборона ему было оставлено на вечное хранение Красное знамя ВЦСПС и Наркомата тяжелой промышленности СССР.

За самоотверженный труд в военные годы 70 работников завода награждены орденами и медалями Советского Союза, 3776 человек получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 465 человек награждены орденами и медалями за боевые и трудовые подвиги во время войны.

В годы войны заводом руководили:

в 1941 г. Н.М. Жариков, директор завода;

Ю. Кочубей, главный инженер;

Н.П. Виноградов, секретарь парткома;

Н. Бунтина, секретарь комитета ВЛКСМ;

Г.И. Жук, председатель профкома.

- в 1942 г. М.П. Моисеев, директор завода;
К.И. Брехов, главный инженер;
К.А. Линцов, секретарь парткома;
Н. Бунтина, секретарь комитета ВЛКСМ;
Г.И. Жук, председатель профкома.
- в 1943 г. М.П. Моисеев, директор завода;
К.И. Брехов, главный инженер;
К.А. Линцов, секретарь парткома;
М. Выборов, секретарь комитета ВЛКСМ;
Г.И. Жук, председатель профкома.
- в 1944 г. К.И. Брехов, директор завода;
А. Видута, главный инженер;
Орлов, секретарь парткома;
В. Соляник, секретарь комитета ВЛКСМ;
Юревич, председатель профкома.
- в 1945 г. К.И. Брехов, директор завода;
А. Видута, главный инженер;
Орлов, секретарь парткома;
В. Соляник, секретарь комитета ВЛКСМ;
Юревич, председатель профкома.

В.И. Дорофеевко

Верили и ждали (Воспоминания и раздумья)

Сегодня я, давний сельский житель, с генами природного крестьянина, наблюдаю бурную городскую жизнь. Пришлось. В Иркутск, знакомый с молодых лет, который посещали наездами и сам и будущая жена Клавдия Васильевна Шелестова, когда заочно учились в институтах, переехали из Заларей, чтобы обрести на старости свободную от постоянных в деревне и ставших уже непосильными хлопот о воде и тепле. Да и дети, их у нас трое, определились после учебы на постоянное место жительства в Иркутске. А теперь и внуки пытаются найти здесь пристанище...

Волей-неволей привыкай бывший редактор Заларинской районки «Сельская новь» к новому образу жизни. А что привыкать? Радуйся! Водичку возить на тележке или на санках в алюминиевой фляге не надо – кран под рукой. Не надо с топором ходить в лесосеку, разгребать снежные сугробы. Пишу как-то письмо на родину, в Каменку, брату Николаю, учителю истории, известному краеведу, почетному работнику общего образования Российской Федерации, недавно опубликовавшему объемную книгу очерков по истории родного села, и ради шутки говорю: «Живу я теперь, браток, как барин: при мне вся прислуга – и дровосеки, и водовозы, и дворники...» Шутка шуткой, а прошлое, и раннее,

и позднее, как бы рядом с настоящим, еще не отделилось и напоминает о себе часто.

С площадки, любуясь, гляжу на обновленную, шумную Байкальскую улицу. По ней беспрерывный поток автомобилей. Кажется, весь город в пути. Пытаюсь представить, куда едут люди и зачем. Тщетно. Новому человеку преклонного возраста трудно понять жизнь старинного, некогда знакомого города в корне изменившейся обстановке. Людно на остановке общественного транспорта. Людно, а обмолвиться добрым словом не с кем – вокруг все незнакомые лица. В Лисихе не оказалось переехавших из Заларей, Тулуна, Усолья-Сибирского, где повелевала жить журналистская судьба, виданных людей...

И вот в такие минуты чуткая память невольно уносит в далекое прошлое.

Каменка... Большое старинное село на каменном полуострове, образованном красавицей Ангарой и ее притоком речкой-тихоней Идой. После переселения в 1934 году с заимки Сватковой Каменка с ее известной обширной округе переправой через Ангару, гостеприимными людьми стала второй родиной.

1941 год. Успешно закончена учеба в семилетке. К слову сказать, – вместе со старшим братом Алексеем, в один год пришли в первый класс и закончили тоже. Известие о начале войны с гитлеровской Германией не омрачило надежду продолжать учебу. Брат поступил в Черемховское педучилище, я выбрал Горный техникум. Почему-то понравилось объединенное с романтикой слово «горный». Война шла по пятам. Пути наши с братом разошлись. Летом 1942 г. его призвали в армию, следом за ним ушел на службу и сорокадвухлетний отец. На руках матери-домохозяйки – трое младших братьев и сестра. Оставляю учебу. Надо работать, кормить себя и помогать матери. Работать? А где? Мести заготзерновскую ограду? Должности такой нету. Сторожем на нефтебазу не примут... Вот те и работяга – помощник матери! До отчаяния точит досада. Выручил дядя по матери Константин Дмитриевич Проскурин.

– Ванек, а нет ли у тебя намерения стать трактористом? – спросил, прервав чтение шолоховской «Поднятой целины».

– Шутишь, дядя Котя!

– Да нет. У нас в МТС организованы курсы... Подумай... Утром скажешь...

Ночь прошла в тревоге. Просыпаясь, все думал, что отвечу дяде. Мелькала даже мысль-желание о том, чтобы забыл об искрометном разговоре. Нет, напомнил, добавив, что на курсах тоже молодые парни и девчата.

Директор Идинской машино-тракторной станции Махлаев посмотрел на меня с затаенной улыбкой и спросил:

– Сколько же те лет, орёлик?

– Скоро будет пятнадцать...

– Маловато. – подумал. – Да што сказать?.. Судя по телосложению, можно дать и поболее... Тогда подойдет... Война... Новые кадры нужны всюду. И у нас тоже... Токо вот беда: курсы идут уже месяц... Наверстаешь ли пройденное?

– Не боюсь! В школе шел на четверки да пятерки. Без вступительных экзаменов в техникум поступал. Пришлось оставить...

– Понятно... Война... Она, орёлик, всем указала свое законное место. По-отцовски желаю тебе удачи...

Курсы, то есть занятия в классе, закончились в начале апреля. Погоняли на колеснике по площадке, обретая навыки управления – проезд по отметкам вперед и задним ходом, прицепление к плугу или сеялке – и аттестованный тракторист. Весна была ранняя и скорее звала в поля. Как «единоличника», курсанта без направления на учебу от какого-либо хозяйства, меня определили в соседний с Каменкой колхоз «Ида». Стал напарником уже проработавшей два сезона на юрком колеснике марки «Универсал» Натальи Бирюковой.

...Первая борозда на хлебном поле. Помнится, повторяя чувство радости, и она! Об этом я говорю в готовящейся к изданию стихотворной повести «Хлеб сибирский, хлеб целинный».

*...Майский был денек погожий.
Жаворонок ликовал.
В этот день, такой пригожий,
Как на праздник (я-то знал!),
На поляну средь березья
Вывел свой «Универсал».
Смотрит, будто весть откуда,
Вся бригада на меня:
– «Ведь пацан, а явит чудо:
Впряг железного «коня»!
Впряг-то ладно. Пусть загон,
Как положено, разметит...»
Но и тут не сбраковал.
Борозду, как по линейке,
Строчкой ровной пропахал...*

С посевной уладили в срок. А дальше работа на полях почти застопорилась – опустели баки, кончилось горючее. Станет поступать, полагал бригадир Гаври-ла Бирюков, дядя моей напарницы Натальи, разве только к началу уборочной страды. Догадывались, что горючее запасают, чтобы не случилось перебоя во время сражения на Курской дуге... Сиди, пахарь, жди у моря погоды? Не годится! Что молвят работающие старички да старушки, глядя на молодого, путь даже и невольного, бездельника. Работа сыскалась в ремонтной мастерской – слесарем по тракторному электрооборудованию и одновременно мотористом. Чудно – без нарочитой подготовки занял две должности. Объяснить просто: в моей комнатухи, называвшейся электроцехом, стоял «Кировец», немудреный нефтяной движок, который через трансмиссию заставлял работать токарный станок. Вот и поручили обслуживать этот движок. В течение года, до призыва на службу в Красную Армию в ноябре 1943 года, я и твердо стоял на двух «постах». Работали чуть ли не с восхода солнца и до самого заката. Летом это

было заметно особенно. Да и зимою на часы не смотрели, ориентир был один – прийти пораньше, уйти попозднее. Спросите, сколько платили за работу? Ей-богу, не помню. Не задумывались мы тогда об этом. Есть дома картошка, стакан молока, ломтик хлеба, на вечерку чистая рубашка – и доволен. Работали, памятуя о том, что все нужно для фронта, для победы...

Были и в ту тревожную пору моменты отдохновения. Комсомольский вожак Надя Якимова как-то успевала собрать молодежь в команду художественной самодеятельности. С чеховскими водевилями ходили к жителям окрестных заимок. В ремонтном цехе в обеденный перерыв постоянно читал газетные публикации с фронта механик Георгий Ильич Маньков. Закончит и скажет: «Настанет время – солдаты Красной Армии триумфальным маршем пройдут по улицам Берлина».

Верили и ждали...

А помню, будто это было недавно, как в порыве чувства радости на исходе одной из ночных благополучных смен, когда над вспаханном полем рассыпались первые лучи восходящего солнца, запел: «Там вдали, за рекой, догорали огни...» Огни догорели, а в моей груди воцарилось чувство неотразимой причастности к созидательному настрою всех, кто был рядом, и с теми, кто за далеким Уралом упорно сдерживал атаки все еще торжествующего врага. И вспомнил старшего брата Алексея, готовящегося в то время где-то в Мордовии к сражению на Курской дуге. День Победы он встретил вдали от русской земли. Участвовал в разгроме милитаристской Японии. После демобилизации работал директором школы, преподавал русский язык и литературу. Вместе с женой Анной Васильевной, тоже учительницей, ныне покойной, вырастили и дали доброе напутствие в жизнь восьмерым детям.

...Дорогой ценой досталась Победа советскому народу, вынесшему основную тяжесть в борьбе с фашизмом. Однако ныне некоторые западные политики норовят переосмыслить итоги Второй Мировой войны. Да, союзники открыли Второй фронт и тоже внесли в Победу свою лепту. Но когда? Когда уже было очевидно скорое падение фашистской Германии...

Уместно спросить и о том, знает ли истинную цену и не усеченную правду о Победе современное поколение россиян. Боюсь сказать, что знают. Правда, на мой взгляд, в том, что говоря о войне, о Победе, мы оглашаем это как итог стихийного движения народа, скорее направляемого невидимой «сверхъестественной силой». Будто как и не было в то памятное время ни Государственного Комитета Оборона, ни Верховного Главнокомандующего, ни командующих фронтами, ни партийных и советских руководящих органов. Забыть о них – значит ловко уйти от правды в оценке Победы. А победа всегда за теми, кто не боится и не стыдится говорить правду.

Иван Фетисов, ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза журналистов

Концерты шли под грохот канонады

В семье Юрия Францевича Семяцкого, ветерана завода, хранится один из документов военных лет. Это отзыв о работе самодеятельного джаз-коллектива ЦК Союза рабочих авиационной промышленности. Джаз-группа, свидетельствует документ, с 27 декабря 1944 года по 4 марта 1945 года дала 119 концертов в частях и соединениях 2-го Прибалтийского фронта. Коллектив работал в тяжелых фронтовых условиях с популярной доходчивой программой, за что получил благодарность от командования.

Что же это за коллектив? Фронтовые артисты в составе двадцати человек были посланцами Иркутского машиностроительного завода. Молодые, талантливые парни и девушки, они тоже стремились приблизить победу над врагом. И пусть не ходили в атаку, не стреляли из пушек и пулеметов, – их оружием была сила искусства. Они заставляли плакать и смеяться уставших от войны солдат, которые в короткие передышки между боями приходили на их концерты. Музыка и песни иркутян вдохновляли бойцов на решающую победную битву.

Старая фронтовая фотография из семейного альбома Семяцких запечатлела всех участников джазовой группы. Многие сфотографировались со своими музыкальными инструментами. Все артисты после поездки на фронт вернулись на завод, работали, некоторые из них разъехались по стране, но живы на сегодняшний день лишь немногие. В их числе Юрий Францевич Семяцкий.

Вот он на фотографии: сидит внизу слева со своим неразлучным другом-саксофоном. Сейчас ему уже далеко за семьдесят, мучают болезни, но духом он бодр. Чувствуются мужицкая основа и закалка, полученная в это трудное время.

Какая дорога привела молодого паренька Юру Семяцкого в джазовый оркестр, который был образован во Дворце культуры еще в начале войны? Его отец был музыкантом: играл на барабанах в духовом оркестре. И Юрий тоже увлекся музыкой. В 12 лет записался в любительский кружок. Играл на кларнете. В 1941 году после семилетки он поступил на завод, токарем в 43 цех, а через год, взяв в руки саксофон, став активным участником художественной самодеятельности. И все годы работы на заводе совмещал он с игрой в оркестре. Музыкантский стаж Юрия Францевича немного больше трудового, лет на десять. А заводу он отдал более 50-ти лет своей жизни.

Поездка в составе концертной бригады на фронт оставила глубокий след во всей дальнейшей жизни Ю. Ф. Семяцкого. Тогда ему было всего 18, и он хорошо помнит все фронтовые моменты.

Поездки джазовой группы на фронт добиться было нелегко. Помог прибывший на завод представитель ЦК профсоюза авиационной промышленности. Но жребий выпал не всем. Были отобраны 20 лучших музыкантов из всего состава в 40 человек. Начальником бригады назначен М. С. Лернер (на фото – крайний слева), по всей вероятности, работник парткома завода. Художественным ру-

ководителем был Константин Петропавлов (на фотографии он с саксофоном, с правой стороны от аккордеониста Павла Хотянова).

После прибытия в Москву концертная бригада прошла «жесткую цензуру» в Центральном доме Красной Армии. Все приготовленные концертные номера были забракованы. Ребята запаниковали. Неужели все сорвется? Но опять помогли из ЦК профсоюза. Прикрепили к коллективу композитора Сидорова, который в течение месяца подготовил с группой новую программу. С нею и выехали артисты на 2-й Прибалтийский фронт, командовал которым генерал армии А.И. Еременко. В политуправлении г. Риги концертная программа была просмотрена вновь. И наконец-то бригада включилась в работу. Концерты шли по два-три раза в день. В каком месте фронта находилась группа в данный момент – никто не знал. Документов у ребят не было (сдали на хранение начальнику бригады). Приезжала за группой машина, в сопровождении офицера, все садились в нее и ехали в очередной пункт. Там, на сооруженных наспех подмостках, начинался концерт. Не рвались рядом снаряды, лишь вдалеке была слышна канонада, а ребятам хотелось на передовую...

Юрий Францевич рассказывает: «Обслуживали мы госпиталь, а там в одной из палаток шло совещание, которое проводил командующий фронтом Еременко. После концерта он пригласил нас к себе. Мы ему рассказывали об Иркутске, о заводе и выразили сожаление, что фронта что-то не чувствуется. Командующий спрашивает: «А что вы будете делать в окопах-то? – и немного помедлив, обращается к присутствующему в палатке генералу: «Ну так сделайте им фронт!..»

Везли нас долго на двух машинах. Хорошо помню, что приехали мы в 265-й гвардейский полк, оснащенный «катюшами». Обе машины состыковали, раскрыли борта – получились импровизированные подмостки. Когда начался концерт, я невольно почувствовал в поведении солдат какую-то нервозность. Спрашиваю в перерыве одного из них: «Где мы находимся?» А тот отвечает: «Да вы играйте, не бойтесь, немцы стрелять не будут. Они любят слушать музыку». Оказывается, мы давали концерт под носом у фашистов. На ночевку разместились в землянках. И тут такая началась канонада! Все кругом затряслось. Вот где мы почувствовали, что такое фронт...»

Опасность подстерегала артистов на каждом шагу. Но страшно не было. Видимо, молодость – не союзница страха...

Юрий Францевич продолжает свой рассказ: «Однажды после концерта мы переезжали на новое место. У нашей машины на дороге внезапно заглох мотор. Я подошел к шоферу, со мной – сопровождающий нас офицер. «Закрывай быстрее капот, давай заедем хотя бы вон за ту гору, – обратился офицер к шоферу», – а то нас тут подбить могут». Прошло несколько минут и, к счастью, мотор заработал. Когда мы подъезжали к повороту, я оглянулся назад и увидел, что в то самое место, где стояла наша машина, ударил снаряд, взметнув к небу серое облако пыли и комья земли.

А вот еще случай. Привезли нас в лесок. Такие же березки, сосенки, совсем как у нас в Сибири. Зашли мы в палатку, чтобы переодеться в концертные костюмы. Там, помню, печка была. Дали концерт... Через несколько дней повезли нас в госпиталь, где мы должны были выступить перед ранеными. Оркестру негде было развернуться, и наши солисты пели под аккордеон. И тут подходит к нам солдат на костылях и говорит: «А я вас видел, вы у нас выступали. Пошел я за дровами, чтобы растопить печку в палатке, и попал на мину. Вот, ногу оторвало...»

Где только не побывала концертная группа! Выступала перед пехотой, артиллеристами, бывала и в летных частях. Юрию Францевичу запомнилась встреча с женским летным полком. Летчицы очень гордились своими самолетами. Они перевозили раненых, участвовали в разведывательных операциях. Это были довоенные учебные машины, развивавшие небольшую скорость. Но зато летать эти воздушные тихоходы могли в любую погоду. И как ни охотились за ними немцы – сбить их было почти невозможно. Бригада Петропавлова после концерта устроила для летчиц танцевальный вечер, за что весь женский полк от души благодарил артистов.

И где бы ни выступал коллектив, солдаты встречали его на «бис», а потом говорили: «Хоть на часик, а забыли мы о войне».

Концерты обычно начинались с марша Дунаевского из кинофильма «Светлый путь». А особенно любили бойцы лирические песни – «Катюшу», «Огонек». Бурные аплодисменты получала солистка Лидия Четкина за танго «Голубые глаза». Чудный был у нее голос. «Вот только в дальнейшем не состоялась она как певица», – с сожалением отметил Юрий Францевич. Хорошей солисткой была и Екатерина Трофимова. Сейчас она живет в Москве. Сам Юрий Францевич вместе с пианистом Юрием Соколовым пели дуэтом песню «Девушка».

Кроме музыкальных и песенных номеров представлялась зрителям танцевальная сценка в исполнении Владимира Страшнова – ударника оркестра, Николая Котова и Лидии Кочкиной.

Подготовленная Сидоровым программа не очень нравилась самим артистам. Ну как можно исполнить, например, русскую народную песню «Я на горку шла»... под джаз?! Поэтому ребята стали потихоньку протаскивать те номера, которые они привезли из Иркутска. Их хорошо встречали бойцы. Выступал и Сергей Парфенов с рассказом Зощенко «Гурьевская каша». Хотя еще в политуправлении на просмотре полковник по поводу этого номера заметил: «А вы знаете, ребята, что Зощенко не рекомендуется?» Но солдаты смеялись от всей души, и поэтому номер не сходил со сцены.

В далеком латвийском городе был один эпизод, который чуть не изменил всю жизнь Юрия Семяцкого. Ему предлагали остаться в джаз-оркестре 2-го Прибалтийского фронта, который пользовался тогда огромным успехом. А дело было так: Юрий с басистом оркестра Григорием Фещенко (в послевоенные годы Фещенко был директором ДК) уже в Риге пошли оформлять билеты, чтобы вернуться в Иркутск. И по дороге увидели рекламу о концерте прославлен-

ного джаз-оркестра. Ребята не преминули побывать на нем. В антракте Юрий зашел на сцену, и, увидев у одного из музыкантов немецкий саксофон, попросил разрешения поближе рассмотреть его. А когда взял в руки, не удержался и сыграл одну из музыкальных фраз. После этого и последовало приглашение в оркестр. «Бросай все и приходи к нам», – сказал музыкант. – Да у меня и документов-то нет, и как я брошу свой коллектив? – засомневался Юрий. «Мы все устроим», – заверил тот... Предложение было заманчивым и сулило профессиональный рост, но Юрий не мог оставить друзей, завод, да и ждала его в Иркутске любимая девушка Рая, с которой они жили по соседству и дружили еще со школьной скамьи...

Восторженно встречал Иркутск концертную бригаду, вернувшуюся с фронта. Даже с киностудии приехали, потом в журнале были кадры, а директор завода своим приказом объявил артистам благодарность. Позже командование фронта всех участников коллектива наградило медалями «За победу над Германией», которые были вручены им на заводе.

Юрий вернулся в свой родной цех и в этом же победном году сделал своей верной подруге предложение. С той поры они вместе уже около шестидесяти лет. Раиса Кузьминична тоже заводчанка. Работала в отделе 9 плановиком-экономистом до самого ухода на заслуженный отдых.

Дочь Семяцких, Нина Юрьевна (по мужу Зайцева), трудится, как и когда-то отец, в цехе 25. Юрий Францевич после окончания техникума работал там контрольным мастером.

Почти вся жизнь музыканта-саксофониста текла в одном русле: днем – работа, а вечером – бесконечные репетиции, концерты или выступления на танцплощадках. С самодеятельностью он объездил все города области – от Байкальска до Братска. И теперь не вспомнит такого момента, чтобы отказался, несмотря на то, что после фронтовой поездки здоровье его пошатнулось. Да и немудрено, ведь спали артисты где придется: в палатках, землянках, а зима в Латвии была сырой, слякотной...

«Послевоенная самодеятельность, говорит Юрий Францевич, – имела большой размах. И артистов все знали в лицо. Помню, перед концертом директор клуба представлял музыкантов: «Саксофон. Юрий Семяцкий, работает в цехе, где начальником Агнаев». А начальник тут же в зале сидит, после какого-нибудь собрания... Все заводчане тогда были одной большой и дружной семьей...»

А какие мы сейчас? Оброненное в благодатную почву зерно дает хорошие всходы. Много добрых зерен посеяли те, кого мы теперь называем нашими ветеранами. И верится, что хороших всходов с каждым годом будет все больше. Только молодым нужно почаще оглядываться на своих стариков.

Тамара Хебнева

Учить и учиться, несмотря на войну

Великий Народ не может состояться без знаний, науки и культуры. Русский, российский народ только подтверждает эту мысль. Все россияне тянутся к знаниям, усваивают их сами, передают из поколения в поколение. Наша родная Сибирь не исключение из этого правила. Детей старались выучить грамоте и счету, несмотря ни на какие трудности. Даже царское правительство открывало школы в самых отдаленных местах, где учились не только русские, но и все тянувшиеся к свету знаний народности. Значительно помогала в этом Церковь. Татьяна Ивановна Аксаментова родилась в 1911 году в селе Тутура Верхнеленской волости. Уже в шесть лет способную девочку отдали в церковно-приходскую школу. Я нашел в «Епархиальных ведомостях» за 1901 год упоминание об открытии этой школы при церкви в селе Тутура. Росла Таня в многодетной крепкой семье. Кроме нее было трое братьев и четверо сестер. И в своем селе и в соседних деревнях было много родственников. Все друг друга знали и уважали традиции. За дальнего родственника шестнадцати лет от роду она вышла замуж и переехала в село Чикан. В новой семье приходилось как и в родительской работать без роздыха. Даже убирать хлеб, чтобы успеть с погодой приходилось ночью при ясном свете луны. Муж Алексей Афанасьевич Наумов был старше ее на четыре года, но не воспротивился, чтобы она оставила свою фамилию. Через год у них родилась дочь. Назвали ее в честь равноапостольной первой княгини – Ольгой. Коллективизация по Прибайкалью прокатилась бульдозером. И своя и родительская семьи оказались раскулаченными. Отняли землю, дом, все хозяйство, нажитое не одним поколением. На телегу покидали утварь, здесь же положили колыбельку с младенцем и отправили на поселение в Усть-Илгу. При переправе через речку Илгу, вода смыла люльку и та поплыла, покачиваясь на волнах в Лену. Хорошо, что успели заметить и бросились подбирать. Об этом Ольга Алексеевна Черных (по мужу) рассказывает, словно помнит это сама. Без хозяйства, без работы на новом месте пришлось тяжело. Семья потихоньку перебралась в Иркутск. Наумов Алексей освоил автомобиль и стал работать шофером, а Татьяна Ивановна, пройдя должности нянечки и воспитателя, поступила в вечернее училище образования. Природная воля, разум, живой характер притягивали к ней детей и позволили быстро стать хорошим учителем начальных классов. Дочь, как все дети в это время, ходила в садик, потом поступила в школу. Казалось, жизнь семьи налаживается, и тут грянула война. Алексея Афанасьевича забрали в первые дни. Шофера всегда нужны в армии. Но сначала его отправили в Забайкалье. Школу, в которой училась Ольга, передали под госпиталь, а ее направили учиться из предместья Рабочее на улицу Франка-Каменецкого. Ей было уже тринадцать лет. Главное в это время было выжить. По карточкам выдавалось на иждивенца всего 500 граммов хлеба в день. А дома нужно было заботиться о маленьком брате Валерии, который родился в сороковом году. Мать Татьяну Ивановну назначили

директором спецшколы, и она проводила там все свое время, чтобы наладить учебу и быт обездоленных детей.

Всем горожанам приходилось работать в пригородных совхозах и одновременно учиться по месту жительства. Закончив семь классов, Ольга поступила в педучилище в Глазковском предместье за семь километров от дома. От отца долгое время не было писем. Знали, что он попал на фронт под Сталинград. В 1943 году пришло извещение: «Ваш муж, отец и сын (с ними жила мать Алексея Акулина Никитична) пропал без вести». Сейчас не многие знают, что это значило в те годы. Можно было лишиться родных единственным средством существования – продуктовых карточек, а можно было и посадить в тюрьму – предполагая, что воин сдался в плен. Но видно в том полку, где служил Алексей Афанасьевич, никто в такое не верил и продолжали высылать по его аттестату.

Четырнадцатилетних учениц отправили на Байкал ловить омуль для фронта. Три месяца по грудь в холодной воде Ольга вместе со всеми тянула невод и вытаскивала из него рыбу. С продуктами бывали задержки, чтобы поесть хлеба меняли его на свои вещи у бурят. Те часто сами давали продукты. Сменяя на платье полпуда муки, насушив простой рыбы, Ольга с подругами вернулась на занятия в Иркутск.

Потом, спустя пятьдесят лет, предоставив справку, что она работала в рыбацкой артели, она получила удостоверение «Ветеран Великой Отечественной войны».

Радостным днем стало окончание войны. Узнали об этом пополудни. Стали выходить на улицу, плакать, обниматься, петь песни. Еще долгое время ждали, что объявится Алексей Афанасьевич, но чудес не бывает. Татьяна Ивановна стала вдовой. Она так и не вышла замуж, прожив до восьмидесяти девяти лет. Все это время она была связана с образованием, многократно избиралась в районный и городской Совет депутатов. Дождалась трех внуков и восьми правнуков. Ольга Алексеевна с шестнадцати лет преподавала в школе. Закончила исторический факультет Иркутского госуниверситета. Преподавала историю, была классным руководителем у трех выпусков. Затем почти тридцать лет преподавала в Иркутском политехническом институте. Защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом. В 1950 году познакомилась со студентом горно-металлургического института, бывшим фронтовиком Николаем Черных. Они поженились и пятьдесят семь лет прожили вместе. Мама рассказывала: «Какое бы трудное не было время, Советская власть заботилась об учебном процессе. Старалась обеспечить учителей и учеников хотя бы самым необходимым – помещением, едой, зарплатой. Безмерен был почет и уважение учителей». И к бабушке, и к маме постоянно приходили их бывшие ученики. Посылают поздравления, приглашают на встречи. Они помнят как в войну им отдавали свое тепло, свои знания их учителя.

А.Н. Черных

Проводы на фронт из сибирской деревни

Мои детские и юные годы прошли в деревне. Как сейчас говорят, в глубинке. Деревенька наша была небольшая – дворов тридцать. Добротные дома и хозяйственные постройки тесно стояли по обе стороны единственной улицы. Места у нас хорошие, кругом леса, среди лесов – поля, на полянах – клубника, на лесных опушках – земляника. Словом, приволье. В ясные дни мы любовались Саянами, их белые вершины были покрыты снегом.

Деревня была огорожена забором, его называли поскотиной. Наверное, для того, чтобы телята, поросята и гуси паслись вокруг деревни и не могли попасть на хлебные поля и огороды. На обоих концах улицы стояли ворота, и каждый житель знал: прошел, проехал ли – закрой ворота за собой.

Климат у нас такой – летом жарко, а зимой мороз до 40 градусов и более, но дни в основном безветренные. До районного центра – тридцать километров, связи никакой, а транспорт – лошади. Чтобы добраться туда и вернуться, около двух суток уходило (с ночевкой в райцентре).

Не было в то время в деревне ни электричества, ни телефонов, ни радио. Освещение в доме – керосиновая лампа, на улице, в хозяйственных постройках – уличный керосиновый фонарь. Народ деревенский был дружный, сплоченный, трудились всегда с огоньком, как бы подзадоривая друг друга. Особенно женщины. Казалось бы, если целый день в поле поработать с косой или серпом, до песен ли? Но они возвращались с полей с песнями и пели так задорно и голосисто, что слышно было издали. Входили в деревню дружной бригадой, на плечах орудие труда – серп или коса; в волосах, в руках – полевые цветы. Малышня всегда с радостью встречала женщин: они целовали своих чадушек, давали им цветочки. Те, держась за материнскую руку или подол, прыгали от радости, и по домам расходились, как будто вместе поработали.

В деревне жили люди разных национальностей – русские, украинцы, белорусы. Подкупала сплоченность односельчан, их взаимовыручка: помочь построить дом, хозяйственные постройки, выкопать или очистить колодец всегда находились желающие, причем бескорыстно, но, конечно, за сытное застолье.

23 июня 1941 года был прекрасный солнечный день, ничто не предвещало беды. Но приехал военком, собрал селян у конторы и произнес речь: фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну, идет срочная мобилизация воинов запаса 1919–1921 годов рождения. Наступила тишина, женщины прижались к своим близким, мужчины непрерывно курили. Вопросов не задавали, всем было ясно, что мирная жизнь закончилась. Кто-то из женщин заплакал, все стали быстро расходиться, понимая, что времени на сборы почти нет, а надо и баню успеть истопить, собрать сменное белье, питание минимум на трое суток.

Всю ночь деревня не спала. Готовили к отъезду близких. Помогали все – и соседи, и родня. Утром шли прощаться с каждым, кто уходил на фронт. Жела-

ли смело воевать, домой с победой возвращаться, детей, родителей, любимых не забывать.

В конце деревни собрались все. Гармонь играла, не смолкая. Кто пел, а кто рыдал, прижимаясь к родному человеку, боясь его потерять. Как бы ни храбрились подвыпившие сельчане, всех пугала неизвестность. На уме безмолвные вопросы: надолго ли? доведется ли еще увидеться?

Но вот подводы поданы, все ждут у ворот поскотины. Настало время отъезжать. И вдруг те, кому предстояло надолго, а может, навсегда покинуть родные места и дорогих сердцу людей, на глазах у всех совершили какой-то непонятный обряд: стали нагибать к земле молодые березки и на их вершинах заплетать венки из гибких веточек. Затем березки отпускали, те выпрямлялись, и на вершине каждой оказывался венок. Зрелище было удивительное и таинственное. Позже от кого-то я услышал, что существовала старая примета: если венок на березке самостоятельно распустится и останется зеленым, то воин домой вернется, а если венок засохнет, то и ждать нет никакой надежды... Не знаю, откуда взялось такое поверье, но что оно жестоко для родных солдата – это точно. Потом ходили смотреть на эти березки: некоторые при росте распустили завитую в венок вершинку, продолжали расти и зеленеть. Были и засохшие...

Такое никогда не забудется: последние поцелуи, слезы и причитания. Подводы с новобранцами тихо тронулись. Защитники Родины дружно запели: «Как родная меня мать провожала...», и песня, задорная, бравая еще долго не смолкала, тревожила душу, томила предчувствием. Трудно было предположить, что будет с воинами, что ожидает сельчан, оставшихся без кормильцев.

Война продолжалась долгие годы, жестокая, беспощадная. В деревне не осталось мужчин, они были там, на войне. После победы домой вернулись только шестеро.

Николай Удальцов

Иркутское оборонное общество в годы войны

Активная оборонно-массовая работа организаций Осоавиахима Иркутской области является одним из наиболее ярких выражений патриотизма сибиряков в годы Великой Отечественной войны.

На заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, учреждениях и учебных заведениях оsovиахимовские организации проводили массовое обучение людей военному делу. В созданных еще в 1940 г. группах и командах, без отрыва от производства готовили стрелков, снайперов, пулеметчиков, связистов и других специалистов. Планы подготовки летчиков, кавалеристов, связистов, автомобилистов и других военных специалистов всегда выполнялись.

Уже в сентябре 1941 г. многие призывники Иркутско-сельского, Черемховского, Тулунского, Аларского, Братского, Тайшетского, Слюдянского, Нижнеудинского, Усольского и других районов области имели по два-три оборонных

значка, владели несколькими военными специальностями. Более половины призывников Иркутско-сельского района были значкистами ГТО, ворошиловскими стрелками, 90 % – значкистами ГСО и ПВХО. Лучший ворошиловский стрелок – Александр Табитуев из Кутулика, Аларского района, награжденный малой серебряной медалью Главвыставкома СССР, имел три оборонных значка – ГТО, ПВХО и ГСО.

За первые 20 месяцев войны с немецко-фашистскими захватчиками Иркутская областная организация Осоавиахима дала Красной Армии и фронту 88 тыс. бойцов-членов оборонного Общества.

Ежегодно в армию и на флот в среднем уходило по 40-50 тыс. осоавиахимовцев, в целом за 4 года Великой Отечественной войны – 160-180 тыс. человек.

Уже в первые годы войны почти все члены Осоавиахима области, состоявшие на учете в 1941 г., были призваны в Красную Армию, воевали с врагом или служили в войсках Забайкальского или Восточно-Сибирского военных округов. Но первичные и районные организации оборонного Общества постоянно пополняли свои ряды. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры: Иркутская областная организация в период Отечественной войны насчитывала в своем составе в 1942 г. 64 585 человек, в 1943 г. – 71 136, в 1944 г. – 86 393, в 1945 г. – 90 717 человек.

Совет Народных Комиссаров СССР в июле 1941 г. принял Постановление о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной и противохимической защите, возложив эту задачу на Осоавиахим. Под руководством партийных и советских органов Иркутская областная организация Осоавиахима настойчиво проводила в жизнь указанное решение правительства. Уже к августу 1941 года были созданы сотни объектных команд и групп самозащиты. Началась всеобщая обязательная подготовка населения городов и сел к противовоздушной и противохимической защите.

В 1942 г. при подведении итогов социалистического соревнования осоавиахимовских организаций жилых домов по ПВО Иркутская областная организация заняла восьмое место по стране и за активное участие в соревновании и отличные результаты в работе по подготовке населения к ПВХО была награждена грамотой Президиума центрального Совета Осоавиахима СССР. Этим же решением были награждены грамотами председатель первичной организации Осоавиахима колхоза «Вперед» Тулунского района Т.П. Лисота и общественный инструктор ПВХО Тулунского райсовета Осоавиахима Е.М. Панкевич.

В начале 1943 г. областная организация Осоавиахима подготовила по нормам ПВХО 1-й ступени 75 % населения области. Походов и тренировок в противогазах проведено в 1943 г. 300 с охватом 75 720 человек. Хорошо была организована эта работа в Черемховской, Тулунской, Нижнеудинской, Бодайбинской и Киренской организации.

Активисты, общественники-инструкторы ПВХО и наши замечательные женщины проделали в период войны огромную работу, обучили противовоздушной и химической обороне сотни и тысячи людей. В 1944 г., например, по

28-часовой программе тов. Гурьянов (Зиминский райсовет Осоавиахима) подготовил 1 048 человек, тов. Пантуров (Киренский райсовет) – 750, тов. Попов (Братский райсовет) – 561, тов. Беломестнов (Куйтунский райсовет) – 395 человек.

За отвагу и мужество награждены орденами и медалями сотни тысяч осоавиахимовцев, а более 900 из них удостоены звания Героя Советского Союза, в их числе и сибиряки-иркутяне.

Звание Героя Советского Союза присвоено воспитаннику Иркутского аэроклуба летчику-штурмовику Г.В. Баламуткину, совершившему 175 успешных боевых вылетов. Герой Советского Союза, генерал-лейтенант П.Ф. Тюрнев в 30-х годах был активным осоавиахимовцем в Киренском и Усть-Кутском районах и Свердловском районе г. Иркутска. Герой Советского Союза адмирал В.Н. Алексеев, ныне член Президиума ЦК ДОСААФ, был активистом оборонного Общества Иркутской области. Герой Советского Союза капитан К.И. Наумов – командир танкового батальона – народный учитель, окончивший в 1938 г. Киренское педагогическое училище, был также активным членом Осоавиахима. Летчик-штурмовик Герой Советского Союза майор запаса М.П. Васильев – уроженец Хомутово, Иркутского района, в 1940 г. окончил Иркутский аэроклуб Осоавиахима, участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы и Восточной Пруссии, совершил сто успешных боевых вылетов. М.П. Васильев принимал участие в параде Победы.

Герой Советского Союза сержант Иван Николаевич Антипин, уроженец села Кукуй, Усть-Кутского района, до призыва в РККА работал инструктором учебно-стрелкового центра Иркутского областного совета Осоавиахима. В предвоенные годы он обучил меткой стрельбе из различных видов оружия не одну сотню молодых иркутян. Воспитанный Иркутским Осоавиахимом командир саперного отделения сержант Антипин обеспечивал форсирование нашими войсками многочисленных водных преград, с боями дошел до Днепра. Звание Героя Советского Союза было присвоено сержанту Антипину посмертно за отвагу и мужество, проявленные им при выполнении боевого задания по обеспечению форсирования Днепра в 1943 г.

Много раз выходил победителем в жестоких схватках с врагом гвардии капитан, командир танкового батальона коммунист Алексей Герасимов, выпускник Иркутского сельскохозяйственного института 1940 г. Алексей Герасимов все годы учебы в ИСХИ являлся активным общественником и спортсменом, председателем первичной организации Осоавиахима института. Он был организатором и руководителем массовой сдачи норм на оборонные значки «ГТО», «Ворошиловский стрелок», «Готов к ПВХО», лучшим ворошиловским стрелком.

Организация Осоавиахима ИСХИ была одной из передовых в Иркутске, и в этом большая заслуга А. Герасимова. В 1941 г. офицер Герасимов в письме родным писал: «...все мои помыслы и дела обращены к фронту... Я лично к бою подготовлен. Стреляю из всех видов оружия только на «отлично». Заслужива-

ют высокой похвалы воины подразделения, которым я командую. У всех нас презрение к опасности и смерти. Одно желание – скорее на передовую». Отличный танкист и командир, меткий стрелок А. Герасимов с тяжелыми боями дошел до Берлина. В марте 1945 г. со своим батальоном участвовал в уничтожении немецкой группировки западнее Кюстрина. Капитан Герасимов героически погиб 17 апреля 1945 г. в ожесточенных боях на подступах к Берлину. За день до гибели он писал: «Сегодня идем в решительное наступление на Берлин. Эта историческая задача возложена и на нас. Чувствую себя хорошо, настроение бодрое...»

У подножия памятника, сооруженного на гребне Зееловских высот, тянутся рядами могилы героев-воинов Красной Армии. На каждой могиле возвышается плита из гранита. На одной из них высечена надпись: «Капитан А.А. Герасимов. 7.XI.1910 – 17.IV.1945».

Вместе с подготовкой боевых резервов для Вооруженных Сил Осоавиахимовцы Иркутской области принимали активное участие во всенародном движении помощи фронту, заботились о семьях фронтовиков и инвалидах войны. Только в 1943 г. они собрали более 3 млн. рублей на постройку танковых колонн «Иркутский колхозник», «Иркутский комсомолец», «Иркутский железнодорожник», авиаэскадрилий «Байкальский рыбак», «Бурят-монгол», «Учитель».

Иркутские осоавиахимовцы осуществляли шефство над госпиталями, засеивали и обрабатывали «гектары обороны», организовывали сборы теплых вещей и подарков для фронтовиков и их детей. Трудящиеся нашей области отправили на фронт 160 вагонов с подарками и собрали свыше 80 000 теплых вещей для воинов. Значительный вклад в это дело внесли члены оборонного Общества.

Благородная военно-патриотическая деятельность осоавиахимовцев в годы Великой Отечественной войны снискала всенародное признание. 22 января 1947 г. Осоавиахим был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Дмитрий Григорьевич Калениченко, председатель регионального отделения ДОСААФ России в Иркутской области

Таким должно быть наше участие в разгроме врага

(из доклада проф. Исаака Михайловича Круковера к двадцатипятилетию Иркутского мединститута 23 декабря 1944 г.)

Вуз окреп во всех отношениях, накопил большой опыт учебной, методической и научно-исследовательской работы. Он вырос организационно, его авторитет и популярность вышли далеко за пределы нашей области и к третьему периоду своего существования, к работе в героические годы Великой Отечественной войны он пришел вполне созревшим и подготовленным.

Третий этап в жизни нашего вуза, это годы коренной перестройки довоенных учебных планов на сроки и учебные планы военного времени, 4-летнего обучения, затем с 1942 года вновь на 5-летнее обучение и, наконец, на новые учебные планы 1944 года, являющиеся подготовительными к переходу в 1946 году на 6-летнее обучение.

За годы Отечественной войны были проведены большие наборы студентов на первый курс. С осени 1941 года по 1944 год было принято 2250 чел. За тот же период выпущено 774 врача.

Возрожден закрытый в 1934 году санитарно-гигиенический факультет, вновь организован фармацевтический факультет.

В феврале-марте 1945 г. после государственных экзаменов состоялся первый выпуск фармацевтов с высшим образованием.

С первых дней войны в вузе фактически возник факультет усовершенствования и специализации врачей; за 40 военных месяцев свыше 2000 человек прошли 2, 3 и 4-месячную специализацию и совершенствование.

Кроме того, силами работников мединститута во второй половине 1941 года и в 1942 году было подготовлено 2000 медицинских сестер по программе РОКК.

В течение одного месяца был подготовлен группой научных работников учебник для медицинских сестер, направленный для печатания в Медгиз.

С первых дней войны была перестроена научно-исследовательская работа на оборонную тематику.

С 1941 по 1944 год напечатано 260 работ.

Научные работники Иркутского медицинского института интенсивно работали над рядом актуальнейших, оборонного значения тем и добились немалых успехов в лечении раненых, использовании местных лекарственных ресурсов, новых методов диагностики и лечения ряда болезней.

Проф. К.П. Сапожков разработал новые методы хирургического лечения аневризм огнестрельного происхождения, каловых свищей; его ассистент кандидат медицинских наук Колченогов сконструировал обтуратор, облегчающий положение раненых с каловыми свищами.

Проф. В.Г. Щипачев, свыше 26 лет работающий над восстановлением трудоспособности людей с поврежденными верхними конечностями, много сделал для восстановления кистей рук.

Проф. А.И. Соркина, главный хирург эвакогоспиталей, проф. Тимофеев, проф. Донсков, проф. Орлов в годы войны интенсивно работают над изучением тяжелейшего осложнения огнестрельных ранений – остеомиелитов. Морфологию остеомиелитического процесса настойчиво и успешно изучали проф. Тимофеев и проф. Донсков. Осложнения со стороны внутренних органов при огнестрельном остеомиелите и сепсисе изучались проф. Орловым.

Клиника ЛОР-болезней разработала новый способ лечения свищей придаточных полостей носа, дающий возможность быстро возвращать этих раненых в строй; кроме того, той же клиникой разработан новый метод сокращения

подготовительного и выжидательного периода при пластических операциях на лице.

Вопросами физиотерапии и бальнеотерапии военной травмы много занимался профессор Михайлов и его сотрудники.

В 1942 и 1943 годах усиленно и довольно успешно занимался экспериментальным изучением пластики поврежденных нервов анатом, член-корреспондент Белорусской Академии наук проф. Я.Д. Голуб.

Многое сделано по изучению повреждений центральной и периферической нервной системы проф. Х.Г. Ходосом и его учениками.

Большим вкладом и, буквально, настольной книгой для нейрохирургов и врачей-специалистов по нервным болезням является новое руководство для врачей проф. Х.Г. Ходоса «Травматические повреждения и огнестрельные ранения нервной системы».

Возросшая потребность в лекарственных препаратах и дезосредствах побудила работников медицинского института принять активное участие в научно-практической работе по изучению и использованию местных лекарственных ресурсов.

В итоге этой научно-практической работы, из отходов чаепрессовочной фабрики, из чайной пыли, изготавливаются сердечно-сосудистые лекарственные препараты, содержащие высокий процент кофеина.

Разносторонность и комплексность этой работы была обеспечена участием проф. Михайлова и проф. Орлова с их сотрудниками, а также доц. Семенова и доц. Бабича.

Новые дезосредства синтезированы из местного сырья доц. Бабичем и покойным проф. Шубиным.

Доц. Юдович изучал возможность использования пенькового масла в качестве мазевой основы.

Инфекционные болезни являются обычным спутником всякой войны, но в годы Отечественной войны мы побеждаем и на этом фронте, фронте противоэпидемической работы, и свой вклад в это дело внесли и научные работники Иркутского медицинского института.

Доцент Феоктистов выполнил научное исследование о клещевом сыпном тифе в Иркутской области, доц. Гамов работал над проблемой профилактики бруцеллеза, доц. Донсков исключительно успешно разработал ряд вопросов по чуме и туляремии.

Новые методы диагностики и лечения даны нам работами кафедры кожно-венерических болезней по упрощению и ускорению лабораторной диагностики сифилиса, выполнена эта работа ассистентом Скородумовой. На кафедре болезней уха, носа и горла разработан новый метод лечения коклюша сероводородом, принимали участие в этой работе сотрудники ЛОРкафедры и доц. Решетников, на той же кафедре разработан оригинальный метод лечения ангина, миндаликового хронического тонзиллопатий и метатонзиллярных страданий санацией миндалин формалином, этот метод был применен на 7000 боль-

ных. Руководитель кафедры детских болезней доц. Фельдгун разработал новый метод лечения номы у детей.

В военное время особенно большой интерес вызвали к себе исследования по витаминам; в нашем институте этим вопросом занималась кафедра биохимии, возглавляемая проф. П.А. Шершневым.

Кандидатскую диссертацию по этой проблеме подготовила асс. Рязанова.

Алиментарная дистрофия и другие расстройства питания служили предметом научных исследований на кафедрах факультетской терапии – проф. Мочалина, пропедевтической терапии – проф. Орлова, детских болезней – доц. Фельдгуна, патологической анатомии – проф. Донскова и нормальной гистологии – проф. Миленкова.

Изучением вопросов военно-медицинской экспертизы занимались проф. Сумбаев и доц. Байковский.

Одновременно с этим продолжалась разработка таких проблем, как раковая болезнь, язвенная болезнь желудочно-кишечного тракта проф. Сапожковым, доц. Сенчилло.

Эндемическим зобом и урловской болезнью занимались проф. Щипачев, проф. Донсков и многие другие.

Проблему шока изучали на кафедре физиологии доц. Никитин, канд. медицинских наук Кавецкий, а на кафедре патофизиологии доц. Брновицкий и доц. Штырова.

Экспериментальное изучение средств борьбы с сепсисом проводилось проф. Елиным на кафедре микробиологии.

Токсикологией боевых отравляющих веществ и лечением газотравленных в порядке эксперимента занимались проф. Мочалин и асс. Хоткина, проф. Донсков, доц. Дмитриев и проф. Миленков.

Много внимания было уделено нашими кафедрами изучению терапевтического эффекта новых лекарственных средств, в частности, сульфамидов. Занимались этой темой проф. Франк-Каменецкий и его сотрудники, проф. Беляев, доц. Семенов и многие другие.

За годы Отечественной войны написан ряд учебников: по курсу нервных болезней проф. Ходосом, по курсу «Гигиены питания» проф. Альтман, по курсу «Пропедевтической терапии» проф. Орловым, по курсу хирургических болезней «Избранные лекции» проф. Сапожковым и «Руководство для врачей по физиологии и курортолечению раненых и больных воинов» проф. Михайловым.

За годы войны в совете мединститута было защищено 27 диссертаций на соискание ученой степени кандидата медицинских наук и кандидата биологических наук.

Важным условием для работы вуза является библиотека, которая в настоящее время насчитывает 109 388 книжных единиц и 162 540 распечатанных научных статей русской и иностранной периодической литературы.

Библиотека обслуживает студенчество, научный коллектив своего вуза, научных работников других вузов, курсы усовершенствования военных врачей, врачей эвакогоспиталей г. Иркутска и Иркутской области и практических врачей, ведущих научную работу.

Для библиографического обслуживания научных работников библиотекой составлен библиографический справочник с детальным подразделением всех вопросов медицины, причем вся упоминаемая в нем иностранная литература снабжена краткими аннотациями на русском языке. Этот справочник имеет свыше полумиллиона названий.

Вся эта большая работа выполнена и выполняется небольшим коллективом под руководством директора библиотеки тов. Космаковой.

Несмотря на трудности военного времени ни одно из клинических лечебных учреждений мединститута – факультетские клиники, физиотерапевтический институт, платная поликлиника, амбулансы при клиниках не были свернуты, а только потеснились, освободив часть своих зданий для эвакогоспиталей, было освобождено здание глазной клиники и областной больницы.

За годы войны в наших клинических учреждениях проведена большая лечебная работа на уровне современных достижений медицины и, даже больше того, некоторые клиники внесли и свою долю в эти достижения.

В 1943 году по инициативе горсовета была открыта при факультетах института поликлиника для инвалидов Отечественной войны и военнослужащих и их семей.

Вся эта большая учебно-производственная, лечебная и научно-исследовательская работа была проведена в трудных условиях военного времени и меньшим количеством научных работников на суженной учебной базе, при некотором дефиците химикалий, реактивов, а также экспериментальных животных.

В 1941 году, в самом начале войны, вуз отдал в ряды Красной Армии десятки высококвалифицированных ассистентов и доцентов. Часть учебного оборудования, учебников и аппаратуры была передана эвакуированным и восстанавливаемым медицинским институтам – Сталинградскому, Ленинградскому в Красноярске, Воронежскому и другим.

Но не только наш вуз, как таковой, делился своим имуществом, но и его сотрудники горячо откликались личными взносами в фонд обороны страны и активно участвовали во всех оборонных мероприятиях, проводившихся в стране.

Студентами и работниками мединститута дано только за 1944 год 45 тысяч трудовых дней на сельскохозяйственных работах, лесосплаве, шахтах Черемхово и т. п. трудовых мероприятиях.

Подсобное хозяйство вуза выросло с 24 га до 240 га. Организовался ОРС с пошивочными мастерскими для обслуживания студентов.

Наш институт и его коллектив не ограничивается в своей работе только внутривузовскими задачами; его деятельность тесно переплетается с работой ор-

ганов здравоохранения, эвакуогоспиталей, противоэпидемической санитарно-просветительной работой.

Коллектив медицинского института проводит огромную работу вне вуза, главным образом по помощи органам здравоохранения. Профессора и доценты постоянно консультируют в поликлиниках и амбулаториях города. Они часто выезжают на срочные консультации и операции в районные центры и села Иркутской области, в различные пункты БМАССР и МНР (Монгольскую Народную Республику).

Только за 1944 год в районы Иркутской области было сделано 84 выезда для срочных консультаций и операций.

Много времени уделяется военно-врачебной экспертизе в порядке помощи военно-врачебным комиссиям областного, городского и районных военкоматов.

Мединститут принял самое активное участие в работе по развертыванию эвакуогоспиталей, непрерывно оказывает помощь врачам госпиталей в их сложной, ответственной и трудной работе.

Профессора руководили лечебно-методическими центрами при отделе эвакуогоспиталей Иркутского облздрава. В соответствии с приказом НКЗдрава № 28 «Об улучшении лечебной помощи населению» мединститут выделил из своих работников главным хирургом проф. Соркину, главным терапевтом города Иркутска проф. Орлова, главным акушером города Иркутска профессора Беляева, старших районных специалистов (ассистентов Тикачинскую, Петухину, Рудакову, Васенину, Карпову, Лебедеву, Кузнецову).

Работники мединститута активно участвуют в работе ученого медицинского совета при облздраве.

В Иркутске существует 10 специальных научных обществ, которыми руководят профессора мединститута, и одно общее областное научно-медицинское общество.

Сотрудниками института издаются научно-популярные брошюры по различным медицинским вопросам, читаются санитарно-просветительные лекции.

Ни одно крупное мероприятие по линии здравоохранения в нашей и соседних областях не обходится без участия медицинского института.

Такова кратко вневузовская работа мединститута.

Много замечательных людей было и есть в Иркутском государственном медицинском институте из его воспитанников. Ныне в рядах научных работников мединститута имеются депутаты Облсовета (канд. мед. наук Мельникова), члены Горисполкома (доц. Волкова, зампреда Комиссии здравоохранения депутат проф. Мочалин, секретарь комиссии депутат Есаулова), депутаты райсовета (доц. Апарин, проф. Шипачев и много других).

Из тех, кто окончил Иркутский мединститут или работал в нем, получили профессию 73 человека и доцентуру 120 человек.

Десятки и сотни врачей, окончивших наш вуз, составляют славную плеяду участников Отечественной войны, орденосцев, заслуженных врачей наших республик, значкистов отличников здравоохранения.

Из их числа можно назвать всем известных врачей Ломтева, Журавлева, дважды орденосцев, Толстоброва, Сумского, Гончарову и много других.

За годы войны происходит сдвиг в сторону увеличения в вузе партийно-комсомольской прослойки. Комсомольцев среди студенчества 60%.

В ряды коммунистической партии вступило в военное время 11 научных работников. Всего в рядах нашей партийной организации имеется ныне 23 профессора и доцентов и 8 ассистентов.

В вузе в настоящее время имеется 19 профессоров, докторов наук, 24 доцента кандидатов медицинских, биологических и химических наук, которые заведуют кафедрами, 10 доцентов кафедр со степенью кандидата наук, 17 ассистентов с ученой степенью кандидата наук и 89 старших преподавателей, преподавателей и ассистентов. Всего 159 научных работников, обеспечивающих работу 46 кафедр и 3 факультетов.

В 1944 г. в вузе учатся 1607 студентов, из них 1301 стипендиат, в их числе 16 сталинских стипендиатов.

Вуз дал стране за 25 лет 33 выпуска врачей. За годы войны выпущено 774 врача, а всего 3385 врачей.

Пройдут года и многое изменится в облике нашего города, нашего института. Но всегда в дни празднования юбилейных дат его будут вспоминать о героике первых дней его существования и его основателях, о скромных буднях его последующего становления, о патриотизме и героике труда в годы Великой Отечественной войны.

Много наших товарищей по работе и наших воспитанников на рубежах нашей родины в борьбе с врагом вносят и свой воинский вклад в дело счастливого будущего нашей родины, всего цивилизованного мира, демократии мира; мы здесь в тылу вносим также и свою трудовую лепту в дело обороны страны, в дело строительства нашего будущего.

Многие из нашего коллектива ушли в небытие. Нет среди нас первого декана анатома проф. Бушмакина, нет первого главного врача факультетских клиник доктора Попова, нет деканов профессоров Иванова, Шевякова, нет популярнейшего, любимого всеми педиатра, доцента Суровцевой, нет друга студенчества физика доцента Райхбаума, нет многих других и среди них тех из нас и наших воспитанников, кто отдал свою жизнь за нас, за нашу родину на поле брани, но дела их живы, будут жить и напоминать нам о том, что всякий общественно-полезный труд не пропадет, что он вечен, что он дело чести и геройства для нас, что он нас украшает.

Сегодня труду людей, 25 лет строивших наш вуз, мы воздаем славу.

Так поблагодарим же нашу родину и ее лучших людей за то, что мы имели и имеем возможность творить на благо народа, за то, что мы можем гордиться нашей родиной и делами ее сынов.

А.Г. Шантуров, Г.М. Гайдаров

Юбилей заслуженной учительницы

В Нижнеилимском районе хорошо знают Евдокию Иннокентьевну Калошину. Замечательная женщина, десятки лет преподавала географию, ходила с ребятами в поход, собирала краеведческий материал, организовала первый школьный музей в Железногорске. Все это о ней, заслуженном учителе Российской Федерации, которая в годы войны не только училась в школе, но и самоотверженно трудилась вместе с одноклассниками, помогая взрослым в колхозе.

– В сентябре 1941 года я пошла учиться в 6 класс Братской средней школы, – говорит Евдокия Иннокентьевна, – в первый же месяц войны отца взяли в армию. Мать осталась с четырьмя детьми. В семье старшая из детей была я. Мы жили в селе Большеокинск, родители работали в «Заготзерно». Когда отца призвали в армию, мама стала работать в колхозе, чтобы нас прокормить. Мы, дети, старались всеми силами помогать ей.

Летом следующего года колхозный бригадир назначил Евдокию звеньевой у пропольщиков, таких же детей и подростков, как и она. Хлебные поля пропалывали от осота, полыни и других сорняков. С утра и пока солнце не скроется за горизонтом, дети выдергивали сорняки. А когда осот вырастал выше колосьев, то ножами, сделанными из старых литовок, срубали «головы» осоту. Уставали ужасно, с трудом и болью разгибали спины. Звеньевая Дуся придумывала что-нибудь отвлекающее: пересказывала прочитанные книги, даже школьный программный материал, например, о вулканах и землетрясениях, читали стихи в ритм наклонов и захватывания сорняков.

– Помню, солнце перед закатом, а перед нами поле пшеницы, на котором надо было закончить работу, – вспоминает Евдокия Иннокентьевна, – все устали и на глазах слезы. Я начала читать стихотворение Владимира Маяковского «В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето, была жара, жара плыла, на даче было это!..» и так далее. Детей завлекло, а что дальше будет? «Солнце в дом на чай к поэту зашло...» И так мы в темпе, в ритм стиха пропололи полосу.

В первые годы войны Евдокия во время сенокоса помогала сгребать сено в валки. Однажды председатель колхоза Иван Тютиков собрал подростков и приказал дедушке Тумановскому научить детей косить траву, отправив их на заимки за 8-12 километров от деревни. Продукты привозили из дома. Молока, хлеба почти не было. Собирали ягоды, клубнику по лугам, дикий лук и иногда, чеснок. Постоянно голодали.

– Я думала, что если когда-нибудь кончится война, то, прежде всего, при первой же возможности, наемся досыта хлеба, – продолжает Е.И. Калошина. Осенью копали картошку колхозную и в перерывах – свою. На молотилку подавали снопы, отгребали солому, на веялках и триерах отрабатывали зерно, очищали. Зерно сдавали государству. Поздней осенью собирали колоски. Иногда парили в чугушке в печке и ели. Одежду носили перешитую из довоенной отцовской и материнской одежды. К концу войны ткали из конопли и льна, а

чаще – из мешков шили. Красили лиственничной корой, ухитрялись даже чулки шить из мешковины. Бельевая веревка – это клад. Ее распускали и вязали. Зимой вязали сети, зарабатывая трудодни, и перебирали, теребили шерсть для пимокатной фабрики, там катали валенки и отправляли на фронт. Дрова для фермы заготовливали и т. д. Каждый ученик в нашей семье пропустил по году школы, т. к. всех сразу учить нас мать была не в силах. Когда я закончила 7-й класс, то мне сказали, что я и так достаточно грамотная, можно в школе работать учительницей. Во время войны так и было. Даже ученики с четырехклассным образованием учили детей. Мой брат Саша учился у такого учителя. Кто был посмышленнее, тот сам себя обучал, проявляя настойчивость, терпение и огромное желание. Учителей не хватало. В классах было холодно, чернила замерзали, писали на бумаге из церковных книг. Несмотря на трудности, голод, частые похоронки с фронта – школьники не были молодыми старичками и старушками. Успевали шалить, проказничать, разучивали новые фронтовые песни, стихи, были горячими патриотами, ходили в военкомат и просились на фронт, посылали посылки и письма на фронт, завязывали знакомства. А после войны к некоторым девушкам приезжали молодые фронтовики. Я ходила в школу в валенках трудно различимого цвета от многочисленных заплат, в танкистском бушлате с выжженной дырой на спине. Мне пришлось оставить школу и доучиваться после войны. Получив среднее образование, я поступила в пединститут и в дальнейшем связала свою судьбу со школой.

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского Совета Ветеранов

Трудовой порыв

Село Нижнеилимск не было прифронтовой полосой, но война здесь стала ощущаться очень быстро. Это проявлялось не только в недостатке продуктов, но и в ожидании весточки от сыновей, братьев, сестер, отцов, ушедших на фронт, в замене их на полях и дома.

С первых же месяцев войны в тяжелейшем положении оказалось сельское хозяйство района. Ушли на фронт мужчины, и главной рабочей силой стали женщины, старики и подростки. Среди населения развернулась работа по оказанию помощи фронту. Народ понимал, что чем лучше будет обеспечена наша армия, тем быстрее будет разбит враг. В районе был создан фонд обороны, куда перечислялись денежные средства за неиспользованные отпуска, премии, облигации займов, сдавались золотые и серебряные вещи, вносились продукты сельского хозяйства: масло, сушёный картофель, шерсть, шкуры животных. Колхозники и рабочие предприятий собирали и отправляли на фронт бойцам шерстяные носки, рукавицы, валенки, шапки, телогрейки, шубы, свитеры, шарфы, вышитые кисеты для табака.

Вот что узнали о том времени члены поискового отряда Шестаковской школы: «Очень тяжело пришлось жителям деревни Шестаково во время Великой Отечественной войны. Мужчины ушли на фронт, вся тяжесть легла на плечи женщин, стариков и детей. Помимо основных работ женщинам приходилось ловить сетями рыбу, в основном, по ночам, а днем ее чистить и солить в бочках. Затем колхоз отправлял ее по реке до Илимска, где была база для приема рыбы, а дальше илимская рыба отправлялась на фронт и в госпитали. Зимой подо льдом ставили уды, сушили картофель для фронта, собирали теплые вещи. А дети в школе шили кисеты, наполняли их табаком-самосадам. Колхозу вменялось в обязанность готовить дрова для солеваренного завода, который не прекращал свою работу и в военное время. 14-15-летним девчонкам приходилось валить деревья в лесу для солеваренного завода. Зимой, по пояс в снегу они спиливали дерево, оно падало и утопало в снегу. Приходилось буквально добывать дерево из снега, рубили сучки, пилили, кололи и складывали в поленицы. Пилили вручную всю зиму, а летом работали в колхозе. Во время войны завод выпускал 200 тонн соли в год. Два раза в неделю шестаковцы возили почту до Илимска, летом верхом на лошади, зимой на санях при морозе в – 50 градусов, а это 50 км в одну сторону! Почту возил Михаил Александрович Шестаков, ему было тогда 12 лет! Ноздри лошади на таком морозе обмерзали, и мальчишке приходилось спрыгивать и руками очищать ноздри от ледышек. Большую часть пути приходилось бежать за санями, чтобы не замерзнуть самому. Ну, разве не героини жители Шестаковой!»

Уроженка деревни Прокопьева Нижнеилимского района Галина Васильевна Шестакова вспоминает: «Когда началась война, мне исполнилось 10 лет. Детям в то тяжелое время пришлось очень рано повзрослеть. Всех мужчин забрали на фронт. Тяжелые работы легли на плечи женщин, подростков и детей. Работали в колхозе с 6 часов утра и до поздней ночи. Пахали, сеяли, бороили, пололи, вязали снопы, убирали зерно вручную до самого последнего колоска. По ночам всей семьей резали и сушили для фронта морковь, картофель, свеклу. Все отдавали на фронт, молоко, мясо, овощи, шерсть, муку. Нам оставался только жмых, которого получали по килограмму в месяц на каждого члена семьи.

Несмотря на все трудности, голод, холод, между собой все жили дружно, как могли, поддерживали друг друга. Никто специально нами не занимался, сами организовывали свой досуг. От старшего брата, который ушел на фронт, осталась балалайка, мы с сестрой сами научились на ней играть.

Об окончании войны узнали сразу, в деревне вещал репродуктор, по которому мы знали о новостях с фронта. Радость и гордость за свою страну переполняла всех, праздник был в каждом доме.

В колхозе Галина Васильевна проработала до 1949 года. Вышла замуж, с семьей переехала строить Коршунику – Ангарскую. Жили в палатках по три семьи, круглосуточно топили печь, в каждой семье были малолетние дети.

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского Совета ветеранов

Мы дети тех военных лет

Нет, мы с тобой не воевали,
Мы дети тех военных лет,
Но мы лицо войны узнали,
С лихвой хватили ее бед.
Почти детьми сестренка с братом
Пошли трудиться на завод.
К станкам вставали, как солдаты,
Ведь шла война не первый год.
Им мама возраст прибавляла
И наставляла как могла.
Война их детство отнимала,
На помощь Родина звала.
Мы днями в очередь стояли,
Чтоб пайку хлеба получить.
Зимою мерзли, голодали,
Но нужно, нужно было жить...
А летом легче выживали,
Крапиву ели, лебеду.
Подножный корм мы собирали
И забывали про беду.
Уступит молодость? Едва ли!
Идет всему наперекор!
И в доме песни не смолкали,
Слова их помню до сих пор.
Объединил всех день победный:
Улыбки, слезы на глазах.
И светлой радостью надежды
Сияло солнце в небесах.
Нет, мы с тобой не воевали,
Не знали ужасов войны.
Но муки тяжких лет познали
С народом всей своей страны.
Как жаль – стареют ветераны,
Их год от года реже строй.
Им не дают покоя раны
Войны минувшей мировой.
Фашизм – бесчестие столетья,
Но отзвуки его живы.
Мир перед павшими в ответе,
Чтоб не поднял он головы.

Людмила Лиховидова

Письма с фронта

Клементьев.

*Боевой привет
с фронта*

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Константин Симонов

В сражениях между Тиссой и Дунаем участвовала и 109-я Гвардейская дивизия во главе с полковником Ильей Васильевичем Балдыновым. Сибиряки штурмовали Кёнигсберг, а танки колонны «Иркутский железнодорожник» первыми вошли в Берлин с юго-западного направления 23 апреля 1945 г.

Более 79 тысяч иркутян не вернулись с полей сражений, но память о них навсегда сохранится в памяти народа.

«О сибиряках могу сказать одно, – писал маршал Г.К. Жуков, – это настоящие советские героические воины, большие патриоты нашей Родины, верные ее сыны. Там, где действовали сибиряки, я всегда был уверен в том, что они с честью и доблестью выполняют возложенную на них задачу. Так оно и было в течение всей Великой Отечественной войны».

Особую роль в годы войны играли письма на фронт. Они несли в солдатские окопы веру и надежду. Из письма иркутянина-фронтовика Николая Бибикова: «Вы даже не знаете, как читают ваши письма. Тут пьют каждую букву, не то, что слово. С каждой каплей вливаются могучие силы жизни. Когда согревается сердце, то и шинель, мокрая и холодная, делается теплой. Когда освещаются чувства, то и палящая жара переносится легче, а усталость смывает как ливнем. Крепок в борьбе наш советский воин. Но это не значит, что камень. Он живой человек... Он прижимает к губам пожелтевшую фотокарточку или батистовый платочек, который пронес через пламя, дым и кровь войны. Он живой человек и это прекрасно».

Музей истории города Иркутска публикует письма наших земляков – участников Великой Отечественной войны: фронтовиков и тружеников тыла. Надеемся, что эти скупые строчки найдут отклик в ваших сердцах.

Все ждали весточки...

(Письма жителей Иркутской области 1941–1944 гг.)

Текстологическая работа не позволяет домысливать там, где время или обстоятельства не дают возможность прочитать слова. Мы обозначили эти места знаком (?).

№ 1

1942 год, 28 декабря

Куда: 40-я полевая почта, часть 251.

Кому: Морецкому Виктору Васильевичу.

Отправитель: г. Иркутск. 3-я Красноармейская № 10.

Леванова Галина Васильевна.

Дата отправления: 28.12.1942.

Здравствуй, Витя!

Получила твое письмо, очень довольна, что ты ответил на мое письмо, что будешь и дальше отвечать. Что ж, большое спасибо. Я, конечно, писать тебе буду обязательно. Немного о себе напишу: все так же, конечно, работаю, кое-куда хожу. Вот недавно слушала Киевскую оперу. Слушала «Иван Сусанин» – замечательная вещь. Ходила второй раз на «Сильву». Бываю иногда на танцах. Больше, конечно, хожу в НКВД. А сейчас еще танцы есть в Доме им. Куйбышева и всегда почти в горном институте. Сейчас идут у нас хорошие картины: «Три мушкетера» (?), «Как закалялась сталь». Еще не видела, надо будет сходить. Но у меня очень немного время. Большое количество времени уходит на работе. Хожу с девушками с Зиной, Иной. Сейчас у нас бывает очень часто Тошка (о котором я, кажется, тебе писала). Вот и вчера он был. Ходили на танцы в НКВД, а я работала в ночь. Он говорит, что разговаривал с Сашкой «буйволом» по телефону, что он находится, где-то в Чите. Новый год, видимо, я не буду встречать. Меня пригласили, но знаешь, такие компании, в которые я не хочу идти. Вчера ходили на лыжах. У нас уже холодновато стало. Знаешь, очень осел снег, а потом на кайских горах плохо как-то стало. Вообще все не так как было раньше. Ну, вот как будто я написала покамест все. Буду очень ждать от тебя писем. Пиши побольше о себе, как провел Новый год. Большой привет тебе от твоей сестры. (ты... (?) забыл, помнишь, тебя Зина видела за... (?) брата (?) шок... (?) дяди как расспрашивал ее о тебе. Говорит, а где ваш брат? Зина, конечно, сказала, что в армии.

Пиши обязательно, Витя.

Буду ждать.

Витя! В следующий раз напишу тебе хорошую песенку. Хорошо?

С большим приветом

Галина.
28.12.42 г.

№ 2
Письмо с фронта
1944 год, 19 июля

Куда: Иркутская обл. Черемховский р-н. Порджнова д. Исаково.

Кому: Труфанову Константину Герасимовичу.

Отправитель: Полевая почта № 25214 В

Полежаев.

Дорогой Константин Герасимович!

Ваш сын Александр Константинович в жестоком бою с немецкими автоматчиками 19 июля 1944 г. в районе деревни Кривляны Брестской области пал смертью храбрых.

Коллектив, в котором он находился, очень долго грустил о своем боевом друге. Ваш сын был одним из храбрых воинов нашего подразделения, который не

боялся ни каких преград на своем пути по освобождению нашей Белоруссии, за которую он погиб, как герой. Похоронен Ваш сын в БССР Брестская обл., Ка-шенский р-он, дер. Кривляны, кладбище.

Вот все, что я мог Вам сообщить о вашем сыне. Он находился под моим коман-дованием. Глубоко вместе с Вами скорблю и выражаю Вам соболезнования.

С приветом, Полежаев

№ 3
Письмо с фронта
1943, 5 мая

Куда: неизвестно.

Кому: Родителям.

Отправитель: Полевая почта 38134 Г. Сын Алексей.

Дата отправления: 5 мая 1943 г.

Здравствуйте мои дорогие родители – папаша и мамаша, шлю я вам свой боль-шой сердечный привет и желаю доброго здоровья в вашей жизни. Во-первых строках моего небольшого письма, я сообщаю о своей житухе. Живу и нахо-жусь я в хорошем состоянии, особенно жив и здоров, того и от всей души желаю вам.

Сообщаю, что свою фуфайку, 2-е брюк, френчик – сдал в фонд обороны, а остальное использовал на свои нужды. Пропишите мне – что получали ли вы от Заикиной мою собственную записку.

Мамаша и папаша, я вас очень прошу, чтобы вы сфотографировались и посла-ли мне одну карточку. Папаша и мамаша я вас очень прошу, чтобы вы передали мой адрес всем моим родным, особенно тете Сергеевне и всей ихней семье, а так же Загвоздкину Мише с тем, чтобы они писали мне письма, а то я до сих пор, то есть до 5 мая, не получил ни одного письма, а пишу каждый день. Мамаша и папаша, я вас очень прошу, чтобы вы не беспокоились и берегли свое здоровье в перед. Пишите мне письма, я ожидаю каждый день, каждый час.

По адресу: полевая почта 38134 Г....

Ну пока, до свидания. Остаюсь жив и здоров.

5 мая 1943 г.

Писал ваш сын Алексей.

До свидания.

№ 4
Письмо с фронта
1940-е гг. (нет точной даты)

Куда: неизвестно

Кому: Капе (матери убитого друга).

Отправитель: неизвестно.

Дата отправления: неизвестна.

Здравствуй, Капа!

Это будет продолжением моего первого письма, в котором я, за неимением времени, не мог всего описать, чем мне хотелось с тобой поделиться. Вот сегодня вечером оказалось наличие свободного времени. Не принесли газеты, а я с бойцами своего подразделения досконально проработал весь текущий материал, и по книге Сталина тоже сорвалось занятие.

Так вот, Капа, как-то не верится, что костлявая рука смерти вырвала из среды живых нашего Мишу. Закрываю глаза, пред мысленным взором проходит вереница прошедших лет. Детство самая счастливая пора в жизни человека – проведено вместе с ним. Затем наступила пора и юности. Сколько ... (?) ... (?) И среди них его незабываемый образ резвого веселого мальчишка. Сколько проказ, веселых приключений совершили мы с ним в период нашего детства. Ведь в детстве мы были с ним как два близнеца. Почти одного роста и сильно похожие друг на друга. Затем годы учебы разлучили нас. Самые приятные воспоминания о прошлом у меня остались – это летние каникулы, проведенные у родных вместе с ним. Последний раз я встретился с ним на Алтае, где он работал в школе, куда я приехал провести летние каникулы, когда учился в Ленинграде.

Месяц, проведенный у него, никогда не забудется мной... Эх, и бесшабашно весело я провел эти дни у него. Брали от жизни все, что можно: попили, погуляли так, как видно больше никогда не придется. Оба молодые, с беспечными взглядами на жизнь, в которую только вступили с радостными надеждами на будущее. Вообще я натура сугубо замкнутая И ни с кем, как только с Мишей я так полно не делился своим внутренним «я», своим мирозерцанием и самыми сокровенными мыслями и взглядами. Он был мой душевный собеседник.

Последние годы, проведенные в разлуке с ним, я, не переставая, лелеял надежду побывать на родине и встретиться с ним. Но человек предполагает, а судьба располагает, и судьба бывает зла... не суждено видно было. **Пишу эти строки, а сердце сжимается от боли и злости на проклятого врача, причиняющего нам бездну несчастий и горя. Может, месть беспощадная только может облегчить сердце.** Клянусь тебе, Миша, в грядущей битве, в тот грозный час, который скоро наступит, отомстить за тебя. «Пепел праха твоего стучит в моем сердце».

Капа, конечно, я сознаю, что для вас, как матери двух детей, вдвойне тяжелее эта утрата. Но вешать голову все же нельзя. Вы русская женщина и нет такой силы, которая сломала бы ваш дух.

«Здравствуйте, мои дорогие!»

Письма М. Рыбакова
1941–1943 гг.

№ 1

1941 год, 27 октября

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Л. М.

Отправитель: Красноярск, проездом, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 27 октября 1941 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Помаленьку подвигаемся к западу. Сейчас пять часов утра, за окном полутьма, проехали мост через Енисей. Вот остановились в Красноярске. Сегодня во сне видел всех вас – будто сижу дома и пишу, пишу, пишу – исписываю горы бумаги, а вы их все куда-то относите.

Ни скучно, ни весело. Больше все грустят. Поют песни, а я читаю своего «Вора», тоже пою и... (?). Многие... подпевают. То бишь ведут характерно лейтенантскую жизнь. В Челябинске будем тридцатого числа утром, «запасцев» моих, я думаю, мне до Челябинска будет вполне достаточно, возможно, даже с лихвой. Все-таки все время у меня одна мысль – а все, о том, доведется ли встретиться с вами снова. Но об этом лучше пока не думать, а приехать на место, осмотреться там и уловить (?). Ну, пока, целую Вас крепко-крепко. Мося.

№ 2

1942 год, 26 января

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Л. М.

Отправитель: 1958, часть 9, Рыбаков М.А.

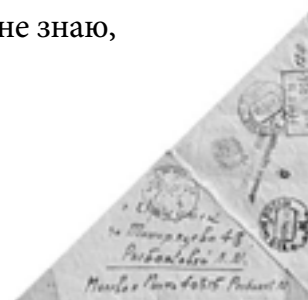
Дата отправления: 26 января 1942 г.

Мама, милая, здравствуй!

Думаю, что это письмо придет к тебе побыстрее прочих. Вообще у нас связь сейчас плохая – волею судеб остались мы в глубоком тылу. А наши очень успешно наступают и уходят все дальше и дальше вперед. Скоро их и на самолете не догонишь. Но тут как раз попала оказия – посылаю письмо.

Писем от Вас нет. За последнее время получил только одно письмо от Тамары. От Доры вообще уже не помню, когда приходили письма.

На днях послал тебе и Томке переводы. Получишь – пиши. Я вообще не знаю, получаешь ли ты их, а я перевожу ежемесячно.

Как ты себя чувствуешь? Как дела с квартирой. Неужели ты ее еще до сих пор не сменила? Смени обязательно. Зачем тебе мучаться с нею. Бывает ли у тебя Дора, как часто? Влюбилась она там, что ли, почему-то не пишет мне, несмотря на все мои заклинания. Интересно, как она живет в материальном смысле? Об этом она совсем ничего не пишет.

Ну, будь здорова. Желаю тебе всего лучшего. Целуй внучку. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 3

1942 год, весна, дата не установлена

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: Москва, 9 а/я Рыбаков М. А.

Дата отправления: весна (без даты), 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

День выдался сегодня свободный. С утра объехал верхом километров десять. А теперь работы мало – можно написать письмо.

Последнее время я вообще много езжу верхом, и, признаюсь, мне это очень нравится: весело ехать, хоть плохонькая, а весна кругом, заедешь в лес – какие ни есть, а цветы. И, вот чудо, представляете, если рано выбраться, даже соловья услышишь, и только с запада, глуша соловья и дуру-кукушку, тяжелый и однообразный рев пушек. Война!

Однако, тут никто о ней особенно не задумывается. Кругом пашут и сеют, как могут и на чем могут, Народ не отчаивается, наоборот, здесь изо всех сил надеются на наше движение вперед. И, наверное, правы в своей надежде. Все идет к тому, что летом 42 года мы должны будем наступать и действительно будем. Если не решить этой войны в 42 г., то она сядет нам же на шею в следующем. Сталин тысячу раз прав.

Что новенького у меня? Очень немного – недавно получил деньги – 250 перевел вам. Скоро пошлю еще. Написал попишке (?). Жду писем, а их все нет – снова длительный (по всей видимости) перерыв в переписке и не во время, как раз тогда, когда я раскалился на новости, получивши сразу три письма и молчание. И это для счастливого отца, который только что обзавелся дочкой и жаждет о ней слышать.

Ну пока, бывайте здоровы. Пишите мне побольше. Целуйте Томку (?) и дочку. Привет всем. Ваш Мося.

О получении перевода сообщите.

№ 4
1942 год, 26 апреля

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: 40315, Полевая почта, Рыбаков М. А.
Дата отправления: 26 апреля 1942 г.

Дора, милая, здравствуй!

Не знаю, когда следует посылать праздничные поздравления, но тут как раз удобная оказия – есть возможность послать письмо. Решил, что лучше раньше, чем позже.

Итак, поздравляю тебя с грядущим праздником, желаю счастья и успехов, а главное – желаю умиротворения мятущейся душе твоей – пусть успокоится она на своем педагогическом поприще. Тем более, что уже на носу лето и учебного года осталось с гулькин нос (замечаешь, как мне не удастся патетический штиль – как у Маяковского «снотающая (?) концовка») в общем, поздравляю. С удовольствием вспоминаю прошлое и очень бы желал вернуться к нему снова: если не на этот (что уж об этом говорить), то хотя бы на следующий год.

Будешь на празднике в городе (или, вернее, *post factum*, когда дойдет письмо), расцелуй за меня маму. Ну, пока. Будь здорова. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 5
1942 год, 28 апреля

Куда: Иркутск, адреса нет
Кому: не указано
Отправитель: адрес не указан, Рыбаков М. А.
Дата отправления: 28 апреля 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Бумага новая, смотрите, как я богато зажил – так и хочется написать. В последние дни получил два письма., от Томки – одно с фотокарточкой, другое без. В обоих – горькие жалобы, трудно ей, бедняжке, живется. И дочка на руках и кончать надо – все это в совокупности создает ей прямо невыносимое положение. Вы бы, что ли помогали ей побольше – если можно, Дора. Поводилась бы с девочкой, или она не может? Ничего-то я, ровным счетом, не понимаю и не знаю, как и что там делается, получил всего-навсего три письма. Но вижу, что ей очень и очень трудно.

Я вам недавно послал новый аттестат – давайте, пожалуйста, половину денег ей. Кроме аттестата я Вам буду еще время от времени делать переводы. Пожалуйста, помогайте ей, если можете, ведь, поймите, у нее же **моя** дочка. Ах, как все это объяснить!

Что у нас тут нового? Очень мало, как везде затишье. Весна отчаянно плохая – холод собачий – с утра валит снег, образовалась дикая слякоть, на деревьях даже нет еще почек, сеять тоже не начали. Как вам нравится центральная Россия? Просто погода запуталась, и времена года бредут в полном беспорядке.

Однако, дни стали длиннее и занять их стало труднее, даже 12-14 часов работы ни в силах заполнить весеннего дня. А вечером я тихо скучаю, т. к. читать при какой-нибудь дымной коптилке совершенно невозможно. Все же я отваживаюсь иногда читать – прочел «Анну Каренину», «Идиота» Достоевского, все пьесы Островского. Что делать, только эти вещи попадают под руку. Хорошо еще, что теперь немного наладилось дело с газетами – есть возможность узнать свежие новости. Приятно почитать в нашей дыре свеженькую газетку.

Как описать мое житье-бытье? Оно и разнообразно и чертовски однообразно и скучно и захватывающе интересно; очень противоречиво мое житье-бытье. Описать его я не смог и поэтому не пытаюсь, может быть, если вернусь, порасскажу многое, слушать будет Вам не переслушать. Так что готовьте уши, ибо творческий потенциал рассказчика нарастает, его опыт обогащается и репертуар пополняется все новыми и новыми вещами.

Но шутки в сторону, как бы я действительно хотел вас увидеть и получить возможность порассказать и послушать. Да это дело фортуны, как она повернется – каким ракурсом. Будем надеяться, что она повернется к нам своей сияющей мордочкой.

Ну, будьте здоровы. Привет всем дядям и тетям. Как они живут. Привет всем друзьям. Целуйте Томку и мою малышку. Целую вас миллион раз. Ваш Мося.

Как там друзья. Как Дорина подруга Сара Дворецкая, Алла и прочие?

№ 6
1942 год, 16 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: Полевая почтовая станция 1958, Саперный батальон 1429

Рыбаков М. А.

Дата отправления: 16 мая 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Опять долго длилось томительное молчание и – вдруг прорвались сразу два Дориных письма-близнеца от 24 и 25 апреля (и сразу отлегло от сердца, Все новости налицо, все новости неплохие мама здорова, дочка растет, сестра процветает, жена выламывает «дверь в жизнь» – сдает госэкзамены). Значит, «тыл крепок» – можно надеяться, что если будущее и не сулит мне в этой области особенного благополучия, однако я надеюсь, и бед и горестей больших не доставит.

В общем, выражаясь, менее высоким штилем, я рад за вас, рад за то, что у вас все более или менее благополучно.

Так ты говоришь, что моей дочке скоро будет 6 месяцев – здорово! Так еще вернешься и застанешь взрослую дочь, которая примет не за папу, а за жениха, хотя где там, старость – не радость. Старею, старею и волосы выскакивают в геометрической прогрессии – здесь плохая вода.

Что нового? Довольно много. Наши здесь наступают – и дела идут горячие. Все небо в зареве. Наступление идет успешно – сегодня, например, радостное сообщение – взято за 3 дня 105 населенных пунктов, 400 пленных, убито 6000 немцев. Так! Так! Победить, главное – победить. Подумай, в Победе все наше будущее, а оно могло бы быть счастливым и хорошим и будет им, если победим.

Ну, пока. Будьте здоровы. Пишу я часто, поэтому скоро напишу еще. Только вот стихов не пишу. Жаль. Целую всех. Ваш Мося.

№ 7
1942 год, 7 июня

Куда: Иркутск, адреса нет

Кому: не указано

Отправитель: адрес не указан, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 7 июня 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Даже смешно – на улице дождь и резкий холодный ветер. Смеркается. Недавно немцы жаловались, что у нас здесь нестерпимая жара – и это в июне, – таких фокусов и в нашем Иркутске не бывает.

Сию в хате – в такой по всем правилам – беленькой снаружи и изнутри с глинобитным полом с веселенькими рушниками по стенам, и на рушниках петухи и кресты и черт его знает, чего только нет. Маленькая девчушка Тамара лузгает подсолнухи и учит меня – как лузгать. Смешно оттопыривает губу и ищет по столу... Темнеет, темнеет – пора зажигать лампы.

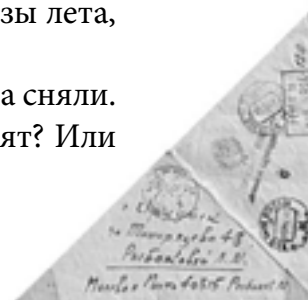
Сегодня я намерзся как сукин сын – рыскал по полям. Вымазался – не передать. На фронте (а немецкие позиции видно) тихо, изредка постреливают. Только самолеты не устают – и летают, и вертятся, и дерутся, и немцам достается.

Хорошо, что им так достается. И на Западе – ...как долбят их англичане – только щепки летят. Отольются волку овечьи слезки. Война беспощадна, и, прежде всего она беспощадна к тому, кто ее разжег. Палка о двух концах, хватит немцам – поколотили – теперь другой конец начинает выбивать пыль из их вшивых шкур. Они молились «логике войны». И верно, это – неукоснительная логика, и она против них.

Продолжение – на другой день. Вчера произошел маленький перерыв в силу обстоятельств – сейчас надеюсь закончить.

Сегодня опять на улице холод и дождь. Просто поразительно. Капризы лета, если можно так выразиться.

Да недавно в «Правде» отразилось одно иркутское событие – Шмакова сняли. Вероятно, теперь с ним вкупе и многие другие, вроде Ольхона заскрипят? Или

нет? Конфигурация сил, возможно, радикально изменилась. Пиши мне побольше о знакомых и о себе, а то посылаете очень скудные письма, едва-едва из них что-нибудь наскребешь – узнаешь.

Неужели Яким (?) так серьезно болен? Чертовски жалко. Но, ничего, пусть держится. Главное – не падать духом. Из всякой болезни можно вылезти. Что пишет Хилька. Что-то темнит, надо думать, судя по твоему сообщению о нем.

Ну, пока, пишите больше. Привет всем. Целую Томку и дочь. Целую крепко. Мося.

№ 8

1942 год, 9, 12 августа

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Л. М.

Отправитель: Сталинград, проездом, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 9, 12 августа 1942 г.

Добрый день, родные мои!

Вчера отправил вам письмо, сегодня начинаю новое, хочу, чтобы вы почаще получали мои письма в это тревожное время. Подумать только – вчера в сводке: бои севернее Котельникова (это – меньше 200 км от Сталинграда) и у Армавира – значит очередь за Краснодаром, а это – потеря хлеба и нефти. Какое чудо опрокинет сейчас гитлеровцев и отбросит их? Или наш народ, а на этот раз найдет в себе силы? Или этим чудом будет второй фронт, открытый в самой Германии – непременно там, т. к. высадки англо-американских войск где-нибудь на французском, бельгийском, голландском побережье не даст ничего, кроме длительной позиционной войны. Едва ли.

(Во всех случаях для нас остается одно – драться до конца, другого пути у нас нет, судьбы, отличной от судьбы Родины, тоже не найдется – мы ей ровесники, мы ею вскормлены и воспитаны и, поэтому, нераздельны).

12.8.42. Опять попал в Сталинград. Хочу дописать вам письмо и отправить.

Сейчас здесь горячее место: сталинградцы готовятся к обороне, но все идет по-обычному, по-будничному. Хороший город мужается и не теряет надежды победить.

(Я живу сейчас скитальцем, почти не вылезая из машины. Но скоро надеюсь выполнить одно интересное поручение, и тогда снова в батальон – повоевывать).

Ваших писем нет. Друзей иркутян осталось очень мало, во время последней переряги многие снова не появились. В их числе Кельман, Озерников и др. Если ты от родных узнаешь что-нибудь об их судьбе – обязательно напиши мне. Я же пока точно сказать, куда они делись, не могу: растерялись в бою – кто куда пошел – неизвестно.

Теперь я в другой части. Со мной из наших Пашка Хромов и еще пара человек. Но все-таки приятно воевать с друзьями.

Ну, пока. Будьте здоровы. Желаю вам всего наилучшего. Поцелуйте коллективно дочурку – пришлите мне, ради всего святого, ее фотографию. Не то так и накроешься, не выдавши своей дочери.

Целую всех крепко-крепко. Привет всем. Мося.

Сашкиного письма не получал, что он, скотина, не пишет чаще?

№ 9
1942 год, 26 сентября

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Д. А.

Отправитель: 195 8, полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 26 сентября 1942 г.

Дора, родная, здравствуй!

Получил твое сравнительно «свежее» письмо от 28.8.42 г. В нем ты пишешь, что должна поехать «на место новой дислокации» – в Урик. Почему Урик, разве на его сени сменяла ты идиллию Заларей? Или соображения близости к городу руководили тобою. Что же, веские соображения! Но неужели там некому задержать тебя в городе, И будет мама одна, бедненькая. Может быть, для нее есть смысл уехать с тобою. Или еще более склонить тебя остаться.

Неужели она работает по 11 часов в сумки? Ведь это черт знает что такое. Как же ее здоровье?

Ты пиши мне побольше о ней. А сама не отчаивайся. Клянусь, когда привыкнешь на селе, если окунешься с головой в сельские дела, сумеешь к ним подойти не с «холодным сердцем», то, возможно, будет еще интереснее, чем в городе. Ну, пока. Привет всем. Целую всех крепко-крепко. Мося.

№ 10
1942 год, 15 ноября

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

Кому: Рыбаковой Д.А.

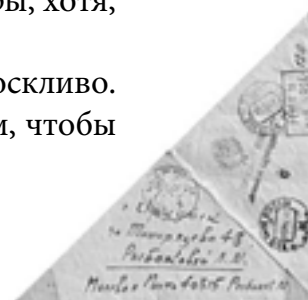
Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 15 ноября 1942 г.

Здравствуй, милая сестренка!

Я так долго не получал твоих писем, что уже отчаялся получить, и, признаюсь откровенно, поверил в то, что ты перестала мне писать. Да, – дело прошлое, – оно так, по всей вероятности, и было. Но теперь я доволен выше всякой меры, хотя, ты впопыхах и не указала своего адреса, ни в письме, ни на конверте.

Откуда у тебя такой отчаянный пессимизм? Да, война. Да, тяжело и тоскливо. Но люди живут не затем, чтобы покоряться силе обстоятельств, а затем, чтобы

бороться. Бороться. Это слово сейчас со стиснутыми зубами повторяют миллионы людей. Это верно, обстоятельства тебя тяжело ударили. Тем более крепись, нет книг – добудь из города; нет друзей – оглянись пристальнее вокруг – они найдутся. Война все сковала, все приглушила, но ей не прервать пульса. Он бьет и его биение – это и есть наше сопротивление горестям жизни.

Пишу тебе на клочках, но надеюсь, ты извинишь – нет под рукой бумаги.

Впрочем, я думаю, что пока до тебя доберется это письмо, ты и сама «встанешь на ноги», и дела твои пойдут на лад. А как же твои иркутские друзья? Что они все исчезли? А как твои паладины, или пыл их прямо пропорционален расстоянию, которое вас разделяет? О, поверь мне, мир не без добрых людей – они обязательно найдутся.

Маму мне очень, просто непередаваемо, жаль. Ты постарайся бывать у нее почаще, это теперь для нее, вероятно, главное утешение.

Обо мне не беспокойся. Я, во-первых, привык, во-вторых, обтерпелся, в-третьих, приноровился и, last but not least, смирился и в общем прозябаю неплохо. Но дела определенно поворачиваются в хорошую для нас сторону – фортуна показывает свое лицо. Ну, пока. Целую маму и племянницу. Привет всем. Целую.

*Мы щели вырыли... и тут:
Совсем казалось близко,
Прерывистый, знакомый «гуд»
Раздался в небе низком.*

*Сегодня, точно как вчера:
Обычная работа:
Пикировали «Мессера»,
Строча из пулемета.*

*Был гул моторов их суров
И зло сирены выли,
И пули шлепали в песок,
Взметая струйки пыли.*

**№ 11
1942 год, 17 ноября**

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

Кому: Рыбаковой Д.А.

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 17 ноября 1942 г.

Здравствуй, милая сестренка!

Имей в виду, теперь мои письма посыплются на тебя как из рога изобилия, раз уж я узнал твой адрес. О, если бы твои письма приходили также часто!

Итак, прошлое письмо я, помнится, целиком посвятил разбору твоего самочувствия – не знаю хорошо ли сделал, но думаю, что, во всяком случае, эти мои приватные рассуждения «оптимиста со стороны» пойдут тебе на пользу. Они, конечно, не претендуют на роль всеисцеляющего бальзама», однако, надеюсь, лягут на ваши интеллектуальные царапины как добротный пластырь.

Теперь пару слов о себе. Мы сейчас непривычно надолго обосновались на одном месте, обжились, и, хотя здесь и горячо, и тревожно (причем, теперь в связи с тем, что Волга встает, этих тревог поприбавится), однако, мы обжились и нам неплохо. Достаем кое-какие книжонки. Справили по-хорошему (насколько это вообще может быть в наших условиях и в настоящее время) праздники, и продолжаем дальше в том же духе. Живу я с хорошим парнем нашим иркутянином – Романовым. Он большой любитель книг и песен, и с ним хорошо. Можно поговорить вволю. Кормят нас хорошо, давно уже по-зимнему одели. В общем all «постолько-постольку...». Ну, опять расписался. Пока, привет всем, целуй при случае маму, дочку, Томку. Целую крепко, твой Мося.

№ 12
1942 год, 16 декабря

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М. А.

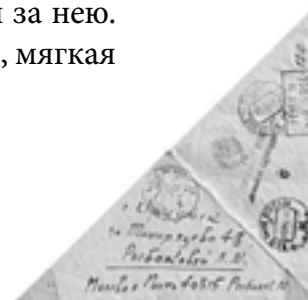
Дата отправления: 16 декабря 1942 г.

Дора, милая, здравствуй!

Мало сказать, что я на тебя зол – это будет слишком мягко, – я рассвирепел хуже какого-нибудь жителя зоосада. Когда ты, наконец, станешь писать, или твои уриковские пенаты столь поглощают все твоё время и внимание, что тебе и пары строк братцу перекинуть некогда? Странно! Право, странно! Предположить же, что ты пишешь и вот уже 4 месяца письма не доходят до меня – не могу – не верю в это – ведь дошли же до меня письма Томки о пребывании вашей почтенной персоны в Иркутске и даже об отбытии оной в баню. Так неужели же в перерыве между баней и какой-нибудь поучительной и развлекательной ассамблеей ты не могла урвать пары минут и черкнуть мне. Не верю!

Итак, обвинительное заключение против тебя создано. Суду все ясно. Прошу тебя, не дожидаясь приговора, – пиши, не то он будет сугубо суровым. Я думаю, суд решит скушать тебя с кашей. Ясно?

У меня жизнь сейчас течет достаточно равномерно и однообразно – учеба, занятия с людьми. Самообразование. Немного чтение and so long. Война сейчас отодвинулась от нас. Впрочем, я думаю, скоро мы снова пойдём следом за нею. Дела хватит. Одеты мы тепло, питаемся хорошо. Зима здесь до смешного, мягкая и, в общем, живется неплохо.

Да, интересно, а как ты чувствуешь себя в материальном смысле? Каково-то кормит тебя твоя почетная и почтенная педагогическая профессия? Очень прошу – «отпиши».

Ну, пока. Привет всем-всем, самый широковещательный. Будь здорова. Пиши! Целую крепко. Твой Мося.

№ 13
1942 год, 22 декабря

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 22 декабря 1942 г.

Дора, милая, здравствуй!

Недавно ко мне после долгого-долгого перерыва прорвалось одно твое письмо. Как я был рад – непередаваемо! Думал, ты совсем обо мне позабыла.

Итак, пришло твое письмо. Забавное! Из него явствует, что ты не в ладах с педагогической карьерой и все время пытаешься от нее отбрыкаться. А мне, наоборот, кажется, что ты обязательно свыкнешься и станешь прекрасным педагогом. Все перемелется – мука будет. Сейчас я обдумывал все это и решил – действительно, какое благородное и благодарное занятие – быть педагогом, да еще литератором. Ведь это какого-нибудь своего любимого Чехова (скажем) можно так подать ребятам, что они потом всю жизнь будут за это благодарить и тебя вспоминать. Право! Выражаясь «высоким штилем» – в нашей жизни наше бессмертие – хорошо прожитая жизнь и есть бессмертие. Отпечаток ее потянется в грядущем. А, попросту говоря, и не думая о благах бессмертия, важно прожить жизнь так, чтобы к концу испытать хоть подобие удовлетворения. Дилемма такова.

Почему ты ничего не пишешь о своей жизни в деловом и материальном смысле? Очень интересуюсь! Пиши. Ну, будь здорова. Привет всем. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 14
1942 год, без даты

Куда: адреса нет

Кому: не указано

Отправитель: адрес не указан, Рыбаков М. А.

Дата отправления: без даты, 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Опять собирался Вам написать сразу после отсылки прежнего письма – и не смог: снова начался марш – и снова не стало времени для этой цели. Хотя и времени-то

нужно не так уж много. Дело, пожалуй, не во времени, а в однообразии (с точки зрения описательной) жизни, которую я сейчас веду – поход, отдых, занятия, работа – вот и весь цикл жизни. О развлечениях почти нечего говорить, книг мало, мыслей не слишком много, да и не скорое для собственного потребления.

Честное слово, я уже отчаялся Вам писать – ни слова в ответ, какая-то глухая стена молчания, о которую разбиваются все мои попытки связаться с вами. Ни слова в ответ! Пожалуй, я тоже перестану писать – ведь бесполезно все это.

У меня возникают самые дикие и тяжелые мысли о Вас и о Вашей судьбе – думаю: ни случилось ли там чего-нибудь. Как мама, как ее здоровье! Все темно. Видно так и не узнать мне этого при всем желании до самого конца войны, если цел буду. Получается наоборот – вы там, в глубоком тылу, пропали без вести, а я отсюда все время выныриваю.

Может быть, до вас не дошел мой новый адрес – он таков: 61, Полевая почта, 21 подразделение, 1429, отдельный саперный батальон, Рыбакову М. А. Если будете писать по этому адресу, письма почти обязательно дойдут – полевая почта работает довольно хорошо.

Не придет в этот месяц от вас письмо – ей-богу – брошу писать. Вы бы хоть через день или два писали – авось, что-либо да и дошло бы.

Дора, поверь мне – просто слезно прошу об этом.

Как видите, все это письмо оказалось посвященным вопросу о ваших письмах. Очень он для меня сейчас актуален. Чертовски тоскую по вас и изнемогаю от неведения до того, что совсем снизилось настроение.

Вот и денжат есть возможность перевести вам еще, и новый денежный аттестат, а я не знаю: стоит ли, т. к. не извещен о получении старого аттестата и переводов.

Ну, пока. Страстно жду вашего письма. Целуйте Томку, кстати, где она и что с ней? Целую вас крепко-накрепко. Ваш Мося.

№ 15
1943 год, 1 января

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

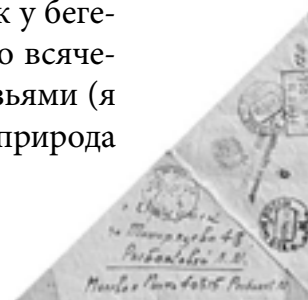
Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 1 января 1943 г.

Сестренка, моя милая, здравствуй!

Так разреши поздравить тебя с Новым Годом! И да повернется к тебе в этом году капризная фортуна в анфас или хотя бы (в худшем случае) в профиль. И да осенит тебя в этом году счастье (большое как парашют) и здоровье (как у бегемота) и оптимизм (как у молоденького тельенка). Еще желаю тебе много всяческих замечательных людей увидеть и так, чтобы они стали твоими друзьями (я думаю, огромная беда твоя – это пустота вокруг – нужно иметь друзей, природа

не терпит пустоты – знаешь ты этот принцип?). Еще желаю тебе... оставим здесь дань лениности многоточие, но ты же понимаешь, что плохого я ничего не пожелаю. В общем, тысячи всяких хороших вещей.

Впрочем, я на тебя адски обижен – по моим соображениям ты мне совершенно не пишешь. Если бы ты писала, то хотя бы отдельные письма доходили. А тут – ни одного письма. Нет, ты, только ты этому причина. Имей в виду, не прощу я тебе этого. Пиши! Пиши. Каждое письмо из дома для меня огромная радость. Неужели ты хочешь лишить меня этой радости.

Вчера встречал Новый Год. Подвыпили, повеселились, как полагается в этих случаях, помянули былое, и кое-кто из теплой компании иркутян вздохнул и даже всплакнул (спьяна). Выпили за вас заочно: не икалось вам? А как ты провела Новый Год? Весело?

Ну, будь здорова. Привет всем. Целуй маму. Еще раз желаю тебе счастья. Целую крепко. Твой Мося.

№ 16
1943 год, 15 января

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, средняя школа

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 15 января 1943 г.

Здравствуй, милая сестренка!

Я пишу теперь чисто-чисто. Выдалось несколько сводных вечеров. Ты, наверное, теперь прямо засыпана моими письмами. Что ни день – то письмо. Как было бы хорошо, если бы я получал письма также часто. Ведь у меня много корреспондентов, а писем мало. Впрочем, сейчас мы так оторваны, что почта приходит очень редко – за последние полмесяца не пришло ни одного письма, ни одной газеты. Позавчера только впервые узнали последние известия.

Самая большая беда – читать нечего. Какие книги были в запасе даже случайно попавшийся том БСЭ читаны и перечитаны на второй ряд. А достать совершенно негде. У меня такое впечатление, что здесь никогда и не имели книг, а часть истребили во время оккупации. Да, без книг тяжело. Вы, люди, сидящие около культуры даже и не поймете этого. Хочешь книгу – получай книгу. А тут хочешь... и не получишь. Я, может быть от скуки, даже писать немножко стал. Но трудно, трудно. В голове пустовато.

У нас теперь и снежку подсыпало, морозец ударил. Пусть помучаются фрицы. Морозец жмет. Даже за уши хватает. Ну, пока. Будь здорова. Пиши почаще. Целую, твой Мося.

Сообщи мне Хилькин адрес.

№ 17
1943 год, 25 января

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, неполная средняя школа
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М. А.
Дата отправления: 25 января 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

У нас тут расфокусничалась погода. Вчера шел дождь – настоящий, почти проливной. Все взмокло. А сегодня северный ветер и холод. Образовался ледяной наст, а по нему несет с визгом и со свистом гоняет целые тучи снега. И, главное, ему нет ровно никаких преград – степь, голая как ладонь. Право, паршивые места. Меня, например, не так удручает самый мороз, как эти контрасты: дождь-лед.

Наши ведут замечательное наступление. А мы, грешные, остались уже далеко-далеко позади передовой. Очень обидно. Хочется отыграться на сволочах-немцах за все летние передраги. Но наши отыгрываются на все четыреста процентов.

Дора, знаешь ли ты, что такое книжный голод? А, право, это принеприятнейшая штука. Нечто вроде авитаминоза. Нечего, нечего читать! И вечера почти свободны.

Писем нет. За полтора месяца – одно письмо от Томки. О твоих я уже и думать забыл. Так, пишу – из внутренней потребности, отнюдь не надеясь на ответ. Да, что ты, влюбилась там, что ли, что ли, что не находишь времечка черкнуть мне пару теплых (средних или холодных) строк?

Мама же, вот, пишет мне исправно. Я четко представлю, как это она делает одна, выводит слова. Со слезами. Ах, как мне жалко ее, невозможно написать. Трудно же ей чертовски. Я думаю, ты должна быть ей сейчас главной моральной опорой, т. е. духовным столпом (Что! Какова роль?).

Слушай, почему ты мне не напишешь, как ты живешь в материальном смысле. Или эта «низменная проза» вне среды твоих возвышенных интересов. Напиши!.

Будь здорова. Привет всем-всем. Анне и Варе особо. Последняя могла бы написать и я бы написал ей, если бы знал ее адрес. Пока. Целую крепко. Твой Мося.

№ 18
1943 год, 9 февраля

Куда: адрес не указан
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: адрес не указан, Рыбаков М.А.
Дата отправления: 9 февраля 1943 г.

Здравствуй, моя милая сестренка!

У меня сейчас забавная полоса – нет писем, нет газет. Новости едва просачиваются к нам, так мы оторваны.

Впрочем, я и с письмами от тебя ничего получить не чаю. Ты, верно, не пишешь все равно.

Да и я пишу, твердо зная, что письма эти еще нескоро не только будут получены, но и отправлены.

Дора, милая, здесь довольно скучно. Еще хорошо, что стал доставать кое-какие книги – перечитываю О'Генри, Зоценко, Чаплыгина и Чехова, твоего божественного Чехова. Я думаю, ты сейчас бы им вплотную занялась, и изобразишь что-нибудь не хуже Роскина.

Я же сейчас в восторге от Тургенева – его «Накануне». Тоже шедевр. Ты займись им, право. Это истинно душеспасительная книга. Сам я писать совершенно не могу – ни руки, ни голова не поднимаются, право. А тут мы еще отстали от наших, наши быстро и победоносно наступают. А мы посиживаем в тылу.

Что еще делаем – стреляем, бегаем на лыжах, поем старые песни. Все. Так и живем.

С друзьями живем в ладах, но все довольно надоели друг другу.

Ну, будь здорова. Целуй за меня маму. Привет всем. Целую тебя, Мося.

Напиши Хилькин адрес.

№ 19 1943 год, 14 февраля

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, неполная средняя школа

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 1958, Полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 14 февраля 1943 г.

Добрый день, сестренка!

Представляешь счастье. Получил сразу 12 писем и в том числе целых три – твоих. Ты доказала таки образом полное свое алиби. И сразу ясно – что ты редко – но писала. Но, благодарю, от всей души!

Дора, ты пишешь, что тебя давит груз 21 года. Да, действительно. Ты прямо Атлас, коли удерживаешь на плечах такую адскую тяжесть. А мне, если ты помнишь, позавчера стукнуло 24 – какой же титанической силой должен я обладать, чтобы удерживать такой груз!!

Да, стареем, стареем. И полысение интенсифицируется и на морде (как сказал бы Зоценко) появляются разные там морщинки. И... поступь становится плавной, голос солидным etc.

Но вот горе! Брюхо, старое брюхо – такой существенный момент людской солидарности – пропало и, кажется, навечно! Но бог с ним! Я то за ним, право, не гонюсь.

Клянусь, меня поражает эти нотки (мало сказать – целые аккорды) пессимизма, которые то и дело проглядывают в своих письмах. И чего бы казалось – «Урик предел всех перспектив» – почему? Неужели ты не понимаешь, что сейчас ис-

ключительное время, а, следовательно, всякое положение, в которое попал сейчас человек, является исключительным и после войны может быть (и обязательно будет, если человек захочет) скорректировано им, я сам, совсем не считаю свое положение нормальным и естественным и думаю его «подисправить» после войны. Как тебе нравятся эти мудреные, но не мудрые рассуждения? Мне кажутся близкими к истине.

Нет, право, зря, зря все это. Друзья уже находятся. Прекрасно! Работы много – чертовски хорошо! Нужно ее делать и делать. В желудке пусто? Терпимо. Да покроется все розовым флером оптимизма. Не унывай. Жизнь вся наша!

Дора, а сегодня у меня как раз некоторая перемена судьбы – получил новое назначение. Не знаю, к лучшему это или наоборот. Да! Поживем – увидим.

Живем мы все по старому: пока все на том же богоспасаемом хуторе. От нечего делать, что ли, пошло у меня понемножку писание. Хочу написать книгу. И довольно много уже написал почти всю. Назвать думаю – «мы солдаты». Тема-то мне близкая, да что выйдет, трудно сказать.

Получил я все и даже больше желаемого – а как раз письма с дочкиной фотографией и не получил. Есть письма более ранние и более поздние. А этого как раз и не имеется.

Ну, будь здорова. Привет всем. Целую крепко. Твой Мося.
Дай Хилькин адрес.

№ 20
1943 год, 28 февраля

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-б

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 1958, полевая почта, часть 9, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 28 февраля 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Пользуюсь случаем послать тебе письмо. Надеюсь, что оно дойдет быстрее прочих, т. к. вообще сейчас мы оторваны от почты, и письма ходят плохо. Ваших писем я не получал уже очень давно – последний раз письма привозили в середине февраля, а теперь, вероятно, привезут что-нибудь только в середине марта. Прошлый раз я получил фотографию дочки – смешная девчонка – пухленькая. Как-то забавно даже думать, что вот я уже солидный человек – отец «взрослой» дочери. Непривычно.

Живу я по-прежнему. Засиделись мы в глубоком тылу. На хуторе нашем уже весна. Снег стаял. Грязь. А мы все еще никуда не трогаемся.

Февральского перевода я тебе еще не сделал – негде пока получать зарплату. Видно в середине марта переведу сразу побольше. Так что придется тебе как-нибудь перебиться, потерпеть.

Мама, милая, как ты живешь? Пиши, пожалуйста, почаще. А то твои письма ходят редко-редко. Ну, будь здорова. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 21
1943 год, 11 апреля

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, неполная средняя школа
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: 40315, Полевая почта, Рыбаков М.А.,
Дата отправления: 11 апреля 1943 г.

Дора, родная, здравствуй!

Нет, тебя при всем желании, нельзя назвать щедрой на письма. Никак нельзя! Подумай сама – вчера получил я письма в первый раз за два месяца и среди них только два твоих «средняя плотность» одно письмо в месяц. Маловато!

Теперь в твоих письмах проступает уже новая концепция – безразличие. Помилуй, это вовсе плохо. Лучше уж пессимизм – самый отчаянный. Лучше простенький «телячий оптимизм», чем безразличие. Жизнь требует активности. Даже неорганическая природа не может быть косной, она и то участвует в тысяче всяких, по существу, жизненных процессов, для нее – жизненных впрочем, хотя убей, не верю, чтобы в 21-то год и вдруг оказаться ко всему безразличной. Не могу поверить! И не может этого быть – ругаюсь!

Я наконец-то, доехал. В здешних краях весна. С моря потягивает соленым ветром. В степи уже поднялась хиленькая зеленая травка. На фронте затишье. Опять как в прошлую весну. Только прошлое лето едва ли опять повторится. Впрочем, проживем – увидим.

Передавай привет всем своим – с кем переписываешься. Будешь в городе – целуй маму, Томку, племянницу свою. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 22
1943 год, 15 апреля

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, неполная средняя школа
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: 40315, Полевая почта, Рыбаков М.А.
Дата отправления: 15 апреля 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Опять нет от тебя писем, что делать? Ругаться мне уже надоело, совестить тебя нет смысла, умолять – неприлично. Лучше промолчу. Это твой индивидуализм, укрепляясь, верно, дает такие результаты. Впрочем, я думаю, сейчас по случаю наступившей весны он растаял «как дым, как утренний туман» И ты смотришь теперь на мир прозрачно-голубыми газами добродетельного теленочка: так ведь?

Здесь тоже весна и почки набухли и птицы резвятся промеж «мессеров». Все признаки – налицо... Я вплотную уже взялся за новую работу, она более хлопотлива, чем прежняя и требует больших затрат времени, но черт с ней. Кажется, она не хуже прежней.

Читаю меньше, не пишу совсем. Пьесу так и не окончил. Жаль, но бес с нею, все равно, кому и куда она нужна.

По вас скучаю, сейчас, весной особенно остро. Выйдешь вечером, в нашей стороне полярная звезда светит и так тебя в лирику и ударяет.

Ну, пока. Будь здорова. Как поживают твои подружки: Варя, Алла и прочие? Большой привет им. Обнимаю за меня маму. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 23
1943 год, 16 апреля

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-б

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 16 апреля 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Благодарю тебя за поздравления с днем рождения. Желаю тебе всего того, что ты мне нажелала.

Наконец-то получил ваши письма – одно от тебя, по два от Доры и от Томки. Самое свежее датировано серединой января, а сейчас – середина апреля. А главное, мало писем, могло бы за три-то месяца скопиться и поболее.

У меня все дела в порядке. Приступил к новой работе. Обживаюсь на новом месте. Опять попал на фронт. Стало и тревожней и веселее. Скоро получу заплату, тогда сделаю вам переводы.

Писать буду теперь очень часто, а то, пока был в дороге, редко писал, вы должно быть беспокоились.

Здесь весна. Уже трава повылезала. Зимы будто и не было. Пока придет к тебе это письмо, у вас тоже повеснеет – и половины твоих забот (о топливе, особенно, отпадет). Ну, будь здорова! Целую тебя крепко. Твой Мося.

Привет всем. Целуй внучку.

№ 24
1943 год, 21 апреля

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он,

с. Урик, неполная средняя школа

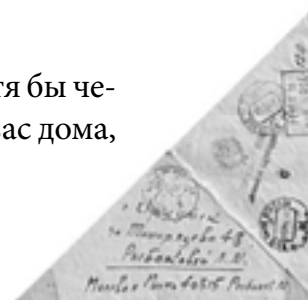
Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 40315, Полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 21 апреля 1943 г.

Дора, родная, здравствуй!

Право, очень скучно не получать письма. Как часто хочется узнать, хотя бы через устаревшие строки письма, что делается там, за тридевять земель, у вас дома,

как вы живете. И тогда за неимением свежих писем берешь январские, трехмесячной давности, и опять с волнением их перечитываешь. И руководит при этом не чувство live, а чувство love. Не любовь к Родине вообще – это слишком много-сложное явление, а любовь к людям, которые ее заселяют, вещам и привычкам. Одни из основных слагаемых любви к родным местам вообще – это любовь к природе и общая патетика, а я к первому и ко второму суховат, а вот земляков – людское содружество хорошо ощущаю. Я думаю, надо любить прежде всего людей, а через них и все прочее, иные пути восприятия неощутимы или нет?

Вся совокупность природы и обстоятельств – только фон для человеческой деятельности и материал для нее. Маркс, кажется, писал: «Мы пришли в мир, чтобы его активно перестраивать»... Но, хватит. К сожалению, объем письма лимитируется его форматом.

Видно, о себе придется написать в другой раз. Да впрочем, все почти постарому. А как дела твои, скоро же летние вакации. Как ты их намерена провести? Напиши. Ну, пока. Желаю счастья. Целую крепко. Твой Мося.

№ 25
1943 год, 5 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 5 мая 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Что это у вас у всех случилось с глазами? Ты плохо видишь и Дора тоже? Поменьше нервничайте – очень вас прошу и все будет в полном порядке.

Получил сразу много писем и среди них – твое. Рад сверх всякой меры. Большое счастье – письмо из дома. Но вы, прямо скажу, не балуете меня письмами, после месячного перерыва – по одному письму от всех троих.

Недавно справили праздник и недурно. Выпили. Вспомнили о далеком доме. Как хотелось быть с вами! Посмотреть на вас, поговорить. Много-много воды утекло за то время, как я с вами не виделся. Но ничего. Настанет пора – и придет встреча.

Значит, говоришь, внучка растет хорошая? А что же она не говорит – пора уже?

Ну, будь здорова. Передавай большой привет всем дядюшкам и тетушкам. Пусть пишут. Целую Дору и дочку. Пиши! Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 26
1943 год, 11 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 11 мая 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Ты все хочешь, чтобы я писал тебе побольше о себе – изволь, пишу. Я жив, здоров, крепок – внешне похудел и подтянулся против университетских времен вдвое, лысеть стал. Если не лучше, то, во всяком случае – не хуже. Жаль – сфотографироваться негде. Просить ваши фотографий я уже не в силах. Серьезно – что вам стоит – снимитесь и пришлите. А мне будет радость.

Привет всей родне. Целуй внучку. Доре привет. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 27

1943 год, 11 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 11 мая 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Чувствую, что когда до тебя доскачет эта цидулька, ты уже будешь на каникулах или на грани «летних вакаций». О, блаженное время каникул. Как оно мне хорошо знакомо! О, прелесть хрустальной Ангары, засеянных консервными банками островков и пыльных улиц родного города! О, возможные и вероятные сельские идиллии под сенью родных пенат (замечаешь штиль!) Ото всей души желаю тебе так порезвиться на каникулах.

Пиши сестрица, а то я имею удовольствие получать ваши послания не чаще раза в месяц. Будь здорова! Привет всем. Целую тебя крепко. Мося.

№ 28

1943 год, 14 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 14 мая 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

После долгого молчания и сразу три письма – от тебя, Доры и от Седых. От Седых письмо датировано 21 марта – меньше месяца шло.

Ты у меня молодец. Пишешь мне аккуратно. А вот Томка – свинья. Я просто ума ни приложу, чем объяснить такой факт, что от нее уже месяцев пять нет писем. Почему она не пишет. Не понимаю, и оправдать ее молчание ничем не могу.

У меня все дела идут по-старому. Живу, вернее сказать, хорошо. И с питанием и со всем прочим полный порядок. Очень скучаю по вас.

Здесь южное жаркое лето. Войны настоящей все еще нет. Обе стороны все еще готовятся. Но скоро должно что-то грянуть. Впрочем, поживем-увидим.

Перевод тебе сделаю на днях, но не знаю, как переводить. Ты ничего не пишешь о получении предыдущих переводов. Теряются они, что ли? Будь здорова. Привет всем. Целую, Мося.

№ 29
1943 год, 20 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.
Дата отправления: 20 мая 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Опять идет время, и нет ваших писем. Последнее, что я получал – твое письмо, датировано 14 февраля. Признаюсь, что довольно невесело получать письма более чем трехмесячной давности. Особенно меня поражает отсутствие писем от Томки – ее последнее письмо от начала января я получил месяц тому назад и нее – ни слова. Объяснить себе такой факт чем либо (иркутяне – кругом и все исправно получают письма). Кроме того, что она не пишет, затрудняюсь. Впрочем, писать или не писать – это ее дело. Дело ее совести.

Плохо, что твои глаза ведут себя прескверно. Это удивляет меня тем более, что у тебя, по-видимому, та же история, что и у меня (парацентральная глаукома), это что-то наследственное. Но у меня сколько-нибудь заметных скачков в развитии этой штуки нет, а у тебя она вдруг...

(далее 10 строчек практически стерты, не читаются. – Н.Г.).

№ 30
1943 год, 23 мая

Куда: адрес не указан
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: адрес не указан, Рыбаков М.А.
Дата отправления: 23 мая 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Получаю письма только от тебя и, странно сказать, почти трехмесячной давности. Объяснений этому никаких дать не могу, да и не ищу их, – бросил искать: каждому вольно писать или не писать. Правильно?

Но тебе спасибо, что пишешь – это же чертовски хорошая вещь – письмо из дому, да еще в такие моменты, как сейчас – когда на душе не очень радостно (да, да – смеешься или удивляешься, но и у меня это бывает – раздвоение личности).

Интересно твое сообщение об Юрке. Честь и хвала ему – он движется по своему пути – вперед и вперед. И мне вспоминается один давний спор с ним – я выступал на стороне прямолинейности, и накидывался на него за обходы (это у нас дома было, помнишь, Яшка выступал в роли примирителя). А что теперь остается мне – признать закон: «победителей не судят»... «Горе побежденным» (это про себя) а на обходы я уже не способен – значит признать поражение? Глупо быть рыцарем в картонных латах. Действительность протыкает их беспощадно. Но я и рук опустить не могу – энергии-то мои со мной. Но ведь у меня не хватает желания и честолюбия – без них вперед не подойти. И я стою.

Вот оно – мое перепутье. Извести об Юрке... Но одно явно – до сих пор судьба была моим поводом, брел за ней покорно. Сейчас проснулась воля, определить ее., но возможности нет. Значит, что остается – по-прежнему идти на поводу у судьбы. Это – моя линия наименьшего сопротивления – пойду по ней. И, наконец, last but not least, я не сумел использовать фактор времени... Так то.

...Это моральная слабость – дойти до самокопания, раньше я себе этого никогда не позволял. Старею...

Нового почти ничего. Жду новостей на днях, если получу их – непременно сообщу вам. А в остальном – жизнь течет довольно монотонно.

Иногда переживаю приступы тоски по дому. Они тем резче, чем меньше вы пишете. Впрочем, я уже заранее в начале письма толковал об этом.

Стихов не пишу. Потенциально что-то такое зреет, но выявится едва ли. А тут еще лето.

Здесь, на юге, смешное лето – по всем правилам нужно бы быть жаре, а тут холодище, хуже нашего.

Не пойму, почему ты не решаешься на Якутск – это же экзотично. Право, взять да рвануть туда – да там и дядька вроде у нас есть. Обдумай это к лету.

Ну, пока. Целуй маму и племянницу. Будь здорова! Отдыхай лучше. Целую тебя, Мося. Привет всем.

№ 31
1943 год, 27 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

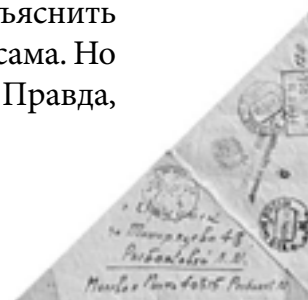
Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 27 мая 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Главное звено, которое связывает меня сейчас с домом – твои письма. Изредка еще приходят письма от мамы. От Томки писем нет совсем, разумно объяснить себе это как-нибудь я затрудняюсь. Думаю, единственная причина – она сама. Но если не пишет, значит, не желает писать. А это ее дело. Я тоже помолчу. Правда,

мама пишет, что она собирается ехать в Якутск на работу, может быть уехала, и поэтому нет писем?

Дора, а что если вы с ней вместе катанёте туда – в Якутск, каждый по-своему делу. Правда, это будет неплохо. Благо, у вас там и знакомые на первый случай есть. И экзотично. А маму ты сможешь вывезти к себе со временем. На период войны я считаю это неплохим вариантом. А ты как думаешь?

Боюсь только, что мои советы окажутся слишком запоздалыми. Но что поделаешь, слишком я от вас далеко.

У меня новостей почти никаких (для внешнего обращения) – скитаюсь. Весна здесь (лето уже, собственно) не по-южному холодная и пасмурная. Мокну под дождем и все. Ну, пока. Целуй маму и племяшку. Целую тебя. Твой Мося.

№ 32
1943 год, 29 мая

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-б

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 14 мая 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Ты становишься наиболее постоянным моим корреспондентом – только от тебя и от Доры письма идут более или менее регулярно, Тамара не пишет совсем, друзья тоже позабыли и словца не черкнут – Яша, например. А ты у меня молодец, пишешь аккуратно.

Я тоже в долгу не остаюсь – пишу тебе, примерно, раз в пять дней. Время у меня сейчас спокойное – есть время писать. Правда, приходится почти непрерывно путешествовать с места на место. Но что поделаешь – служба. Вчера сумел получить зарплату – сделал тебе и Тамаре переводы по 150 руб. Когда получишь – сообщи.

Напиши обязательно, как хочешь провести лето. Может быть, вырвешься к Доре. А может быть Дора откочует в Якутск и ты с ней, по-моему, это имеет смысл, по крайней мере на время войны, а кончится война – так посмотрим, как лучше.

Ну, пока. Будь здорова! Целуй внучку. Привет всей родне. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 33
1943 год, 1 июня

Куда: Иркутская область, Иркутский р-он, с. Урик, неполная средняя школа

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: 40315, Полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 1 июня 1943 г.

Дора, милая, здравствуй!

Вот и у нас идет настоящее лето – по небу плывут медленные, пухлые облака, жарко. Сегодня у меня было с утра часа два свободных, и я на совесть подзагорел. Так поджарился, как в добрые старые времена. Плохо только, что воды, за исключением одной речки, за которой, к сожалению, сидят немцы, кругом никакой. Воды, кроме колодезной, нет.

А я, как ты знаешь, привык летом мокнуть в хороших полноводных реках, вроде Ангары. Но что поделаешь – война, она не считается с желаниями отдельных индивидуумов. Хорошо еще, что достаю кой-какие книжки (чистое чтиво, столетней давности).

Писем от вас нет. А от Томки и вообще не предвидятся. Очень обидно и неприятно. На фронте тихо пока, а если опять все завертится – долго не получишь писем. А так и в тихое время их не дождешься. Ну, пока! Целуй маму. Целую, Мося.

№ 34
1943 год, 26 июня

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель:

40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: 26 июня 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Как жалко, что у меня сейчас нет возможности получать ваши письма. Я очень соскучился по вас, почему-то всегда летом особенно хочется мне домой, – подалее от этих степных мест. Право, мне не по нутру.

На фронте сейчас тихо. Живем мы скорее весело. Мои дела в полном порядке. Сейчас и свободного времени хватает, читаю во всю книги – все, что попадает под руку. Так дни и проходят.

Очень хотел бы знать, что сейчас у вас: как вы проводите лето, кто, где и что делает. Как у Доры дела с глазами? Пусть не читает, побережет глаза. Ну, пока. Будь здорова. Привет всей родне. Целуй Дору, внучку. Целую тебя. Мося.

№ 35
1943 год, 6 июля

Куда: без адреса
Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне
Отправитель: без адреса, Рыбаков М. А.
Дата отправления: 6 июля 1943 г.

Мама, милая, здравствуй!

Все мои дела пошли на полную поправку – сегодня выписали из госпиталя. Чувствуя себя великолепно, вторая рана тоже уже почти затянулась, и я теперь прыгаю, бегаю, танцую и сижу, главное – сижу! Вполне свободно. В госпитале я пролежал больше трех недель, отдохнул там основательно и соскучился по работе. Сейчас снова с удовольствием предчувствую радость работы – сейчас на войне она осталась главной утехой и отрадой. Чем же еще и заниматься.

В госпитале я сфотографировался – посылаю тебе мою карточку, честное слово, я выгляжу в натуре все-таки симпатичнее – очень уж паршиво она получилась, но в этом, право же, не моя вина, а фотографа. Вид у меня на ней, как видишь совсем не капитанский. Штатский вид – больничный. Но я надеюсь, что тебя не очень-то увлекает прелести формы.

Писем от вас еще не получал – вот приеду на место, тогда, вероятно, сразу отхвачу целую грудку. Очень грустно, что о вас сейчас ничего не знаю. Как бы я хотел быть сейчас с вами. Повидать вас всех – часто, часто мечтал об этом в госпитале. Но придется пока потерпеть и терпеть-то «малость», до конца войны.

Ну, пока. Будь здорова. Береги себя. Целуй Дору, Томку, внучку. Большой привет всей родне. Крепко Целую тебя. Твой Мося.

№ 36
1943 год, 6 июля

Куда: Тимирязева 48-6
Кому: Рыбаковой Доре Александровне
Отправитель: Москва, 9 п/о, до востребования, Рыбаков М.А.
Дата отправления: 6 июля 1943 г.

Сестренка, милая, привет!

Пишу как бы предварительно, т. к. по прибытию в часть надеюсь получить сразу гору ваших писем и написать уже обо всем поподробнее. У меня сегодня хороший день – выписали из госпиталя, пролежал там три недели и заскучал. А теперь все дела поправились – раны мои зажили и снова можно хоть танцевать, хоть сидеть – на выбор. Ранен я был легко – осколками мины в левую ногу и ягодицу. В мягкие ткани – они-то заросли и все полностью восстановилось. В госпитале я даже поправился.

Впрочем, по прилагаемой фотографии (она снята в госпитале) об этом судить трудно, но в этом виноват скорее фотограф. Очень уж безобразным я у него получился. Но я право, думаю, что на самом деле выгляжу несколько приличнее. Да, посылаю фотографию, и в обмен жду, разумеется, твою. Будь настолько любезна, пошли, пожалуйста, твою драгоценную мордашку. Может быть вкупе с мамой.

Ох, Дора! Не знаю, представляете ли вы, как вы мне дороги. Вот лежал в госпитале – времени для размышлений было более, чем достаточно и все думал о вас – как да что там у вас делается. Особенно о том, как дела у тебя со зрением. Ты не скупись на письма – пиши обо все этом побольше.

Интересно, как проходят твои каникулы. Верно, на лоне природы в сельской идиллии.

Ну, будь здорова. Целуй маму и племянницу. Привет всем-всем твоим друзьям. Алле особый. Целую тебя крепко. Твой Мося.

№ 37
1943 год, 8 июля

Куда: Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Доре Александровне

Отправитель: полевая почта, 40315, Рыбаков М. А.

Дата отправления: 8 июля 1943 г.

Дора, милая, привет!

Сегодня получил от тебя письмо и рад. Твой огородно-картофельный энтузиазм просто в восторг меня приводит. Желаю тебе и все 30 мешков снять. У вас там, видно, поветрие, все пишут про картошки, Впрочем, не смеюсь – я же понимаю, как это все необходимо и важно,

Знаешь, внезапно получил письмо от Юрки и Сашки и чертовски доволен. Так хотелось о них знать побольше, ведь все-таки они люди «дружественного интеллекта». Маму, пожалуйста, поддерживай. Особенно морально. Ах, как жаль мне ее, и как бы хотел я ее видеть, да и всех вас – тоже.

А тебе даю братский совет – отдыхать лето напропалую, кинуться во все тяжкие, если найдешь в себе способности на это. Остерегайся только любовных трагедий, в наше пасмурное время они тем более нехстати.

У нас здесь тишина. В Орле и Белгороде она уже разрядилась. Не берись судить, когда у нас. Но все ждут.

Я чувствую себя прекрасно. Собираюсь сейчас пойти в кино. Живу хорошо.

Слушай, что там такое у Сашки с Сарой, напиши хоть ты.

Ну, пока. Будь здорова. Привет всем, всем. Толстей, по-прежнему. Целуй маму и родню. Крепко Целую. Твой Мося.

№ 38
1943 год, июнь – начало июля

Куда: Иркутск, Тимирязева 48-6

Кому: Рыбаковой Лие Моисеевне

Отправитель: 40315, полевая почта, Рыбаков М.А.

Дата отправления: июнь – начало июля 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу опять с нового места. Вчера перебрались в село Воронцовку, невдалеке от Михайловки, всего в 12 км. Деревушка почти такая же маленькая на голой степи, с заколоченными окнами, с каким-то малюсеньким и слабым колхозом. Снова обосновались: разместили людей, разместились сами и с утра уже начали работу. Завертелась машина. Сколько времени она провертится здесь – не скажу, но думаю, что около полумесяца. А там дальше, дальше и дальше. Такова судьба.

Течет обычный день. Уже половина четвертого. Я все верчусь и верчусь – одно дело сменяет другое, в голове просто и пусто – она не особенно загружена. Порою мне до боли жалко времени. Я так берег его прежде, так старался использовать его до конца. Исчерпал все возможности – учился, учился и работал. А тут перерыв, потеря жизненной инерции. Проклятый Гитлер. Проклятая война. Она вышибла с колес весь мир. И, ведь что особенно печально, вся эта история надолго. В скорое окончание такой мировой свистопляски верить никак не приходится. И снова я склоняюсь перед необходимостью.

О стихах не может быть и речи. Какие стихи, когда ни одной законченной мысли нет в голове. Сейчас кризис «творчества», если можно так выразиться. Либо я вылезу из него, обновленным и еще более работоспособным, чем прежде, либо я навеки останусь моральным калекой и интеллектуальным недоноском с гипертрофированными претензиями и атрофированными способностями... О, боже мой, какой «высокий штиль». Это о себе.

О вас я много думаю. Тут уже кое-кто ухитрился получить из Иркутска телеграммы, а от вас ни звука, видно вы несвоевременно отвечали. Не решаюсь упрекать вас за это, хотя хотел бы, чтобы вы почувствовали, как дорого бы мне было одно единственное словечко, полученное от вас. И нет, ничего нет. Пишите, пожалуйста, больше. Ну, кончаю. Будьте здоровы и счастливы. Целуйте Томку. Целую вас крепко, Мося.

**Вот бы война скорее кончилась,
да скорее бы встретиться нам всем!**
(Письма М. Рыбакову из дома 1942–1943 гг.)

№ 1
1942 г., 24 апреля

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 24 апреля 1942 г.

Мося, родной мой!

Вчера получила от тебя открытку от 10 февраля. Как долго идут письма! Твой глубокий тыл... вероятно, стал уже фронтом.

Пришло твое письмо, написанное 17 февраля, где ты пишешь, что получил три письма от меня. Это хорошо. Итак, я вполне реабилитирована. Теперь ты можешь мне поверить, что в неполучении от меня писем виновата совсем не я, а почта.

Скоро будем май, второй май войны. Грустно, сколько пройдет маев, когда мы, наконец, сможем «трахнуть» вместе.

Ведь было бы очень здорово, если бы этот май был последним маем разлуки. Выпью я за твое здоровье, за нашу встречу. Вот понимаешь, Мося, я никогда не думала, что я так привязана к тебе. Ты поверь, что мысли о тебе занимают меня всю и, если бы не было их, то я бы была совсем опустошена. Это, пожалуй, не только чувство родственное, а большая духовная близость. Понимаешь? И эти два года помогли мне понять это.

Что сулит мне нынешнее лето? Урик, Иркутск или еще что-нибудь? Неизвестно. Но надо устроить так, чтобы быть вместе с мамой, а то ей бедняге очень, очень тяжело. Из меня же вообще получиться хорошего «морального столпа» не может. А еще на расстоянии. Поэтому необходимо воссоединиться. Хочу я заняться сельским хозяйством, насадить картошек, чтобы жить безбедно, как в раю. Не знаю, что из того получится при моих практических талантах.

Читаю я сейчас мало, перечитываю старое, недавно прочла хорошую книгу Сухотина «Бальзак». Удивительный он был человек. Возможно, его можно не любить, но не восхищаться им нельзя. Такая громадина!

Дома уже давно не была. Никак не удастся попасть туда. Будь здоров, хороший. Целую, Дора.

№ 2
1942 г., 31 мая

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 31 мая 1942 г.

Мося, милый, здравствуй!

Вот уже скоро месяц, как получили от тебя последнее известие, где ты говоришь о каких-то изменениях в твоей судьбе. И после этого ни слова. Я не понимаю, чем объясняется твое столь долгое молчание. Самые дикие и несуразные мысли приходят в голову. Но и они, конечно, ничего не могут объяснить.

Нового у нас нет ничего. Все также медленно течет жизнь, наполненная насущными делами и мыслями о тебе и твоей «планиде». Мама себя неважно чувствует все эти дни. Болит спина и этот еще проклятый ишиас. Сейчас вечер, я сижу одна. Мама ушла в театр на «Урок жизни». Неплохая штука и идет в Иркутске с порядочным успехом.

У меня все ближе и ближе госэкзамены, побаиваюсь их здорово. Хоть бы уже пронесло? Сегодня была у Тамары. Стела посылает тебе большой привет. Она удивительно милая, толстая, забавная, уже начинает появляться членораздельная речь.

Весна стоит противная, дни хмурые. Солнце скупое. И настроение северное. А тут еще от тебя нет ни строчки. Получила письма от Хильки. Он пишет, что написал тебе письмо. Интересно, дошло ли оно до тебя.

Вот, пожалуй, и все.

Пиши-ка почаще, хороший! Не заставляй нас ждать и думать черт знает о чем. Ведь это так тяжело. До свидания (поскорее бы!). Целую крепко. Дора.

Мама тебя целует много, много раз, счастья желает и большой удачи.

11 часов вечера. Иркутск.

№ 3
1942 г., 17 июля

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 17 июля 1942 г.

Хороший наш, здравствуй!

Долго, долго от тебя не было письма, многое мы передумали, пока пришла мать Лившица и сказала, что Тэдди видел тебя, и пока, наконец, пришла твоя открытка. Ты жив, здоров – прекрасно! Жаль только, что о себе пишешь совсем немного, да что в открытке напишешь! Но и за это спасибо большое.

У меня сейчас госэкзамены в самом разгаре. Два уже сдала, остался еще один – и все. Вольная птица! Куда только полететь мне и приземлиться не знаю. Вероятно, все-таки Залари. Мне очень хочется уехать в Якутск. Но если из моего желания и ничего не выйдет, то все равно лучше Залари, чем наш богоспасаемый Иркутск. Впрочем, с Якутском, конечно, ничего не выйдет, да и мама туда никогда не поедет. А жаль.

Семейство наше, включая и твое чадо, в полном здравии. Тамара со Стелой часто приходят к нам. Мама по-прежнему много работает, все мысли ее и чувства заняты только тобою. Только о тебе и о твоих существующих и несуществующих добродетелях говорит она. Измучилась она, бедная, совсем. Жалко мне ее, но ничего не поделаешь. Значит так нужно. Значит, это судьба, о которой мы в последнее время, т. е., уже год тому назад говорили. А «от судьбы не уйдешь», сказал Моисей Рыбаков

Ну, вот и все. В городе скучно, Две недели шли непрерывные дожди. Только сегодня первый хороший день. Снесло мост Ушаковки, наводнение.

До свидания (поскорее бы уж!) Целую крепко, крепко. Дора. Иркутск.

№ 4
1942 г., 24 ноября

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Лия Моисеевна Рыбакова

Дата отправления: 24 ноября 1942 г.

Добрый вечер, мой дорогой сын!

Сейчас получили новое короткое письмо, и пишу сразу тебе ответ. И я очень благодарна тебе за этот знак. Хоть ты жив-здоров, больше мне и не надо. Ты обижаешься, что Дора не пишет, так она была у меня, послала тебе несколько писем, хотя у нее времени тоже нет, у нее полная нагрузка, а вечером у них нет керосину. Она приходит со «школы» и сидит в впотьмах, но это все не важно, переживем. Это все, только бы скорее война закончилась.

Вчера была у Тамары, поиграла с твоей доченькой. Ты бы знал, мой сын, какая милая девочка и как я ее люблю. Только не говорит она еще ничего. Ты, мой сын дорогой, говорил уже все-все в этом возрасте. Но ничего, только бы была здорова.

Я бываю очень редко. Работаю. Все также прихожу домой. В избе холодно... Пишу тебе при маленьком огарке, и ничего: все вижу.

...написать пару слов дядя Зея хотел тебе...

№ 5
1942 г., без даты

Куда: не указано
Кому: М. Рыбакову
Отправитель: Лия Моисеевна Рыбакова
Дата отправления: без даты, 1942 г.

Добрый день, мой дорогой сын!

Сегодня выходной день, я пришла с работы и от тебя – письмо и открытка. Я очень обрадовалась и даже не успела все прочитать, сразу тебе пишу, потому что вчера у нас огонь не горел и керосину тоже нет.

Переводы твои получили. Очень тебе благодарна, пригодятся. У нас очень все дорого. Но тоже ничего не поделаешь, надо как-нибудь пережить тяжелое время, только бы скорее война кончилась и ты, мой дорогой сын, остался живой, здоровый. Здоровья – пожеланье.

Стала плохо видеть от этой работы.

От темна до темна Дора работает в Урике. 25 км. Дома бывает редко, потому что приходится идти пешком, машин мало ходит. Живу одна.

...Доченька твоя прекрасная. Совсем мало вижу, мало вожусь с ней, потому что мне нет времени. Я бы с удовольствием поводилась, я ее так люблю, но пока будь здоров. Целую, твоя мама. Посылаю тебе адрес одноклассника. Ему послали твой.

№ 6
1942 г., 8 декабря

Куда: не указано
Кому: М. Рыбакову
Отправитель: Лия Моисеевна Рыбакова
Дата отправления: 8 декабря, 1942 г.

Добрый день, дорогой мой сын!

Получила твое коротенькое письмо и все не могла написать, прихворнула... Сегодня себя немного лучше чувствую уже вставала и пишу тебе.

Дора была в выходные. Только хотела тебе написать, не успела. За ней заехали, с которыми она приезжала, и она ушла.

Я завтра уже выхожу на работу. Сегодня кое-что сделала дома. Так ничего не приходится делать: уйду – темно, и прихожу – темно и огонь не горит.

Сшила доченьке твоей шапку меховую, сшила жакеточку с дориного джемпера. Пусть носит на здоровье. Она плоховато одета. Но ничего, вырастет, а там глядишь, война кончится, время будет лучше. Вернешься живым, здоровым, и доченьку оденешь.

Лучше пиши, мой сын, как ты живешь вдали. Тебе выдали теплую одежду?.. Меня это очень беспокоит. Сейчас зима в полном разгаре. У нас морозы... Я тебе пишу, а руки у меня замерзают. Что у меня с глазами не знаю, но неважно. Маленьких нет. Если бы была квартира теплей и у меня здоровье лучше, так я бы взяла ребенка к себе, чтоб водиться.

Хоть Дора была бы дома, а одна... Здоровье у меня совсем плохое, не знаю, что будет дальше.

Но, пока. Будь здоров. Целую крепко-крепко. Твоя мама.

Привет от всей родни. Напишут тебе тоже.

№ 7

1942 г., 26 декабря

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 26 декабря, 1942 г.

Мося, родной, здравствуй!

Вот и Новый Год скоро. Это уже второй новый год, который мы проводим отдельно. И сколько еще таких лет пройдет – кто знает. Вся семья наша разбрелась в разные стороны. Все порознь. Все отдельно. И даже я не смогу провести этот вечер с мамой. Быть ей одной, совсем одной в нашей хате и думать о тех радостных днях, когда все вновь будут вместе. Я же из своего Урика выбраться не смогу. Вот уже месяц, как я не была дома, не видела маму, но вырваться никак не могу. А тут еще прихворнула малость.

Живу я все также. Никаких перемен, за исключением небольших неприятностей, которые немного вначале пощипывают, но потом быстро забываются. Хотя и оставляют довольно мерзкий осадок. Удивительно богата сплетнями эта проклятая деревня. Вот еще одна положительная черта большого города – никто о тебе ничего не знает, всем безразлично, с кем ты и кто с тобой. А тут за каждым шагом глаза, нечистые, противные глаза.

Сейчас вечер. Тускло горит лампа. Только что проверила горы тетрадей. Скучно. Тоскливо. В трубе воет ветер – вот уже несколько дней на дворе пурга. Книг нет. О многом думается. Уже чувствую за плечами тяжесть 21 года. Ведь это так много. А жизни не было и, вероятно, не будет. Все будущие года займут урики. Вот и все. Такова судьба, – и никуда от нее не уйдешь, ни на чем ее не объедешь. Кажется, и я постепенно делаюсь фаталистом. Еще хорошо, что я обладаю счастливым характером – чувствовать себя от всего в стороне, отдельно.

Сегодня видела тебя во сне. Ты читал стихи и собирался куда-то уходить. А я тебя не пускала. Ты так ясно был виден мною, что даже не хотелось просыпаться. Скорее бы это было явью, и ты бы приехал в гости ко мне, в Урик. О, это было бы большое счастье, настоящее счастье.

О доме ничего сообщить не могу. Попытаюсь все-таки поскорее туда поехать.

Кончаю. Лампа гаснет: нет керосина. До свидания. Будь здоров. Целую крепко. Дора.

От тебя нет давно уже писем. Почему молчишь? Это молчание страшно беспокоит.

№ 8
1943 г., 3 января

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 3 января, 1943 г.

Мося, родной, здравствуй!

С Новым годом тебя. Пусть этот год принесет нам всем радость и счастье, пусть в этом году состоится наша встреча.

Вчера пришла из Урика пешком. Страшно натерла ноги и теперь сижу дома, хотя я мечтала употребить этот день на культурные развлечения. Но и тут не повезло. А завтра – обратно в Урик. Прочла твои письма, где ты сетуешь на то, что я тебе совсем не пишу. Но это не верно. Я пишу, правда, не часто – раз в неделю, но все-таки пишу и удивляюсь, что ты ничего не получаешь. Разве можно обвинять меня в нежелании писать тебе? **Тебе?** Теперь постараюсь писать как можно чаще.

Дома все по-старому. Мама одна, бедняжка. Я не была у нее уже второй месяц – никак не удается. Вот сейчас пришла, а она работает, так что опять я ее очень мало увижу. Сейчас собираюсь пойти к Тамаре, хотя ноги едва ли допустят сделать это. Но попытаюсь.

С работой я еще не могу свыкнуться, да надо полагать, что и не свыкнусь. Это очень скверно – заниматься тем делом, которое ненавидишь, но приходится. Ясно, что дело от этого страдает. Я отношусь к типу учителей-урокодавцев, а все эти воспитательные функции у меня никак не находят места. И это плохо. Впрочем, все эта ерунда тебя, вероятно, совсем не интересует. Скучно.

Но, вот и все, пока. Ты тоже пиши чаще – я получала от тебя только два письма. Маловато. Ну, будь здоров. Целую, Дора.

Получил ли ты Стелочкину карточку? Какова дочка, а?

Иркутск.

Большой привет от мамы. Целует она тебя крепко. Желает здоровья.

№ 9
1943 г., 16 января

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 16 января, 1943 г.

Родной мой!

Получила от тебя сразу два письма: от 16 и 23 декабря. Очень рада. Приятно даже то, что ты так свирепо ругаешься по поводу моего молчания.

Я снова после вынужденного десятидневного пребывания дома (болели ноги – я писала тебе об этом) в Урике. Снова – тетради, ребята и прочие «приятные» вещи. Мне было немного смешно читать твое рассуждение о том, что я могу быть прекрасным педагогом. Нет – тысячу раз нет! Это не перемелется. Разве можно заставить людей, которые безразличны ко всему, полюбить что-либо? Я люблю Чехова, и мне казалось, что они, эти ребята, тоже могут полюбить его, а потом быть мне (как ты пишешь) всю жизнь благодарными за это. Но, увы! Это идеализм чистейшей воды. Все мои попытки разбивались о такую глухую стену непонимания, что я и пытаться бросила. К чему метать бисер перед свиньями? К чему растрчивать перед болванами то небольшое, что ты имеешь. Давайте, товарищи, придерживаться программы! Вот я и придерживаюсь, а ее – от сих и до сих – вот и все. Не приобрести мне бессмертия, ибо я никогда не испытаю «хоть подобия удовлетворения». Но, в конце-то концов, все это ерунда.

Что в материальном отношении дает мне моя карьера? Очень и очень немного. Вначале моя зарплата равнялась 588 руб. На руки приходилось не больше 350 руб., теперь же она уменьшилась, т. к. классы усилились, и часов стало меньше. За декабрь я получила 284 руб. Как видишь, мое высшее образование и диплом без посредственных оценок котируется довольно низко.

Кроме денежных благ имею 4 куля картошек, из коих уже осталось 1,5, т. к. картошка есть «хлеб наш насущный», и 600 гр. хлеба. Теплая комната, кубометр дров, железная кровать – все условия для шикарной жизни. Кроме того, имелись даже «мылочки», правда, не очень высокого качества, но по военному времени – сойдет. Впрочем, вопрос о «мылочках» меня как не странно, интересует меньше всего. А пора бы им заинтересоваться во всю ширь: как никак 21 год – уже почти старость.

Ну, до свиданья, мой «единокровный». Хоть ругайся, а пиши чаще. Получила письмо от Хильки. Он все еще на востоке, учится на минометчика, надеется повоевать, спрашивает о тебе.

Его адрес: 40 полевая почта, часть 83.

Целую крепко, Дора.

№ 10
1943 г., 19 марта

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 19 марта, 1943 г.

Родной мой, здравствуй!

От тебя уже так давно нет писем. Что случилось? Отчего ты молчишь? В голову приходят самые нелепые мысли. Вот приехала сегодня из города в свой Урик. От тебя лежит открытка за 12 января, а сегодня уже 8 марта.

Я все фланирую между Иркутском и Уриком. Виноваты в этом мои очи, которые ведут себя очень скверно: раза два в неделю я часа по два совсем ничего не вижу. Состояние мерзкое, говорят врачи, что это нервы. И с чего был это? Я и нервы – совсем забавно. Неплохо бы было, если бы эти глаза и нервы помогли мне избавиться от Урика, но этого, пожалуй, не случится. Алка меня зовет все время в Якутск, я бы не прочь, но как поедешь?

В городе все на базаре есть, были бы лишь деньги, но их-то, к сожалению, маловато. Но, в конце концов, это не суть важно. Вот бы война скорее кончилась, да скорее бы встретиться нам всем. Это было бы дельно. Ты бы хоть писал чаще, а то мы прямо уже извелись. Ничего не поймешь, что стряслось с тобою. Дай бог, чтоб все благополучно было.

Ну, до свидания, хороший. Пиши. Будь здоров. Целую, Дора.

Мама здорова.

Вместе с твоим письмом пришло и письмо от него. Он учится в Челябинске. Его адрес: Челябинск, часть 151-374.

Пишет, что живет неплохо. Недавно видела Яшу. Он работает, кажется, на слюдафабрике, в лаборатории. Обижается на Юрку, что не пишет.

Вот и все.

Целую, родного, крепко-крепко.

Будь здоров. Дора.

При сем прилагаю несколько стихов Симонова из I цикла его дневника. Может быть, ты их и читал. Сейчас уже вышел все три цикла. Дневник он посвящает Валентине Серовой, которая была его неофициальной женой.

Урик.

№ 11
1943 г., 17 апреля

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 17 апреля, 1943 г.

Родной мой!

Как я несказанно рада, что получила от тебя письмо. Правда, оно полутора-месячной давности, но вот уже три месяца, как от тебя не было писем. Это письмо от 27 февраля. Что только не передумаешь за эти долгие, долгие дни ожидания...

Сегодня суббота, я собираюсь ехать к маме. Она, наверное, тоже получила от тебя весточку. Какая это радость для нее. Дома я уже не была больше месяца: никак не удается съездить, то машины нет, то дела. В прошлый выходной поехала, но сломалась машина, и пришлось просидеть ночь на тракте у костра, а утром вновь идти в Урик. Правда, поэзии много – костер, луна, звезды и пр., но я тогда предпочитала всю эту поэзию прозе теплой постели. Нового у меня тоже, пожалуй, одна весна, которая здесь, хотя и медленно, но верно входит в свои права. Она, эта весна, принесла мне даже некоторое развлечение в виде одного лейтенанта. Но как обычно, я и тут быстро расквиталась со всеми сантиментами.

Впрочем, все это несколько разнообразит Уриковскую жизнь. В школе сейчас горячая предиспытательная (?) пора, но меня она не очень трогает. Хочется из этого Урика смотаться куда-нибудь. Прочла твои стихи. Невысоки, конечно, по качеству, но до меня дошли вполне. Хотя ты знаешь, что я плохой ценитель стихов, потому насчет качества их могу и ошибиться. Но даже сам факт, что ты еще можешь писать стихи, меня радует. Это говорит о многом.

Эх, Мося, совсем уж мы с тобой стариками стали. Твоя двадцать пятая весна моя двадцать первая. Много, много, да?

Ну, будь здоров, родной. Целую тебя крепко. Дора. Пиши почаще.

№ 12
1943 г., 2 июня

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

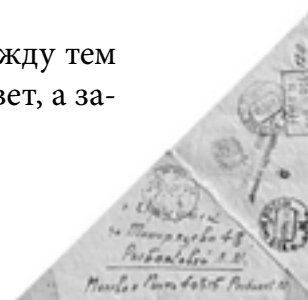
*Отправитель: друг М. Рыбакова,
сотрудник редакции газеты «Вперед, к Победе»*

Дата отправления: 2 июня, 1943 г.

Моисей, дружище, здравствуй!

Вчера получил от тебя (вернее от Ольхона) второе твое письмо. И одновременно и обрадовался и рассердился. Обрадовался потому, что каждое твое слово, дошедшее до меня через многие тысячи километров, говорит мне о том, что ты помнишь обо мне и хочешь по старой привычке поговорить по душам. А рассердился потому, что ты незаслуженно ругаешь меня за молчание, называешь «поросенком», «лешим» и пр.

Получал ли ты вообще от меня письма? Мне кажется, что нет. А между тем я сразу же после получения твоего первого письма (от 16/1 – 43) дал ответ, а за-

тем немного погодя написал открытку. Жаль, что почта теряет откровения моей души.

Сегодня я делаю такой опыт: посылаю одновременно и это письмо и фронтовую открытку. Что-нибудь да дойдет!

Итак, еще раз рассказываю о своем житье-бытье, о мыслях и чувствах, которые волнуют меня сейчас.

Я по-прежнему работаю в редакции газеты «Вперед, к Победе» в должности писателя. Звание мое – лейтенант. Ты представляешь себе функции военного газетчика? И поэтому я не буду подробно говорить о них, а скажу коротко – езжу, организую, пишу. В военных вопросах поднаторел, пишу даже передовые и участвую в инспекторских поверках, но душа осталась прежняя – поэтическая, штатская. Видимо поэтому изредка занимаюсь жанром, который ты называл «лырикой». У нас здесь прямо моровое поветрие – все творят. Ин. Луговской работает сразу над двумя поэмами: о Суворове и о русской девушке в немецком плену, а молодой Сталинградский прозаик Ав. Зотов пишет рассказы на местные темы, секретарь редакции Чешков кончает 3-ю пьесу, спец. корр «на боевом посту» Вяч. Гамеза (?) рубает казачьи песни. Все казалось бы хорошо, – одно плохо – нет подлинных знаний войны, нет людей, их переживаний.

Твое краткое замечание о «буднях войны», «о ломке старых представлений», «о тумане» раскрыло мне очень многое, Я еще раз убедился в том, насколько фальшив пафос «фронтовых» вещей, написанных в глубоком тылу. Писать, писать по-настоящему должны вы, испытывающие все тяготы войны на собственной спине. Но, к сожалению, вам писать некогда, вам надо воевать.

Пишешь ли ты? Мне кажется, что ты не можешь не писать. Как было бы хорошо, если бы ты прислал, что-нибудь из вновь написанного. Я бы это непременно тиснул у нас в газете. Недавно я получил письмо от Кости Седых. Он сейчас восседает в союзе писателей и просит слать материалы в альманах. Сам я уже в Иркутске не был ровно год. Мечтаю поехать в июле, но не знаю, удастся ли осуществить эти мечтания. Кеша Луговской был дома 4 раза. Везет людям! Сейчас он стоит рядом со мной и просит написать тебе следующее: «Пусть через тысячи километров долетит до Моисея мой приветственный клич: «Ха-а-а-ир!» Я надеюсь, что мы снова встретимся, как когда-то встречались в Мальте на благословенной Белой».

Я вполне присоединяюсь к этому пожеланию. Когда мы встретимся? Когда наступят 6 часов вечера поле войны?

Моисей, милый дружище, если бы ты знал, как...

(Окончание письма отсутствует. – Н. Г.)

№ 13
1943 г., 9 июня

Куда: не указано
Кому: М. Рыбакову
Отправитель: Дора Александровна Рыбакова
Дата отправления: 9 июня, 1943 г.

Мося, родной, здравствуй!

Приехала домой и вот, вдыхая родной воздух, пишу тебе.

Новостей, как обычно, немного. Учеба моя уже закончилась, но лето, вероятно, все равно придется жить в колхозе, т. к. отпусков теперь нет. Это еще полбеды. Самое же страшное в том, что и зиму придется провести снова в Урике. Выбраться оттуда я никак не могу. Ты пойми только, как это грустно. Я совсем загнусь тогда во всех отношениях – и в духовном, и в моральном.

Дома все по-прежнему. Тамара со Стеллочкой живет в Совхозе. Мама поскрипывает, очень похудела. Ты даже себе и представить не можешь, как скверно она выглядит. Я же, наоборот, потолстела, и при встрече все мои знакомые изображают на своих физиономиях вопросительный знак, спрашивая при этом, чем я питаюсь. Я же, называя мой рацион, состоящий из Уриковского воздуха, воды и 600 гр. хлеба, заставляю их еще более удивляться. Но ты не думай, что я чересчур толстая – так в «плепорцию» и даже меньше, но сильно загорела и поздоровела. Я вплотную занялась сельским хозяйством, засадила 10 соток картофеля и всякую мелочь и вот теперь молю бога, чтобы он не оставил без внимания мои труды и воздал за них должную мзду, выражающуюся хотя в 20 кулях картошки.

В отношении моих взглядов на мир все остается по-прежнему. Все: все равно и девиз «не троньте меня».

Недавно из Москвы приехал Юрка. Был у меня (старая любовь не ржавеет!) рассказывал забавные вещи, взял твой адрес. Видела Яшу. Все такой же. Вообще я заметила, что люди совсем не меняются с течением лет. И это скучно.

Ну, пожалуй, кончить можно. Пиши почаще, да о себе побольше.
Будь здоров. Целую крепко. Дора. Иркутск.

№ 14
1943 г., 16 июня

Куда: не указано
Кому: М. Рыбакову
Отправитель: Лия Моисеевна Рыбакова
Дата отправления: 16 июня, 1943 г.

Добрый день, мой дорогой сын!

Сейчас получила твое письмо от 5 мая, где-то оно долго шло. Потому что Дора получила свежее этого. Но я рада и за это. Ты пишешь, что ты встретил праздник.

Я, мой сын дорогой, очень рада за тебя, что ты не унываешь, хорошо и делаешь, меньше скучать – скорей время пройдет. А я в праздник обливалась слезами и вспоминала те прекрасные праздники, когда ты, мой дорогой, был дома. Какое это было счастливое время! Хотелось бы дожить до счастливой встречи с тобой, мой дорогой сын! Ох, как я соскучилась по тебе. Мне кажется, что я бы не смогла наглядеться на тебя и наговорится с тобой. Поговорить у меня есть много о чем теперь. Я в такой скуке, так я хоть схожу к доченьке маленькой твоей, а сейчас ее нет. Тамара уехала с ней в совхоз. Я так о ней скучаю. Но Ира ездила туда. Говорит, что она очень хорошо поправилась, ходит уже, но говорит мало. Но ничего, будет и говорить. Только бы здорова была.

Но, будь здоров. Целую тебя крепко, твоя мама. Привет от всей родни.

№ 15
1943 г., 19 июля

Куда: не указано

Кому: М. Рыбакову

Отправитель: Дора Александровна Рыбакова

Дата отправления: 19 июля, 1943 г.

Мося, хороший, здравствуй!

Право, я ничего не понимаю, где ты сейчас и что с тобой. В госпитале? В части? Болен, здоров? В письме от 12/VI ты писал, что совершенно здоров, а в письме от 24/VI, пишешь, что твоя рана еще только затягивается. Или ты был второй раз ранен? Непонятно. Все твои недомолвки заставляют строить самые разнообразные догадки. Ей, богу, Мося, это мучительно. Твоя рана уже не настолько пустякова, чтобы к ней так легкомысленно относиться. Но это очень хорошо, что ты поправляешься! Вот уже несколько ночей я вижу тебя во сне. Дома. Вот здорово-то бы было, если б сон оказался в руку и превратился бы в явь. Но чудес на свете не бывает. Удивительно иногда хочется увидеть тебя. Но все это, к сожалению, невозможно.

Новостей у нас нет. Мама здорова. Я тоже (впрочем, я всегда здорова). Мои глаза еще пошаливают, но уже значительно реже, чем раньше. И это хорошо.

Разве ты в одной части с Тодиком (?) Лившицем? Он часто передает приветы от тебя.

В Иркутске скучновато. Все знакомые разъехались. Кое-что почитываю, но больше перечитываю, книги доставать трудно.

Ну, будь здоров. Выздоровливай поскорее.

Мама целует тебя. Дора.

* * *

Моисей Александрович Рыбаков остался навеки молодым. 17-го июля 1943 года он погиб при подготовке переправы войск через реку Миус. Ему было 24

года, спустя два дня, как он был убит миной на плацдарме перед рывком армии в наступление, не зная о его смерти, в Иркутске 19 июля сестра писала письмо на фронт.

Он родился в 1919 году, из г. Бодайбо семья переехала в Иркутск и Моисей поступил в 11 среднюю школу. Он занимается в драматическом и литературном кружках, редактирует стенгазету. Его литературные творения находят место на страницах областных газет. Знания давались ему удивительно легко. Поступив в 1936 году на физико-математический факультет ИГУ, он успешно закончил его 2 июля 1941 года и уже через несколько дней был призван в ряды Красной Армии. Вместе с другими студентами иркутских вузов его направили в Черниговское военно-инженерное училище, которое в это время было переведено в Иркутск. Первые недели курсанты находились в Красных казармах, а затем в лагерях и деревни Большая Разводная. Рыбаков вместе с другими изучал оружие, рыл окопы и траншеи, наводил учебные переправы через протоки Ангары. В конце октября 1941 года с эшелоном лейтенант М.А. Рыбаков уехал на фронт.

Н.И. Гаврилова, С.В. Трофименко

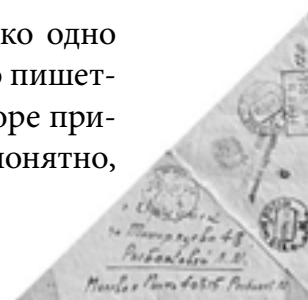
До свидания. До свидания

Письма с фронта. С каким великим нетерпением и волнением ждали их родные и близкие. Письма с фронта шли долго. А если учесть глубинку и недоступность для связи нашего Илимского края, то и вовсе время растягивалось как казалось, до бесконечности. Однако почта в то тяжелое во всех отношениях время работала исправно. Вначале почтовая корреспонденция доставлялась в село Нижне-Илимск – районный центр, а затем почтальоны разносили её по деревням. Похоронки. А они стали частыми посланиями о гибели земляков и о них узнавали во всех деревнях. Горе родных разносилось по Илимю. Соболезновали все и понимали, что война наносит еще и еще один удар. В деревнях остались только дети, совсем старики и женщины, на плечах и совести которых держалось все. Матери и жены продолжали ждать и надеяться на чудо, что судьба будет благосклонной и их родной человек вернется домой.

В нашей семье – Белобородовских, а еще по Илимю она называлась Моркинской, с фронта вестей ждали от трех человек. Братья Иван Павлович, Николай Павлович, Иннокентий Павлович были на фронте, письма от них ждали с нетерпением и волнением. Как они там?

Наконец, в конце 1942 года пришло письмо с фронта от Белобородова Ивана Павловича.

Тетрадный листок. Карандашом его, Ивана Павловича, рукой, только одно слово «До свидания, До свидания». В конце листочка рука слабеет, слово пишется размыто. Но была еще надежда. Все-таки написал сам... Однако вскоре пришла небольшая посылочка, письмо друзей и похоронка. Тогда-то стало понятно,

что Иван Павлович, умирая, прощался с родными и близкими. Именно не прощайте, а до свидания. Что он чувствовал в последние мгновения своей молодой жизни, а было ему двадцать четыре года. Дома, на Илиме остались жена, трехлетняя дочь, мать, сестры. Про братьев – Николая и Иннокентия, он знал, что они на фронте, живы ли.

Наверное в последние мгновения, Иван Павлович проносился в памяти над родными Илимскими просторами, над голубой тайгой, над родным домом. А еще вспоминал родное маленькое личико своей доченьки – Ниночки, любимой жены, матери. Теперь можно только предполагать его последние минуты жизни.

Через много лет я сделал запрос в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Вот текст ответа:

«Политрук Белобородов Иван Павлович, 1918 года рождения, уроженец Иркутской области, Нижне-Илимского района, деревня Белобородова, политрук 17 горно-кавалерийского полка. Умер от ран 22 ноября 1942 года. Похоронен на хуторе Антоновский, что, примерно в 26 километрах восточнее населенного пункта «Вешенская» Ростовской области. Награжден медалью «За отвагу» № 78124 Приказом командующего войсками Воронежского фронта № 039 от 18.10.1942. Награда вручена, удостоверение № 161838...

Мать Белобородова Варвара Ивановна, проживала в Иркутской области, Нижне-Илимский район деревня Белобородова.

Основание: Картотека учета безвозвратных потерь офицерского состава и учета награжденных».

Медаль и еще что-то из его личных вещей друзья отправили на родину и эти дорогие для родных вещицы долго хранились у бабушки Варвары в ее деревянном сундуке. Я в детстве видел медаль, просил у бабушки поиграть, но она правильно сделала, что хранила ее, как самую дорогую память о сыне.

Про Ивана Павловича в деревне были самые восторженные и добрые воспоминания. Моя мама – Екатерина Алексеевна, была ровесницей Ивана Павловича и часто повторяла о его незаурядных способностях. Иван Павлович в предвоенный период из молодого поколения в нашей деревне был наиболее грамотным, с хорошими организаторскими способностями. Быть бы ему в будущем руководителем, но в то грозное время молодой Советской республике нужны были кадры военных. Иван Павлович был призван на службу в Красную Армию. По тем временам служба в кадровой армии была очень престижна. Служил он в кавалерии. Мой отец, его младший брат – Иннокентий Павлович вспоминал, что у брата была кавалерийская шинель, которой он очень гордился и носил ее с достоинством.

После увольнения со службы Иван Павлович женился. Его молодая супруга – Прасковья Иннокентьевна, жила в соседней деревне Черемновой. Мой отец рассказывал, как он на лодке переплывал через Илим брата, а Черемнова была на противоположном берегу и потом утром другого дня встречал его.

Однако семейная жизнь, трудная, но счастливая была для молодых совсем недолгой. В 1939 году родилась дочь – Нина, которая сегодня живет в поселке Новая Игирма... Иван Павлович был вновь призван на службу в начале 1940 года. Войну он встретил с первых выстрелов. Прошел и пережил все, что принесла за собой война. Горечь потерь сослуживцев, отступление, сожженные и разрушенные города и села, страдание и горе гражданского населения. Назначение на высокую должность политрука кавалерийского эскадрона – свидетельство отличной службы, а награждение медалью – героизм и мужество, качество, которыми Иван Павлович был наделен с детства.

Несмотря на полученную «похоронку», Ивана Павловича ждали. Ждала мать – Варвара Ивановна. Когда в 1945 году вернулся израненный младший сын – Иннокентий, бабушка сказала, что Ивана уж не дождаться. Но в сердце конечно ждала, надеялась на чудо.

Жена – Прасковья Иннокентьевна – тоже ждала всю жизнь.

Светлая память о Иване Павловиче Белобородове хранится в памяти молодого поколения Белобородовых.

В.И. Белобородов

21-9-42

(Письмо неизвестного сибиряка)

Здравствуй дорогая Мама!

Вы меня, конечно, простите за долгое молчание. Это от меня совсем не зависело. Война, а поэтому из-за сложившихся обстоятельств я не мог написать, хотя, и хотел бы. Живу по старому только, я теперь не в роте автоматчиков, а в разведке. Сейчас командую взводом разведки полка. Дело очень интересное, а мне как заядлому охотнику и плюс, всю ту злость, какую я имею в себе к фрицу, самое подходящее. Ребята у меня тоже все хорошие, так, что частенько солим фрицам. Здоровье по старому – хорошее, а настроение – не с чего быть плохому. От Коли недавно получил письмо. Пишет, что живут по старому, ребятишки здоровы. Ну, мамуля, пока все мне сильно некогда, пишете, как здоровье у вас и тети Поли, пусть тетя Поля мне напишет. Мама я на днях Вам выслал 600 руб. денег как получите сообщ. Теперь буду высылать каждый месяц 600-800 руб. Ну пока, до свидания. Крепко целую. Ваш сын Владимир. Передавайте привет Лиде, Зине и ребятам.

Шли письма с фронта

В 50–70-х годах прошлого века в Иркутской области, наверное, не было учителя, методиста, инспектора управления образования, кому бы ни был известен Афанасий Никитович Антипин. Фронтвик, учитель, директор школы, директор института усовершенствования учителей и писатель.

Афанасий Никитович Антипин родился 7 ноября 1922 года в городе Киренске, Иркутской области, в рабочей семье. Его отец, Никита Егорович Антипин, был столяром-краснодеревщиком. В половине его пятистенного дома была столлярная мастерская, где он мастерил мебель. Строгость и уважение Никиты Егоровича к детям сочетались в нем органично. Детей он ни разу пальцем не тронул, но слушались они его беспрекословно.

Никита Егорович детям не позволял толкаться просто так, они всегда были заняты делом. Неодобрительного взгляда отца дети боялись. Не было хуже провинности, если сынишка испортит инструмент. Отец прогонял виновника из мастерской со словами: «Иди, нечего тебе тут делать».

Его жена, Евдокия Ивановна, как вспоминал Афанасий Никитович, была женщина добрая, на все смотревшая глазами мужа и всегда во всем с ним соглашавшаяся.

У Никиты Егоровича и Евдокии Ивановны было шесть детей. Афанасий – четвертый ребенок. В живых сегодня только один – Евстафий Никитович, 1925 года рождения, бывший фронтовик, воевавший против милитаристской Японии. Он работал в Иркутске секретарем обкома КПСС по идеологии, ныне живет в Москве.

Афанасий Никитович Антипин в 1940 году окончил среднюю школу в Киренске и был призван в ряды Красной Армии. До начала Великой Отечественной войны он служил в Забайкалье, а с июня 1941 по май 1945 года находился в действующей армии, участвовал в боях на Западном, Калининском, Донском и 2-м Украинском фронтах в должности командира отделения артиллерийской разведки.

О своих фронтовых делах Афанасий Антипин сообщал родным в письмах. Его первое фронтовое письмо от 27 июля 1941 года пришло из Воронежа, где он лечился в госпитале:

«Здравствуйте, дорогие мама, Леля, Остап, Антоник! Вы давно ничего не знаете обо мне. Рассказываю обо всех изменениях в моей жизни. 6 июня 1941 года покинул Забайкалье. Поезд вез нас на запад. Вот Байкал, Ангара, Иркутск... Места родные. Теплилась надежда в Иркутске увидеть сестру Милю. Но поезд сделал непродолжительную остановку в Иркутске II и пошел дальше. В пути узнал о начале войны. 28 июня мы выгрузились в Белоруссии. Повоевать мне пришлось недолго. 17 июля был ранен в ноги. Раны легкие. Кости целые. До Вязьмы меня везли в санитарной машине, а оттуда до Воронежа – в санитарном поезде. В госпитале помыли, одели во все чистое, обработали раны и уложили в постель. Спал крепко. Утром написал это письмо. До свидания. Афанасий».

После лечения в Воронеже Афанасий Антипин воевал под Москвой. Под Ржевом был ранен, пролежал в санитарном батальоне около двух месяцев. Затем снова на передовой. Московская битва стала вехой в биографии Антипина. Тяжелые бои, изматывающие переходы, гибель товарищей, разрушенные города и села, толпа беженцев, бомбежки...

Осенью 1942 года он участвовал в Сталинградской битве, там тоже шли кровопролитные бои. Со зловещим воем пролетали над головами бойцов снаряды и мины, сея смерть. Вся нейтральная полоса – в воронках от снарядов и бомб, усеяна металлическими осколками, битым кирпичом и стеклом от разрушенных зданий. От чадающих подбитых танков и самоходок распространялся удушливый запах...

За проявленную в Сталинградской битве смелость А.Н. Антипин был награжден медалью «За оборону Сталинграда», и от Верховного главнокомандующего ему была объявлена благодарность, о чем он сообщил в письме родным.

В письме от 20 января 1944 года Афанасий Никитович пишет: «Здравствуйте... Бесконечным был сегодняшний день. Тянулся так медленно, что казалось, ему не будет конца. Но вот наконец-то сгустились сумерки над украинской землей... Тихо. Только изредка вражеская ракета прорежет ночную темь или мина глухо ударится где-то в балке...

Сейчас личные интересы отодвинуты на задний план. На повестке дня стоит один вопрос – свобода и независимость нашей Родины. А когда этот вопрос будет решен, будут решаться и все остальные. Их много у каждого советского человека. До свидания. Ваш Афанасий».

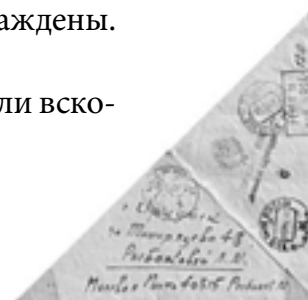
11 апреля этого же года родные в Киренске от Афанасия Никитовича получили очередное письмо. Он пишет: «Вспоминаю свою прошедшую жизнь и мечтаю о будущей... На войне не прочна жизнь человека. Прочны только переживания. Я свыкся, сроднился с солдатской жизнью. То, что раньше казалось невероятным, сейчас стало обычным явлением. В августе прошлого года в двух метрах от нас, разведчиков, разорвалась большая мина. Один разведчик был убит, другой тяжело ранен. Я отделался царапиной. Такая уж судьба... В марте встретил земляка, но поговорить с ним не пришлось. До свидания. Афоня».

Летом 1944 года старший сержант Афанасий Антипин, командир разведки артиллерийской батареи, был награжден орденом Славы III степени. О своем подвиге, за что был награжден, он рассказал в письме родителям.

«Немцы готовились к захвату наших позиций. Я, как и все артиллеристы, волновался... Началось. Несколько немецких танков ринулись на наши позиции. А за ними автоматчики. Сухой, еле слышный треск-выстрел одной 45-мм пушки, затем другой, третий... шестой. У одного танка лопнула гусеница, другой загорелся. Остальные быстро приближались к нашим позициям. Как-то стало не по себе.

Но вот на немецкие танки обрушились снаряды наших 76-мм пушек соседней батареи. Три фашистских танка задымились. Немецкие танкисты стали поспешно выбираться из машин. Автоматчики залегли, а затем показали свои спины. Вражеская атака захлебнулась. Я вынес с поля боя раненого капитана – командира нашей батареи. За этот бой почти все наши артиллеристы были награждены. Я был отмечен орденом Славы III степени...»

А последнее письмо от Афанасия с фронта родные в Киренске получили вскоре после капитуляции Германии.

«Долгожданная Победа! Жизнь входит в давно забытую колею. Нелегко сразу освободиться от фронтового «быта». Лишними кажутся предметы «райского» обихода – койки, простыни, подушки, столы, стулья. На фронте они считались недоступной роскошью. На фронте вместо подушки голова обычно покоилась на противогазе или на кирпиче, да и то не всегда... Ну ничего, как-нибудь обрзумимся, вернемся к мирной жизни... До скорой встречи. Афанасий».

Войну старший сержант Афанасий Антипин отшагал, как уже сказано, в артиллерийской разведке. Ушел в армию восемнадцатилетним парнем, а вернулся домой зрелым мужчиной, три раза раненным, с орденами Славы и Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны Афанасий Антипин становится учителем географии, студентом-заочником Иркутского госуниверситета, завучем, директором школы № 61 Иркутска, заведующим кабинетом педагогики, директором Иркутского института усовершенствования учителей. И везде он работал с полной отдачей сил. Служебные должности дополнялись у него общественной деятельностью: в течение двадцати лет он был председателем Иркутского регионального педагогического общества Российской Федерации, дважды избирался депутатом Иркутского городского Совета.

Военные награды пополнились трудовыми: звания – «Отличник просвещения СССР», «Заслуженный учитель школы РСФСР», орден Трудового Красного Знамени. Но главной наградой для него было уважительное отношение учителей области. Об этом свидетельствует и мемориальная доска на фасаде дома № 16 по улице 5-й Армии, где он жил в последние годы.

Афанасий Никитович был не только признанным авторитетом среди учителей области, но и писателем. Им написаны великолепные повести «Первый увал», «Звонок на урок», «Сначала я был маленьким», «Родителям о детях», «Что ты знаешь о себе» и другие, всего восемь повестей. В них много автобиографичного.

Афанасий Антипин ушел из жизни рано – 13 июля 1980 года, оставив свое доброе имя в детях и внуках, в правдивых статьях и книгах. Сегодня его имя носит областной музей народного образования, когда-то созданный при непосредственном его участии. Ежегодно два-три работника образования становятся лауреатами премии имени Афанасия Никитовича Антипина. В имени музея и премии – благодарная память о нем, учителе учителей.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Берлинская операция

Документы истории

Акт о безоговорочной капитуляции Германии

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 часа по центрально-европейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время и полностью разоружиться, передав всё их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителям Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным объединенными нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил, предпримут такие карательные меры, или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского Верховного Командования:

Кейтель, Фриденбург, Штумпф

В присутствии:

По уполномочию
Верховного
Главнокомандования Красной Армии
Маршала Советского Союза
Г. ЖУКОВА

По уполномочию
Верховного Командующего
экспедиционными силами союзников
Главного Маршала Авиации
ТЕДДЕРА

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими
воздушными силами США генерал
СПААТС

Главнокомандующий Французской
армией генерал
ДЕЛАТР де ТАССИНЬИ

Так было во все времена – поражение противника заканчивалось взятием его столицы. Обе стороны напрягали все свои усилия. Одна – чтобы устоять, сохранить государственность и идею, другая – ее разрушить, сбросив знамя противника водрузить свое, как символ окончательной победы. Эта мечта окрыляла русских воинов с первых дней Великой войны, поддерживала их в полях под Москвой и у стен Сталинграда. Из самых глухих мест Иркутской области на фронт шли письма с вопросом – «Скоро ли возьмете Берлин?» Воины-сибиряки рвались попасть на берлинское направление, там было смертельно опасно, но и почетно.

Чтобы овладеть Берлином, советским войскам предстояло прорвать мощную глубоко эшелонированную оборону по рекам Одер и Нейсе. Сами немцы называли Одер «рекой своей судьбы», ощущая в этом глубокий смысл. За рекой был создан Берлинский укрепленный район, состоящий из трех кольцевых обводов и самого города-крепости, подготовленного к длительной и упорной осаде. Ставка Верховного Главнокомандования, зная это, постаралась сделать все возможное, чтобы превзойти противника. Для проведения Берлинской операции было выделено 2,5 миллиона человек, свыше 42 тысяч орудий и минометов, 3225 установок реактивной артиллерии, любовно именуемых в народе – «Катюша», 6300 танков и самоходных установок, 7500 боевых самолетов. В сражении были задействованы три фронта – 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. Они были представлены 19 общевойсковыми армиями, 4 танковыми и 4 воздушными армиями. На этом направлении сконцентрировала свои усилия Авиация дальнего действия (АДД), флотилия бронекатеров и парашютно-десантные войска. На один километр фронта прорыва приходилось 270 артиллерийских стволов, а в самом Берлине плотность огня предполагалось довести до 600 стволов. Войска рвались в бой.

Битва за Берлин

(из воспоминаний маршала Георгия Константиновича Жукова)

Прежняя медлительность в действиях американско-английского командования сменилась крайней поспешностью. Правительства Англии и США торопили командование экспедиционных сил в Европе, требуя от него быстрейшего продвижения в центральные районы Германии, чтобы овладеть ими раньше, чем войдут туда советские войска.

1 апреля 1945 года Уинстон Черчилль писал Франклину Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление

о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и в этом случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».

И. В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительством. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что гитлеровцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии.

27 марта 1945 года корреспондент агентства Рейтер при 21-й армейской группе Кэмпбелла так сообщал о наступлении англо-американских войск: «Не встречая на своем пути сопротивления, они устремляются к сердцу Германии». В середине апреля 1945 года американский обозреватель Джон Гровер констатировал: «Западный фронт практически не существует».

29 марта я прибыл в Москву. Поздно вечером того же дня И.В. Сталин вызвал меня в кремлевский кабинет. Он был один.

Молча протянув руку, он как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

– Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки...

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

– Думаю, что драка предстоит серьезная...

По нашим данным, немцы имели здесь четыре армии, в составе которых было не менее 90 дивизий, в том числе 14 танковых и моторизованных, 37 отдельных полков и 98 отдельных батальонов.

Впоследствии было установлено, что на берлинском направлении находилось не менее миллиона человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине, кроме того, еще формировался двухсоттысячный гарнизон.

– Когда наши войска могут начать наступление? – спросил И. В. Сталин.

Я доложил:

– 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно...

– Ну что ж, – сказал И. В. Сталин, – придется начать операцию, не дожидаясь Рокоссовского...

1 апреля 1945 года в Ставке был заслушан доклад начальника Генштаба А.И. Антонова об общем плане Берлинской операции, затем мой доклад о плане наступления 1-го Белорусского фронта и доклад И.С. Конева о плане наступления войск 1-го Украинского фронта.

Главный удар было решено нанести с Кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Последние предполагалось ввести в сражение после прорыва обороны противника в обход Берлина, с севера и северо-востока.

Проект директивы 1-му Украинскому фронту в связи с указанием о том, чтобы фронт был готов повернуть танковые армии с юга на Берлин, Верховный Главнокомандующий подписал днем позже.

Войскам 2-го Белорусского фронта предписывалось начать перегруппировку основных сил на Одер, сменив не позднее 15-18 апреля 1-ю армию Войска Польского и 61-ю армию 1-го Белорусского фронта. Для окончательной ликвидации вражеской группировки в районах Данцига и Гдыни было приказано оставить там часть сил фронта К. К. Рокоссовского.

Выходило, что 1-й Белорусский фронт должен был в первые наиболее напряженные дни наступать с открытым правым флангом, без оперативно-тактического взаимодействия с войсками 2-го Белорусского фронта.

Конечно, лучше было бы подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но учитывая военно-политическую обстановку, Ставка не могла откладывать операцию...

В ходе войны нам вообще не приходилось брать такие крупные сильноукрепленные города, как Берлин. Его общая площадь была равна почти 900 квадратным километрам. Развитые подземные сооружения (метро, канализация. – Прим. ред.) давали возможность вражеским войскам осуществлять широкий скрытый маневр.

Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам разведки составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались войска до рот включительно.

Инженерные части изготовили точный макет города, который был использован при изучении вопросов, связанных с организацией наступления, общего штурма Берлина и боев в центре города.

С 5-го по 7-е апреля прошли совещания и командная игра на этом макете. Участниками игры были командармы, начальники штабов армий, командующие артиллерией, командиры всех отдельных корпусов и начальники родов войск фронта. Здесь же присутствовал, тщательно изучая вопросы материального снабжения, начальник тыла фронта.

Ввиду чрезмерно большой протяженности тыловых коммуникаций фронта (некоторые находились на территории Советского Союза. – Прим. ред.) созданы необходимые запасы. Нужны были действительно героические усилия работников тыла фронта и армий.

Готовя операцию, все мы думали над тем, что еще предпринять, чтобы ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки.

Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов (способных на высоте нескольких километров нащупать небольшой самолет. – *Прим. ред.*) должны были внезапно осветить позиции противника и объекты атаки.

Во время подготовки операции ее участникам была показана эффективность действия прожекторов.

В процессе отработки прорыва тактической обороны противника на Одере, серьезно обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий. Учитывая сильную тактическую и инженерную оборону на Зееловских высотах, было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот. Расстояние до Берлина по прямой линии вообще не превышало 60–80 километров.

Поэтому имелось ввиду следующее. Если сила удара первого эшелона окажется недостаточной и возникнут опасения, что наступление задержится, тогда ввести обе танковые армии для взлома обороны. Директивой Ставки предусматривалось обе гвардейские танковые армии ввести в сражение для удара по Берлину с северо-востока и обхода его с севера. Опасаясь за успех прорыва обороны противника в полосе наступления 8-й гвардейской армии на главном направлении мы приняли решение поставить за ней 1-ю гвардейскую танковую армию генерала М.Е. Катуква для того, чтобы в случае необходимости немедленно ввести ее в дело.

Взяв на себя ответственность за изменение директивы Ставки, я считал своим долгом доложить об этом Верховному Главнокомандующему.

Выслушав мои доводы, И. В. Сталин сказал:

– Действуйте, как сочтете нужным, вам на месте виднее.

Что же происходило в это время у противника?

Битва за Берлин планировалась немецким командованием как решающая битва на Восточном фронте. Пытаясь воодушевить войска, Гитлер в своем воззвании писал:

«Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частей фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким...»

Оборона стратегических направлений осуществлялась тремя группами армий. Группа армий «Висла», оборонявшаяся по Одеру, прикрывала подступы к Берлину с северо-востока и востока. Южнее действовала центральная группа армий, оборонявшая Саксонию и подступы к промышленным районам Чехословакии. Южная группа армий перекрывала Австрию и юго-восточные подступы к Чехословакии.

Группа армий «Висла» после ее разгрома в Померании отошла за Одер и срочно готовила оборону берлинского направления. Для усиления спешно формировались новые части и соединения, преимущественно эсэсовские. Так, только в одном учебном лагере в районе Дебериц для этой группы армий за короткий срок было сформировано три полнокровные дивизии.

Оборону непосредственных подступов к Берлину первоначально возглавил Гиммлер (рейхс-фюрер СС. – Прим. ред.). Все руководящие посты здесь были переданы эсэсовским генералам. Этим гитлеровское командование подчеркивало сугубую ответственность момента. За март и апрель 1945 года на берлинское направление было переброшено с различных направлений девять дивизий.

– Для того, чтобы обеспечить необходимое пополнение частей Восточного фронта к началу предстоящего наступления русских, – показал на допросе бывший начальник оперативного штаба ставки верховного командования генерал-полковник Йодль, – нам пришлось расформировать всю Резервную армию, т. е. все пехотные, танковые, артиллерийские и специальные запасные части, все военные училища и военные заведения тыла и бросить их личный состав на пополнение войск.

Немецкое командование разработало детальный план обороны. Оно надеялось на успех оборонительного сражения на Одере.

Прикрывавшая там город 9-я армия генерала Буссе усиливалась. Укомплектованность соединений первой линии доводилась почти до штатной численности. От Одера до Берлина создавалась сплошная система оборонительных сооружений, состоявшая из ряда непрерывных рубежей, по несколько линий окопов. Главная оборонительная полоса имела до пяти сплошных траншей. Противник умело использовал ряд естественных рубежей: озера, реки, каналы, овраги. **Абсолютно все** населенные пункты были приспособлены к круговой обороне.

В районе северо-восточнее Берлина формировалась армейская группа «Штейнер», которая должна была нанести удар во фланг. Сюда же перебрасывались отборные части морской пехоты.

Был создан штаб обороны Берлина, который предупредил население, что необходимо готовиться к ожесточенным уличным боям, боям в их домах, боям на земле и под землей. В специальном приказе требовалось превратить жилые кварталы в крепости. В идеале – каждая улица, каждая площадь, дом, мост становились важными элементами общей обороны города. Созданные для ведения уличных боев двести батальонов фольксштурма проходили специальное обучение и им выдавалось оружие.

Немецкое командование рассчитывало, что ему удастся заставить нас последовательно прогрызать оборону – рубеж за рубежом, затянуть сражение и обессилить наши войска. Сделать с нами так, как произошло с немцами под Москвой и в Сталинграде.

Для германского генерального штаба было понятно, что битва за Берлин будет решаться на Одере, поэтому основная масса войск 9-й армии была выведена на передний край, а резервы сосредоточены севернее, для контрудара во фланг наступающим войскам.

Мы решили навалиться внезапно, с такой силой, чтобы сразу ошеломить и потрясти их до основания, использовав концентрацию танков, артиллерии и пехоты. Но чтобы суметь в короткий срок доставить и скрытно сосредоточить все это в районе боевых действий требовалась титаническая и ювелирная работа.

Днем на плацдарме обычно было пустынно, а ночью он оживал. Тысячи людей бесшумно рыли землю. Миллионы кубометров земли было выброшено за эти ночи, а к утру следующего дня никаких следов этой колоссальной работы нельзя было заметить. Все тщательно маскировалось.

Снабжение было организовано так, что когда мы начинали штурм самого Берлина, боеприпасов оказалось столько же, сколько их было при выходе с плацдарма на Одере.

Начался весенний ледоход, а ширина реки местами достигала 380 метров. Однако к началу выхода войск в исходные районы через Одер были проложены 25 мостов и 40 паромных переправ и это при обстрелах противника и налетах его авиации...

За два дня до начала нашего наступления была проведена разведка боем по всему фронту. 32 разведывательных отряда силой до батальона усиленного бронетехникой и минометами в течение 14 и 15 апреля определяли сильные и наоборот наиболее уязвимые места оборонительной полосы. Разведка имела и другую цель. Нам было выгодно заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, а при наступлении 16 апреля накрыть их огнем всей артиллерии фронта. Чтобы замаскировать наш план разведка сопровождалась мощным артиллерийским огнем с участием орудий крупного калибра.

Противник принял эту разведку за начало нашего наступления...

Произошло то, к чему мы стремились. Немцы начали спешно подтягивать на вторую позицию свои резервы. Однако наши войска прекратили продвижение и закрепились на достигнутых рубежах. Это озадачило противника. Как потом выяснилось, кое-кто из немецких командующих посчитал наше «наступление» неудавшимся.

За годы войны враг привык, что артиллерийскую подготовку перед прорывом мы начинали с утра, так как и пехота и танки лучше управляются при дневном свете. Этим мы и решили воспользоваться.

Глубокой ночью я отправился на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала В.И. Чуйкова. Во всех частях шла последняя проверка боевой готовности. Чувствовалось, что армия готовится драться по-настоящему, как и полагается с сильным и опытным врагом.

Одновременно и артподготовка и бомбардировка начались в пять утра. В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о полном подавлении его обороны. Было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули все 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей (по мощности электроламп. – Прим. ред.) освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая цели для танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!

Артиллерия еще больше усилила огонь, пехота и танки дружно бросились вперед за двойным огневым валом. Было произведено 1 млн 236 тыс. выстрелов – 2450 вагонов снарядов обрушилось на голову врага.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. Самолеты противника ночью взлететь не смогли, а утром наши атакующие эшелоны находились так близко от сконцентрированных войск немцев, что их летчики были не в состоянии бомбить не рискуя ударить по своим.

Вот как рассказывал об этом дне командир 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг:

– 16 апреля в первые часы наступления русские прорвались на участке дивизии «Берлин» по левому флангу, а уже во второй половине дня танки противника раздавили оборону 303-й пехотной дивизии 11-го танкового корпуса СС. Это создало угрозу окружения дивизии «Мюнхеберг» и моего корпуса тоже. В ночь на 17 апреля, неся большие потери, мы вынуждены были отойти на высоты восточнее места Зеелов...

Этот естественный рубеж господствовал над окружающей местностью. Сплошной стеной стоял он перед нашими войсками, закрыв собой плато, где должно было развернуться сражение на ближних подступах к Берлину. Своими крутыми скатами высоты не только ограничивали действия наших танков, но и создавали препятствие для артиллерии, делая невозможным наблюдение за вражескими позициями с земли. Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала непреодолимость Зееловских высот, называя их «замком Берлина».

К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь уцелела и так нам Зееловских высот не взять. Чтобы прорвать оборону мы решили ввести в дело обе танковые армии...

Вечером я доложил Верховному о затруднениях и сказал, что раньше завтрашнего вечера этот рубеж взять не удастся. И. В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как ранее:

– Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской. Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

– Завтра к исходу дня оборона на рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск на встречу нам здесь, тем быстрее мы возьмем затем Берлин. Войска противника легче бить в открытом поле, чем в городе.

– Тогда мы попросим помощь ваших соседей – Конева и Рокоссовского. До свидания, – довольно сухо сказал Сталин и положил трубку.

Утром 18 апреля Зееловские высоты были взяты. Однако и 18 апреля противник все еще пытался остановить продвижение наших войск, бросая навстречу все резервы и части, снятые с обороны Берлина.

Следует признать, что нами была допущена оплошность в планировании, которая затянула сражение на один-два дня.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя. Сейчас, спустя много лет, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было эту операцию осуществить и несколько иначе. Взять город следовало бы сразу и поручить это двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому. При этом варианте главная группировка нашего фронта могла нанести удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанес бы удар на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада...

Но вернемся к событиям тех дней. Танковые армии 1-го Белорусского фронта не имели возможности вырваться вперед. Им пришлось драться в тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями.

Наступление 1-го Украинского фронта с первого дня развивалось более успешными темпами. Как и ожидалось на направлении удара оборона противника была слабее, это позволило ввести в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20-25 км, форсировали реку Шпрее и подошли к Цоссену.

Однако со временем сопротивление противника усилилось. К тому же и характер местности затруднял танковой армии генерала П.С. Рыбалко действия развернутым боевым порядком. Сохранилась радиограмма, которую передал И.С. Конев:

«Тов. Рыбалко. Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут-Луккенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком... Исполнение донести. Конев. 20.4.45 г.».

20 апреля на пятый день операции, дальнобойная артиллерия 3-й ударной армии генерал-полковника В. И. Кузнецова открыла огонь по Берлину.

21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой армии, 47-й и 5-й ударной ворвались на окраины города и завязали там бои. 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, быстро двигаясь, обошли Берлин с направлением на Эльбу.

Чтобы всемерно ускорить разгром обороны противника в самом Берлине, было решено 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии бросить вместе с 8-й гвардейской, 5-й и 3-й ударными армиями и 47-й армией в общие порядки.

23-24 апреля войска уже громили гитлеровцев на подступах к центру. 25 апреля 328-я стрелковая дивизия 47-й армии и 65-я танковая бригада 2-й гвардейской армии, наступавшие западнее Берлина, соединились в районе Кетцина с 6-м гвардейским механизированным корпусом 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Так берлинская группировка врага общей численностью более 400 тыс. человек оказалась рассеченной на две изолированные группы: берлинскую и франкфуртско-губенскую.

Введенная в дело из резерва 3-я армия генерала А. В. Горбатова, развивая наступление вдоль канала Одер – Шпрее и используя успех танковой армии С. И.

Богданова, быстро вышла в район Кёнигсвустерхаузен. Затем резко повернув на юг, она нанесла удар на Тайпитц и 25 апреля соединилась с частями правого крыла 1-го Украинского фронта...

Успешно развивались бои и в самом Берлине. Когда войска уже ворвались в столицу Германии, оборона в некоторых районах ослабла. Наши части быстро нащупали эти районы и маневрируя обходили главные очаги сопротивления.

Но в центральной части города оборона была сплошной. Немцы использовали все преимущества осаждаемой крепости. Многоэтажные здания, массивные стены и особенно бомбоубежища, казематы, связанные между собой подземными ходами, сыграли важную роль. По этим путям немцы могли из одного квартала выходить в другое место и даже появлялись в тылу наших войск.

Заранее подготовленной обороне Берлина с его секторами и участками был противопоставлен детально разработанный план наступления. Каждой армии заранее были определены полосы наступления. Частям и подразделениям давались конкретные объекты – улицы, площади, районы. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно продуманная система.

Главную тяжесть в центральной части приняли на себя штурмовые группы, составленные из всех родов войск. И наша задача заключалась в том, чтобы лишить противника возможности собрать силы в кулак. Нужно было расколоть гарнизон на отдельные очаги и в быстром темпе уничтожить их...

На третий день боев в Берлине по специально расширенной колее к Силезскому вокзалу были поданы крепостные орудия, открывшие огонь по центру города. Вес каждого снаряда составлял полтонны.

Оборона Берлина разлетелась в пух и прах.

– К 22 апреля, – показал Кейтель, – стало ясно, что город падет, если не будут сняты все войска с Эльбы для переброски против наступающих русских. После совместного совещания Гитлера и Геббельса со мной и Йодлем было решено: 12-я армия Венка оставляет против американцев слабые арьергарды и движется на русских, окруживших Берлин.

Сам Йодль показал:

– Геббельс спросил меня: можно ли военным путем предотвратить падение Берлина. Я ответил, что это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска, направив их для поддержки столицы. По его совету я доложил свои соображения фюреру, он согласился и дал нам с Кейтелем указание вместе со штабом находиться вне Берлина и лично руководить контр наступлением.

Командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг на допросе показал:

– 25 апреля Гитлер заявил мне: «Положение должно улучшиться! 9-я армия подойдет к Берлину и нанесет удар по противнику вместе с 12-й армией. Этот удар последует по южному фронту русских. С севера подойдут войска «Штейнера» и нанесут удар по северному крылу».

Все эти планы были уже фантазией. Советские войска всю громили обе эти армии.

Ежедневно за подписью Гитлера передавались радиogramмы: «Где 12-я армия?», «Почему Венк не наступает?», «Где Шернер?», «Немедленно наступать!!!», «Когда вы начнете наступать?»...

Война развивалась по своим законам.

Первыми ворвались в Берлин с востока:

- 94-я гвардейская дивизия генерала И. Г. Гаспоряна;
- 89-я гвардейская дивизия генерала М. П. Серюгина;
- 266-я дивизия полковника С. М. Фомиченко;
- 60-я гвардейская дивизия генерала В. П. Соколова;
- 416-я дивизия генерала Д. М. Сызранова;
- 295-я дивизия генерала А. П. Дорофеева.

Они входили в состав 26-го и 32-го гвардейских корпусов генералов П.А. Фирсова и Д.С. Жеребина.

Вот что вспоминает командир орудия 6-й батареи 832-го артполка 266-й стрелковой дивизии старший сержант сибиряк Николай Васильев:

– Уже под вечер наша батарея вышла на высоты. Мы увидели перед собой огромный город. Чувство радости и ликования охватило нас: это был последний рубеж, час расплаты настал!.. Мы даже не заметили, как подъехала машина и из нее вышел наш командующий генерал Берзарин. Поприветствовав нас, он приказал нашему командиру: «По фашистам в Берлине – огонь!» Никогда мы так стремительно и слаженно не действовали...»

При форсировании реки Шпрее смело действовала 1-я бригада речных кораблей Днепровской военной флотилии, особо отличился отряд полуглиссеров этой бригады во главе с командиром лейтенантом М.М. Калининым. Его боец – старшина 1-й статьи Георгий Дудник на своем катере перебросил на вражеский берег несколько стрелковых рот 301-й дивизии. Во время переправы от прямого попадания вражеской мины на катере возник пожар. Старшина был тяжело ранен. Не взирая на ранение и ожоги, он довел катер до берега, высадил десант, потушил на катере пожар и отправился на свой берег. Но он не достиг его и погиб от минометного огня...

30 апреля 1945 года навсегда останется в памяти народа. В этот день в 14 часов 25 минут войсками 3-й ударной армии была взята основная часть рейхстага.

Общий штурм рейхстага осуществлял усиленный 79-й стрелковый корпус в составе 150-й и 171-й стрелковых дивизий и 23-й танковой бригады. Командовал корпусом талантливый командир – Герой Советского Союза генерал-майор Семен Никифорович Перевёрткин, один из активнейших участников битвы под Москвой в 1941 году.

Еще 22-го апреля его корпус ворвался в Берлин. Продвигаясь вперед, он освобождал квартал за кварталом, создав реальную возможность для 3-й ударной армии нанести удар по центру Берлина с севера. К вечеру 26-го апреля части корпуса форсировали Фербиндунге-канал и овладели станцией Бойсельштрассе...

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 апреля шли ожесточенные бои в непосредственной близости от рейхстага. В 11 часов 30 апреля после артиллерийского налета штурмовые батальоны пошли в атаку с трех направлений, пытаясь захватить здание. Выявив слабые места, после 30-минутной артподготовки с участием майора М.М. Бондаря и капитана В.Н. Макова началась новая атака непосредственно на главный вход в рейхстаг...

И вот батальон старшего лейтенанта К.Я. Самсонова, батальоны капитана С.А. Неустроева и майора В.И. Давыдова ворвались в здание рейхстага.

В 18 часов свежими батальонами был повторен штурм. Этаж за этажом очищался от противника. Гарнизон не сдавался, а в это время группа разведчиков в составе сержанта М.А. Егорова и младшего сержанта М.В. Кантария пробивалась на главный купол рейхстага и достигла его в 21 час 50 минут 30 апреля.

Командующий 3-й ударной армии генерал В.И. Кузнецов позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил:

– На рейхстаге – Красной знамя! Ура товарищ маршал!

– Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

«Почему так важен был рейхстаг? В судьбе каждого народа есть сакральные места, где принимаются исторические решения. Из этого массивного здания в Берлине исходили принятые парламентом Германского рейха законы, влияющие на судьбу всего мира. Рейхстаг олицетворял войну – примечание редакции».

К концу дня 1 мая гитлеровцы, находящиеся в рейхстаге, не выдержав борьбы, сдались. Только отдельные группы фашистов, засевших в разных отсеках подвалов (не имевших между собой связи и не знавших о полном поражении. – Прим. ред.) продолжали сопротивляться до утра 2 мая.

Комендантом рейхстага был назначен командир полка 150-й стрелковой дивизии полковник Федор Матвеевич Зинченко.

1 мая в руках немцев остались только Тиргартен и правительственный квартал. Здесь располагалась имперская канцелярия, во дворе которой находился бункер ставки Адольфа Гитлера (канцлера Великой Германии. – Прим. ред.).

В этот день Мартин Борман записал в своем дневнике: «Наша имперская канцелярия превращается в развалины».

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России – из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии (из Сибири. – Прим. ред.) пришли сюда наши люди, чтобы завершить справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев. **Раненые не покидали строя.** Все стремились вперед. Будто и не было усталости от четырех лет тяжелой войны: все воспрянули духом, чтобы совершить великое дело – водрузить Знамя Победы в Берлине.

Берлин был взят

(из книги маршала И.С. Конева «Записки командующего фронтом»)

С 31 марта на 1-м Украинском фронте наступила пауза. В этот день мы еще не знали, что она продлится всего пятнадцать суток.

Ратибор был взят. Крепость Бреслау надежно окружена и весь Силезский промышленный район, дающий воюющей стране вооружение, был полностью захвачен. Перед нами лежала сама Германия...

...В своем большом кабинете с длинным столом, портретами Суворова и Кутузова на стенах, кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генштаба А.И. Антонов и начальник оперативного управления С.М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

– Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым кивнули.

– Ничего вам неизвестно! – Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

– Прочтите им телеграмму.

...Существо вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути... Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к нему идет вовсю.

– Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Вышло первому на этот вопрос отвечать мне, и я ответил:

– Берлин будем брать мы и возьмем его раньше союзников.

– Вон, какой вы, – слегка усмехнувшись сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу:

– А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

– Товарищ Сталин, можете быть спокойны – фронт проведет все необходимые мероприятия и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана своевременно.

Вторым отвечал Жуков... Выслушав нас, Сталин сказал:

– Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронт с уже утвержденными планами в руках...

В директивах фронтам было сформулировано: овладение Берлином возлагается на 1-й Белорусский фронт, 1-й Украинский должен осуществить разгром противника в районе Котбуса и южнее Берлина. В целом задача фронта своди-

лась к следующему: наступая южнее города и содействуя его взятию, рассечь фронт немецко-фашистских войск надвое и соединиться с американцами.

После долгого обдумывания я добавил: **«Иметь в виду частью сил правого крыла фронта содействовать войскам Первого Белорусского фронта в овладении городом Берлин».**

Во всяком случае, я уже тогда допускал такое стечение обстоятельств, когда при успешном продвижении войск правого крыла нашего фронта мы можем оказаться в выгодном положении для удара по Берлину с юга.

...У меня сложилось впечатление, что и Сталин, тоже не говоря об этом в открытую, допускал в перспективе такой вариант.

Это впечатление усилилось, когда утверждая состав группировки и направление ударов, Сталин стал отмечать карандашом на карте разграничительную линию между фронтами. По предложению Ставки эта линия шла через Люббен и далее несколько южнее Берлина. Ведя карандаш, Сталин вдруг оборвал линию на городе Люббен в шестидесяти км от окончательной цели. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом, но я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл... Был ли в этом обрыве линии негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность! Это тем более можно понять, если мысленно вернуться назад к тому времени, и представить чем тогда был для нас Берлин и какое страстное желание испытывали все, от солдата до генерала, увидеть этот город своими глазами, овладеть им силой своего оружия.

Фронт должен был наносить главный удар силами трех общевойсковых и двух танковых армий. Я попросил Ставку выделить нам резервы для развития операции в глубину. Сталин согласился:

–В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии – 28-ю и 31-ю. Только как вы сумеете их перевезти к началу операции?

Тогда я выдвинул предложение начать операцию до подхода этих двух армий и вводить их в бой по мере прибытия... При всем азарте и стремлении взять Берлин, конечно цель Берлинской операции заключалась в уничтожении группировок немцев действующих на данном стратегическом направлении. Это примерно составляло до 3 млн человек. Предстояло разгромить группу армий «Висла», основные силы группы армий «Центр», не дав им выскочить из окружения и выйдя на Эльбу, соединиться с союзниками.

В ночь перед началом наступления я приехал из-под Бреслау в 13-ю армию генерала Пухова. Наблюдательный пункт – небольшой блиндаж был расположен на опушке соснового бора, ниже его крутой обрыв к реке, за обрывом – Нейсе и тот берег, обозримый на большое расстояние.

...Авиаторам поручено было поставить дым по всей линии фронта, чтобы ввести противника в заблуждение и ослепить его наблюдательные пункты. Мастерски с этим справились летчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем полете, они не «пронесли» завесу, но поставили ее точно на рубеже Нейсе. Это, ни много ни мало, 390 километров.

Нашей артиллерийской подготовке дымы не мешали. Огонь велся на основе полной топографической привязки и основные цели были засечены заранее. И дымы и артподготовка расстроила систему огня и ослабили устойчивость обороны противника. Уже к середине дня отдельные солдаты и мелкие подразделения немцев довольно своеобразно использовали нашу дымовую завесу: они просто покидали свои позиции и уходили в тыл. Кости военной машины рейха уже хрустели...

Первые батальоны начали форсировать Нейсе в 6 час. 55 мин., а 40-минутный артиллерийский удар еще продолжался.

Прорыв фронта как на главном, так и на дрезденском направлении прошел успешно. Части 3-й, 5-й гвардейских и 13-й армий прорвали оборону противника на фронте в 29 км и продвинулись вперед на глубину до 13 км.

17 апреля на участке 13-й армии и на правом фланге 5-й гвардейской армии Жадова была прорвана вторая полоса обороны. Наши войска устремились вперед к третьей полосе, к реке Шпрее.

В середине дня бои шли уже в глубине вражеской обороны на всех трех полосах и в промежутках между ними. Следует понять сложный характер действий большой массы войск, в том числе танковых, маневрирующих и прорывающихся все дальше и дальше...

Нельзя представлять себе боевые действия как фронтальные, когда успех одерживается последовательно от рубежа к рубежу. В условиях стремительного маневра войска наступали не плечом к плечу без промежутков, а порой с большими разрывами. Поэтому между первой и второй полосами вражеской обороны, между второй и третьей происходили ожесточенные бои и с отступающими, и с пытающимися встречно контратаковать нас немецкими частями. Но к концу войны мы могли поучить уже любую армию мира.

Пора сказать и о противнике. Перед нами оборонялась 4-я танковая армия. В результате ударов она была разорвана на три изолированные части. Одна ее группировка находилась на нашем правом фланге, в районе Котбуса. Вторая в центре – продолжала воевать в лесном массиве района Нускау, а третья была отрезана на левом фланге в районе Герлица.

Чтобы представить реальное соотношение сил – наших и противника, нужно иметь в виду вот что: например, в таком-то сражении, на таком-то участке, нашей танковой армии противостоит немецкий танковый корпус. Это совсем не означает трехкратного превосходства наших сил, исходя их схемы «три корпуса против одного». Полнокровный немецкий танковый корпус из трех дивизий имел около 600-700 танков, т. е. примерно столько же, сколько имела в своем составе наша танковая армия. Кроме этого и танковые корпуса и танковые армии противника комплектовались артиллерийскими дивизиями и дивизиями средств противотанковой обороны, моторизованными дивизиями, саперными бригадами, средствами поддержки, в зависимости от районов действия. То же следует иметь в виду, говоря о пехоте. Численный состав немецко-фашистской дивизии соответствовал примерно составу двух наших стрелковых дивизий, не учитывая артиллерию, зенитные и саперных подразделения.

Конечно, в ходе войны это соотношение менялось. После каждого разгрома гитлеровцы с большим трудом восстанавливали свои части. Но сейчас это отношение сохранялось примерно в той же пропорции.

В ходе первых боев были разгромлены 4 немецкие дивизии – две пехотные, моторизованная дивизия СС «Бранденбург» и 615-я дивизия особого назначения.

Пытаясь остановить нас, гитлеровское командование ввело из своих резервов 6 танковых, одну моторизованную и 5 пехотных дивизий. Бои были жестокие. Фашисты бросали в контратаки по 70 танков, направляя против нас все, что было у них под руками. И это не удивительно. Мы наносили удар по их самому слабому месту, и они предчувствовали катастрофу.

К исходу 21 апреля наши танкисты, разбив все брошенные им на встречу войска, подошли вплотную к Берлинскому оборонительному обводу и оказались всего в 24-х километрах от южных окраин Берлина, фактически в пригородах гитлеровской столицы. Был взят Вюнсдорф, где еще недавно размещался командный пункт группы армий «Висла». Уничтожены 10-я танковая дивизия, часть 21-й танковой дивизии, 125-й и 785-й полки, несколько зенитных полков и батальонов фолькс-штурма. Получив донесение, что разбиты части танковой дивизии СС «Охрана фюрера», мы шутили – поскольку охрана фюрера уже ликвидирована, дело остается только за ним самим.

...В четвертом томе военного дневника верховного главнокомандования германских вооруженных сил имеется свидетельство офицера генштаба армии противника:

«Когда в ночь на 21 апреля я докладывал Гитлеру о прорыве советских войск, который привел к крушению восточного фронта и к окружению Берлина, я находился с ним – это был единственный раз – один на один. За несколько часов до этого фюрер принял решение перенести свою ставку в так называемую Альпийскую крепость... Гитлер внимательно слушал полное трагизма донесение, но снова не нашел иного объяснения успеха советских войск, кроме слова «предательство». Учтя, что при этом не было свидетелей, я набрался храбрости и задал Гитлеру вопрос: «Мой фюрер, Вы так много говорите о предательстве военного командования, верите ли вы, что действительно совершается так много предательств?» Гитлер бросил на меня нечто вроде сочувствующего взгляда, выражая тем самым, что только дурак может задать такой глупый вопрос, и сказал: «Все неуспехи на Востоке объясняются только предательством». У меня было такое впечатление, что Гитлер твердо в этом убежден».

Оценивая действия немцев в этой операции, военные историки часто задают вопрос: имелась ли у немцев возможность не дожидаясь окружения 9-й и остатков 4-й танковой армии, заранее отвести эти войска к Берлину?

Безусловно имелась. Но это не изменило бы остановку в целом. Планируемые нами удары были неотразимы. Мы могли разгромить всю берлинскую группировку в любом ее положении.

В связи с выходом частей 1-го Украинского фронта к Берлину, Ставка установила новую разграничительную линию с 1-м Белорусским. От Люббена линия

была теперь повернута на северо-запад, почти на север, и делила Берлин приблизительно пополам.

Одновременно с этим Ставка потребовала от нас – от маршала Жукова и от меня не позднее 24 апреля завершить окружение Франкфуртско-Губенской группировки противника и ни в коем случае не допустить ее прорыва ни на Берлин, ни в западном направлении.

А обстановка на нашем фронте стала особенно сложной и разнообразной. В ней можно было выделить пять основных оперативных узлов событий.

Первый – это развертывающееся сражение за Берлин. От нашего фронта в нем принимали участие 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, введенная с ходу 28-я армия и 3-я гвардейская армия генерала Гордова.

Второй – ожесточенная борьба с пытающейся прорваться на соединение с армией Венка, находящейся в окружении 9-й армией генерала Буссе.

Третий узел связан с самостоятельным наступлением 12-й армии генерала Венка, получившего приказ Гитлера деблокировать Берлин.

Четвертый – выход 5-й гвардейской и 13-й армий на Эльбу. Встреча с американцами и уничтожение спешащих укрыться у союзников остатков войск СС и войск Западного фронта.

Наконец, пятый узел – дрезденское направление и отражение ударов гёрлицкой группировки с внешнего обвода.

Я говорю об этом еще и потому, что хочу дать представление как складывался в период Берлинской операции обычный рабочий день командующего фронтом. Начинался он поздним вечером предыдущего дня, когда принимались основные решения на завтра. Принимались доклады командармов, начинавшиеся с 21-го часа и продолжавшиеся до 2-х часов ночи. В промежутках между докладами нужно было дать указания штабу, выслушать итоговый доклад начальника штаба фронта генерала армии Ивана Ефимовича Петрова, скорректировать и подписать донесение в Ставку и поставить авиации задачи на следующий день.

Спал я как правило с двух до шести, если позволяла обстановка выслушивал доклад оперативного дежурного о произошедшем за ночь. Этот утренний доклад входил в ежедневный распорядок так же свято и крепко, как в свое время молитва «Отче наш» в крестьянский быт.

Память, в том числе и зрительная, была у меня в то время настолько обострена, что все основные направления, все географические и даже топографические пункты стояли перед глазами. Я мог принимать доклад без карты; начальник оперативного отдела, докладывая, называл пункты, а я мысленно видел, где и что происходит.

Так было и на этот раз, когда обсуждалось форсирование Тельтов-канала. Он отделял пригороды Берлина с юга.

Представьте себе наполненный ледяной водой глубокий и широкий ров с высокими бетонированными, круто обрывающимися берегами. На 12-ти километровой участке канала, куда вышли танкисты Рыбалко, на вражеской стороне было согнано все, что нашлось у противника в этот момент – тысяч 15 человек. Да и сам канал достаточно серьезное препятствие: ширина его 50 метров, глу-

бина 2-3 метра. При плотности 1200 человек на километр в условиях городских боев, немцы подготовили довольно крепкую оборону – воздвигли железобетонные доты, врыли в землю танки и самоходки. По данным разведки у противника имелось более 250 орудий и минометов, 130 танков, свыше 500 пулеметов, а фаустпатронов – неограниченное количество.

К месту переправы я подъехал, когда заканчивалась артподготовка. Все содрогалось. Кругом стоял дым. Артиллерийские бригады тяжелых калибров били по стенам домов на той стороне канала, прошибая их сразу. Летели камни, куски бетона, щепки, пыль. На узком фронте – больше 600 орудий на километр; и все это было по северному берегу Тельгов-канала.

Я, Рыбалко, командующий артиллерией Варенцов, командиры авиационных корпусов и артиллерист комкор Кожухов – все разместились на крыше восьмизатяжного дома.

Помню, каким огромным показался мне широко разбросанный город. Я отмечал для себя массивные старые постройки, которыми изобилует лежащий перед нами район, густоту застройки – отмечал все, что могло усложнить нам бои за Берлин. Заметил я хорошо видные сверху каналы, реки и речки, пересекающие Берлин в разных направлениях. Такое множество водных преград обещало дополнительные трудности.

Перед нами лежал фронтовой город, осажденный и приготовившийся к защите. Если бы во главе Германии стояло разумное правительство, то в сложившейся обстановке было бы логично ожидать предложений о капитуляции войск. Только капитуляция могла сохранить все что оставалось к этому дню в Берлине и спасти жизнь населения. Но, видимо, напрасно было ждать единственно разумного решения – предстояли бои.

Форсирование происходило на моих глазах. Нельзя сказать, что без сучка, без задоринки, но в общем-то, оно шло успешно...

Танкисты Рыбалко не раз овладевали крупными городами, но почти всегда делали это методом маневра, обхода, вынуждая противника к отступлению. А здесь им пришлось брать пядь за пядью, да еще в условиях, когда немцы были вооружены таким опасным оружием, как фаустпатрон.

Напор танкистов увенчался успехом: к вечеру 25 апреля они продвинулись на 3-4 км в глубь Берлина, очистив районы Целендорфа и Лихтерфельде.

Чем дальше, тем все крепче соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боев поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, а пехота видит шире и во многих случаях она выручала танкистов. Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, потребовала от нас создания штурмовых отрядов. В каждый такой отряд входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, установка тяжелой реактивной артиллерии и группа саперов с мощными подрывными средствами. Орудия и минометы выделялись исходя из рельефа и поставленных задач от 85-ти до 203-х миллиметровых пушек-гаубиц. Одни танкисты, при всем их мужестве, не в состоянии были добиться успеха в уличных боях.

Бои в самом Берлине продолжались днем и ночью, я хочу об этом сказать, не привязывая эти наблюдения к определенному дню. Приходилось встречаться с суждениями, что бои, дескать, можно было вести с меньшей яростью, ожесточением и поспешностью, тем самым уменьшив потери с обеих сторон, а самое главное сократить потери гражданского населения.

В этих рассуждениях есть внешняя логика, но они игнорируют самое главное – реальную обстановку, реальное состояние духа людей. У наших бойцов было страстное, нетерпеливое желание поскорее покончить с войной.

И тем, кто хочет судить об оправданности или неоправданности тех или иных жертв, следует помнить об этом. Иначе в обстановке берлинских боев ровно ничего нельзя понять.

Все население, которое можно было поднять на борьбу против наших войск, было поднято. В оружии оно недостатка не испытывало, активно использовалось на оборонительных работах, в качестве подносчиков боеприпасов, санитаров и даже разведчиков. Говоря о людях, сражавшихся с нами на улицах Берлина, нужно отметить явление, характерное для самых последних дней войны и периода капитуляции. Часть солдат и офицеров германской армии, стремясь избежать плена, переодевалась в гражданское, смешивалась с местным населением и продолжала стрелять.

С 24 апреля обороной Берлина командовал генерал Вейдлинг. Имперским комиссаром обороны бал Геббельс, а общее руководство осуществлял лично Адольф Гитлер.

Геббельс возглавлял органы гражданской власти, был ответственным за подготовку к обороне населения и на компромисс не шел. Что касается Вейдлинга, он получил от Гитлера категорический приказ: оборонять столицу до последнего человека.

Солдаты по-прежнему сдавались в плен только тогда, когда у них не было другого выхода. Это же следует сказать и об офицерах. Но боевой порыв у них уже погас. Оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться до тех пор, пока не будет получен приказ о капитуляции.

В рядах фольксштурма господствовало настроение истерического самопожертвования. Эти защитники третьего рейха, в том числе совсем еще мальчишки, видели в себе олицетворение последней надежды на чудо, которое вопреки всему в последний момент должно произойти. Распоряжения Гитлера, отданные и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией по деблокированию Берлина, попытки Шернера с его группой войск и гросс-адмирала Деница, который с моряками должен был прорваться на помощь, конечно, не могли уже изменить конца.

Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие действия, как заведомый абсурд. Это мы своими действиями сделали их нереальными. Замыслы Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооруженного воздействия. При ином характере наших действий эти замыслы могли бы оказаться не столь фантастичными. Сейчас об этом не стоит забывать.

Командующий обороной Берлина Вейдлинг, не видя возможности успешно продолжать боевые действия решил доложить Гитлеру план прорыва войск из

города на запад. В своем докладе он указывал, что войска смогут воевать в городе не более 2-х суток до 30 апреля и после этого вообще останутся без боеприпасов. Он планировал осуществить прорыв южнее Винкенштадта, вдоль Андерхеештрассе на запад тремя эшелонами.

В первый предполагалось включить части 9-й авиаполевой и 18-й моторизованной дивизий, усиленных массой танков и артиллерии из резерва.

Во втором эшелоне намечался прорыв группы «Монке» – двух полков и батальона морской пехоты. Его перебросил в Берлин по воздуху еще 26-го апреля гросс-адмирал Дениц. Со вторым эшелонном должна была прорываться и сама гитлеровская ставка.

В третьем эшелоне, прикрывая прорыв шли остатки танковой дивизии «Мюнхенберг», боевой группы «Беенфенгер» и 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд».

Но Гитлер своего согласия не дал. Спустя два дня он все еще колебался. В 14 часов 30 мин. 30 апреля он предоставил генералу Вейдлингу свободу действий и разрешил осуществить прорыв, но в 17 часов 18 мин. Вейдлинг получил новое распоряжение, отменяющее предыдущее и ставящее задачу оборонять Берлин до последнего человека и последнего патрона...

До нас дошли сведения, полученные от 1-го Белорусского фронта о исчезновении Гитлера и слух о его самоубийстве. Преемники направили для переговоров начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса. По указанию Ставки все вопросы решали с маршалом Жуковым и хотя переговоры начались, самые ожесточенные бои продолжались.

Как раз в это время группа немцев в количестве 2 тыс. человек вышла в лес северо-западнее Шанкенсдорфа, как раз туда, где располагался штаб танковой армии Лелюшенко. Отражением этого неожиданного нападения пришлось руководить самому Дмитрию Даниловичу. История типичная для первого периода войны повторилась в ее последние дни. К месту схватки подоспел 7-й гвардейский мотоциклетный полк и другие, находившиеся поблизости части. После двухчасового боя эта немецкая группа была уничтожена, пленных не брали.

В 18 часов 1 мая, после того, как Геббельс и Борман отклонили наши требования о безоговорочной капитуляции, был дан приказ продолжать штурм. В 18 часов 30 мин. вся артиллерия, действующая в Берлине, нанесла одновременный мощный огневой удар.

Наши войска пробивались навстречу друг другу, соединялись в нескольких местах. Части 28-й армии генерала Лучинского и 3-й танковой армии Рыбалко в районе станции Савиньи встретились с частями 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта.

2 мая в 2 часа 50 минут по московскому времени была принята радиограмма от немцев на русском языке: «Алло, алло, говорит 56-й танковый корпус. Просим прекратить огонь. Высылаем парламентариев на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый квадрат на фоне красного цвета (была прикрыта на знамени свастика. – Прим. ред.). Ждем ответа».

На рассвете началась массовая капитуляция, а в 6 часов утра перешел линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал от артиллерии Вейдлинг.

Весь день 2-го мая в Берлине гитлеровцы целыми подразделениями и частями сдавались в плен. Капитуляция приняла всеобщий характер, и к 15-ти часам сопротивление Берлинского гарнизона прекратилось повсюду и полностью.

Как военному человеку, мне хотелось бы отметить, что в этот день в районе Берлина было взято в плен 134 тысячи солдат и офицеров, из них 34 тысячи войсками 1-го Украинского фронта. Это подтверждает мое предположение, что общая численность Берлинского гарнизона значительно превышала 200 тысяч человек. Последнее боевое донесение направленное мной в Ставку звучало так:

«Войска фронта, сегодня 2 мая 1945 года после девятнадцатидневных уличных боев овладели юго-западными и центральными районами города (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками 1-го Белорусского фронта овладели городом Берлин».

Комендант Иркутска был первым комендантом Берлина

Патриотизм сибиряков проявляется и в том, что они искренне считают свой Иркутск сосредоточением всех событий и судеб страны. Бытует уверенность – каждый хороший человек должен побывать в Иркутске на Байкале. Наверное, это недалеко от истины.

В Иркутск красный командир Н.Э. Берзарин прибыл в 1927 году на должность начальника учебной части курсов усовершенствования командного состава. Он сразу стал признанным лидером-наставником. Только что закончив Высшие командные курсы «Выстрел», он обладал необходимыми современными военными знаниями. Испытывая уважение и доверие преподавательский состав избрал его секретарем партийной организации. Курсы – крупная войсковая единица. Вместе с постоянным персоналом в ней числилось почти 3 тыс. человек. Организовать учебный процесс в стадии реформирования Вооруженных сил молодой Республики – сложная задача. Уставы тогда только обновлялись, а такого, как устав гарнизонной и караульной службы не было вообще.

Штатной должности коменданта в Иркутском гарнизоне, который тогда находился в Военном городке, не существовало. Военным комендантом становился тот, на кого эти обязанности возлагались командованием по совместительству. Это не приводило к улучшению. Коменданты в Иркутске часто менялись, поэтому должного порядка в городе не было. Речь идет о военнослужащих. Милиция отвечает за гражданское население, а за военных перед властями отвечает комендатура. В городе произошло несколько ЧП с участием военных. Коммунисты решили, что это объясняется плохо поставленной комендантской службой и предложили партийному секретарю исправить поло-

жение. Командующий гарнизоном, как член партии был согласен. Он вызвал Николая Берзарина и сказал:

– В Иркутске армейцы разболтались. Уставы не соблюдают, в общественных местах ведут себя безобразно. Ты приехал из Москвы. У тебя авторитет. Есть вышколенные слушатели курсов. Тебе и карты в руки. Научи дисциплине всех, и нас в том числе. Московскому порядку и московской дисциплине научи.

В комендатуру Берзарин подобрал людей таких, которые старались все делать своевременно, не дожидаясь понуканий. К коменданту, и особенно к патрулям стали относиться с уважением, а разгильдяи и выпивохи со страхом. Некоторые не выходили из расположения части. На учениях и в казарме опасаться нечего, а окажись ты в городе – мигом попадешь под арест. Патрулям было рекомендовано следить за уставной внешностью, поведением и словарным набором общения.

Под присмотром комендатуры оказались все питейные заведения, танцевальные площадки и клубы. Нарушителями чаще всего оказывались отпусники – порой так хочется молодежи покуражиться. До войны, да и еще пять лет после нее иметь дело с военными, нарушающими общественный порядок, могли только старшие армейские чины. Милиции позволялось только козырять старшим и равным по званию. Не больше того, иначе получишь по физиономии. И это не обсуждалось. Чужая епархия! А народ в армию призывался всякий.

Первое время патрулей инструктировал самолично комендант. Потом эту процедуру доверил помощникам. К патрульной службе людей тщательно готовили. Наступал час и они с саблями на боку, в буденовках, с повязками на рукавах направлялись в город. Для задержанных нарушителей порядка пришлось сделать во дворе загон. Дежурный командир разбирался, кто и в какой степени виноват. С нарушителями военной формы – оторваны пуговицы на шинели, не тот головной убор или вообще его нет – поступали так. Их выстраивали на плацу и под присмотром дежурного заставляли заниматься строевой подготовкой. Кому-то – отданием чести. Каждый час объявлялся перерыв и снова тренировка. Если были нарушения потяжелее, отправляли на гауптвахту. Гарнизонная гауптвахта не пустовала. Если военный служащий суммарно пробыл на гауптвахте семьдесят суток, его полагалось уволить из армии.

Берзарин превратился в постоянного коменданта. Такого история Иркутского гарнизона не знала. Его не проклинали, им гордились. А отличало его умение чуть ли не с аптекарской точностью определить допустимую меру взыскания.

К примеру, парень в военной форме ввязался в драку. Защищал девушку. Он задержан и можно его судить, но у Берзарина ни один «дебошир» не сел на скамью подсудимых. В новой армии исповедовали принцип – чего бы это ни стоило, следует исправлять человека, воспитывать его, сохраняя в рядах армии. Командиры взводов, рот, полков понимали, что красноармейцы ребята молодые, эмоциональные. Они действуют порой безрассудно. Отправь его в тюрьму, и он потерян для армии, а ведь мог при заботливом отношении превратиться в защитника родной земли.

Высшую гуманность коменданта чувствовали и командиры, и рядовые. В славном Иркутске человеку со столь редким качеством справедливости люди отдавали должное. Командиры частей, расквартированных возле Иркутска, считали за честь пригласить Берзарина к себе. Он откликался на все просьбы, это выделяло его и до войны, и во время ее. Самой жизнью он готовился для своей важной цели.

Пройдя жестокую школу войны, генерал-полковник Н.Э. Берзарин, к моменту выхода Красной Армии к Одеру, командовал 5-й ударной армией 1-го Белорусского фронта. Ударные армии формировались специально для решения сложных военных задач – прорывов укрепленных участков фронта противника, цемнтирования собственной обороны. Обязательно комплектовались танковыми и механизированными корпусами и дивизиями, артиллерийскими дивизиями, полками главного калибра. В некоторых случаях имели даже свою авиацию, а уж пехотные части представляли гордость, цвет вооруженных сил. Многие из них имели славную историю и гвардейское отличие. Под стать были командующие таких ударных армий. Большое значение выбору кандидатуры уделяли командующие фронтами и сам Сталин. Понимая важность момента, не сентиментальный, жесткий и жестокий маршал Г. К. Жуков перед форсированием Одера передал генералу Берзарину и Военному совету армии письмо-обращение.

«...На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача – удерживать занимаемый плацдарм на западном берегу реки Одер и расширить его хотя бы до 20 километров по фронту и до 10-12 километров в глубину.

*Я вас прошу понять **историческую ответственность** за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, **потребовать** от всех **исключительной стойкости и доблести**.*

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха.

Г. Жуков»

Летописец 5-й ударной армии, участник и очевидец описываемых событий полковник Василий Скоробогатов задавал себе вопрос – а могло ли наше наступление на Берлин закончиться провалом? И, положив руку на сердце, отвечал: «Вполне. Прогрызть немецкую оборону вдруг оказалось бы невозможно. Войска остановились бы на подступах к Берлину, втянулись в затяжные бои... Что тогда? Тогда – крах. Нужно сегодня всем знать – только военный гений наших полководцев позволил получить тот результат, который мы получили. Благодаря Великой Победе мы в течение семи десятилетий чувствуем себя людьми, а не быдлом». Доверие в войну выстраивалось от солдата к командиру, от того к генералу и дальше к маршалу. Г.К. Жуков любил свою ставку размещать на командном пункте Берзарина. Это было острие удара. Можно было оперативно влиять на изменение событий в связи с новыми данными, а такие данные были.

К началу боев за Берлин гитлеровцы изготовили в больших количествах надкалиберную кумулятивную гранату – то, что мы называем «фаустпатрон». Раньше сталкиваться с таким массовым применением этого оружия не приходилось. Его действие составляет 30 метров, но в условиях города для бронированной техники это была смерть. Два варианта оружия: F-1 и F-2 имели вес 5,35 кг и 3,25

кг, последним могли пользоваться даже старики и подростки, так называемый фольксштурм. При молниеносном прорыве на Одере удалось захватить целый склад такого оружия.

Всё знающие политработники рассказали, что Жуков дал указание Берзарину и их штаба 5-й ударной в части поступил приказ: научить наших солдат и офицеров пользоваться «фаустиами».

«Я – корреспондент, – говорил капитан Дронь. – Даже нас, редакционных работников, взяли на полевые занятия. Дивизионный инженер показал нам устройство гранаты. Потом мы превратились в «фаустников». Я взял прицел на крупное дерево – березу, у основания ствола. И не промахнулся. Немецкая кумулятивная граната ударила в дерево, взорвалась, и взрыв дерево «срезал», оставив немалую воронку. Вот это – мощь! Расстояние до моей березы мне показалось больше пятидесяти метров».

Как опытный военный, генерал Берзарин понимал ограниченные возможности противотанковой артиллерии в узких улицах города. Он старался быстрее пробиться к самому центру Берлина. 24 апреля части и соединения 5-й ударной армии очистили от огневых точек противника Александрплац, берлинскую ратушу, бои шли возле дворца кайзера Вильгельма. До Бранденбургских ворот уже было подать рукой.

В этот день маршал Г.К. Жуков назначил командующего 5-й ударной армией Героя Советского Союза, генерал-полковника Берзарина комендантом города Берлина.

Слово «комендант» прочно вошло в словарь русского языка. Оно означает «командир», «воинский начальник населенного пункта». После войны появились коменданты общежитий и больниц, коменданты пионерлагерей и техникумов, коменданты музеев, а тогда были только коменданты крепостей.

В подчинении командующего фронтом Г.К. Жукова служило много умных, энергичных, волевых генералов. Они прошли большой боевой путь и имели богатый жизненный опыт. И все-таки, кто лучше других справится с такой сложной, если не сказать отчаянной задачей? Маршал давно заметил в своих войсках такого человека. Это – Николай Эрастович Берзарин.

Полководческая деятельность развила в Берзарине лучшие качества русского офицера – высоконравственные. Выжить в этой нелегкой судьбе можно было только отстояв свое право быть личностью. Зачастую счастливый случай шел ему навстречу – развитию дарований администратора способствовало поприще военного коменданта Иркутска. Там получил он военно-хозяйственные навыки, и управляя гарнизоном, зарекомендовал себя в качестве самобытного коменданта.

Еще слышны были отдельные очереди и взрывы, а Совинформбюро уже передало сообщение. В нем говорилось:

«Войска 1-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином – центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии. Берлин-

ский гарнизон, оборонявший город, 2 мая в 15 часов прекратил сопротивление и сдался в плен».

Берлин лежал у наших ног. Город свастик и нацистских орлов, гаупштадт Третьего рейха, превращенный властью гитлеровских бонз, властью всемогущего гестапо в ад. И сам фюрер, отправляясь в преисподнюю, тащил за собой своих подданных, сказав, что германская нация и фатерлянд не имеют права на земное существование.

Все было выжжено и разбито, залито водой и покрыто копотью, и на этом мрачном фоне выделялись зеленые странички приказа № 1. Как в мрачном лесу весной пробивается первая зелень, так листочки приказа коменданта города на фоне бело-черных приказов немецкого командования привлекали берлинцев.

Вот он, приказ № 1 от 28 апреля 1945 года:

«1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

2. НСДАП и все подчиненные ей организации распустить и деятельность их запретить.

3. В течение 72 часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войск СС и СА, оставшиеся в городе Берлине.

4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации.

5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее.

6. Собственникам банков и управляющим, временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства.

Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей...»

И конечно, строго оговаривалась немедленная сдача оружия, боеприпасов, военного имущества. Гражданское население собиралось возле тумб, густо заклеенных зелеными листиками, обсуждало приказ, разговаривало.

Вспоминает офицер 248-й дивизии 5-й ударной армии В. Скоробогатов:

«Уже в мае в Германии роились тысячи газетчиков, радиокомментаторов, обозревателей, они осаждали Берзарина и его помощников. Я услышал новое слово «брифинг». Оказалось, что это инструктаж. Как представитель участковой комендатуры района Грюневальд, я побывал на одном из них.

Берзарина спросили корреспонденты, каким он видит внешнеполитический курс Советской страны в отношении поверженной Германии. Он ответил четко и определенно:

«Мы за единую демократическую Германию».

Количество приказов росло. Среди них были не для публикации – зачитывались в подразделениях. Исполнение возлагалось на офицеров, сержантов и рядовых. К этой категории относится приказ № 0180 от 7 мая 1945 года «Об организации патрульной службы в городе Берлине».

«Комендант Берлина **приказывает**:

1. В целях решительного пресечения мародерства и другого противозаконного поведения ввести всеохватывающее патрулирование в тех районах, где размещены армейские подразделения.

2. Для несения патрульной службы выделить лучшие силы из числа рядовых, сержантов и офицеров.

3. Для контроля патрульной службы и поддержания общего порядка в Берлине, а также в целях пресечения грабежей и насилий, привлекать всех, без исключения, штабных офицеров всех уровней.

4. Проводить патрулирование на автомашинах с командой от четырех до шести автоматчиков, а именно:

- от каждого из стрелковых полков: одна машина;
- от каждого дивизионного штаба: две машины;
- от штаба армии: десять машин».

Берзарин создал сеть районных комендатур. В черту Большого Берлина тогда входили следующие районы.

На северо-востоке: Панков, Пренцлауэр-Берг, Митте, Вайсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов, Кёпеник.

На северо-западе: Райникондорф, Велдинг, Тиргартен, Шарлотенбург, Шпандау, Вильмерсдорф.

В южной части города: Целендорф, Штеглиц, Шенеберг, Кройцберг, Темпельгольф, Нойкельн.

Во все эти районы Берзарин подобрал и направил ответственных офицеров в коменданты. Еще шли бои, а они уже доложили Берзарину о том, что приступили к исполнению своих обязанностей и занимаются урегулированием городских дел.

При штабах полков имелись комендантские взводы. Первые патрули возглавлялись командирами этих взводов. Вооружив людей автоматами, они через громкоговорители объявляли, что не потерпят бесчинств и предлагали обращаться с сигналами, если кто-либо из военных допустит притеснения.

В комендатурах учредили приемные, где постоянно вместе с дежурным офицером находился переводчик. Там жители имели возможность изложить свои просьбы.

Мы помним планы Адольфа Гитлера разрушить Москву и затопить ее улицы и площади водой, голодом задушить осажденный Ленинград. Даже в мыслях советские освободители не могли себе представить такое в отношении занятого города. Кто не сложил оружие, был убит, но в отношении гражданского населения и пленных репрессий не было. В первые дни мира советская военная комендатура передала населению Берлина из фронтовых запасов почти 6 млн тонн

муки и зерна, около 100 тыс. тонн крупы, десятки тысяч голов скота. Это продовольствие перевозили населению выделенные комендатурой 1200 грузовиков.

Кто-то из иностранных журналистов спросил Берзарина, может ли он сравнить положение нынешних берлинцев с положением жителей блокадного Ленинграда. Комендант помрачнел и ответил: «Такое сравнение кощунственно». Помолчав, он взял со стола листок с цифрами и назвал те нормы снабжения продуктами питания, которые существовали при гитлеровцах в последнее время.

– Жители Берлина получали ежедневно двести граммов хлеба, четыреста граммов картофеля, пятнадцать граммов сахара, тридцать граммов мяса, пять граммов жира... Нам удалось выдать продукты по таким нормам. Всего продовольственных карточек населению еще при грохоте артиллерии выдано более миллиона. Выдача карточек продолжается. В Москве правительство знает об этом.

Выполняя свои обязанности, он вел себя, как на фронте – честно и добросовестно организовывал порученное ему дело. Страдая от незаживших ран, говорил о себе, как о человеке, вышедшем в отставку.

Узнав, что в одной из дивизий большая группа студентов-иркутян уезжает домой, Берзарин посетил этих молодых воинов и в прощальной речи с огромной душевной теплотой отозвался о нашем родном крае, о Байкале, о быстрой Ангаре. Сказал, что эти места не могут служить ареной военных действий, они священны. Они олицетворяют красоту всей земли, красоту России, для которой превыше всего доброта, честь, долг.

Штаб 5-й ударной армии по-прежнему оставался в Карлхорсте, а резиденция военного коменданта находилась в районе Лихтенберга, приходилось мотаться. Одному богу известно, как он успевал. По разбитым и заваленным улицам на лимузине проехать трудно, повседневным средством передвижения был у него мотоцикл. Однажды, как обычно, побывав на разных объектах, комендант за рулем мотоцикла и автоматчиком Петром Лаховым в коляске направился в Карлхорст. Не видя препятствий, Николай Эрастович гнал на полном ходу, и вдруг из переулка вынесло на магистраль «Студебеккер», груженный металлоломом. Сработал инстинкт самосохранения – каким-то чудом Берзарин вывернулся из под борта машины. Пронесло. Об этом ЧП сержант доложил своему командиру, но где лейтенант и где генерал? «Генерал-полковнику виднее».

Прошло несколько дней. Трагедия произошла утром 16 июня. На квартиру генерал-лейтенанта Ф.Е. Бокова позвонил дежурный по штабу:

– Товарищ член Военного совета, на Франкфуртер-аллее убит генерал Берзарин!! – доложил он срывающимся голосом.

Произошло необъяснимое – в то время, как по узкому проезду на большой скорости двигался мотоцикл генерал-полковника, регулировщица на перекрестке дала сигнал началу встречного движения. Колонна пустых грузовиков шла без сопровождающих, мотоцикл не смог уйти от столкновения.

Погибли оба – и генерал и Петр Лахов. За несколько секунд до смерти комендант Берлина пришел в сознание и произнес слова о том, что шофер не виноват...

А.Н. Черных

Не люблю вспоминать штурм Берлина

Бондарь Софья Сергеевна родилась 9 октября 1922 года в селе Морозовке Меловского района Луганской области в крестьянской семье. Отец, Сергей Иванович, занимался крестьянским хозяйством, с 1930 года работал в колхозе. Мать, Гетман Устинья Тихоновна, тоже трудилась в колхозе, ушла из жизни в 1965 году, а через год умер и ее муж.

У родителей было шестеро детей – трое сыновей и трое дочерей. Их сын Алексей Сергеевич участвовал в войне с фашистской Германией, а другой сын, Семен Сергеевич, воевал в 1945 году с империалистической Японией.

Соня Гетман окончила семь классов, а затем краткосрочные курсы санитарных инструкторов. В январе 1943 года она призывается в ряды Красной Армии и в составе 222-й дивизии воюет с фашистскими захватчиками. Как и все солдаты, она переносила тяготы войны: зной, холод, промозглый дождь, хроническую усталость, недоедание и недосыпание. Опасности подстерегали ее ежедневно, ежеминутно на каждом шагу. Случалось, на передовой, целый день сеет дождь, мелкий, настырный, сухой нитки на ней нет. На переднем крае ожесточенная перестрелка с обеих сторон. Пули свистят, осколки падают, грохот, взрывы, а Соня Гетман выскочит из окопа и по земле ловко, как ящерица, ползет к раненому, вытаскивая его из-под огня. Пока несет до санитарной роты, семь потов сойдет. За день таких рейсов несколько, за неделю – десятки. И как бы ни храбрилась, а у самой каждый раз поджилки тряслись, мурашки по спине бегали. За каждого раненого переживала, молилась Богу, чтобы донести его живым до землянки.

Как вспоминает Софья Сергеевна, как-то раз подползла к солдату, которому было за сорок. У него была оторвана правая нога ниже коленного сустава, из обрывка ноги хлестала кровь. Раненый, морщась и знобясь от боли, судорожно сжимает культию руками, пытаясь остановить кровь. Тоскливо повторяет одну и ту же фразу: «Мне нельзя погибать: дома трое мальчуганов, без меня им труба». Я наложила на культю жгут и с помощью одного солдата донесла несчастного до санитарного пункта. О дальнейшей судьбе его я не знаю, но думаю, что он выжил и вернулся к своим сорванцам.

Наверное, до самой своей кончины буду помнить молоденького бойца, которому едва ли было восемнадцать. От раны в грудь он тихо стонал и морщился. Когда кончилась перевязка, он с трудом заговорил. Ему хотелось исповедаться: «Сестра, я ведь ни с одной девушкой до сих пор еще не целовал. Меня целовала только мама. Поцелуй, сестра, меня за маму. Может быть, это будет последний...» Он не закончил фразу, закрыл глаза и умолк... Его просьбу я выполнила – поцеловала его холодеющие губы... До санроты он не дожил, по дороге умер.

При этом рассказе у Софьи Сергеевны задрожали и скривились губы, глаза затуманились слезами. Наверное, таких случаев на фронте у этой сердобольной медсестры было немало.

– Софья Сергеевна, встречались ли командиры, которые, не сдержав зова плоти, находили себе на фронте зазнобушек? Про рядовых я не спрашиваю: у них, бесспорно, не было для этого условий.

– Конечно, встречались. Но я зазнобушкой не была, встретила там свою настоящую любовь. В своем артиллерийском дивизионе познакомилась с лейтенантом Степаном Бондарь, человеком порядочным, скромным, в обществе женщин застенчивым. Мы как-то сразу прониклись друг к другу глубоким уважением, а затем и симпатией, которая переросла в любовь. Советские армии в упорных боях продвигались на запад. Условий для постоянных встреч не было: каждый из нас с утра до вечера был занят своим делом.

В начале 1945 года недалеко от немецкого города Дрезден лейтенант Бондарь получил осколочные ранения в ноги, в госпитале лечился четыре месяца. Вернулся в свою часть перед самым штурмом Берлина.

– Софья Сергеевна, а Вы сами участвовали в штурме Берлина?

– Участвовала. Там было страшно. Бои носили ожесточенный характер, не стихали ни на минуту. Зачастую солнце не было видно. Взрывы бомб и снарядов сотрясали землю, как при землетрясении, что вызывало у меня тошноту и головокружение, на время лишало слуха. Кругом было много трупов, которые во время бомбежек и артиллерийского обстрела то засыпало землей и битым кирпичом, то вновь выбрасывало на поверхность.

Погибло много наших солдат. Жаль было их, жалко, что погибли в канун Дня Победы. Ведь мы тогда с нетерпением ждали конца этой ужасной войны. Забыть пережитое невозможно. Поэтому о той операции я вспоминать не люблю.

Степан Бондарь после разгрома фашистской Германии продолжил службу в советской зоне оккупации этой страны. Продолжила там службу и санитарный инструктор ефрейтор Софья Гетман. Встречи Степана Бондарь и Софьи Гетман участились и закончились семейным союзом. Софья Сергеевна переменила свою громкую девичью фамилию Гетман – на фамилию мужа.

Служба Степана Игнатьевича в Германии продолжалась три года. Жил он с женой в любви и согласии. Погода в доме была всегда хорошей. У них один за другим появляются два сына – Вячеслав и Виктор.

Майор Бондарь в 1949 году был направлен в Иркутск работать преподавателем на военной кафедре горного института. Софья Сергеевна первые годы пребывания в Иркутске была домохозяйкой – поднимала на ноги детей. Работать она стала в Иркутске с 1961 года, трудилась в типографии № 1 в течение тридцати лет переплетчицей. К работе относилась ответственно. Все тридцать лет в типографии её заносили на Доску почета.

Степан Игнатьевич часто болел и в 1956 году ушел из жизни. Умер на руках жены. Перед кончиной еле слышно прошептал: «Соня, ты еще молода, выйди замуж за порядочного человека...» Он еще пытался что-то сказать, но не смог. Из его глаз выкатились две крупные слезинки, и он сомкнул веки, сомкнул навсегда.

Софья Сергеевна тяжело переживала смерть мужа. Первое время почти ежедневно приходила на могилу Степана Игнатьевича и подолгу сидела там, терзая

свое сердце воспоминаниями о счастливых годах, прожитых с самым дорогим человеком на земле... Замуж не вышла, хотя руку и сердце ей предлагали. В сущности она одна поставила на ноги, воспитала и дала образование своим сыновьям. Вячеслав окончил политехнический институт, а Виктор – Иркутский индустриальный техникум. У Софьи Сергеевны четверо взрослых внуков.

За ратные подвиги на фронте Софья Сергеевна награждена орденом Отечественной войны 2 степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», у нее 7 благодарностей Верховного Главнокомандующего И. Сталина.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Вперед, любой ценой

«Наступление было намечено на 16 апреля. В предпоследнюю ночь завезли 140 зенитных прожекторов, которые в начале атаки должны были внезапно ослепить противника. Ровно в пять утра по московскому времени началась артподготовка. Она длилась 30 минут и закончилась массированным залпом реактивной артиллерии. Взвились сигнальные ракеты, оповестившие начало атаки. Разом вспыхнули все прожекторы и пехота пошла в атаку в сопровождении танков и самоходных установок.

В течение шести часов мы, с большими потерями, взломали первую линию обороны. Противник не хотел сдавать рубежи. За вторые сутки наши ряды заметно опустели. Были тяжело ранены командир полка и его заместитель. Унесли с поля боя командира 2-го батальона, Героя Советского Союза майора Чуприна, выбыли все командиры стрелковых рот – их заменили взводные. Несмотря на то, что удалось продвинуться на 17-20 км, положение создалось критическое.

На КП батальона прибыл ПНШ (помощник начальника штаба полка) капитан Синютин и передал приказ комдива – генерал-майора Мухина о назначении меня командиром полка. Пришлось из двух батальонов формировать один. С приданными тремя минометными батареями и оставшейся артиллерией продолжать наступление...

Противник не выдержал. Часть немцев сдалась в плен, а власовцы были окружены. Через двое суток окруженная группировка врага была уничтожена. Наш полк взял в плен 670 солдат и офицеров, в том числе трех генералов. Многие немецкие солдаты бросали оружие и переодевались в гражданскую одежду. Путь на запад был открыт, впереди была Эльба.

Я был призван Черемховским горвоеноккоматом в феврале 1942 года. После ускоренного обучения в Забайкальском военном училище в городе Чите получил звание младшего лейтенанта. В октябре 1942 был направлен под Сталинград, но к началу наступления не успел. Воевал в составе Степного фронта и 1-го Украинского. Прошел от командира взвода до командира пулеметной роты пехотного полка.

В конце 1944 года утвержден в звании капитана. Надеялся при реформировании стать командиром батальона или помощником командира полка по строевой части, но командование гнало вперед. Германия казалась маленькой, по крайней мере там, где мы воевали. Казалось, еще месяц и мы возьмем Берлин, а вышло значительно быстрее. Навстречу нашим войскам шли американцы. Наша дивизия встретила с ними на Эльбе. Невдалеке постоянно бомбили, не только ночью, но и днем над нами шли «летающие крепости». А в нашем секторе работала только артиллерия и реактивные минометы. Танки быстро выходили из строя, их подбивали «панцирники» из фаустпатронов, так что надежда была только на пехоту.

Щепин Иннокентий Константинович. Из сборника «Опаленные годы»

Иркутская дивизия

Для нас она не забыта. Дивизия, которая победила Колчака и вошла в Иркутск в январе 1920 года. Это было одно из самых прославленных соединений наших вооруженных сил. Полностью она называлась так: Гвардейская Иркутско-Пинская орденов Ленина и Октябрьской революции трижды Краснознаменная ордена Суворова мотострелковая дивизия имени Верховного Совета РСФСР.

Дивизия была сформирована из бойцов Южно-Уральской партизанской армии в 1918 году легендарным командиром Гражданской войны Василием Блюхером. Крещение в 1941 году дивизия получила в боях против румынско-немецких войск по реке Прут. Ее бойцам даже удалось взять в плен большое количество румынских солдат.

В 1942 году дивизии был присвоен новый номер и гордое звание. Она стала 55-й гвардейской. За штурм Новороссийска она получила первый в Красной Армии орден Александра Суворова – лучшего российского полководца. Летом 1944 года бойцы дивизии приняли участие в блестяще проведенной операции «Багратион». Наступая в труднопроходимых болотистых местах они освободили древний город Пинск, удерживаемый крупным немецким гарнизоном. В честь победы дивизия стала называться Иркутско-Пинской. Пройдя с боями всю страну, сражаясь в Восточной Пруссии, дивизия в составе 1-го Украинского фронта штурмовала Берлин. А после его взятия повернула на Прагу.

Москва салютовала ее победам 11 раз.

Иркутяне гордились своей дивизией и не забывали о ней в самые трудные годы Великой Отечественной войны. Командиру дивизии генерал-майору Б.Н. Аршинову отправили золотые именные часы, а бойцам подарки.

Сегодня дивизия расформирована, но в Иркутском музее Победы, созданном в Доме офицеров, хранятся письма, написанные командованием и бойцами дивизии иркутянам в самые сложные моменты Великой войны.

Е.А. Серебряков

Пол-Европы на танковой броне

Не сосчитать солдату-пехотинцу, сколько пришлось перекопать ему окопов, сколько раз ходить в смертельные атаки, в которых жизнь мерилась секундами.

Я был призван в армию в 1943 году и через самое короткое время принял боевое крещение на Ленинградском фронте. Начал воевать рядовым 172 полка 13-й дивизии 23-й армии. Участвовал с ней в форсировании реки Вуоксы. Надеялся проявить себя в полном снятии блокады Ленинграда, но был ранен. После госпиталя направлен на 1-й Украинский фронт. С тяжелыми боями прошел Западную Украину и Польшу. Брал города Львов, Краков. Там снова был тяжело ранен. Не покидая фронта, лечился в Ченстохове. В конце войны в составе 3-й гвардейской танковой армии участвовал в Берлинской операции.

Первый этап наступления был форсирование реки Нейсе. На паромях перебрасывали на тот берег танки, а мы пехота – переправлялись на лодках, везя с собой штурмовые мостики. Как только лодка подходила к берегу, конец штурмового мостика закреплялся на земле и пехотинцы бегом устремлялись по нему. Самое трудное было спрыгнуть в ледяную воду, и удерживая лодку, подавать тяжелый деревянный мостик. Но ведь я родился в Сибири и мальчишкой купался в самой холодной воде. Танки шли веред, прорывая полосу укреплений, а мы за ними, расширяя прорыв, добывая уцелевшие пулеметы и пушки, очищая окопы от немцев.

Но и отставать от танков было нельзя. Требовалось защищать их сзади и с флангов от фаустников. Бросать гранаты в танк немцы не любили, а бутылок с зажигательной смесью у них вообще не было.

От танкистов мы узнали о повороте армии на Берлин. Нельзя было терять ни минуты, часто ели на ходу и двигались ночью, но приказ выполняли. Столько было водных преград – речек, ручьев, болот. Уже принаровились. Облепим танк и как только пройдем воду разом спрыгиваем. Труднее было когда подошли к Берлину и уперлись в Тельтов-канал. Мосты взорваны. Отвесные бетонные стены и непрерывный обстрел. Во время атаки многие погибли, но были захвачены небольшие участки на вражеском берегу. И артиллерия, и авиация не давала поднять немцам голов. Саперные части навели понтонные мосты и по одному из них началась переправа танков.

Сам Берлин горел. Хотя казалось бы как могут гореть камни. Население забило в подвалы и бомбоубежища. Даже если там были солдаты, они попадали в мышеловку.

Восьмидневный штурм слился в одно воспоминание. Урывками спали, в сухом мятку ели, хорошо что была чистая вода. Раненых отправляли в тыл, убитых складывали и отмечали плакатами, пополнение прибывало и растворялось.

К концу апреля я заметил, что наши танки стали направлять на запад. Из района боев мы выходили в более спокойное место, хотя стрельба еще шла. Но вот, 2 мая стих гул артиллерии и были слышны отдельные всплески автоматного огня. Нас построили в колонну, сообщили, что Берлин взят и нужно освободить Прагу.

Несколько часов выходили пешком. Дорог для автотранспорта не было. Затем погрузили в студебекеры и повезли на восток. В кузове все спали...

После окончания войны я продолжал служить в Германии, был в Венгрии, снова в Чехословакии, Польше, на Балканах. Демобилизовался в 1950 году. Награды: ордена Славы второй и третьей степени, орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 года».

Жилкин Иван Трофимович, из сборника «Опалённые годы»

День рождения в День Победы

У ветерана Великой Отечественной войны Калинин Николая Васильевича 9 Мая двойной праздник. В этот день незабываемой Великой Победы ему исполнилось 89 лет со дня его рождения. Родился Калинин в г. Кызыле, столице Тувы. Молодая полукучевая республика при мощной поддержке народов СССР быстро переходила на новые рельсы экономического и социального развития. Дела хватало всем, а потому переселенцы-россияне жили вполне нормально. И перспективы складывались устойчивые. Но началась война...

Полпредство Советского Союза в Туве немедленно приступило к мобилизации военнообязанных граждан. Ушел на фронт и отец Николая Васильевича – Калинин Василий Иванович, Он был тяжело ранен под Сталинградом. После длительного лечения в госпиталях участвовал в боях за освобождение Польши и Югославии. Откуда после тяжелейшей контузии был списан из армии.

После ухода отца на фронт Николай оказался в семье старшим. Пришлось оставить учебу в школе и пойти работать на лесозавод. А в 1942 году и ему, восемнадцатилетнему парню пришлось идти в Красную Армию. Служил до 1946 года. Солдат, курсант военного училища, офицер... С военного учета был снят по возрасту в звании полковника. Участвовал в освобождении Польши, воевал в Восточной Пруссии. Прошел через кровавые штурмы городов Штеттин и Кенигсберг. Второй особо памятен ему не только медалью «За взятие Кенигсберга». Но и за потерями тысяч советских мужиков и безусых мальчишек.

Николай Васильевич вспоминает: «Особо запомнилось решение главных сил фронта при штурме Кёнигсберга. В бой были введены особые самоходные установки, у которых лобовая броня толще, чем у танка или обычной самоходки. Эти установки без особого труда подходили к амбразурам ДОТов (долговременная огневая точка) и прямой наводкой били по амбразурам. Помню, в шутку солдаты называли их «Другом Катюши». Штурм Кёнигсберга, по сути, был генеральной репетицией перед штурмом Берлина. Когда смотришь старые фотографии фронтовых друзей, большинство из них (1920–1928 г. р.), перед войной даже не успели подружиться с девушками. Таким был и мой брат Василий. Он погиб при форсировании Одера. Ему было всего девятнадцать».

Многое из тяжелых военных лет хранит память фронтовика: «В Восточной Пруссии разведчики нашего батальона перед рассветом обнаружили объект, обнесенный колючей проволокой, забором и сторожевыми вышками. Нам удалось взять в плен одного из охранников лагеря.

Позднее выяснилось, что лагерь обслуживает пороховой завод. В лагере содержались русские девушки от 15 до 20 лет. Их угнали в Германию при оккупации Черниговской, Воронежской и др. областей. Наши окружили лагерь, по сигналу ракетниц начали штурм и уже через три часа полностью захватили объект. Мы буквально окаменели, когда увидели невольниц. Истощенные девушки были одеты в полосатые робы, а на ногах носили башмаки на деревянной подошве. Кормили же их исключительно брюквенным супом да хлебом из отрубей. Работали они по двенадцать часов в сутки. Каждая невольница имела свой собственный номер. Цеха завода размещались под землей. При входе вовнутрь им приходилось проходить через контроль, полностью переодеваться в специальный халат и тапочки на войлочной подошве. В разговоре выяснилось, что многие не знали числа, месяца и даже года. Ревели и просились домой, были очень напуганы. Наше руководство не заставило долго ждать, и вскоре их отправили на Родину.

Сейчас иногда слышишь: за что этим дезертирам только немцы платят!? А ведь кто ведал, какие муки они перенесли, сколько здоровья потеряли?! Много ли их осталось?»

Очищая Восточную Пруссию от остатков разбитой немецкой группировки, воинская часть, в которой служил тогда Н. Калинин, вышла к берегу Балтийского моря. И здесь 10 мая 1945 года догнала их весть о победе. Радости не было предела. Армейские политработники решили поделиться солдатским счастьем победы со всей страной. Каждому было приказано написать письмо не только домой, но и еще в три адреса, которые тут же были разосланы. Склонились солдаты над трудной, непривычной работой долгого писания, и только небольшая группа молодых солдат призыва из освобожденных от фашистской оккупации Украины и Белоруссии, сидела в сторонке, опустив головы, некоторые из них плакали. Им писать было некуда – их деревни и села, родные и близкие были уничтожены немцами. Однако приказ есть приказ – послали, и они письма по незнакомым адресам и к моменту демобилизации по переписке нашли себе новых знакомых и друзей, каждый нашел место в гражданской жизни.

Ушел из жизни близкий фронтовой друг – казанец С.С. Сафиулин. Но Николай Калинин продолжает переписку с его детьми и внуками... Был у него хороший товарищ И.П. Воротников, с которым они ежегодно отмечали день Победы, делились воспоминаниями. Ушел и он из жизни. Перед этим прошел две войны, несколько раз был ранен, награжден боевыми наградами. Уж очень хотелось ему отпраздновать 60-летие победы, но судьба распорядилась по-своему. Участвуя в активной работе совета ветеранов сам Николай Васильевич чувствовал, как редеют ряды ветеранов. Надо отдать должное, что власти не забывают о ветеранах, за что им сейчас большое спасибо.

А в 1946 году вернулся Н.В. Калинин к мирной жизни в родной Туве, вступившей 11 октября 1944 г. в состав Советского Союза. Поскольку учебу прервала война, пришлось работать и учиться. В 1958 году окончил финансовый техникум, а в 1969 году – Иркутский техникум народного хозяйства (нынешний БГУЭП). Прошел все ступени банковского дела от инструктора до заместителя управляющего Иркутским Областным Сбербанком. В Иркутск перебрался в 1965 году по настоянию любимой жены – Елены Ивановны, коренной иркутянки. Из 50 лет трудовой жизни 15 отдал службе ревизора в Иркутском обкоме КПСС. В 1952 году вступил в Коммунистическую партию и из нее уже никогда не выходил. Боевая же жизнь ветерана Н.В. Калинкина отмечена девятнадцатью правительственными наградами. Николай Васильевич подчеркивает, что те положительные качества, которые в нем есть, заложены под влиянием отца Василия Ивановича Калинкина – красного партизана и боевого фронтовика.

– Мое поколение вытянуло войну и вытащило страну из послевоенной разрухи. В нашем народе достанет сил вывести Россию из нынешнего развала. Войдет Русь-матушка в число наиболее развитых стран мира!

Вспоминает ветеран и один случай, но уже из недавнего прошлого: «В прошлом году на 9 Мая меня позвали к младшей внучке в школу (4 класс), чтобы я рассказал о войне, тех трудностях и бедах, через которые нам пришлось пройти. Меня внимательно слушали и задавали вопросы. Детям было интересно, но когда я задавал такие вопросы как: «Кто такая Зоя Космодемьянская?», «Для чего на площади Декабристов стоит танк?» и «Какую роль в войне сыграл завод им. Куйбышева?», к сожалению, ответов не последовало. Я считаю, над проблемой незнания молодого поколения о военном прошлом их дедов, должны задуматься губернатор и мэры городов области. Немного нас осталось, и скоро, так, вживую, рассказывать о войне будет некому».

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

От Иркутска до Берлина

Иван Иванович Недельский родился 17 июня 1923 года в небольшой деревне Завод Жигаловского района Иркутской области. Когда Ване исполнилось два года, скончалась его мать, Пелагея Ивановна. Отец, Иван Михайлович, привел в дом новую жену. Мачеха очень плохо относилась к Ване: кормила от случая к случаю, то и дело давала подзатыльники. А Ванину сестренку Любу определила в няни в чужую семью.

...Иван, несмотря на полуголодное существование, успешно окончил Знаменскую среднюю школу. При жизни Иван Иванович никогда не говорил о своей школьной жизни, но надо полагать, что та жизнь была очень бедная, трудовая, тяжелая. Из этой школы труда и лишений Недельский вышел человеком сильным и суровым.

По своей инициативе Иван Недельский в июле 1941 года стал курсантом Черкасского пехотного училища, эвакуированного в первые дни войны в город Сверд-

ловск (ныне Екатеринбург). Окончив училище и получив звание лейтенанта, в декабре того же года он был направлен на Западный фронт в 49-ю армию, которой вначале командовал генерал-майор И.Г. Захаркин. Недельский был назначен командиром взвода в 765-й стрелковый полк.

На Западном фронте, в семидесяти километрах к юго-западу от Москвы, лейтенант Недельский с бойцами своего взвода впервые столкнулся с фашистами. Бои были ожесточенные: с рассвета до самых сумерек от орудийных выстрелов, разрывов снарядов и бомб гудела земля. Лишь ночью ненадолго смолкали орудийные раскаты, треск винтовочных и автоматных выстрелов. Как вспоминал Недельский, за неделю боев в его взводе в строю оставалось всего восемь человек. Вскоре во взвод поступило новое пополнение.

Встречая новичков, лейтенант в первую очередь внушал бойцам не бояться фашистов, прицеливаться спокойно и сражаться наповал. Подбадривал, шутил. Однажды во взвод с новым пополнением прибыл красноармеец Черепанов, который каждый раз пригибался, когда снаряды со свистом пролетали над его окопом. Недельский сказал ему: «Не пригибайся, Черепанов, снаряд который свистит, не наш! Снаряд, который нам предназначен, услышать не успеешь!» С тех пор боец, во избежание насмешек однополчан, старался не кланяться свистящим «гостинцам»...

6 декабря 1941 года войска Западного фронта, перейдя в контрнаступление, во взаимодействии с войсками Калининского и Юго-Западного фронтов нанесли поражение вражеской группе армий «Центр» и повели наступление на запад. В период наступательных боев на западном направлении лейтенант Недельский был тяжело ранен.

После госпиталя он был направлен в 5-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант В.С. Поленов, участвовавшей в Ржевско-Вяземской наступательной операции в январе 1943 года. В результате этой операции противник был отброшен на западном направлении на 80–250 километров. Были освобождены многие районы Калининской и Смоленской областей.

Зимой 1943 года стояли сильные морозы, лежали глубокие снега. Полк, в котором сражался Недельский в должности командира полковой разведки, преследовал отступающего врага. Немцы оторвались от преследователей. Недельскому было приказано со своими разведчиками установить их местонахождение, огневые точки, захватить и доставить в полк живого пленного – «языка», чтобы как можно больше узнать о противнике.

Батальоны полка колоннами двигались через редкий лес по единственной проселочной, проторенной в снегу дороге, впереди них на расстоянии пяти километров шел лейтенант Недельский с десятью разведчиками и пятью саперами. Саперы миноискателями обшаривали не только саму дорогу, но и обе ее стороны, зондируя землю под снегом щупами и кошками – специальными приспособлениями для вытаскивания мин.

Миновав тонкоствольный сосновый лес, разведчики и саперы вышли на опушку. Впереди, насколько мог видеть глаз, простиралось поле. Слева находилась лощина, которая имела вид почти правильного котла с пологими боками. С левой

стороны над ложиной виднелась сожженная деревня. По-видимому, здесь когда-то прошли бои. На месте бывших домов торчали печные трубы и головешки, среди которых в одном месте

к небу поднимался дымок. Прямо, почти на горизонте поля, четко просматривались уцелевшие избы какой-то деревни.

Недельский, лежа на снегу, стал в полевой бинокль рассматривать уцелевшую деревню, а в сожженную отправил двоих разведчиков – Егорова и Рудых, которые должны были установить, кто развел костер.

– Ну что, по-пластунски проползем или одним махом? – Сержант Егоров испытующе посмотрел на рядового Рудых. Тот, не раздумывая, ответил:

– Лучше махнем!

Бойцы одним махом одолев расстояние до сожженной деревни и установив, что в подвале ютятся местные жители, одновременно свистнули и замахали руками, чтобы Недельский с остальными разведчиками и саперами шел к ним.

Лейтенант с разведчиками короткими перебежками добрались до подвала, узнали от его обитателей, что в конце деревни на поле они не раз видели немцев. Лейтенант решил лично убедиться в этом, а заодно поискать вражеские огневые точки.

Недельский, отправив с одним из разведчиков очередное донесение командиру полка о том, что ему удалось узнать, с остальными бойцами и саперами стал ползком продвигаться к уцелевшей деревне.

Мороз крепчал, но нечего было и думать о разведении костра на виду у немцев.

Скрытых подходов к деревне не было. Приходилось ползти к ней по открытому полю. В деревне стояла гробовая тишина. Для того, чтобы не подвергать всех своих людей риску, лейтенант решил провести разведку силами трех человек. Обратился к разведчикам: «Кто может выполнить эту задачу добровольно?» Никто не ответил, все лежали не шевелясь. Прервав неловкое молчание, лейтенант сказал: «Коли нет добровольцев, поползу сам, Миша связным со мной! Остальным сосредоточиться и в случае необходимости поддержать нас с Мишей огнем и прийти на помощь. Старшим за меня – сержант Егоров!»

К Недельскому присоединился и разведчик Лемзяков. Лейтенант полз первым, за ним Миша, замыкающим был рядовой Лемзяков. В душе у всех из-за полной неизвестности было тревожно.

Над полем появился немецкий самолет-разведчик – «рама». Вражеская машина, как хищная птица, кружилась, выискивая добычу. Лейтенант со своими спутниками дополз до середины поля. И вдруг тревожную тишину нарушила автоматная очередь. Пули просвистели над головами бойцов. Недельский крикнул Мише и Лемзякову: «Отползайте назад!» А сам залег в небольшую ямку и стал закапываться в снег.

Возвращаться назад было невозможно: до надежного укрытия далеко. Его полуточки отползли назад и укрылись в старых воронках, оставленных здесь от прошлых боев.

Немцы по лейтенанту стали вести огонь из винтовок. Ответный огонь по фашистам вели разведчики. Интенсивная винтовочная стрельба с обеих сторон, свист и скрежет пуль прижимали лейтенанта к холодной корке снега. Заледеневший снег не давал ему углубиться. Шальная разрывная пуля впиалась ему в левое предплечье, разбила кость левой руки, два осколка прошли в грудную клетку. Из рта стала сочиться кровь.

При ранении Недельского перевернуло на спину. Обрато на живот он уже не смог лечь.

Фашисты решили добить советского офицера снарядами. Они рвались почти рядом с лейтенантом, но осколки из-за глубокого снега пролетали сверху, не задевая его.

С наступлением темноты двое разведчиков подползли к своему командиру и унесли его в сожженную деревню, до подвала, где женщины, разорвав простыню, перевязали ему раны. В полночь Ивана Недельского увезли в полевой госпиталь. Как полк развивал наступление на фашистские позиции, ему не довелось узнать.

Лечился Недельский пять месяцев в одном из московских госпиталей, где ему одну за другой сделали три тяжелейших операции.

После выздоровления Ивану Недельскому присвоили звание старшего лейтенанта и направили в 69-ю армию, которой командовал генерал-полковник В.Я. Колпакчи. В составе этой армии он в должности командира роты участвовал в изгнании немецко-фашистских войск с территории Украины, в Люблин-Брестской, Варшавско-Познанской и Берлинской наступательной операциях.

По воспоминаниям Ивана Ивановича, особенно кровопролитные бои шли на Зееловских высотах – это гряда холмов в 50-60 километрах восточнее Берлина. Зееловские высоты, названные так по имени расположенного рядом с ними населенного пункта Зеелов, находятся на левом берегу старого русла реки Одер, занимают в длину 20 километров и имеют очень крутые склоны. Немецко-фашистское командование создало на этих высотах мощный узел сопротивления во второй полосе обороны. Бои на высотах носили исключительно ожесточенный характер.

В Берлинской операции 1945 года Иван Недельский в звании капитана командовал стрелковым батальоном. В поверженном Берлине он встретил долгожданную Победу.

За время войны Иван Иванович был шесть раз ранен. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

После демобилизации в августе 1946 года И.И. Недельский работал в органах МВД на должностях командного состава, где награжден медалями «За безупречную службу» всех трех степеней.

В 1976 году полковник И.И. Недельский по болезни ушел в отставку. Находясь на заслуженном отдыхе, он активно занимался патриотическим воспитанием молодежи, выступал с рассказами о своем боевом пути в годы Великой Отечественной войны в школах и воинских частях.

29 декабря 2007 года смерть оборвала жизнь боевого офицера. Похоронен Иван Иванович Недельский рядом со своей женой Екатериной Ивановной, ушедшей из жизни 3 января 2005 года.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

У войны жестокое лицо

(Рассказ о ветеране авиазавода, участнике войны, кавалере пяти боевых наград: двух медалей «За отвагу», одной «За боевые заслуги», двух орденов Отечественной войны II степени – Василии Федоровиче Сазонове)

В жизнь деревенского парнишки Василия Сазонова война ворвалась, когда ему было неполных 16 лет. К тому времени он уже окончил шестимесячные курсы комбайнеров и работал штурвальным – помощником комбайнера. То, что он получил в школе семилетнее образование, в ту пору считалось большой удачей. Но о дальнейшей учебе и мечтать было нечего: в большой семье Сазоновых было восемь детей. Да и жизнь в колхозе не мыслилась тогда без кропотливого, благодарного труда землепашца.

В первые же дни войны в родное село Василия приехал представитель Ниж. Ломовского районного военкомата. Немец подбирался к Москве. Поэтому в Пензенской области, как и в других, находящихся в прифронтовой полосе, проходила всеобщая мобилизация. Повестки принесли даже тем ребятам, кому только что исполнилось шестнадцать. Василию механик сказал тогда: «Вот тебе комбайн. Трудиись!» А в помощники определил молоденькую девчонку.

Но комбайнером тот пробыл недолго. В конце февраля 1942 года тоже получил повестку. Бросил Василий прощальный взгляд на свое родное село, бескрайние колхозные поля, попрощался с семьей и вместе с тремя парнями-односельчанами отправился защищать Родину.

На Ленинградском фронте

На станции Инза Ульяновской области находилась снайперская школа. Здесь и проходили обучение пензенские новобранцы. Шесть месяцев пролетели в ежедневных тренировках, которые длились с 6 часов утра до 11 вечера. Потом ребят помыли в бане, одели с иголки – во все новое, посадили в вагоны и повезли... Никто из них не знал – где будет конечная остановка.

С 10 июля 1941 года шли ожесточенные бои под Ленинградом. С этого дня началась героическая оборона города, перенесшего 900-дневную блокаду. На Ленинградский фронт в район фортов «Красная горка» и «Серая лошадь», расположенных на южном берегу Финского залива, в сентябре 1942 года и прибыли выпускники снайперской школы. Выстроили их в лесочке и началось распределение по воинским частям. С этого момента разошлись пути-дороги односельчан. Одного из них взяли в лыжный батальон, и потом он пропал без вести. Второго после ра-

нения демобилизовали, третий погиб. А к Василию Сазонову подошел тогда лейтенант, спросил: «В разведку пойдешь?» – тот согласился. И определили его в отдельную разведроту 265-й стрелковой дивизии. Началось обучение молодого бойца.

Василий Федорович вспоминает: «Вначале нас учили вести наблюдение, и только потом мы стали ходить за «языками» – немцев в плен брать. Ходили отделением в семь человек. Трое в группе захвата – «ночные волки» (так их называли), сильные парни. Четверо в прикрытии. Я с ними, потому что пацаном еще был. Возьмут ребята языка, носовым платком рот заткнут, а самый здоровый – Миша Булатов – его в охапку, на плечо и тащит. Нередко с боем приходилось уходить. Тогда мы их прикрывали. Бывало, и теряли своих».

Полтора года в составе 265-й стрелковой дивизии Василий Сазонов защищал Ленинград. Мужественно переносил все тяготы, выпадающие на долю пехоты. Ежедневные бомбежки, обстрелы, ночевки в окопах и землянках. Был ли страх? «Вначале казалось, – говорит Василий Федорович, – как игрушки, рвутся снаряды, а ночью – словно на фейерверк смотришь. И только потом доходит до мозгов, что нужно прятаться, окапываться».

В окружении

27 января 1944 года была окончательно снята блокада Ленинграда, и войска Ленинградского фронта ставка Верховного Главнокомандующего использовала на других стратегических направлениях. Весной 265-й дивизия была переброшена под Псков, где должна была принять участие в освобождении города от немцев. Здесь дивизия понесла тяжелые потери. Во время подготовки к форсированию реки Великой бойцы дивизии оказались на поляне, шириной метров восемь, окруженной с двух сторон немцами. Стояла оттепель. Снег подтаял. Кругом грязь, вода, нет возможности окопаться. Лежать приходилось на пучках хвороста и сложенных втрое палатках. А вокруг гул самолетов, вой снарядов, тела убитых товарищей. Озверевшие фашисты падали из пушек и днем, и ночью... От всей дивизии осталось всего полторы-две сотни человек, когда поступила команда о выведении ее с прежних позиций.

После ранения

Прошло формирование дивизии, и она маршем через Ленинград направилась на Карельский перешеек, к финской границе. Участвовала в освобождении Выборга, прорыве линии Маннергейма (финские укрепления на Карельском перешейке). За участие в Выборгской операции 265-й стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование «Выборгская».

Как всегда, впереди всех шла разведка. Василий Федорович рассказывает: «Самыми опасными противниками были «кукушки», так называли финнов, сидящих на деревьях и ведущих обстрел. Идешь по лесу, а финн сверху поливает. Нас предупреждали: «Смотрите вверх!» Приходилось снимать этих «кукушек». Замечаешь, листва зашевелилась – и тут же стреляешь из автомата».

Когда освобождали один из хуторов, поблизости разорвался снаряд. Осколком задело Василию ногу. Лечился в полевом медсанбате. Пролежал почти месяц. После выздоровления поменял воинскую специальность. Начальник штаба артиллерийского полка позвал его к себе. И стал Василий Сазонов разведчиком-артиллеристом. «Вооруженный» стереотрубой, биноклем, автоматом и парой гранат, висящих на поясе, он собирал данные о скоплении танков, артиллерии, пехоты противника, чтобы дивизионная батарея могла наносить по ним точные удары.

В то время 265-ю Выборгскую дивизию перебросили на Прибалтийский фронт. С боями прошла она от Кингисеппа до Шауляя, участвовала в освобождении Нарвы, Тарту, Выру. Особенно горячо было под Нарвой. Лето 1944 года было жарким. Духота. Солдаты ничего не ели, пили только чай. Сырую воду употреблять было опасно. Немецкие снайперы все время держали наших солдат на прицеле.

«На одной из сопок мы с разведчиком – казахом Альмамбетовым, – вспоминает Василий Федорович, – выкопали углубление неподалеку от колодца метров 12 глубиной, прикрытого сверху бетонным колпаком (Его соорудили еще при Петре I). Немец находился в низине. Только установили устройство для наблюдения, вдруг слышим: «И-ы-ы!» (такой звук издавал немецкий шестиствольный миномет, мы его «ишаком» называли). «Быстро сматываемся!» – кричу напарнику и ныряю в колодец, там площадка была. Он вниз головой за мной. Но не успел. Снарядом ему, как ножом, ногу срезало. Отправили в госпиталь.

Хороший веселый был парень. Незадолго перед этим к нам в дивизию приезжала певица Роза Багланова. Пела, стоя на танке. Помню, песню «На солнечной поляночке» очень хорошо пела. Худенькая такая. Так мой напарник сказал мне тогда: «Кончится война, поедem ко мне в Казахстан. Женю тебя на Розе Баглановой».

Боевая награда

После того как немец был выбит из Прибалтики, дивизия после короткой передышки двинулась в Польшу. В январе 1945 года начался штурм Варшавы. Во время форсирования Вислы, когда по льду артполк переправлялся на другой берег, Василию пришлось «искупаться» в ледяной воде. Рядом разорвался снаряд, и он очутился в образовавшейся воронке. С трудом выбрался на лед, отжал, насколько возможно, на себе нижнее белье, натянул гимнастерку, брюки и шинель, снятые с убитого... Уже на берегу старшина выдал ему сухое белье.

После освобождения Варшавы особенно жестоким был бой за Познань. «Когда подходили к городу, – рассказывает Василий Федорович, – в одном из сел на чердаке дома я устроил наблюдательный пункт. Смотрю, движутся прямо на нас немецкие танки, бежит пехота, и самолеты в воздухе с фашистской свастикой. Кричу напарнику: «Бежим!» Уже на 3-4 километра отступили бойцы нашей дивизии, когда командир выбежал вперед с пистолетом в руке и крикнул: «Ложись, занимай оборону!» Вызвали мы подкрепление: танки, самолеты... Атака немцев была отбита. После нее дал нам командир передышку, выстроил всех, поблагодарил и вручил медали «За боевые заслуги». Они были безномерными и без документов. «Вот все, что я могу сделать для вас», – сказал он».

Получил медаль и Василий Сазонов. Это была уже третья боевая награда, врученная ему на фронте.

На Берлин

После Познани дивизия вышла к Балтийскому морю, развернулась и взяла направление на Берлин. В апреле 1945 года войска вступили в столицу Германии. Начались бои за каждый дом, каждую улицу. Выкапывали траншею и по ней передвигались к следующему дому. Жители прятались в подвалах домов. «Когда мы спускались в подвал, они испуганно прижимались друг к другу, кричали: «Рус солдат гут, Сталин гут, Гитлер – шайзе (навоз)», – вспоминает Василий Федорович. – Спрашиваем: «Нет ли среди вас фашистов?» – «Найн, найн», – кричат».

На одной из улиц мы вышли на кольцевой двор, и вдруг с 3-го этажа одного из домов раздался выстрел. Убили нашего офицера. Мы втроем вбежали в дом, потом вверх по лестнице, выбили дверь, а там старик-фашист с винтовкой. Выбросили его из окна.

Принимал я участие в штурме рейхстага, расписался на одной из его колонн. Там все стены были исчерчены. Потом нас повезли к Эльбе на встречу с союзниками. В Бурге мы встретились с англичанами. Неприветливые они, к нам относились с недоверием. После того как несколько дней мы пробыли в Магдебурге, нас погрузили в вагоны и привезли в город Луккенвальде. Здесь до февраля 1946 года жили в казармах, проводились занятия, строевые, а потом нас отправили домой. Привезли в город Шую Ивановской области. А тут приказ Сталина о восстановлении Севастополя. И весь сержантский состав (к концу войны В. Ф. Сазонов имел звание старшего сержанта. – Прим. автора) отправили под Севастополь в город Инкерман. Там в штольне мы вырубали инкерманский камень, он был белый, как мел. Потом этот камень распиливался на плиты, обрабатывался и использовался для облицовки домов».

Возвращение домой

Демобилизовали старшего сержанта только в 50-м. В родное село Василий вернулся после восьми лет верного служения Родине, которая отметила его заслуги орденами и медалями. Теперь грудь бывшего фронтовика украшают 18 наград, пять из них – боевые, остальные трудовые и юбилейные.

В Иркутск, к родному брату, Василий Федорович приехал почти сразу после демобилизации. Устроился на работу в ОРС, обзавелся семьей, потом работал на железной дороге, уехал в Куйбышев, где трудился на авиазаводе, а через год, в 1953-м, вернулся в Иркутск и сразу же пришел на наш завод. 32 года проработал в 7-ом цехе слесарем. Сейчас ветеран на заслуженном отдыхе, живет с женой, нянчится с правнуком и готовится к встрече 68-летия Великой Победы, во имя которой он не щадил своей жизни.

Тамара Хебнева

Он брал Рейхстаг

Великая Отечественная война по-своему и жестоко распорядилась выбором жизненного пути целого поколения людей, на многие годы определив биографию каждого человека. Прошло 69 лет. Как это много! Дети, родившиеся в военные и послевоенные годы, давно стали бабушками и дедушками. И все-таки живы люди, подарившие жизнь всем последующим поколениям, подавая пример своей отвагой, трудолюбием и непреклонной верой в Победу. Они живут рядом с нами и знают о войне не по книгам и фильмам.

Один из них – Василий Моисеевич Сенько – живет в Кицигировке. Человек с большой буквы, отдавший лучшие свои молодые годы уничтожению фашизма. Он родился 1 сентября 1923 года в селе Хоружевка Недрегайловского района Сумской области на Украине. До войны окончил семь классов и ФЗУ, получив специальность слесаря-паровозника. В июле 1941 года был призван в армию. Военный эшелон, в котором Василий Моисеевич направлялся под Харьков, немцы разбомбили и до города Чугуева пришлось идти пешком. Там представитель танковой части, набирал добровольцев. Встреча с ним и предопределила дальнейшую фронтную судьбу Сенько. Он попал в челябинское танковое училище, которое в суровых военных условиях не только готовило курсантов к предстоящим боевым действиям, но и помогало на заводе собирать могучие машины ИС, КВ и Т-34. По завершению краткосрочной учебы Василий Моисеевич получил специальность заряжающего, но мог и управлять танком.

Весной 1942 года его часть на Сталинградском тракторном заводе получила новую технику и была направлена на оборону Керчи, где шли кровопролитные бои. Эшелон двигался на юг со скоростью метеорного поезда, но немцы успели захватить важный стратегический пункт на стыке Черного и Азовского морей до подхода нашего подкрепления.

Сенько определили в морскую пехоту на Кавказ. У немецких генералов был замысел прорваться в Закавказье через Черноморское побережье, вдоль которого проходило прекрасное шоссе, пригодное для продвижения танковых соединений. Использовать свое преимущество в предгорьях противник не мог, так как для его механизированных войск там почти не было дорог. Сражение было ожесточенным. Василия Моисеевича ранило в ногу. Лежал в госпитале, а когда выздоровел, был определен в танковый взвод под Ковель.

Бои шли страшные, – вспоминает ветеран. – Немцев было намного больше чем нас, местность сильно укреплена, но враг не выдержал нашего натиска и побежал. Мы заняли его позиции.

За эту операцию Сенько был награжден орденом Славы III степени.

Танк ИС – замечательная машина, – рассказывает Василий Моисеевич. – Вес 44 тонны, толстая броня, 122-миллиметровая пушка, пулеметы, достаточно высокая скорость. Успешно участвуя в прорывах, штурмовых действиях, эти танки навели на гитлеровцев настоящий ужас. Немецкие снаряды буквально отскакивали от такой брони.

В конце сентября 1944 года войска трех Украинских фронтов начали мощное наступление, освободив Закарпатскую Украину, Трансильванию, почти всю Венгрию, значительную часть Югославии, и вступили на территорию Чехословакии. Часть Сенько прошла с боями свыше 500 километров и вышла на Вислинский плацдарм. Немцы кричали во весь голос «Междуречье Вислы и Одера – неприступная крепость для русских. «Отсюда, – уверяли фашистские радиопроороки, – сжатая пружина доблестных немецких войск развернется для разгрома России».

Но нет, не развернулась немецкая пружина. Враг был настолько ошеломлен стремительностью советского наступления, что в суматохе и спешке не раз бомбил собственные войска, а разрозненные подходившие резервы неприятеля успешно громили наши механизированные корпуса.

При форсировании Вислы в наш танк попал снаряд, – продолжает Василий Моисеевич, – раздался сильный взрыв. Механика-водителя ранило. Я принял управление танком на себя и вывел тяжелую машину из-под обстрела. За этот бой Сенько был награжден орденом Славы II степени. Участвовал Василий Моисеевич в Берлинском сражении. Бои шли упорные. Особенно тяжело пришлось, когда танковые корпуса вошли в огромный город. Немцы с «фаустпатронами» буквально охотились за ними. Танкисты меткими выстрелами из пушек и пулеметов подавляли очаги сопротивления. Смерть, по признанию Сенько, караулила за каждым углом. Ему хорошо запомнилось, как, сидя в своих танках, ждали они сигнала к решающей атаке, как началась артподготовка, а потом сорвались с места и пошли вперед наши войска. Стреляли по Рейхстагу. А 2 мая поступил приказ прекратить огонь и над столицей поверженной Германии повисла оглушающая тишина...

В решающий момент одного из последних боев за Берлин, когда у танкистов отказала рация, Сенько под огнем противника сумел пробраться у соседнему ИС и передать приказ о продолжении атаки. Командир полка сказал тогда, что у Сенько был всего один шанс из сотни, чтобы выжить. Но судьба благоволила храброму солдату. Василия Моисеевича представляют к ордену Славы I степени, но стать полным кавалером главной солдатской награды ему так и не довелось. В эйфории победных майских дней документы где-то затерялись.

После Великой Победы Василий Моисеевич Сенько еще два года служил в группе советских войск в Германии, ремонтировал в механических мастерских танки и автомобили. После демобилизации вернулся на Родину. А в 1951 году по вербовке приехал в районный центр Усть-Уду Иркутской области и стал сибиряком. Закончил торговый техникум, получив специальность товароведа. Затем была учеба в торговом институте и диплом экономиста. До ухода на пенсию много работал. А с 1989 года живет в Кицигировке и увлекается пчеловодством. К 60-летию Великой Победы ветеран получил автомобиль «Ока» и с удовольствием приезжает на нем в Иркутск...

Б.И. Копилевич

Не стареют душой ветераны

– Когда наконец наш полк вошел в Берлин в апреле 1945 года, только тогда я почувствовала, что войне-то приходит конец, – вспоминает Вера Васильевна Банникова.

Сражение в фашистской столице шло за каждый дом, за каждый подвал и этаж. Все улицы были в развалинах, но советские солдаты с каждым шагом приближали капитуляцию фашистов. Одним из таких воинов была В. В. Банникова.

Этой Победе предшествовали долгие четыре военных года. Когда началась война и мужчины ушли на фронт, Вера долго обивала пороги военкоматов, пока ее не направили учиться в танковое училище. К тому времени ей было чуть более 17 лет. Случилось так, что Банникова после окончания училища попала служить в 3-ю танковую армию, где в чине полковника воевал её отец. Он не разрешил дочери воевать на танке, и Вере Васильевне пришлось стать шофером.

– Сейчас, – рассказывает она, – и то с содроганием вспоминаю разрывы снарядов, когда подвозила на грузовике боеприпасы к батареям и складам. Дороги как таковой, конечно, не было, часто приходилось ехать и по местам боевых сражений, и по минным полям, везти снаряды или раненых под артобстрелом и при воздушном налете. Но когда мы перешли от обороны к наступлению, воевать стало легче.

При взятии Тулы Вера была ранена в ногу и пролежала в госпитале более 6 месяцев. Беда, как говорится, не приходит одна. В бою под Краковом погиб отец. Не дождалась долгожданной Победы и четыре брата Веры Васильевны.

Но, несмотря на все эти потери, Банникова просилась вновь в свою часть на передний край. Молодого шофера определили на легковую машину – возить командарма, но от этого её служба не стала менее опасной и хлопотной. Немцы буквально «охотились» за машиной командарма, и однажды артиллерийский снаряд угодил-таки в нее. Машина перевернулась, и Банникова была ранена.

В дальнейшем, танковой армии, где служила Вера Васильевна, довелось брать Варшаву, форсировать Одер и Вислу, участвовать в боевых сражениях за Берлин. Об этом напоминают награды «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина».

С особым волнением показывает В. В. Банникова свою первую медаль «За отвагу». Тогда весь полк за удачно проведенную военную операцию был поощрен командованием.

Вскоре Вера Васильевна встретила свою судьбу – вышла замуж за офицера. Долгое время они жили в Берлине. Восстановление города из руин прошло на ее глазах. Как известно, советские люди показывали пример героизма не только на полях сражений, но и в мирных делах. Не осталась в стороне от них и В. В. Банникова.

Росли дети, появлялись внуки, прибавлялись все новые заботы. Но сердце оставалось молодым. Веру Васильевну манили широкие сибирские просторы. Вот уже более 20 лет она работает на железнодорожном транспорте. Трудилась на различных стройках, в том числе участвовала в строительстве дороги Хребтовая – Усть-Илимская. Так и осталась в Новой Игирме, где работала дежурной по станции.

Хотя В. В. Банникова на пенсии, но беспокойное сердце не дает ей сидеть дома, и она устраивается на работу табельщицей. За ударный труд удостоивается медали «Ветеран труда».

Может быть, кто-то, увидев на ее груди в день Победы наряду с наградами за мирный труд награды за воинскую доблесть, удивится. Но именно такими простыми и незаметными тружениками, воевавшими на полях военных и растившими урожай на полях мирных, завоевана Победа над фашистской Германией, благодаря которым весь советский народ вот уже 60 лет живет под мирным небом.

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского Совета ветеранов

Побеждает тот, кто не боится смерти

Родившийся в августе 1924 года, сельский паренек из степного бурятского улуса Байтог, что в переводе с бурятского означает «бурятская гора», Василий Хантаев встретил войну в неполные 17 лет. После окончания 10 классов Байтогской средней школы несколько месяцев поработал счетоводом в управлении автодороги «Иркутск – Качуг», а в июле 1942 года его призвали в ряды Красной Армии и направили на учебу в Забайкалье, в Сретенское военно-пехотное училище. Уже в августе того года он оказался на передовой, на одном из участков только что созданного Ставкой Верховного Главнокомандования Воронежского фронта. Летом-осенью 1942 года войска фронта вели оборонительные бои на воронежском направлении. Уже тогда, будучи помощником командира стрелкового взвода, в первых боях он показал себя хладнокровным и смелым младшим командиром. Вскоре он стал артиллеристом, командиром 76-миллиметрового орудия артиллерийского дивизиона 70-й механизированной Проскуровской Краснознаменной ордена Суворова бригады 9-го Киевско-Житомирского механизированного корпуса, входящего в 3-ю гвардейскую танковую армию. К тому времени Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Василий Хантаев быстро освоил специальность наводчика, где главным было не только умение метко поражать цель, но крайне ценились собранность, хладнокровие, бесстрашие. В составе артиллерийского дивизиона расчет Василия Хантаева много раз отражал танковые атаки врага.

Но главные события его ждали впереди. 16 апреля 1945 года начался исторический штурм столицы фашистской Германии, продолжавшийся до 2 мая. 30 апреля, в самый его разгар, младшего сержанта Хантаева вызвал командир бригады полковник А.М. Миотелко.

Младший сержант, – сказал он, – пехота не может взять площадь в центре города. Фашистские танки, бронетранспортеры и зенитки не дают нашим наступающим войскам поднять голову. Приказываю: выкатить орудие на прямую наводку и подавить огневые точки врага...

Задача – не из легких. Центральная площадь Берлина на подступах к парку Тиргартен – важный узел обороны немецких войск. Именно там сегодня стоит величественная фигура советского воина-освободителя с ребенком на руках. Овладеть

этим участком значило открыть дорогу к рейхстагу. Здесь сходились сразу пять улиц. Площадь свободно простреливалась как фашистскими пехотинцами и артиллеристами, так и нашими, потому как три улицы были заняты немцами, а на двух к дальнейшему броску изготовились наши пехотинцы. Труднейшая задача – выкатить 76-миллиметровую пушку на площадь, подставиться под ураганный огонь, несущийся сразу с трех улиц. Помогли пехотинцы. Раздалась команда: «Раздва – взяли!» Скоро пушка стояла на площади, открытая для врага. Под ураганным огнем противника расчет начинает стрелять прямой наводкой. Вот в прорези показался фашистский танк. Выстрел! Танк горит.

...Расчет комсомольца-сибиряка Хантаева был интернациональным. Командир – бурят. Наводчик Лисовский – белорус, заряжающий Хамидов – узбек, подносчик Арутюнян – армянин. Постоянно рядом с расчетом была русская медсестра Валя Завгородняя. Коллективный подвиг совершила интернациональная бригада советских воинов, практически вся погибшая в этом жестоком бою. Буквально за несколько минут, помимо танка, прямой наводкой артиллеристы уничтожили пять пулеметных точек. Опомнившиеся фаустники открыли по расчету прицельный огонь, а члены орудийного расчета стали истреблять их автоматным огнем. Скоро число уничтоженных вражеских пулеметных расчетов увеличилось до одиннадцати. Теперь танки и пехота могут идти вперед... Только двинулись и... оказались в секторе обстрела немецкой зенитки и путь снова оказался закрыт. Из расчета Василия Хантаева в живых остались только он и наводчик орудия. Хантаев дважды ранен – в голову и лицо. Но из строя не выходит, работает и за командира, и за заряжающего, вступив в бой с расчетом немецкой зенитки. У Василия, к сожалению, немного шансов на победу: у немецкой зенитки и скорострельность сильнее, и прицел выше классом. Но... выстрел! Еще выстрел! Прямое попадание и вражеская зенитка затихла навсегда. Путь советским войскам на этом направлении открыт.

На следующий день, 1 мая 1945 года, советские войска практически полностью овладели Берлином. Как потом было подсчитано, за время операции младший сержант и его расчет истребили более трех рот немецких солдат и офицеров. Благодаря им, было взято в плен 49 гитлеровцев, уничтожен десяток бронетранспортеров, танков, орудий и автомобилей. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм, младшему сержанту Хантаеву Василию Харинаевичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за № 97836.

Вскоре в далекий степной Байтог из поверженного Берлина ушло письмо боевых товарищей, адресованное маме Василия Вере Петровне:

Разрешите в первую очередь от имени всех бойцов, сержантов и офицеров поздравить Вас с присвоением вашему сыну Хантаеву Василию Харинаевичу высокого звания Героя Советского Союза. Сердечно благодарим Вас за хорошее воспитание сына – верного патриота Советской Родины... Он мужественно и смело разил из своего орудия врага. Нам выпало счастье добивать врага в его собственном логове – Берлине. Тут Ваш сын еще больше прославил наше русское оружие... Его смелый подвиг воодушевил всех бойцов нашей части на полный и окончательный

разгром врага. Мы гордимся Вашим сыном, его военными подвигами, он вместе с нами прошел большой боевой путь...

По поручению личного состава подписали:

Шевчук – заместитель командира по политчасти, старший лейтенант; Фоменко – комсорг части; Готин – сержант; Козой – старший сержант; Скиданов – сержант; Сартитесян – красноармеец.

Артиллерист, фронтовик, 22-летний Герой Советского Союза Василий Хантаев вернулся на родину, но сразу же был направлен доучиваться в Сретенское военно-пехотное училище. Прослужив два года в Советской Армии, он в 1947 году вышел в запас. В 1951 году Василий Харинаевич окончил Иркутскую партийную школу, а в 1961-м – Новосибирскую высшую партийно-советскую школу. Работал директором откормочного совхоза «Эхирит-Булагатский», экономистом Эхирит-Булагатского колхозно-совхозного производственного управления Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области. Много лет трудился старшим инженером материально-технического снабжения в филиале Сибирского отделения Академии наук СССР в столице Бурятской АССР.

После ухода на заслуженный отдых, Василий Харинаевич продолжал трудиться и активно занимался общественной работой. Он был частым гостем в учебных заведениях столицы Бурятии. В школьные классы и студенческие аудитории он всегда приходил наглаженным, в белой рубашке с галстуком, а на костюме неизменно светились Золотая Звезда Героя Советского Союза, ордена Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, боевые и юбилейные медали.

Необычной оказалась судьба Золотой Звезды под номером 7836. Уже после смерти Василия Харинаевича в 1990 году, Золотая Звезда вместе с удостоверением на награду во время ремонта квартиры в Улан-Удэ, в которой проживали его близкие родственники, были похищены и, по всей вероятности, проданы за рубеж. В конце-концов, Золотая Звезда попала в руки американского коллекционера Генри Сакайда, который выкупил советскую высшую степень отличия и в августе 2003 года, приехав в Улан-Удэ, вручил ее дочери Героя. А Людмила Васильевна передала дорогую семейную реликвию в музей истории Республики Бурятия, где она сегодня и хранится. В 70-е годы прошлого века в Усть-Ордынском краеведческом музее экспонировалась картина известного в свое время иркутского художника В. И. Бочанцева «Подвиг младшего сержанта Хантаева 30 апреля 1945 года». На картине была изображена разбитая берлинская улица – разрушенные здания, хаотичное нагромождение сгоревшей техники, чудом уцелевшая вывеска галантерейного магазина. На мостовой – пушка. К панораме прицела напряженно прикинула фигура солдата-артиллериста, голова которого наспех перехвачена бинтом с проступающими алыми пятнами... Как вспоминал позже Василий Иннокентьевич, когда он пригласил Василия Харинаевича посмотреть и оценить только что законченную работу, тот долго, склонив голову, рассматривал картину, а потом коротко сказал: «Да, так и было...»

В 1990 году, после смерти Василия Харинаевича, на доме, где он проживал, была установлена мемориальная доска. Одна из улиц в Октябрьском районе столицы Бурятии носит его имя. На малой родине Героя, в селе Байтог Эхирит-Булагатского

района, также свято хранят память о своем земляке-герое. Спустя пять лет после его смерти Байтогской средней школе было присвоено имя Василия Хантаева, а 9 мая того же 1995 года в торжественной обстановке состоялась церемония открытия бюста Героя Советского Союза, была открыта и мемориальная доска на здании школы именитого земляка. В музее школы хранится много стендов, посвященных его подвигам.

В день 62-й годовщины Великой Победы, 9 мая 2007 года, в поселке Усть-Ордынский при большом стечении народа была открыта первая на земле округа Аллея Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. На одной из мемориальных плит увековечено имя славного сына бурятского народа, Героя Советского Союза Василия Харинаевича Хантаева.

Александр Глушков, член Союза журналистов России

Помощь штурмующим Берлин была и такой

... Более недели 43-я армия находилась в резерве 3-го Белорусского фронта. Война шла к концу, советские армии стремительно продвигались в глубину Германии, бои в Берлине шли уже за центральные кварталы. Мы со дня на день ждали известий о падении столицы фашистского рейха. Казалось, что нам вряд ли придется участвовать в боевых действиях. Но — пришлось!

25 апреля армия получила приказ «совершить марш в район Мариенбурга (30 км юго-западнее города Эльбинг), где войти в состав войск 2-го Белорусского фронта». Одновременно поставлена была и боевая задача: **«Уничтожить группировку противника западнее и юго-восточнее города Данциг».**

Что же представляла собой эта группировка? Как она возникла? В ходе зимнего наступления советские войска, прорвавшись от рубежа Вислы к Одеру, одновременно отбросили на север, в Восточную Померанию, фашистскую группу армий «Висла». Разгром ее потребовал значительного времени и усилий. К концу марта войска 2-го Белорусского фронта и правого крыла 1-го Белорусского фронта разгромили группу армий «Висла» и на широком фронте к побережью Балтийского моря от устья Одера на западе до Гдыни и Данцига (Гданьска) на востоке. Однако 2-я немецкая армия, отходившая в северо-восточном направлении, сумела удержаться на приморских плацдармах в районе Данцига и Гдыни. Теперь она оказалась в глубоком тылу 2-го Белорусского фронта, участвующего в Берлинской операции. Естественно, что ликвидация данцигской группировки противника являлась важной задачей, о чем пишет в своих воспоминаниях маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Этими обстоятельствами и была вызвана переброска 43-й армии из-под Кенигсберга к Данцигу и Гдыне.

Армия, получив приказ, в тот же день начала марш. Пройдя около 170 км по дорогам Восточной Пруссии, вдоль берега залива Фриш-Гаф, мы в первых числах мая сосредоточились в назначенном районе, а затем сменили на переднем крае оборонявшиеся здесь части – 153-й укрепрайон и 5-ю мотострелковую бригаду.

С КП армии, из города Мариенбурга, я связался по ВЧ с командным пунктом 2-го Белорусского фронта. Признаюсь, волновался, ожидая, когда возьмет трубку Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Вспомнилась битва за Москву – Озерна, Истра, город Дедовск, родная дальневосточная дивизия. Где-то она теперь? Но вот – знакомый голос:

– Слушаю!

– Товарищ маршал, войска сорок третьей армии сосредоточились в исходных районах...

– А, это ты, сибиряк? Опять – ко мне?

Он сказал это так, будто расстались мы не три с лишним года назад, а только вчера. И волнение мое, как рукой сняло. Ничего не забыл Константин Константинович, ни в чем не изменил себе.

– Беспокоит меня этот фон Заукен, – продолжал маршал, – заставляет оглядываться на тылы. Ну, я рад, что ты пришел. Прижми его хорошенько, чтоб не пикнул – Прижмем, товарищ командующий...

Генерал фон Заукен возглавлял 2-ю немецкую армию. По данным, которыми мы располагали, прибыв под Данциг, эта армия имела четыре пехотные и одну танковую дивизии, а также ряд отдельных полков и батальонов. Общая численность армии оценивалась в 20–25 тысяч солдат и офицеров, что примерно равнялось численности нашей 43-й армии (26 тысяч человек).

Отмечу заранее, что сведения о противнике, его боевом и численном составе оказались преуменьшенными. В действительности враг превосходил нас многократно и в живой силе, и в технике. Это было тем более опасно, что мы, готовясь к наступлению, не получили никакого усиления ни в артиллерии, ни в танках.

6 мая я доложил командующему фронтом план наступления, он его одобрил, заметив при этом, что капитуляция всех вооруженных сил гитлеровской Германии – вопрос нескольких дней.

– Но, – добавил он, – будь готов к тому, чтобы заставить Заукена капитулировать силой оружия. Такой оборот событий не исключен.

8 мая в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции немецко-фашистских вооруженных сил. Нам сообщили об этом по радио, весть мгновенно разнеслась по частям, и небо над Балтикой озарилось вспышками тысяч выстрелов. Великой Победе салютовали все, кто носил оружие. Передний край противника безмолвствовал. 9 мая с утра оттуда потянулись в наш тыл колонны капитулировавшей 2-й немецкой армии. Мы приняли тысяч семьдесят пленных, а потоку, казалось, не было конца.

Когда я доложил об этом маршалу К. К. Рокоссовскому, он удивился:

– Семьдесят тысяч? Это точно?

10 мая прием пленных был закончен. Их оказалось более 140 тысяч человек, в том числе 12 генералов. Среди них – командующей армией Заукен.

После очередного моего доклада Константин Константинович заметил:

– Представляешь, какого шума могла бы наделать эта армия, если бы не сидела она под Данцигом сложа руки?!

Действительно, пассивность попавших в изоляцию немецко-фашистских войск в последние месяцы войны была весьма наглядной. К примеру, та же группа армий «Север», блокированная в Прибалтике, на Курземском полуострове, небольшими силами советских войск. Она ведь тоже просидела на пяточке до конца войны, даже не попытавшись предпринять какие-то активные действия. Разумеется, эта пассивность не пришла к противнику сама по себе, она явилась следствием жесточайших поражений, морального надлома, неверия в свои силы.

Генерал-полковник фон Зауцен, очень пожилой, сухощавый человек с традиционным моноклем в глазу, старался держаться независимо. Но по движениям рук, по тому, как вынул он монокль, протер его носовым платком и опять вставил на место, заметно было с трудом сдерживаемое волнение.

– На что вы рассчитывали, господин генерал, удерживая плацдармы под Гдыней и Данцигом? – спросил я его.

– Ради бога, не спрашивайте меня об этом, – ответил он. – Я солдат, я...

– А все-таки? Вы знали соотношение сил? Почему вы сидели, как мыши в норе, имея против каждого нашего солдата пятерых своих? Плохая разведка?

– Все плохо! – ответил он. – Это конец. Нет больше великой Германии. Нет! Немецкая нация сказала свое последнее слово.

– Ну, это уж слишком, – сказал я. – Вы и подобные вам никак не олицетворяют Германию. Ваше поражение обернется победой немецкого народа. Так считаем мы, коммунисты.

– Да, да, я знаю! Мне говорили, ваша армия брала Кёнигсберг?

– Брала.

– Блестящая операция, – признал пленный генерал. – Провели по-суворовски. Помните: пуля – дура, штык – молодец?

– Помню. Кстати, Суворов брал и Берлин. И говорил: русские прусских всегда бивали. Помните?

Зауцен выронил монокль и опять долго с ним возился. Потом спросил:

– А Фишхаузен?

– Что Фишхаузен?

– Он цел, этот город?

– Не очень. Там шли жестокие бои.

– Бог мой! – воскликнул он и заплакал.

Это было странно. Впервые в жизни я видел плачущего генерала. В чем дело?

– Вы не поймете меня, – пояснил он. – Фишхаузен – моя родина. Там жили мои деды и прадеды. Родовое поместье, парк, каскад прудов. Жизнь и обычаи, сложившиеся веками. Все было, и ничего нет. Я исконный пруссак, я дворянин. Разве вы можете это понять?

– Нет, – сказал я, – не могу. Я крестьянский сын и коммунист. Меня приучили трудиться, приучили уважать честный труд, уважать людей труда независимо от их национальной принадлежности...

*Из книги дважды Героя Советского Союза Афанасия Павлантьевича
Белобородова, уроженца села Баклаши Иркутского района*

Автограф на стене Рейхстага

Михаил Григорьевич Замятин – участник войны. Победу встретил в Берлине. После демобилизации работал в лесной промышленности в городе Алзамае Нижнеудинского района. В начале 90-х годов с семьей переехал в Иркутск, работал в тресте жилищного хозяйства Ленинского округа. Сейчас на заслуженном отдыхе, но продолжает активную общественную работу: является членом совета ветеранов. Пишет стихи. Рассказ Михаила Григорьевича о себе и его стихотворение «Письмо сыну», которые мы сегодня публикуем, – это своего рода обращение к нынешнему поколению, тем ребятам, которым предстоит служба в армии, и к их родителям.

– Я ушел в армию комсомольцем. Окончил курсы радиотелеграфистов в Новосибирске и был оставлен преподавателем азбуки Морзе, так как освоил ее «на отлично». А рота тем временем уходила на фронт. Я написал рапорт командиру роты с просьбой отправить и меня на фронт. Но он порвал рапорт, даже не стал со мной разговаривать и выгнал меня. Тогда я обратился к командиру части: через голову командира роты подал ему рапорт. Таким образом, я все-таки уехал на фронт добровольцем.

Прошел фронтовой путь от Варшавы до Берлина. И коли я дошел до фашистского логова, не мог не отметить это явление. На рейхстаге мы расписались осколком мины.

*Под светом реющего над Берлином флага
Осколком мины и концом штыка
Мы расписались на стене рейхстага,
Победу утверждая на века!*

Прослужил я семь лет. Демобилизовался в 1950-м. 30 лет прожил в городе Алзамай, возглавлял народный контроль, совет ветеранов. А в Иркутске возглавляю комиссию по работе с молодежью.

Что можно сказать о ней. Придешь в школу, беседуешь с ребятами и как об стену горох. Что привили нашим детям ящики (телевизоры. – Ред.) Никакого коллективизма, одна забота – деньги. Превратили деньги в божество, а других ценностей нет. Еще с учениками 5-6-х классов разговор получается: задают вопросы, интересуются, а старшеклассники – потерянное поколение.

Я присутствовал на медицинской призывной комиссии в военкомате. Сколько прошло призывников, и почти все они нездоровы, почти каждому предписывалось лечить одно, второе, третье... И очень многим по 3-4 килограмма не хватает веса. Мы говорим: все у нас есть, все прекрасно, но значит, плохо они питаются, раз веса не хватает. А мы в войну в очень трудное время призывались и только одного из всего призыва забраковали, и то он пошел в стройбат, а все остальные – на фронт.

Я желаю всем ребятам, которым предстоит служба в армии, того же, что пожелал своему сыну в письме к нему.

Письмо сыну

Хоть ты еще и не солдат,
Еще в одежде штатской,
Но ты уже, как говорят,
На «ты» с судьбой солдатской.
Отец твой много трудных лет
Ходил в военной форме,
Исполнил Родине обет,
И ты об этом помни.
Дорог военных посчитать –
Я прошагал их много.
Пришла пора тебе шагать
Солдатскою дорогой.
Иди, мой сын, и тверже шаг,
Держи равнение строже.
Ты знаешь: наш российский флаг
На свете всех дороже!
Я путь бойца прошел в огне
Солдатским твердым шагом
И расписался на стене
Фашистского рейхстага.
Свой путь закончил как солдат
В поверженном Берлине.
Теперь тебя увидеть рад
На боевой машине.
Тебе идти дорогой той,
Что шли отцы и деды.
И на машине боевой
Знать только путь к победе.
Мы любим Родину, как мать
Храним, как честь невесты.
Что мы умеем воевать,
Врагу давно известно!
Ведь русич бьет, так бьет с плеча,
Уменьем и отвагой.
Любовь к России горяча
Под вечным русским флагом!

Михаил Замятин, участник Великой Отечественной

Сибиряки на параде Победы

Документы истории

В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона – Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому.

Общее руководство по организации парада возлагаю на командующего войсками Московского военного округа и начальника гарнизона города Москвы генерал-полковника Артемьева.

22 июня 1945 года № 370

*Верховный Главнокомандующий
маршал Советского Союза И. СТАЛИН*

Директива Верховного Главнокомандующего

1. Для участия в параде в городе Москве в честь победы над Германией выделить от фронта сводный полк.

2. Сводный полк сформировать по следующему расчету: пять батальонов двухротного состава по 100 человек в каждой роте (десять отделений по 10 человек). Кроме того, 19 человек командного состава из расчета: командир полка — 1, заместителей командира полка — 2 (по строевой и по политической части), начальник штаба полка — 1, командиров батальонов — 5, командиров рот — 10 и 36 человек знаменщиков с 4 ассистентами-офицерами. Всего в сводном полку 1059 человек и 10 человек запасных.

3. В сводном полку иметь шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и одну роту сводную (кавалеристы, саперы, связисты).

4. Роты укомплектовать так, чтобы командирами отделений были средние офицеры, а в каждом отделении — рядовые и сержанты.

5. Личный состав для участия в параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена.

6. Сводный полк вооружить: три стрелковые роты — винтовками, три стрелковые роты — автоматами, роту артиллеристов — карабинами за спину, роту танкистов и роту летчиков — пистолетами, роту саперов, связистов и кавалеристов — карабинами за спину, кавалеристов, кроме того, — шашками.

7. На парад прибыть командующему фронтом и всем командирам, включая авиационные и танковые армии.

8. Сводному полку прибыть в Москву 10 июня 1945 г., имея при себе 36 боевых знамен, наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта, и все захваченные в боях знамена противника независимо от их количества.

9. Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве.

24 мая, 1945 г.

Начальник Генерально штаба, АНТОНОВ

В первые минуты нарождающегося дня 9 мая 1945 года был подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Несмотря на уже состоявшееся соглашение о капитуляции, подписанное в Реймсе 7 мая, бежавшими туда от наступающей Красной Армии немецкими генералами, союзники согласились на оформление Акта в поверженном Берлине. Еще раздавались оружейные залпы, шли бои с не сложившими оружие гитлеровцами в Северной Померании, Праге и Судетах, еще огрызалась крепость Бреслау, а для ждущих по всей стране, от края до края, советских людей не было важнее и желаннее известия. Все радиостанции были настроены на прием, когда диктор московского радио сообщил, что передачи будут продолжаться до половины четвертого утра.

В тот момент, когда были сказаны первые слова «Внимание! Внимание! Через несколько минут будет передано важное сообщение», многие, затаив дыхание, прильнули к репродукторам. Трижды произносилась эта фраза, и давались позывные Московского радицентра. «В казармах и училищах курсанты вскочили с коек», – вспоминает бывший директор Музея Победы Андрей Герасимович Сутормин.

– Чувством, объединившим всех в этом мгновение, была безмерная радость. В войсках творилось невообразимое: люди целовались, плясали, пели, от всего сердца громко вскрикивали:

– Мы победили! Наша взяла!»

Празднование Победы в Иркутской области

(рассказ участника событий этого памятного дня)

Мы сознаем, каким трудным полным тягчайших испытаний был для советских людей путь к Победе. Но с первых до последних дней войны в сердцах всех воинов фронта, рабочих, колхозников, интеллигенции, мужчин и женщин жила одна непреклонная вера, вера в победу, только в победу, как бы дорого она нам ни стоила. И вот она пришла!

Первые взволнованные мысли, первые слова благодарности, первые тосты были обращены к воинам Красной Армии, Коммунистической партии. Победа! Это священное слово пробудило в каждом человеке чувство непередаваемой радости и гордости за свою социалистическую Родину, за свой народ. Совершилось то, чего ждали, к чему стремились, что стоило крови, напряжения, титанических усилий. Это было торжество Добра над Злом.

Весна тогда, словно по заказу, подарила людям, измученным войной, 9 мая чудесную погоду – солнечную, ясную, с бездонной голубизной неба, как это бывает в Сибири.

На улицах Иркутска еще 8-го мая у репродукторов стали собираться группы людей. Но передавалась очередная информация. Люди расходились, а через какое-то время снова собирались. Напряжение у многих достигло предела. Ложась спать, они не закрывали окон, не выключали радио, чтобы не пропустить долгожданного сообщения. И когда 9 мая в 7 часов 10 минут утра по иркутскому времени раздались позывные столицы, многие прильнули к своим репродукторам. Из распахнутых окон неслись взволнованные голоса. Люди выбегали на улицу. Каждый стремился к другим, чтобы разделить свою радость. Раненые, находившиеся на излечении в госпиталях, перевязанные бинтами, на костылях, вышли из палат и на улицах слились с общим потоком. Радио передавало торжественные марши. На домах вывешивались красные флаги.

Иркутянин Михаил Николаевич Шорохов, член КПСС с 1926 года, вспоминал этот день:

– Несмотря на то, что 9-го мая было объявлено выходным днем, многие шли к себе на работу, чтобы вместе с товарищами пережить счастье Победы. Люди стихийно, никем не организованные, спешили на площадь имени Кирова, шли тесными группами, пели песни, обнимались, поздравляли друг друга. Казалось, все они были между собой давным-давно знакомы. Я видел слезы радости на глазах у многих и с трудом сдерживал свои слезы. Здесь на площади состоялся общегородской митинг, который открыл секретарь горкома партии Борис Николаевич Кобелев. Прошли митинги на заводах и предприятиях всей Иркутской области. После митингов люди не расходились. Собираясь группами, снова и снова делились радостными переживаниями. Никогда в жизни не был я так счастлив, как в эти минуты.

В порту Байкал, для работников судоверфи и жителей Лиственничного, Николы, ж/д станции были накрыты столы на берегу озера. Говорились тосты, играли гармони и оркестр.

На приисках в Бодайбинском районе столы ставили прямо у копров. После празднования по очереди отходили на откачку воды или необходимого крепления сводов. Отдавали дневной заработок лучшим военачальникам – победителям. На селе, раньше кончив пахоту или сев в этот день, распрягали коней, переодевались и шли к сельсовету. Доставали лучшее угощение, припасенное к Пасхе или Троице. Пели, плакали, вспоминая погибших.

В Иркутске вечером людской поток устремился на набережную Ангары в сад имени Парижской Коммуны. Вход в парк был свободным. На всей территории сада масса народа. Оркестр играл танцевальную музыку. На открытой эстраде выступали самодеятельные коллективы и вместе с горожанами пели песни. С наступлением сумерек все наблюдали яркий фейерверк. Гулянье продолжалось далеко за полночь.

Из своего кабинета Ставки, находящегося в Кремле, к советскому народу обратился Сталин. Он начал: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день Победы над Германией...» Был объявлен его приказ, в котором говорилось: «...В ознаменовании полной победы над Германией сегодня,

9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из 1000 орудий».

Отмечали победу в Москве. Отмечали ее в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Бухаресте, Белграде, во многих столицах мира. Советскому Союзу, его армии и его народу, перед лицом истории человечества воздавалось должное, как спасителям и защитникам цивилизации, внесшим решающий вклад в Победу.

Как сладостно и волнующе звучит великое слово – ПОБЕДА! Подписанная в Берлине безоговорочная капитуляция германских вооруженных сил подводит последний итог кровавой авантюры. Победа добыта. Враг повержен, сложил оружие и отдал себя на милость победителей. Красная Армия вручает народу самую великую в истории Победу. Прими ее, героический народ, – ты заслужил ее с честью и славой! В ней твой многолетний терпеливый труд, в ней четыре года твоих самоотверженных усилий и лишений, в ней плод твоей воли, бесстрашия, мужества, в ней награда за горечь утрат и разрушений. Ты добыл ее в трудах и крови. Пусть радость придет в наши сердца – правое дело восторжествовало! На веки веков войдет этот день в историю. Отныне 9 Мая для всех поколений станет днем всенародного торжества – ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

А.Г. Сутормин

Фронтовые дороги Петра Ивановича Фурашова

Петр Иванович Фурашов, несмотря на свои 85 лет, частый гость в школах Железногорска. Особенно он занят в преддверии Дня Победы. Когда под впечатлением его рассказов о войне, о строительстве Коршуновского горнообогатительного комбината и города ребята спрашивают: «Что главное в жизни?» – не вдаваясь в долгие рассуждения, он по-рабочему рубит с плеча: «Честным надо быть. Во всем честным: в работе, в учебе, в семье, в дружбе. А на войне само собой – без этого мы бы и не победили».

Вряд ли в юные годы кто-то из взрослых говорил ему об этом. Было не до того. Петр родился в 1926 году в деревне Ниловка Пензенской области. Крестьянский труд он начал с малолетства, а когда семья осталась без матери, все домашние заботы легли на него. В 1941-м после семилетки пошел учиться в ремесленное училище на слесаря-инструментальщика. Профессия пригодилась на войне. Уже в 17 лет он был на передовой, в службе разведки мотоциклетного полка 4-го Украинского фронта. Для молодых слушателей это кажется невероятным: на мотоцикле против танков и орудий!

– В первых боях я выполнял роль стрелка, – вспоминает Петр Иванович, – но когда водителя убили, мне доверили управлять мотоциклом. Перед нами ставилась задача в месте прорыва линии обороны противника на мотоциклах ворваться в тыл, расширить фронт атаки и сеять панику в рядах немцев...

После таких боев за отличные действия по освобождению населенных пунктов он получил медаль «За боевые заслуги», потом и орден Отечественной войны 2-й степени, грамоты Верховного Главнокомандующего и другие награды. Не раз и не два судьба уберегала Петра Фурашова от ранений, хотя мотоциклы с экипажами были удобной мишенью для немцев. На своем трехколесном коне в составе мотоциклетного полка, освобождая города и села Западной Белоруссии, Петр «проскакал» до Вильнюса, столицы Литовской Советской Республики. Военные операции, штурмы немецких укрепленных районов, черные пепелища деревьев и руины городов, кровь, потери товарищей – всё это он видел. И крепкие объятия, счастливые слезы освобожденных от немцев наших, родных стариков, женщин и детей – он тоже видел. Все это осталось позади, 70 лет назад. А для Петра Ивановича это как будто было совсем недавно.

День Победы Фурашов встретил в Бобруйске, куда его часть в конце апреля 1945 года была направлена на переформирование и пополнение новой техникой. А 20 мая 1945 года командир гарнизона объявил о командировке в Москву для участия в Параде Победы. Петр Иванович до мельчайших подробностей помнит все детали подготовки к этому важному в жизни страны событию. И с особым удовольствием рассказывает о нем ребятам на встречах.

– В Москве мы жили в казармах резерва офицерского состава бронетанковых войск возле метро «Сокол». Тренировки шли с 11 вечера до 5 часов утра на территории сельскохозяйственной выставки ВДНХ СССР. За несколько дней до Парада Победы в Тушине прошли строем перед маршалами Советского Союза Буденным и Ворошиловым, а ночью – по Тверской улице от Центрального телеграфа до Красной площади. На параде мой экипаж в составе механизированных частей Московского военного округа ехал во втором ряду от Мавзолея, и я краем глаза смотрел на трибуну, где стояли Сталин и другие руководители партии и правительства...

Праздник закончился, и Петр Иванович вернулся в свою часть. Но этот год подарил ему еще одну встречу с Москвой и москвичами: 7 ноября он был участником военного парада в честь 28-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Завершил свою военную службу старшина Петр Фурашов командиром танка в 1950 году.

Его гражданская жизнь сложилась удачно. Петр Иванович участвовал в строительстве Каховской ГЭС. В 1959 году, узнав о строительстве большого горно-обогатительного комбината в Сибири, приехал в наш таежный край и полюбил его всем сердцем. Работал на важнейших строительных объектах, а потом в карьере действующего горно-обогатительного комбината.

Бывший главный инженер карьера Коршуновского ГОКа Виктор Петрович Брянский, подробно описавший историю комбината в своих книгах, с большим уважением рассказывает о Петре Ивановиче. Однажды, вспоминает он, Фурашову задали вопрос, как это он умудрился в своей жизни всюду быть первым – и на передовой, и в мирном труде? Ответ был лаконичен: «Я просто воевал и работал. По-другому я не умею».

– 40 лет участник войны отработал на экскаваторах разных марок, – продолжает Виктор Петрович. – Из них 23 года, когда первым директором ГОКа был Герой Социалистического Труда Виталий Васильевич Беломоин. Все вехи трудового пути машиниста экскаватора Фурашова – это вехи становления и развития комбината. Беломоин и Фурашов, руководитель и рабочий, вписали свои имена в славную историю комбината честным, самоотверженным трудом и стали легендами комбината.

Вот только некоторые факты из биографии ветерана комбината Петра Фурашова. Вместе с машинистом экскаватора В.А. Рябиченко он смонтировал первый четырехкубовый экскаватор. 16 марта 1961 года бригада Фурашова открыла горные работы в карьере. 10 апреля 1965 года ей было поручено загрузить первый состав с железорудным концентратом для Запсиба. Фамилия Фурашова – в перечне событий, обозначавших важнейшие рубежи в работе комбината. За трудовые успехи ветеран-передовик был награжден орденом «Знак Почета», знаками «Победитель соцсоревнования». А всего у него 18 боевых, юбилейных и трудовых орденов и медалей.

Трудовой стаж Петра Ивановича Фурашова – 50 лет. И ни разу за эти годы он не был на больничном, а в отпуск уходил только в зимнюю пору, и не потому, что любил бегать на лыжах, – он давал членам своего экипажа возможность отдохнуть летом. И сейчас, чтобы быть всегда бодрым, здоровым, Петр Иванович по утрам делает физзарядку, обливается холодной водой – показывает пример своим детям, внукам и правнукам. И, как и прежде, он желанный гость на краеведческих конференциях, и на военно-спортивных соревнованиях, и, конечно, на встречах, посвященных годовщине Победы. Одно удовольствие видеть, с каким вниманием и интересом молодежь слушает, когда участник войны рассказывает о подвигах советских солдат во время Великой Отечественной.

Доброго здоровья Вам, наш дорогой ветеран!

Юрий Перфильев, председатель Нижнеилимского районного Совета ветеранов

Участник противовоздушной обороны Москвы и праздничного салюта

Население Москвы перед Великой Отечественной войной составляло 4,5 млн человек. К концу 1941 года в городе осталось немногим больше половины этого количества. Остальные жители были эвакуированы. Уже 22 июня Москва вместе с территорией Московского военного округа была объявлена на военном положении. В городе введено затемнение. В ночное время на темных улицах едва различались силуэты деревьев и зданий. Не было видно ни одного огонька ни в окнах, ни в зданиях. По небу рыскали беспрерывно прямые белые лучи про-

жекторов. Они сходились, пересекались и уходили в разные стороны, упираясь в облака.

Одним из участников противовоздушной обороны Москвы был Быстрицкий Анатолий Анатольевич 1922 года рождения. Он, студент Ленинградского горно-го института, осенью 1940 года, со второго курса был призван в ряды Красной Армии и направлен служить в первую учебную батарею 176-го зенитного полка 51-й зенитно-артиллерийской дивизии, расположенную под Москвой. После прохождения обучения красноармейцам должны были присвоить офицерские звания и направить в воинские части в должности командиров взводов. Но судьба распорядилась иначе. После парада на Красной площади 1 мая 1941 года воинская часть, в которой находился Быстрицкий, выехала на учебные стрельбы в Костеревские лагеря во Владимирской области. Учебные стрельбы продолжались недолго.

22 июня 1941 года первая батарея Быстрицкого была поднята по тревоге и направлена к Москве. Проезжая Орехово-Зуево (город в Московской области), зенитчики узнали о нападении немецко-фашистских войск на СССР. Восприняли это известие спокойно: сами командиры подробностей вражеского вторжения на нашу территорию еще не знали.

Через несколько часов зенитная батарея (это четыре зенитных орудия) прибыла на место назначения (Ходынское поле, в районе опытного поля Тимирязевской академии) и стала спешно оборудовать позиции для ведения зенитного огня. Анатолий Быстрицкий с друзьями-зенитчиками находился на Ходынском поле долго, до конца 1943 года сторожил небо, знал на нем почти каждую звезду.

Первый налет гитлеровцев на Москву был 22 июля 1941 года. В нем участвовало 250 бомбардировщиков противника, но к столице прорвались далеко не все. Как вспоминал Анатолий Анатольевич, в полдень 22 июля на западной окраине Москвы слышался нарастающий звук тяжелых моторов немецких бомбардировщиков. На земле вспыхнули молнии зениток, с шуршанием понеслись в небо снаряды. И в их слитной мощной канонаде потонуло вибрирующее гудение бомбардировщиков. Стекла в окнах задребезжали. Темно-серые венчики разрывов зенитных снарядов вспыхнули чуть впереди и ниже первых самолетов.

Где-то левее Ходынского поля, за высотными зданиями, в безоблачной синеве, казавшейся отсюда, с земли, густой и плотной, шел скоротечный воздушный бой. Слышно было, как скрещивались там, вверху, звучные, короткие и длинные пулеметные очереди, перемежаемые глухими и частыми ударами пушек. Неожиданно возникла косая, удлиняющаяся черная полоса дыма, и впереди нее – стремительно и неотвратно летящая к земле тускло поблескивающая на солнце фигурка самолета. Послышался короткий, глухо хрустнувший удар...

Стоящий рядом с Быстрицким зенитчик Н. Терещенко, заметно побледнев, сказал почти шепотом: «Один готов, хоть бы не наш...».

По воспоминаниям Анатолия Анатольевича, в первый налет немецких стервятников было сбито 22 самолета, в том числе два – первой батареей. Считалось,

что это неплохой результат. Три командира батареи были награждены. Это комбат Турукало, комиссар Аксен и командир приборного отделения Шапиро. Каждому принимавшему участие в отражении налета немецких самолетов на Москву позднее были вручены письменные благодарности за подписью И.В. Сталина.

После этого налета немецкая авиация на некоторое время утихла. Интенсивные налеты начались позднее. Особенно активно действовала фашистская авиация в октябре-декабре 1941 года, имея, как и раньше, целью бомбить Кремль, правительственные здания, станции метро, жилые кварталы. Что-то им удалось. Но в целом разрушения Москвы от бомбежек были незначительными.

В это время немецкие войска близко подошли к столице, в некоторых местах были в 8-12 километрах. Звуки наземной артиллерии были слышны даже на Ходынском поле. Это было тревожное время. Зенитчикам на всякий случай выдали бутылки с зажигательной смесью для борьбы с вражескими танками.

Зима в тот год под Москвой была на редкость лютой. Это было плохо для захватчиков, но и наши зенитчики мерзли, находясь постоянно на своих позициях, у орудий, приборов.

Налеты фашистской авиации были то днем, то ночью, то малыми группами самолетов, то эшелонами. Это изматывало зенитчиков столицы, но не сломило их. Каждый красноармеец и командир мужественно выполнял свой воинский долг.

Зенитчикам приходилось спать урывками, у орудий, накрывшись чехлами, приходилось подолгу обходиться без горячей еды. Но в любую минуту они были готовы открыть огонь по летящим на Москву фашистским самолетам. По подвижным целям зенитчикам надо действовать быстро. Через каждые 5 или 10 секунд должен был производиться выстрел. Это требовало от них быстроты, внимания и значительных физических усилий. Не у каждого это сразу получалось.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой военные действия отодвинулись на запад. Налеты немецких самолетов на Москву не прекратились совсем, но стали реже.

Переломным моментом в Великой Отечественной войне была Курская битва. В честь победы советских войск в этой битве, в Москве был произведен первый салют, в котором приняла участие первая батарея командира орудия старшего сержанта Анатолия Быстрицкого. Он принимал участие и во всех последующих салютах, вплоть до Салюта Победы в мае 1945 года. Для проведения салюта зенитные орудия с боевых позиций на грузовых машинах (студебеккерах) транспортировались на площадки для салюта. Площадка батареи А.А. Быстрицкого находилась в Марьиной роще, недалеко от Савёловского вокзала. Всего на площадке было 40–50 орудий. Количество орудий, участвующих в салюте, определялось приказом Верховного Главнокомандующего. Одновременно с зенитчиками в салютах участвовали и ракетчики. Самый большой салют был 9 мая 1945 года.

За участие в боевых действиях, командир зенитного орудия старший сержант Анатолий Анатольевич Быстрицкий был награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизовался А.А. Быстрицкий в августе 1945 года. Продолжил учебу в Ленинградском горном институте, который окончил в 1950 году. Защитил кандидатскую диссертацию и тридцать три года работал в Иркутском политехническом институте, обучая студентов геофизическим методам поиска полезных ископаемых.

...3 марта 2010 года сердце Анатолия Анатольевича Быстрицкого перестало биться.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Марш героев – это наша гордость

Идея Парада Победы родилась в уме Верховного Главнокомандующего маршала И.В. Сталина.

Некому было чествовать победителей, вынесших на себе всю тяжесть войны в разрушенной Европе. Союзники имели на этот счет свое мнение, которое выразилось в принижении заслуг русского оружия. Даже принятая капитуляция части Германских вооруженных сил в Реймсе 7-го мая, явилась для них основанием объявить в одностороннем порядке празднование окончания войны 8-го мая 1945 года. На ультимативное требование Советского правительства по подписанию Акта о капитуляции в столице поверженного Рейха, туда были отправлены «вторые лица» – командующий стратегическими частями воздушных сил США генерал Спаатс, маршал авиации Великобритании Теддер. Правда, прибыл главнокомандующий французской армией генерал де Тасиньи, но это заслуга друга СССР генерала де Голля. Без затягивания времени, капитуляция была подписана за 43 минуты и состоялась 9 мая. На предложение Советского Союза объявить днем окончания войны 9 мая (именно в этот день всё состоялось в Берлине) и Англия, и Соединенные Штаты ответили отказом, ссылаясь на сделанные ранее заявления. Лучше других понимающий протокол и чувствующий потерю престижа **Великой** страны, Глава правительства решил сделать свой ход...

«...После беседы с М.И. Калининым я пришел к Верховному, – вспоминал маршал Жуков, – это было в середине мая 1945 года.

В кабинете кроме членов ГКО (Государственный Комитет Оборона. – Прим. ред.) были нарком ВоенМор Кузнецов, начальник тыла Хрулёв, А.И. Антонов и его помощники. Начальник Генштаба докладывал, что на подготовку к боевым действиям с Японией потребуется около 3-х месяцев.

Затем Сталин спросил:

– Не следует ли нам в ознаменование победы провести в Москве Парад и пригласить наиболее отличившихся героев – солдат, сержантов, старшин, офицеров, генералов?

Вопрос о том, кто будет принимать Парад Победы не обсуждался.

Тут же Антонову было дано задание подготовить все необходимые расчеты. На другой день все документы были доложены И.В. Сталину и утверждены им».

За всю войну осуществляли свою деятельность 40 фронтов, среди них такие экзотичные, как Закавказский, Юго-Восточный, Фронт Можайской линии обороны, Фронт резервных армий. Но было решено на Парад выставить 10 фронтов, построив их в колонны, начиная с Северного фаса сражения.

Карельский фронт – командующий маршал К.А. Мерецков.

Ленинградский фронт – командующий маршал Л.А. Говоров.

1-й Прибалтийский фронт – командующий генерал армии И.Х. Баграмян.

3-й Белорусский фронт – командующий маршал Василевский.

2-й Белорусский фронт – зам. командующего генерал-полковник К.П. Трубников.

1-й Белорусский фронт – зам. командующего генерал армии В.Д. Соколовский.

1-й Украинский фронт – командующий маршал И.С. Конев.

2-й Украинский фронт – командующий маршал Малиновский.

3-й Украинский фронт – командующий маршал Ф.И. Толбухин.

4-й Украинский фронт – командующий генерал армии А.И. Ерёменко.

Колонну Военно-Морского Флота возглавлял вице-адмирал В.Г. Фадеев.

Между частями сводного полка 1-го Белорусского фронта и частями гарнизона Московского военного округа, которые возглавлял генерал-полковник П.А. Артемьев, шел сводный батальон Войска Польского, возглавляемый генерал-лейтенантом В.В. Корчиц.

Конечно, были перепутаны места фронтов на театре военных действий, командующими фронтами и командирами сводных полков были назначены другие военные, но смысл и общая справедливость были соблюдены.

Приказ о проведении Парада Победы Сталин издал от 22 июня. Из Берлина было доставлено самолетом водруженное над поверженным Рейхстагом знамя 150 Идрицкой дивизии. Оно было установлено на макет земного шара в точку города Берлина и казалось сам взятый Берлин находится на Красной Площади.

Во время штурма Берлина и ликвидации группы армий «Центр» были взяты в качестве трофеев знамена и штандарты воинских частей. Вместе с теми, что хранились в Москве они составили по объему почти железнодорожный вагон. Поначалу хотели бросить эти знамена под ноги марширующих полков. Но прикинув, что это будет мешать проходящим войскам и технике, решили создать отдельный батальон, волочивший эти знаки гордости и отличия по мостовой и швыряющий их недалеко от мавзолея Ленина.

Парад Победы снимали несколько операторов. Фильм о Параде обошел всю страну и почти весь мир. И хотя отдельных удостоверений об участии в Параде Победы нет, в приказах поименно названы все его участники.

Мы гордимся ими – знаменосцами, ассистентами командиров сводных полков, нашими земляками. Это осталось в истории и принадлежит ей по праву.

В воскресное утро 24 июня 1945 года Красная площадь была необычайно торжественна. Начавший накрапывать дождь не смог подавить атмосферу праздника. Огромные красные стяги украшали здание ГУМа. По его фасаду были рас-

положены гербы всех союзных республик, а в самом центре – герб Советского Союза. Напротив Спасских ворот Кремля был установлен 26-метровый обелиск, увенчанный фигурами колхозника и колхозницы. По его окружности били вверх десятирусные фонтаны. Струи прозрачной воды падали в огромные вазы, наполненные живыми цветами.

В 9.55 на трибуну мавзолея Ленина поднялись члены правительства и военачальники. С десятым ударом кремлевских курантов из Спасских ворот на белом коне выезжает маршал Советского Союза Г.К. Жуков, принимающий Парад Победы. Отдав команду «Парад смирно!», навстречу ему на черном жеребце приближается командующий Парадом маршал К.К. Рокоссовский. Они скачут рядом. В абсолютной тишине Рокоссовский салютует шашкой и отдает рапорт. Маршал Жуков объезжает войска и здоровается с войнами-победителями. В ответна поздравление их с праздником Победы гремит ликующее трехкратное «ура!».

Под торжественный гимн русскому народу композитора М.Л. Глинки, маршалы Жуков и Рокоссовский спешиваются. К.К. Рокоссовский остается перед мавзолеем, а Г.К. Жуков поднимается на трибуну. 24 фанфариста в полной тишине подняли золотые трубы и возвестили: «Слушайте все!»

Отечественная война завершилась, говорит Жуков, – одержана победа. Источником этой великой победы является доблестный труд советского народа, правильная политика советского правительства, исполинская сила Красной Армии и мудрое руководство партии.

Гремит канонада из пятидесяти залпов артиллерийского салюта. Раскатистое «ура-а-а!» сливается с Государственным гимном. На какое-то мгновение наступает тишина, снова звучат фанфары.

Рокоссовский командует:

– Парад, смирно! К торжественному маршу, побатальонно, дистанция на одного линейного ...

Грянул марш и пошли полки, поплыли боевые знамена, потекла мощная река боевой техники ...

А.Н. Черных

На Параде Победы были наши земляки

Нет разделения на первых и вторых, лучших и худших. Все, кто прошел по брусчатке Красной площади 24 июня 1945 года были достойны представлять там войска народа-победителя. Этот народ в нашем сознании неделим. Многие, родившись или будучи призванными в армию из Иркутской области, после войны остались в других местах. Еще большее количество людей приехало в Сибирь на советские строки. Они жили здесь, работали, родили детей – стали сибиряками

И говоря о них, мы их всех считаем жителями Иркутской области, нашими земляками. Все они заслуживают упоминания и благодарной памяти.

Участники исторического Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года

Аверьянов Иван Лукич, полный кавалер ордена Славы, род. в 1924 г. в г. Тулу-не Иркутской области, русский, из рабочих, в Красную Армию призван в апреле 1940 г. Заларинским РВК, беспартийный, старшина, командир взвода 994-го полка 286-й стрелковой дивизии, участник боевых действий 900-дневной блокады Ленинграда, двенадцать раз ранен, трижды контужен. За проявленные в боях мужество, храбрость награжден орденами Славы 1, 2 и 3-й степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Ленинградского фронта в шеренге Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Пенсионер, жил в г. Усолье-Сибирском Иркутской области.

Акулов Александр Артемович, род. в 1908 г., уроженец Хабаровского края, в Иркутской области с 1934 г., русский, из крестьян, в комсомоле с 1927 г., срочную армейскую службу проходил в 1930-1932 гг, участник боевых действий против японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., в годы Великой Отечественной войны призван в Красную Армию в сентябре 1941 г. Иркутским ГВК, член КПСС с июня 1945 г., гвардии старший лейтенант, командир стрелковой роты 84-го гвардейского полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии, ранен три раза, контужен, за боевые подвиги награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и девятью юбилейными.

На Параде Победы – в особом батальоне, которому было поручено вынести знамена разгромленных полков и дивизий фашистской Германии и бросить их к подножию мавзолея В.И. Ленина.

Жил в г. Ангарске.

Алексеев Владимир Николаевич – Герой Советского Союза, род. в 1912 г. в с. Кимильтей Зиминского района Иркутской области, русский, из семьи врача, профессионального революционера, в комсомоле с 1931 г., член КПСС с июня 1941 г., капитан 2-го ранга, командир дивизиона торпедных катеров Северного флота. За руководство операциями, в результате которых потоплено 17 кораблей противника, и проявленные при этом отвагу и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 ноября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией...» и десятью юбилейными, а также именованным

оружием. Награжден иностранными орденами: «Командорский крест» – орден возрождения Польши, «Государственное знамя» 2-й степени – орден Корейской Народно-Демократической Республики, медалями «30 лет Победы над фашистской Германией» и «30 лет Болгарской народной армии» – Народной Республики Болгарии, «За укрепление дружбы по оружию» – Чехословацкой Социалистической Республики. На Параде Победы – начальник штаба сводного полка Военно-Морского Флота.

Жил в Москве. Почетный гражданин г. Киренска Иркутской области.

Амосов Гавриил Гаврилович, род. в 1924 г. в Иркутске, русский, из рабочих, беспартийный, в Красной Армии добровольцем с сентября 1942 г., старший сержант, командир саперного взвода 413-го полка 73-й стрелковой дивизии. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными. На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. Жил и работал в г. Ангарске Иркутской области.

Андреев Михаил Александрович – Герой Советского Союза, род. в 1914 г. в Усть-Куте Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1929 г., в Красную Армию призван в 1936 г., участвовал в боях против японских захватчиков у озера Хасан, на фронтах Великой Отечественной войны с июня 1942 г., член КПСС с мая 1943 г., гвардии капитан, командир пулеметной роты 82-го гвардейского полка 32-й гвардейской Таманской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, четыре раза ранен, контужен. За инициативу и личную храбрость, проявленные в бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...», а также девятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. После демобилизации из армии, жил и работал в Иркутске.

Ахметов Фарах Султанович, род. в 1916 г. в д. Гроденск Катерминского с/с Нижнеудинского района Иркутской области, татарин, из крестьян, в комсомоле с 1930 г., в Красную Армию призван в июне 1941 г. Нижнеудинским РВК, член КПСС с ноября 1943 г., ефрейтор, разведчик 480-го гаубично-артиллерийского полка РВГК, ранен шесть раз, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. Жил и работал в г. Алзамае Иркутской области.

Безбоков Владимир Михайлович – Герой Советского Союза, род. в 1922 г., уроженец Саратовской области, из семьи военнослужащего, русский, в комсомоле с 1936 г., в Красной Армии с 1940 г., член КПСС с 1942 г., капитан, заместитель командира эскадрильи 7-го гвардейского Краснознаменного Гатчинского тяжелобомбардировочного авиаполка 4-го гвардейского Гомельского корпуса авиации дальнего действия, ранен в боях за Сталинград, за проявленные мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и др.

На Параде Победы – в сводном батальоне авиации дальнего действия в составе Карельского фронта. В августе-сентябре 1945 г. участвовал в боевых действиях против японских милитаристов в составе 7-го гвардейского Краснознаменного Гатчинского-Хинганского тяжелобомбардировочного авиационного полка. В послевоенный период награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени и десятью юбилейными медалями, удостоен звания «Заслуженный военный летчик СССР».

В послевоенное время проживал в Иркутске.

Белобородов Афанасий Павлантьевич – дважды Герой Советского Союза, род. в 1903 г. в с. Акинино-Баклаши Иркутского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1923 г., в Красной Армии с 1923 г., член КПСС с 1926 г., участник боев на КВЖД в 1929 г., за умелое командование ротой и проявленные при этом мужество и отвагу награжден первым орденом Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны в боях против немецко-фашистских захватчиков командовал 78-й стрелковой дивизией, 5-м и 2-м гвардейскими корпусами, а с февраля 1945 г. – 43-й армией. За образцовое выполнение боевых заданий командования по окружению и уничтожению Витебской группировки противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», а за героизм и мужество, проявленные при штурме Кёнигсберга, 19 апреля 1945 г. удостоен второй медали «Золотая Звезда». Принимал участие в разгроме Квантунской армии в Маньчжурии, командовал 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й, 2-й степени, Кутузова 2-й степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями СССР, кроме того, награжден иностранными орденами и медалями.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. В послевоенный период генерал армии, почетный гражданин городов Истры, Витебска, Иркутска, жил в Москве.

Дважды Герою Советского Союза А.П. Белобородову в Иркутске на площади Труда установлен бронзовый бюст.

Беломестных Владимир Корнилович – Герой Советского Союза, род. в 1913 г. в д. Баргадай Зиминского района Иркутской области, русский, из крестьян, в Красную Армию призван в 1937 г., член КПСС с мая 1940 г., в июне 1941 г. вновь призван в армию, с февраля 1943 г. на фронте, старшина, командир саперного отделения 106-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии, дважды ранен. За отвагу и героизм, проявленные при форсировании Днепра, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», удостоен ордена Красной Звезды, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и девятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. Жил в г. Сочи.

Бендич Николай Иосифович, род. в 1920 г., уроженец Донецкой области, русский, из рабочих, в комсомоле с марта 1935 г., в Советскую Армию призван в мае 1941 г., старший сержант, помощник командира взвода 1-го дивизиона 96-го гвардейского артиллерийского полка 44-й гвардейской стрелковой дивизии, с декабря 1944 г. слушатель института иностранных языков Красной Армии, младший лейтенант, переводчик, ранен под Сталинградом, награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...».

На Параде Победы участвовал от Военного института иностранных языков Красной Армии в составе войск Московского гарнизона.

В послевоенный период награжден пятью юбилейными медалями, член КПСС с 1948 г., жил и работал в Иркутской области с апреля 1950 г., участник строительства г. Ангарска, Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций.

Блинов Иннокентий Афанасьевич, род. в 1923 г. в с. Кундуй Куйтунского района Иркутской области, русский, из крестьян, в Красную Армию зачислен добровольцем в августе 1942 г., гвардии старший сержант, старшина батареи 49-го гвардейского минометного дивизиона 37-го отдельного Гомельского Краснознаменного орденов Александра Невского, Михаила Кутузова полка гвардейских минометов, ранен в селе Поньры 5 июля 1943 г., награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта.

В послевоенный период награжден тремя юбилейными медалями, с мая 1946 г. член КПСС, пенсионер, жил в г. Черемхово Иркутской области.

Бочкарев Петр Васильевич – Герой Советского Союза, род. в 1937 г., уроженец Куйбышевской области, русский, из крестьян, с 1935 г. работал геологом в приисковых управлениях Лензолото Иркутской области, в Красную Армию призван в сентябре 1939 г. Бодайбинским РВК, окончил военно-пехотное училище,

на фронте с первых дней войны, член КПСС с декабря 1942 г., капитан, командир 4-й батареи 1959-го истребительного противотанкового полка 41-й Краснознаменной артиллерийской бригады РВГК, четыре раза ранен, за героизм и мужество, проявленные при отражении контратак фашистских танков и пехоты, за образцовое выполнение приказов командования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден орденом Красной Звезды и медалями.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта.

После демобилизации из армии жил и работал в Пензенской области.

Брадинский Виктор Игнатьевич, род. в 1920 г. в с. Апраксино Куйтунского района Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1936 г., член КПСС с 1943 г., капитан, летчик 483-го истребительного авиационного полка, награжден пятью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, четырьмя орденами Красной Звезды, медалями «За победу над Германией...» и девятью юбилейными.

На Параде Победы – в составе сводного полка 1-го Прибалтийского фронта.

После демобилизации из армии работал слесарем-лекальщиком на Рижском машиностроительном заводе. Умер в 1980 году.

Брылев Иннокентий Сергеевич, род. в 1920 г. в Бурятской АССР, русский, из рабочих, беспартийный, в Красную Армию призван в сентябре 1940 г., старший сержант, командир отделения 4-й батареи 37-го артиллерийского полка 8-й Краснознаменной кавалерийской дивизии 6-го кавкорпуса, награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта, правофланговый батальона кубанских казаков.

С апреля 1959 г. жил и работал в г. Ангарске Иркутской области.

Бутаков Иннокентий Андреевич, род. в 1924 г. в с. казачье Боханского района, русский, из крестьян, беспартийный, в Красную Армию призван в январе 1943 г. Боханским РВК, старший сержант, командир отделения 20-й отдельной разведроты 302-й стрелковой дивизии, тяжело ранен, в сентябре 1944 г. за участие в освобождении Польши награжден орденом Славы 2-й и 3-й степени, медалями «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 4-го Украинского фронта.

Жил в рабочем поселке Бохан Иркутской области.

Бутков Геннадий Кондратьевич, род. в 1909 г. в с. Хайта Усольского района Иркутской области, русский, из крестьян, срочную армейскую службу проходил в 1931–1933 гг., участник боевых действий 1939 г. против японских захватчиков

в районе реки Халхин-Гол, член КПСС с мая 1944 г., гвардии сержант, старшина роты ПТР 4-й гвардейской Смоленской Краснознаменной ордена Суворова мотострелковой бригады, дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. Жил в Иркутске.

Вайнер Тамара Мордуховна, род. в 1923 г., уроженка Гомельской области, еврейка, из рабочих, в комсомоле с 1937 г., в Красную Армию ушла добровольцем в декабре 1942 г., ефрейтор, старшая прожектористка 25-го зенитно-прожекторного полка, награждена медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...». На Параде Победы участвовала в составе расчета прожекторной установки. В послевоенный период награждена шестью юбилейными медалями, член КПСС с марта 1947 г.

Жила и работала в Иркутской области с 1949 г.

Васильев Ким Алексеевич, род. в 1926 г., уроженец Ленинградской области, русский, из семьи военнослужащего, в комсомоле с апреля 1942 г., в Красную Армию призван в августе 1944 г., гвардии сержант, старший радиотелеграфист взвода управления 3-го дивизиона 40-й бригады 300-миллиметровых гвардейских минометов, награжден медалями «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и пятью юбилейными.

На Параде Победы находился в составе расчета гвардейских минометов при прохождении боевой техники. В августе-сентябре 1945 г. участвовал в составе 63-го полка гвардейских минометов в разгроме Квантунской армии Японии, член КПСС с августа 1948 года.

Жил и работал в Иркутской области с мая 1957 года.

Васильев Михаил Павлович – Герой Советского Союза, род. в 1922 г. в с. Хомотово Иркутского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1939 г., в Красной Армии с 1940 г., гвардии лейтенант, легчик-штурмовик 75-го гвардейского штурмового авиаполка 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии. За героизм и мужество, проявленные в боях, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени и медалями «За победу над Германией...» и тремя юбилейными, член КПСС с 1953 г. На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта.

В послевоенный период жил и работал в Ленинграде. Трагически погиб 5 января 1976 г., захоронен на ленинградском военном кладбище.

Верхотуров Кирилл Иннокентьевич (1912–1979), уроженец Читинской области, в Иркутской области с 1929 г., русский, из крестьян, беспартийный, в Красную Армию призван в октябре 1939 г. Иркутским ГВК, в ноябре 1941 г. по мобилизации из Иркутска направлен в действующую армию. Ефрейтор, старший сержант, старшина, командир отделения 2-й роты 87-го отдельного саперного батальона 140-й Сибирской Новгород-Северской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова 2-й степени дивизии 101-го стрелкового корпуса 38-й армии, два раза ранен и контужен, награжден орденами Ленина, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Праги», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 4-го Украинского фронта.

В послевоенный период жил и работал в Иркутске.

Говорин Иван Кириллович, род. в 1924 г. в г. Бодайбо Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1938 г., в Красную Армию призван в ноябре 1941 г., член КПСС с апреля 1943 г., гвардии старшина, командир отделения радиосвязи 3-го дивизиона 52-го полка гвардейских минометов РВГК, ранен дважды в апреле 1942 г. в Карелии, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и шестью юбилейными.

На Параде Победы участвовал в составе расчетов гвардейских минометов при прохождении боевой техники. В августе-сентябре 1945 г. принимал участие в боевых действиях на Солуньском направлении против японской Квантунской армии. После демобилизации из армии с марта 1946 г. работал в редакции газеты «Восточно-Сибирская правда», был главным редактором.

Гришкевич Петр Павлович, род. в 1920 г. в с. Андрюшино Куйтунского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1935 г. В 1939 г. окончил Иркутский аэроклуб, в Красную Армию призван в мае 1940 г. Иркутским облвоенкоматом, в годы Великой Отечественной войны на фронте с 10 октября 1943 г. по 20 марта 1945 г., гвардии капитан, старший летчик 107-го гвардейского Одерского Александра Невского истребительного авиаполка 11-й гвардейской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого истребительной авиадивизии, ранен при обстреле вражеской зенитной артиллерии под г. Луцком, награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...», «За трудовую доблесть» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Украинского фронта. В послевоенный период продолжал служить в армии, член КПСС с января 1947 г., после увольнения из армии с 1956 г. жил и работал в г. Ангарске Иркутской области.

Гришунов Петр Филиппович, род. в 1920 г. в с. Филипповск Зиминского района Иркутской области, русский, из рабочих, в Красной Армии с октября 1940 г.,

член КПСС с октября 1943 г., старшина, командир отделения 23-го отдельного мотопонтонного батальона, два раза ранен при возведении переправ через Дон и Вислу, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией...» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. В послевоенный период жил в своем родном селе, работал токарем.

Дербенев Василий Григорьевич, род. в 1919 г., уроженец Кировской области, русский, из крестьян-бедняков, в комсомоле с мая 1935 г., в Красную Армию призван в сентябре 1939 г., член КПСС с августа 1942 г., младший лейтенант, выпускник Саратовского военного училища, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...», «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел СССР» и семью юбилейными.

На Параде Победы шагал в сводной колонне от дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского Внутренних Войск МВД СССР в составе войск Московского гарнизона. Жил и работал в Иркутске с марта 1953 г.

Дубаков Сергей Платонович, род. в 1922 г., уроженец Красноярского края, в г. Бодайбо Иркутской области с июня 1938 г., русский, из крестьян, в комсомоле с апреля 1940 г., в Красную Армию призван Бодайбинским РВК Иркутской области с сентября 1941 г., гвардии старший сержант, помощник командира взвода 124-го гвардейского горно-кавалерийского полка 17-й гвардейской Мозырской Краснознаменной кавалерийской дивизии 2-го гвардейского Померанского кавкорпуса, дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – знаменосец сводного полка 1-го Белорусского фронта. После демобилизации из армии с 1946 г. жил в городе Бодайбо, член КПСС с октября 1953 г., в последнее время жил и работал в городе Абакане.

Дубынин Николай Михайлович – Герой Советского Союза, род. в 1919 г. в д. Алексеево Братского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с октября 1939 г., в Красную Армию призван в ноябре 1939 г. Братским РВК, участник боевых действий советско-финляндской войны 1939-1940 гг., при прорыве «линии Маннергейма» ранен, награжден медалью «За отвагу», в Великой Отечественной войне участвовал с июня 1941 г., член КПСС с июня 1942 г., старший сержант, командир саперного взвода 87-го отдельного Верхне-Днепровского моторизованного понтонно-мостового батальона, контужен в 1942 г. под Вязьмой, ранен в 1943 г. под Тулой, за форсирование р. Одера и проявленную при этом инициативу, мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден также орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы

3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – знаменосец сводного полка 2-го Белорусского фронта. После демобилизации из армии жил и работал в поселке Тарма Братского района Иркутской области.

Дулимов Василий Иванович, род. в 1922 г. в г. Иркутске, русский, из рабочих, в комсомоле с 1936 г., в Красную Армию призван Иркутским ГВК и зачислен курсантом Чкаловского летного училища имени К. Е. Ворошилова, с марта 1942 г. в действующей армии, член КПСС с августа 1943 г., майор, командир 12-й эскадрильи 132-го гвардейского авиаполка, ранен в воздушном бою в августе 1943 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Белграда», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и девятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта, после демобилизации из армии работал в Иркутском аэропорту в службе управления воздушного движения.

Егоров Петр Дмитриевич, род. в 1913 г., уроженец Орловской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1930 г., в Красной Армии с ноября 1935 г., участник воздушных боев против японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол 1939 г., где им сбито 6 вражеских самолетов и аэростат-корректировщик, член КПСС с апреля 1939 г., с первых месяцев Великой Отечественной войны на фронте, подполковник, командир 263-го истребительного авиационного полка 215-й истребительной авиадивизии 4-й воздушной армии, совершил 400 боевых вылетов, лично сбил 7 фашистских самолетов и 14 в групповом бою, 5 самолетов уничтожил на аэродроме противника, 88 раз вылетал на штурмовку вражеских позиций.

Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией...» и десятью юбилейными, удостоен также четырех медалей Монгольской Народной Республики, медалью «Заслуженным на поле славы» Польской Народной Республики.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. В послевоенный период полковник, командир истребительной авиадивизии, жил с 1960 г. в Иркутске, работал в аэропорту в службе управления воздушного движения. В 1995 г. Указом Президента России было присвоено звание Героя Российской Федерации и вручена медаль «Золотая Звезда России».

В Иркутске именем Героя названа улица.

Ерохин Георгий Алексеевич – полный кавалер ордена Славы, род. в 1907 г. в с. Устьилга Жигаловского района Иркутской области, русский, из крестьян, в Красную Армию зачислен добровольцем в августе 1941 г., член КПСС с октября 1944 г., гвардии старшина, командир взвода разведки 54-го гвардейского полка 14-й гвардейской кавалерийской дивизии 7-го гвардейского кавкорпуса. Три раза ранен, контужен, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Славы 1, 2 и 3-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и шестью юбилейными. Удостоен медали «Братство по оружию» Германской Демократической Республики.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. Жил в Иркутске.

Ефимов Геннадий Алексеевич, род. в 1926 г. в г. Усть-Куте Иркутской области, русский, из рабочих, беспартийный, в Красную Армию призван в декабре 1943 г. Усть-Кутским РВК, гвардии сержант, командир отделения 1-го батальона 1-й гвардейской воздушно-десантной бригады, награжден медалями «За боевые заслуги» и тремя юбилейными.

В Параде Победы участвовал при прохождении боевой техники в парадных расчетах парашютистов от 7-го учебного воздушно-десантного полка в составе войск Московского гарнизона.

В послевоенный период работал на строительстве Братской ГЭС, жил и трудился в поселке Октябрьский Чунского района Иркутской области.

Запекин Ефим Федорович, род. в 1908 г., уроженец Могилевской области, живет в г. Тулуне Иркутской области с 1909 г., русский, из крестьян, в Красную Армию призван в декабре 1941 г. Тулунским РВК, член КПСС с марта 1943 г., гвардии старшина, командир взвода связи 248-го гвардейского полка 83-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й армии, награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. В последнее время пенсионер, жил в городе Тулуне Иркутской области.

Иванковский Евгений Алексеевич, род. в 1920 г., уроженец Читинской области, русский, в Красную Армию призван в апреле 1941 г., беспартийный, сержант, командир отделения 925-го отдельного батальона связи 38-й армии, ранен при форсировании Днепра в 1943 г., награжден орденом Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта. Жил и работал с 1973 г. в г. Зиме Иркутской области.

Ковалев Николай Алексеевич, род. в 1921 г. в Нижнеудинске Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1937 г., в июле 1942 г. добровольцем зачислен в Красную Армию. На фронте Великой Отечественной войны с мая 1943 г., капитан, заместитель командира эскадрильи 956-го штурмового авиаполка 311-й штурмовой авиадивизии 1-й воздушной армии, награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и восемью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. После демобилизации из армии в 1960 г. приехал в Иркутск и работал ответственным дежурным главного командного диспетчерского пункта Иркутского аэропорта.

Ковалев Сергей Иосифович, род. в 1925 г., уроженец Брянской области, русский, из рабочих, беспартийный, в Красную Армию призван в июне 1941 г., гвардии сержант, командир отделения пулеметной роты 268-го гвардейского полка 90-й гвардейской стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией...» и восемью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Прибалтийского фронта. Жил с 1959 г. в г. Ангарске Иркутской области, работал слесарем.

Козырев Иннокентий Николаевич, род. в 1917 г., уроженец Читинской области, русский, из крестьян-бедняков, в комсомоле с 1935 г., член КПСС с июля 1942 г., в Красную Армию призван в 1942 г. Усольским РВК, механик-водитель СУ-152, старшина 512-го отдельного Евпаторийского огнеметного танкового полка РВГК, ранен в 1943 г., награжден медалями «За победу над Германией...» и «За трудовую доблесть».

На Параде Победы – в составе танкового парадного экипажа при прохождении боевой техники войск Московского гарнизона.

Жил и работал в Иркутской области с 1937 г. комбайнер совхоза «Усольский».

Коломин Константин Васильевич, род. в 1917 г., в с. Александровское Боханского района Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1939 г., в Красную Армию призван в октябре 1938 г., в годы Великой Отечественной войны на фронте с 1942 г., первое боевое крещение получил под Ростовом, гвардии старший сержант, командир орудия 5-й гвардейской Новороссийской Краснознаменной орденов Богдана Хмельницкого и Кутузова танковой бригады, ранен три раза: в 1942 г. на Кавказе, в 1943 г. – под станцией Крымской, в 1944 г. – на территории Чехословакии. Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в сводном полку 4-го Украинского фронта. В послевоенный период удостоен двух орденов «Знак Почета» и четырех юбилейных меда-

лей, член КПСС с июня 1948 г., жил и работал в г. Усолье-Сибирском Иркутской области.

Копчук Герасим Григорьевич, род. в 1915 г., уроженец Новосибирской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1930 г., член КПСС с февраля 1941 г., в Красной Армии с июня 1943 г., рядовой 106-го стрелкового полка 274-й стрелковой дивизии, награжден медалями «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в колонне курсантов Московского дважды Краснознаменного военно-политического училища имени В. И. Ленина в составе войск Московского гарнизона. После демобилизации из армии с 1945 г. жил и работал в г. Ангарске Иркутской области.

Корчевой Николай Акимович, род. в 1919 г. в с. Трактовое Шерагульского сельсовета Тулунского района Иркутской области, русский, из крестьян, в Красную Армию призван в 1939 г., в комсомоле с 1940 г., беспартийный, старшина, командир взвода 43-й отдельной разведывательной роты 102-й Гомельско-Новгород-Северской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, ранен три раза, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За победу над Германией...» и шестью юбилейными.

На Параде Победы – знаменосец в сводном полку 3-го Белорусского фронта. Жил и работал лесничим в Тулунском районе Иркутской области.

Крашенинников Михаил Владимирович, род. в 1926 г., уроженец Башкирской АССР, русский, из крестьян, в Красную Армию призван в 1944 г., в комсомоле с апреля 1945 г., беспартийный, сержант, командир отделения 237-го гвардейского воздушно-десантного полка 8-й отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады, ранен, награжден медалью «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в воздушно-десантном подразделении при прохождении боевой техники в составе войск Московского гарнизона. Жил и работал в Иркутской области с 1968 г.

Кузьмин Григорий Карпович, род. в 1918 г. в д. Большая Заимка Заларинского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1935 г.; в Красную Армию призван в 1938 г. Иркутским ГВК, член КПСС с февраля 1945 г., гвардии старшина, старшина роты автоматчиков 241-го гвардейского полка 75-й гвардейской Краснознаменной Бахмачской стрелковой дивизии, ранен и контужен, награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, тремя медалями «За отвагу», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. Жил в г. Ангарске.

Лапшин Иван Михайлович, род. в 1908 г., уроженец г. Горького, в г. Иркутске живет с 1921 г., русский, из рабочих, с 1927 по 1930 гг. по путевке Иркутского комсомола служил на Тихоокеанском флоте, в Красную Армию призван в июле 1941 года Иркутским ГВК, гвардии старшина, помощник командира взвода 20-го гвардейского полка 7-й гвардейской стрелковой дивизии 1-й Ударной армии, ранен четыре раза, дважды контужен, награжден орденами Красного Знамени, Славы 3-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Военно-Морского Флота СССР. Жил и работал в Иркутске.

Левченко Григорий Семенович – полный кавалер ордена Славы, род. в 1923 г., уроженец Полтавской области, украинец, из крестьян, в Красную Армию призван в июле 1941 г. Аларским РВК Иркутской области, сержант, командир отделения связи 363-го полка 114-й Свирской Краснознаменной стрелковой дивизии, ранен три раза, награжден орденами Славы 1, 2 и 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Советского Заполярья», «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Карельского фронта. В довоенный и послевоенный периоды жил и работал в Аларском районе Иркутской области, умер в 1980 г.

Лызин Василий Петрович – Герой Советского Союза, род. в 1914 г., уроженец Новосибирской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1927 г., в Красной Армии с ноября 1936 г., участник боевых действий в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., член КПСС с ноября 1939 г., майор, командир 1-го танкового батальона 65-й гвардейской танковой бригады 9-го гвардейского танкового корпуса 2-й танковой армии; ранен четыре раза, за образцовое выполнение задания командования в Берлинской операции и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден также орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и девятью юбилейными. Удостоен ордена «Полярная Звезда» и награжден тремя медалями Монгольской Народной Республики, «Крестом храбрых» Польской Народной Республики.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта.

После демобилизации из армии с 1961 г. жил и работал в Иркутске.

Лялин Виктор Андреевич, род. в 1905 г., уроженец г. Иваново, русский, из семьи военнотружашащего-музыканта, в Красной Армии с 1918 г., воспитанник оркестра 11-го Иваново-Вознесенского полка, учился на военного дирижера при

Московской артиллерийской школе, в комсомоле с 1924 г., член КПСС с октября 1941 г., капитан, дирижер войскового оркестра, награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и десятью юбилейными, а также удостоен ордена «Полярная Звезда» Монгольской Народной Республики и трех медалей.

На Параде Победы был дирижером 3-го оркестрового батальона сводного оркестра. С июля 1945 г. – дирижер войскового оркестра Иркутского гарнизона. Пенсионер, подполковник в отставке, жил в Иркутске.

Макаров Иван Степанович, род. в 1915 г., уроженец Пензенской области, русский, служащий, воспитывался в детском доме, в комсомоле с мая 1931 г., в Красной Армии срочную службу проходил в 1935-1937 гг., вновь призван в армию в августе 1942 г., член КПСС с 1943 г., гвардии младший лейтенант, командир взвода отдельного зенитного дивизиона 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады 12-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Московского военного округа, дважды ранен, контужен, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и шестью юбилейными.

На Параде Победы – в составе парадного расчета воздушно-десантных войск Московского гарнизона. После демобилизации из армии с января 1946 г. работал в Иркутске в Управлении Восточно-Сибирской железной дороги начальником отдела, умер в апреле 1983 г.

Макаров Николай Петрович, род. в 1917 г. в д. Верхний Кукут Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского округа Иркутской области, русский, из крестьян, срочную службу в Красной Армии проходил в 1938-1940 гг., с началом войны призван в армию по мобилизации в октябре 1941 г., старший сержант, помощник командира взвода 363-го полка 114-й Свирской Краснознаменной стрелковой дивизии, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в сводном полку Карельского фронта. В послевоенный период удостоен ордена «Знак Почета» и медали «За освоение целинных земель», член КПСС с октября 1956 г. пенсионер, жил в райцентре Залари Иркутской области.

Макаров Яков Георгиевич, род. в 1921 г., уроженец Красноярского края, в г. Иркутске проживает с 1922 г., русский, из рабочих, в Красную Армию призван Иркутским ГВК в декабре 1941 г., гвардии сержант, радист-пулеметчик 1-й гвардейской Чертковской дважды ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 2-й степени танковой бригады 8-го гвардейского Прикарпатского Берлинского Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени мехкорпуса 1-й гвардейской танковой армии, ранен четыре раза, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медаля-

ми «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными, член КПСС с июня 1949 г.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. Жил в Иркутске.

Матвеев Владимир Емельянович, род. в 1923 г., уроженец Читинской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1939 г., в Красную Армию ушел добровольцем в августе 1941 г., член КПСС с ноября 1944 г., старший сержант, командир отделения радиосвязи 1-й батареи 33-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. Жил и работал с сентября 1958 г. в г. Ангарске Иркутской области.

Мелихов Алексей Никифорович, род. в 1924 г., уроженец Ставропольского края, русский, из служащих, в комсомоле с 1940 г., в Красную Армию призван в октябре 1942 г., старший сержант, командир отделения разведки 492-го гаубично-артиллерийского полка 167-й артиллерийской бригады 1-й артиллерийской дивизии РВГК, ранен и контужен, награжден орденом Славы 3-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. В послевоенный период награжден тремя юбилейными медалями, член КПСС с 1968 г., жил с февраля 1962 г. в г. Братске, работал главным инженером предприятия.

Михалев Михаил Николаевич, род. в 1922 г. в Иркутске, русский, из рабочих, в комсомоле с 1938 г., в Красную Армию призван Иркутским ГВК в ноябре 1941 г., старшина, начальник радиостанции 59-го отдельного орденов Михаила Кутузова и Александра Невского полка связи, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. В послевоенный период награжден пятью юбилейными медалями, член КПСС с октября 1952 г., жил и работал в Иркутске.

Мурашов Алексей Андрианович – Герой Советского Союза, род. в 1919 г. в с. Гадалей Тулунского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1936 г., в Красную Армию призван в сентябре 1938 г., в Великой Отечественной войне участвует с 22 июня 1941 г., член КПСС с декабря 1943 г., старший лейтенант, командир эскадрильи 3-го гвардейского истребительного авиаполка, за мужество и героизм, проявленные в воздушных боях, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1943 г. присвоено звание Героя Советского

Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден также вторым орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалями. Удостоен орденов «За победу» Чехословацкой Социалистической Республики и «23 августа» – Социалистической Республики Румынии.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. В послевоенное время полковник авиации, жил и работал в г. Днепропетровске.

Наумов Леонид Евгеньевич, род. в 1924 г., уроженец Владимирской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1939 г., в Красной Армии с августа 1942 г., рядовой, наводчик орудия отдельного истребительного противотанкового дивизиона 2-й мотострелковой дивизии особого назначения Внутренних Войск МВД СССР, награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в составе войск Московского гарнизона, член КПСС с августа 1945 г., участник строительства Камской, Братской, Усть-Илимской ГЭС, удостоен орденов «Знак Почета», Дружбы народов, награжден тремя юбилейными медалями. Жил и работал в Иркутской области с марта 1957 г.

Овсянникова Антонина Алексеевна, род. в 1920 г., уроженка Кировской области, русская, из рабочих, в комсомоле с 1935 г., беспартийная, в Красную Армию призвана в апреле 1942 г., ефрейтор, прожектористка 2-й прожекторной роты 193-го зенитно-артиллерийского полка 1-й зенитно-артиллерийской дивизии ПВО Москвы, награждена медалями «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в составе 2-й прожекторной роты по обслуживанию парада и торжеств. Жила и работала с февраля 1973 г. в г. Ангарске Иркутской области.

Падерин Константин Дмитриевич, род. в 1911 г. в г. Тулуне Иркутской области, русский, из служащих, в комсомоле с 1928 г., в 1939 г. окончил Иркутский государственный университет, в Красную Армию призван в 1940 г., член КПСС с 1940 г., капитан, парторг Краснознаменного артиллерийского полка 299-й Харьковской стрелковой дивизии, ранен на правом берегу Днепра в ноябре 1943 г., контужен, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы шел в колонне Высших всеармейских ордена Ленина и ордена Красного Знамени военно-политических курсов Главного политического управления РККА в составе войск Московского гарнизона. Пенсионер, жил в г. Тулуне Иркутской области.

Панов Степан Иванович, 1913 г., уроженец Иркутска, русский, беспартийный, из рабочих, в Красной Армии служил с ноября 1935 г., в июле 1941 г. призван в армию по мобилизации Иркутским ГВК, младший сержант, шофер 174-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 1650-го отдельного артиллерийского полка. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Карельского фронта. Жил и работал в Иркутске.

Перов Дмитрий Михайлович – Герой Советского Союза, род. в 1915 г., уроженец Читинской области, в Иркутской области с 1933 г., русский, из рабочих, в Красную Армию призван в октябре 1936 г. Иркутским ГВК, участник боевых действий против японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., в январе 1942 г. вновь призван в армию Зиминским РВК Иркутской области, член КПСС с марта 1943 г., гвардии старший сержант, водитель боевой машины 99-го Полоцкого ордена Александра Невского полка гвардейских минометов, ранен в июне 1944 г. в районе д. Бороухи в Белоруссии. За героизм и мужество, проявленные в боях, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1944 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и десятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Ленинградского фронта. Пенсионер, жил в г. Саянске Иркутской области.

Пика Александр Михайлович, род. в 1922 г., уроженец Черкасской области, из крестьян-бедняков, в комсомоле с октября 1938 г., в Красную Армию призван в июне 1941 г., младший лейтенант, командир взвода 3-го зенитно-артиллерийского полка ПВО Центрального фронта, ранен в августе 1941 г. в районе станции Выгода на Украине, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа», «За оборону Москвы», «За победу над Германией...».

На Параде Победы командовал парадным расчетом зенитно-артиллерийской установки при прохождении боевой техники войск Московского гарнизона.

В послевоенный период награжден восемью юбилейными медалями, член КПСС с января 1958 г., жил и работал с 1955 г. в г. Ангарске Иркутской области.

Поздняков Федор Иннокентьевич, род. в 1910 г. в с. Грановщина Иркутского района Иркутской области, русский, из крестьян, беспартийный, срочную службу в Красной Армии проходил в 1932–1934 гг., вновь призван в армию в июне 1941 г. Иркутским ГВК, сержант, командир отделения разведывательной роты 197-й Брянской стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, ранен и контужен, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За осво-

бождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. Жил в Иркутске.

Позин Самуил Яковлевич, род. в 1923 г., уроженец Читинской области, еврей, из рабочих, в Красную Армию призван в мае 1941 г., беспартийный, сержант, командир отделения разведки 317-го отдельного артиллерийского дивизиона РВГК, ранен в 1943 г. дважды – 15 января под Купянском, 23 августа под Синявином, награжден орденом Красного Знамени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией...» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. Жил и работал с февраля 1946 г. в г. Ангарске Иркутской области.

Пятигорский Геннадий Давыдович, род. в 1923 г. в г. Зиме Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1941 г., в Красную Армию зачислен добровольцем в августе 1941 г., старший сержант, командир разведывательного взвода 48-го гвардейского полка 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, ранен два раза под Сталинградом и в тылу противника, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в шеренге воздушных десантников сводного полка 2-го Украинского фронта. После демобилизации из армии жил и работал в г. Зиме Иркутской области.

Рагозин Александр Павлович, род. в 1920 г. в Иркутске, русский, из рабочих, в 1940 г. зачислен добровольцем на Тихоокеанский флот, с марта 1943 г. курсант 111-го учебного полка, член КПСС с июля 1944 г., гвардии старший сержант, командир танка 31-й Кировоградской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени танковой бригады 29-го Знаменского ордена Ленина Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, трижды легко ранен, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. Жил и работал в Иркутске.

Романов Степан (Стефан) Афанасьевич, род. в 1919 г., уроженец Ростовской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1935 г., в Красной Армии с сентября 1939 г., член КПСС с апреля 1941 г., рядовой, замполитрука, майор, политработник 280-го полка 185-й стрелковой дивизии, два раза ранен, дважды контужен,

награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и десятью юбилейными.

На Параде Победы – в колонне Высших всеармейских ордена Ленина и ордена Красного Знамени военно-политических курсов Главного политического управления РККА в составе войск Московского гарнизона. В августе-сентябре 1945 г. участвовал в боевых действиях на Хайларском направлении Забайкальского фронта в должности заместителя командира по политчасти 152-го полка 94-й стрелковой дивизии 39-й армии.

После демобилизации из армии приехал в Иркутск, был на советско-партийной работе, работал начальником гражданской обороны объекта.

Рубцов Василий Васильевич, род. в 1918 г., уроженец Кемеровской области, в Иркутске проживает с 1935 г., русский, из крестьян, в комсомоле с 1934 г., для прохождения срочной службы в Красную Армию призван в сентябре 1938 г. Иркутским ГВК, в Великой Отечественной войне участвовал в боях с 22 июня 1941 г., член КПСС с февраля 1945 г., гвардии старший сержант, командир взвода 8-го отдельного гвардейского эскадроне 13-й гвардейской Ровенской Краснознаменной кавалерийской дивизии 6-го гвардейского кавалерийского корпуса, ранен три раза, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта». «За взятие Вены», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта. Жил и работал в Иркутске.

Рудых Иван Иванович, род. в 1922 г. в с. Келора Жигаловского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1938 г., в Красную Армию призван в феврале 1942 г. Жигаловским РВК, член КПСС с ноября 1943 г., старший сержант, командир минометного расчета 278-го гвардейского полка 93-й гвардейской Харьковской дважды Краснознаменной орденов Александра Суворова и Михаила Кутузова стрелковой дивизии, ранен в апреле 1944 г., награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией...».

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта. В послевоенный период удостоен ордена «Знак Почета» и десяти юбилейных медалей. Жил и работал в г. Ленске Якутской АССР.

Рыбинский Георгий Андреевич, род. в 1914 г. в с. Тельма Усольского района Иркутской области, русский, из рабочих, в комсомоле с 1932 г., срочную службу в Красной Армии проходил в 1936–1938 гг., вновь призван в армию в январе 1943 г., член КПСС с июля 1944 г., гвардии старшина, механик-водитель танка 31-й Кировоградской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени танковой бригады 29-го Знаменского ордена Ленина Краснознаменного ордена Суворова

2-й степени танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, ранен, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и тремя юбилейными.

На Параде Победы – знаменосец в сводном полку 2-го Белорусского фронта. Жил в Иркутске.

Семенец Иосиф Григорьевич, род. в 1917 г., уроженец Киевской области, из крестьян, украинец, в комсомоле с сентября 1931 г., в Красной Армии с сентября 1938 г., член КПСС с октября 1939 г., майор, сотрудник органов государственной безопасности при 11-й гвардейской армии, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...», «За безупречную службу» и семью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Белорусского фронта. С 1960 г. жил в Иркутске.

Середкин Александр Ильич, род. в 1919 г. в с. Середкино Боханского района Иркутской области, русский, из крестьян, беспартийный, в Красную Армию призван в 1939 г., гвардии сержант, командир орудийного расчета батареи 18-го гвардейского истребительно-противотанкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии, ранен два раза, награжден медалями «За отвагу», «За оборону Киева», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией...» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. После демобилизации из армии жил и работал в с. Куйтун Шаманского сельского Совета Шелеховского горисполкома Иркутской области, умер в 1982 г.

Сидоренко Григорий Григорьевич, род. в 1923 г., уроженец Алтайского края, из крестьян, русский, в комсомоле с мая 1942 г., в Красной Армии с марта 1942 г., беспартийный, гвардии старший сержант, командир боевой установки 93-го отдельного дивизиона гвардейских минометов, ранен два раза, в августе 1942 г. под Ржевом и в 1943 г. – под городом Великие Луки, награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в парадных расчетах гвардейских минометов. В августе-сентябре 1945 г. участвовал в боях против Квантунской армии Японии. В Иркутской области жил и работал с 1958 г.

Сизых Прокопий Федорович, род. в 1915 г. в пос. Невон Нижнеилимского района Иркутской области, русский, из крестьян. Срочную службу в Красной Армии проходил с ноября 1937 г. по декабрь 1940 г., вновь призван в армию в июне 1941 г., член КПСС с октября 1944 г., старший сержант, командир отделения связи 1013-го артиллерийского полка 55-й артиллерийской бригады РВГК. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, двумя

медалями «За отвагу», медалями «За победу над Германией...» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку Ленинградского фронта. После демобилизации из армии возвратился в свой родной таежный край, работал трактористом.

Скурихин Михаил Дмитриевич, род. в 1910 г., уроженец Томской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1934 г., срочную службу в Красной Армии проходил в 1933–1935 гг., в Отечественную войну в армии с февраля 1942 г., сержант, помощник командира саперного взвода 843-го запасного стрелкового полка Московского военного округа, ранен три раза: в декабре 1942 г., в августе 1943 г. и в марте 1944 г., контужен, награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными, член КПСС с февраля 1958 года.

На Параде Победы – в сводных колоннах войск Московского гарнизона. Жил и работал с марта 1974 г. в городе Ангарске Иркутской области, умер 18 октября 1980 г.

Соколов Гавриил Григорьевич, род. в 1922г. в г. Балаганске Иркутской области, русский, из рабочих, в Красную Армию призван Иркутским ГВК в августе 1942 г., гвардии старшина, механик-водитель танка 347-го танкового батальона 17-й Орловской Краснознаменной танковой бригады 1-го гвардейского Донского танкового корпуса.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. В послевоенный период жил и работал в Иркутске, умер в 1978 г.

Сокольников Никита Прокопьевич, род. в 1918 г. в д. Малая Тарель Качугского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1938 г., в Красную Армию призван в сентябре 1939 г., на фронта с 24 декабря 1941 г., член КПСС с декабря 1942 г., старшина, знаменосец 160-й стрелковой дивизии 7-го стрелкового корпуса 33-й армии, ранен в августе 1944 г. в бою за высоту с отметкой 103,4 под городом Радзымин, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Славы 2-й и 3-й степени, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией...» и восемью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Белорусского фронта. В послевоенный период жил и работал плотником в своем родном селе.

Соловьев Павел Владимирович, род. в 1922 г., уроженец Вологодской области, русский, из крестьян, в Иркутской области с 1929 г., в Красную Армию призван в январе 1942 г. Аларским РВК, член КПСС с октября 1944 г., сержант, начальник радиостанции 624-го отдельного батальона связи 230-й ордена Суворова стрелковой дивизии 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса 5-й ударной армии, дважды ранен, контужен, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й

степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и пятью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. Жил и работал в г. Железнодорожск-Илимском Иркутской области.

Сорокин Борис Викторович, род. в 1916 г. в г. Иркутске, русский, из рабочих, в комсомоле с 1930 г., в Красную Армию призван в 1937 г. Иркутским ГВК. в Великую Отечественную войну был в действующей армии с июля 1941 г., член КПСС с июня 1942 г., старшина, механик-водитель танка 256-й танковой бригады, награжден медалями «За победу над Германией...», «За трудовое отличие».

На Параде Победы был в парадном расчете СУ-122 Кантимировской танковой бригады при прохождении по Красной площади боевой техники войск Московского гарнизона. В послевоенный период – машинист паровоза, электровоза Восточно-Сибирской железной дороги. Пенсионер, жил в Иркутске.

Стрекаловский Иван Иванович, род. 1923 г. в с. Большое Голоустное Иркутского района Иркутской области, русский, из крестьян, в Красную Армию призван в июле 1941 г. Иркутским ГВК, член КПСС с мая 1943 г., гвардии старший сержант, радист-пулеметчик 3-го гвардейского Минско-Гданского орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова танкового полка РВГК, контужен, награжден орденами Славы 2-й и 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными. Удостоен также медали «За Варшаву» Польской Народной Республики.

На Параде Победы – знаменосец сводного полка 2-го Белорусского фронта. В послевоенный период жил и работал в Иркутске.

Тайдынов Леонид Васильевич, род. в 1923 г., уроженец Красноярского края, русский, из крестьян, в Красную Армию призван в апреле 1942 г., член КПСС с мая 1945 г., гвардии старшина, командир расчета 82-миллиметрового миномета 25-й гвардейской механизированной дивизии 57-й армии, дважды ранен: в 1942 году под Милитополем и в 1943 г. при форсировании Днепра, награжден орденом Славы 3-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Будапешта», «За победу над Германией...» и четырьмя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 3-го Украинского фронта. С октября 1949 г. жил в с. Шаманка Шелеховского горисполкома Иркутской области, работал шофером, умер в феврале 1983 г.

Токарев Виктор Степанович, род. в 1924 г. в д. Бутырки Котинского сельсовета Иркутского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с декабря 1942 г., в Красную Армию призван в августе 1942 г. Иркутским ГВК, член КПСС с мая 1944 г., гвардии младший сержант, командир боевой машины 388-го дивизиона 97-го отдельного Кировоградского Краснознаменного орденов Алек-

сандра Суворова, Михаила Кутузова, Богдана Хмельницкого полка гвардейских минометов, награжден двумя медалями «За отвагу», медалью «За победу над Германией...» и двумя юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 2-го Украинского фронта. Жил и работал в Иркутске.

Торбеев Александр Федорович, род. в 1920 г. в г. Иркутске, русский, из рабочих, беспартийный, в Красную Армию призван в октябре 1943 г. Иркутским ГВК, гвардии старший сержант, командир орудия танка 1-го батальона 58-й гвардейской Пражской Краснознаменной танковой бригады 8-го отдельного гвардейского танкового корпуса. Тяжело ранен в мае 1944 г. под Варшавой, получил ожог 2-й степени в сентябре 1944 г. в Восточной Пруссии, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...» и семью юбилейными.

На Параде Победы – знаменосец сводного полка 2-го Белорусского фронта. Жил и работал в Иркутске.

Узбеков Михаил Матвеевич, род. в 1926 г., уроженец Рязанской области, русский, в комсомоле с 1942 г., в Красной Армии с ноября 1943 г., младший сержант, старший топовычислитель 40-й бригады гвардейских минометов, контужен, награжден медалями «За победу над Германией...», «За победу над Японией» и десятью юбилейными.

На Параде Победы находился в парадном расчете гвардейских минометов при прохождении боевой техники по Красной площади.

В августе-сентябре 1945 г. участвовал в боях против Квантунской армии Японии в составе 46-го полка гвардейских минометов 5-го стрелкового корпуса 39-й армии Забайкальского фронта. После демобилизации из армии с 1955 г. жил и работал в г. Ангарске Иркутской области.

Федосеенко Василий Дмитриевич, род. 1922 г. в с. Исаковское Заларинского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с июля 1939 г., в Красную Армию призван в декабре 1941 г. Заларинским РВК, старший сержант, командир отделения 540-отдельной разведывательной роты 116-й Краснознаменной ордена Кутузова Харьковской стрелковой дивизии. В июле 1942 г. в бою у Зайцевой горы контужен, в ноябре 1942 г. ранен в Сталинграде, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией...» и восемью юбилейными.

На Параде Победы старший техник-лейтенант шагал в колонне Калининского военно-технического училища в составе войск Московского гарнизона. Член КПСС с июля 1948 г., старший преподаватель кафедры истории КПСС Иркутского политехнического института.

Хамло Василий Данилович, род. в 1923 г. с. Кусовское Аларского района Иркутской области, украинец, из крестьян, беспартийный, в Красную Армию призван в феврале 1942 г., старший лейтенант, командир подразделения, ранен, два раза контужен, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-степени, Красной Звезды и медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и шестью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. В послевоенный период был учителем средней школы в селе Шаманка Шелеховского горисполкома Иркутской области.

Харченко Федор Александрович, род. 1921 г., уроженец Донецкой области, украинец, из крестьян-бедняков, в комсомоле с 1938 г., в Красной Армии с апреля 1941 г., рядовой 31-го гаубично-артиллерийского полка 31-й гаубично-артиллерийской дивизии, дважды ранен в 1941 г. под Кременчугом, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За победу над Германией...» и «За победу над Японией».

На Параде Победы – в колонне Московского военно-технического училища имени В. Р. Менжинского в составе войск Московского гарнизона. В послевоенный период награжден тремя медалями «За безупречную службу» и шестью юбилейными, член КПСС с марта 1950 г., пенсионер, полковник в отставке, в Иркутске жил с декабря 1949 г.

Челноков Николай Васильевич – дважды Герой Советского Союза, род. в 1906 г. в г. Иркутске, русский, из рабочих, детство и юность провел в Ленинграде, в комсомоле с 1926 г., в Красную Армию призван в 1928 г., окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу летчиков в 1931 г., участник боевых действий в советско-финляндской войне 1939–1940 гг., член КПСС с 1940 г., в Великой Отечественной войне участвовал с июля 1941 г., летчик, командир эскадрильи, с августа 1944 г. – командир 9-й штурмовой авиадивизии Балтийского флота. За успешное командование штурмовой эскадрильей, за лично совершенные 78 боевых вылетов и проявленные при этом героизм и отвагу капитану, командиру 1-го минометного торпедного авиаполка Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1942 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», затем – подполковник, командир авиадивизии, за 277 успешных боевых вылетов, за штурм кораблей, транспортов, позиций артиллерийских батарей в Крыму, под Ленинградом, в Прибалтике и проявленный при этом героизм 14 августа 1944 г. удостоен второй медали «Золотая Звезда», награжден также двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ушакова 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и восемью медалями.

На Параде Победы – в сводном полку Военно-Морского Флота. В послевоенный период – на командных в штабных должностях в авиации ВМФ и на препо-

давательской работе. С 1954 г. в запасе по болезни. Умер в Москве 16 июля 1974 г. Бронзовый бюст Н.В. Челнокова установлен в парке Победы в Ленинграде.

Черных Александр Васильевич, род. в 1923 г. в с. Цейлоты Усольского района Иркутской области, русский, из крестьян-бедняков, в Красную Арию призван в январе 1942 г. Усольским РВК, старшина, начальник радиорасчета 126-го отдельного батальона связи 127-го легкого горно-стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии, награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией...», «За победу над Японией».

На Параде Победы – в сводном полку 4-го Украинского фронта. В послевоенный период удостоен ордена Трудового Красного Знамени и четырех юбилейных медалей, член КПСС с октября 1946 г. Жил в г. Усолье-Сибирское.

Черных Николай Иннокентьевич – Герой Советского Союза, род. в 1923 г. в д. Игнатьево Нижнеилимского района Иркутской области, русский, из крестьян, в комсомоле с 1939 г., по комсомольской мобилизации в сентябре 1941 г. направлен в Красную Армию, член КПСС с 1944 г., на фронте с июля 1943 г., старший лейтенант, заместитель командира 120-го гвардейского саперного батальона 3-й гвардейской танковой армии. За боевые успехи по прорыву обороны противника под Киевом и саперное обеспечение Букринского плацдарма и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», награжден также орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией...» и семью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Украинского фронта. После войны служил в Советских Вооруженных Силах. Полковник в отставке. Жил в Москве.

Шабаев Степан Щеглович, род. в 1917 г. улусе Идыга Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского национального округа Иркутской области, бурят, из крестьян, в комсомоле с 1931 г., в Красную Армию ушел добровольцем по призыву республиканского бурятского комсомола в 1936 г., член КПСС с августа 1942 г., гвардии капитан, начальник разведки 9-й гвардейской кавалерийской дивизии, дважды ранен, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией...» и семью юбилейными.

На Параде Победы – в колонне академии им. М.В. Фрунзе в составе войск Московского гарнизона. Полковник в отставке, жил в Иркутске.

Щепин Петр Васильевич, род. в 1923 г., уроженец Бурятской АССР, русский, из рабочих, в Красную Армию призван в марте 1942 г., член КПСС с июня 1942 г., гвардии старшина, начальник радиостанции 244-го гвардейского полка 82-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией...». Ему вручена также медаль «Победы и Свободы» Польской Народной Республики.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Белорусского фронта. В послевоенный период жил и работал в г. Свирске Иркутской области, умер 29 января 1980 г.

Янченко Николай Петрович, род. в 1925 г., уроженец Одесской области, украинец, из рабочих, в комсомоле с июня 1941 г., в Красной Армии с ноября 1942 г., красноармеец, снайпер, автоматчик, связной 12-го гвардейского полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии. Ранен два раза – в июле и декабре 1943 г. под Витебском, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией...» и одиннадцатью юбилейными.

На Параде Победы – в сводном полку 1-го Прибалтийского фронта. С марта 1949 г. член КПСС. В послевоенный период гвардии полковник запаса, пенсионер, жил и работал в Иркутске с июня 1958 г.

Вечная слава героям!

Ю.Б. Тюпышев, С.В. Трофименко

Продолжается поиск участников Парада Победы – жителей Иркутской области

Среди участников исторического Парада Победы в сводных полках и парадных расчетах при прохождении боевой техники было 88 наших земляков. В их числе – 6 рядовых, 53 старшины и сержанта, 28 офицеров и один генерал. В воспоминаниях все они отмечали, что это был могучий, величавый и захватывающий воображение парад. Он стал достоянием истории. С тех пор прошли многие десятилетия. Время посеребрило головы ветеранов, большинства уже нет в живых. Заботы, дела стерли в памяти оставшихся многие детали, поэтому очень важно восстановить их для потомков. Сведения собираются краеведами, уточняются в архивах, газетных публикациях, вызывающих доверие. Мы уверены, что об этом нужно рассказать.

В 1995 г., накануне 95-летия школы в Иркутске-II, газета «Восточно-Сибирский путь» опубликовала статью с фотографией выпускников 1934 года. Приглашая на юбилейный вечер, редакция просила откликнуться тех, кто узнал

себя на снимке. Откликнулся на эту просьбу и пришел поздравить школу только один человек из этой группы. Но какой!

«После окончания нашей школы, комсомолец Сергей Масальский поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, стал заниматься в аэроклубе, летать на планерах. А тут лозунг на всю страну: «Молодежь – на самолет!»

Бросил он четвертый курс института и поступил в Чугуевское летное училище. Закончил его в 1941 году и, как один из лучших выпускников, был направлен для совершенствования мастерства в Конотопское летное училище командиров звеньев.

«Трагическое совпадение – зачисление проходило 22 июня 1941 года» – так написала в журнале Уляшина-Пономарева Наталья Сергеевна, лучший научный сотрудник библиотеки им. Молчанова-Сибирского, тоже выпускница этой школы.

На вечере выпускников Сергей Иванович Масальский рассказал, что воевал, был награжден боевыми орденами и медалями, а в середине мая 1945 года его вызвали в штаб полка и приказали готовиться к командировке в Москву для участия в Параде Победы. Не понял Сергей Иванович, почему выбор пал на него, ведь в части служили даже Герои Советского Союза. Однако 24 июня 1945 г. прошагал наш земляк по брусчатке Красной площади.

Захотелось больше узнать о нем, и мы начали поиск. Было известно, что он после войны работал на Иркутском авиазаводе. С помощью генерального директора Иркутского авиационного завода, вице-президента корпорации «Иркут» А.А. Вепрева к нашим поискам подключился научный сотрудник музея иркутского авиазавода Хвощевский Геннадий Иванович. Он узнал, что С.И. Масальский родился в 1920 г. в г. Иркутске. Проживая с родителями в поселке авиастроителей и учась в школе, он с товарищами наблюдал за взлетом и посадкой самолетов на заводском аэродроме. Увлекательное зрелище для сибирского паренька! Но родители настояли на обучении железнодорожному делу. И все-таки любовь к небу победила. Но знания, полученные в институте инженеров транспорта, здорово помогли. Он осваивал новые истребители Як-7 и Як-9. На фронт Сергей Иванович был направлен в 1944 году. Летали звеньями, прикрывая бомбардировщики от вражеских истребителей, и сами поливали огнем немецкие позиции. 13 января 1945 года началась Восточно-Прусская операция. Войска 3-го Белорусского фронта подошли к Кёнигсбергу. Для летчиков 330-й гвардейской истребительной дивизии наступило горячее время. В день делали по шесть, семь боевых вылетов. Кто воевал в небе знает как это трудно! В одном из полетов зенитный снаряд попал в мотор, самолет без тяги совершил вынужденную посадку. Но уже через три дня на новом «Яке» гвардии старший лейтенант С.И. Масальский вновь сопровождал бомбардировщики на штурме Кёнигсберга.

За безупречное выполнение боевых заданий он был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые Заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За Победу над Германией».

Когда командир дивизии полковник Шинкоренко вручил ему приказ ехать в Москву для участия в Параде Победы, для него это было неожиданностью. Но приказ есть приказ.

По прибытии выдали полную парадную форму с кортиком, сверкающие яловые сапоги и широкий желтый ремень. Учились ходить в шеренгах по 20 человек. Тренировки проходили ночью под Крымским мостом. Перед парадом провели две ночные репетиции на Красной площади. 24 июня подъем был в 5-00. Завтрак и в путь. В 10 часов сводный полк стоял на Красной площади. Бой курантов. Командующий парадом К.К. Рокоссовский подал команду: «Парад, смирно!» Принимал и приветствовал Парад маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Сводный полк 3-го Белорусского фронта стремительно прошел по Красной площади.

Через два дня С.И. Масальский был в своей части и докладывал о прошедшем Параде и своих впечатлениях.

Не сразу после окончания войны Сергей Иванович попал в родной Иркутск. Группу лучших летчиков отправили в Китай, обучать наших новых союзников. Два года помогал он осваивать новую технику. За профессионализм в летной работе при обучении китайских летчиков он был награжден медалью КНР.

В 1961 году С.И. Масальский вернулся в Иркутск и поступил на авиазавод в цех № 16. Работал мотористом, наземным штурманом, а с 1978 года – руководителем полетов. За долголетнюю и безупречную работу Сергей Иванович награждался почетными грамотами, денежными премиями. Он получил звание «Ветеран труда» и полагающуюся медаль. На заслуженный отдых Сергей Иванович ушел в звании подполковника в 1990 году.

Г.И. Хвоцевский, А.Н. Черных

«На Параде были и особые фронтовики...»

Поскольку перед мавзолеем должны были пройти части всех родов войск, в Москву в полном составе отправили нашу школу собаководов (центральную школу военных и спортивных собак, сформированную в августе 1924 года. – Примеч. ред.)

Нас был целый батальон, и все – с собаками. К Красной площади нас привезли на машинах часам к девяти утра. Пошел дождь, и вся наша выданная перед парадом форма, промокла. Вымокли и собаки – сидя или лежа на брусчатке. Жуков на белом коне подъезжал к нам, и нас приветствовал. Только не помню, как он к нам обратился. «Здравствуйте, товарищи собаководы» – как-то не звучит. На трибуне мавзолея стоял Сталин, когда мы проходили мимо, он был совершенно один. Видно другие пошли согреться. Я шел в середине, а в конце колонны четверо военных несли на белом брезенте пса Джульбарса, обнаружившего семь тысяч мин и 150 неразорвавшихся фугасов, раненого незадолго до окончания войны. Говорили, что его несли на маршальском кителе самого Сталина, только я этому не верю. Нас с собаками пустили последними, вдогонку шли поливальные

машины, сильными струями смывая грязь, а уж потом шла военная техника. С парада мы восемнадцать километров топали пешком, и наши Шарики вместе с нами по дороге обсохли.

Смех смехом, но за годы войны школа подготовила более ста тысяч собак, которые обнаружили четыре миллиона мин, участвовали в разминировании более трехсот городов. Собаки-подрывники уничтожили более шести тысяч вражеских солдат и офицеров, более трехсот танков. Летом 1943 года у станции Дрисса под Полоцком партизанская собака Дина, среди бела дня, подобралась к железнодорожной насыпи, пропустила патруль и, услышав гудок паровоза, сбросила на рельсы тюк со взрывчаткой. Немецкий эшелон с живой силой и техникой ушел под откос. Это пока единственная в мировой практике диверсия, осуществленная подобным образом.

Кроме того, собаки-связисты доставили по назначению сотни тысяч боевых донесений, а ездовые псы вывезли с поля боя 680 тысяч раненых и доставили на передовую тысячи тонн боеприпасов, так что недаром четвероногим бойцам выпала честь участвовать в Параде.

Ананьев Н.М., 1923 года рождения. Воевал на Белорусском фронте, гвардеец. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу в Великой Отечественной войне...» и юбилейными. Проживал в г. Ангарске с 1947 года.

А.Н. Черных

Бросил эсэсовский штандарт на землю

Вспоминает Сергей Иосифович Ковалев, гвардии старший сержант, 1925 года рождения, воевал на 1-ом Прибалтийском фронте. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-ой степени, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу в Великой Отечественной войне»

«В 1945 году было так: дожидаясь Победы, здоров, значит достоин выйти на парад. Все отличились в боях за Родину, многие имели ордена и медали, но для отдельного батальона выбирали по внешним данным.

Выстроили наш полк, прогнали маршем в затылок друг друга с дистанцией на одного линейного и выбрали 22 солдата и офицера. В то число попал и я. Обязан был, наверное, своему росту и кривой сажени в плечах. Привезли в Москву. Одели с иголки. Выдали совершенно новые китель, брюки и пилотку, а самое главное, сапоги. Парадную форму берегли, как зеницу ока.

Тренировки были с полуночи до пяти часов утра ежедневно. В руки давали черенки от лопат и заставляли держать их наклонно к земле».

Это подтверждает гвардии старший лейтенант Александр Артемович Акулов – командир взвода в том батальоне: «Военнослужащие были разбиты по росту и комплекции. Правофланговые отбирались с типичной славянской внешностью.

Больше месяца весь батальон занимался строевой подготовкой отдельно от других сводных полков».

Идея парада зародилась в душе Верховного Главнокомандующего Сталина задолго до конца войны. Окончивший духовную семинарию, он хорошо знал Ветхий Завет. В его груди кипел гнев к предателям, повернувшим оружие против своего народа. Первоначально он собирался в начале парада вывести на Красную площадь сотню таких мерзавцев и забить их камнями. Академик Тарле, которого он очень уважал, отговорил его от такого зрелища и предложил устроить марш по подобию триумфов Древнего Рима. Там – победители легионеры – бросали в прах знамена и божества завоеванных народов.

«Наш батальон, – говорил А.А. Акулов, – стоял в стороне, как бы замыкая колонны фронтов. Фашистские знамена, которые мы держали в руках, были без чехлов, свернуты на древко и перевязаны шпагатом.

Когда прошли сводные полки фронтов, за нами проследовал сводный полк Военно-Морского флота и, как только последняя колонна моряков миновала трибуны, оркестр, игравший все время бравурные марши, вдруг смолк. Только барабаны продолжали рокотать, отбивая трескучую дробь. Мы в это время развернули вражеские знамена и, склонив их, вышли на Красную площадь. Под грохот двухсот малых барабанов двести воинов-фронтовиков приближались к мавзолею. Они несли фашистские знамена, волоча их по мостовой. Лица суровы. На правом фланге рослый боец, несет личный штандарт Адольфа Гитлера. Черно-белое полотнище волочится по мокрой брусчатке. Сморщилась на нем паучья свастика, обвисли крылья у как будто ощипанного нацистского орла. Следом другие знамена – полков, дивизий, корпусов поверженного вермахта. Барабаны все бьют и бьют, отсчитывая последние их шаги на этом бесславном пути. Взбесившаяся часть народа Германии в жажде своего господства над миром, голосом своего фюрера призывала совершить победоносную прогулку по всему миру. Под этими знаменами маршировали гитлеровские молодчики на своих бесчисленных парадах. Под этими знаменами они мечтали строем пройти по Красной площади в Москве и по Дворцовой в Ленинграде.

На руках у наших воинов перчатки. Они указывают – что даже прикосновение кожи к этим символам зла противно русским людям.

Летят брошенные знамена в кучу. Снимаются и бросаются туда же запачканные перчатки. Все выше растет груда жалких знамен. Двое ассистентов обливают ее бензином. Воины, сбросив свою тяжелую ношу на помост, словно стряхнув скверну, разом повернувшись, уходят дальше. Замыкающий бросает в кучу зажженный факел. Ритм твердых шагов подхватывает оркестр. Парад продолжается».

«До Парада нас очень хорошо кормили, – вспоминает С.И. Ковалев, – но в день Парада завтрака не было. Подняли в пять утра. На площади Пушкина вручили фашистские знамена и штандарты и скомандовали в колонне спускаться

по ул. Горького на Красную площадь. Наше победное шествие уложилось в 30 минут. Уже в 11 часов наш знаменитый полк увезли в Сокольники».

А.Н. Черных

В одном строю с маршалом И.С. Коневым

Для русских людей, а особенно для сибиряков, важно знать свою родню. Это прибавляет силы, уверенности, что не один ты на свете, что есть связанные с тобой нерасторжимыми узами близкие. Они обязательно помогут тебе, но и ты обязан им помочь. Так устроен наш народ и хочется, чтобы это было всегда. Мы ощущаем себя людьми и готовы помочь другим русским людям, которые нынче оказались за границами сегодняшней России – в Прибалтике, Украине, Молдавии, да и вообще, во всех отделившихся республиках. Будь это Крым, Приднестровье, Харьков, Донецк и любые другие места.

Своего дядю – Черных Николая Иннокентьевича, я в детстве не знал. Он родился и вырос в деревне Игнатьево Нижнеилимского района, которая уже давно ушла под воду Усть-Илимского водохранилища. Когда в Иркутск приезжали родственники, всегда долго разговаривали и объясняли мне, кто кем доводится. Ощущение, что у тебя есть много тетей, бабушек, братьев, сестер – далеких и не вполне представляемых – было постоянно. Но о существовании своего дяди Николая я знал с детства. В сибирском застолье повторялся такой рассказ: мой отец – Черных Николай Петрович, фронтовик с первого дня той войны – в 1945 году ехал в первый свой отпуск. На ночной железнодорожной станции он получал по продовольственному аттестату. Выдававший провизию громко сказал:

- Смотри, тоже Черных и тоже Николай! Что-то много вас, не родня ли?
- А откуда ты будешь? – спросил высокий офицер, уже стоявший возле двери.
- Из Иркутска, – бросил в ответ отец, привыкший к тому, что однофамильцы были не только в Сибири.

Капитан развернулся, и с возгласом «Братка! Здорово», обнял его. Двоюродные братья узнали друг друга, хотя не виделись десять лет. На груди под раскрывшейся шинелью блеснула Золотая Звезда Героя Советского Союза. Встреча продолжалась 20 минут, но осталась в их памяти на всю жизнь.

Получив звание Героя Советского Союза за уничтожение 12 танков в смелом рейде по тылам противника. Черных Николай Иннокентьевич, штурмовал Берлин, освобождал Прагу и вместе со своим командующим фронтом маршалом Советского Союза Иваном Степановичем Коневым печатал шаг на параде Победы.

Он служил в Вооруженных Силах до последних дней. Часто приезжал в Иркутск. Был очень скромным, но воинское звание гвардии полковника носил с честью. В наши редкие встречи, глядя на него, я вспоминал, как рассказывала бабушка Мария Артамоновна: «В 1942 году все ее дети воевали на фронте. Николай Иннокентьевич учился в Черниговском военно-инженерном училище, эвакуированном в Иркутск. Забегая, во время своих увольнительных он, как мог, успокаивал ее, не

получавшую по полгода писем от воюющих сыновей. Съев немудрящее угощение и выпив рюмку настойки, он произносил: «Хорошо, тетка Маня!»

И сегодня в нашей семье, за праздничным столом в День Победы помянув погибших, я говорю, подняв тост за него: «Хорошо, тетка Маня!»

А.Н. Черных

Память – дело святое.
(Из истории ветеранского движения
в Иркутской области)

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот,
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесёт?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным вёрстам счёт.
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б ещё.

Если ты случайно неженатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы видно было по всему, –
Здесь живёт семья советского героя,
Грудью защищавшего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Алексей Иванович Фатьянов

Остался в памяти и в истории

День 14 июня 2012 года в ветеранских организациях Иркутска был посвящён 90-летию со дня рождения участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, заслуженного военного летчика СССР, генерал-полковника авиации Владимира Михайловича Безбокова. В юбилейных мероприятиях, проходивших в разных районах города, приняли участие представители Иркутского областного подразделения Общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы, областного совета ветеранов войны и труда, Иркутского городского и Правобережного окружного советов ветеранов, администрации города, ветераны дальней авиации Военно-Воздушных сил.

Один из видных советских военачальников, В.М. Безбоков прожил в Иркутске последние двадцать лет своей жизни. Он оставил о себе и о своих делах добрую память не только у сослуживцев-авиаторов, но и у жителей нашего города. Его биография кадрового военного, встретившего 22 июня 1941 года на Ленинградском фронте вторым пилотом в звании сержанта и закончившего службу в армии в 1985 году командующим 30-й воздушной армии Верховного главнокомандования стратегического назначения, может служить своего рода учебником истории становления и развития нашей отечественной Дальней авиации ВВС. Он прошёл, как говорят, «от звонка до звонка» две войны – с фашистской Германией и милитаристской Японией. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» и многими другими орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза за проявленное на фронте мужество и героизм В.М. Безбокову было присвоено 29 июня 1945 года. Он был участником Парада Победы.

В послевоенные годы Владимир Михайлович остался верен главному делу своей жизни и военной службы – дальней авиации. Одна из важных страниц его биографии – участие в создании ядерного щита нашей страны на Семипалатинском ядерном полигоне. И далее – многолетняя работа, на многих ответственных командных постах, по укреплению оборонной мощи Родины.

После выхода в отставку В.М. Безбоков четыре года возглавлял Иркутский областной совет ДОСААФ, который сейчас носит его имя, в начале 90-х годов был председателем областного Совета ветеранов войны и труда, избирался членом бюро обкома КПСС, депутатом Иркутского областного Совета народных депутатов.

Вот как много исторических событий в жизни страны и нашей области вместились в биографию одного человека. Память о нем в Иркутске увековечена в мраморном надгробном памятнике на Радищевском кладбище, в мемориальных досках на здании ДОСААФ, на улице имени В.М. Безбокова в районе Иркутской ГЭС, на доме, по улице 5-й армии, где он жил.

Б.А. Преловская

Жить за двоих

Мне скоро восемьдесят лет. Я обязан жить за братьев, потому что они не успели, не смогли сделать то, что должны были сделать, а виновата – война.

Старший брат Василий Иннокентьевич, 1913 года рождения, первенец в семье Замаратского Иннокентия Михайловича и Надежды Федотовны, в девичестве – Солодковой, можно сказать, родился в более-менее благополучные времена.

Жили они в деревне Погодаевой на реке Илиме. Через реку стояло село Нижнеилимск, в котором имелась школа колхозной молодежи (ШКМ) и Василий, окончив ее, под влиянием сверстников, поступил в городе Красноярске в финансовый техникум, а после выпуска стал работать в Нижнеилимской районной сберкассе. Был он чуть выше среднего роста, любил модно одеваться, носил галстуки, на рукавах рубашки – запонки, хромовые ботинки начищены до блеска, при ходьбе ласково поскрипывали.

Жил он в отдельной комнате нашего большого дома. В его комнате стояла столь необычная для деревенского быта того времени этажерка, на которой лежали тоже необычные для деревни книги и брошюры, а в столе – тетради, в которых брат что-то писал, перечеркивал, зачеркивал и вновь писал...

На стене висела двустволка 16-го калибра: брат любил охотиться на уток. Но больше он славился, как ягодник. Бывало, в конце августа приплывет с работы, возьмет жестяное ведро, уйдет в ближний бор и к закату солнца приносит домой полное ведро брусники без единой хвоинки, листочка. А еще любил готовить из конского волоса мотаусы – лески для рыбной ловли – старинный, от первопопеленцев, способ снасти.

...Зимой я, школьник, любил подглядывать, как брат усаживался за стол, вынимал тетрадь и начинал что-то писать, долго и сосредоточенно упираясь взглядом в стену, словно что-то в ней пытаюсь углядеть, осознать, представить, вообразить.

Я и другие младшеклассники, любили после уроков заходить в сберкассу. Я с некоторым неудовольствием, даже с иронией смотрел на брата, сидящего за стеклянной перегородкой и гонящего туда-сюда косточки конторских счетов. На рукавах его пиджака были одеты нарукавники черного цвета, что казалось особенно унижительным: красивый мужчина – и какие-то нарукавники!

Брат женился на девушке-акушерке, черты лица которой носили явные признаки аборигенов Лены. Она была симпатичной, хорошо пела, играла на гитаре и работала в районной больнице.

После рождения второго ребенка приехала мать жены нянчиться с малолетками – внуком и внучкой.

Как стало входить в моду, молодые решили жить отдельно. Мой отец разметил стоявшую в углу двора большую (на две половины) баню «по-белому». Ее разобрали, перевезли в Нижнеилимск, и поставили на тупиковой улочке. Новая семья осталась довольна: не надо плавать через реку, что было не всегда безопасно,

особенно в период ледохода и ледостава: и работа под боком. И пусть пятерым тесновато в крохотном, все-таки, домишке: как-никак – бывшая баня...

Брат решил не брать с собой ничего лишнего, и было странно, что он не взял этажерку с книгами и «письменный» стол.

Теперь я стал «открывателем» его секретов. Читал его книги, долго недоумевал, почему «Горе от ума»? Разве ум – это плохо? А фраза из журнала «Удмуртские девушки мылом не моются, а всегда белы» вот уже больше шестидесяти лет торчит у меня в голове. Стихи нравились тем, что очень напоминали ступеньки-лесенки, хотя содержание их не всегда доходило до моего детского сознания.

В столе я обнаружил тетради, с досадой понимая, что разобраться в этих «нагромождениях» мелкого, торопливого почерка, мне пока что не под силу.

Брат не попал в армию: комиссия нашла сердечную недостаточность.

Я перешел в пятый класс средней школы. В июне 1941 года началась война, и я мог видеть, как крупный, спортивного склада мужчина в военной форме обучал на улице тех, кого должны с часу на час призвать на фронт. Брат терялся от требовательных команд, путал ружейные приемы, и мне было и жалко его, и стыдно немного.

В конце сентября брат получил повестку о призыве в Красную Армию. Очень хорошо помню проводы брата.

Старшая сестра в свое время заметив мою увлеченность стихами из братской библиотеки, терпеливо объясняла, что такое рифмы, размеры, содержание этих стройных и звучных строк, и я сам стал пробовать писать их по разным поводам.

Проводы брата в армию помню, как будто вчера все было, а ведь прошло больше шестидесяти лет. Позже я написал стихотворение:

*Я помню лето сорок первого,
Когда зловещая война
На нас легла бедою первою,
Чтоб ни покрывки ей, ни дна...
Я помню старший брат воинственно
Хвалился: – Или грудь в крестах...
И зубом дед своим единственным:
– Или головушка в кустах...
Потом брат дочку годовалую
И сына за руку водил,
И с нежностью он небывалою
С женой о чем-то говорил...
А утром, взявши, что положено,
Простился с нами старший брат,
А над рекой гудел встревоженно
Казенный дом – военкомат...*

Пришло от брата два письма, в которых он сообщал, что готовится вступить в схватку с оголтелым врагом, стремящимся окружить Москву на северном направлении. В конце октября 1941 года брат был ранен в живот, атакуя с батальонной позиции врага.

Лечился он в городе Красноярске. К нему приезжала на побывку жена, которой он рассказал, как они с винтовочками и пятью патронами бросились в атаку на автоматный ливень. Жена уехала домой и увезла «сувенир» – автоматную пулю. Я писал позже:

*Представить это все смогу ли:
Брат еле сдерживает стон.
Хирург извлек из раны пулю
И положил ее на стол...*

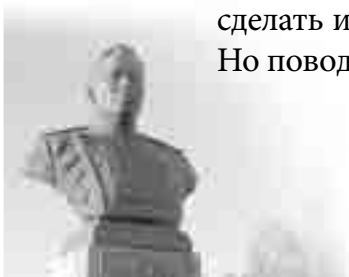
Дома, понятно, мать – исходит в горе, отец – сгорбился, сник. Я дал себе клятву, что продолжу то, что не успел сделать брат, и первую свою большую повесть посвятил памяти брата.

*А брат, окончивши лечение,
На Ленинградский фронт попал
И там в упорнейшем сраженьи
На поле смертью храбрых пал.*

Я продолжал «исследовать» письменный стол брата, стараясь понять, что хотел написать он. В кратких, перечеркнутых строках улавливалось что-то из деревенской жизни – в поле, на сенокосе, на охоте, на рыбалке. Попадались и отдельные описания знакомых, родных и милых сердцу пейзажей. Если бы брат не погиб на войне, может, стал бы новым Виктором Астафьевым. А что б могло ему помешать, кроме войны? Жена? Дети? Материальные затруднения?

Некоторое время после получения «похоронки» все еще тлела надежда на ошибку – ведь в такой мясорубке могла быть и запутанность в документах. Только неумолимое время уверяло: погиб! Я же с некоей фанатичностью решил – как бы жить за брата, чувствуя его присутствие спиной и в делах равняясь на него.

Оставался еще один брат – Михаил, 1918 года, который не походил на Василия ни внешне (выше ростом и стройнее, красивый лицом), ни внутренне. Он относился безразлично к учебе в школе (кроме уроков труда), одевался скромнее – некуда, был застенчив и даже робок, особенно при «публике». После ШКМ работал в колхозе. Помню, когда он посадил меня впереди себя на лошадь. Я, конечно, был на «седьмом небе». Еще бы! Жалкий, даже не первоклашка, сидел и смотрел, как повод узды то натягивался, то слабел, а у меня рождалось желание сделать из этого повода (резина, все же!) рогатку, чтобы стрелять по воробьям. Но поводья были все-таки ременные, не резиновые.

После колхоза Михаил поступил наборщиком в только что открывшуюся типографию. Долго там не продержался: нудная, однообразная работа! Перешел на работу монтером радиоузла. Я с восторгом смотрел на него, когда он в монтерском полушубке, обвешанный новой сумкой с набором инструментов, «когтями» для влезания на столбы и даже цепями с карабинчиками шел по улице. Бывал я и на радиоузле во время дежурства брата, «во все глаза» смотрел на аппаратуру, на двигатель Л-6 для зарядки аккумуляторов и не смел даже подозревать, что мне придется когда-то поработать на месте Михаила.

Ушел он в армию в сентябре 1939 года и должен был бы демобилизоваться в сентябре 1941 года, а пришлось из Совгавани попасть на фронт под город Калинин. Вот так-то!

Михаил оказался более везучим. С катушкой за спиной обслуживал связь между частями, и был награжден медалью «За отвагу», а через некоторое время – медалью «За боевые заслуги». Вообще-то все шло удачно, если не считать того, что брат «умудрился» заболеть двухсторонним воспалением легких и был оставлен на излечение в деревеньке у старушки, которая травами, мазями, припарками поставила его на ноги, за это, написал он в письме, «благодарен ей на всю жизнь».

А предрасположенность к простудам у брата была. Участь в седьмом классе, он вместе с еще шестерыми учениками (ребята все крупные – поздно начинали учиться) решили после уроков плыть домой. День сиял солнцем. На реке недавно прошел ледоход, вода, ясное дело, не «кипяток»! Лодка оказалась текучей, и скоро ребята приутихли: пахло бедой. Однако все оказались настолько «гордыми» – никто не хотел вычерпывать воду, а она прибывала ежеминутно, и вот лодка черпанула бортом воду, перевернулась и «торжественно пошла ко дну». Ребята, естественно, ухватились за днище. Только семерых лодка не держала: кому-то надо было пускаться вплавь, а до берега метров сто. Первым поплыл, раздеваясь на ходу, Мишка Костенков. Вторым рискнул брат, почему-то раздеваться не стал, так и плыл в одежде. Третьим поплыл паренек из приезжих с Ангары. Остальные зацепились за дно лодки, и течением их относило вниз.

В деревне полным ходом шли полевые работы. Тревожно загудел колокол. Дыма над деревней не видно – значит, кто-то тонет. Мужики – на лошадях, примчались к берегу. И тут меня поразила невиданная слаженность и расторопность мужиков. Мгновенно сброшены с берега в воду лодки, в них – весла, гребни... И вот первая пара стремится к Михаилу, который, похоже, готов пойти на дно. Мишка Костенков выплыл и стоял на начинающей зеленеть травке с гордо поднятой головой: знай наших! К нему бежали женщины с тулупами, одеялами, шубами. С лодки брата схватили за воротник и приправили на берег. Он не мог стоять на ногах, валился на руки женщин, которые укутывали его тулупом. Я поглядел на бледное лицо брата и заметил в его глазах ужас смерти.

Брат выжил, а вот Мишка Костенков схватил от переохлаждения туберкулез и через год умер.

На фронте приходилось переносить и жару и холод, поэтому воспаление легких вспомнило себя, прицепилось...

О дальнейшем боевом пути брата можно судить о присылаемых им Благодарностях Верховного Главнокомандующего. Это были небольшого размера листки газетной бумаги с рисунками, печатями, подписями командиров. Вот они: «За Брест», «За овладение плацдармом на Висле», «За Найдемюль» в Померании, «За Альтдам», «За Штеттин»... Я гордился этими благодарностями, показывал их друзьям-товарищам. Вспоминая как с братом ходили в дальний, столь страшный ельник, где брату потребовалась какая-то еловая загогулина, а я лежал на мягком толстом мху, почти провалившись в него и смотрел, как на покотине пасутся коровы, глухо брякая боталами. Сквозь силуэты деревьев сквозило всеобъемлющее июньское солнце, бросая резкие тени на сказочный пейзаж.

Вспоминал и переписку с братом, когда он служил в Совгавани. Брат писал, как тяжело переносили призывники морскую качку, когда плыли на пароходе из Владивостока к месту службы, а я, не зная, что писать в ответ, взял линейку и, сбегав в поле, смерил высоту пшеницы, как бы напоминая ему о Родине.

Брат любил работать в подоградке, где у него стоял верстак, а на стене полки с инструментами. Позже и я иногда что-нибудь пытался смастерить, например, «нарты» для вывозки кряжей из лесу на дрова, для чего из спортивных лыж сбил легкий каркас.

Брат писал письма редко и все с оговорками: вот, если... если все... Осторожничал. Пришло письмо «с окраин Берлина» в котором он уверенно написал, что приедет и все расскажет.

Не приехал, не рассказал...

В июне 1945 года отец, я и братец пилили на дрова кряжи, приплавленные по реке издалека. День сиял добротой, теплом и тишиной – радуйся сколько хочешь!

Из села приплыла близорукая почтальонша Клаша. Поддержала лодку и застыла в нерешительности. Отец взглянул на нее, достал кисет, закурил и мрачно выдохнул, сгорбившись:

– Ну... иди... вручай...

Это была похоронка, в которой сообщалось, что Замаратский Михаил Иннокентьевич, 1918 года рождения, связной 1319 с. д. 135 с. п. погиб смертью храбрых 24-го апреля 1945 года. Похоронен в деревне Форштадт Магдебургской области... Стоит ли говорить о том, какое горе свалилось на нашу семью. Особенно тяжело переживала мать.

*Ах, похоронка, похоронка,
Бумажки маленький листок!
Не мог брат где-нибудь в сторонке
Чуть затаиться? Нет, не смог!*

Брат с честью пронес славу сибиряка сквозь все опасности и лишения, сквозь пули и осколки с катушкой за спиной, исполняя долг солдата со всей добросовестностью и прилежанием настоящего фронтовика.

Я долго не мог понять, как брат из-под Берлина попал к Магдебургу, к Эльбе. И только роясь в «Истории Великой Отечественной войны» понял, что часть дивизий были сняты из-под Берлина и брошены навстречу американцам к Эльбе...

Вот так вот.

Зависть

*Посвящается брату Михаилу, прошедшему
с боями от города Калинина до города Магдебурга*

Бой бушевал,
свинцом дождил,
Но шли солдаты,
как полпреды,
А брат погиб,
он не дожил
Пятнадцать суток
до Победы.
Наград он нам не показал,
Не посмотрел
родных и близких.
Усталый писарь
записал
Его в трагические
списки.
Солдата ждали мы
домой,
Но получили
похоронку.
Старик-отец шепнул:
– Сын мой!
И мать заголосила
тонко...
И стало нам не по себе,
И мне и младшему братишке,
И все же братовой судьбе
Завидовали мы, мальчишки.
Завидовали мы ему,
Что он в кровавой коловерти
Принес народу своему
Жизнь, преградив дорогу смерти.

Георгий Замаратский, член Союза писателей России

Сохраним память о врачах госпиталей

(Воспоминания сотрудников Иркутского медицинского института)

Прошло много времени с тех грозных лет. Многих профессоров, ассистентов нет среди нас. Но их доблестный труд, самоотверженность и стремление принести максимальную пользу везде, где бы они ни работали, всегда будут для нас примером, достойным подражания.

Невозможно остаться равнодушным к воспоминаниям о работе в иркутских эвакуогоспиталях ветерана Великой Отечественной войны, ассистента кафедры факультетской хирургии ИГМИ, ведущего хирурга госпиталя № 14-76 Ольги Николаевны Захвалинской. Спустя 45 лет после окончания войны, вспоминая те трудные годы, она в своей статье «Госпитальные будни» на страницах газеты «Медик» 4 мая 1990 года писала следующее.

– Госпиталь № 14-76 располагался в центре Иркутска, в здании финансового института (на углу улиц Ленина и К. Маркса), Начальником госпиталя был врач Моисей Яковлевич Явербаум. Первым комиссаром стал писатель Борис Александрович Костюковский. Оба они своей энергичностью смогли обеспечить ритмичную интенсивную работу. Команда госпиталя всегда была наготове к прибытию санпоезда, иногда за сутки могла принять раненых с целого поезда. Предварительная сортировка велась еще на вокзале. Наш госпиталь принимал бойцов в основном с ранениями бедра, тазобедренного сустава и при наличии свободных мест – с ранениями груди. Обработка этого контингента в санпропускнике была изнурительной, т. к. закованные в гипс от груди до стоп они требовали непосильной работы от санитарок, сестер, работников подсобных кабинетов. Кто же были эти работники? Девочки, прослушавшие краткие курсы медсестер, присланные из Казани, Удмуртии и других областей европейской части России.

Работа проводилась слаженно. Изнуренные сотрудники отпускались по домам, ближе к ночи на 3-4 часа, а утром в 8 часов они уже были на своих рабочих местах. В последующие за приёмом дни врачи знакомились с характером гнойных и других осложнений. Операционный блок состоял из операционной, перевязочных на каждом этаже и кабинета по переливанию крови. Зав. операционной – старшая операционная сестра Вера Николаевна Зоркина распределяла работу перевязочных сестер и организовывала взятие крови от проходящих доноров – работников разных учреждений. Среди проходящих я увидела однажды знакомую – бухгалтера. На мой вопрос «Почему она так часто сдает кровь», она ответила: «У меня трое маленьких детей и хочется хоть иногда порадовать их пайком донора».

В составе работников госпиталя было много эвакуированных из средних областей страны по болезни или по возрасту. Ведущим хирургом вначале был Глезер. С отступлением от Москвы врага он уехал, и ведущим хирургом стала автор этих строк. Часто менялись начмеды. Старательно работали приехавшие молодые врачи Гусикова, Мышкина, Коптева и др. Лечебную физкультуру вела энтузиаст Носкова, терапевт Александрович была опытным врачом, физиотера-

певтическим кабинетом ведала Виноградова. В госпитальной аптеке работали Снежок и Косякова. Особенно хочется сказать добрые слова о последней. Она еще добровольно вела переписку с семьями раненых и разыскивала их родственников, принимая участие в захоронении умерших на Лисихинском кладбище. Комиссар Б.А. Костюковский вел культурно-массовую работу с ранеными и персоналом. Запомнилась организованная им встреча с эвакуированным из блокадного Ленинграда писателем Масловским.

Главным хирургом иркутских госпиталей была профессор А.И. Соркина. Она заботилась о повышении квалификации медработников госпиталей: действовали курсы молодых врачей по освоению военно-полевой хирургии. Писались и научные работы, некоторые были после войны оформлены как кандидатские.

Оперировали по инструкции, изданной еще в начале войны. Но жизнь вносила свои коррективы, война давала такие ранения, которые требовали новых оперативных вмешательств (методов лечения). Так, у меня был случай, потребовавший резекции локтевого сустава молодому раненому бойцу. Операция прошла успешно, через три месяца паренек был здоров. В Иркутске эта операция обсуждалась профессорами, а в 1943 г на состоявшемся в Иркутске съезде ведущих хирургов профессор Войно-Ясинецкий, первым удостоенный Сталинской премии, провел показательную операцию – резекцию коленного сустава при остеомиелите огнестрельного ранения.

Все свои знания и силы медики отдавали борьбе за жизнь, скорейшее возвращение в строй защитников Родины – раненых бойцов и командиров.

Как уже говорилось выше, всего в иркутских эвакогоспиталях за годы Великой Отечественной войны лечилось свыше 100 тысяч раненых солдат и офицеров Красной Армии; было проведено более 41 тысячи операций. О результатах работы эвакогоспиталей говорят сами за себя такие данные: 30% раненых вернулись в боевой строй, 66 % – к труду, 3 % определена инвалидность. Умерли только 1 % раненых. По мнению профессионалов, это очень хорошие показатели, если учесть, что в иркутские госпитали поступали в основном тяжелораненые, требующие довольно длительного лечения.

После войны один из иркутских эвакуационных госпиталей был передислоцирован на восток и принял участие в разгроме милитаристской Японии. Основная же часть госпиталей была расформирована. Тяжелораненых и больных сгруппировали в нескольких госпиталях и во вновь открытом Иркутском институте травматологии и ортопедии.

В Иркутске, на Лисихинском кладбище, увековечена память воинов, солдат и офицеров, умерших в иркутских госпиталях от ран, полученных на фронтах Великой Отечественной войны. На стеле и надгробных плитах высечены имена и фамилии, год рождения и смерти умерших. Отдавшим жизнь за Родину воздаются почести. Ежегодно, накануне Дня Победы, здесь проводятся манифестации, возложение цветов, венков и гирлянд. Это место для иркутян стало священным.

Абсолютное большинство лечившихся в иркутских госпиталях было возвращено к жизни, за что они спустя многие годы и десятилетия искренне благодарили своих лечащих врачей.

Так, спустя 40 лет после Победы в Великой Отечественной войне в редакцию Иркутской областной газеты «Восточно-Сибирская правда» бывший связист 244-го стрелкового полка М. Карпенко с Украины написал: «Иногда мне кажется, что я узнал бы этих людей, вернувших мне, солдату, силы и здоровье, даже сейчас, хотя со дня нашей Победы минуло 40 лет. Добро не забывается! Но еще я помню, что помогало нам выжить – это доброта города. Я уверен, что не только у меня одного, у тысяч солдат, которым даровал выздоровление Иркутск, сохраняются об этом городе самые теплые воспоминания» (Иркутск в панораме веков. Иркутск, 2002).

От стен Сталинграда до Берлина пролегли фронтовые дороги армейского разведчика, лейтенанта, уроженца нашей области Владимира Васильевича Ждановича. На счету отважного воина 18 рейдов в тыл врага, 44 взятых и доставленных в распоряжение наших войск «языков».

За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, командир взвода полковой разведки Жданович награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степеней, Красного Знамени, Славы II и III степеней, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями.

В 1944 г. за доставку командованию стратегических разведданных лейтенанту В.В. Ждановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Эта высокая награда нашла героя в июле 1944 г. в иркутском госпитале, где он долечивался после ранений.

Вот что написал отважный воин в редакцию газеты «Медик» через 40 лет после окончания Великой Отечественной войны.

– В Иркутск я попал после госпиталей Гомеля и Москвы. Ранения у меня были тяжелые – челюстно-лицевое, в руку, в шести местах был рассечен живот. Но меня особенно беспокоило лицо. Здесь, в госпитале (сейчас в этом здании располагается школа № 26), мне переделали несколько грубых шрамов, но при разговоре и улыбке губы тянуло куда-то вправо. И меня очень угнетала мысль: неужели таким и останется мое лицо. Врачи утешали, говорили, что все будет нормально, восстановится. Меня поражало терпение медиков: ни врачи, ни сестры, ни нянечки никогда не показывали брезгливости, всегда были вежливы, ласковы.

Из-за ранений я был списан, признан негодным к службе. Но я твердо решил вернуться на фронт и тайком стал тренировать руку, да так, что под мышкой образовался желвак и поднялась температура. На кладбище неподалеку, которое все мы, ходячие раненые, очень любили посещать, я поднимал камни, заставлял работать руку и укреплять брюшной пресс. И когда 28 августа выписывался из госпиталя, я уже мог в пальцах удерживать ложку, правда, пустую. На фронт все же я вернулся полноценным бойцом.

Вот уже 40 лет в моем сердце теплится огонек благодарности врачам, всему коллективу иркутского госпиталя. Я хочу пожелать всем им долгих лет жизни,

здоровья, счастья – они это заслужили за свой гуманнейший труд во время войны.

Нынешним молодым врачам, студентам надо учиться у медиков военных лет терпению, самоотверженности, профессионализму. Сколько бойцов и командиров обязаны им своей жизнью, возвращением на фронт. В нашей Победе над врагом есть немалая доля медицинских работников. Спасибо вам! С нашим общим великим праздником – 40-летием Победы над фашизмом!

Еще и еще воспоминания, письма, благодарности от лечившихся в иркутских госпиталях раненых солдат и офицеров людям в белых халатах за их нелегкий труд в годы Великой Отечественной войны. Пройдут еще годы, десятилетия и более того, но никогда из человеческой памяти не должны исчезнуть их имена, заполнившие собою памятные, скорбные и героические страницы истории нашей великой и многострадальной России.

Мы считаем необходимым максимально исчерпывающе и поименно назвать всех сотрудников Иркутского государственного медицинского института и его факультетских клиник, кто в годы Великой Отечественной войны прямо или косвенно, постоянно или периодически, в большей или меньшей мере принимал участие в работе иркутских эвакуационных госпиталей, в консультациях, лечении и реабилитации раненых и больных солдат и офицеров Красной Армии и тем самым способствовал быстрейшему разгрому врага и приближению долгожданной над ним Победы.

Однако, ввиду того, что иркутские госпитали были очень динамичны по структуре, специализации, объемам и видам работы, а соответственно – по численному наличию в них штатов, должностей, постоянных и временных сотрудников всех рангов, сегодня, спустя многие десятилетия, абсолютно достоверно восстановить эту истину во всех ее выражениях – сколько было кого; кто был кто, кем, когда, каким и т. п., к великому сожалению, практически оказалось невозможным.

Поиск достоверных сведений об участии сотрудников Иркутского медицинского института в работе иркутских эвакуационных госпиталей в значительной степени осложнялся еще и тем, что профессорско-преподавательский коллектив института в годы войны также был очень динамичен и работал в крайне необычных, нестандартных условиях, напряженно занимался одновременно по многим важным направлениям военного времени, стараясь обеспечить на необходимом уровне внутривузовскую работу и в тоже время оптимально участвовать в общенародном движении – все для фронта, все для Победы. Объединенный этой патриотической идеей, коллектив института, включая все ранги преподавателей, ассистентов, доцентов, профессоров, аспирантов, ординаторов и студентов, считал своим священным долгом вносить свою посильную лепту в общее дело Победы над врагом. В иркутских госпиталях трудились многие профессионалы института не только на постоянной, штатной основе, но еще большее количество профессоров, преподавателей, врачей факультетских клиник и других сотрудников института, включая студентов, оказывали раненым и больным солда-

там и офицерам периодическую, единовременную, консультативную, лечебную, психологическую, материальную и моральную помощь.

С учетом вышесказанного восстановить сегодня и поименно назвать из института и его клиник всех, кто в годы Великой Отечественной войны в том или ином виде оказывал ту или иную, профессиональную или другую помощь в иркутских госпиталях, к сожалению, задача нереальная. Но зато можно и абсолютно реально нужно сегодня, в очередной раз, в связи с юбилеем Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, выразить им всем, независимо от служебного положения, большое уважение, огромную признательность и благодарность за то, что они были в те суровые годы такими, какими были, и сделали то, что сделали.

Г.М. Гайдаров, А.Г. Шантуров

Хранитель Вечного огня

Александр Николаевич Троицкий – ветеран пассажирской службы Восточно-Сибирской железной дороги, проработал в ней почти полвека. За полвека сменилось семь начальников дороги. Каждый из них имел только ему присущий нрав, свой почерк в работе.

И со всеми Александр Николаевич ладил, находил общий язык. Начальники дороги, их заместители, все сослуживцы ценили и уважали начальника отдела пассажирской службы за гибкий ум, находчивость в решении производственных задач, прилежание в работе, порядочность. С 1975 года А.Н. Троицкий – почетный железнодорожник. У него было трое именных часов от трех министров Министерства путей сообщения. Ежегодно получал денежные премии, почетные грамоты, различные подарки.

Тридцать семь лет назад фронтовик А.Н. Троицкий с фронтовиками-железнодорожниками А.П. Поляковым и К.В. Луковниковым доставил в наш город Вечный огонь с Могилы Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. Все эти годы горит этот Вечный огонь на мемориальном комплексе «Иркутяне в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 1975 года старенький сквер за зданием областной администрации стал одним из самых почитаемых мест иркутян и гостей города.

За ратные подвиги в годы лихолетья А.Н. Троицкий награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями «За отвагу» – дважды, «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и юбилейными.

Предки А.Н. Троицкого были священнослужителями. Как предполагает Александр Николаевич, архиепископ Владимир Александрович Троицкий (конец XIX – первая половина XX века) был его близким родственником, возможно, даже

дядей. В книге «Самые знаменитые храмы Москвы», изданной в Минске в 2004 году, об этом архиепископе написано, что он окончил духовное училище, затем с отличием – Тульскую духовную семинарию и Московскую академию. В 1913 году защитил магистерскую диссертацию «Очерки из истории догмата Церкви» и принял монашеский постриг (церковный обряд принятия монашества, сопровождаемый подрезыванием волос).

Многие современники Владимира Троицкого отмечали, что характерными чертами личности владыки были исключительная душевная чистота, целостность, прямота в отстаивании своих убеждений, благодатное влияние на окружающих своей энергией и жизнерадостностью, которую он сохранил даже в Соловках. Физически очень сильный, высокого роста, с широкой грудью, владыка имел русые волосы, ясное, светлое лицо. Несколько раз его подвергали арестам, ссылкам, отправили на три года на Соловки. Лагерное начальство относилось к нему с уважением.

Отец Александра Николаевича, Николай Александрович Троицкий, был богатырской породы. Высокого роста, в плечах, как говорится, косая сажень, похож на героя русской былины Илью Муромца. Он был из семьи священнослужителей и в конце 20-х годов прошлого века из Ульяновска был направлен в Иркутск, где служил в Иерусалимской, Александровской и Владимирской церквях. В 1937 году был арестован и расстрелян. Трудно стало жить семье репрессированного священника – и материально, и нравственно. Мать Троицкого-младшего, Надежда Владимировна, работала в гостинице горничной. Ее небольшой зарплаты на жизнь не хватало. Кроме Саши, она поднимала на ноги дочь Нину. Про мужа говорила: «Нам нечего стыдиться за него: он был честным, порядочным человеком, когда-нибудь его оправдают...»

Саша Троицкий учился в железнодорожной школе на станции Иркутск-сортировочный, затем в железнодорожном техникуме, после окончания которого работал разъездным дежурным на железнодорожной ветке Улан-Удэ – Наушки...

Шла Великая Отечественная война. Одногодки Троицкого – на фронте. Неоднократно он обращался в военкомат с просьбой снять с него бронь и отправить на фронт, но получал неизменный отказ. «Железная дорога – часть фронта, поставляет на передовую военный груз, ей нужны хорошие специалисты», – отвечал Александру военный комиссар.

Но своей настырностью Троицкий все же добился своего – был определен курсантом в Иркутское военно-инженерное училище. После шестимесячной учебы в звании лейтенанта был направлен на фронт. Первое боевое крещение получил в июне 1944 года в Свирско-Петрозаводской операции Карельского фронта (командующий генерал армии К.А. Мерецков). А было это так...

С конца сорок первого года между Ладожским и Онежским озерами по реке Свирь фронт стабилизировался. За два с лишним года обороны свой северный гористый берег реки финны основательно напичкали огневыми точками... 21 июня началось форсирование Свири. Стояла теплая, безветренная погода. Голу-

бые куски неба смотрели из разорванных туч. Ранним утром бомбардировщики седьмой воздушной армии сбросили на огневые точки врага смертоносный груз. А вслед за бомбовым ударом артиллеристы из орудий разных калибров в течение двух часов разрушали финские укрепления. Взлетала земля, обломки бревен, досок, детали пушек, стрелкового оружия. Северный берег был в сплошном дыму и огне. От артиллерийской канонады перепонки в ушах чуть не лопались...

Под гул артиллерийского обстрела пехотинцы стали переплывать реку. Уцелевшие вражеские пулеметы, минометы, пушки открыли огонь по лодкам и плотам. Вода кипела от разрывов снарядов, мин, пузырилась от пуль и осколков. В огневом смерче взлетали обломки лодок, плотов, изуродованные тела пехотинцев. Крики. Помочь раненым было некому. Их поглощала пенная вода...

Как вспоминает Александр Николаевич, солдаты в лодках и на плотам с замешиванием сердца провожали пролетающие над их головами снаряды и мины. «Пронесло», – с облегчением думал каждый. Гребли изо всех сил, но казалось, что плоты и лодки почти стоят на месте. Солдаты впились глазами во вражеский берег. Всем хотелось как можно скорее почувствовать под ногами твердую землю...

Когда плоты и лодки наконец-то оказались у долгожданного берега, пехотинцы, напирая друг на друга, опростелью кинулись на вражеские окопы. Все понимали: быстрый их захват – это спасение... И первая линия финской обороны оказалась в руках наших бойцов. В последующие дни были захвачены вторая, третья... последняя – шестая – линия. Через семь дней наступления была освобождена столица Карелии Петрозаводск...

За участие в успешном форсировании реки Свирь лейтенант Троицкий был награжден медалью «За отвагу». Эта первая награда, по его словам, является самой дорогой...

Летом этого же, 1944 года, он принимал участие в завершении операции «Багратион» в Белоруссии, затем освобождал столицы европейских государств – Вену, Будапешт, Прагу. В Праге и встретил День Победы. В боях не раз был на волоске от смерти, но Бог или судьба его хранила – остался живым и без тяжелых ранений...

После демобилизации в 1946 году А.Н. Троицкий стал трудиться на Восточно-Сибирской железной дороге, с головой ушел в работу. Начальство было им довольным. Но не хватало домашнего тепла, уюта, женской ласки. В 1949 году все это пришло – он женился на обаятельной женщине Валентине Петровне. Это был счастливый брак. 36 лет они прожили душа в душу, с полуслова понимая друг друга, у них царил «ясная погода в доме». По словам Александра Николаевича, после работы он не шел, а летел с радостью домой, зная, что рядом с ним будет самый дорогой на свете человек – его жена Валя. То же самое испытывала к мужу и Валентина Петровна...

Но затем в их жизнь ворвалось страшное горе: одна за другой ушли из жизни дочери – Нина и Наташа. Наташа трагически погибла, Нина скончалась от болезни. «Этот удар судьбы я бы не перенесла, не будь рядом Александра Николаевича», – со слезами на глазах говорит Валентина Петровна.

...22 февраля 2005 года ушел из жизни и Александр Николаевич Троицкий. Сказались контузии, ранения на фронте и беспокойная работа на Восточно-Сибирской магистрали.

Н.А. Алферов, член Союза журналистов России

С «Катюшей» по фронтовым дорогам

Очень трудно говорить о человеке, которого давно знаешь, с которым пересекаются житейские дороги и рабочие дела: «был», «звонил», «обещал». И вот теперь приходится говорить: «Недавно ушел из жизни...» Жителям города Братска хорошо был знаком ветеран Великой Отечественной войны Александр Иванович Сальников. Часто встречаясь со школьниками и студентами, выступая на торжественных мероприятиях, он с болью в сердце рассказывал о фронтовых переживаниях, вспоминал дороги, по которым вместе с братьями по оружию, с дорогой «Катюшей» днем и ночью шел к долгожданной Победе. Иногда во время беседы этот седой, увенчанный орденами ветеран брал гитару и пел. Пел о войне, конечно. Стихи и музыку он писал сам.

Детство Александра Ивановича прошло в Оренбургской области. Горькую правду о войне он узнал еще школьником, когда в их поселок стали прибывать эвакуированные с Запада. А в 18 лет его самого призвали в Красную Армию. Он очень скоро получил водительские права и был направлен в Горький (ныне – Нижний Новгород), а оттуда на горьковских полуприцепках – в Москву, на автозавод имени Сталина для переоборудования под гвардейские минометы. Сдав машины, участники перегона построились в шеренгу. И тут прозвучала команда: «Комсомольцы, два шага вперед!» Так они вместе с «Катюшами» шагнули в свои первые бои.

– В начале мая 1943 года в поселке Люблино-Дачное, что находится под Москвой, – вспоминал ветеран, – нашему 309-му гвардейскому минометному полку вручили знамя, и мы приняли воинскую присягу. Несколько дней мы располагались в лесу, в районе станции Прохоровка, близ небольшой деревушки. Тут нас немецкие самолеты бомбили каждую ночь. Нам же было приказано в ответ не стрелять, чтобы не выдавать себя: немцы охотились за «Катюшами». Через несколько дней началось наступление немецких войск. Наш полк был срочно переброшен на передовую, и вот тут-то «Катюши» дали первые сокрушительные залпы по врагу...

Александр Сальникову и его товарищам пришлось после передислокации догонять свой полк. Они ехали по проселочной дороге в направлении города Белгорода. Вправо от них что-то горело, небо застилало дымом.

– На Орловско-Курской дуге, в районе Белгорода шли ожесточенные бои, – продолжал рассказ фронтовик. – Когда мы добрались до поля, где шли танковые бои под Прохоровкой, то увидели запомнившуюся на всю жизнь картину. Вспоминать тяжело... Июль. Жара. Смерд. Сотни разбитых, сгоревших танков, груды

металла, сотни трупов... Особенно врезался в память труп молоденького белокурого лейтенанта. Наверное, это был его первый и последний бой...

Через много лет Александр Иванович написал в одной из своих песен: «Прохорова поле от ужаса стонало...»

До победного конца Сальников пробыл на войне – под бомбежками, взрывами снарядов, свистом пуль, гулом бомбардировщиков, которые стали нормой военного быта. Однако Курская битва осталась в его памяти особенно трагическим событием. В припеве той же песни звучат слова: «Курская дуга – ты мое к войне отвращенье!»

– Здесь мы, молодые солдаты, повзрослели, ощутив горечь огромных потерь, но и почувствовав одновременно, что победа точно будет за нами – миф о непобедимости германской армии был окончательно развеян.

В августе 43-го полк, где служил А.И. Сальников, принимал участие в освобождении Харькова. За отличные боевые действия при освобождении этого города он получил благодарность от Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина. А позже – медаль «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны 2-й степени. После боев под городом Яссы, полк двинулся дальше, на Чехословакию. Именно там Александру Сальникову и его боевым друзьям стало известно об окончании войны. Радости не было предела! 9 мая на центральной площади Братиславы состоялся митинг, посвященный Дню Победы. Митинг шел, а немцы всё не сдавались, вели пальбу из орудий. Один из снарядов попал в «катюшу», сразу погубив пятерых бойцов. Их похоронили здесь же, на площади...

Много позже, уже на склоне лет он написал:

*А кто живой после боев остался
И поседел от трудных дней, гнетущих –
В памяти его навечно прописался
Героический подвиг фронтовой «катюши».*

Полк «Катюш», а с ним и наш герой, продолжал службу и после войны, в Грузии, Армении... Демобилизовавшись, Александр поехал на родину, где его ждала мама. Там он начал свою трудовую биографию воспитателем в детском саду. Здесь и познакомился со своей будущей женой, медсестрой Лидией Александровной. Александр Иванович со смехом вспоминал: «На «шикарной» свадьбе было аж пять человек!»

На горизонте семьи Сальниковых Сибирь появилась, когда у них уже первая дочка Света родилась. Сначала перебрались в Минусинск, затем – в Братск. Здесь много трудов вложил бывший солдат в становление АО «Сибтепломаш»: работал в жилищно-коммунальном отделе, старшим мастером цеха, инженером.

С 1981 года – он был бессменным председателем совета ветеранов завода и председателем совета ветеранов Правобережного округа. Много хлопотал об улучшении бытовых условий участников войны, работавших на производстве, активно занимался патриотическим воспитанием молодежи. Его призванием

была культурно-массовая работа. Александр Иванович с удовольствием выступал со своими песнями на многих городских праздничных мероприятиях, а в 2005 году за победу в конкурсе «Не стареют душой ветераны» был даже удостоен почетной грамоты «За исполнительское мастерство». Имя Александра Ивановича было занесено в Книгу почета ветеранского движения и именно ему было доверено открытие мемориала Славы на бульваре имени Андрея Орлова в поселке Гидростроитель.

К великому сожалению член городского совета ветеранов и член Совета старейшин, славный сын Отечества Александр Иванович Сальников покинул в сентябре 2013 года наш беспокойный земной мир...

Маргарита Исакова

Гори, гори ясно, чтобы не погасло

В предпраздничные майские дни все дороги ведут иркутян к Вечному огню на берегу Ангары. Сюда идут семьями, классами, делегациями, сюда везут гостей из других городов и стран. Часто у Вечного огня можно увидеть стоящего в глубокой задумчивости одинокого пожилого человека. Сюда приходят, чтобы в самом тихом уголке нашего города молча постоять и подумать о жизни, вспомнить тех, кто уже никогда не вернется.

Более двухсот тысяч жителей нашей области ушли на фронт в годы войны. Половина из них полегла на полях сражений, десятки тысяч умерли в госпиталях от ран. В память о них горит на мемориале негасимый огонь. Горит 39 лет – без малого половину истории нашей области, 75-летний юбилей которой был отмечен в сентябре 2012 года.

Еще живут среди нас бойцы той ударной комсомольской стройки, которая в 1975 году закладывала первые фундаменты в основу мемориального комплекса «Иркутяне в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Наверняка живы и строители, и архитекторы, и художники, создававшие на месте основания Иркутского острога всем известный облик мемориала. Он удачно вписался в исторический архитектурный ансамбль на берегу Ангары. Как вспоминают свидетели тех дней, главным идеологом и руководителем создания мемориала был фронтовик, председатель исполкома Иркутского городского совета депутатов Николай Францевич Салацкий. Сегодня жив и один из трех иркутян, кому было доверено привезти из Москвы с могилы Неизвестного солдата Вечный огонь, – участник Великой Отечественной войны Адам Петрович Поляков.

На его молодые годы пришлось две войны. Первое боевое крещение и первую медаль «За отвагу» рядовой связной проводной связи Адам Поляков получил осенью 1943 года, когда его 247-й артиллерийский полк 110-й гвардейской дивизии в составе Украинского фронта форсировал Днепр. Не раз и не два, на утлой лодчонке и вплавь, под шквалом пулеметного и минометного огня противника, пришлось ему переплывать знаменитую украинскую реку, соединяя концы

разорванных осколками телефонных проводов. На всю жизнь он запомнил вкус днепровской воды.

Потом было участие в знаменитых, вошедших во все учебники истории, военных операциях по ликвидации крупных немецких группировок – Корсунь-Шевченковский и Яссо-Кишенёвский котлы, форсирование Днестра и освобождение Молдавии. За эти бои грудь солдата украсили вторая медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. И наконец – участие в боях за освобождение Венгрии, Румынии и Чехословакии. День Победы встретил под Прагой.

Вот так и вышло, как в песне поется, «пол-Европы прошагал». «Ну, кто-то и прошагал, а мы, связисты, проползли на животе», – смеется Адам Петрович. Отдыхать пришлось недолго. В середине лета 1945 года обострилось положение на Восточном фронте, и туда стали в срочном порядке переправляться с запада войсковые соединения. Так что его родной 110-ой гвардейской стрелковой Александрийско-Хинганской дважды Краснознаменной ордена Суворова дивизии до победного конца довелось участвовать и в разгроме японской Квантунской армии. В конце войны связист Адам Поляков был награжден медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией...» и «За победу над Японией».

Демобилизовался Адам Петрович в 1950 году в Иркутске из знаменитых Красных казарм в звании старшего сержанта. Тогда и началась его трудовая вахта в вагонном депо станции Иркутск-Пассажирский. Там он прошел все служебные ступени – от рядового радиомеханика, поездного бригадира до начальника поезда. И так пятьдесят лет. В его трудовой книжке – около 150 благодарностей и поощрений и только две короткие записи: «Принят на работу в депо» и «Уволен в связи с выходом на пенсию». Теперь на его парадном мундире рядом с фронтовыми наградами сияют орден Октябрьской революции, медали «За доблестный труд», «Ветеран труда». Имя почетного железнодорожника внесено в Книгу почета Министерства путей сообщения. Он трижды избирался депутатом Иркутского городского совета.

Вот такая она, трудовая биография старшего сержанта в отставке Адама Петровича Полякова. Были в ней и другие яркие события – сопровождение в столицу и обратно первого фирменного поезда «Байкал» и участие в параде Победы в Москве в 2005 году. Но все-таки главным событием в своей мирной жизни он считает поездку на могилу Неизвестного солдата у кремлевской стены за Вечным огнем.

По решению правления и президиума Дорпрофсожа ВСЖД от 22 апреля 1975 года за Вечным огнем в Москву были командированы фронтовики – бригадир поезда А.П. Поляков и старший инженер пассажирской службы А.Н. Троицкий, а сопровождающим – старший инструктор 4-го отряда военизированной охраны ВСЖД К.В. Луковский. Ехали на пассажирском поезде № 85/86 и гадали, удастся ли в Москве быстро решить все вопросы, чтобы успеть вернуться домой к 9 Мая. Везли с собой специально изготовленные контейнер для гильзы с землей,

металлический факел и лампу для транспортировки огня. Сейчас они хранятся в музее вагонного депо.

В Москве все прошло гладко. Уже 29 апреля в торжественной обстановке был подписан акт «О передаче Московской священной земли из братской могилы на 40-м километре Ленинградского шоссе». Именно с того места, где 16-я армия под командованием генерала К.К. Рокоссовского в 1941 году остановила немцев и откуда началось первое контрнаступление советских войск под Москвой. Особенно торжественно прошла церемония зажжения факела от Вечного у Кремлёвской стены. Адам Петрович и сейчас помнит, как у него перехватывало дыхание от волнения, когда вместе с почетным эскортом они в молчании стояли у могилы Неизвестного солдата.

А дома их встречали как героев: митинг на вокзале, почетный караул молодых рабочих в кузнечном цехе депо, где факел с Вечным огнем хранился до 8 мая. Утром, в день торжественного открытия мемориала, они вместе с А.Н. Троицким в специальной чаше, установленной на БТРе, в сопровождении почетного эскорта перевезли факел с Вечным огнем к месту торжественной церемонии у Спасской церкви. Гильзу со священной землей у подножья мемориала заложил Герой Советского Союза Б.А. Пискунов. Вечный огонь от факела, привезенного из Москвы, зажег первый секретарь Иркутского обкома партии Н.В. Банников.

С тех пор горит Вечный огонь памяти народной о земляках, сложивших головы на полях сражений Великой Отечественной войны. И каждый год в день Победы, как и в прежние годы, Адам Петрович готовится к встрече со своей неугасающей с годами памятью. Уже нет в живых товарищей, с которыми он 37 лет назад ездил в Москву с почетной миссией. Уже давно события тех дней стали достоянием музеев и книг по истории родного города. Но каждый год старый солдат приходит к Вечному огню, чтобы вспомнить свою опаленную войной молодость, вспомнить своих безвременно ушедших фронтовых друзей.

Вечером 8 мая 2012 года, в канун Дня Победы, у Вечного огня был дан старт эстафете памяти – «Пламя гордости за Победу». Зажженный от Вечного огня факел Адам Петрович передал ветеранам афганской и северокавказской войн. А дальше, по улицам города, факел понесли представители патриотических, молодежных, студенческих, общественных организаций и объединений.

Б.А. Преловская

Без них не осталось бы песен

Хотелось бы вспомнить о той удивительной когорте людей, которая трудилась в областном Совете ветеранов и оставила после себя не только добрую память, а вполне реальные результаты в виде книг о войне, сборников воспоминаний – «Солдаты Победы», «Сибиряки у стен Сталинграда», «Курская битва». Участвовавшие в подготовке и издании 13-томной книги «Память», писавшие в городские и областные газеты статьи и очерки, наши ветераны-писатели ушли от нас.

Мы все с благодарностью вспоминаем – Н.П. Стуканова, А.Ф. Фатина, В.Л. Коложвари, Б.Н. Мартынова, Г.И. Замаратского и В.И. Тененбаума. Они, как и другие, более профессиональные иркутские писатели И.И. Кузнецов, И.М. Журавлёв, Л.Г. Богданов, Р.З. Шафиров старались уберечь правду о Войне от забвения. Их бескорыстный труд по сохранению памяти подвигов сибиряков в прошедшей войне поможет следующим поколениям иркутян понять меру своей ответственности перед историей.

Илимский писатель

Ангара и Илим – самые крупные алмазы в короне Восточной Сибири. С Илима, его илимской пашни стала заселяться наша Прибайкальская родина. И до сей поры дает эта земля чистые и честные характеры.

Одним из таких людей был Георгий Иннокентьевич Замаратский. К сожалению, я познакомился с ним уже в зрелые годы, но эта встреча многое значит в моей судьбе.

В Сибири взрослеют рано. Если человек не болящий, не беспутный, он быстро выбирает свой путь. Становится полезным людям – работает, учится, влюбляется. Обязательно служит в армии. Если позволяют условия, рано женится и заводит детей – обычный код русского человека. Пожалуй, сибиряк более ответственно относится к воспитанию детей, их подготовке к трудной и всегда не простой жизни. Принимать советы, а тем более поучения не от родителей, для сибиряка всегда трудно, но в случае с Георгием Иннокентьевичем это было не так.

Отец – Черных Николай Петрович, фронтовик с первого дня этой страшной войны, ежегодно лечился в госпитале ветеранов. Как-то возвращаясь из Госпиталя, он протянул мне книгу:

– Прочти. Ее мне подарил земляк-писатель.

Я с некоторым сомнением взял яркий зеленый томик со странным названием «Пыхуны» и прочитал фамилию – Замаратский.

Привычка относиться к книгам серьезно заставила меня в этот же вечер раскрыть ее. Слегка наивный повествовательный тон резко отличался от современных пропитанных сарказмом и неверием талантливых произведений. Все, что я читал, было знакомо мне по рассказам большой сибирской родни, и я отложил книгу.

Все, да не все. Что-то снова притянуло меня к повествованию о трудной жизни ссыльнопоселенца в таежном крае. Одним духом я прочитал весь роман и понял, что меня привлекла искренность в выстраивании отношений героев. Совершенная ясность жила в них, как в произведениях старых русских писателей, многие из которых, за исключением классиков, не славились тиражами, но в них не было возможности перетолковать высказанные мысли.

Я с удовольствием встретился с Георгием Иннокентьевичем в редакционной коллегии Совета ветеранов по подготовке сборников «Солдаты победы» и «Сибиряки у стен Сталинграда». Еще живы были Н.П. Стуканов, А.Ф. Фатин, В.Л.

Коложвари, активно и плодovито писавшие статьи и рассказы, утверждающие социалистический реализм в каждом своем слове. Будучи младше их годами и не имевший военного опыта, илимчанин отличался от них более тонким вкусом и настоящей русской правдивостью, так поражающей нас в Вампилове и Распутине.

«Мне скоро восемьдесят лет, – говорил он, – я обязан жить за братьев, потому что они не успели, не смогли сделать то, что должны были сделать, а виновата – война».

Ему нравилось объяснять.

«Наши фамилии Черных и Замаратский говорят о том, что мы произошли от самых простых, незнатных людей. По боярскому наречию – «подлых». При этом сильных духом, настойчивых, смышленных, а может, даже и умных».

Безусловно, умных. Без него я не сумел бы понять особенность мужского сибирского характера. В семье отец готовил юношу, почти мальчика к трудной, полной опасностей жизни. Что бы ни происходило, тот был обязан сохранить свою семью – жену, детей, если были старые родители, то и их. За все отвечал он один. Даже братьев и других близких родственников, он не брал себе в наставники. Только он сам. Это определяло сибирский характер – сдержанный, несентиментальный, упрямый. Разругаться с близкими такой человек мог в два счета, но при этом был объективен к другим и себе.

Георгий Иннокентьевич был крайне одаренным человеком. Закончив художественное училище и два курса Ленинградского института имени Репина, он писал стихи и рисовал картины.

Как любому творческому человеку, ему нужно было признание, чтобы выходили его книги, сборники стихов. А было их пятнадцать. Он был принят в Союз писателей, выступал перед своими земляками.

До затопления долины Илима он работал в средней школе и в районном Доме культуры Нижнеилимска. После затопления – директором детской художественной школы г. Железногорска. Уже ближе к старости перебрался в Иркутск. У него была хорошая семья – жена, дочь, внуки. Как настоящему русскому человеку, ему хотелось поговорить о важном, хотелось сделать подарок со смыслом. Он сделал его мне за год до смерти, подарив своеобразное стихотворение, записанное в строку. Как я его ни убеждал, что стихи нужно выделять в строфы и выдерживать размер, он не соглашался. Говорил:

– Моя жизнь была простая и в одну строчку. Это она и есть.

Я попробовал расставить его слова в определенном порядке. Это подарок всем нам.

А.Н. Черных

Хочу быть начальником

*Я – человек обыкновенный
Не чиновник и не военный.
Работал в колхозе
На фронте был в обозе
После войны не пошел в колхоз –
– Ну его. Я уже не был так прост,
А поступил на завод рабочим,
До оплачиваемого труда охочим.
Так и провалялся лет сорок пять
И стал сутулым – ни дать, ни взять.
Палат каменных не нажил
Как ни рвал своих жил.
Сколько можно стараться?!
Стал на пенсию оформляться.
Потребовались мне документы.
(Бывают в жизни такие моменты).
Попал в кабинет я к начальнику,
Который пил не из чайника,
А без лишнего разговора,
Из диковинного прибора
Пил он не квас и не чай,
А кофий или какаву (бес его знай),
В махонкой чашечке – такой.
Держал ее он, но не всей рукой,
А двумя пальчиками...
Относился серьезно к делу непростому,
Чувствуя во всем теле истому.
Сидел он в костюме отличном.
Явно не нашем, а заграничном:
Яркий галстук повязан умело
(Для меня это гиблое дело).
Сам он круглолицый и розовый,
Коренастый – как пень березовый.
Ему бы производить материальные ценности
А он в кресле изнывает от лени.
Бумажки слева направо перекладывает,
Да на меня, так важно поглядывает.
Пил кофий и не улыбался,
Я даже сам растерялся.
Этакий передо мной монумент.
Все-таки я попросил документ.
Он отослав меня в кабинет*

Вымолвил: «Дал бы, да времени нет!
Ведь он решает вопросы глобальные
И не простые, а самые дальние».
Вот и пошел я к другому начальнику,
Как оказалось, тоже молчальнику.
Этот на вид был простой и свойский.
Смотрел в потолок, будто барин геройский.
Я недотумкивал, не понимал,
Что он на том потолке потерял?
Выразив просьбу свою – все сказал
И в ожидании трепетно встал.
Все ожидаю, стою, жду ответа,
Как соловей долгожданного лета.
Долго на том потолке он искал,
Снова в другой кабинет отослал.
От кабинета я шел к кабинету.
И понимал конца-края им нету.
Я заходил к начальникам многим,
Так, что к концу загудели ноги.
А у всех начальников – секретарши,
Лет восемнадцати и чуточку старше.
Красивые, волоокие, стройные,
Наверно великой любви достойные.

И так захотелось мне стать начальником, сидеть за столом с видом важным,
пить кофе из диковинного прибора...

Не строить всем мину унылую
Любить секретаршу милую.
Сиднем – сидеть в кабинете просторном,
С болью в душе о народе покорном.
Зорко смотреть в потолок высокий,
Решая вопрос запредельно далекий
Очень ответственный, нужный и важный
Просто бесценный, хоть и бумажный.
Зарплату солидную там получать
И посетителей не замечать.
А что? Может быть сделать в охотку
В тех кабинетах перегородку.
Поставить кресло с ножками гнутыми
Радуюсь штатами очень раздутыми.
Народ у нас работающий, не гордый,
Прокормит он не такие орды.
Хочу быть начальником!
К сему Иван Чайников.

Фронтвик, учитель, журналист

Ветерану педагогического труда, фронтвику и журналисту Николаю Алексеевичу Алфёрову исполняется 87 лет.

Этого далеко не молодого человека почти ежедневно видят с выдавшей виды сумкой через плечо на остановке общественного транспорта в микрорайоне Солнечный – здесь водной из многоэтажек и живет он, ветеран педагогического труда, инвалид Великой Отечественной войны Н.А. Алфёров.

А спешит с раннего утра Николай Алексеевич по нетерпящим отлагательства делам как председатель совета старейшин Иркутской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» и один из руководителей областной организации инвалидов войны, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Регулярно планирует он встречи и со своими друзьями-товарищами по минувшей войне, такими же фронтвыми инвалидами, как и сам.

Помню, несколько лет назад Николай Алексеевич говорил мне, что, мол, пока жив, буду писать о наиболее ущемленной категории фронтвиков – об инвалидах, о тех, кто выстоял в непростой послевоенной жизни, состоялся как личность, как гражданин. И встречается все эти годы он с покалеченными войной солдатами и офицерами, скрупулезно записывая каждое сказанное фронтвиком слово. Его фамилия хорошо известна читателям ряда городских газет.

Наиболее «урожайным» для Николая Алексеевича, несомненно, стал 2003 год, объявленный правительством России Годом инвалидов: из под пера самобытного журналист вышли зарисовки о жизни и подвигах достойнейших наших земляков – полковнике-чекисте М.С. Вишнякове, старшине-железнодорожнике П.К. Фомичеве, боевом штурмане В.Н. Глушкове, политруке И.Ф. Пономареве, командире роты Р.Ф. Мухамедзянове, фронтвом разведчике П.П. Полоскове, пехотинце А.В. Теплове, минометчике В.В. Шкуратове и еще о многих и многих рядовых и командирах Отечественной войны, ушедших из жизни и живущих сегодня.

А потом был 2005 год – победный, юбилейный. И вновь фамилию Алфёрова читатели все чаще стали видеть на газетных полосах. Но тот год запомнится всем нам еще и тем, что в этот период в Иркутске вышло сразу несколько сборников, героями которых стали участники войны. И практически в каждой из них самое деятельное участие принимал

Николай Алексеевич Алфёров. А его личным вкладом в увековечивание в истории целой плеяды фронтвиков стал сборник «Ветеран о ветеранах», изданный при помощи главного управления общего и профессионального образования Иркутской области, и сборник «Иркутяне на фронте и в тылу». Но были и другие издания, в написании и подготовке к печати которых он принял самое деятельное участие. Это, к примеру, книги очерков «Во имя Победы», «Дорога к признанию», «Они ковали победу», «Железные дороги войны».

Журналистскую деятельность Н.А. Алфёрова высоко оценивают многочисленные благодарные читатели. Вот строки, которые написал фронтвик, гвардии

капитан Л.К. Шарый: «...Нас остается все меньше и меньше и тем значительнее правдивые и объективные рассказы Николая Алексеевича о ратных делах солдат войны на полях сражений».

Особо хочу сказать о солидном, добротном сборнике очерков и зарисовок «Иркутские связисты на фронте и в тылу», вышедшем к юбилейной дате нашей Победы и вобравшем в себя более сотни рассказов, среди которых добрая половина написана Николаем Алексеевичем Алфёровым. Но он не только готовил материалы в эту книгу, но и был деятельным членом редколлегии. В послесловии к этой, без преувеличения, исторической энциклопедии иркутских связистов, добрые слова были сказаны и в адрес Николая Алексеевича: «Неоценимый вклад в издание книги внес ветеран войны и труда Н.А. Алфёров. Ему, как непосредственному участнику боев, доступна правда о тех тяжелых для страны годах без прикрас и пафоса».

Только в 1943 году был призван в Советскую Армию жигаловский паренек Николай Алфёров, да и то не на фронт сразу попал, а в Кяхтинскую снайперскую школу. Было ему в тот год всего-то 17 годков. Через полгода, летом 1944-го, когда доблестная Советская Армия уже сломала хребет фашистской Германии и с боями продвигалась по Европе, сержант Николай Алфёров попал на фронт в одно из подразделений, входящих в состав 1-го Белорусского фронта. В должности помощника командира полковой разведки он наступал на Варшаву. Вот здесь и подстерегла холодным январским утром 1945 года беда: при наступлении его тяжело ранило.

Об этом, пожалуй, самом драматическом периоде жизни по прошествии лет Николай Алексеевич вспоминает так: «В вагон санитарного поезда, направлявшегося в Ереван в эвакогоспиталь, меня внесли в одних бинтах, правая рука была ампутирована в санитарном батальоне, в гипсе левые рука и нога, шея. Гимнастерку и брюки выбросили ещё в батальоне: они были насквозь пропитаны кровью, изрезаны в клочья, когда их стаскивали». А было тогда фронтовику-сержанту всего-то 18 лет.

Там, в далеком Ереване, на госпитальной койке и встретил жестоко покалеченный войной сибирский паренек долгожданную Победу. С тех пор прошло много-много лет, а тот миг Николай Алексеевич помнит буквально до мелочей. Нет, не было радости в израненном, физически и морально опустошенном теле места для всеобщей радости и ликования.

«В тот день мы остро почувствовали свое несчастье, беззащитность, будто вмиг стали изгоями общества. Безысходное горе, которое ничем невозможно было сгладить, охватило каждого из нас. Все мы были заняты своими тяжелыми мыслями. Каждый думал о своей будущей судьбе. Какая жизнь впереди ждет нас – одному Богу известно. Одно было ясно: ох, как будет нелегко!» – так вспоминает сегодня день 9 мая 1945 года Н.А. Алфёров. В послевоенное время нелегко пришлось всем, выжившим в той страшной войне, а особенно – инвалидам. Алфёров понимал это и, чуть оклемавшись от ран, здесь же, в госпитале, поступил на открывшиеся бухгалтерские курсы.

«Записывались многие, в том числе и я. Правда, наблюдался большой отсев: у многих раненых не хватало терпения учиться. Я не пропустил ни одного занятия. Занимался усердно, хотя приходилось нелегко: не успевал левой раненой рукой конспектировать. Старался запомнить. Окончил курсы на одни пятерки», – вспоминает далекое прошлое Николай Алексеевич.

В конце сороковых годов в северном Якутске, куда его забросила послевоенная судьба, он закончил педучилище, позже, уже в Иркутске, пединститут. Много лет работал учителем, директором школы. Последние годы перед пенсией занимался кадровой работой в областном отделе народного образования. Но все эти годы в нем жило подспудное желание заняться летописанием о друзьях-фронтовиках, и это желание окрепло настолько, что, буквально ворвавшись в журналистику, всего-то за шесть лет он подготовил и опубликовал более сотни рассказов о фронтовиках и тружениках тыла. Как журналист Н.А. Алфёров активно участвует в ежегодных конкурсах «Золотая запятая», завоевывая при этом специальные дипломы, награды и премии. В 2005 году городское отделение Союза журналистов РФ принял Николая Алексеевича в свои ряды.

Прекрасный отец и семьянин Н.А. Алфёров воспитал трех сыновей, каждый из которых выбрал в жизни правильный путь. Младший, Николай Николаевич, хорошо известен труженикам Восточно-Сибирской магистрали: много лет он, доктор медицинских наук, профессор, заведует глазным отделением в дорожной клинической больнице. Связывают свою жизнь с дорогой и внуки ветерана: Сергей – студент ИрГУПС, Анна окончила это учебное заведение и работает на железной дороге.

Много прожившему и повидавшему в этой жизни ветерану Н.А. Алфёрову в мае исполняется 82 года со дня рождения. В феврале 2006 года на лацкан пиджака, тяжелого от многих боевых и трудовых орденов и медалей, губернатор области А.Г. Тишанин в торжественной обстановке прикрепил очередную награду – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени – за многолетнюю активную общественную работу по социальной поддержке ветеранов и патриотическому воспитанию молодежи.

В важном деле создания широкого полотна памяти современного народа России, нашего сибирского народа ему принадлежит достойное место.

Александр Глушков, член Союза журналистов России

Нам не забыть лихолетье (рассказ о себе самом)

Он ушел из жизни под конец 2013 года. Уже собирались застолья в Совете ветеранов и ветеранских организациях, когда нас настигла эта тяжелая весть. Ослабленный в детстве голодом организм не выдержал, навалились болезни, не давая ему три года подняться с кровати. Но мы ощущали его поддержку, работая над созданием книг о народной памяти. Можно было посоветоваться с ним,

включить в сборник его простые и доходчивые рассказы о буднях войны, о величии русской души, о подвиге сибирского народа.

Борис Михайлович Мартынов не воевал, но в полной мере познал тяжесть войны в нашем шахтерском Черемхово. Вот его воспоминания.

«Все улицы города, ведущие к железнодорожному вокзалу, заполнили в несколько шеренг молодые пропыленные парни из окрестных деревень. Они спешно исчезали за дверными проемами товарных вагонов. Один за другим отправлялись на запад эшелоны с защитниками Родины. Многие из них не вернулись в родные дома, сложив головы на полях сражений. Более 79 тысяч человек погибли на фронте или в госпиталях. Самых лучших, самых молодых, самых любимых!

Войну по-настоящему мы ощутили, когда все чаще наши желудки стали тосковать о пище. И тогда, вооружившись ведрами и коромыслами, прихватив с собой ребятишек, наши матери стали поочередно доставлять из железнодорожной столовой к месту работы отцов приправленные жидким жирком порционные галушки – комочки сваренного на костном бульоне теста из пеклеванной муки. Делились порции по числу едоков, слабо утолявших голод.

А глубокой зимой стало не хватать отпускаемого по карточкам пайкового хлеба, и мы с матерью ринулись в ближайший колхоз «Новая жизнь» обменивать кой-какие вещи на муку и другие съестные продукты. На это надоумила нас эвакуированная еврейка, устроившаяся помощником бухгалтера в путевой конторе. Колхоз был основан когда-то избежавшими коллективизации крестьянами-переселенцами.

По первости нам везло. Мы оказались в хорошо протопленной избе одинокой, но справной женщины. Она не таясь рассказала, что все жители деревни Софроновка – выходцы из европейских сел, как ни бедствовали первые годы сибирской жизни, но вывели в самый канун войны свой колхоз в зажиточный с хорошей фермой и своим богатым фруктовым садом. Но разразилась война, и многие семьи остались без мужиков. Чем это обернулось, мы ощутили через год, когда в Софроновке ни за какие блага не стало возможности разжиться кусочком деревенского хлеба. Многие семьи, получив похоронки, оказались обездоленными перед лицом судьбы.

А в тот первый раз гостеприимная хозяйка быстро вскипятила самовар и угостила нас с мамой чаем с молоком и ломтями свежеиспеченного каравая, какие мать когда-то пекла сама в нашем доме на станции Залари. Она подсказала нам, где можно выгодно обменять на муку наши с трудом приобретенные довоенные вещи.

Но вскоре нам пришлось прекратить деревенские походы. В ближайшие поселения обращаться с обменом стало бесполезно. Не помог даже спирт, однажды добытый мамой на Троицком заводе, куда она с товарками совершила дальний пеший поход. Кто-то надоумил ее, что спиртное в деревнях нынче на вес золота (на фронт продолжали уходить новые пополнения, а проводы отмечать было нечем).

И вот мы в пору таяния снегов направились в одно из отдаленных сел. Шли вдоль плохо убранных полей, с которых нельзя было поднять ни одного колоска.

Поля охранялись верховыми. Удалось обменять лишь одну бутылку разведенного спирта. Дали за нее пару ведер картошки в тяжелом рогожном мешке. Когда возвращались домой, нас встретило в овраге половодье. Такое мощное, что страдающая болями в желудке мать, была вынуждена, оставив котомку, босая, перенести сначала меня – двенадцатилетнего на своем горбу по скользкому дну бурного весеннего ручья, затем возвратиться за котомкой. Но ни разу потом она не жаловалась на боли в суставах и порезы на ногах.

Ранней весной вместе с соседями мы ринулись на картофельные поля собирать мороженые клубни. Напитанные слизью, с ошметками крахмала, они потом превращались в горьковатые лепешки, испеченные на неизвестно каком масле. В первую же такую «страду» от заворота кишок умер, «насытившись» такими лепешками, один из вятских земляков моих родителей – грузчик товарной конторы Иван Сорвин. И тем не менее, подобную пищу мы продолжали есть, пока не были полностью очищены от перезимовавшего гнилого картофеля поля. Запахом этих лепешек на рыбьем жире надолго пропиталась наша тесная квартира.

С наступлением лета семья перешла на крапиву и лебеду, которые можно было употреблять до той поры, пока растения не переплетались с конским щавелем. От него никак нельзя было избавиться, даже после нескольких промывок в холодной воде.

Обидно было, когда рядом на общей кухне в коммунальной квартире, рядом с пустыми зелеными супами, соседка – деревенская хохлушка, мобилизованная на железнодорожный транспорт, варила наваристые борщи из жирного мяса, доставляемого ей пройдошистым братом-спекулянтом.

Беда, до сих пор отзывающаяся болью в желудке и кишечнике, случилась в нашей семье во вторую зиму войны.

Перед тем как согласиться на операцию язвы желудка, наш отец, признанный негодным к воинской службе, вместо картошки получил на предприятии два больших мешка замороженного турнепса. Сварив из него «суп без семи круп», мать, собираясь сопровождать отца в Иркутский госпиталь, оставила на ужин часть лепешек и остатки вытопленного нутряного жира. Муку и масло мать купила на деньги, вырученные от продажи универсальной швейной машинки «Зингер» – своего дорогого свадебного подарка. Употребив добротные продукты с супчиком из турнепса, я с братьями и сестрой трое суток катался по полу от жуткой боли в желудке.

К лету 1944 года я остался в семье за старшего. Следом за отцом, с приступом аппендицита, в Иркутскую железнодорожную больницу попала мать. Врачи разрешили передать нам, детям, хлебные карточки отца – 700 граммов в день и матери – 300. Наш общий паек составил 2,2 кг сырого, слабопропеченного хлеба в день. Отстояв полдня в очереди за пайком, я делил кирпич хлеба пополам, оставляя на вечер вторую половину в железном шкафу в конторе вагонного участка, где служил отец. Оставлял, боясь, что не хватит терпения и съедим все зараз. Первую половину делил на четыре части и изо всех сил старался полностью донести хлеб домой. И здесь начиналось кошмарное.

Сестра Люба и младший брат Геннадий съедали паек молча, а второй брат Владимир, моложе меня на 5 лет, выходил на балкон и, обращаясь в сторону Иркутска, начинал причитать: «Папа! Хлеба хочу! Папа, хлеба!» Не вынеся этой мольбы, я отдавал ему часть своего, а сам, закрутив папиросу из махорки, прятался в картофельной ботве, чтобы не слышать жалоб брата и самому заглушить голод горьковато-едким дымком.

Решив улучшить наш рацион, на деньги, вырученные от продажи травяных веников, я стал покупать клубни редьки и чекушку так называемого прогорклого рыжикова масла. Но они не утоляли, а только разжигали аппетит.

Еще более исхудал брат Владимир. И когда через год в местной амбулатории детям-дистрофикам стали выдавать талоны на дополнительное питание: 1 кг сливочного масла и, кажется, 4 кг муки, маме удалось дважды получить такой талон. При повторном обращении, хотя и было не положено, врач просто сжалась над истощенным ребенком.

В середине октября 1944 года мне, пятикласснику, как и другим школьникам, добавили в день 50 граммов хлеба. Потом выдали продовольственную карточку на другие продукты. Счастье было безграничным.

Мы с сестрой, родившиеся в первой половине тридцатых годов, были напоены деревенским воздухом, вскормлены от домашней коровы-ведерницы. Однако за год до войны, переехав из Аларского района в город, из-за нехватки сена, семья лишилась кормилицы. Брат Геннадий, сорокового года рождения, был еще слишком мал и старался больше сидеть дома. А Владимир, родившийся в 1937 году, часто болел, поздно встал на ноги, не набрав крепости тела. Вот почему он с трудом переносил голодное время. Потом, будучи стрелком-радистом морской авиации, на больших высотах он перенес кислородное голодание. Вернувшись из армии, стал страдать заболеванием легких, потерял аппетит. Умер он на сорок втором году жизни. Не дожил до пятидесятилетия и Геннадий – уснул и не проснулся от своего ревмокардита.

Оба брата приобрели специальность техников, руководили добычей угля. И все же рано ушли из жизни по причине лишений в военное время. Вот так.

Голодали в войну не все. Мои одноклассники по начальной железнодорожной школе станции Черемхово крали с платформ кристаллическую грязную каменную соль и продавали ее стаканами на рынке. Покупали за полста рублей булочку и пол-литра молока, и уплетали их где-нибудь в углу. Такой обед обходился им в три стакана соли. И все им сходило с рук. Меня же за торговлю своими вениками однажды за шкуру привели в дежурку, и милиционер так пригрозил, что я навсегда забыл дорогу на рынок.

Какой бы несносной ни была наша жизнь, ни один из нашей семьи не стал вором. Все получили среднее, а потом и высшее образование. А те жиганы, которые тырили что плохо лежало, оказались в лагерях и сгинули без следа.

Летом четвертого года войны мы с сестрой напрасно обошли отдаленные деревни, выменяв лишь десяток огурцов да полведра картошки. Видели, как изможденные женщины в Троицу кидали в землю зерно и таскали по полю тяжелые бо-

роны. Нас поразила откровенная нищета когда-то зажиточных сел, пустые дома, где на голых лавках не то отдыхали, не то умирали одряхлевшие женщины.

В День Победы отец, будучи с бухгалтерским отчетом в командировке в Управлении Восточно-Сибирской железной дороги, привез домой с килограмм толстой красной колбасы. Это был настоящий праздник, который повторился только через два с половиной года, после отмены карточной системы. Как по волшебству, в коммерческих магазинах появилось много хлеба и всяческих деликатесов. Все дорогое, но разве деньги можно есть?

Б. Мартынов, член Союза журналистов СССР

Красная строка биографии

Много помощи в увековечивании памяти сибиряков – участников тяжелой войны – оказал сам бывший фронтовик и инвалид Владимир Людвигович Коложвари. Он не только сам писал душевные статьи, но и участвовал в редколлегиях сборников «Они ковали победу», «Сибиряки у стен Сталинграда», «Курская битва – воспоминания сибиряков». Он был одним из инициаторов создания серии мемориальных книг по ветеранскому движению. Владимир Людвигович умер 15 сентября 2008 года. В нашем Комитете ветеранов войны и военной службы стало на одну родственную душу меньше.

Фамилия у Владимира Коложвари совсем не сибирская. Но сам он – коренной сибиряк. Родился в Чите и всю свою мирную, довоенную жизнь провел в Прибайкалье. Отец его Лайош Коложвари – офицер, гусар, в годы Первой мировой войны в числе более десяти тысяч военнопленных австро-венгерской армии был сослан царским правительством в Сибирь. В годы Гражданской войны командовал взводом разведки и был начальником охраны легендарного Сергея Лазо. С отрядом венгров-интернационалистов освобождал Иркутск – у нас до сих пор есть улица Красных Мадьяр. Потом женился на даурской казачке Дарье Кондратьевой и стал отцом 14 детей, из которых пятым сыном и был иркутянин, известный в области поэт, журналист-фельетонист Владимир Людвигович Коложвари.

Почему Людвигович? А вот так «обрусили» имя отца селяне, когда тот, верный ленинец, член ВКП(б), вплоть до ареста в 37-м году был председателем колхоза. Но Владимира Людвиговича, хотя ему уже было за 80 и его боевые награды свидетельствовали о военных годах, среди журналистской братии не величали по батюшке. Он был молодец, скор на подъем, задирист в спорах и категоричен в оценках событий. Как будто и сегодня готов по заданию редактора «Востоки» сорваться в командировку в усть-ордынские степи, чтобы в субботний номер с пылу-жару выдать очередной фельетон. Его критических газетных публикаций, которые позднее составили книгу «Субботние фельетоны Коложвари», побивались руководители колхозов и совхозов, сельские бригады, заведующие фермами. До сих пор живет байка о том, что, бывало, секретари райкомов гро-

зились: «Вот пошлем к вам Коложвари, он наведет порядок...». Вот как сгодилась отцовская сельская выучка.

Владимир Людвигович стал профессиональным журналистом в начале пятидесятых, когда после демобилизации из армии вернулся в родную Читу и по заданию обкома комсомола организовывал, а потом и возглавил молодежную газету «Комсомолец Забайкалья». Эх, лихое было время! Казалось, вся жизнь – широкая дорога в светлое будущее. Интереснейшая работа, любимая молодая жена, дети. И рядом – друзья, единомышленники, которые потом станут известными в Сибири писателями и журналистами – Георгий Граубин, Ростислав Филиппов, Григорий Кобяков, Евгений Суворов, Ида Дубовцева...

Все планы на будущее оборвались 4 августа 1961 года. В этот день в центральной газете «Советская Россия» была напечатана статья редактора сельской газеты «Знамя коммунизма» из Читинской области Владимира Коложвари. В ней он ставил под сомнение правильность хрущёвской директивы о выращивании кукурузы в Сибири. Это был его первый по-настоящему серьезный журналистский бой, из которого он вышел разгромленным, но не побежденным. Он лишился должности, партийного билета, квартиры, многих друзей и коллег. Как и отец в 37-м, был «осужден» и отправился в «пятилетнюю ссылку» на север Якутии. Жил среди оленеводов и строителей газопровода и... редактировал местную районную газету «Ленинец».

Это потом, по возвращении в Иркутск, начались обычные журналистские будни: недолго в сельскохозяйственном отделе «Восточно-Сибирской правды», потом – до самой пенсии – в разных ипостасях, от главного редактора до заведующего редакцией сельской жизни на Иркутском телевидении. Вот ведь какие кочевые виражи подарила ему журналистская судьбинушка! Владимир Людвигович смеялся: «Так ведь я мадьяр, а это, считай, цыган!» Но сначала была война, сначала был фронтовой Сталинград. В середине 42-го года их, выпускников читинской школы, его друзей из соседних дворов, после краткосрочных курсов связистов эшелонам доставили на Волгу. И сразу – в бой. И начался нескончаемый, многомесячный бой. Перепутались дни и ночи, от разрывов бомб и снарядов менялись местами земля и небо.

«Были только – мы и они, были только – свои и враги. Только правый и левый берег Волги. Мы их на животе исползали вдоль и поперек среди своих и немецких мин, налаживая связь. Помню...». Коложвари мрачнеет, замолкает. Потом начинает читать свои стихи:

*У Волги-матушки история
Глядит глазами матерей.
Услышишь зов ее и стон ее –
Ее и матери моей...*

Фронтвики говорят, что вспоминать и пересказывать войну день за днем нельзя. От этого можно сойти с ума и через шесть десятков лет. После первых слов

«помню» Владимир Людвигович говорит неохотно, с большими паузами. Вот – первая убитая санитарка Таня. Ее последние слова: «Я еще, ребята, не жила...». Вот – ночная переправа, «берег левый, берег правый», для многих последних. Вот – санитарки целуют мертвых в губы, чтобы узнать, нет ли среди них еще живых. Вот – первые могилы читинских парней... Коложвари поглаживает тыльную сторону ладони правой руки – на ней татуировка эмблемы войск связи.

– Такие наколки мы сделали на курсах перед отправкой на фронт. Разве мы могли тогда себе представить, что после бомбежек и боевых операций по этим знакам будем искать своих среди убитых? Я сам, своими руками похоронил 56 парней с наших улиц...

По меркам нашего, мирного, времени Владимир Людвигович воевал на Западном фронте недолго, всего несколько месяцев. Но каких! Эти месяцы в сталинградской мясорубке он считает самыми главными в его жизни. Они записаны в его памяти и судьбе кровью погибших товарищей. И как будто с чувством вины он вспоминает, что хотя 30 января 1943 года довелось ему участвовать в пленении фельдмаршала Паулюса, но уже 1 февраля с двенадцатью осколочными ранениями он надолго попал в руки фронтовых хирургов. С тех пор, как самую памятную награду, носит он в себе пять осколков, пять железных отметин войны. Усмехается: «Все бы ничего, да вот из-за них не пускают в самолеты – звенят, родимые, не дают забыть о волжских берегах».

Была в его военной биографии еще и война с Японией. Уже капитаном, комбатом штурмовой роты он праздновал окончание Второй мировой войны 2 сентября 1945 года под Аргунью. Потом, до списания в запас, служил в Порт-Артуре и в спецчастях связи на Дальнем Востоке. Но это уже, как говорится, совсем другая история.

Всегда бывший фронтовик и журналист Владимир Людвигович Коложвари считал своим главным делом писать о тех, кто воевал. Есть в его архиве кипы стихов о войне. Они так и не стали поэтическими сборниками. Несколько лет назад издана книга очерков об участниках войны «Золотые звезды Забайкалья». Есть публикации в сборниках областного Совета ветеранов «Они ковали Победу», «Сибиряки у стен Сталинграда». Об этих работах и героях своих очерков он был готов говорить и говорить...

Его спросили: «А не пора ли заняться мемуарами? Ведь были на войне не только атаки и бомбежки. Были на фронте встречи с Константином Симоновым, дружба с Виктором Некрасовым, автором известного романа «В окопах Сталинграда». Потом, в мирной жизни, – дружба с Виктором Астафьевым. Да и журналистская судьба была полна событий, встреч с интересными людьми. Пора уже писать обо всем этом».

Владимир Людвигович долго молчит: «Это все потом, это все подождет. Надо успеть написать о тех, кто воевал. Чтобы помнили...»

Б.А. Преловская

Поздравим живых и помянем погибших.

**(Об увековечивании подвига народа
в нашей области)**

И будет так, неотвратимо будет -
На сцену выйдет в орденах старик -
Последний на планете фронтовик,
И перед ним в порыве встанут люди...

И голосом спокойным и усталым
Боец бывалый поведёт рассказ,
Как эту землю вырвал из металла,
Как это солнце он сберёт для нас...

Мальчишки будут очень удивляться,
Девчонки будут горестно вздыхать -
Как это можно – умереть в семнадцать,
Как можно в годик маму потерять...

И он уйдет, свидетель битвы грозной,
С букетом роз и маков полевых...
Запоминайте их, пока не поздно,
Пока они живут среди живых!

Николай Александрович Рыбалко

Наш долг – свято беречь память о мужестве земляков. Их подвиги – нравственная опора для подрастающих поколений. Защитник Отечества не может состояться, если человек оторван от памяти своего народа. Еще не снята опасность для нашей Родины, да и когда она будет снята?! Память – наше оружие, наш оборонный фактор. Все мы обязаны крепить оборону и помнить о павших.

Символическим знаком памяти о погибших сибиряках стал Вечный огонь. С 8 мая 1975 года его строгое пламя пылает в центре Сибири, в Иркутске. Пылает на берегу стремительной Ангары, в самом историческом центре, на месте первого поселения русских людей.

Вокруг Вечного огня образован мемориал, посвященный подвигам сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Чашу огня окружают капсулы с землей, священной для каждого россиянина, с землей из братской могилы защитников Москвы, с полей Смоленской, Ленинградской областей, с Севастопольских скал, берега Днепра, огневых бастионов, городов, где героически сражались наши земляки.

Сибиряки заслужили великую славу освободителей. Многие из них погибли за рубежами нашей Родины, освобождая народы Европы. Об этом напоминают плиты на Иркутском мемориале.

Столетие пехотинца

Участнику Советско-финляндской и Великой Отечественной войн Дыме Андрею Арсеньевичу 6 июля позапрошлого года исполнилось сто лет.

На вид ему можно дать 75–80. Моложавый. На лице ни одной морщинки. Глаза голубые, ясные. Память превосходная. Одно плохо – глуховат.

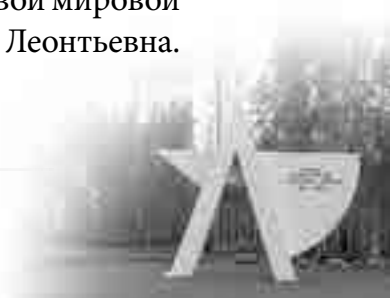
Невольно вырывается у меня вопрос:

– Дорогой Андрей Арсеньевич, как Вам, покалеченному участнику Отечественной войны (потерял в ней ногу), удалось долго прожить, при этом сохранить бравый вид и ясный ум?

На этот вопрос ветеран ответил так:

– Никогда не увлекался выпивкой. Выпиваю только понемногу на юбилеях. Не курил и не курю. Правда, на фронте иногда баловался, но папиросы не докуривал до конца. Работа меня никогда не тяготила. В течение всей жизни никому не завидовал. Вот и все секреты.

А жизнь Андрея Арсеньевича не была усыпана розами. У родителей было семеро детей. Отец – Дыма Арсений Богданович, был участником Первой мировой войны. Он заболел и скончался. Поднимала на ноги детей мать Анна Леонтьевна. Жизнь детей была голодной и холодной.

Родился Андрей Дыма 6 июля 1911 года. Его детство и юность прошли в селе Познанке Одесской области. Он был свидетелем, как создавались колхозы, как наиболее зажиточные крестьяне подвергались раскулачиванию и изгнанию из родных мест.

Двадцатилетний Андрей Дыма был призван в ряды Красной Армии, службу проходил в Белоруссии, в районе железнодорожной станции Барановичи.

После демобилизации из армии Андрей Дыма стал работать механиком 5 разряда на строительстве комбината «Североникель» в Мончегорске – небольшом городке Мурманской области.

Принял участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. О ней в наши дни говорят мало и редко про неё пишут. Это понятно: масштабная Великая Отечественная война заслонила Советско-финляндскую. Тем не менее, интерес к ней не исчез.

В разные периоды нашей отечественной истории этой войне давались разные оценки. Разные оценки давались и финскому маршалу Маннергейму. Кстати вспомнить, до провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 года этот человек был царским офицером, а затем и генералом. Полуфинн и полушвед, он был женат на русской петербурженке Анастасии Араповой, прожив с нею одиннадцать лет. В Финляндии был главнокомандующим финской армии. Не без его участия в 1927–1939 годах вдоль границы с СССР была сооружена мощная линия обороны – «линия Маннергейма» – с дотами и другими огневыми точками. Эта оборонительная линия была крепким орешком для любого противника.

В Советско-финляндской войне, начавшейся 30 ноября 1939 года, военные действия развернулись на многих направлениях. Сержант Андрей Дыма воевал на Карельском перешейке. Был артиллерийским разведчиком. Корректировал стрельбу мощных гаубиц 150-миллиметрового калибра. На вопрос, как успешно снаряды таких гаубиц разрушали финские доты, артиллерист ответил: «Почти никак». И добавил, что на своём направлении не помнит, чтобы снаряды пробивали броню дотов. Был даже свидетелем того, как прямое попадание советской авиабомбы в доте образовало всего-навсего большую вмятину. Вот такими прочными были эти финские долговременные огневые точки. «Их надо было обходить, – говорит он, – как поступало в конце войны на отдельных направлениях командование армейских частей. Или пробиваться между дотами».

И Андрей Арсеньевич вспомнил умелую фронтовую операцию одного батальона. Командир батальона 213 сибирского полка, прибывшего из-под Омска, умело провел между финскими дотами в тыл противника красноармейцев. После выполнения боевого задания так же успешно, без потерь вывел батальон на свои старые позиции. К такому рейду комбат, бесспорно, тщательно подготовился. К концу той войны, накопив опыт, воинские части так и поступали. А в начале войны без хорошей подготовки пехотные части с ходу пытались прорвать мощные укрепления финнов и с большими потерями откатывались назад.

В любом деле, считает старый ветеран войны, нужна смекалка, а в боевой обстановке – тем более. И рассказал про смекалку сапёров. Но это было уже в Великую Отечественную войну на Мурманском направлении, где он воевал. На этой войне был пехотинцем. В местечке, где находился со своей частью Андрей Арсеньевич, между горами бежала горная речка. Разделяла наши позиции от вражеских. Через речку только в одном месте можно было сделать переправу. В других местах мешали горы. Саперы одновременно построили недалеко друг от друга два моста – настоящий, рабочий, и ложный, как отвлекающий, для отвода глаз. Рабочий мост был на 10 сантиметров ниже поверхности воды. Вода его маскировала. Ложный мост был сделан из тонких бревен и фанеры. Противник этот ложный мост забрасывал снарядами, бомбил с высоты, ежедневно разрушал. Сапёры ночами его восстанавливали. И так повторялось изо дня в день. Много бомб было сброшено на этот «стратегический мост». Настолько много, что из неразорвавшихся бомб (были и такие) образовались холмики в воде. А через настоящий мост на западный берег речки к передовой передвигались пехота, пушки и другая техника.

В беседе Андрей Арсеньевич ещё долго приводил подобные примеры смекалки, находчивости как рядовых бойцов, так и командиров. «Работать мозгами на фронте, – говорил он, – должен каждый солдат, тем более командир любого ранга». Действительно, если бы в той Советско-финляндской войне наш комсостав лучше бы думал, искал наиболее оптимальные решения, военные действия не растянулись бы на 3 месяца и потеря Красная Армия понесла бы значительно меньше.

Невозможно кратко рассказать, о чем поведал в беседе старейший ветеран войны и труда. Но нельзя опустить участие Андрея Арсеньевича в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воевал он на Мурманском направлении с первых дней войны. Был разведчиком в пехоте. В сентябре 1941 года, будучи в разведке, напоролся на противопехотную мину. Оторвало правую ногу ниже колена. Разведчики вынесли его с места боевой операции, доставили в медсанбат. Побывал он на лечении в госпиталях Мурманска, Архангельска, Омска. Когда рана на ноге зарубцевалась и свищи затянулись, в июне 1942 года приехал в Иркутск. Стал работать механиком на фабрике полиграфических изделий, ремонтировал оборудование. Свое дело знал хорошо. Он проработал на одном месте сорок лет. Уволился только в июне 2001 года. Уволился в свои 90 лет. Да и сейчас не забывает своё предприятие: учит молодых, помогает, передаёт свой опыт. А общий трудовой стаж (не считая военного) у этого необыкновенного человека 60 лет!

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, Славы 3-й степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда» и юбилейными.

Вместе с женой Клавдией Михайловной (умерла в 1980 году) вырастил сына Владимира Андреевича и дочь Светлану Андреевну. Сын и дочь получили выс-

шее медицинское образование, работали врачами в медицинских учреждениях Иркутска, а сейчас на пенсии.

Хочется пожелать Андрею Арсеньевичу отличного здоровья и долгих лет жизни!

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Память сердца

С честью выполняли свой воинский долг на полях сражений рабочие и служащие завода им. Куйбышева. За ратные подвиги 465 воинов награждены боевыми орденами с медалями. Трём присвоено звание Героя Советского Союза: Баламуткину Григорию Васильевичу – летчику-штурмовику, Давыдову Владимиру Ильичу – разведчику, Шаманскому Анатолию Федоровичу – летчику.

Баламуткин Г.В. – бывший работник транспортного цеха. Совершил 174 боевых вылета, уничтожил несколько самолетов, 27 танков, 850 гитлеровцев. Майору Г.В. Баламуткину за мужество и отвагу присвоено звание Героя Советского Союза.

Давыдов В.И. – бывший токарь из цеха № 5 прославил себя подвигами на Тамани и Крыму. Погиб в боях за Крым в ноябре 1943 г.

Шаманский А.Ф. – бывший модельщик. В 1940 г. был призван в Красную Армию, в 1942 окончил Сталинградскую военно-авиационную школу пилотов и был направлен в 247 авиационно-истребительный полк. Участвовал в боях на Крымском, Северо-Кавказском, Закавказском, Степном, 1-ом и 2-ом Украинских фронтах. Сначала был пилотом, затем командиром звена, заместителем командира эскадрильи. Награжден тремя орденами: Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и семью медалями. После тяжелого ранения в 1944 г. был уволен в запас. Возвратился на завод и работал модельщиком в цехе № 16. Указом Президента Верховного Совета СССР за проявленное мужество и доблесть в боях с немецкими захватчиками 15 апреля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не все воины вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Пали смертью храбрых: А.С. Артемьев – обрубщик стального цеха, Ю.В. Большаков – токарь механического цеха, П.Д. Генералов – фрезеровщик инструментального цеха, И.В. Говорин – начальник УКСа, К.П. Гринько – механик стального цеха, М.А. Ермолаев – слесарь цеха металлоконструкций, А.А. Иванов – конструктор заводоуправления, Г.И. Колик – конструктор ОГК, А.С. Лукин – слесарь механосборочного цеха № 5, П.П. Машкуров – обермастер прокатного цеха, В.И. Шадрин – шофер, М.И. Шаргородский – котельщик цеха металлоконструкций и многие другие. Всего же в списках погибших выявлено 133 человек.

В послевоенные годы партийная, профсоюзная, комсомольская организации завода проводили походы работников завода по местам боевой славы в Великой Отечественной войне, проводили встречи с участниками боевых действий.

В результате 2 июня 1964 г. на общем собрании коллектива завода было принято решение создать музей истории завода. Шестого марта 1965 г. в торжественной обстановки был открыт музей истории завода, открытие музея было предоставлено старейшему работнику завода К.И. Насакину.

На особых стендах размещены списки 465 человек, награжденных орденами и медалями Советского Союза, 3776 работников завода награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Подобраны материалы о Героях Советского Союза фронтовиках: Г.В. Баламуткине (бывший шофер), В.И. Давыдове (бывший токарь, цех № 5), А.Ф. Шаманском (модельщик, цех № 16). Большая заслуга в организации музея принадлежит его первому директору Х.Н. Геллер.

На парткоме завода было принято решение к 25- летию Победы в ВОВ организовать на территории завода мемориал погибшим заводчанам. 8 мая 1970 г. мемориал, выполненный по проекту художника Б.П. Горлач был открыт. Памятные доски Героям Советского Союза были установлены на здании транспортного цеха – Г.В. Баламуткину, на здании цеха № 5 – В.И. Давыдову, на здании цеха № 16 – А.Ф.Шаманскому. В день 50 летия Ленинского Комсомола 29 октября 1968 г. на здании цеха №3 была установлена бронзовая плита в память о воинах – комсомольцах завода, погибших в годы Великой Отечественной войны.

К 40-летию Победы было принято решение провести реконструкцию мемориала по проекту художника В.М. Беляева. В связи с изменением государственного строя страны реконструкция мемориала затянулась.

В 2012 г. руководство завода приняло решение разработать новый проект расширенного комплекса мемориала погибшим воинам-заводчанам в Великой Отечественной войне с возможностью посещения его жителями и гостями города Иркутска, т. к. он находится на территории завода. В новом проекте заложено расширение и благоустройство парковой зоны, озеленение, освещение, фонтан, зоны отдыха.

В 2013 г. памятник демонтировали и приступили к строительству нового мемориального комплекса, который будет открыт к 70-летию Победы.

Проект нового комплексного мемориала разработан: Абрамовым Александром Леонидовичем (руководитель проекта), Кирилловым Никитой Николаевичем (главный инженер проекта), Виноградовым Александром Дмитриевичем, скульптором. Куратор проекта председатель совета директоров ОАО ПО ИЗТМ Глухов Михаил Петрович.

В.И. Дорофеев

Поиск ведет «Байкал»

Зародившись в послевоенные годы, как народная инициатива, поисковое движение сейчас приобрело массовый характер. Но поисковые работы так и не позволили до сегодняшнего дня официально обозначить ни одной значительной территории, на которой шли бои и на которой поисковые мероприятия считались бы полностью завершёнными. Приблизительно у половины воинов, не вернувшихся с войны, неизвестна фронтовая судьба, и многие из них числятся до сих пор пропавшими без вести.

Уже 10 лет действует в Приангарье поисковый отряд «Байкал». Командует им Валентина Васильевна Зяблова. Именно благодаря ей, отряду удалось многое сделать.

С 1991 года В.В. Зяблова стала работать в иркутском профтехучилище № 2, прошла все этапы сложного педагогического пути и в 2010 году Валентина Васильевна стала директором этого училища.

Ещё в марте 2001 года Валентина Васильевна Зяблова возглавила поисковый отряд «Байкал». По ее мнению, священным долгом отряда является поиск и захоронение героически павших за Родину бойцов, которым выпала доля быть забытыми на многие годы. Их еще немало покоится в заросших травой воронках, траншеях, заплывших окопах – там, где в неравном, кровопролитном бою оборвалась их жизнь. Сколько семей ничего не знают о своих родных, кроме казенного «без вести пропал...»? Где и как погиб? Где и как похоронен? Поисковики «Байкала» ищут ответы на эти вопросы, восстанавливают историческую справедливость и отдают погибшим солдатам последние почести.

По мнению Валентины Васильевны, война для поисковиков – реальность. Они каждый год уезжают на места ожесточенных боев, где земля пропитана кровью, расспрашивают очевидцев, исследуют местность и копают. Копают при любой погоде и в любых условиях, рискуя подорваться на минах, копают, поднимая страшные находки: останки, оружие, боеприпасы. Они радуются, когда удается вернуть из небытия имя найденного на поле сражения русского солдата.

Выбор мест для полевых работ велик. Эти работы нужно проводить в западных районах страны в местах, бывших театром военных действий. Но поисковики из отряда «Байкал» минувшие последние десять лет работают на территории Смоленской области. Именно здесь в начальный период войны велись ожесточенные бои на подступах к столице.

Смоленщина непосредственно примыкает к Московской области. По ее территории проходят кратчайшие и наиболее удобные пути с запада на восток. С первых месяцев войны и до осени 1943 года территория Смоленской области была занята оккупантами.

Результаты поисковой деятельности являются чрезвычайно важными для родственников воинов, пропавших без вести: они убеждаются в том, что близкий им человек действительно пал в бою, с его имени снята тень подозрений,

что они могут гордиться им. Родные обретают место, куда можно приехать, чтобы поклониться дорогому праху. Люди не теряют надежды и через десятилетия узнать хоть что-нибудь о своих родных и близких, оставшихся навсегда на полях сражений.

В.В. Зяблова говорит, что в многочисленных письмах, которые приходят в адрес отряда «Байкал», содержится единственная просьба – помочь найти место захоронения близкого человека, установить обстоятельства или сам факт гибели, сообщить какие-либо дополнительные сведения. Людям это необходимо, чтобы как-то снять с себя гнет неизвестности о судьбах воинов, пропавших без вести, прежде всего, морально реабилитировать их, ведь в преобладающем большинстве случаев эти военнослужащие героически погибли в боях с немецкими оккупантами или умерли во вражеском плену. Тем не менее, долгие годы на них лежала печать подозрения.

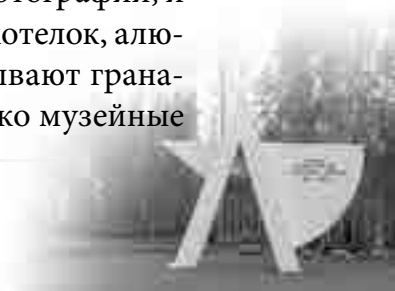
Валентина Васильевна приводит строки письма В.Г. Фиалковского, проживающего в городе Красноярске: «...прошу Вас и поисковый отряд «Байкал» помочь мне собрать информацию, любую, все, что касается моего деда Степана Васильевича Фиалковского. Единственное, что у меня есть – это извещение о том, что он без вести пропал осенью 1941 года в боях на территории Смоленской области...»

По получаемой нами корреспонденции можно проследить множество причин, помешавших семьям разыскать и навестить могилы павших близких людей. Среди таких причин есть примеры, когда родные не получали извещения с фронта, а какие-либо данные в архивах тоже отсутствуют.

Долгих 40 лет пытается найти хоть какую-нибудь информацию о своем отце Софья Ильинична Дорошенко, проживающая в городе Усолье-Сибирское Иркутской области. Родственники отправляли многочисленные запросы в архивы, в военкоматы, но поиск результатов не дал. Часто ответ на такие запросы – просто отписка. Иной раз, имеющиеся о погибшем сведения, бывают не точны или искажены. Для примера можно привести факт из справки, выданной С.И. Дорошенко Нижне-Ингашским РВК. «По книге погибших Ваш отец погиб в январе 1941 г. (война началась в июне 1941 г. – Прим. автора), по книге Памяти – пропал без вести в январе 1942 года».

Однако затраты сил и времени на уточнение всей цепочки сведений окупаются достигнутым результатом. Сейчас поисковики внимательно изучают все документы Ильи Федосовича Дорошенко, сопоставляют факты, пишут новые запросы и не теряют надежды на положительный результат.

В профессиональном училище № 2 города Иркутска, где директором работает В.В. Зяблова, есть музей Боевой и Трудовой славы. Руководит музеем преподаватель Мария Александровна Владимирова. В музее училища оформлена экспозиция по материалам поискового отряда «Байкал». Здесь и фотографии, и найденные во время полевых работ вещи – свидетельства войны: котелок, алюминиевая кружка, каска, саперная лопатка. Особый интерес вызывают гранаты, мины – когда-то бывшие грозным оружием, а ныне – это только музейные

экспонаты. Возле этой витрины всегда много ребят. Они с интересом слушают рассказы участников поисковых работ, обмениваются впечатлениями. Не из книг и фильмов, а из уст ровесников, бойцов поискового отряда, узнают о событиях военного времени. У них невольно появляется чувство гордости не только за тех, кто отдал свои жизни в боях за Родину, но и за наших мальчишек и девчонок, которые возвращают имена павшим героям.

Энергия всенародного поискового движения снимает гнет неизвестности, лежащий на душах миллионов, возвращая добрые имена тем, кто не пощадил собственной жизни ради защиты Родины, ради веры в светлую и разумную жизнь будущих поколений. Вот почему так значимы братские захоронения и мемориальные кладбища, созданные в результате поисковых работ, куда приезжают поклониться дети, внуки и правнуки павших – с сознанием причастности своих близких к той Великой Победе.

Говорит Валентина Васильевна Зяблова: «Поисковый отряд «Байкал» стал семьей, в которой состоят 50 юных, смелых, безответно любящих свой край и свою историю бойцов. Ежегодно, в день рождения отряда, новые поисковики дают клятву: «Клянемся всегда и везде быть в ответе за честь отряда, изучать военное дело, готовиться к защите нашего Отечества. Клянемся быть верными памяти павших героев, отстаивших мир на Земле!»

5 мая губернатор области встретился с бойцами поискового отряда «Байкал». Общаясь с поисковиками, он призвал их расширять деятельность отряда, привлекать к его работе как можно больше новых бойцов.

Н.А. Алфёров, член Союза журналистов России

Мемориалы Иркутска

Память об участниках Великой Отечественной войны жива в сердцах жителей нашего сурового края. Как живым, так и погибшим, благодарные земляки отдают дань уважения в виде увековечивания их имен на памятных досках, скульптурных композициях, в названиях улиц, городов и поселков. Только в Иркутске более сорока улиц, микрорайонов носят имена участников прошедшей войны. Им установлено 84 памятных доски и 29 мемориалов.

Самым важным из них является наш Вечный огонь.

Решение о создании мемориала было принято в преддверии 30-летия Великой Победы. Из многих предложений возобладало решение создать мемориал на берегу Ангары, рядом со Спасской церковью. Теперь, через сорок лет, можно уверенно сказать, что мемориал вписался в архитектурный облик города, стал для горожан священным местом.

Работы возглавил председатель исполкома Иркутска Николай Францевич Салацкий – фронтовик, наделенный неиссякаемым жизнелюбием. Сам мэром всей душой болел за дело и был в центре событий. Тесно сомкнулись вокруг него

единомышленники, с большим энтузиазмом решавшие творческие и производственные задачи.

Авторы первой части мемориала – художник Виталий Георгиевич Смагин, архитектор В. Федорин, Илья Иннокентьевич Кузнецов – профессор, исторически подтвердивший список Героев Советского Союза, погибших на войне.

Производственные дела выпали на долю дорожного ремонтно-строительного треста (управляющий М.И. Хвостов). Хорошо потрудились коллектив треста «Горзеленхоз» (управляющий Н.П. Усольцев). Звезду, установленную на гранитном основании, изготовили на Иркутском авиационном заводе (генеральный директор А.А. Вепрев). Деревья привезли и высаживали под руководством главного дендролога города Н.А. Марковой.

Сама стройка была объявлена ударной и комсомольской. На воскресниках работал весь город. Особенно отличились курсанты училища гражданской авиации, ИВВАИУ, студенты политехнического и медицинского институтов. О ходе строительства постоянно информировала диктор радио Г.И. Осипова. Иркутяне жили ожиданием открытия мемориала.

Огонь и капсулу со священной землей решено было доставить из Москвы, взяв ее у Вечного огня. Эту почетную миссию возложили на фронтовиков – начальника пассажирских перевозок А.П. Троицкого и бригадира-механика поезда А.П. Полякова.

В столице посланников Сибири встретили как дорогих гостей. Для сопровождения был выделен почетный эскорт. 28 апреля 1975 года в Моссовете состоялась церемония подписания акта о передаче городу Иркутску капсулы со священной землей, взятой на 40-м километре Ленинградского шоссе, где было остановлено наступление немцев. Там сражалась 16-я армия генерала К.И. Рокоссовского, в составе которой воевали наши сибиряки. Здесь враг был остановлен, отсюда началось контрнаступление. Факел был зажжен от Вечного огня над могилой Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

8 мая 1975 года состоялось торжественное открытие мемориала. Под звуки государственного гимна упали покрывала с мемориальных стен. Герой Советского Союза Б.А. Пискунов заложил в землю капсулу, которая была накрыта мраморной плитой – «Земля Московская», и в ту же минуту на берегу Ангары запылал Вечный огонь. В отблеске Вечного огня высветились слова: «Подвиг, отдавших жизнь за отчизну – бессмертен». На Пост № 1 заступили курсанты ИВВАИУ. 40 тысяч молодых иркутян, принявших участие в открытии Вечного огня, поклялись в верности Родине. Текст клятвы зачитал секретарь городского комсомола Геннадий Михно.

К 50-летию Победы была создана вторая часть мемориала – «Аллея ветеранов». Ее архитектурное решение осуществил ГИПРОДОРНИИ при участии архитектора В.Ф. Буха.

В апреле 1995 года с площади Труда к Вечному огню был перенесен памятник дважды Герою Советского Союза, генералу армии А.П. Белобородову. Под мрам-

морную плиту была положена земля, взятая у села Синегирь Истринского района Московской области, где похоронен выдающийся военачальник.

На самом берегу Ангары, на гранитной стене, установлена стела со словами, обращенными к потомкам:

Все меньше тех, кто был на войне,
Приходит к огню Победы.
Все ближе день, когда последний солдат
Уйдет вослед остальным.
Но останемся мы навсегда
В ратной памяти нашей России,
В доброй памяти нашей Сибири
И в шелесте этой аллеи
Вы будете слышать наше благословение.
Не забывайте нас.

ПОКЛОНИМСЯ ГЕРОЯМ. ОНИ ЦЕНОЮ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЫСЕКЛИ ЭТОТ НЕМЕРКНУЩИЙ ОГОНЬ.

Н.С. Пономарёва

Подарки фронтовикам

В Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. помимо миллионов убитых защитников Родины, десятки миллионов солдат и офицеров получили ранения, в том числе и увечья. Участь этих безногих, безруких, слепых людей была трагической. Старшее поколение иркутян наверняка помнит, как покалеченные в боях люди, получая мизерную пенсию, вынуждены были заниматься унижительным попрошайничеством, собиранием милостыни в поездах, на улицах, рынках. Своё горе и безысходность топили в вине. Выжить с увечьем могли только люди волевые, сильные духом. Только такие фронтовики могли приспособиться к новым условиям существования, достойно прожить послевоенные годы. Но и их осталось уже немного. Таких фронтовиков председатель Иркутского областного общества инвалидов Константин Михайлович Шумков старается морально поддерживать. Вот уже десять лет он в день Победы вручает ветеранам подарки.

Не был исключением и этот год. Ныне здравствующим покалеченным фронтовикам, таким как А.А. Дыма, которому исполнился 101 год, М.Р. Бриль (89 лет), П.П. Полосков (89 лет), В.И. Мильер (89 лет), Р. Мухамедзянов (88 лет) и относительно самым молодым – Н. Ф. Крятченко и мне, автору данной статьи, исполнилось 86 лет, прямо на дому К. М. Шумков вручил по добротному красивому комплекту постельного белья и пожелал крепкого здоровья и долголетия. Спасибо ему за это! Спасибо всем, кто не забывает нас, ветеранов войны, кто согревает нас своей заботой!

Николай Алфёров, инвалид Великой Отечественной войны

Воинские некрополи наших городов

Иркутск

К 9 мая 1975 года на праздник 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне в центре Иркутска был сооружен мемориал в честь земляков-героев и зажжен Вечный огонь.

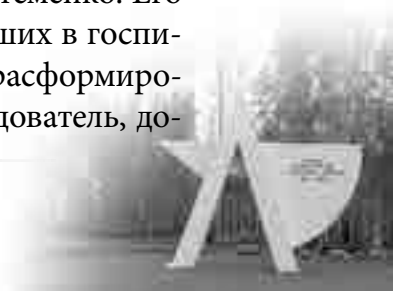
Однако общественность города и ветеранов серьезно беспокоило запущенное состояние воинских захоронений на Амурском кладбище в Лисихе. Наибольшее их количество сосредоточено со стороны трамвайных путей возле Еврейского кладбища.

В 1976 г. подполковник запаса Л. Соколов опубликовал в газете «Советская молодежь» статью, в которой писал, что могильные холмики заросли бурьяном, скромные надгробия и простые оградки, поставленные родственниками, приехавшими издалека, имеются лишь на некоторых могилах. Одновременно он отмечал, что весной 1976 года была частично очищена небольшая площадь воинского захоронения, уложено 70 гранитных плит, на которых высечены только фамилии умерших и указания даты смерти без дат рождения и проставления воинского звания. По данным Соколова, на Амурском кладбище было захоронено 400 солдат и офицеров, память о которых должна быть увековечена достойным образом.

Статья имела настолько серьезный резонанс в городе, что городским Советом депутатов трудящихся 21 марта 1977 года было принято решение, определившее «мероприятия по дальнейшему совершенствованию благоустройства кладбища». Ведущую роль сыграл в этом председатель горисполкома Н.Ф. Салацкий, сам фронтовик, участник Великой Отечественной войны. Исполком отмечал, что благоустройство кладбища ведется с 1974 года, установлены 150 надгробий и металлических ограждений, но работы выполнены не в полном объеме и содержание воинского захоронения далеко от образцового.

В связи с этим исполком решил: управлению капитального строительства выступить заказчиком и к 1 августа 1977 года выполнить все работы, предусмотренные проектом; Горремстройтресту до 1 мая 1977 года завершить строительство арки-обелиска согласно проекта; РСУ зеленого хозяйства произвести все благоустроительные работы к 1 августа, выделить квартиру смотрителю кладбища в доме на улице Станиславского (в непосредственной близости от кладбища), дом смотрителя и надворные постройки снести; военному коменданту города оказать практическую помощь в приведении военного кладбища в надлежащее состояние.

С 23 мая по 4 июня 1977 г. в Ленинград, в Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР Н.Ф. Салацким был командирован подполковник в отставке, работник Кировского райисполкома Иван Андреевич Артёменко. Его целью было составление списка воинов действующей армии, умерших в госпиталях Иркутска, на основе документов, поступивших в музей из расформированных эвакогоспиталей и других организаций. Как выявил исследователь, до-

кументы поступили на хранение не в полном объеме, что не дает исчерпывающих данных.

Несмотря на сжатые сроки, работа была выполнена И.А. Артёменко чрезвычайно кропотливо и оказалась весьма плодотворной. Методично и тщательно были проверены отчеты МЭР-72, журналы регистрации и алфавитные книги поступивших больных и раненых, списки умерших по госпиталям. В результате поиска установлено 28 госпиталей, дислоцированных в Иркутске, составлены списки и алфавитная картотека на 828 умерших, где указаны фамилия, имя и отчество, воинское звание, год рождения, дата смерти, место захоронения (включая участок, ряд и номер могилы, если такие сведения имелись), а также адреса родных.

В докладной записке И.А. Артёменко указывал, что захоронения производились на Маратовском, Свердловском, Ленинском (по районам города. – Прим. ред.), подавляющее число захоронений было произведено на Амурском, Ново-Амурском, Ново-Русиновском, Нагорном, Ново-Нагорном и городских кладбищах (последние шесть представляют Лисихинское кладбище. – Прим. ред.).

Во время составления докладной записки Артёменко имел в своем распоряжении списки горкома ВЛКСМ, где были поименованы 149 умерших с указанием участка, ряда и места погребения на Амурском кладбище. По замечанию подполковника, 76 фамилий совпадают со списком, составленным им на основе ВММ МО, 73 – выявлены вновь. Автору не удалось обнаружить в архивах упомянутого списка, но анализ данных из книг учета захоронений и натуральных исследований памятных плит мемориала Амурского кладбища позволяет сделать вывод о том, что списки ГК ВЛКСМ были составлены путем выписок именно из книг учета захоронений. Надо сказать, что в данные списки были включены не только умершие в эвакуогоспиталях, но и поступившие на захоронение из воинских частей, полевых почт и «почтовых ящиков».

В заключении записки И.А. Артёменко изложил свое мнение и предложения по увековечиванию памяти воинов, умерших от ран в госпиталях: приостановить дальнейшее изготовление надгробных плит; на мемориальных досках стелы поименовать всех умерших от ран; воинское кладбище оборудовать как мемориальное; военнослужащих, умерших в госпитале № 325 и похороненных на Маратовском кладбище, из списка исключить, и обязать начальника госпиталя навести полный порядок. Непонятно, имел ли в виду Артёменко установку памятного знака с перечислением фамилий или же считал «недостойными» увековечения умерших от болезней солдат Забайкальского фронта, находившихся в резерве на случай войны с Японией?

После составления уточненных списков фамилии воинов, чье место захоронения на Амурском кладбище было известно, были высечены на надгробных плитах. На мемориальные доски, размещенные на стеле, были занесены все остальные фамилии. Работы производились Горремстройтрестом и РСУ зеленого хозяйства по проекту и под авторским надзором главного художника Иркутска – В.Г. Смагина.

Перед «выравниванием» площадки мемориала (т. е. сносом могильных холмиков, старых памятников и оград, выкорчевкой заросших деревьев) была произведена переписка всех захоронений, находившихся на этой территории. Поэтому на плиты помимо фамилий, инициалов, воинских званий умерших от ран, были занесены данные о тех, кто не являлся таковым. Эти захоронения «предположительно гражданских лиц» были произведены как в период 1941–1945 гг., так и в 1950–1960-х гг.

В своей книге «О былом как было. Записки председателя горисполкома» Н.Ф. Салацкий указывает, что «останки шестисот воинов, захороненных на различных кладбищах города, были собраны и захоронены в двух братских могилах». Однако факт столь массовой эксгумации спустя 35 лет после захоронения вызывает сомнения. К сожалению, трудно найти свидетелей и исполнителей этих действий. В личной беседе В.Г. Смагин как очевидец заявил, что в его присутствии никаких действий и даже разговоров, связанных с перезахоронением останков с других кладбищ города или других участков Амурского кладбища не совершалось. Это же подтвердил участник Великой Отечественной войны, член Октябрьского районного совета ветеранов, в течение 39 лет курировавший воинские захоронения на Амурском кладбище С.М. Лебедев. Несмотря на тщательные поиски, документального подтверждения факта перезахоронения не обнаружено.

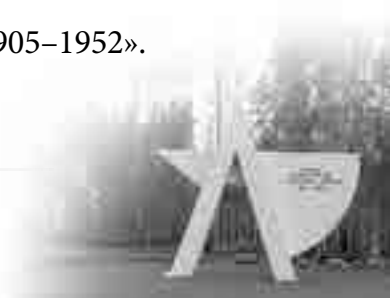
Надгробные плиты из розового мрамора выполнялись партиями. В 1976 году было изготовлено 70 штук, в 1977 – 150, в 1985 – 173, в 1991 – 265. Наконец, в настоящее время – 308 штук. Всего 966. Одна из них установлена Иркутским городским Советом ветеранов в 2005 году по просьбе родных фронтовика, имевших документы о захоронении умершего от ран в одном из иркутских эвакогоспиталей.

Плиты располагаются на территории мемориальной зоны, разделенной центральной и поперечной дорожками на четыре неравных участка, условно названных – северным, западным, южным и восточным. Надписи на плитах разнятся. Где-то зафиксированы фамилия и инициалы, где-то полностью приведены имя и отчество, воинское звание, а где-то годы жизни или только дата смерти. Различен также стиль написания текста. Размеры и конфигурация плит одинаковы – выполнены в виде вытянутой трапеции. На всех выгравирована пятиконечная звезда.

Кроме плит на этой площади располагаются три памятника, из которых два – фиксируют истинное положение захоронений, а третий перенесен при реконструкции. Сведения о них имеются в книгах учета захоронений:

1. Памятник из бетона с табличкой «Здесь покоится прах героя Великой Отечественной войны славного сына грузинского народа, с боями прошедшего от г. Кенигсберга инженера-капитана Ментешашвили Георгия Тимофеевича. Родился 21/X 1910 г., уроженец г. Тентаиси, погибшего 29/X 1945 г.»

2. Памятник из бетона с табличкой «Сокол Моисей Давидович, 1905–1952».

3. Металлический памятник с табличкой «Дзеева Мария Дмитриевна, 1878-1944». Он перенесен с благоустроенной дорожки на зеленую зону при реконструкции 2004 г.

С началом Великой Отечественной войны на Свердловском кладбище (правильнее говорить Глазковском. – Прим. ред.) производились погребения военнослужащих, умерших в иркутских эвакогоспиталях. Захоронения совершались на участках № 2, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15. Исторического плана с указанием нумерации участков не сохранилось, хотя на плане г. Иркутска 1972–1988 гг. имеется частичное деление на кварталы..

6 октября 1941 г. на участке № 9 был похоронен Е.Д. Гава, умерший в военном госпитале, номер которого не указан. Наибольшее количество захоронений приходится на 1942 г. – 63, далее в 1943 – 9, в 1944 – 5 и последнее зафиксировано 29 мая 1945 г. на участке № 15 (Я.П. Курмашев, умерший в эвакогоспитале № 934). С июня по октябрь 1945 г. на этом же участке похоронены четверо военнослужащих из различных воинских частей, в том числе из подразделений НКВД.

На захоронение поступали воины, умершие в эвакогоспиталях № 1216 (2 захоронения), № 1476 (1), № 1834 (1), № 1837 (4), № 1839 (1), № 3906 (6), № 3909 (1), № 3910 (7), № 934 (4), № 971 (1). Из головного военного госпиталя № 325 (п/я 32) захоронено 11 умерших, несмотря на то, что рядом с этим госпиталем находилось Маратовское кладбище. Всего на Свердловском кладбище учтено 92 захоронения, 25 из них было установлено И.А. Артёменко в 1977 году, остальные по книгам учета в 2005–2008 гг., 21 фамилия погребенных здесь запечатлена на стеле Амурского мемориала.

В канун 60-летия Великой Победы одна из иркутских строительных компаний получила у городских властей земельный участок под строительство жилого комплекса в непосредственной близости от границы захоронений. При этом были нарушены санитарные нормы. Усилиями жителей, журналистов и общественности надругательство над местом упокоения было предотвращено. Большое значение в решении этого вопроса имело то, что инициативная группа граждан предоставила список воинов, похороненных на этом кладбище. Этот список подготовил на материалах ГАИО кандидат исторических наук Ю.П. Колмаков.

По предложению Иркутского городского Совета ветеранов на центральной аллее кладбища в ноябре 2008 г. был установлен памятный знак «Защитникам Отечества, умершим в эвакогоспиталях». На памятной стеле, выполненной по проекту архитектора С.Б. Демкова, запечатлено 63 фамилии.

В Знаменском предместье, в 1920 г. переименованном в Маратовское, существовало несколько кладбищ.

Во время Великой Отечественной войны на Маратовском (чаще называемом Радищевским. – Прим. ред.) хоронили воинов, умерших в военном госпитале № 325. Он являлся головным госпиталем Забайкальского военного округа. Сюда на лечение поступали в подавляющем большинстве военнослужащие запасных частей так называемого местного гарнизона – они не были участниками военных

действий. С августа 1945 г., после начала войны с Японией, принимали раненых с Забайкальского и Дальневосточных фронтов.

Всего похоронено 147 военнослужащих, из них – 33 из госпиталя № 325, двое из эвакогоспиталя № 935, остальные из военного госпиталя, номер которого неизвестен.

48 имен в 1977 году выявлено И.А. Артёменко, все они занесены на стелу мемориала Амурского кладбища; 93 – установлено по книгам учета захоронений.

Не представляется возможным отделить участников боевых действий от военных запасных частей. Да и надо ли это делать? Не будет ли по-человечески и христиански назвать все имена и увековечить их в камне или металле, соорудив мемориал при входе на кладбище?

Слюдянка

Поезда везли раненых с фронта в тыл. И на всем протяжении Великого Сибирского пути умирали ослабевшие бойцы. На станциях, где останавливался поезд, вместо больничной палаты везли умерших сразу на погост. Хорошо, если сохранялись документы, и на могиле можно было оставить знак, кто здесь похоронен. А бывало и утрачивались сведения, и оставался безымянный невысокий холмик земли.

На старом кладбище Слюдянки в пади Улунтуй, кроме жителей города, в 1940-х годах были погребены советские воины, умершие в Слюдянских эвакогоспиталях от ран, увечий и болезней.

«Здесь нашли свой покой те, кто недоедал и недосыпал в суровые годы войны, кто в глубоком тылу ковал победу... Старое кладбище для Слюдянки – то же самое, что Пискаревское для Ленинграда», – писал В.П. Силантьев, редактор районной газеты, Почетный гражданин Слюдянского района.

В Слюдянке были развернуты два эвакогоспиталя – № 1944 и № 1945. Они являлись самыми восточными в Иркутской области. Оба были рассчитаны на 200 коек каждый. Первый санитарный поезд с ранеными прибыл на ст. Слюдянка 29 января 1942 года и с этого дня началась тяжелая напряженная работа.

«Ранбольных у нас все время вместо 200 человек 350. Штат не прибавляют, и приходится за всех вести работу...», – так писал в далеком военном году своим родным А.П. Воробьев, техник-интендант 1-го ранга, заместитель начальника госпиталя № 1945.

В результате поисков В.П. Силантьева к 1972 году были обнаружены персональные данные на 24 военнослужащих, умерших в слюдянских госпиталях с января 1942 г. по май 1946 г. К 1988 г. этот список увеличился до 48 фамилий, а в 1989-м включал уже 52 имени. Список был составлен на основе документов из архивов Военно-медицинского музея Министерства обороны, Главного управления кадров МО РФ, Отдела учета персональных потерь сержантов и солдат, документов ЗАГСа г. Слюдянки, местных военкоматов СССР.

Сейчас известна численность умерших в слюдянских госпиталях. В 1942 г. – 17 человек; в 1943 – 2 человека; в 1944 – 4; в 1945 – 6 человек. Всего 62 человека. Это из числа находившихся на излечении в 1942–1946 гг. 3964 бойцов и офицеров.

Об этих тяжелых годах работник Слюдянского военкомата майор В. Бутко писал позднее: «Скончавшихся хоронили в братских могилах. Надо вспомнить, каким трудным было то время. Персонал военного госпиталя – врачи, медицинские сестры, санитары – валились с ног от усталости. Они в первую очередь заботились о живых, о тех, кого еще можно было вырвать из когтей смерти. Скончавшимся не всегда удавалось уделить внимание. Не хватало ни сил, ни времени. Родственникам некоторых погибших не высылались извещения о смерти. Так и считаются эти бойцы канувшими в неизвестность». Он и поднял вопрос об установлении могил и персоналий воинов в газете «Ленинское знамя» 1 июня 1968 года, призвал местных следопытов найти и привести в порядок могилы, выяснить имена похороненных.

Более 30 лет вел неустанные поиски журналист, редактор газеты «Ленинское знамя», в дальнейшем – «Славное море» – Владимир Петрович Силантьев. Тогда он был секретарем комитета комсомола локомотивного депо. К сожалению, скоропостижная смерть прервала жизненный путь журналиста, но сделано им много.

Решительным толчком к созданию мемориала стало обращение в 1984 г. в городской совет ветеранов участника Великой Отечественной войны И.С. Шерстнёва. Находясь на традиционной встрече однополчан-сталинградцев, он познакомился с матерью солдата, умершего от ран в слюдянском госпитале. Старая женщина 40 лет мечтала побывать на могиле сына. Но куда бы она приехала? Фронтовик, зная, что на старом кладбище, на месте братских могил – только безымянный заросший холм, не нашелся с ответом. Вернувшись в Слюдянку, он призвал земляков увековечить память умерших, а для этого отработать дополнительные субботы, перечислив деньги в фонд мемориала, предприятиям предлагалось помочь фонду техникой и материалами.

На собранные средства инициативная группа ветеранов – Л.И. Наумова, Л.Н. Томилова, И.С. Шерстнёв и другие изготовили памятную плиту. На белоснежном мраморе уральского месторождения Коелга гравер Борис Назаров вручную высек: «Советским воинам, защищавшим Родину в 1941–45 гг. и умершим в госпиталях г. Слюдянки, а также воинам, погибшим в ж.д. катастрофе 1945 г. Вечная им слава!»

Возник вопрос о месте сооружения мемориала. Макет, предложенный районным архитектором Б.М. Малых, был представлен в апреле 1989 года для общественного обсуждения в фойе кинотеатра «Байкал». Автор проекта отмечал, что расположение мемориала на кургане позволит более эмоционально раскрыть тему.

Мемориальный комплекс представляет собой сооружение, где в 1942–1946 гг. были произведены воинские захоронения. К входной арке, выполненной в виде звезды, нижние концы которой упираются в холм, ведут два пролета бетонной

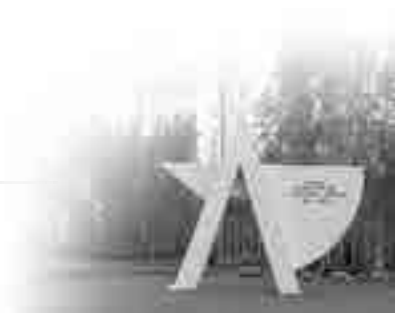

лестницы. Площадка мемориала выложена бетонными плитами. Слюдянцы называют этот комплекс «Звездочкой».

С южной стороны его замыкает бетонная дугообразная стена. В нее вмурована беломраморная плита с эпитафией, слева и справа от нее мраморные плиты с высеченными на них фамилиями похороненных в братских могилах. На момент открытия памятника было занесено только 53 фамилии. Спустя десять лет, в 2000 году, из Российского государственного военного архива было получено письмо, в котором сообщались обстоятельства гибели 5 сентября 1945 года 15-ти пограничников, похороненных рядом, и приводились их персональные данные. Именно благодаря этому письму в 2001 году пополнился список на мемориальных досках.

В Иркутской области ни одна сотня памятных знаков рассказывает об участии сибиряков в Великой Отечественной войне. Но есть среди них такие, которые непосредственно относятся к событиям войны. Это места захоронения военнослужащих, умерших от ран, увечий и болезней.

Н.С. Пономарева

Заключение

Почему в Европе все кладбища устроены по ранжиру? Если это надгробия – они одинаковы. Если памятники, то обязательно одного цвета и типа. Что же требовать? Они этих людей не знали, не видели их живыми, не чувствовали ток их крови, тембр голоса, дрожь их мышц под обнимающей рукой. Они для европейцев миф. И как только сменится формат, забудут об этих погибших. Как останки великого Моцарта, выкинут их останки из могилы в общую яму и забудут, кто здесь лежит.

Не все хорошо и на наших просторах. Умерли родственники тех раненых или умерших после войны. Памятники, увековечившие имена фронтовиков на стенах заводов и колхозов, уничтожает время. А самих заводов и колхозов больше нет.

Пока есть потомки – дети, внуки, правнуки, есть надежда, что не выбросят кости из могилы или не повалят тумбочку со звездой.

Да где эти потомки? В тяжелых, темных годах, сами потерявшие свой образ. Православная церковь еще слаба в душах и умах наших граждан. Поднять их на великое дело сохранения памяти, ох как трудно. И пустеют Пантеоны поселков и городов, угасают Вечные огни, бескультурные пацаны восседают на могильных плитах.

По Вере нашей, Господи, воздаешь нам! Почему к поясу Богородицы или к Дарам волхвов стоят многотысячные очереди, а к таким же святым, спасшим наш народ праведникам, упокоенным на забытых погостах, зарастает народная тропа?!

Чем виноват умерший от ран боец в далеком сибирском городке? И где могилы наших дедов и прадедов, погибших на поле боя? Кто даст ответ? Кто примирит нас с этой тяжелой утратой? Ни партийные секретари, ни подносящие венки к памятным датам губернаторы и мэры, не могут соединить этот разрыв. Простить грехи и дать упокоение может только Спаситель. Дети, школьники хорошо чувствуют справедливость. На них наша надежда. Брошенное в них зерно памяти должно прорасти благодарностью и молитвой.

Нашим читателям

Эта книга является завершением большого и важного труда редакционно-издательского отдела Комитета ветеранов войны и вооруженных сил Иркутской области. В 2001 году президент РФ В.В. Путин издал указ о материальной поддержке в подготовке книжной продукции воспоминаний участников Великой Отечественной войны. За это время были изданы сборники: «Они ковали Победу», «Сибиряки у стен Сталинграда», «Курская битва». Последний сборник «Берлинская операция... И пришла Победа» заканчивает эту хронологическую серию. Одновременно с воспоминаниями участников боевых действий в этот, по настоящему эпический, труд вошли рассказы о тружениках тыла, узниках немецких лагерей, детях войны, тех незаметных героях, без которых страна не выиграла бы войны. Более четырех тысяч судеб и имен приведено на страницах наших книг. Работа была коллегиальной и коллективной. К ней подключились все творческие силы Иркутской области – историки, краеведы, писатели, журналисты. Для создания ярких образов приглашались поэты и художники. Администрация поддерживала важное начинание краеведов.

В Иркутской области воевать с врагом уходили отцы и сыновья, а часто даже сестры и жены. С заявлениями об отправке их на фронт добровольно, обращались семнадцатилетние. Герои книги – гордость сибирского народа – настоящие носители добрых дел: ратных и трудовых.

Из Иркутской области в армию было призвано более 214 тысяч человек. По данным архивов погибло 110 тысяч, умерло от ран в госпиталях во время лечения 21 тысяча человек, вернулись домой 69 960 наших земляков. Из всех районов Иркутской области призывали новобранцев, отсюда поступало на фронт продовольствие и боевое снаряжение, так необходимое для успешных сражений Красной Армии. Для фронта, для победы отдавали все, что могли. Не хватало работников. В 1943 году по области недоставало 80 процентов трактористов. Без мастеров плохо шел ремонт техники, а нужно было сеять хлеб. Еще хуже обстояли дела с руководителями. Не хватало не только бригадиров, председателей колхозов, но и директоров более сложных предприятий. На эти места выдвигались и успешно на них трудились женщины.

Фронт и тыл были едины. Тыл – это обобщающее слово. Это не только экономика страны и быт людей, подчиненных нуждам войны. Это миллионы женщин, стариков, подростков заменивших наиболее трудоспособную часть мужчин, ушедших на фронт. Это не только заводы и пашни, шахты и фермы, это люди, работавшие учителями, врачами, артистами. Организм далекой сибирской провинции не был разрушен, ее жители воспроизводили свой быт, свои привычные отношения, продолжая великую историческую задачу российского народа. Эта книга – живое тому подтверждение.

Идут годы, но подвиг наших земляков не забудь. Сохранить его в памяти новых поколений – вот наша задача.

П.В. Никитин – председатель редакционной коллегии, министр по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области

Оглавление

Предисловие	4
Боевой путь воинов-сибиряков после перелома войны	
(Завершающие военные действия 1944–1945 гг.)	5
Дорога вела к Берлину (О Николае Федоровиче Крятченко) Н.А. Алфёров . . .	7
Позади вся война (О Василии Ефимовиче Соловьёве) Е. Чуднова	11
Судьбы, опалённые войной. Н.А. Алфёров.	22
Кто его хранил? (Об Илларионе Михайловиче Александрове) А. Фатин	25
В боях за город русской славы. В.И. Дорошенко	30
Фронтной врач (О Валентине Яковлевне Головачёвой) Н.А. Алфёров	36
На Ленинградском фронте (Об Е.Л. Голосницком) Э. Мельников	40
Снайпер Михаил Хамаза (О Михаиле Кирилловиче Хамаза) Н.А. Алфёров. .	42
Горная быль и сибирский характер (О В.А. Киселеве) Н.А. Алфёров	44
Черемховский парень (О Дмитрие Семеновиче Ващенко) Н.А. Алфёров. . .	48
Его судьба – разведка (О Николае Семёновиче Мурашёве) А. Чуешова	51
Небо Ивана Выгорко (Об Иване Алексеевиче Выгорко) А. Фатин	55
Путь солдата. Н.Г. Галиаскаров	57
Отчёт сыну (О семье Игнатия Ивановича Белобородова) Ю. Перфильев . . .	61
Память о девушке Зое. П.И. Калаганская	63
Участие сибиряков в освобождении советских республик и стран Европы. .	65
Живая легенда Тунки (О Петре Степановиче Демине) А.П. Цымбалюк. . . .	67
Водитель кузовной мастерской (О Василии Егоровиче Шестакове) Н. Алфёров .	69
Хождение за три моря (О Владимире Моисеевиче Медведеве) Тамара Хебнева .	72
Наравне с мужчинами. Ю. Перфильев	77
Пути-дороги фронтовые (О Николае Прокотьевиче Ходыкине) Н. Балк	80
«Ожиданием своим ты спасла меня...» (О Павле Самсоновиче и Валентине Васильевне Лопаткиных) В. Кайнова.	82
Германский пленник (О Петре Михайловиче Чижове) Н.А. Алфёров	84
Скрипка и автомат – главные инструменты в судьбе иркутянина Владимира Бесеневича (О Владимире Александровиче Бесеневиче) И. Морозов	88
Боевой путь связистки (Об Ольге Евгеньевне Стевиной) М. Замятин	91
Пражский полк не освобождал Прагу. О.Е. Стевина	91
Герой живет рядом с нами (О Семене Иосифовиче Петрусенко) Н.В. Лесковец .	93
Мы брали Вену, Кёнигсберг, Будапешт	95
Завиров из поселка Завирово освобождал Пруссию и Померанию. А. Завиров .	98

Ранение накануне Победы (О Рашиате Фазыловиче Мухамедзянове)	
Н.А. Алфёров	99
Штурмовал Вену и освобождал Югославию. Н.М. Нояренчук	101
Второй орден Отечественной войны и вторая контузия (О Валерии Александровиче Толстикове) П. Волокитин	103
Свадьба была по дороге на Кёнигсберг (О Вениамине Степановиче и Нине Федоровне Храмовых) Н.А. Алфёров	104
Железнодорожный хлеб (Об А.Ерм. Медведеве) Н.А. Алфёров.	108
История войны в нашей семье (Об Илье Георгиевиче Позднякове)	
Т.Г. Стрельникова, З.Г. Тарбаева, П.Г. Поздняков	112
Две войны капитана Воротникова (Об И.П. Воротникове) Н.А. Алфёров. . .	113
Мой отец – Герой Советского Союза (О Семене Ильиче Хейфеце) В.С. Попова. .	117
Ушёл на фронт добровольно. Э.А. Шиманский.	119
Труд в глубоком тылу. Иркутская область в годы войны.	121
Герой своего времени (Об А.И. Утюжникове) Н.А. Алфёров	127
В шахте и в разрезе (Военные будни Черемхово) Сергей Кобысов.	129
В Иркутских госпиталях. А.И. Малозёмова	149
В войну выросли рано (Об Озерковой Татьяне, Мамаевой Зое, Ивановой Стё- не, Овчинниковой Клаве, Балаянн Томаре) А.Н. Черных	155
Железные дороги Мурата Баграева (О М.Г. Баграеве) Н.А. Алфёров	158
Нижеилимский район в 1944–1945 годах. Ю. Перфильев.	161
Иркутский завод тяжелого машиностроения им. Куйбышева. В. Дорофеевко. .	166
Верили и ждали (Воспоминания и раздумья) И. Фетисов.	174
Концерты шли под грохот канонады. Т. Хебнева	178
Учить и учиться, несмотря на войну. (О Татьяне Ивановне Аксаментовой, Ольге Алексеевне Черных, Алексее Афанасьевиче Наумове) А.Н. Черных . .	182
Проводы на фронт из сибирской деревни. Н. Удальцов.	184
Иркутское оборонное общество в годы войны. Д.Г. Калениченко	185
Таким должно быть наше участие в разгроме врага. А. Шантуров, Г. Гайдаров . .	188
Юбилей заслуженной учительницы (Об Е.И. Калошиной) Ю. Перфильев . .	195
Трудовой порыв (О Галине Васильевне Шестаковой) Ю. Перфильев	196
Мы дети тех военных лет (стихи) Л. Лиховидова	198
Письма с фронта	199
Все ждали весточки (Письма жителей Иркутской области 1941–1944 гг.) . .	201
«Здравствуйте, мои дорогие!» (Письма М. Рыбакова 1941–1943 гг.)	205
Вот бы война скорее кончилась, да скорее бы встретиться нам всем!	
(Письма М. Рыбакову из дома 1942–1943 гг.) Н. Гаврилова, С.В. Трофименко . .	231

До свидания. До свидания (От И.П. Белобородова) В.И. Белобородов.	243
21-9-42 (Письмо неизвестного сибиряка)	245
Шли письма с фронта (От Афанасия Никитовича Антипина) Н.А. Алферов. . .	245
Берлинская операция	249
Битва за Берлин (из воспоминаний маршала Г.К. Жукова).	251
Берлин был взят (маршал И.С. Конев «Записки командующего фронтом»). . .	262
Комендант Иркутска был первым комендантом Берлина (О генерале армии Николае Эрастовиче Берзарине) А.Н. Черных	270
Не люблю вспоминать штурм Берлина (О С.С. Бондарь) Н.А. Алфёров	277
Вперед, любой ценой (Об Иннокентии Константиновиче Щепине)	279
Иркутская дивизия. Е.А. Серебряков	280
Пол-Европы на танковой броне (Об Иване Трофимовиче Жилкине)	281
День рождения в День Победы (О Н.В. Калинин) Н.А. Алфёров	282
От Иркутска до Берлина (Об Иване Ивановиче Недельском) Н.А. Алфёров. . .	284
У войны жестокое лицо (О Василии Федоровиче Сазонове) Т. Хебнева.	288
Он брал Рейхстаг (О Василии Моисеевиче Сенько) Б.И. Копилевич	292
Не стареют душой ветераны (О Вере Васильевне Банниковой) Ю. Перфильев . .	294
Побеждает тот, кто не боится смерти (В.Х. Хантаеве) А. Глушков	295
Помощь штурмующим Берлин была и такой (из книги А.П. Белобородова) . . .	298
Автограф на стене Рейхстага. Михаил Григорьевич Замятин	301
Сибиряки на параде Победы.	303
Празднование Победы в Иркутской области. А.Г. Сутормин.	305
Фронтовые дороги Петра Ивановича Фурашова. Ю. Перфильев	307
Участник противовоздушной обороны Москвы и праздничного салюта (О Анатолии Анатольевиче Быстрицком) Н.А. Алфёров	309
Марш героев – это наша гордость. А.Н. Черных	312
На Параде Победы были наши земляки. Ю.Б. Тюпышев, С.В. Трофименко. . .	314
Продолжается поиск участников Парада Победы – жителей Иркутской области (О Сергее Ивановиче Масальском) Г.И. Хвощевский, А.Н. Черных	340
«На Параде были и особые фронтовики...» (О Николае Михайловиче Ананьеве) А.Н. Черных	342
Бросил эсэсовский штандарт на землю (О С.И. Ковалеве) А.Н. Черных	343
В одном строю с маршалом И.С. Коневым (О Николае Иннокентьевиче Черных) А.Н. Черных	345
Память – дело святое. (История ветеранского движения в Иркутской области)347	
Остался в памяти и в истории (О Владимире Михайловиче Безбокове) Б.А. Преловская.	349

Жить за двоих (<i>О братьях Василии и Михаиле Замаратских</i>) Г. Замаратский . . .	350
Сохраним память о врачах госпиталей. Г.М. Гайдаров, А.Г. Шантуров	356
Хранитель Вечного огня (<i>Об Александре Николаевиче Троицком</i>) Н. Алферов . . .	360
С «Катюшей» по фронтовым дорогам (<i>Об А.И. Сальникове</i>) М. Исакова . . .	363
Гори, гори ясно, чтобы не погасло (<i>Об А.П. Полякове</i>) Б.А. Преловская	365
Без них не осталось бы песен (<i>О наших писателях</i>) А.Н. Черных.	367
Фронтовик, учитель, журналист (<i>О Николае Алфёрове</i>) А. Глушков	372
Нам не забыть лихолетье. Б.М. Мартынов	374
Красная строка биографии (<i>О Владимире Людвиговиче Коложвари</i>)	
Б.А. Преловская	378
Поздравим живых и помянем погибших	381
Столетие пехотинца (<i>Об Андрее Арсеньевиче Дыме</i>) Н.А. Алфёров	383
Память сердца. В.И. Дорофеенко	386
Поиск ведет «Байкал» Н.А. Алфёров.	388
Мемориалы Иркутска. Н.С. Пономарёва	390
Подарки фронтовикам. Н.А. Алфёров	392
Воинские некрополи наших городов. Н.С. Пономарева	393
Заключение	400
Нашим читателям	401

Историко-культурный клуб «Русская Сибирь»

Проект предусматривает издание журналов, посвященных биографиям известных людей, чей жизненный путь связан с историей нашего города, и которые оставили значительный след в судьбе Отечества. Зачастую их имена многим известны, но забыто то, что они сделали и даже чем они прославились. Для современной молодежи будет полезно узнать примеры людей, успешно реализовавших себя в сложных условиях и достигших значительных результатов для современников и потомков.

Предполагается напечатать первые номера об Белобородове А.П., Сперанском М.М., Шелихове Г.И., Иннокентии Иркутском, Вампилове А.В., Обручеве В.А., Головине Ф.А., Муравьеве-Амурском Н.Н. и продолжить серию не менее знаменитыми людьми, почетными гражданами г. Иркутска: Сибиряковым А.М., Сукачевым В.П., Банзаровым Д., Лосевым Л.И., Охлопковым Н.П., Головановым А.Е. и другими.

Участники проекта рассчитывают при реализации замыслов продвигать культурные, исторические и социально значимые ценности в современном обществе. Передача исторического и культурного опыта способствует развитию современного общества, сохранению национальных традиций, самоидентификации.

Начать серию мы предлагаем с личности основателя города Якова Ивановича Похабова, вокруг судьбы которого, создано столько мифов, что временами кажется, а существовал ли он на самом деле?!

Пойдем навстречу нашей истории. Откроем её и пойдем самих себя.

664011, г. Иркутск, ул. Чкалова, 37. Т/ф: +7-983-441-61-15, 93-60-66

Секретарь правления – Черных Н.А. +7-914-875-14-80

Председатель клуба – Ермаков А.В.

Пресс-секретарь клуба – Бережных О.В.

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
I СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ
«РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ»**

119019, Москва, Гоголевский бульвар, дом 4
т/ф +7-495-695-28-36; E-mail: OOOVVVS@yandex.ru

**ИРКУТСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВЕТЕРАНОВ
«РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ВЕТЕРАНОВ»**

664011, г. Иркутск, ул. Свердлова, 38.
т/ф: (3952) 24-11-09, д.: 25-16-63, с.: +7-914-920-12-32, +7-904-126-25-25.
E-mail: irkrsv@mail.ru (комитет), swd46@mail.ru (Сидоренко В.Д.)

Иркутское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российского союза ветеранов» ведет работу по сохранению памяти об участниках Великой Отечественной войны, Афганской и Чеченской войн и других военных конфликтов, ветеранов военной службы.

Создан Совет по сохранению памяти воинов. Большая краедческая работа выражается в создании объективного образа Иркутской области для современников и особенно для молодежи. В течение восьми лет изданы четыре сборника воспоминаний иркутян – участников Великой Отечественной войны «Они ковали Победу», 2006 г., «Сибиряки у стен Сталинграда», 2008 г., «Курская Дуга», 2012 г., «Берлинская операция... И пришла победа», 2013 г. – эти книги охватывают весь период войны, в которой участвовали жители нашего сибирского края. В этом благородном труде нам помогали журналисты, режиссёры, писатели и поэты, которыми богата Иркутская область. Сохраним правду и память о тех трудных годах, о людях, принесших Победу.

Приглашаем к сотрудничеству граждан нашей Родины для продолжения поиска и увековечивания памяти наших земляков.

Председатель регионального отделения – Белобородов Владимир Иннокетьевич

Берлинская операция ... И пришла Победа:

Сборник воспоминаний жителей Иркутской области
о трудных годах завершающего периода
Великой Отечественной войны

Корректор: А.Н. Черных
Верстка: И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 11.04.2014 г.
Формат 60x84¹/₈

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,7. Уч.-изд. л. 25,57.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 301.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru